

100

ВЕЛИКИХ ЗАГАДОК XX ВЕКА

Annotation

Книга посвящена ряду загадок отечественной и всемирной истории XX века. Порой, кажется, что это столетие, лишь недавно канувшее в Лету, дает нам поводов для размышлений и материала для исследований больше, чем все прошедшие века и тысячелетия человеческой истории. Две мировые войны, множество локальных военных конфликтов, революции и гражданские войны, заговоры, путчи и перевороты, экономические «чудеса» и тяжелейшие кризисы, выдающиеся достижения культуры и великие научные открытия, взлеты и падения человеческого духа — все это уместилось на относительно небольшом хронологическом отрезке. Читателю предлагаются оригинальные версии, результаты исследований ученых, краеведов, журналистов. Авторы представленных материалов восстанавливают «истинную историю Сакко и Ванцетти», прослеживают судьбы великой княжны Анастасии и Мартина Бормана, анализируют сведения о гибели Колчака и Чапаева, Василия Сталина и Джона Кеннеди, о кладах барона Унгерна и Янтарной комнате, рассказывают об экспедициях, отправлявшихся на поиски таинственных земель Русского Севера, и об авариях НЛО, о катастрофах «Титаника» и «Императрицы Марии».

- [100 ВЕЛИКИХ ЗАГАДОК XX ВЕКА](#)
 - [И СНОВА ЗЕМЛЯ САННИКОВА](#)
 - [ПРОТОКОЛЫ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ: ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?](#)
 - [ЗАГАДОЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ДОКТОРА ФИЛИППОВА](#)
 - [ЕВНО АЗЕФ — ДВОЙНОЙ АГЕНТ ИМПЕРИИ](#)
 - [«ЕРЕМИНСКИЙ ДОКУМЕНТ», ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О СТАЛИНЕ, АГЕНТЕ ОХРАНКИ](#)
 - [ТЕОРИЯ ПОЛОЙ ЗЕМЛИ](#)
 - [МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО](#)
 - [ТАЙНА ТУНГУССКОГО ВЗРЫВА](#)
 - [ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИИ РУСАНОВА](#)
 - [СМЕРТЬ ЛЕЙТЕНАНТА СЕДОВА](#)
 - [ГИБЕЛЬ «ТИТАНИКА»: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ЗАГАДКИ](#)
 - [ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ РУДОЛЬФА ДИЗЕЛЯ](#)
 - [ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА ГЕНЕРАЛА САМСОНОВА](#)

- [ГИБЕЛЬ «ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ»](#)
- [КТО СТРЕЛЯЛ В ЛЕНИНА?](#)
- [КТО УБИЛ КОЛЧАКА?](#)
- [КАК ПОГИБ ЧАПАЕВ](#)
- [ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ САККО И ВАНЦЕТТИ](#)
- [ГОЛОВА ТАИНСТВЕННОГО МОНГОЛА](#)
- [КАК ГПУ ИСКАЛО КЛАДЫ УНГЕРНА](#)
- [ВТОРЖЕНИЕ В АФГАНИСТАН ПРИ... СТАЛИНЕ](#)
- [ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В «АНГЛЕТЕРЕ»?](#)
- [ЗАГАДКИ ЭКСПЕДИЦИИ АМУНДСЕНА—ЭЛСУОРТА—
НОБИЛЕ](#)
- [ТАК КТО ЖЕ «ДЕРЖАЛ СТРЕМЯ» «ТИХОГО ДОНА»?](#)
- [АНАСТАСИЯ](#)
- [ПРОПАВШАЯ СВЯТЫНЯ: ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИКОНЫ
КАЗАНСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ](#)
- [ОГНЕННЫЙ ШАР НАД КАЛУГОЙ](#)
- [КАТАСТРОФА САМОЛЕТА «МАКСИМ ГОРЬКИЙ»](#)
- [СМЕРТЬ МАКСИМА ГОРЬКОГО](#)
- [ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ АМЕЛИИ ЭРХАРТ](#)
- [ТАЙНА АРКТИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ](#)
- [САМОЛЕТ-НЕВИДИМКА](#)
- [КАК КРЕМЛЬ ПЫТАЛСЯ ОБУЗДАТЬ ИВАНА БУНИНА](#)
- [ФАШИСТСКИЕ РЕЙДЕРЫ НА СОВЕТСКОМ СЕВЕРЕ](#)
- [ЛЖЕДМИТРИЙ ХРУЩЕВ](#)
- [ТАЙНА «ЗОЛОТОГО ЧЕМОДАНА»](#)
- [ЗАГАДОЧНЫЙ НОЧНОЙ БОЙ, ИЛИ КТО ПЫТАЛСЯ
ЗАХВАТИТЬ «ВОЛЖСКИЙ КРЕЙСЕР» В ОКТЯБРЕ 1941 ГОДА?](#)
- [С ОРДЕНОМ ЛЕНИНА — В СОЮЗНИКИ ГИТЛERA](#)
- [ГИБЕЛЬ «НОРМАНДИИ» — ДИВЕРСИЯ ИЛИ ХАЛАТНОСТЬ?](#)
- [ТАЙНОЕ ВТОРЖЕНИЕ ГИТЛERA В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ](#)
- [ГОЛГОФА ЯКОВА ДЖУГАШВИЛИ](#)
- [ФИЛАДЕЛЬФИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ПРОЕКТ
«МОНТАУК»: ЗАГОВОР ИЛИ ЛЕГЕНДА?](#)
- [РУЗВЕЛЬТ «ЗАКАЗАЛ» ГЛЕНА МИЛЛЕРА?](#)
- [ДИСКОЛЕТ ИЗ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА](#)
- [ГОРДОСТЬ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ](#)
- [КЛЮЧИК К ТАЙНЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ?](#)
- [ЗОЛОТО С ЗАТОНУВШЕЙ I-52](#)
- [ЯНТАРНЫЙ КАБИНЕТ](#)

- [ЗАГАДОЧНЫЙ РЕЙС № 19](#)
- [ЗОЛОТО НАЦИСТОВ](#)
- [БОРМАН... ЖИЛ И УМЕР В КРЫМУ?](#)
- [ГИТЛЕР: ОДИССЕЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ?](#)
- [РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ БЫЛ НЕ ТОЛЬКО ШВЕДСКИМ ДИПЛОМАТОМ, НО И АМЕРИКАНСКИМ ШПИОНОМ](#)
- [ЛЕДОВЫЕ БАЗЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА](#)
- [ЧТО ТАИТСЯ НА ДНЕ ОЗЕРА ТОПЛИЦ?](#)
- [ТАК КТО ЖЕ ИЗОБРЕЛ МИНОМЕТ?](#)
- [ЛЕГЕНДА О «МЕТРО-2»](#)
- [ОН НАЗЫВАЛ СЕБЯ ЦАРЕВИЧЕМ](#)
- [ТАЙНЫЕ ИГРЫ С ФЕЛЬДМАРШАЛОМ ПАУЛЮСОМ](#)
- [КАК ПОГИБЛА ХОККЕЙНАЯ КОМАНДА ВВС](#)
- [СТАЛИН УМЕР НЕ СВОЕЙ СМЕРТЬЮ?](#)
- [ДЕЛО «КРЕМЛЕВСКИХ ВРАЧЕЙ-УБИЙЦ»](#)
- [КАК БЕРИЯ СОБИРАЛСЯ ПРОДАТЬ ГДР](#)
- [КРАХ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ: РАССКАЗЫВАЮТ «ПОБЕДИТЕЛИ»](#)
- [БЫЛ ЛИ РЕФОРМАТОРОМ «ЛУБЯНСКИЙ МАРШАЛ»?](#)
- [ТАЙНА ЗАКРЫТОГО ДОКЛАДА НА XX СЪЕЗДЕ](#)
- [ИСЧЕЗНОВЕНИЕ «ЧЕЛОВЕКА-ЛЯГУШКИ»](#)
- [ЧАС «Х» ДЛЯ ФЛАГМАНА](#)
- [ЗАГАДОЧНАЯ ТРАГЕДИЯ У БЕРЕГОВ ГРЕНЛАНДИИ](#)
- [ГИБЕЛЬ ОТРЯДА УРАЛЬСКОГО ПОЛИТЕХА](#)
- [ПОБЕГ УБИЙЦЫ БАНДЕРЫ](#)
- [КАК МЕНЯЛИ ПАУЭРСА НА АБЕЛЯ](#)
- [ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МАЙКЛА РОКФЕЛЛЕРА](#)
- [КТО И ЗА ЧТО УБИЛ ВАСИЛИЯ СТАЛИНА?](#)
- [ГИБЕЛЬ АПЛ «ТРЕШЕР»](#)
- [В УБИЙСТВЕ ДЖОНА КЕННЕДИ ВИНОВАТ КОМПЬЮТЕР?](#)
- [УБИТЬ РОБЕРТА КЕННЕДИ НЕ СОСТАВЛЯЛО ТРУДА](#)
- [1967 ГОД: ПЕРВОЕ КОСМИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО](#)
- [РОКОВАЯ ЛЮБОВЬ ЧЕ](#)
- [ТАЙНА ГИБЕЛИ ГАГАРИНА](#)
- [ЗАМОРОЖЕННЫЙ ИЗ МИННЕСОТЫ](#)
- [ДРАМА «АПОЛЛОНА-11»](#)
- [СМЕРТЬ ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»](#)
- [КТО ПОХИТИЛ ЗОЛОТО БАКТРИИ?](#)
- [УБИЙСТВО АНВАРА САДАТА](#)

- [ТРАГЕДИЯ В НЕБЕ НАД САХАЛИНОМ](#)
 - [ТАЙНА ГИБЕЛИ «ЧЕЛЛЕНДЖЕРА»](#)
 - [ГИБЕЛЬ ЛАЙНЕРА «АДМИРАЛ НАХИМОВ»](#)
 - [ЗАГАДОЧНАЯ ГИБЕЛЬ ЗИИ-УЛЬ-ХАКА](#)
 - [1991: АВАРИЯ НЛО В ГОРАХ ТЯНЬ-ШАНЯ?](#)
 - [ТАЙНА ОПЕРАЦИИ «ВЕЗУВИЙ»](#)
 - [«ЛЮДИ В ЧЕРНОМ» — КТО ОНИ?](#)
 - [ПОСЛЕДНИЙ СТАРТ АЙРТОНА СЕННЫ](#)
 - [«ЭСТОНИЯ» БЫЛА ВЗОРВАНА?](#)
 - [«ЗОНА-51»: САМАЯ ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА В МИРЕ](#)
 - [КТО-ТО В ПОЛЕ СТАЛ ХОДИТЬ...](#)
 - [НЕОЖИДАННАЯ РАЗГАДКА ТАЙНЫ «АЛЕШЕНЬКИ»](#)
 - [КТО И ЗАЧЕМ УБИЛ ДЖАННИ ВЕРСАЧЕ?](#)
 - [ГИБЕЛЬ ДИАНЫ БЫЛА ПРЕДСКАЗАНА?](#)
 - [ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД «КУРСКА»](#)
-

100 ВЕЛИКИХ ЗАГАДОК XX ВЕКА

И СНОВА ЗЕМЛЯ САННИКОВА

(К давнему спору о существовании Земли Санникова возвращается геолог В. Иванов, в свое время работавший начальником экспедиции Научно-исследовательского института геологии Арктики на Новосибирских островах)

10 августа 1886 года в жизни Эдуарда Васильевича Толля произошло событие, определившее всю его дальнейшую судьбу. Находясь в устье ручья Могур, на северном берегу острова Котельного, он своими глазами увидел по азимуту 14–18 градусов «ясные контуры четырех столовых гор с прилегающим к ним на востоке низким остроконечием».

Картина, открывшаяся Э.В. Толлю в тот солнечный день, была настолько четкой, что он не только определил расстояние до гор — около 150 верст, или полтора градуса по широте, но и заключил, что горы сложены трапповыми массивами, подобно островам Земли Франца-Иосифа. С этого момента все дни, какие Толлю еще оставалось прожить на свете, были подчинены мечте о достижении увиденного острова...

Но сделаем еще некоторое отступление во времени — в год 1810-й, когда устьянский «промышленник» Яков Санников, будучи участником первой официальной русской экспедиции на Новосибирские острова, возглавляемой коллежским регистратором Матвеем Матвеевичем Геденштромом, увидел с северной оконечности острова Котельного доселе неизвестную землю. «...На северо-запад, в примерном расстоянии 70 верст, видны высокие каменные горы», — записал М.М. Геденштром. Здесь берет завязку феноменальный сюжет: как «земли», на которые никогда не ступала и не ступит нога человека, в течение полутора столетий вызывали к жизни исследования, давшие бесценные результаты...

Большая Советская Энциклопедия утверждает: «Первые сведения о Новосибирских островах сообщил в начале XVIII в. казак Я. Пермяков, в 1712 г. о. Б. Ляховского достиг отряд казаков во главе с М. Ватным». К 1815 году были открыты почти все острова, входящие в состав Новосибирского архипелага, если не считать островов Де-Лонга — группы крошечных скалистых островков, затерянных далеко на севере в просторах Восточно-Сибирского моря. К этому времени было известно одиннадцать островов из... семи, существующих сегодня. Это не опечатка, дальше читатель узнает, почему так случилось.

Экзотические полярные острова вызвали интерес в обществе, однако после экспедиции М.М. Геденштрома стало ясно, что особых богатств, если не считать мамонтовой кости, на Новосибирских островах нет. Да и «вид их еще угрюмее Сибирского берега», сообщал М.М. Геденштром. Почему же тогда архипелаг продолжал притягивать умы? А потому, что на карте Геденштрома к северу от уже обследованных островов были нанесены еще два, никем пока не посещенные, и написано: «Земли, виденные Санниковым». Собственно, Санников видел три «земли» (одну — с острова Котельного и две — с Новой Сибири), но третью Геденштром не нанес на карту, решив, что это «гряда высочайших ледяных громад».

В 1820 году была снаряжена экспедиция под началом лейтенанта флота П.Ф. Анжу, имевшая целью проверить открытия Санникова. 5 апреля 1821 года Анжу вышел в точку на севере Котельного, откуда Санников наблюдал землю. Горизонт был открыт, но на северо-западе ничего, кроме ровного льда, не просматривалось. Два дня, прорубаясь через торосы, отряд двигался в указанном Геденштромом направлении и, осилив около 44 верст, вышел на край припайного льда на границе с Великой Сибирской полынью. Предполагаемой земли не было видно. Анжу взял пробы донного грунта (это оказался «жидкий ил»). Глубина моря составляла около 34 метров, и ничто не указывало на близость суши. Анжу в отличие от Санникова имел хорошие зрительные трубы. Он пришел к выводу, что предшественник видел «туман, похожий на землю».

После этого о Новосибирских островах не вспоминали шестьдесят лет — до тех пор, пока в 1881 году американец Джордж Де-Лонг не открыл к северо-востоку от острова Новая Сибирь небольшой архипелаг, названный его именем. В следующем году ученый секретарь Императорского Русского географического общества А.В. Григорьев опубликовал статью, где высказал мысль, что острова Беннетта и Генриетта, открытые Де-Лонгом, — это «земли», виденные Геденштромом и Санниковым с Новой Сибири. Расстояния (до Генриетты — 260 верст!) не смущали А.В. Григорьева, он ссылаясь на случаи аномально далекой видимости в Арктике, особенно в ясные весенние дни. В такие дни над островами часто держится облачность, которая зрительно приподнимает их над морем, а феноменальная прозрачность воздуха в высоких широтах увеличивает видимость.

«После этого, — писал Григорьев, — не может быть сомнений в действительности существования земли, виденной Санниковым же в 1810 году на NW от северной оконечности Котельного острова». А.В. Григорьев первым употребил в печати словосочетание «Земля Санникова».

В 1885 году Академия наук организовала первую научно-исследовательскую экспедицию на Новосибирские острова. Начальником был назначен А.А. Бунге, в помощники ему был приглашен кандидат геологии барон Эдуард Васильевич Толль. За лето Э.В. Толль обошел берега острова Котельного, обследовал Фаддеевский и Новую Сибирь... Ему удалось выделить главные возрастные комплексы пород, слагающих острова. А на следующий сезон произошло то, с чего мы начали рассказ: ученый увидел остров, который принял за Землю Санникова...

В 1893 году исследователю представилась возможность вновь посетить архипелаг. Академия командировала его исследовать труп мамонта в районе устья Яны. Прибыв на место еще ранней весной, Толль убедился, что останки не слишком интересны, однако решил еще раз осмотреть их после таяния снегов, а пока побывать на Новосибирских островах, благо в задании экспедиции был пункт, дававший свободу действий: «изучение неизвестных частей Сибири».

19 апреля Толль, его помощник лейтенант Евгений Иванович Шилейко и четверо каюров на собаках двинулись к острову Большой Ляховский. Поездка оказалась трудной, тем не менее экспедиция успела обойти Большой Ляховский и Котельный, описать множество обнажений, пополнить астрономические и магнитные наблюдения, устроить «продовольственные депо» для Нансена, который тогда готовился к рейсу на «Фраме».

В последующие годы Э.В. Толль в публичных выступлениях и в академической печати активно пропагандирует идею экспедиции на Землю Санникова. Его убежденность подчиняет себе факты и выстраивает их в свою систему. Анжу не видел Землю? Но ведь промышленники не сомневаются в ее существовании. Ф. Нансен, пройдя 19–20 сентября 1893 года в районе Земли Санникова, ее не обнаружил? Значит, он прошел севернее, а Земля ориентирована в широтном направлении. Густой туман, всегда стоящий над Великой Сибирской полынью, помешал заметить ее. Позже этот мотив продолжал развивать другой энтузиаст Земли Санникова — академик В.А. Обручев. Он ссылался на парадоксальный факт: реально существующий, огромный архипелаг Северная Земля не был замечен ни Норденшельдом с «Веги», ни Нансеном с «Фрама», ни Толлем с «Зари»...

Что влекло Эдуарда Толля на Север? Он искал разгадку тайн недавнего геологического прошлого Арктики: существовал ли материк в районе современных Новосибирских островов? Когда и почему он распался? Почему вымер «мамонтный комплекс» млекопитающих? Толль стремился добраться до первопричины явлений, а это счастье и мука подлинного

исследователя.

Идея экспедиции встретила отклик. В числе ее активных сторонников были академики Д.И. Менделеев, А.П. Карпинский, Ф.Б. Шмидт, адмирал С.О. Макаров. Было принято решение об организации полярной экспедиции. Подготовка велась с размахом, с широким освещением в прессе. Министерство финансов отпустило 150000 рублей золотом, в Норвегии приобрели китобойное судно водоизмещением около 1000 тонн, которое назвали «Зарей». Оно имело машину в 228 индикаторных сил, но могло ходить и под парусами. Э.В. Толль лично подобрал научный состав из молодых многообещающих специалистов и укомплектовал экспедицию лучшим отечественным и зарубежным снаряжением, аппаратурой, продовольствием...

21 июня 1900 года «Заря» торжественно покинула Петербург. Началось плавание, рассчитанное на три года. Нет нужды в деталях описывать это путешествие — сохранился и издан в 1959 году подробнейший дневник Толля.

Более чем через год после выхода из Петербурга, 9 сентября 1901 года, «Заря» достигла района предполагаемой Земли Санникова. «Малые глубины говорят о близости земли, — записывает Толль в дневнике, — но до настоящего времени ее не видно...» Матрос из «вороньего гнезда» разглядел только подковообразный ледяной пояс, а за ним — полосу свободной воды («...у меня закрадываются тяжелые предчувствия... но довольно об этом!»). На следующий день сгустился тяжелый туман, сделал дальнейшие поиски бессмысленными и принесся Толлю неожиданное облегчение: «Теперь совершенно ясно, что можно было десять раз пройти мимо Земли Санникова, не заметив ее».

16 сентября судно встало на зимовку в лагуне Нерпалах, у западного берега острова Котельного. В течение зимы «Заря» работала как стационарная метеорологическая и геофизическая станция. А 5 июня, когда было еще далеко до освобождения «Зари» из ледового плена, Э.В. Толль, астроном Ф.Г. Зееберг и двое местных охотников-промышленников — Василий Горохов и Николай Дьяконов — вышли по маршруту Котельный — Фаддеевский — мыс Высокий на Новой Сибири, а далее — больше ста верст почти прямо на север по льду Восточно-Сибирского моря — на остров Беннетта. Целью похода было изучение природных условий этих островов, но в глубине души Э.В. Толль таил мечту, что с острова Беннетта ему удастся увидеть Землю Санникова, а может быть, и пройти на нее. Планировалось, что летом «Заря» снимет группу с острова Беннетта...

Ледовая обстановка летом 1902 года сложилась крайне тяжелой. После

трех неудачных попыток пробиться к острову Беннетта «Заря» была вынуждена уйти в Тикси. Таков был приказ Э.В. Толля, оставленный командиру судна. «Предел времени, когда Вы можете отказаться от дальнейших стараний снять меня с острова Беннетта, определяется тем моментом, когда на “Заре” израсходован весь запас топлива до 15 тонн угля...»

...Вещественных следов пребывания «Зари» у острова Котельного почти не осталось. В одном месте на косе геологи видели вкопанное вертикально бревно и в створе с ним несколько металлических кольшков — устройство для определения астропунктов. Может быть, колья вбивали люди с «Зари»? Есть также древняя избушка на берегу; в ней не мог не побывать Э.В. Толль, однако реальных свидетельств опять нет. Впрочем, один бесспорный памятник есть: крест на могиле врача экспедиции Г.Э. Вальтера, умершего 3 января 1902 года. Летом 1973 года я был на мысе Вальтера. Крест еще стоял, хотя сильно поржавел...

В последующие годы Землю Санникова искали моряки и полярные летчики. Над ее загадкой ломали голову ученые множества специальностей. После многочисленных советских высокоширотных экспедиций и походов на карте Арктики не осталось необследованных мест, куда можно было бы спрятать Землю Санникова. Так что же видели Я. Санников и Э.В. Толль — скопление торосов? Ледяной остров, айсберг, как думал известный полярник В.Ф. Бурханов? Мираж? Туман над полынью, как считал знаток Арктики профессор А.Ф. Лактионов?

В 1948 году сотрудник Арктического института В.Н. Степанов высказал мысль, что Земля Санникова существовала и лишь в самом недавнем прошлом исчезла, растаяв, так как была сложена ископаемым льдом. Эта идея кажется настолько очевидной, что поразительно, как она не пришла в голову Э.В. Толлю. Тем более что в истоках идеи, по существу, лежат геологические представления Толля: его учение об ископаемых льдах и его концепция «мамонтового материка».

Попробуем заглянуть на несколько десятков тысяч лет назад, в плейстоцен. Уровень Северного Ледовитого океана был тогда на 100 метров ниже, чем сейчас. Для такой низменной страны, как север Восточной Сибири, это имело огромное значение: практически весь шельф морей Лаптевых и Восточно-Сибирского был сушей, бескрайней равниной. Через равнину протягивались долины Анабара, Лены, Индигирки, Колымы. Сейчас эти низовья затоплены и для наблюдения доступен только фрагмент древней долины Пра-Яны — песчаная пустыня Земли Бунге, «полярная Сахара». В южном направлении равнина захватывала площадь

сегодняшних Яно-Индибирской и Приморской низменностей. Длительное время на всем этом едином пространстве накапливалась толща озерно-проточных отложений. Верхняя часть толщи включает в себе уникальный геологический объект — слои ископаемого льда мощностью в десятки метров. Горизонт развит на материке по всей низменности и занимает огромные пространства на островах Новой Сибири, Фаддеевском, Малом и Большом Ляховских. Как образовался каменный лед? Более полувека образцом научного изящества считалась теория Э.В. Толля, согласно которой ископаемые льды Новосибирских островов суть погребенные древние снежно-ледяные поля, вроде глетчеров Гренландии. Однако в цепи доказательств не было одного, возможно, самого главного звена — нигде на севере Восточной Сибири не было найдено обязательных следов покровного оледенения: морен, «бараньих лбов» и т.п. Сам Толль ощущал эту слабость и пытался увидеть ледниковые образования в других, внешне похожих геологических объектах. Сейчас происхождение льдов объясняют иначе, но сохранили силу мысли Толля о том, что образование льдов происходило в интервал времени, отвечающий максимальному оледенению Сибири, и что толща льда послужила своего рода фундаментом громадной равнины — «мамонтового материка».

Ледниковые эпохи в Сибири не сопровождались широким покровным оледенением, как это было в Европе, но глубокое похолодание поставило перед органическим миром альтернативу — приспособиться к холоду или погибнуть. Это был колоссальный рубеж. Вымерли теплолюбивые звери третичного периода. Древний человек научился жить в пещерах, пользоваться огнем и одеваться в шкуры. На севере Восточной Сибири прочно обосновались не боящиеся холода и неприхотливые к пище млекопитающие «мамонтового комплекса». «Там они бродили, — пишет Толль, — по обширному свободному пространству, которое, соединяясь с нынешним материком, достигало, быть может, через полюс американского архипелага и, несмотря на глетчеры, не было бедно пастбищами».

«Мамонтовый материк» начал распадаться, когда закончилось последнее оледенение и стал повышаться уровень моря. Где здесь причина и где следствие?

Знакомо ли читателю понятие «эвстазия»? Это комплекс процессов, обуславливающих периодические колебания уровня Мирового океана. Процессы разные: планетарные, внутримантйные, климатические... Различают, в частности, тектоноэвстазию — вертикальные движения земной коры, обусловленные глубинными причинами, и гляциоэвстазию — процессы, связанные с оледенениями. Понижение уровня океана в эпоху

плейстоценовых оледенений определялось тем, что огромные массы воды были переведены в твердое состояние — в форме покровных или погребенных ледников. Последующее таяние льдов вызвало повышение уровня океана.

Но почему происходили сами оледенения? Потому что прерывалось поступление в Арктический бассейн теплых атлантических вод: вследствие тектонического подъема участка земной коры где-то далеко на западе образовался порог, который воды из Атлантики не могли преодолеть. Потепление плюс колебания уровня моря привели к тому, что от «мамонтового материка» осталось лишь несколько островов. Все остальное... растаяло.

Острова Семеновский и Васильевский лежали в море Лаптевых западнее Столбового. Зимой 1823 года первый из островов имел размеры 14816 на 4630 метров, второй был вытянут на 4 мили, при ширине в четверть мили. Экспедиция на «Вайгаче» в 1912 году зарегистрировала следующие размеры острова Семеновского: длина 4630 и ширина 926 метров. В 1936 году к островам подошло гидрографическое судно «Хронометр», имевшее задание установить на них навигационные знаки. Увы, острова Васильевского уже не существовало, а Семеновский уменьшился вдвое... Остров прекратил свое существование в 1950 году.

Весной 1973 года геологическая экспедиция пробурила несколько мелких скважин со льда пролива Дмитрия Лаптева. Оказалось, что на дне пролива лежат те же плейстоценовые породы, что и на островах, и на прилегающем материковом берегу, но без слоев каменного льда вверху разреза. Этот лед растаял. Зато на глубине, в самих породах, сохранились реликты вечной мерзлоты. Но мерзлота и море несовместимы! Значит, пролив образовался совсем недавно. Действовал тот же механизм, что и при разрушении острова Семеновского, а еще раньше — острова Фигурина, в XIX столетии лежавшего к северу от Фаддеевского, и островов Меркурия и Диомида в проливе Дмитрия Лаптева...

Исчезающие острова ломают представления о геологическом времени. Принято считать, что геологические процессы, кроме землетрясений и извержений вулканов, идут настолько медленно, что их невозможно наблюдать. Однако это, по крайней мере, для тех районов, о которых идет речь, не так. «Лик Земли», как красиво выражались в старину, меняется на наших глазах.

Геофизик В.А. Литинский, занимаясь глубинным строением акватории морей Восточной Сибири, заинтересовался Землей Санникова. Обнаружилось, что, определяя азимут на виденную им землю, Э.В. Толль

не учел вариаций магнитного склонения во времени. Взяв в Институте земного магнетизма и распространения радиоволн все данные по магнитному склонению за прошлое столетие, Литинский рассчитал, что истинный азимут на Землю Санникова составлял не 29–33 градуса на северо-восток, как это было принято считать, а 22–26 градусов. Проложив это направление на карте донных осадков моря Лаптевых, составленной морскими геологами Ю.П. Семеновым и Е.П. Шкатовым, нетрудно было убедиться, что линия прямо попадает на участок развития песчаных грунтов среди поля илов. Пески сформировались в условиях мелководья — сегодняшнего или совсем недавнего (второй такой же участок располагался на месте бывших островов Семеновского и Васильевского.) Наконец, по геофизическим данным, на этом же месте был выделен интенсивный максимум поля силы тяжести, отвечающий блоку древнего фундамента шельфа, перекрытого лишь тонким чехлом молодых морских осадков. Это значит, что блок имел устойчивую тенденцию к воздыманию, которое только в недавнем прошлом сменилось погружением. Участок отличается повышенной тектонической активностью, здесь было зафиксировано несколько землетрясений. Правда, интенсивность их невелика, только высокочувствительные сейсмографы могли уловить толчки...

Все рассказанное свидетельствует о том, что совсем недавно — не в геологическом, а в человеческом смысле этого слова — к северу от островов Анжу еще существовали острова, и путешественники могли видеть их.

Как далеко от Котельного располагалась Земля Санникова? Геденштром оценивал это расстояние в 70 верст. Э.В. Толль впоследствии «отодвинул» ее на 150 верст или даже дальше. Остается загадкой следующее: Э.В. Толль сделал свое наблюдение в 1886 году — всего за полтора десятилетия до плавания «Зари». Могла ли Земля Санникова исчезнуть за такой короткий срок? Остров Семеновский за 14 лет «до смерти» имел размеры всего 2 на 0,5 километра. Выходит, остров, виденный Толлем в 1886 году, был примерно такого же размера и должен был располагаться совсем близко, чтобы быть увиденным? Правда, как мы уже говорили, расстояния и размеры объектов, оцененные в Арктике на глаз, очень обманчивы...

...Спасательная партия пробилась к острову Беннетта только 17 августа следующего, 1903 года. В 17 часов вельбот подошел к берегу у мыса Эммы, и в тот же момент матрос Василий Железников, стоящий с крючком на баке, увидел у уреза воды крышку от алюминиевого котелка, каким пользовался Толль. На берегу лежали ящики с коллекциями, а в

поварне, наполовину заполненной смерзшимся снегом, нашли кое-какие приборы, листы из астрономии Циглера, обрывки платья, кожаную португую для геологического молотка... Под кучей камней лежал обшитый парусиновый ящик, в нем находился документ, адресованный президенту Академии наук. В записке приводились краткие сведения о геологии острова Беннетта, о его современных обитателях, о птицах, пролетавших над островом с севера на юг. «...Вследствие туманов земли, откуда прилетели эти птицы, так же не видно было, как и во время прошлой навигации Земли Санникова...» (И здесь он не забыл о Земле!) «Отправимся сегодня на юг. Провизии имеем на 14–20 дней. Все здоровы. 26.X, 8.XI Э. Толль». Они отправились на юг по живому, подвижному, коварному дрейфующему льду...

Адмирал С.О. Макаров писал: «Все полярные экспедиции... в смысле достижения цели были неудачны, но если мы что-нибудь знаем о Ледовитом океане, то благодаря этим неудачным экспедициям». Толль не нашел Землю Санникова как конкретный географический объект. Но его научные исследования помогли приблизиться к решению этой загадки природы.

ПРОТОКОЛЫ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ: ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

«...Резкой противоположностью арийцу является еврей... Черноволосый еврейский юноша часами поджидает с сатанинской радостью в глазах ничего не подозревающих арийских девушек, которых он опозорит своей кровью и таким образом обкрадет нацию». Сидя в тюрьме Ландсберг, некрасивый, нервический человек диктовал своим соратникам по неудачному путчу длинные, риторичные заповеди, призванные спасти Европу и нацию от гибели. Его откровения записывали оба его сокамерника: уроженец Египта Рудольф Гесс и смуглый, похожий на еврея, француз Эмиль Морис — два образчика «истинной арийской породы».

Автор «Майн кампф» уже на протяжении 20 лет думал о «виновниках наших бед». Свой идейный «капитал» этот борец за чистоту расы почерпнул на страницах книжки, которую выучил наизусть. Она называлась «Протоколы сионских мудрецов». Этот «документ» раскрыл будущему «фюреру германской нации» глаза на потайную механику мира, стал для него настоящим манифестом «коричневой революции». Гитлер добросовестно переписал оттуда планы еврейского заговора, грозившего отдать «малому народцу» весь мир.

Человек, открывший «протоколы», узнает из них, что еврейская элита намеревалась хитростью и коварством извести родовитую знать. Что евреи стремятся заменить старый порядок декадентской демократией. Что они планируют захватить (а может уже захватили?) все золото мира, все банки и средства массовой информации. Что они внедряют в нестойкие умы людей новые отвратительные доктрины — марксизм, дарвинизм и ницшеанство — и разрушают традиционные ценности, которых люди придерживались на протяжении многих столетий. Что капитализм, коммунизм и либерализм — это различные формы планомерного разложения общества евреями. Что евреи, завладев наконец миром, поставят царя из рода Давидова править и владеть всеми народами, и те пребудут у него в подчинении. Что впереди нас ждет? Рах Judaica («Мир по-еврейски»)! В этом прекрасном, мире для арийцев будут открыты лишь гетто...

Эта тонкая книжица стала сводом самых распространенных

предрассудков в отношении евреев — своего рода «антологией антисемитских идей». Позднее они были омыты кровью — и прокляты. Казалось, вместе с начетчиками тех лозунгов и заветов должна была исчезнуть из памяти людской и сама эта книга. Но она жива, ее идеи все так же соблазнительны. В странах арабского мира «Протоколы сионских мудрецов» переиздавались около полусотни раз (особенно эта книга нравилась Герою Советского Союза Гамаль Абдель Насеру). В США только за последние 10 лет (начиная с 1990 г.) вышло более 30 изданий. За чтением этих «Протоколов» благодушно примиряются любые националисты — от поклонников Гитлера до радикалов из «Нации ислама». Их ненависть обращена на общего врага. «Протоколы», словно камертон, настраивают ярость толпы, направляя ее энергию на «правое дело»...

...Шел 1921 год. До написания книги «Моя борьба» узником тюрьмы Ландсберг оставалось три года. Но уже в это время стало ясно, что пресловутые «Протоколы сионских мудрецов» являются не чем иным, как фальшивкой. Корреспондент лондонской газеты «Таймс» в Стамбуле мистер Филипп Грейвс установил, что большая часть пресловутых «Протоколов» представляет собой... плагиат. Он сумел разыскать книгу-первоисточник, о которой все к тому времени уже забыли.

Оказывается, что в 1864 году, когда Францией правил император Наполеон III, из печати вышла брошюра, озаглавленная «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или Политика Макиавелли в XIX веке». За этим пышным названием скрывалась едкая сатира. Ее автор, для отвода глаз превратившись в безвестного стенографиста, записавшего признания двух известных политологов прошлого, отправленных в ад на перековку, высмеял, дав волю гиперболам и фантазиям, политику «нового Наполеона». Его анонимность не стала защитой от полиции. Угодил ли адвокат Морис Жоли (1829–1878) в ад, нам неизвестно (хотя как самоубийца он мог найти туда путь), но все-таки 15 месяцев во французской тюрьме он «за свой пасквиль» получил. Полиция конфисковала большую часть «Диалогов» и уничтожила их...

В течение трех дней, с 16 по 18 августа 1921 года, мистер Грейвс на страницах своей газеты опубликовал серию сенсационных статей, в которых разоблачил «Протоколы» как давнюю фальшивку. Он убедительно доказал, что речь идет о плагиате, причем давняя выдумка трактовалась составителями «Протоколов» как непреложный факт. Они ухитрились втиснуть в свой опус почти 40 процентов текста, украденного у Жоли.

Прицельный выстрел мистера Грейвса, однако, пришелся «в молоко». «Диалог» Жоли так и остался забытой брошюрой, а «Протоколы» вот уже

целый век тревожат умы людей, превращая их отчаяние и смутные протесты в отчетливую, непреходящую ненависть к евреям...

В начале XIX столетия император Наполеон I уравнил евреев в гражданских правах с другим населением Европы. Множество евреев покидает гетто, некоторые из них стремительно богатеют. Наричательным становится имя банкиров Ротшильдов. Они выступили на авансцену истории в самом конце наполеоновских войн. В 1811–1816 годах через их руки проходила почти половина всех субсидий, выделяемых Англией своим континентальным союзникам. Их богатство вызывало зависть, раздражало. Враждебно встречали выскочек и нуворишей и представители высших классов, особенно выходцы из старой, родовой знати, быстро терявшие влияние на политику буржуазных правительств. Евреи же со страниц либеральных изданий настойчиво защищали гражданские свободы, которыми так ловко умели распорядиться. В глазах благонамеренного общества они не могли не казаться опаснейшими смутьянами и революционерами. «Берегите монархов от возмущения черни, а страну — от засилья евреев» — к такому выводу приходили консервативные мыслители, с ужасом наблюдая упадок современных им нравов. Вывод был сделан. Пришло время собирать факты и готовить обвинительное заключение против «духа еврейства, вырвавшегося за стены гетто и опошлившего жизнь и культуру европейских народов».

В 1862 году на страницах мюнхенского журнала «Historisch-politische Blaetter» появилась анонимная статья. В ней говорилось, что евреи якобы группируются за кулисами политической жизни, создавая «псевдомасонские» ложи, чтобы манипулировать оттуда националистическими движениями в итальянских и германских странах. Это было сказано в начале того десятилетия, которое взорвало привычные порядки в Италии и Германии и соединило множество мелких княжеств и земель в единые государства. Кризис, крушение старого... Кто виноват? Евреи.

В 1868 году немецкий журналист Херман Гедше (1815–1878), укрывшись под псевдонимом «сэр Джон Ретклифф», выпустил роман «Биарриц». Он вызвал сенсацию в обществе (его название, кстати, напоминало об известном французском курорте, на котором любил отдыхать ненавистный пруссакам Наполеон III). Одна из глав этого романа, растянувшаяся на 40 страниц, озаглавлена «На еврейском кладбище в Праге». В ней описана тайная ночная сходка, состоявшаяся среди могил и склепов. Двенадцать фигур, облаченных в белые одежды, обступили усыпальницу знаменитого раввина. Это были посланцы от каждого колена

Израилева. Не тревожимые никем, они принялись обсуждать, как покорить своей власти весь христианский мир. Такую сходку эти «тайные властители земли» устраивают раз в сто лет. Народы лишь пешки в их играх: они истребляют христиан, стравливая в братоубийственных войнах, а затем присваивают богатства, собранные другими...

Сэр Ретклифф, он же герр Гедше, тщательно описал стратегию иудеев. Во-первых, многие из них крестятся, стараясь слиться с христианами, чтобы легче было проводить среди них свою политику. Каждый такой выкрест — шпион, каждый страшнее сотни русских казаков. Во-вторых, они стремятся подчинить себе биржи, банки и т.п. Денежные потоки можно сравнить с кровеносными сосудами государства. Евреи прикипают к ним и, словно вампиры, выпивают их без остатка. В-третьих, еврейские банкиры услужливо предоставляют аристократам займы, опутывая их, как пауки, своими сетями, чтобы потом разорить и погубить. В-четвертых, они настойчиво стремятся ослабить силы любой державы, добиваясь отделения церкви от государства. В-пятых, они всюду поддерживают смутьянов, они мечтают о революциях и в каждой принимают деятельное участие. Наконец, в-шестых, они подчиняют себе все газеты, чтобы несведущие люди могли судить о происходящем лишь так, как это угодно иудеям...

Таковы была фантазии Гедше. Нетрудно заметить, что его идеи — с некоторыми поправками — до сих пор служат современным антисемитам. Патроны, отлитые прусским писателем, все так же бьют в цель. Газеты? Еврейская правда! Финансы? Еврейские деньги!

«Биарриц» стал бестселлером. Особой популярностью пользовалась глава о тайной еврейской вечере на пражском погосте. Наконец кто-то осмелился открыто сказать то, о чем так долго шептались и в каморках бедняков, и во дворцах аристократов! Поговаривали, что «сэр Ретклифф» сам из евреев и знает, о чем пишет. Вскоре упомянутую главу стали издавать отдельной брошюрой. Она была переведена на многие европейские языки. Она вошла в «сокровищницу» мировой антисемитской литературы.

В 1886 году парижский публицист Эдуард Дрюмон выпустил книгу «Еврейская Франция». За короткое время было продано 100 тыс. экземпляров. В последующие годы она переиздавалась 200 раз! В конце XIX века во Франции жило всего 100000 евреев (при населении почти в 38 млн. человек), однако Дрюмон был уверен, что и это слишком много. В те годы он издавал антисемитскую газету «Свободное слово». Ее тираж в середине 1890-х годов вырос до 300 тыс. экземпляров. Именно со страниц этой газеты обрушились обвинения в адрес офицера французского

генерального штаба Альфреда Дрейфуса, еврея по национальности.

В 1894 году начался процесс по делу «германского шпиона» Дрейфуса. По сфабрикованному обвинению он был приговорен к пожизненной каторге, но в 1899 году помилован, поскольку в противном случае представители США отказывались ехать на Всемирную парижскую выставку 1900 года. Нужно было выбирать между прибылью и принципиальностью. В 1906 году Дрейфус — кстати, сам по себе неприятный человек: выскочка, хвостун, мот — был реабилитирован.

Возникшие на этой волне «Протоколы сионских мудрецов», как установлено сегодня, были состряпаны выходцами из России. Непосредственно приложил к ним руку Петр Иванович Рачковский (1853–1911). В Петербурге его считали корифеем фальсификаций и блестящим мастером идеологической пропаганды. В 1882 году Рачковский возглавил парижское бюро царской охраны. В те годы во французской столице жила большая колония русских революционеров — эмигрантов «минус первой волны». Рачковский внимательно следил за их деятельностью. Ему помогали его обширные связи. В частности, он был хорошо знаком с начальником парижской полиции и при случае посещал салон его супруги Жюльетт.

К концу XIX века в царской России жило около 5 млн. евреев. Большинство из них было вынуждено ютиться «за чертой оседлости» — в нищих городках и местечках Украины и Белоруссии. Некоторые из евреев богатели, становясь менялами или купцами. Это вызывало обиду и зависть: «Кто намножил нищих?» Евреи? Конечно, не только они, и не в первую очередь они. И все-таки именно евреи — «не наихудшие люди в России» (слова Н.С. Лескова) — стали объектом спровоцированной сверху травли. Этим иноверцев, непопулярных к тому же и в других странах, легко было обвинять во всех бедах. Уже в 1881–1882 годах на юге России вспыхивают первые погромы.

Историки предполагают, что в высоких правительственных сферах было решено поручить искусству г-на Рачковского инспирировать антиеврейскую кампанию. Несомненных выгод от этого могло быть несколько. Вот мотивы, которыми могли руководствоваться люди, приступавшие к фабрикациям «Протоколов».

В Российской империи нарастало революционное движение. Надо было дискредитировать его. Почему бы не представить молодых людей, шедших в революцию, пособниками «международного еврейства»? Это вызовет всеобщую неприязнь к ним.

Евреев, особенно состоятельных, надо принудить к эмиграции из

России. Это даст преимущество их русским конкурентам.

Надо поправить международный престиж России. Погромы — пережиток Средних веков — могут быть оправданы лишь тем, что евреи готовили заговор против правительства и даже «против всех в мире правительств».

Наконец, была удобна и международная ситуация. Францию расколола борьба сторонников и противников Дрейфуса. В то же самое время, в августе 1897 года, в Базеле состоялся Первый сионистский конгресс. В этом «кагале» евреев, собравшихся со всего света, легко было увидеть прообраз тайной сходки колен Израилевых...

6 июня 1891 года П.И. Рачковский сообщал своему начальнику в Петербург, что погромы в России вызывают неодобрительные отклики во французской печати. Поэтому заведующий заграничной агентурой департамента полиции в Париже предложил, развернув искусную кампанию клеветы и дискредитации, пресечь в зародыше всякую симпатию к евреям и обелить любые меры, принимаемые против них.

Власти долго колебались. Работа началась лишь в 1894 году. Основными источниками стали памфлет Мориса Жоли и глава о сходке на пражском кладбище из романа Хермана Гедше «Биарриц». О памфлете Жоли Рачковский, вероятно, узнал в салоне мадам Адам. Стиль изложения и некоторые идеи показались весьма занятными, тем более что и составлен был первый вариант «Протоколов» по-французски. Русская аристократка Екатерина Радзивилл видела их рукопись, читала ее, как признавала много лет спустя, и заметила, как странно и неестественно звучит французский язык, на котором они якобы написаны. В 1897 году текст был готов. «Протоколы» перевели на русский язык.

Наступал решающий момент. Как преподнести их публике, чтобы она не распознала подделку? Малейший промах, и произойдет крупный скандал!

Историки довольно точно проследили судьбу рукописи на ее пути от фабрикантов к читателю. Первым звеном в этой цепочке стала Юлиана Дмитриевна Глинка (1844–1918). Дочь русского посланника в Лиссабоне, фрейлина императрицы, поклонница Блаватской, она любила посещать в Париже салон Жюльетт Адам и, возможно, была сотрудницей Рачковского. Вот она-то и призналась, что при весьма необычных обстоятельствах завладела некоей странной рукописью...

Однажды ей довелось нанести визит знакомому еврею по фамилии Шапиро. Был уже поздний час. Внезапно ей бросилась в глаза рукопись, написанная по-французски. Любопытная дама пролиставала ее и, поняв, что

имеет дело с чем-то в высшей степени секретным, начала немедленно переводить на русский язык. В ту ночь она так и не покинула дом Шапиро, проведя время с пером, чернилами и бумагой. Эта трудолюбивая дама к утру следующего дня сумела перевести весь понравившийся ей трактат, опрометчиво оставленный гостеприимным хозяином. Наконец она покинула дом Шапиро, унося тайком (в ридикюле? корсете? панталонах?) рукопись «Протоколов». Вероятно, эти события разыгрались в самую длинную ночь в году — на подобную мысль наводит объем брошюры (более 80 страниц) — и в руках госпожи Глинки был самый большой ридикюль на свете (умолчим о других версиях).

Вернувшись в Россию, дама поделилась своей добычей с жившим поблизости майором в отставке Алексеем Николаевичем Сухотиным. Она уверяла, что рукопись «добыта из тайных хранилищ главной сионской канцелярии» Сухотин немедленно вручил ее своему соседу по имени — правительственному чиновнику Филиппу Петровичу Степанову. «Он сказал, что одна его знакомая дама (он не назвал мне ее), проживавшая в Париже, нашла их у своего приятеля (кажется, из евреев) и, перед тем как покинуть Париж, тайно от него перевела их и привезла этот перевод, в одном экземпляре, в Россию и передала этот экземпляр», — вспоминал много лет спустя Степанов.

Не подозревавший подвоха чиновник стал первым распространителем этой рукописи. Он озаглавил ее «Порабощение мира евреями» и отпечатал сто экземпляров на гектографе. Чтения этих листков были удостоены видные сановники, министры и даже члены дома Романовых — великий князь Сергей Александрович, дядя императора, и его супруга Елизавета Федоровна, сестра императрицы. Многие из читавших рукопись заподозрили здесь интриги охранного отделения и поспешили держаться подальше от скандального памфлета. Однако великий князь Сергей Александрович и его супруга были убеждены в подлинности приведенных откровений. Дядя ознакомил с «Порабощением мира» своего племянника — императора Николая II — и его жену Александру Федоровну. Поначалу царь был поражен прочитанным: «Какая глубина мысли!» Однако, узнав от своих министров, какого происхождения эта рукопись, он пришел в ужас. В своем дневнике он записал, что решил отказаться от какой-либо поддержки этого сочинения: «Нельзя чистое дело защищать грязными способами».

Экземпляр рукописи попал и в руки Павла Крушевана — редактора-издателя газеты «Знамя», одного из лидеров «черной сотни», организатора погрома в Кишиневе, где было убито 45 евреев. Крушеван сразу посчитал «протоколы мудрецов» подлинным документом и в 1903 году опубликовал

их на страницах своей газеты под названием «Программа завоевания мира евреями». Публикация растянулась с 28 августа по 7 сентября и вызвала большой интерес. Окончательную точку в истории этой фальшивки поставил в 1905 году литератор Сергей Нилус (1861–1929). Богатый помещик Орловской губернии, он долгое время жил в Биаррице со своей любовницей, но внезапно получил пренеприятнейшее известие от своего управляющего: «Я разорен, оказывается!» Новость потрясла его. Вся его жизнь теперь пошла иначе. Он превратился в вечного странника, кочуя из одного монастыря в другой и всюду находя заговоры против Бога. На всех предметах, окружавших его, он отыскивал страшные звезды Давида. А «Протоколы» поразили его до такой степени («Это же документ!»), что он выпустил их приложением к своему роману «Большое в малом и Антихрист как близкая политическая возможность». Эту роскошно изданную книгу Нилус готовился преподнести Николаю II. Его супруга, Елена Александровна Озерова, была фрейлиной царицы. Ей без труда удалось получить разрешение на перепечатку брошюры.

Большая часть читавших это сочинение верила всему, что в нем написано. Протестовали лишь некоторые интеллигенты. Так, резко раскритиковал «Протоколы» Максим Горький.

После октябрьского переворота к власти в России пришли товарищи Ульянов-Бланк, Зиновьев-Радомысльский, Каменев-Розенфельд, Свердлов, Троцкий-Бронштейн. Императрица российская умерла, можно сказать, с «Протоколами» в руках, как и подобало жертве еврейского заговора: в доме Ипатьева, где она провела последние дни, у нее были лишь три книги — Библия, первый том «Войны и мира» и повесть Нилуса с «Протоколами». А наследники русских старинных фамилий, интеллигенты, военные, инженеры бежали на Запад, увозя в своих чемоданчиках и ридикюлях брошюру, в которой задолго до революции было точно предсказано все, что произойдет в стране. Спасенные от русской революции, «Протоколы» начали поистине триумфальное шествие по всем европейским странам. Первым делом они вернулись туда, где и появились на свет, — во Францию. Но особенно благодатную почву «Протоколы» нашли в Германии.

В 1918 году в Германии вспыхнула революция. Возвращаясь домой, немецкие солдаты и офицеры не узнавали свою страну — она катилась в хаос, стала игрушкой в руках фанатичных агитаторов и взбунтовавшихся солдат. Под напором превосходивших ее сил Антанты разоренная войной Германия капитулировала. После такой катастрофы нельзя было не задуматься над тем, кто виноват в происходящем. Но кто виновник всех бед, обрушившихся на страну? Эта мысль много раз билась в воспаленном

мозгу самого знаменитого немецкого маргинала XX века — Адольфа Гитлера. Те же мысли бились в умах многих его сограждан.

Альфред Хугенберг, ярый немецкий националист, один из основателей Пангерманского союза, владелец многих немецких газет и издательств (куда только смотрели евреи?), наладил бурную деятельность по тиражированию «Протоколов сионских мудрецов». В первые послевоенные годы в Германии были проданы сотни тысяч копий «Протоколов». Эта брошюрка стала настольной книгой для строителей Третьего рейха. Строчки из «Протоколов» отзывались сотнями страниц «Mein Kampf».

Большой популярностью «Протоколы» пользовались и в среде победителей. В 1920 году появилась их первая английская версия. Ее распространил московский корреспондент «Морнинг пост» Виктор Марсден. Он пережил в России страшные времена и теперь был убежден, что все худшее в этом мире происходит от евреев. Впрочем, большинство жителей Великобритании — страны, где премьер-министром почти десять лет был Бенджамин Дизраэли, — скептически отнеслись к этой публикации: «Если плодом совещания самых видных евреев всего мира, вобравших в себя всю мудрость, накопленную поколениями их предков, является эта скромная книжица, то впору усомниться в мудрости и уме еврейской расы».

У брошюры нашелся влиятельный почитатель и в США — автомобильный магнат Генри Форд. В 1920 году он опубликовал «Протоколы» на страницах издаваемой им газеты «Dearborn Independent». Вдохновившись ими, Генри Форд даже издал свой собственный опус, посвященный той же теме. «Международное еврейство». В нем он обвинил евреев во всевозможных преступлениях, например в том, что, растлевая души простых американских рабочих, они придумали такие порочные развлечения, как синематограф и джаз. Впрочем, в 1927 году борец с Сионом выбросил белый флаг и взял свои обвинения обратно, поскольку они вредили репутации фирмы. Ему пришлось даже публично извиниться. Форд уверял, что «лишь по своей наивности» поверил в подлинность этих «Протоколов». Весь тираж его собственной книги был погружен на три грузовика, вывезен куда подальше и сожжен. Наивный Форд! Джинн был уже выпущен из бутылки. В Европе его книга пользовалась бешеным успехом, хотя автор, обращаясь в судебные инстанции, требовал немедленного запрета на ее перепечатку. В наши дни «Международное еврейство» Форда перепечатывают столь же исправно, как и выпускают автомобили «форд».

«Протоколы сионских мудрецов» благополучно пережили Вторую

мировую войну и поражение гитлеровской Германии, денацификацию и судебные преследования за профашистские взгляды, хотя на них тоже лежит, пусть и косвенная, вина за холокост. Что же говорят об этом историки? «“Протоколы” во многом виновны в той политике геноцида, которую проводили нацисты», — считает Норман Кон, автор книги «Благословение на геноцид». Другие его коллеги настроены снисходительнее. «“Протоколы” лишь косвенно оправдывали антисемитские акции, но не подстрекали к ним», — оценивает Михаэль Бергер, профессор еврейской истории Мюнхенского университета. «Вся вина “Протоколов” заключается не в том, что они призывали к каким-либо открытым антисемитским выступлениям, а в том, что они сеяли недоверие к евреям, убеждали отказывать им в помощи и сочувствии», — отмечает американский историк Ричард С. Леви.

XX столетие скрылось за горизонтом, а меж тем все новые пачки «Протоколов» появляются на лотках. Их ядовитые откровения все так же принимаются на веру. Их почитатели по-прежнему видят в каждом еврее «таинственную машину» для уничтожения европейских и азиатских народов, приведенную в действие некими «кукловодами» с Сиона, и готовы отстаивать чистоту своей расы с оружием в руках...

ЗАГАДОЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ДОКТОРА ФИЛИППОВА

(Материал Г. Черненко)

Вот уже век, как висит эта загадка в воздухе, и никто не знает, как к ней подступиться. Было ли изобретение на самом деле? Не мистификация ли все это? Будем надеяться, что когда-нибудь упорные историки докопаются до истины. Однако предположения уже есть...

В январе 1894 года в Петербурге начал выходить новый еженедельный журнал «Научное обозрение». Издателем и редактором журнала был «доктор натуральной философии» Михаил Михайлович Филиппов. Его называли последним русским энциклопедистом. И правда, «разбрасывался» он так широко, как, пожалуй, никто из его современников: математик, химик, беллетрист, критик, экономист, философ... И все это в одном лице!

Журнал Филиппова, хотя и являлся научным, выходил с предварительной цензурой. Михаил Михайлович проявлял сочувствие к социалистическим идеям, а потому находился под негласным надзором полиции. Одно время он был даже выслан в Териоки (нынешний Зеленогорск) под Петербургом. Профессор истории Трачевский говорил о своем друге Филиппове: «Судьба была ему мачехой. Он был непреклонным борцом за правду и истину. Его мало понимали... Бился он по вся дни, как рыба об лед, но и не думал слагать оружие».

В «Научном обозрении» сотрудничали замечательные ученые: Д.И. Менделеев, В.М. Бехтерев, П.Ф. Лесгафт, Н.Н. Бекетов. Не раз печатался в журнале Филиппова и К.Э. Циолковский. Именно в «Научном обозрении» была опубликована его знаменитая статья «Исследование мировых пространств реактивными приборами», которая навечно закрепила за Циолковским приоритет в теоретической космонавтике, дала ему право называться основоположником звездоплавания. «Я благодарен Филиппову, — писал ученый, — ибо он один решился издать мою работу».

Статья Циолковского вышла в пятом, майском, номере «Научного обозрения» за 1903 год, а вскоре произошло событие — трагическое и столь таинственное, что тайна эта не раскрыта и поныне.

В то время редакция журнала помещалась в квартире Филиппова на пятом этаже дома № 37 по улице Жуковского (принадлежавшего вдове М.Е.

Салтыкова-Щедрина). В этой же квартире находилась и химическая лаборатория, в которой Михаил Михайлович работал, засиживаясь далеко за полночь, а то и до утра.

«В последние годы своей жизни М.М. Филиппов, — писал его сын, — интенсивно занимался физико-техническими и пиротехническими исследованиями. Он приступил к разработке научной проблемы, решение которой, с его точки зрения, могло принести человечеству неоценимую пользу».

Что это была за научная проблема и какую задачу поставил перед собой ученый, стало ясно из его письма, посланного в редакцию газеты «Санкт-Петербургские ведомости» 11 июня (по старому стилю) 1903 года. Документ этот настолько интересен и важен, что приведем его полностью.

«В ранней юности, — писал Филиппов, — я прочел у Бокля, что изобретение пороха сделало войны менее кровопролитными. С тех пор меня преследовала мысль о возможности такого изобретения, которое сделало бы войны почти невозможными. Как это ни удивительно, но на днях мною сделано открытие, практическая разработка которого фактически упразднит войну.

Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна и на расстояние тысяч километров, так что, сделав взрыв в Петербурге, можно будет передать его действие в Константинополь. Способ изумительно прост и дешев. Но при таком ведении войны на расстояниях, мною указанных, война фактически становится безумием и должна быть упразднена. Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук. Опыты замедляются необычайно опасностью применяемых веществ, частью весьма взрывчатых, как треххлористый азот, частью крайне ядовитых».

Как уже говорилось, письмо было послано в редакцию газеты 11 июня, а на следующий день Филиппов был обнаружен мертвым в своей домашней лаборатории.

Вдова ученого, Любовь Ивановна Филиппова, рассказывала: накануне смерти Михаил Михайлович предупредил родных, что будет работать долго, и просил разбудить его не ранее 12 часов дня. Никакого шума, тем более взрыва, в ту роковую ночь в лаборатории домашние не слышали. Ровно в 12 пошли будить. Дверь в лабораторию оказалась запертой. Постучали и, не услышав ответа, взломали дверь. Филиппов лежал без сюртука на полу, ничком, в лужице крови. Окно, выходящее на улицу Жуковского, было раскрыто. На лабораторном столе — аппараты,

химическая посуда, реактивы. На письменном столе лежала короткая записка. «Опыты над передачею взрыва на расстояние, — бегло записал в ней Михаил Михайлович. — Опыт 12-й. Для этого опыта необходимо добыть безводную синильную кислоту. Требуется поэтому величайшая осторожность, как при опыте со взрывом окиси углерода. Опыт 13-й, взрыв окиси углерода вместе с кислородом. Надо купить элементы Лекланше и Румкорфову спираль. Опыт повторить здесь в большом помещении по отъезде семьи...»

По словам сына ученого, предварительные исследования были произведены в Териоках, в ссылке (в 1901–1902), но особенно активно Михаил Михайлович занялся ими в 1903 году. Более десятка успешных опытов дали основание считать, что поставленная цель, вероятно, достижима. Предстояли два последних, решающих эксперимента. Но внезапная смерть Филиппова остановила все.

Полиция провела следствие, был сделан обыск в лаборатории Филиппова. Но все это делалось как-то наспех и весьма непрофессионально. Даже медицинские эксперты сильно расходились в заключении о причинах смерти Филиппова. А вольнопрактикующий врач Полянский, приглашенный семьей покойного, написал по-латыни в медицинском свидетельстве: «Mors ex causa ignota» («Смерть от неизвестной причины»). Петербургские газеты живо обсуждали трагедию на улице Жуковского. Высказывались самые разные версии: разрыв сердца, кровоизлияние в мозг, отравление ядовитыми веществами во время опытов, наконец, самоубийство. Но твердого ответа никто так и не дал.

Похороны Михаила Михайловича Филиппова состоялись утром 25 июня. Присутствовали лишь его близкие, члены редакции журнала да немногие представители литературного мира. Тело ученого предали земле на Литераторских мостках Волкова кладбища — месте захоронения русских писателей, неподалеку от могил Белинского и Добролюбова.

Между тем толки о таинственном изобретении не прекращались. «Петербургская газета» приводила слова «лица, близко знавшего покойного» (фамилия его не называлась): «Работа, особенно в последнюю неделю, можно сказать, кипела у него, — говорил о Филиппове этот близкий ему человек. — В своем кабинете он проводил целые часы, и, видимо, опыты вполне удавались». Но особенно интересное интервью «Петербургским ведомостям» дал уже упомянутый профессор Трачевский. За три дня до трагической кончины ученого они виделись и беседовали. «Мне как историку, — говорил Трачевский, — М.М. мог сказать о своем замысле лишь в самых общих чертах. Когда я напомнил ему о разнице

между теорией и практикой, он твердо сказал: “Проверено, были опыты, и еще сделаю”. Сущность секрета М.М. изложил мне приблизительно, как в письме в редакцию. И не раз говорил, ударяя рукой по столу: “Это так просто, притом дешево! Удивительно, как до сих пор не додумались”. Помнится, М.М. прибавил, что к этому немного подходили в Америке, но совсем иным и неудачным путем».

Дебаты вокруг загадочного открытия Филиппова постепенно затихли. Прошло десять лет, и в 1913 году в связи с десятилетием со дня гибели ученого газеты снова вернулись к этой теме. При этом припомнились новые важные детали. Например, московская газета «Русское слово» писала, что Филиппов еще в 1900 году выезжал в Ригу, где производил в присутствии некоторых специалистов опыты взрывания на расстоянии. Возвратившись в Петербург, «он рассказывал, что остался чрезвычайно доволен результатами опытов». Эта же газета пыталась разыскать препараты и аппараты Филиппова, изъятые Петербургским охранным отделением при обыске. Увы, все бесследно исчезло.

Особенно много было разговоров о судьбе научной рукописи Филиппова, содержащей, по утверждению одной из газет, «математические выкладки и результаты опытов взрывания на расстоянии». Как сообщила репортерам вдова ученого, на другой день после его гибели эту рукопись забрал известный тогда публицист Финн-Енотаевский, сотрудник «Научного обозрения». Он обещал снять с рукописи копию, а оригинал вернуть через несколько дней.

Прошли, однако, дни и месяцы, а Финн-Енотаевский и не думал возвращать важную рукопись. Когда же вдова Филиппова твердо потребовала возврата, он заявил, что рукописи у него больше нет, что он сжег ее, опасаясь обыска. Разумеется, газетные репортеры бросились к публицисту за интервью. Ответы того звучали противоречиво и неуверенно. Дело было явно нечисто...

Финн-Енотаевский дожил до сталинских времен и в 1931 году был репрессирован. А что если среди его бумаг в каком-нибудь секретном архиве до сих пор лежит рукопись, взятая им в лаборатории на улице Жуковского?

Филиппов никогда не отличался бахвальством. «Борец за истину», он, конечно, писал чистую правду. Но уже в 1903 году, сразу же после трагедии, в газетах появились статьи, подвергавшие сомнению заявление ученого. Особенно старался журналист «Нового времени» Петерсен, подписывавший свои «научные фельетоны» псевдонимом «А-т». В заметке «Мрачная загадка» он призвал Менделеева выступить и, так сказать,

поставить точки над «і».

И Дмитрий Иванович выступил в газете «Санкт-Петербургские ведомости», однако не в поддержку псевдонаучной заметки, а в защиту покойного ученого-изобретателя. «Философски образованный человек, — с укоризной писал великий химик, — никогда себе не позволит подвергать столь резкому осуждению еще не произведенные открытия, тем более что идеи Филиппова (кстати сказать, насколько мне известно, изучавшего химию в Гейдельбергском университете) вполне могут выдержать научную критику».

Ну а каков же современный взгляд на таинственное открытие Филиппова? А. Полищук — автор многих очерков по истории химии — в своем интересном детективе «Дело о гибели Михаила Филиппова» высказал предположение, что петербургский ученый додумался (в начале XX века!) до лучевого оружия, лазера, додумался интуитивно, не зная многих открытий, которые были сделаны физиками лишь десятки лет спустя. И притом — до лазера самого мощного типа, с химической накачкой. Известно, что в таком лазере вещество «накачивается» до нужной концентрации возбуждения при помощи взрыва. «Весьма взрывчатым» веществом Филиппов располагал (он сам указал на него в своем предсмертном письме). Это хлористый азот — страшная жидкость, готовая в любой момент разнести вдребезги все вокруг.

Надо было иметь еще специальные зеркала для сбора порций лучистой энергии, выделяющейся при взрыве. Можно предположить, что Филиппов использовал для этого сосуды с посеребренным вогнутым дном.

Специалисты-лазерщики, к которым Полищук обращался за консультацией, попытку создать лазер 100 лет назад не отрицали. Вот только изготовить сверхточные зеркала со строго рассчитанной кривизной в те времена было бы проблемой. Можно ли было сделать их случайно, в домашних условиях? Это практически невероятная вещь, фантастика. Однако есть лазеры, которые в зеркалах не нуждаются. В них используется эффект сверхлюминесценции, позволяющий лазеру «выстреливать» с одного прохода луча. Конструкция простая — длинная труба. Однако и тут есть сомнения, и немалые...

Быть может, со временем появятся другие гипотезы, более правдоподобные. Быть может, отыщутся новые документы, и тогда загадка будет наконец разгадана.

ЕВНО АЗЕФ — ДВОЙНОЙ АГЕНТ ИМПЕРИИ

(Материал Г. Евграфова)

Ростовские мещане Фишель и Сара Азефы держали всего-навсего убогую лавку, но приложили все силы, чтобы их сын, маленький златокудрый Евно, поступил в гимназию, где учились дети самых состоятельных и уважаемых евреев города. В своих мечтах родители видели сына не нищим лавочником, а процветающим инженером. А самое главное — хотели уберечь единственное чадо от революционной заразы, которая уже стучалась во все двери. Не уберегли... Юноша отдал дань революционным порывам.

Весной 1892 года, когда жандармы начали дознание о распространении в городе прокламаций, призывающих бороться с существующим режимом, Евно Азеф мгновенно исчез из города...

Он объявился в Карлсруэ — студентом местного политехникума. Но для жизни в Германии нужны были деньги. Раздобыть их можно было с помощью авантюры. Почему бы не предложить тем, от кого сбежал, скажем, услуги тайного агента? Полиция предложение молодого человека приняла. В Центральном департаменте не шибко отягощенный знаниями писарь с усердием вывел на лицевой обложке папки: «Дело сотрудника из кастрюли» (т.е. из Карлсруэ).

Вернувшись после получения диплома инженера-электрика в Россию, Азеф начинает вести скучную жизнь рядового служащего электрической компании. Никто не догадывается, что кроме этой ничем не примечательной жизни сей благопристойный господин ведет еще две — нелегальные: служба в тайной полиции, он, благодаря уму, воле и таланту, одновременно начинает играть видную роль в революционном движении. Ему нужны не только деньги, но и власть: только богатство и власть дают ощущение полноценной жизни. И Евно Азеф затевает свою самую крупную игру — с эсерами.

Руководители партии социалистов-революционеров (сокращенно «эс-эр») считали, что к власти они могут прийти только с помощью революции, привести Россию к революции может только террор. Вместе с одним из организаторов партии эсеров, Григорием Гершуни, Азеф разрабатывает

теоретическое обоснование террора. Для его осуществления в недрах партии создается глубоко законспирированная боевая организация. После ареста Гершуни во главе ее становится Азеф. Честолюбие сжигает его: теперь от него зависит, казнить или миловать самых высоких царских чиновников. Постепенно в руках Азефа сосредоточивается огромная власть: он, как на шахматной доске, двигает фигурами жертв и палачей.

Когда-то Людовик XIV, достигнув высшей власти, воскликнул: «Государство — это я!» Возглавив боевую организацию социал-революционеров, став членом ее ЦК, Евно Азеф мог перефразировать короля-солнце и без ложной скромности заявить: «Террор — это я!» Он вступил в опасную, рискованную игру, которая затягивает сильнее, чем вино или женщины: ставкой в ней была сама жизнь. Его жизнь.

Как настоящий игрок он одновременно продолжает ставить на «красное» и «черное». Партия, в которой Азеф занимает видное положение, разворачивает террор. Полиция, чьим тайным агентом он является, должна предотвращать террор. Как глава боевой организации Азеф подготавливает убийства видных царских чиновников. Как тайный агент полиции предупреждает ее о готовящихся злодеяниях.

Азеф организует гибель министра внутренних дел Плеве и предотвращает покушение на Дурново. Он убивает великого князя Сергея Александровича, но спасает от неминуемой смерти московского обер-полицмейстера Трепова. Он разрабатывает план убийства киевского генерал-губернатора Клейгельса и трижды доносит полиции о готовящихся терактах против царя...

Азеф достиг власти и богатства, о которых страстно мечтал в полунищете юности. Ему глубоко наплевать как на революцию, так и на полицию, хотя он смертельно устал постоянно находиться по ту сторону добра и зла. Больше пугало другое — временами он чувствовал, что личность его раздваивается.

Мало кто в жизни может устоять перед тремя искушениями: властью, богатством и женщинами. Любовь к деньгам шла у Азефа из детства, когда родители, дрожа над каждой копеечкой, откладывали ее на учебу сыну. Он начал жить на 50 рублей в месяц — именно во столько начинающий агент оценил свои услуги. Через несколько лет полиция выплачивает своему сверхценному и сверхсекретному «кроту» 14 тысяч целковых в год — больше, чем получал иной царский министр. Но Азефу и этого мало. Став главой боевой организации эсеров, он сосредоточивает в своих руках огромные суммы, предназначенные для проведения террористических актов. Прекрасно понимая, что ходит по краю пропасти и когда-нибудь

может в нее свалиться, часть поступлений он откладывает, часть тратит на шансонеток, певичек и актрисок варьете.

Азеф был своим в мире кулис и кафешантанов, в петербургском «Аквариуме» и московском «Яре». Много не пил — один-два бокала «Клико», но женщины, женщины... Он был плотояден и сладострастен и, расслабляясь, швырялся деньгами — партийными и полицейскими...

В «Аквариуме» Азеф познакомился с певичкой, женщиной столь же пышной, сколь и властной, сумевшей взять под башмак своего покровителя. Он сошелся с ней за год до своего краха. Именно ей суждено будет с помощью возницы проводить Азефа в последний путь на вильмерсдорфское кладбище...

Даже самый везучий игрок рано или поздно проигрывает. Два раза партию предупреждали: Азеф — провокатор. Руководство эсеров не верило. Последнюю точку в деле поставил Бурцев, известный революционер, публицист и издатель журнала «Былое». Когда все улики были собраны и подозрения превратились в твердую уверенность, он открыл ЦК партии эсеров истинное лицо главы ее боевой организации. На третейском суде охотник за провокаторами предоставил неопровержимые доказательства, что действующий в партии агент Раскин и Азеф — одно и то же лицо...

Он бежал из Парижа на рассвете 6 января 1909 года. Через несколько дней партия эсеров официально объявила: Азеф — провокатор! Он прекрасно сознавал, что второй раз уйти от расплаты ему не дадут. Оставался только один выход — умереть. Что он и сделал. Евно Азеф скоропостижно скончался... чтобы тут же воскреснуть в образе благополучного господина Неймайера, питавшего страсть к путешествиям.

Побывав в Италии, Греции, Египте, Азеф поселился со своей певичкой в Берлине. Чтобы не утратить вкуса к жизни, стал похаживать на биржу, а дома со знакомыми немцами гонял чай из настоящего русского самовара и играл в винт по маленькой.

Во время Первой мировой войны Азеф разорился. Когда в 1915 году он выкарабкался из финансовой пропасти, на него обрушился новый удар. Узнав его настоящую фамилию, германская полиция арестовала господина Неймайера как опасного революционера, анархиста и террориста. В тюрьме ему разрешили чтение газет, прогулки, переписку с любимой. Азеф писал ей, что в тюрьме с ним произошел душевный перелом, что все чаще и чаще он обращается к Богу и после молитвы обычно чувствует себя хорошо, страдания укрепляют его душу, потому что только в них обретаешь близость к Богу... В берлинском тюремном каменном мешке великий

инквизитор превратился в заурядного проповедника.

На волю он вышел после подписания Брест-Литовского договора и оказался никому не нужным, кроме своей певички. Время преломилось, на дворе была другая история, жизненное пространство вокруг него медленно сужалось. Неожиданно обострилась незалеченная болезнь почек, и 24 апреля 1918 года, когда в Берлине уже стояла весна, около 4 часов пополудни так много переживший «господин Неймайер» покинул этот бранный мир...

«ЕРЕМИНСКИЙ ДОКУМЕНТ», ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О СТАЛИНЕ, АГЕНТЕ ОХРАНКИ

(Материал Юрия Фельштинского)

19 сентября 1997 года профессор Юрий Хечинов опубликовал в «Известиях» заметку «Сталин был агентом царской охранки», где он сообщает о «найденном» им в Толстовском фонде, в Нью-Йорке, письме заведующего Особым отделом департамента полиции Еремина об агентурной работе Сталина. Однако этот документ был давно известен и за границей, и в России. Впервые он публиковался в журнале «Лайф» в апреле 1956 года. В последующие недели он был широко представлен в эмигрантской печати и вызвал полемику. В России письмо приводилось в «Московской правде» еще в марте 1989 года и с этого времени вошло в историографию под названием «Ереминский документ». Оно неоднократно перепечатывалось в российских газетах и журналах.

После публикации в «Лайф» документ был передан на хранение в Толстовский фонд. В сейф одного из нью-йоркских банков он не был «заложен», как утверждает Хечинов, а помещен по соображениям безопасности — чтобы не украли агенты советской разведки.

Журналист И. Дон Левин, напечатавший письмо, возил фотокопию в Европу, где предъявил ее бывшему генералу охранного отделения Александру Спиридовичу, и тот удостоверил подпись Еремина. А известный американский эксперт Алберт Д. Осборн со своей стороны установил, что письмо написано на бумаге русской довоенной фабрикации, на пишущей машинке того типа, которым пользовались в охранном отделении.

«Новое русское слово» подробно рассказало об истории документа. Ю. Хечинов, судя по его телеинтервью, о ней знал. Знал, что письмо было вывезено из Китая, передано профессору М.П. Головачеву, а в 1947 году — Макарову, Бахметьеву и Сергеевскому — политическим деятелям эмиграции. Знал об экспертизе письма во Франции и Америке. О том, что оно всем давно известно. И тем не менее захотел предстать первооткрывателем документа, обнародованного за границей более сорока лет назад.

А теперь хочется представить читателям другой документ, касающийся провокаторства Сталина, который нигде ранее не публиковался, — посланное из Франции В. Макарову письмо генерала Спиридовича. Оно датировано 13 января 1950 года и хранится в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета.

«Глубокоуважаемый и дорогой Вадим Степанович,

Показанное Вами мне письмо Еремина глубоко взволновало меня. По Вашем уходе я долго не мог придти в себя. Я перебрал многое из своего прошлого и, согласившись высказать Вам свое мнение по поводу этого письма, должен сказать несколько слов об этом своем далеком служебном прошлом, не зная которого Вы не сможете правильно оценить мое мнение. А ведь это-то в данном случае Вас и интересует.

Будучи переведен в 1899 году в Корпус Жандармов, я был назначен в Московское Охранное отделение под начальство знаменитого Зубатова. Благодаря Зубатову и его школе, я сделал блестящую служебную карьеру. 42-х лет я был уже генерал с лентой, был осыпан царскими подарками. Русские революционные партии трижды пытались меня уничтожить и в конце концов вывели из строя, тяжело ранив в Киеве. Еврейский Бунд и Самооборона меня не трогали, т.к. там, где я служил, при мне еврейские погромы не происходили, они были немыслимы...

Всем моим служебным успехам я был обязан главным образом школе Зубатова. Она научила меня любить людей без различия национальности, веры и профессии, научила бороться честно и упорно со всеми врагами государственного порядка, научила выдвигать против их революционного фанатизма фанатизм государственной политической полиции.

В деле этой борьбы едва ли не самую главную роль играла тогда так называемая “агентура”, т.е. привлечение на сторону политической полиции членов различных революционных партий. Оставаясь в рядах своих партий, эти господа должны были секретно информировать политическую полицию о работе своих партий и тем самым должны были помогать расстраивать эту работу.

Мы их называли “секретными сотрудниками”, общество именовало их “провокаторами”. Умением привлекать революционеров на служение правительству и его политической полиции отличался сам Зубатов. В этом была его сила. Этому искусству учил он и нас, подчиненных ему офицеров.

“Помните, — говорил он нам, — секретный сотрудник — это Ваша любимая женщина, с которой Вы в нелегальной связи. Берегите ее, ее тайну, как зеницу ока. Провал сотрудника для Вас — служебный неуспех, для него — позор, часто смерть...”

В начале 1902 года я был командирован из Москвы Зубатовым, по ордеру Департамента полиции, в Тифлис, для постановки агентуры на Кавказе.

Мой приезд и моя работа явились острым ножом для начальника Тифлисского Жандармского управления, генерала, который по праву считал себя хозяином там в деле полицейского розыска. То было на заре социал-демократического движения в России.

Почтенные жандармские генералы не усваивали еще тогда, что такое появившийся марксизм, что такое наша Российская социал-демократическая партия. Департамент полиции был ими недоволен. Я прибыл на Кавказ до сентября 1902 года, выполнил хорошо данное мне поручение и был назначен начальником Таврического Охранного отделения, ввиду поездки Государя в Крым, а в декабре был назначен на видный пост начальника Киевского Охранного отделения. В 1903 году ко мне в Киев был прислан из Петербурга от Зубатова, который в это время был уже Заведующий Особым отделом Департамента полиции, т.е. руководил всем политическим розыском по Империи, поручик Александр Михайлович Еремин.

Его только что перевели в Корпус Жандармов, Зубатов оценил его, нашел пригодным и способным для службы по розыску (собственно Охране) и прислал мне его на “выучку”, дабы Еремин под моим руководством воспринял все принципы политического розыска, так, как его понимал сам Зубатов.

Еремин, уральский казак, окончивший Николаевское Кавалерийское училище, во всех отношениях оказался умным, хорошим офицером, который и воспринял твердо принципы правильной розыскной работы, без “провокаций”, без раздуваний, но упорной и систематической, где одним из главных элементов являлась “агентура” с ее “секретными сотрудниками”.

Еремин любил “агентуру” и, когда понадобился выдающийся офицер для заведования Охранным отделением в г. Николаеве (на Черном море), Еремин был назначен туда по моей аттестации как вполне готовый для политического розыска жандармский офицер.

Когда же летом 1905 года я был серьезно ранен в Киеве и выведен из строя, по моему представлению Еремин был назначен начальником Киевского Охранного отделения.

Через некоторое время Еремину перевели на службу в Особый отдел департамента полиции, а в 1908 г. назначили начальником Тифлисского Губернского Жандармского управления, где требовался выдающийся жандармский офицер ввиду хронически запущенного там розыскного дела.

На Кавказе Еремин работал блестяще, завел отличную агентуру среди социал-демократов и разбил действовавшие там революционные партии, особенно партию “Дашнакцутюн”. Разгром этой последней вооружил против Еремина круги наместника графа Воронцова-Дашкова, и по просьбе наместника Еремин был отозван и взят снова в Особый отдел Департамента полиции.

Зная отлично, что при первом своем назначении в Особый отдел, из Киева, Еремин привез с собой в Петербург кое-кого из своих киевских “секретных сотрудников”, которых по тем или иным причинам он не мог передать своему преемнику, я предполагаю, что и при вторичном переводе своем, в Петербург, Еремин мог взять кого-либо из своих кавказских “сотрудников”.

Далеко не все “секретные сотрудники” переходили от одного жандармского офицера к другому “по наследству”. Многие отказывались работать при смене начальников. Все зависело главным образом от личных взаимных отношений заведующего розыском с “секретным сотрудником”. Отношения Еремина с “секретными сотрудниками” были настолько хороши и человечны, что особенно ценилось при “секретной”, с одной стороны, и “подпольной” работе, с другой, что переезд в Петербург кого-либо из кавказских сотрудников вполне вероятен. И надо думать, что в Петербурге Еремин и передавал своего “сотрудника” начальнику Петербургского Охранного отделения, т.к. в то время сам Особый отдел розыска в столице не вел. Это было всецело дело Охранного отделения.

Прочувствовав и приняв “нутром” все то, что вкратце, со многими умолчаниями, я постарался понятно изложить, — можно понять и правильно оценить письмо Еремина, о котором идет речь.

Оно категорично — Сталин был одно время сотрудником политической полиции и на Кавказе и в Петербурге.

Чьим сотрудником? На Кавказе, безусловно, сотрудником самого Еремина. Только о своем сотруднике мог Еремин написать свое письмо. Только про работу “своего” сотрудника мог Еремин дать такую оценку, которая имеется в письме.

Это оценка человека, который сам принимал от секретного сотрудника “агентурные сведения” и сам оценивал их...

Помня работу Сталина по Кавказу, правильно оценивая его значение, особенно после вступления его в Центральный Комитет партии, Еремин как начальник, понимающий и любящий розыск и агентуру, и указывает на Сталина начальнику Енисейского Охранного отделения, не говоря, конечно, что это его бывший сотрудник.

Но не является ли письмо Еремина подложным, поддельным? Нет. И своими недоговорками и всей своей “конспирацией” оно пропитано тем специальным “розыскным” духом, который чувствуется в нем и заставляет ему верить. Это трудно объяснить. Но я это чувствую, я ему верю.

Думаю, что так чувствует и А.П. Мартынов, если вы показывали ему это письмо.

Этой внутренней правдой письмо и взволновало меня. Я долго не мог успокоиться, прочитав его, когда вы ушли. Это удивительный документ. Где-то в рассказах кавказцев о Сталине было указано, что его подозревали там, в молодости, в выдаче сотоварищей... Где-то это было...

Но ведь у этой публики из десяти человек — девять в свое время были предателями... Удивляться нечему.

Подпись на письме — подпись Еремина. Шрифт машинки — надо полагать, Ремингтон, номер 7, как говорили мы тогда. Эта система в то время была самая обычная в России. Сравнивая шрифт письма со шрифтом различных циркуляров Департамента полиции, что я вручил Вам, нетрудно найти и там шрифт того же Ремингтона.

Но вообще опираться на шрифт и по нему делать какое-либо заключение — дело шаткое. Верить надо содержанию письма, его внутреннему духу. Они категоричны. Сталин предавал своих.

Вот что могу сказать, дорогой Вадим Степанович, но только для Вашего личного сведения, а не для опубликования, пока я и моя жена находимся здесь, в Европе. Там, где Вы, вне досягаемости кремлевских молодцов и под защитой Ваших властей, можно говорить иначе, чем здесь, где большевики свободно делают с нами — белыми, все, что они хотят в лучшем виде. Здесь нас никто не защищает, а когда мы хотим бежать, нам мешают Ваши же власти. А во имя чего? Во имя тех же самых большевиков, во имя тех сплетен, которые они же подсовывают в разные консульства, и им верят.

Хранит один Господь Бог. Пошлет случайно такого человека, как послал нам с женой в Вашем лице, — наше счастье.

Крепко жму Вашу руку, целую ручки Вашей супруге, жена просит передать сердечный привет. Очень жалею, что у Вас не было времени побеседовать спокойно. Есть вопросы даже более интересные, чем письмо Еремина. Но может быть, еще приедете в Париж и тогда поговорим.

Ваш сердечно преданный А. Спиридович».

Тема об агентурном прошлом Сталина не исчерпывается «Ереминским документом». Здесь еще есть о чем писать и что расследовать.

ТЕОРИЯ ПОЛОЙ ЗЕМЛИ

(Материал К. Бутусова)

С давних времен и по сей день время от времени возникают дискуссии вокруг воистину безумной идеи, заключающейся в представлении о том, что Земля... полая! Даже выдающийся геолог Сергей Владимирович Обручев отдал дань этой версии в своей книге «Плутония». Оказывается, у сторонников столь странного взгляда на устройство нашей планеты есть свои аргументы, от которых не так легко отмахнуться!

Выдающийся английский астроном сэр Эдмунд Галлей (именем которого названа знаменитая комета) первым из ученых всерьез отнесся к идее полой Земли. Пытаясь объяснить перемещение магнитных полюсов нашей планеты, он предположил, что внутри ее вращаются несколько шаровидных оболочек, «вставленных» одна в другую. Великий математик Леонард Эйлер тоже придерживался этого взгляда, но признавал существование одной полой оболочки, отделенной большим пространством от ядра. Эта оболочка, по его мнению, имеет отверстия на Северном и Южном полюсах. Как считал ученый, такое устройство Земли обеспечивало бы лучшую устойчивость планеты, чем при наличии нескольких оболочек.

На самом деле, полагает американец Ян Лампрехт, должно быть несколько сравнительно небольших отверстий в районе полюсов, ведущих внутрь Земли. Но что касается Северного полюса, то Арктика считается заполненной Северным Ледовитым океаном, а в океане вроде не может быть никаких «отверстий»! Однако Ян Лампрехт обнаружил целый ряд свидетельств полярных исследователей о наблюдении неизвестных земель в Арктике (среди них — Роберт Пири, Фредерик Кук, Дональд Макмиллан, Руаль Амундсен и сэр Губерт Уилкинс). А Фредерик Кук в 1908 году даже сфотографировал неизвестную землю на горизонте на фоне своих нартов. Снимок сделан в точке с координатами 84 градуса 50 минут северной широты и 95 градусов 36 минут западной долготы, в нескольких сотнях миль от острова Элсмар. Кук полагал, что холмы на горизонте находились на удалении 40 миль к западу от стоянки полярников.

Роберт Пири и Фредерик Кук на удивление быстро совершили свои полярные походы. Они преодолевали по заснеженным ледяным торосам от 20 до 40 миль ежедневно! Согласно записям Роберта Пири, он достиг

Северного полюса и вернулся назад (а это 270 миль!) всего за семь дней! Этот подвиг, разумеется, не может не вызвать изумления. Объяснить его попытался естествоиспытатель из Аризоны доктор Рассел Дэй. По его предположению, путешественники двигались не по сферической поверхности Земли, а по вогнутой и, стало быть, на самом деле преодолели гораздо меньшее расстояние! К тому же их могли подвести магнитные компасы, теряющие свою надежность в высоких широтах. В этом случае полярникам пришлось бы ориентироваться по звездам, и тогда они сразу бы обнаружили, что преодолели значительно большее расстояние (поскольку данные относились бы к сферическому участку Земли, а не к вогнутому!). Доктор Рассел Дэй полагает также, что полярники представляли себе контуры неизвестных земель, иначе они могли бы пересечь кромку гипотетической дыры в районе Северного полюса и провалиться в нее!

Насчет «дыры» есть и более определенные свидетельства. В 1908 году вышла книжка Уиллиса Джорджа Эммерсона со странным названием «Закопченный Бог», в которой рассказывается о загадочном приключении норвежца Олафа Янсена и его отца. Они плыли на север и... провалились в дыру около Северного полюса! Незадачливые путешественники оказались в неведомом мире, где обитала высокоразвитая цивилизация. «Подземные» жители общались между собой бессловесно (телепатически) и перемещались с огромной скоростью в дискообразных летательных аппаратах. Там было и свое Солнце, расположенное в центре Земли.

Отец и сын провели в «подземном» мире два года (!) и вышли из него через дыру около Южного полюса. При выходе старший Янсен погиб, а сын выжил и вернулся в Европу. Своими рассказами о пребывании в неведомом мире Олаф Янсен навлек подозрения о помутнении у него рассудка и оказался в психиатрической больнице, где провел 24 года. Освободившись, он переселился в США, в Калифорнию, и там встретил Уиллиса Джорджа Эмерсона, которому и рассказал подробно о пережитом приключении. Свой рассказ Олаф подкрепил дневниками и картами маршрута невероятного путешествия. Датчанин до самой смерти убеждал окружающих в достоверности происшедшего с ним и его отцом.

И все же наиболее впечатляющее свидетельство существования приполюсной дыры приписывается известному американскому полярнику, исследователю Арктики и Антарктики, адмиралу Ричарду Берду. Согласно его дневниковым записям, Берд с компаньонами в феврале 1947 года пролетал в 1700 милях от Северного полюса и обнаружил там вместо льда и снега обширную землю, покрытую густой зеленой растительностью, с

озерами, реками и горами. В подлесе исследователи заметили даже огромных животных, напоминающих мамонтов. Адмирал и его спутники приземлились и вошли в обширный район, названный ими «Великим неизвестным»...

Другие полярники говорили о наблюдении здесь птиц, насекомых и теплокровных животных, мигрирующих к северу за 80-й градус северной широты. Доктор Рассел Дэй ссылается на свидетельство знаменитого Фритьофа Нансена, который будто бы доказал существование невероятно теплого течения за 85-й параллелью всего в 350 милях от Северного полюса!

Немецкие фашисты тоже были заинтересованы в теории полой Земли, поскольку она дискредитировала «еврейское учение» Альберта Эйнштейна. В 1933 году в Магдебурге они планировали осуществить запуск ракеты, которая должна была по прямой долететь до Австралии. Эксперимент преследовал цель выяснить, не находимся ли мы на внутренней стороне Земли? Опыт не удался, но зато положил начало немецкому ракетостроению. В этом эксперименте участвовал Вернер фон Браун, позже сыгравший важную роль в американских космических исследованиях.

А американский инженер Альфред Лоусон, основавший в конце 1950-х годов «Университет Лоусономии» (по фамилии инженера) в Де-Мойне (штат Айова), исповедовал идею о том, что Земля не только полая, но и живая...

Надо ли говорить, как возмущена была официальная наука «бреднями» о пустотелой Земле! Казалось бы, чего проще: взять и запросить снимки приполярных районов, сделанных с искусственных спутников, дабы подтвердить или опровергнуть идею полой Земли! Именно это и сделал писатель Уильям Л. Брайен. На официальный запрос в НАСА писателю ответили, что снимки приполярных областей со спутников отсутствуют!

Однако один из спутников министерства обороны США в 1967 году ухитрился снять приполярную зону. На этом снимке отчетливо было видно плоское пятно с поперечником 1600 миль. Позже такой же снимок нашелся в фототеке другого спутника. Брайен сравнил их и пришел к выводу, что в этом месте зарегистрирована явная депрессия, которая, возможно, углубляется вниз в виде конуса и, таким образом, являет собой «вход» в подземный мир!

Предположим, что Земля в самом деле полая. Почему бы не быть таковыми и другим планетам Солнечной системы? Этот вопрос пытался прояснить в 1920 году Маршалл Б. Гарднер в своей книге «Путешествие внутрь Земли». Он решил, что Персиваль Ловелл, зарегистрировавший в свое

время вспышки на Марсе, на самом деле видел «лучи внутреннего марсианского Солнца». Полярные шапки на Марсе меняют свои размеры — почему? Очевидно потому, что он внутри полый, считает Гарднер.

Рассуждения о поллой Земле, какими бы невероятными они ни были, открывают большой простор для спекуляций о происхождении пресловутых НЛО. Кажется, что лучшее место для их базирования, чем внутренность нашей планеты, трудно вообразить. К тому же НЛО не раз наблюдались в Арктике...

МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО

(Материал В. Лукницкого)

Легенды о таинственном Хара-Хото, затерянном в песках южной части пустыни Гоби, всегда волновали воображение русских путешественников. В свое время заинтересовался ими и ученик Николая Пржевальского Петр Кузьмич Козлов. Он мечтал разгадать тайны этого мертвого города. В ноябре 1907 года во главе Монголо-Сычуаньской экспедиции он выехал в Монголию. Китайская и монгольская администрации тщательно скрывали от русских местонахождение древних развалин. Однако Козлову удалось заручиться поддержкой местного князя племени торгоут-бэйле, и с помощью проводника по имени Бата 19 марта 1908 года экспедиция наконец подошла к мертвому городу, расположенному в излучине реки Эцзин-Гол.

Перед путешественниками предстала высокая крепостная стена, образующая по периметру квадрат. С западной стороны возвышались два субургана (мавзолея), один из которых был разрушен почти полностью. Стены, кроме западной, до самого верха занесло песком.

Археологи начали раскопки. Уже в первые дни экспедиция обнаружила уникальные вещи: книги, письма, металлические и бумажные деньги, женские украшения, предметы домашней утвари... Все это с величайшими предосторожностями переправили в Петербург, в Географическое общество.

К какой исторической эпохе можно отнести мертвый город? Кто были его обитатели? Эти вопросы не давали покоя всей экспедиции. Вскоре пришел ответ из Петербурга. Коллеги поздравляли Козлова с важным научным открытием. Оказалось, что Хара-Хото был когда-то столицей государства тангутов — народа «си-ся», исповедовавшего буддийскую веру. Козлову разрешили продолжить раскопки, и в мае 1909 года экспедиция возвратилась в Хара-Хото и возобновила работу.

Особое внимание исследователи уделяли субургану, расположенному вне территории крепости. Он находился в четверти версты от крепостной стены. Этот субурган, получивший впоследствии имя «Знаменитый», подарил экспедиции целую библиотеку книг (до 2000 томов), множество свитков, рукописей, образцы буддийской иконописи, исполненной в красках на толстом холсте, на тонких шелковых материях и на бумаге,

попадались очень интересные металлические и деревянные статуэтки, клише. Все находки хорошо сохранились в сухом пустынном климате.

Впоследствии Петр Козлов вспоминал: «Когда мы раскрыли образа, перед нами предстали дивные изображения сидящих фигур, утопающих в нежно-голубом и нежно-розовом сиянии. От буддийских святых веяло чем-то живым, выразительным, цельным. Мы долго не могли оторваться от созерцания их — так непередаваемо хороши они были... Но стоило только поднять одну из сторон того или другого полотна, как большая часть краски тотчас отделялась, а вместе с нею, как легкий призрак, исчезало все обаяние и от прежней красоты оставалось лишь слабое воспоминание...»

На пьедестале «Знаменитого», прямо в центре, был укреплен вертикальный шест, вокруг которого лицом к центру стояло до двух десятков больших, в рост человека, глиняных статуй. Перед ними лежали огромные рукописные листы письма «си-ся», сотнями наложенные один на другой.

Очень интересное тангутское письмо могло остаться одной из тайн, если бы не счастливое стечение обстоятельств: среди множества книг был найден словарь языка «си-ся». Таким образом, книги удалось расшифровать.

В субургане, вероятно, было похоронено духовное лицо, его скелет находился в сидячем положении. Череп, который довольно неплохо сохранился, принадлежал, по всей вероятности, женщине в возрасте пятидесяти лет. Как вспоминал впоследствии Н.К. Рерих, он четко запомнил некоторые вещи из находок Козлова в Хара-Хото в Монголии: «Вспоминается чудесное изображение женской головы. Если такие люди жили в городах пустынь, то как далеки были эти места от дикости».

Коллекция монгольских документов, найденных в Хара-Хото, разнообразна по содержанию — среди них: книга гаданий, предназначенная для определения счастливых и несчастных дней. Она составлена по китайским образцам, в конце ее приведены рецепты для приготовления лекарств от болезней, которыми страдают лошади. Для монгола-скотовода, знающего китайский язык, эти рецепты представляют особый интерес, и поэтому они были записаны в гадальную книжку, находившуюся в постоянном употреблении, о чем свидетельствовала ее сильная изношенность.

Один фрагмент в 14 строк оказался отрывком из поучений Чингисхана. А при раскопках домов внутри города были найдены образцы денег династии Юань, на которых сохранилась надпись: «Подделывателям будут отрублены головы».

В 1923–1926 годах Козлов снова в течение двух месяцев работал в Хара-Хото. Освобождая от песка части построек, его сотрудники обнаружили прекрасные фрески, которыми были украшены все стены. В красках преобладали зеленовато-голубые тона, а рисунок по большей части изображал фантастических птиц, например двухголового попугая. В одной из ниш северной стены исследователям посчастливилось найти целую серию глиняных головок с разными выражениями лиц. Это, по-видимому, в большинстве случаев были обломки статуэток учеников Будды.

Народное предание, которое записал Козлов, повествует о последних днях Хара-Хото следующим образом:

«Последний владетель города Хара-Хото — батырь Хара-цзянь-цзюнь, опираясь на непобедимое войско, намеревался отнять китайский престол у императора, вследствие чего китайское правительство вынуждено было выслать против него значительный отряд. Проиграв ряд сражений, батырь укрылся в последнем его убежище городе Хара-Хото, который и обложили кругом.

Не имея возможности взять город приступом, императорские войска решили лишить осажденных воды, для чего реку Энцин-Гол отвели от города, запрудив прежнее русло мешками с песком. Осажденные начали рыть колодец, но даже на 300 метрах воды не оказалось. Тогда батырь решил дать противнику последнее генеральное сражение, но на случай неудачи заранее использовал выкопанный колодец, скрыв в нем все свои богатства, которых, по преданию, было не менее 80 арб и телег, по 20–30 пудов в каждой — это одного серебра, не считая других ценностей, а потом умертвил двух своих дочерей, а потом сына и дочь, дабы неприятель не надругался над ними. Сделав все это, батырь приказал пробить брешь в северной стене вблизи того места, где скрыл свои богатства. Во главе с войсками он устремился на неприятеля. В этой решительной схватке погибли и Хара-цзянь-цзюнь, и его до того времени считавшееся непобедимым войско. Взятый город императорские войска по обыкновению разорили дотла, но скрытых богатств не нашли. Говорят, что сокровища лежат там до сих пор, несмотря на то что китайцы соседних городов и местные монголы не раз пытались овладеть ими. Неудачи свои в этом предприятии они всецело приписывают заговору, устроенному самим Хара-цзянь-цзюнем. В действительность сильного заговора туземцы верят в особенности после того, как в последний раз искатели клада вместо богатств открыли двух больших змей, ярко блестящих красной и зеленой чешуями.

Правда, говорили торгоуты, среди нас бывали смельчаки, которые

собирались компанией, рыли землю в Хара-Хото и кое-что находили... Попадались бронзово-золотистые статуэтки, слитки серебра. Но вот однажды, порядочно лет тому назад, одна смелая и счастливая старуха нашла там три нитки крупных жемчугов. Вместе с сыновьями старуха искала пропавших лошадей. Их застала буря, спасаясь от которой торгоуты неожиданно для себя натолкнулись на стены Хара-Хото и под их защитой провели холодную ночь. Наутро непогода стихла, но прежде чем отправиться восвояси, на Эцзин-Гол, торгоуты захотели побродить по вымершему городу. И тут старуха увидела открыто лежащие и ярко блестящие серебряные бусы. В это время к торгоутам прибыл обычный китайский караван с массой разных товаров... И китайцы заплатили старухе за жемчуга содержимым всего своего каравана».

О памятниках монгольской письменности из Хара-Хото историк В.Л. Котвич сказал следующее: «После разгрома, учиненного Чингисханом в 1226–1227 гг., тангуты, или “си-ся”, вошли в состав образованной монголами державы. Несмотря на этот разгром, национальная и культурная жизнь страны не угасла, о чем свидетельствует обширная тангутская литература с ее своеобразной письменностью. Документы, найденные в Хара-Хото, не имеют точных дат, но палеографические их особенности и тот факт, что они были найдены с ассигнациями, выпускавшимися монголами в Китае, дают основание отнести указанные памятники ко времени мирового господства монголов, то есть до 1368 года».

Так исполнилось желание русского путешественника. Он вырвал у Гобийской пустыни тайну мертвого города и подарил мировой науке бесценные сокровища.

ТАЙНА ТУНГУССКОГО ВЗРЫВА

(Материал Г. Черненко)

В то утро, 30 июня 1908 года, эвенк Иван Петров, его жена Акулина и их гость, старик Василий Охчен, мирно спали в чуме на берегу небольшой таежной речки. Но вдруг какая-то неведомая сила подбросила и чум, и его обитателей в воздух. Через секунду люди упали на землю — Акулина и старик Василий, к счастью, остались невредимыми, Иван же ударился о дерево, сломал руку и надолго онемел.

Лес горел, тряслась земля, вокруг валялись трупы оленей. Тайга с ее могучими соснами и кедрами превратилась в сплошное дымящееся пожарище. «Это дело разгневанных злых духов», — решили эвенки, спешно покидая страшное место...

Действительно, в бассейне реки Подкаменной Тунгуски произошло необычайное явление — взорвалось небесное тело! Стремительно с гулом и грохотом пролетело оно по небу и пропало в бескрайней тайге. Взрыв был слышен за сотни километров. Он повалил колоссальное количество деревьев на площади свыше двух тысяч квадратных километров и вызвал землетрясение, зарегистрированное во многих городах — от Иркутска до Тбилиси и Потсдама в Германии.

Предполагается, что в момент взрыва выделилась энергия, эквивалентная мощности 2000 атомных бомб!

Не была ли это катастрофа корабля инопланетян, имевшего ядерный двигатель? Таким вопросом задавались сторонники самой романтической из множества высказывавшихся в разное время версий. Однако измерения уровня радиации, проведенные в эпицентре взрыва и в его окрестностях, показали, что следов ядерной катастрофы нет. Не удалось найти и каких-либо веществ, из которых могла быть сделана ракета наших «братьев по разуму».

Эта версия, как уже сказано, — лишь одна из многих. Более популярной является кометная гипотеза. Ее сторонники утверждают, что Тунгусский взрыв был вызван столкновением с Землей ядра кометы. Действительно, орбиты «космических странниц» проходят иногда рядом с большими планетами, и в этом случае возможны столкновения. Не исключено, что именно так возникли некоторые кратеры на Меркурии и Марсе.

Известно, что ядра комет представляют собой смесь замерзших газов, льда и различных тугоплавких вкраплений. В плотных слоях атмосферы они могут превращаться в своего рода жидкие «капли», быстро теряющие скорость. При таком резком торможении процесс перехода энергии движения тела в тепло и излучение должен быть подобен взрыву. При этом возникает мощная ударная волна.

Несколько лет назад появились данные, которые в какой-то мере говорят в пользу кометной гипотезы тунгусского дива. Американский ученый Р. Ганпати обнаружил во льдах Антарктиды повышенную концентрацию иридия — химического элемента, содержание которого в метеоритах в 25 тысяч раз выше, чем в породах земной коры. Этот элемент, таким образом, можно считать хорошим индикатором присутствия на Земле внеземного вещества. Уже в начале работы ученых ждала сенсация. Оказалось, что исследованный антарктический лед образовался именно в 1908 году — тогда же, когда прогремел загадочный взрыв на Подкаменной Тунгуске!

Еще в советское время были опубликованы результаты исследования химического состава вещества ядра кометы Галлея. Сопоставляя данные, полученные после обработки проб, добытых на месте катастрофы, исследователи пришли к выводу, что состав обоих космических тел во многом совпадает...

И все же против кометной гипотезы находятся веские возражения. Оригинальную версию предложили новосибирские ученые — сотрудник Института теоретической и прикладной механики Сибирского отделения Российской академии наук В. Журавлев и сотрудник академического Института геологии и геофизики А. Дмитриев. Они начали с того, что на компьютере обработали многочисленные рассказы свидетелей феномена, сохранившиеся в архивах, а также различные документы и сообщения прессы начала века. Выводы компьютера были неожиданными: оказывается, в небе в тот момент было не одно, а целых... три тела, летевших с разных направлений — с юга, юго-востока и юго-запада в одну точку! Причем эпицентр катастрофы совпал с местом, где располагался древний вулкан, клокотавший там около двухсот миллионов лет назад. Кроме того, в этом же месте находится одна из четырех крупнейших магнитных аномалий земли — Восточно-Сибирская. Магнитное поле, уходящее из земных недр на тысячи километров в космос, образует своего рода гигантскую ловушку, которая и могла притянуть тунгусского пришельца. Кстати сказать, в свое время нечто похожее произошло в Бразилии с болидом, затянутым в магнитную ловушку.

Заинтересовали ученых и странные оптико-атмосферные явления, наблюдавшиеся во многих районах Северного полушария во время Тунгусского взрыва. Академик Н. Васильев, возглавивший исследования Тунгусского феномена в 1950–1960-е годы, обратил внимание ученого мира на то, что примерно за неделю до взрыва над сибирской тайгой появились «предтечи» чуда — красочные зори, серебристые облака, гало (светлые круги) вокруг Солнца, свечение неба по ночам. Таинственные явления достигли своего апогея в ночь накануне феномена, а затем постепенно начали затухать. В английском научном журнале «Нейчер» за 1908 год Васильев обнаружил заметку астронома Деннинга о том, что июнь был богат наблюдавшимися по всей Европе болидами. Томский исследователь Д. Афиногенов, занимавшийся сбором сообщений о пролетах болидов в Сибири и Восточной Европе, утверждал то же самое.

Уже упоминавшиеся ученые из Новосибирска В. Журавлев и А. Дмитриев обнаружили совершенно новые, неизвестные до сего времени факты. Например, что через шесть минут после взрыва приборы-самописцы в Иркутске зафиксировали магнитную бурю, которая длилась почти пять часов. Эта странная магнитограмма сохранилась до наших дней.

Так родилась новая версия того, что случилось в районе Подкаменной Тунгуски. По мнению новосибирских ученых, пожаловавшее на Землю космическое тело (или несколько тел?) было не чем иным, как крупным сгустком плазмы — плазмойдом, выброшенным Солнцем. Науке уже известны так называемые коронарные транзиенты — извергаемые из солнечной плазмы тела, имеющие ничтожную плотность. Возможно, что такова же была и природа Тунгусского феномена, однако плотность его оказалась значительно выше. Авторы этой необычной гипотезы не отбрасывают и земного происхождения плазменного тела, которое можно в известной степени сравнить с шаровой молнией, но только циклопических размеров.

А вот новосибирский геолог А. Растегин, автор еще одной оригинальной гипотезы, считает, что вообще никакого космического пришельца не было. По его мнению, в то утро в тайге произошло землетрясение, эпицентр которого совпал с крупным месторождением природного газа. В результате земная кора раскололась и по образовавшейся трещине вверх устремился мощный поток газа. При соединении с воздухом он взорвался. Разрушения довершил возникший затем огненный смерч. Именно таким развитием событий, полагает геолог Растегин, объясняется различие в свидетельствах очевидцев катастрофы, по-разному описывающих форму огненного тела. По рассказам одних, оно

выглядело раскаленным шаром, по впечатлениям других — имело вид огненного веретена. В пользу этой версии говорят и снимки, сделанные из космоса. На них по трассе предполагаемого движения космического тела различим разлом в земной коре. Косвенным подтверждением гипотезы служат и найденные в районе падения «Тунгусского метеорита» залежи нефти и газа.

Загадка Тунгусского дива волновала и продолжает волновать умы. Ответа же — единственного, несомненного и неоспоримого — по-прежнему нет.

ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИИ РУСАНОВА

(Материал Ф. Перфилова)

В 1912 году уже известный в ту пору полярный исследователь Владимир Русанов решился предпринять дерзкую попытку пройти на небольшом суденышке по Северному морскому пути из Атлантического в Тихий океан. Экспедиция Русанова исчезла, и только в 1934 году у западного побережья Таймыра были обнаружены первые ее следы. В 1970-х годах удалось найти еще одну стоянку русановцев, однако обстоятельства трагической гибели экспедиции до сих пор остаются тайной.

Летом 1912 года исследовать просторы Арктики отправились сразу три русские экспедиции: Г.Л. Брусилова, В.А. Русанова и Г.Я. Седова. Никто из полярников тогда еще не знал, что зима 1912/13 года окажется очень суровой и вернуться удастся только группе Седова и двум членам команды Брусилова...

Родился Владимир Русанов в 1875 году в городе Орле, в семье купца II гильдии. С 1908 года по 1911 год он принимал участие в экспедициях на Новую Землю, прошел сотни километров по неизведанным землям, открывая новые заливы, бухты, ледники, озера и острова, которые до сих пор носят данные им названия.

В феврале 1912 году Владимиру Русанову было поручено возглавить экспедицию к островам Шпицбергенского архипелага. В Норвегии для нее было приобретено моторно-парусное судно «Геркулес». Этот корабль уже был проверен во льдах, хорошо шел под парусами, обладал неплохой маневренностью.

Русанов предложил принять участие в плавании капитану Александру Кучину, с которым познакомился в свое время в Архангельске. Тот ответил согласием. Кучин был потомственным помором, участвовал в антарктической экспедиции Амундсена к Южному полюсу и, несмотря на свою молодость, считался опытным мореходом. Врачом в экспедицию Русанов взял свою невесту — француженку Жюльетту Жан, с которой был знаком уже 5 лет.

3 июля путешественники увидели берега Шпицбергена. Исследовательские работы прошли успешно. Были открыты

месторождения угля, составлена карта полезных ископаемых, собран богатый научный материал. В начале августа Русанов отправил на одном из встреченных пароходов трех участников экспедиции — Самойловича, Сватоша и Попова. С ними он передал в Русское географическое общество отчет о проделанной работе, зоологические и геологические коллекции.

Как вспоминал Самойлович, он плохо понимал дальнейшие намерения Русанова. Ему показалось, что тот собирается идти к Новой Земле, а далее действовать по обстоятельствам. Из письма матроса Василия Черемхина и воспоминаний отца Кучина становится очевидным, что Русанов еще до начала экспедиции после обследования Шпицбергена намеревался идти на восток, в Карское море. Именно поэтому на судно было загружено максимальное количество продовольствия и топлива.

18 августа «Геркулес» добрался до Маточкина Шара, где Русанов оставил свое последнее сообщение: «Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов».

Наступил 1913 год. От всех трех ушедших в Арктику экспедиций — Русанова, Брусилова и Седова — не было никаких известий. Общественность и Русское географическое общество начали бить тревогу. Но лишь в 1914 году было принято решение об организации спасательных экспедиций, причем на поиски Седова отправились три судна и самолет, а на розыски Брусилова и Русанова ушел только барк «Эклипс» под командованием норвежского полярного исследователя Отто Свердруп. Однако «Эклипс» попал в ледяную ловушку и зазимовал, так и не достигнув острова Уединения. Безрезультатно окончились и поиски экспедиции Седова. Но неожиданно «Св. Фока» вернулся на родину, правда, без своего руководителя. На его борту оказались подобранные по пути штурман Альбанов и матрос Конрад с яхты Брусилова. 6 марта 1915 года было принято решение об оказании помощи экспедиции Брусилова («Св. Анну» найти так и не удалось), а поиски русановцев 7 мая, наоборот, прекратили. Только благодаря протестам общественности Свердрупу было поручено продолжить поиски летом 1915 года. На этот раз «Эклипс» добрался до острова Уединения, но никаких следов Русанова там не нашли...

Только 9 сентября 1934 года у западного побережья Таймыра на одном из островков в шхерах Минина топограф М.И. Цыганюк обнаружил следы русановцев: обрывки одежды и рюкзака, патроны разных калибров, фотоаппарат «Кодак», именные часы Попова и документы матросов Попова

и Чухчина из экспедиции Русанова.

После этой находки другой топограф — А.И. Гусев — сообщил, что за месяц до этого на одном из островов в архипелаге Мона он видел столб, обложенный камнями, с вырезанной на нем надписью «Геркулесь, 1913 г.». К сожалению, никаких попыток выяснить судьбу русановцев тогда предпринято не было. На карте появились только новые названия безымянных ранее островов: один — Геркулес, другой — остров Попова—Чухчина.

В 1935 году на острове Попова—Чухчина были сделаны новые находки: маникюрные ножницы, гребенка, перочинный нож, железные ложки, патроны, медные монеты, буссоль, обрывок рукописи «В.А. Русанов. К вопросу о северном пути через Сибирское море». Многие предметы были найдены в двух экземплярах, например, две кружки, две ложки... В совокупности с документами двух матросов это наводило на мысль, что здесь погибли два члена команды «Геркулеса», возможно, отправленные Русановым на материк с донесением о зимовке или с просьбой о помощи. Однако когда исследовали патроны, выяснилось: они были 10 различных типов, что предполагало наличие как минимум шести видов оружия. Стало ясно — на острове побывали не только двое матросов, но и, возможно, вся команда «Геркулеса».

В 1970-х годах экспедиции «Комсомольской правды» под руководством Дмитрия Шпаро и Александра Шумилова на протяжении 8 лет исследовали побережье Северного Ледовитого океана от Диксона до залива Миддендорфа. На острове Геркулес удалось найти багор и обломки нарт. На острове Попова—Чухчина — патроны, пуговицы, полоску кожи с надписью «Страховое общество “Россия”» (в нем был застрахован «Геркулес») и небольшую эмблему-якорек, возможно, с погона Кучина.

Немало интересного удалось обнаружить и в архивах. Известно, что в 1918 году Руаль Амундсен пытался пересечь на дрейфующем судне Северный Ледовитый океан. В 1919 году он послал двух моряков на Диксон, чтобы они доставили собранные за год материалы. Оба погибли. Один из них не дошел до Диксона всего 3 км, его останки были найдены в 1922 году. Долгое время считалось, что второй моряк погиб у мыса Приметного — в 400 км к востоку. Там спасательная экспедиция, отправленная в 1921 году на поиски исчезнувших норвежцев, обнаружила остатки большого костра, обгоревшие кости, иностранные патроны, монеты и множество других предметов. Однако в 1973 году полярник Н.Я. Болотников предположил, что у мыса Приметного располагался лагерь русановцев. Теперь его гипотеза считается доказанной: на этом месте были

найденны французская монета, пуговица, изготовленная в Париже, оправа очков (их норвежцы не носили, зато подобные очки были у механика «Геркулеса» Семенова).

Анализируя находки и имеющиеся сведения об экспедиции Русанова, Шпаро и Шумилов предположили, что «Геркулес» в 1912 году прошел в Карское море и в конце сентября встал на зимовку. Весной 1913 года во время короткого санного похода русановцы посетили остров Геркулес, где установили столб с надписью. Впереди было лето и предполагаемое освобождение судна из ледяной ловушки, поэтому никакого донесения в пирамиде у основания столба они не оставили. Однако летом судну освободиться не удалось, а на вторую зимовку уже не хватало продовольствия и топлива. Вероятно, в августе русановцы оставили судно и направились к мысу Стерлегова. Именно здесь в 1921 году были обнаружены нарты, явно изготовленные на каком-то судне, о чем свидетельствовали крепления из медных корабельных трубок. Часть команды, по-видимому, двигалась по воде, а часть — по суше. Об этом говорит костер на стоянке у полуострова Михайлова. Его разожгли на высоком месте, для чего приходилось таскать плавник с косы, хотя там гораздо проще было остановиться на привал. Вероятно, костер играл роль маяка — сигнала для тех, кто двигался по воде. В тот момент положение русановцев, видимо, еще не было трагическим: из снаряжения здесь оставлены не самые важные вещи.

На острове Попова—Чухчина произошло что-то непоправимое — трудно представить, чтобы люди могли выбросить собственные документы без веских на то оснований. Что же случилось с командой «Геркулеса»? В 1988 году в журнале «Вокруг света» В. Троицкий сообщил о двух любопытных письмах, возможно, связанных с трагедией русановцев. В одном из них говорилось о двух загадочных могилах в районе реки Авам на Пясине, которые видела медсестра Корчагина в 1952 году. Ей удалось выяснить, что еще при царе кочевники-оленоводы нашли на побережье лодку, рядом с которой находились мертвые люди. Оленоводы похоронили трупы под камнями, а потом нашли еще двух или трех человек из этой группы, которым удалось дойти до Тагенарского волока, где они и замерзли. Погибших похоронили вместе с документами и рукописями.

В другом письме — Л.Н. Абрамовой — сообщалось, что в 1975 году старая долганка показала ей в пос. Новорыбное на берегу Хатанги две просевшие могилы, где, по ее словам, были похоронены русские — беременная женщина и ее муж, которых родители долганки очень давно привезли еще живыми откуда-то из тундры. Они умерли, а в могилы вместе

с ними положили рукописные книги, которыми погибшие очень дорожили.

В. Троицкий сообщал, что для проверки этих писем готовится экспедиция. Увы, эта экспедиция не состоялась. Все было бы гораздо проще, если бы при обнаружении в 1934 году следов экспедиции Русанова сразу были бы проведены широкомасштабные поиски. Возможно, тогда было бы достаточно опросить местных охотников и оленеводов, чтобы узнать о судьбе пропавших полярников.

СМЕРТЬ ЛЕЙТЕНАНТА СЕДОВА

(Материал Г. Черненко)

Весной 1912 года лейтенант флота Георгий Яковлевич Седов подал начальнику Главного гидрографического управления генералу Вилькицкому рапорт с планом похода к Северному полюсу. «В этом состязании, — писал Седов, — участвовали почти все страны света и только не было русских... Мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг».

План Седова состоял в следующем. В середине июля 1912 года экспедиция должна выйти из Архангельска к Земле Франца-Иосифа и там остановиться на зимовку. С первыми лучами солнца небольшая группа на нартах с собаками выступит к полюсу. «Я чувствую себя вполне подготовленным для такого большого дела, которое начинаю, — самоуверенно писал Седов в петербургском «Синем журнале». — Я хочу осуществить мысль Ломоносова — водрузить русский флаг на Северном полюсе!» Статья, в которой это было написано, называлась весьма категорично: «Как я открою Северный полюс».

Планы Седова были сразу же раскритикованы опытными полярниками, справедливо утверждавшими, что столь тяжелая и опасная экспедиция требует длительной и серьезной подготовки. Известный полярный путешественник Русанов указывал на отсутствие у Седова опыта походов по дрейфующим льдам. «Много ли у него при этом будет шансов достигнуть Северного полюса? — писал Русанов. — Мне думается, очень и очень немного».

Между тем организация экспедиции началась. Над экспедицией Седова «шефствовала» известная столичная газета «Новое время» во главе с ее издателем Сувориным. Средства — 70 тысяч рублей — собирались по подписке, за счет пожертвований по всей России. Часть их удалось собрать устройством благотворительных базаров. Для экспедиции было зафрахтовано парусно-паровое промысловое судно «Святой мученик Фока». Владелец его, архангельский шкипер Дикин, брался доставить экспедицию на Землю Франца-Иосифа. «Фоку» загрузили провизией на три года. На палубе громоздились ящики, клетки с собаками, доски и бревна для строительства дома на месте зимовки.

Буквально накануне отплытия Дикин отказался идти в плавание. Ушла

с ним и его команда. Возмущенный Седов в течение суток набрал новых матросов. Удивительно ли, что некоторые из них явились на судно за час до отплытия в одних пиджаках! «Все было против нас», — писал художник Пинегин, участник экспедиции. Тем не менее, 14 августа (здесь и далее даты по старому стилю), на месяц позже намеченного срока, «Фока» отошел от Соборной пристани Архангельска.

За два года до описываемых событий тридцатилетний Георгий Седов женился на Вере Валерьяновне Май-Маевской. В отношениях с женой Седов, как и во всем, был восторженным влюбленным, рыцарем, души не чаявшим в своей избраннице. Вера Валерьяновна провожала мужа, находясь на борту «Фоки». Она проплыла с ним несколько миль и оставила судно в устье Северной Двины. Позже, на далеком Севере, в дневнике Седов обращался к любимой жене — «Льдинке», как он ее называл, с длинными посланиями, а на столике в своей каюте всегда держал ее фотографию в полированной рамке.

Снаряжение экспедиции оставляло желать лучшего. Визе — метеоролог и географ экспедиции, в будущем крупный ученый, исследователь Севера — тогда, в 1912 году, записал в дневнике: «Он (Седов) упрям и наивен... Нужно совершенно не знать полярную литературу, чтобы с таким снаряжением, как наше, мечтать о полюсе». К тому же ледовая обстановка в тот год выдалась чрезвычайно сложной — уже 20 лет в Заполярье не видели таких тяжелых льдов. Вдобавок, экспедиция вышла слишком поздно, рискуя вмерзнуть в дрейфующий лед. Седов все же попытался пробиться к Земле Франца-Иосифа. Но это не удалось. Затертое льдами, судно остановилось на зимовку в небольшой бухте Новой Земли.

Лишь в сентябре следующего, 1913 года с огромным трудом и риском, на последних остатках угля и сжигая в котельной топке сало медведей и нерп, удалось достичь желанного архипелага. Здесь, в безымянной бухте острова Гукера (ее назвали Тихой), седовцы начали вторую, еще более трудную зимовку. Скудное, однообразное питание вызвало цингу. Даже Седов, прежде отличавшийся железным здоровьем, сдал. Появилась цинга и у него. В начале января 1914 года Визе писал о Седове: «Он очень побледнел, осунулся и страшно ослаб. Когда говорит, то сильно задыхается».

Седов и сам понимал, что в таком состоянии до полюса дойти не сможет. От бухты Тихой до заветной точки было ни много ни мало — почти 1000 километров! Вот еще одна запись в дневнике Визе: «Г.Я. в беседе со мной в первый раз откровенно заявил, что считает свою санную

экспедицию к полюсу “безумной попыткой”, но что он все-таки ни за что не откажется от нее, пока у него не кончится последний сухарь».

Тяжелое предчувствие не покидало многих на судне. Но для Седова был важен даже один лишь факт движения к цели, пусть и ценой собственной жизни. Мысль о возвращении «с пустыми руками» казалась ему нестерпимой. Огромное честолюбие, страх бесчестья гнали его вперед. «Долг мы исполним, — сказал он в прощальной речи. — Наша цель — полюс! Все возможное для достижения будет сделано!» Было решено идти втроем с тремя нартами, запряженными двумя дюжинами собак. Запас провизии был рассчитан на 10 месяцев. Своими спутниками Седов избрал матросов Григория Васильевича Линника и Александра Матвеевича Пустотного. Трудно сказать, почему именно на этих людей пал выбор. Линник — хотя и самый энергичный и способный из матросов — отличался заносчивым, вспыльчивым, дерзким характером, и порядок на корабле был не раз нарушен его выходками.

Наступил день выхода к полюсу — 2 февраля 1914 года. Последние объятия. Три человека и тяжело нагруженные нарты двинулись на Север. Визе записывал в своем дневнике: «При прощании Г.Я., совершенно больной, разрыдался. Выход полюсной партии оставил во мне мрачное впечатление. Гибель этой экспедиции, учитывая смелость, упорство и легкомыслие ее начальника, кажется мне почти неизбежной». Седов шел не только на самоубийство, но и ставил на карту жизнь своих спутников.

Стояли суровые морозы, 40 градусов и более. «Дорога отвратительная, — писал Седов в походном дневнике, — ропаки, рыхлый снег... Идти очень трудно, дышать еще труднее... Сегодня снилась Веруся, да спасут ее боги. Я совсем болен, но духом не падаю».

Уже на седьмой день похода Седов не мог идти и вынужден был ехать, сидя на нартах. Здоровье его ухудшалось с каждым днем. Было известно, что в бухте Теплиц-бай на западном берегу острова Рудольфа — самого северного острова Земли Франца-Иосифа — находится брошенная база полярной экспедиции герцога Абриццкого. Седов надеялся, что там им удастся пополнить свои запасы, в частности керосина, и отдохнуть. Но до желанной бухты было еще далеко. От нее же до полюса — еще дальше: около 800 километров.

«Мороз до 41 градуса, — записал Линник в дневнике 18 февраля. — На дворе снежная буря. Двигаться вперед невозможно, к тому же здоровье начальника безнадежное». На всех троих имелся один большой спальный мешок. Но матросы редко забирались в него, стараясь не тревожить больного. К тому же приходилось то и дело подниматься, слыша стоны и

жалобы Седова. «И одного часа за ночь не пришлось уснуть, так как начальник ежеминутно жалуется на ужасный холод в ногах и невозможность дыхания», — отмечал Линник в дневнике на 17-й день похода.

Седов стал тяжелой обузой для его спутников. Он почти ничего не ел и его приходилось кормить с чайной ложки. От бессонных ночей и тяжелых переходов матросы теряли силы. У Пустошного открылось кровотечение горлом, у обоих появились признаки цинги. Линник не раз предлагал Седову вернуться на судно. «Эх, Линник, оставь эти мысли идти домой! — отвечал тот. — В Теплиц-бай мы в пять дней поправимся». Улыбнется и махнет рукой...

20 февраля. Сильная вьюга опять остановила их. В этот день Седов скончался. Двадцать лет спустя Пустотный так описывал смерть Седова: они начали свой скудный обед, как вдруг услышали странный и страшный хрип. «В безотчетном ужасе мы повернули головы. Наш начальник лежал, приподнявшись в спальном мешке, упершись головой в заднюю стенку палатки. Глаза его выкатывались из орбит, как стеклянные шары». В 2 часа 40 минут Седов умер. Линник вынул платок и накрыл им искаженное судорогой лицо своего начальника...

Когда вьюга утихла, матросы положили тело Седова на нарты. «Мы двинулись в бухту Теплиц, — вспоминал Пустотный, — но, не дойдя до нее шести миль, увидели, что вход в нее заполнен открытой водой». Повернули назад, к мысу Бророк. Здесь они и похоронили Седова — на высоком месте, под скалою. Вырыть могилу не было никакой возможности. Тело Седова, как рассказывали матросы, они положили между двумя валунами, накрыв русским национальным флагом. Сверху прикрыли каменными плитами, пустоты заполнили щебнем. Над могилой установили крест, наспех сделанный из лыж. Рядом оставили нарты, кирку и молоток. Закончив печальный обряд, матросы отправились в обратный путь, на юг и, пережив невероятные лишения, чудом добрались до судна.

Путь «Св. Фоки» на родину был тяжелым. Уголь кончился. Шли, сжигая части корпуса, мебель, такелаж. Однако и дома мытарства седовцев не закончились. Тяжелее всех пришлось спутникам Седова — Линнику и Пустотному. На них было заведено уголовное дело — матросов заподозрили в намеренном убийстве начальника экспедиции. Дело расследовали архангельские и петроградские судебные органы. Линника и Пустошного допрашивали, но прямых улик их виновности не обнаружилось — о болезни Седова все знали, а произвести розыск и судебно-медицинское вскрытие его тела было, конечно, невозможно. Дело

прекратили...

Минуло 23 года. На острове Рудольфа зимовали советские летчики с самолетами, обеспечивавшие безопасность дрейфа папанинцев. Пилоты с нетерпением ждали, когда весеннее солнце растопит снег и можно будет поискать следы экспедиции Седова, а также его могилу.

И вот наступила весна 1938 года. Вначале поиски были безуспешными. Но вот наконец удача! Неподалеку от бухты Теплиц-бай, на мысе Аук (а вовсе не на мысе Бророк, в нескольких километрах от него!) летчики нашли флагшток с надписью: «Sedov Pol. Exped. 1914» и обрывки русского флага. Останков Седова рядом не оказалось. Странным образом исчезли нарты, кирка, молоток и крест.

Летчики начали обследовать брошенную базу в Теплиц-бай. Каково же было их удивление, когда среди разбросанных вещей в жилой постройке они увидели... дамскую туфельку — лакированную, с небольшой ножки, чуть поношенную, но прекрасно сохранившуюся. На белой лайковой подкладке отчетливо виднелась золотая надпись: «Поставщик Двора Его Императорского Величества. Санкт-Петербург». Штурман В.И. Аккуратов вспоминал: «Ошеломленные, мы передавали из рук в руки это изящное изделие, ломая голову, как оно могло попасть сюда, на край земли».

Среди иностранных полярников, которые здесь когда-то базировались, женщин не было. Значит, туфелька была взята с собой. Но кем? Не Седовым ли, раз она русского происхождения? Аккуратов был почти уверен, что туфельку своей жены вез именно Седов. Возможно, хотел оставить ее на полюсе?

Значит, Линник и Пустотный все-таки посетили бухту Теплиц-бай с Седовым или уже без него. Почему же они это отрицали? Почему рядом с флагом не оказалось останков Седова, а также нарт и других предметов? Есть во всем этом некая тайна, скрывающая трагический финал роковой экспедиции...

ГИБЕЛЬ «ТИТАНИКА»: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ЗАГАДКИ

(Материал В. Ильина)

«Титаник» — крупнейшее пассажирское судно начала XX века, принадлежавшее английской почтово-пассажирской пароходной компании «Уайт Стар Лайн» — был построен в 1911 году. Его водоизмещение составляло 46328 тонн, длина — 269 метров, скорость — 25 узлов. Во время своего первого плавания из Саутгемптона в Нью-Йорк в ночь с 14 на 15 апреля 1912 года «Титаник», столкнувшись с айсбергом, затонул в 800 километрах к юго-востоку от острова Ньюфаундленд. Число погибших, по различным данным, составило от 1400 до 1517 человек (всего на борту было около 2200 человек). Страховые компании выплатили родственникам жертв катастрофы более 14 миллионов фунтов стерлингов, по тем временам — астрономическая сумма. Гибель «Титаника» — одна из величайших морских катастроф XX века.

1 сентября 1985 года трое участников подводной экспедиции, возглавляемой профессором Робертом Баллардом, опустились в батискафе «Альбин» на глубину свыше четырех километров и впервые через 73 года после катастрофы увидели на морском дне разломившийся на две части корпус «Титаника». Однако его обследование не только не прояснило некоторых загадочных обстоятельств гибели гигантского лайнера, но и вызвало много новых вопросов.

Так, все эти годы считалось, что «Титаник» затонул оттого, что при столкновении айсберг распорол ему обшивку правого борта ниже ватерлинии на длину около 60 метров. Однако экспедиция Балларда обнаружила в обшивке корпуса только шесть сравнительно небольших разрывов, края которых были вывернуты наружу. Такие повреждения могли, например, возникнуть в результате взрыва (или взрывов) внутри корпуса судна. Но отчего произошли эти взрывы и как они связаны с ударом об айсберг?

Возможно, события развивались так. Айсберг пробил бортовую обшивку ниже ватерлинии на уровне машинного отделения, и туда хлынула холодная морская вода, имевшая температуру 2 градуса по Цельсию. Когда она стала заливать паровые котлы, в их раскаленных стенках из-за резкой

разницы температур возникли колоссальные напряжения. Металл не выдержал, стенки лопнули, и котлы, давление пара в которых достигало 150 атмосфер, начали взрываться. Взрывы увеличивали размеры полученных при столкновении пробоин и создавали новые, выворачивая их рваные края наружу...

Факт столкновения «Титаника» с плавучей ледяной горой сомнения не вызывает. Его засвидетельствовали многочисленные пассажиры и члены команды, которым посчастливилось остаться в живых. Но почему, опять-таки по свидетельствам очевидцев, ни пассажиры, ни члены команды не почувствовали ничего, кроме легкого содрогания корпуса и как бы отзвука далекого взрыва? А ведь о гигантскую ледяную глыбу, имевшую твердость скалы, ударило тело массой 66000 тонн, двигавшееся со скоростью 40 км/час!

Может быть, «Титаник» вовсе и не столкнулся с айсбергом, а лишь слегка коснулся его? А столкнулся он с чем-то совсем другим? Или это «что-то» намеренно столкнулось с лайнером, используя айсберг в качестве «ширмы» и став истинным виновником гибели судна?

Ну а если все-таки виновник — айсберг, то почему вообще произошло это столкновение? Как могло случиться, что при ясной, безветренной погоде и полном отсутствии волнения на море — явлении удивительном для этих широт и этого времени года — вахтенным офицерам и матросам не удалось вовремя заметить опасность и принять меры к тому, чтобы избежать катастрофы? Тем более что, как выяснилось позже, на пути следования «Титаника» роковой айсберг был единственным в радиусе нескольких десятков миль.

Не поддается объяснению и странная беспечность капитана Смита и его двух вахтенных помощников, Мэрдока и Лайтоллера. В свое время ее причиной были признаны ясная погода и полный штиль на море. Эта беспечность проявилась, в частности, в том, что матросов-наблюдателей в «вороньем гнезде» на мачте даже не снабдили биноклями. Они следили за окружающей обстановкой невооруженным глазом! Не было и вахтенного-впередсмотрящего на носу корабля. Когда неизбежность столкновения с айсбергом стала очевидной, роковую и непростительную для профессионала ошибку совершил старший помощник капитана Уильям Мэрдок. Если бы в тот момент он дал команду «Полный назад! Прямо руль!», то «Титаник» остался бы на плаву. Расчеты показали, что в этом случае при столкновении оказались бы разбитыми два носовых водонепроницаемых отсека, судно получило бы дифферент на нос, который легко устранился заполнением забортной водой двух кормовых отсеков.

Оставшиеся невредимыми остальные 12 отсеков обеспечили бы «Титанику» плавучесть, и если при этом он все же не смог бы своим ходом дойти до Нью-Йорка, то, по крайней мере, все пассажиры и члены команды были бы спасены.

К несчастью, Мэрдок скомандовал по-другому: «Полный назад! Лево руля!», подставив под удар айсберга весь правый борт лайнера. Результат этой ошибки опытного морского офицера известен...

Комиссия, расследовавшая обстоятельства гибели «Титаника», пришла к заключению, что ближе всех от места катастрофы был пароход «Калифорниен» — единственное судно, которое, по мнению комиссии, могло бы прийти на помощь гибнущему лайнеру, тем более что оба они находились один от другого в пределах прямой видимости. Следственная комиссия признала Стенли Лорда, капитана парохода «Калифорниен», одним из виновников гибели более чем полутора тысяч человек, находившихся на борту «Титаника». Обвинение в умышленном неоказании помощи людям, терпящим бедствие на море, является столь тяжким для любого моряка, а тем более для капитана судна, что ставит крест на его профессиональной репутации и дальнейшей морской карьере.

В течение многих лет заключение комиссии не подвергалось сомнению, и лишь в 1968 году Американская ассоциация капитанов торгового флота, повторно изучив обстоятельства гибели «Титаника», пришла к выводу, что обвинение, выдвинутое против капитана Стенли Лорда пятьдесят с лишним лет тому назад, было ошибочным. «Калифорниен» находился слишком далеко, с него не могли видеть тонущий «Титаник». Было доказано, что расстояние между этими двумя судами было настолько велико, что для них исключалась возможность видеть даже ходовые огни друг друга. Однако вместе с тем выяснилось, что между тонущим «Титаником» и лежащим в дрейфе «Калифорниен» оказалось еще какое-то судно, причем с «Титаника» его принимали за «Калифорниен», а с «Калифорниен» — за «Титаника». Название и принадлежность этого судна-призрака останутся загадкой до сих пор. Характер маневров таинственного судна (назовем его «Икс») удалось достаточно точно установить по записям в вахтенном журнале «Калифорниен» и по показаниям членов его команды, а также людей, спасшихся с «Титаника». Эти маневры представляются достаточно странными.

«Икс», идущий курсом с северо-востока на юго-запад, попадает в поле зрения вахтенных на обоих упомянутых судах примерно в одно и то же время — в 22.25. Ровно в 23.40, то есть в тот момент, когда «Титаник»

сталкивается с айсбергом, «Икс» стопорит машины и ложится в дрейф, а затем... разворачивается на 180 градусов, словно намереваясь пойти обратным курсом! Однако он этого не делает и до 02.05 продолжает дрейфовать, словно бы издали — с расстояния около шести морских миль — наблюдая за развитием трагедии «Титаника». После этого «Икс» запускает машины, снова разворачивается на 180 градусов и уходит на юго-запад. В 02.40 его ходовые огни пропадают из поля зрения вахтенных на «Калифорниен».

Что же это был за «Икс» и почему он вел себя так странно? И если с него в течение двух с лишним часов безучастно наблюдали, как тонет «Титаник», то не причастен ли он к гибели лайнера? А может, «Икс» вовсе и не был судном?

ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ РУДОЛЬФА ДИЗЕЛЯ

(Материал Виктора Рошаховского)

Последний сентябрьский день 1913 года клонился к вечеру. До начала очередного регулярного рейса парохода «Дрезден» из Антверпена в Англию оставались считанные минуты. На верхней палубе особняком стояли три пассажира. Двое из них — Георг Грейс и Альфред Люкманн — уже зарегистрировались в журнале пассажиров, а третий — Рудольф Дизель — почему-то не сделал этого. Может быть, понадеялся на своих попутчиков или просто забыл?

Когда в вечерней дымке исчезли огни порта, все трое направились в ресторан, где и продолжили беседу. Инженер Дизель рассказывал попутчикам о своей жене, потом об изобретении. Его собеседники больше интересовались политикой, в частности деятельностью лорда адмиралтейства Уинстона Черчилля, который ратовал за коренную модернизацию британского флота. Беседа коснулась и накалявшихся международных отношений, все отчетливее вырисовывающегося призрака большой войны. Эта тема тогда была у многих на устах, ведь первый очаг войны уже пылал на Балканах.

Около десяти вечера Рудольф Дизель раскланялся со своими новыми знакомыми и спустился в свою каюту. Перед тем как открыть дверь, он остановил стюарда и сказал, чтобы тот разбудил его рано утром — в четверть седьмого. Затем в каюте вынул из чемодана пижаму и положил ее на постель. На стенку рядом повесил карманные часы на цепочке. Потом...

Что делал Дизель потом, никто не знает. Известно только, что утром в 6.15 стюард пытался разбудить пассажира, долго стучал в дверь, но безрезультатно. Тогда он открыл дверь и увидел несмятую постель, пижаму на ней и часы на стенке каюты. Вскоре вахтенный нашел на палубе шляпу и плащ изобретателя. Его самого нигде не было. На «Дрездене» подняли тревогу. Капитан без промедления опросил моряков, которые несли ночную вахту. Но об исчезнувшем инженере ничего выяснить не удалось — никто не видел ночью на палубах пассажиров.

Позже была сделана попытка восстановить картину происшествия. Опросили многих пассажиров и членов экипажа. В первую очередь были

допрошены Георг Грейс и Альфред Люкманн, которые очень подробно рассказали о своей вечерней беседе с Дизелем. Они сообщили также, что он был разговорчив и в хорошем настроении.

Оба этих господина пользовались репутацией солидных людей, и не было никаких оснований сомневаться в их показаниях. Долго допрашивали стюарда, но перепуганный молодой человек снова и снова повторял сказанное им в самом начале: пассажир попросил его разбудить, но утром в каюте его не оказалось.

Известие об исчезновении Рудольфа Дизеля попало на страницы прессы. Вначале была высказана версия, что изобретатель стал жертвой несчастного случая. Якобы Дизель в последние месяцы был на грани нервного срыва и перенес несколько сердечных приступов. С пылом очевидцев репортеры описывали, как изобретатель, чтобы как-то справиться с бессонницей, вышел на палубу подышать свежим воздухом, а там с ним случился сердечный приступ — изобретатель навалился на перила, потерял равновесие и рухнул за борт. Ночью этого никто не заметил.

Но эта версия была моментально опровергнута. Во-первых, лечащий врач Дизеля заявил, что никакие сердечные недуги не донимали его пациента. Во-вторых, с решительным опровержением выступил капитан «Дрездена»: высота перил на пароходе более метра, и любой несчастный случай из-за неосторожности исключается. Может быть, исчезнувший пассажир был пьян? Но все знавшие Дизеля в один голос заявили: абсурд, изобретатель в рот не брал спиртного!

В газетах появилась иная версия: самоубийство. Дизелю, дескать, грозило банкротство, полное разорение. Его изыскания, экспериментальные работы финансировал Крупп, вложив в это предприятие немалые деньги. И теперь пришло время платить по счетам...

Но и эта версия была подвергнута серьезным сомнениям, так как Крупп получил монопольное право использовать изобретения Дизеля на территории Германии. Да и сам изобретатель, по свидетельству близких и знакомых, не испытывал финансовых затруднений. Ладно, соглашались сторонники этой версии, пусть не банкротство, но мало ли какие могут быть причины для самоубийства! Возможно, у Дизеля была какая-то тайна, о которой никто не знал...

Оппоненты возражали: если это было самоубийство, то как объяснить поведение Дизеля за несколько часов до его кончины? Он весь вечер находился в благодушном настроении, был разговорчив, даже шутил. Зачем тогда приготовил ночную пижаму? А часы на стенке каюты? Зачем просил

стюарда разбудить его в определенное время? Разве так ведет себя человек, решившийся на отчаянный поступок? Да и вряд ли он ушел бы из жизни, не оставив даже прощальной записки своим близким, тем, кого так нежно любил.

Странно, но почему-то на первых порах никого не волновал вопрос: а зачем, собственно говоря, Рудольф Дизель отправился в Англию и что там собирался делать? Лишь когда пришла пора над этим задуматься, возникла третья версия: Дизель был убит, так как собирался продать свой патент англичанам. Эту гипотезу высказали английские, а потом и американские журналисты. Например, журнал «Нью-Йорк уорлд» в 1915 году писал: «Устранение творца принципиально нового двигателя выглядит как обвинение в измене фатерланду. С другой стороны, преследовалась цель сохранить тайну двигателя, необходимого для подводных лодок. Изобретателя сбросили за борт, чтобы патент не попал к англичанам...»

Версия об убийстве представляется наиболее правдоподобной и логичной. Это отметил в своих мемуарах и Уинстон Черчилль, который во время последнего плавания Дизеля был первым лордом адмиралтейства и прилагал огромные усилия для модернизации британского флота. Можно допустить, что именно Черчилль явился инициатором поездки немецкого инженера в Лондон.

Конечно же поездка в Англию изобретателя перспективного двигателя не могла остаться незамеченной в Германии, готовящейся к войне. В итоге агенту или агентам кайзеровской тайной полиции было поручено ликвидировать «предателя». Разыгранный вариант «акции» был, видимо, признан самым оптимальным: изобретателя сбросили в море. Шляпа и плащ, оставленные на палубе, должны были подкрепить версию о самоубийстве. Изобретателя объявили без вести пропавшим, а для того чтобы пустить следствие по ложному пути, придумали версию о самоубийстве.

Странно, что досконально не была выяснена роль попутчиков изобретателя — господ Грейса и Люкманна. И можно ли быть уверенными, что никто из команды «Дрездена» действительно не видел ночью ничего странного? Впрочем, кто нес ответственность за расследование этого криминального происшествия? Происшествия, которое произошло в открытом море на немецком пассажирском судне...

А почти через год, в июле 1914 года, началась Первая мировая война. Это отодвинуло на задний план загадку исчезновения Рудольфа Дизеля...

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА ГЕНЕРАЛА САМСОНОВА

...Русская армия вступила в Восточную Пруссию 14 августа 1914 года. Вступила преждевременно, не отобилизовавшись полностью — союзники-французы умоляли: спасите Париж! Кайзеровские войска рвались к Марне. В ответ Петербург принял решение ударить на Кенигсберг. Но на пути лежали огромные Мазурские болота. Первая русская армия под командованием Ренненкампафа должна была обойти их с севера, а с юга двигалась Вторая армия под началом генерал-лейтенанта Александра Васильевича Самсонова.

Германских войск в Восточной Пруссии было в два раза больше, чем в наступавших русских армиях. Однако первые же бои принесли немцам поражение. Победа русских войск под Гумбиненом повергла в панику ставку кайзера и заставила приостановить наступление на Париж.

Но союзникам было этого мало. Лондон и Париж давили на русскую ставку: «Продолжайте наступление! Гоните немцев! Спасайте европейскую цивилизацию!» Оторвавшись от тылов, оставшись без обозов с продовольствием и боеприпасами, армия Самсонова все больше углублялась в заболоченные леса. Железная дорога проходила неподалеку, но узкая немецкая колея не могла принять русские вагоны. Эшелоны стояли на границе, заблокировав все пути на станции Млава.

Окруженная превосходящими силами противника армия Самсонова продолжала сражаться. Были предприняты отчаянные попытки прорваться к своим, но не многим это удалось. Из 80-тысячной армии уцелело лишь около 20 тыс. человек, в плен попали 30 тыс., 20 тыс. раненых остались в болотах Восточной Пруссии, остальные погибли или пропали без вести.

В группе, в которой пробивался к своим командующий армией, находились генерал Лебедев, полковник Вялов, несколько офицеров и солдат. 29 августа они оказались в болотистой местности неподалеку от города Вельбарк. Все шли пешком, была лишь одна повозка: в ней, укрытый брезентом, лежал металлический ящик — казна Второй армии, составляющая почти 300 тыс. рублей золотом. В ящике хранились и ордена, изготовленные из золота и серебра...

Группа Самсонова вышла из окружения 31 августа в районе

Остроленки. Но среди спасшихся командующего армией не оказалось. По-разному описывают очевидцы его судьбу. Один из офицеров в своих воспоминаниях пишет, что генерал погиб от разрыва снаряда, другой, что, мучимый астмой, генерал отошел от своих подальше и застрелился. Правду о последних минутах Самсонова мы, наверное, не узнаем никогда.

В реляции о разгроме армии Самсонова кайзеровское командование среди захваченных трофеев упомянуло 22 знамени и 32 тыс. рублей золотом. Армейская же казна была ровно в 10 раз больше. Куда же она девалась?

Первые поиски начались уже в 1916 году, когда еще шла война. В Вельбарке появились неизвестные люди, расспрашивавшие местных жителей о русских золотых монетах. Значит, не попала армейская казна в руки немцев! А через несколько лет один из местных жителей, отправившись в лес за грибами, вернулся с пригоршней золотых монет. Когда его попросили показать место, он не смог этого сделать... Занимался поисками и бывший царский генерал Носков, эмигрировавший после революции в Германию, но — безуспешно.

После Второй мировой войны эти земли отошли к Польше. В местах бывших боев создали военный полигон Войска Польского. В 1960-е годы в этих местах появились оснащенные металлоискателями польские офицеры. Их сопровождал пожилой человек — по его словам, возница той самой брички, которая везла металлический сундук. Он утверждал, что генерал лично приказал ему вывезти из окружения ценный груз. Возница взялся выполнять поручение, но при переезде через какой-то ручей бричка увязла. Тогда решили выкопать яму и спрятать золото там.

Более недели провели на полигоне офицеры, но кроме осколков снарядов их детекторы ничего не засекли. После них здесь не раз ходили местные жители — искали золото генерала Самсонова. И находили! Попадалось оно и солдатам, рывшим окопы на полигоне, несколько раз крестьянский плуг выворачивал на борозде пару золотых монет, а однажды обнаружился даже сверток, в котором оказался золотой Георгиевский крест. Но это — не то золото...

— И недели не проходит, чтобы кто-то не приезжал сюда и не расспрашивал про клад, — рассказывает здешний лесничий П. Станчак. — Но больше всего народу приходит 30 августа...

Почему? Оказывается, один из русских офицеров, сопровождавших повозку, написал в мемуарах, что золото они зарыли в тени огромного дуба. Легенда гласит, что 30 августа, ровно в полдень, тень от самой большой ветви старого дуба покажет место, где надо искать.

ГИБЕЛЬ «ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ»

(Материал А. Черепкова, А. Шишкина)

До сих пор многие умы будоражит трагическая гибель в 1916 году одного из лучших боевых судов русского флота — линейного корабля «Императрица Мария». Появление этого корабля приходится на период, когда возрождение отечественной морской мощи после трагедии Цусимы стало одной из главнейших задач. Решение об усилении Черноморского флота новыми линкорами было вызвано и намерением Турции — давнего противника России на юге — приобрести за границей три современных линейных корабля типа дредноут, что сразу же обеспечивало ей превосходство на Черном море. Чтобы сохранить паритет, Морское ведомство России настояло на безотлагательном усилении Черноморского флота за счет ввода в строй новейших линкоров.

11 июня 1911 года одновременно с церемонией официальной закладки новый корабль был зачислен в состав русского императорского флота под названием «Императрица Мария». «Мария» была спущена на воду 6 октября 1913 года, а 23 июня 1915 года, подняв флаги, начала настоящую боевую флотскую жизнь.

Линкор имел водоизмещение 25465 тонн, длина корабля составляла 168 метров, скорость — 21 узел. «Мария» несла на борту двенадцать 305-мм орудий главного калибра, двадцать 130-мм орудий, имелась противоминная артиллерия и торпедные аппараты, корабль был хорошо бронирован.

Уже через несколько месяцев после прихода в Севастополь «Мария» принимает активное участие в боевых операциях против германо-турецкого флота. На линкоре держит флаг командующий Черноморским флотом адмирал Александр Колчак. А ввод в строй однотипного линейного корабля «Императрица Екатерина Великая» положил окончательный предел господству на Черном море германских крейсеров.

Ранним утром 7 октября 1916 года в 00 часов 20 минут на стоявшем в Северной бухте Севастополя линейном корабле «Императрица Мария» прогремел взрыв. Затем в течение 48 минут — еще пятнадцать. Корабль начал крениться на правый борт и, перевернувшись, затонул. Русский военный флот потерял в то утро 217 моряков и один из сильнейших боевых кораблей.

Трагедия потрясла всю Россию. Выяснением причин гибели линкора занялась комиссия Морского министерства, которую возглавил адмирал Н.М. Яковлев. В составе комиссии был и известный кораблестроитель, член Академии наук России А.Н. Крылов, который стал автором заключения, одобренного всеми членами комиссии.

В ходе проведенного расследования были представлены три версии гибели линкора.

1. Самовозгорание пороха.
2. Небрежность в обращении с огнем или порохом.
3. Злой умысел.

Однако после рассмотрения всех трех версий комиссия заключила, что «прийти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным, приходится лишь оценивать вероятность этих предположений, сопоставляя выяснившиеся при следствии обстоятельства».

Из возможных версий две первые комиссия в принципе не исключала. Что касается злого умысла, то, даже установив ряд нарушений в правилах доступа к артиллерийским погребам и недостаток контроля за находившимися на корабле рабочими-ремонтниками, комиссия посчитала эту версию маловероятной. Таким образом, ни одна из выдвинутых комиссией версий не нашла достаточного фактического подтверждения.

Между тем новые документы, уже из архивов советской контрразведки, свидетельствуют о пристальном внимании к «Императрице Марии» и другим кораблям Черноморского флота германской военной разведки. В 1933 году органами ОГПУ Украины в крупном судостроительном центре страны Николаеве была разоблачена немецкая резидентура, действовавшая под прикрытием торговой фирмы «Контроль-К», возглавляемой Виктором Эдуардовичем Верманом, 1883 года рождения, уроженцем города Херсона, проживавшим в Николаеве и работавшим начальником механосборочного цеха «Плуг и молот». Цель организации — срыв судостроительной программы набирающего мощь военного и торгового флота Советского Союза. Конкретные задачи — совершение диверсий на Николаевском заводе имени Анри Марта, а также сбор информации о строящихся там судах, большинство из которых были военными.

Сам Верман являлся разведчиком с дореволюционным стажем. На допросе он рассказывал: «Шпионской деятельностью я стал заниматься в 1908 году (именно с этого периода начинается осуществление новой морской программы России. — Авт.) в Николаеве, работая на заводе

“Наваль” в отделе морских машин. Вовлечен в шпионскую деятельность я был группой немецких инженеров того отдела, состоящей из инженеров Моора и Гана». И далее: «Моор и Ган, а более всего первый, стали меня обрабатывать и вовлекать в разведывательную работу в пользу Германии».

Верману было поручено взять на себя руководство всей немецкой разведсетью на юге России: в Николаеве, Одессе, Херсоне и Севастополе. Он вербовал людей для разведывательной работы в Николаеве, Одессе, Севастополе и Херсоне, собирал материалы о промышленных предприятиях, данные о строящихся военных судах подводного и надводного плавания, их конструкции, вооружении, тоннаже, скорости.

На допросе Верман рассказывал: «Из лиц, мною лично завербованных для шпионской работы в период 1908–1914 гг., я помню следующих: Штайвеха, Блимке, Наймаера, Линке Бруно, инженера Шеффера, электрика Сгибнева». Все они сотрудники судостроительных заводов, имевшие право прохода на строящиеся корабли. Особый интерес вызвал электрик А.В. Сгибнев. Он отвечал за работы по оборудованию временного освещения строящихся на «Руссуде» военных кораблей, в том числе и «Императрицы Марии».

В ходе следствия Сгибнев показал, что Вермана очень интересовала схема артиллерийских башен дредноутов. А ведь первый взрыв на линкоре «Императрица Мария» раздался именно под носовой артиллерийской башней. «В период 1912–1914 гг., — рассказывал Сгибнев, — я передавал Верману сведения в устной форме о строящихся линейных кораблях типа дредноут, “Мария” и “Александр III” в рамках того, что мне было известно о ходе их постройки и сроках готовности отдельных отсеков кораблей».

Во время взрыва на «Марии» Верман был депортирован и лично организовать диверсию он не мог. Но в Николаеве и Севастополе была оставлена хорошо подготовленная разведсеть. Позднее он сам говорил об этом: «Я лично осуществлял связь с 1908 года по разведывательной работе со следующими городами: ...Севастополем, где разведывательной работой руководил инженер-механик завода “Наваль” Визер, находившийся в Севастополе по поручению нашего завода специально для монтажа строившегося в Севастополе броненосца “Златоуст”. Знаю, что у Визера была своя шпионская сеть в Севастополе, из состава которой я помню только конструктора адмиралтейства Карпова Ивана, с которым мне приходилось лично сталкиваться».

Не участвовал ли Визер в достройке «Императрицы Марии» или ее ремонте в начале октября 1916 года? Тогда на борту корабля ежедневно находились десятки инженеров, техников и рабочих. Проход на корабль

этих людей не составлял труда. Вот что об этом говорится в письме сева­сто­поль­ско­го жандармско­го управ­ле­ния началь­ни­ку шта­ба коман­ду­ю­ще­го Чер­но­мор­ским фло­том: «Мат­ро­сы гово­рят о том, что ра­бочие по про­вод­ке элек­три­че­ства, быв­шие на ко­ра­бле на­кануне взры­ва, до 10 ча­сов ве­че­ра мо­гли что-ни­будь учинить и со злым умыслом, так как ра­бочие при вхо­де на ко­ра­бль со­вер­шенно не ос­ма­три­ва­лись и ра­бо­та­ли так­же без дос­мо­тра. Осо­бенно выс­ка­зы­ва­ется по­до­зре­ние в этом от­но­ше­нии на ин­же­не­ра той фир­мы, что на На­хи­мов­ском про­спек­те, д. 355, яко­бы на­кануне взры­ва уеха­вше­го из Севас­то­по­ля».

Во­про­сов мно­го. Но ясно од­но — по­строй­ка но­вей­ших лин­ко­ров Чер­но­мор­ско­го фло­та, в том чис­ле «Им­пе­ра­три­цы Мари­и», «о­пе­ка­лась» агентами гер­ман­ской во­ен­ной раз­вед­ки са­мым плот­ным об­ра­зом. Нем­цев очень бес­по­ко­ил рус­ский во­ен­ный по­тен­ци­ал на Чер­ном мо­ре, и они мо­гли по­йти на лю­бые дей­ствия, что­бы не до­пус­тить пре­вос­ход­ства Рос­сии на дан­ном те­атре во­ен­ных дей­ствий.

В свя­зи с этим ин­те­рес­ны све­де­ния агента пет­ро­град­ско­го де­пар­та­мен­та по­ли­ции, вы­сту­пав­ше­го под псев­до­ни­ма­ми «Алек­сан­дров», «Ле­нин» и «Шарль». Его на­сто­я­щее имя Бен­ци­ан До­лин. В пе­ри­од Пер­вой ми­ро­вой вой­ны До­лин, как и мно­гие дру­гие агента политичес­кой по­ли­ции, был пе­ре­ори­ен­ти­ро­ван на ра­бо­ту в об­ла­сти внеш­ней кон­тр­раз­вед­ки. «Шарль» вы­шел на кон­так­те немец­кой во­ен­ной раз­вед­кой и по­лу­чил за­да­ние вы­вес­ти из стро­я «Им­пе­ра­три­цу Марию». Од­ин из ру­ко­во­ди­те­лей немец­кой раз­вед­ки, с ко­то­рым агент встре­тил­ся в Бер­не, ска­зал ему: «У рус­ских од­но пре­иму­ще­ство пе­ред нами на Чер­ном мо­ре — это “Мари­я”. По­ста­рай­тесь уб­рать ее. Тогда на­ши си­лы бу­дут рав­ны, а при ра­вен­стве си­л мы по­бе­дим».

На за­прос «Шар­ля» в пет­ро­град­ский де­пар­та­мент по­ли­ции он по­лу­чил рас­по­ря­же­ние при­нять с не­ко­то­ры­ми оговор­ка­ми пред­ло­же­ние об уни­что­же­нии рус­ско­го лин­ко­ра. По воз­вра­ще­нии в Пет­ро­град агент был пе­ре­дан в рас­по­ря­же­ние во­ен­ных вла­стей, од­на­ко свя­зь с ним не была вос­ста­нов­ле­на. В ре­зуль­та­те та­ко­го без­дей­ствия были у­те­ря­ны кон­так­ты с гер­ман­ской раз­вед­кой, на оче­ред­ную встре­чу с ко­то­рой агент дол­жен был вы­йти че­рез два ме­ся­ца в Сток­голь­ме. Еще че­рез не­ко­то­рое вре­мя «Шарль» узнал из га­зет о взры­вах на «Им­пе­ра­три­це Мари­и». От­прав­лен­ное им в свя­зи с этим со­бы­ти­ем пись­мо в де­пар­та­мент по­ли­ции оста­лось без от­ве­та.

Сле­д­ствие по де­лу арес­то­ван­ных в Ни­ко­ла­еве гер­ман­ских агентов было за­кон­че­но в 1934 го­ду. Вы­зы­ва­ет недо­умение лег­кость на­ка­за­ния, по­не­сен­но­го Вер­маном и Сгиб­не­вым. Пер­вый был выд­во­рен за пре­де­лы СССР в мар­те 1934 го­да, вто­рой — при­го­во­рен к 3 го­дам ла­ге­рей. Хотя,

собственно, что ж недоумевать?! Ведь они помогали большевикам бороться с «ненавистным царизмом»! Более того: в 1989 году оба были реабилитированы. В заключении органов юстиции говорится, что Верман, Сгибнев, а также Шеффер (который понес самое тяжкое наказание — был приговорен к расстрелу, хотя сведений о приведении приговора в исполнение не имеется) попадают под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

КТО СТРЕЛЯЛ В ЛЕНИНА?

(Материал Е. Латия, В. Миронова)

1918 год для Российской империи начался на два месяца раньше — 25 октября 1917 года, или 8 ноября по новому стилю. Именно в ночь с 25 на 26 в Петрограде произошел государственный переворот, названный впоследствии Великой Октябрьской революцией. Проснувшись утром 26-го, перепуганный петроградский обыватель с удивлением обнаружил, что многие магазины и учреждения не работают, правительство Керенского свергнуто, сам он бежал, а власть захватили большевики — Российская социал-демократическая рабочая партия, во главе которой стоял мало кому известный в ту пору в России Владимир Ульянов. Этот рыжеватый, невысокого роста, сын учителя из провинциального волжского городка Симбирска, юрист по профессии, революционер с двадцатилетним опытом был хорошо знаком лишь царской охранке.

Последний раз Владимир Ульянов был арестован в 1895 году, сослан в Сибирь и после ссылки уехал за границу, где провел 16 лет. Больше теоретик, нежели практик, он, обладая огромными организаторскими способностями, создал за границей партию, поставившую своей целью захват власти в России.

Забываясь о партийной кассе, Ленин не брезговал ни подношениями крупных фабрикантов, ни разбоем своих партийных террористов, грабивших банки и пароходы, — двое из них вошли в историю партии: легендарный Камо (Тер-Петросян) и не менее легендарный Коба, он же Иосиф Джугашвили, которого весь мир будет знать под другим именем — Иосиф Сталин. Но любые деньги когда-то кончаются. Между тем началась Первая мировая война. Ленин делает немцам совершенно невероятное и фантастическое предложение: вывести Россию из войны. Германия держала на Восточном фронте 107 дивизий, почти половину своих войск. Кто же откажется от такой заманчивой сделки, тем более что Ленин никак не походил на шутника? И за два года — с 1915 по 1917-й — в партийную кассу большевиков, по подсчетам современных исследователей, перекачывало более 50 миллионов золотых марок — сумма немаленькая!

Ленин сдержал свое слово. 25 октября 1917 года большевики, вскормленные на немецкие деньги, насильственным путем захватили власть, а 3 марта 1918-го Советская Россия подписала мирный договор с

Германией, по которому немцам отходил 1 миллион квадратных километров территории нашей страны. Ленин также обязался выплатить Германии 50 миллиардов рублей контрибуции.

Взяв власть, Ленин начал с популистских деклараций, обещая всеобщий мир, землю — крестьянам, свободу и демократические права — всем остальным. Но партия Ленина не пользовалась популярностью в массах, зато в народе хорошо знали другую партию — социалистов-революционеров, эсеров. Это эсеры в основном вели подпольную работу, поднимали крестьянские восстания, организовывали стачки на заводах, это за ними в народном сознании закрепился ореол борцов с царизмом. Поэтому когда осенью 1917 года, уже после октябрьского переворота, состоялись выборы в Учредительное собрание — главный, как предполагалось тогда, законодательный орган новой революционной России, — эсеры одержали на них убедительнейшую победу, в то время как сторонники Ленина набрали всего четверть голосов. 5 января 1918 года, когда Учредительное собрание начало свое первое заседание, большевики вдруг поняли, что потеряли власть...

Это был черный день в жизни Ленина. И тогда он без всяких сантиментов распустил Учредительное собрание. А если быть более точным в определениях — разогнал. Пролетарский писатель Максим Горький позже утверждал, что это сделал «сознательный анархист» матрос Анатолий Железняков, который, по его собственному признанию, готов был убить миллион человек, но вместе с братом-пропойцей успел застрелить лишь 43 офицера, уверяя, что после этого «самому, знаете, приятно делается, и на душе спокойно, словно ангелы поют...» Эсеры организовали демонстрацию протеста, но большевики тут же ее расстреляли.

Вчерашние соратники в борьбе против царя в один миг сделались врагами. Правые эсеры организовали свое правительство в Самаре, на Волге. Благодаря восстанию чехов они взяли власть в поволжских областях, захватили и большую часть золотого запаса бывшего царского правительства. Другая часть эсеровской партии — левые эсеры, хоть и обиделись на большевиков, но остались в правительстве, в ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с саботажем и контрреволюцией, которая была организована 7 декабря 1917 года и из которой позже вырос КГБ) и во ВЦИКе — во Всероссийском центральном исполнительном комитете, в самом нижнем этаже которого и стояли Советы. Этим последним формально и принадлежала власть, еще со времен знаменитого ленинского лозунга «Вся власть Советам!» Она и будет им формально принадлежать до распада красной империи в 1991 году, хотя

с первого же дня революции власть в Советской России принадлежала только партии коммунистов-большевиков, а точнее ее вождям: большим — наверху, а маленьким — внизу, на местах.

К внутренним бедам у большевиков прибавились и беды внешние. В марте 1918-го началась интервенция бывших союзников — Англии, Америки и Франции. На Дальнем Востоке высадились японцы, в Закавказье вторглись турки, в Омске власть захватил Колчак, объявив себя Верховным правителем России. На юге собирали антибольшевистскую армию Каледин и Деникин. К середине лета 1918 года большевики с трудом контролировали лишь одну четвертую часть всей России. Всем казалось, что власть Ленина доживает последние дни...

20 июня 1918 года в Петрограде был убит большевистский комиссар по делам печати Моисей Володарский. Спустя полтора месяца, 30 августа, застрелен руководитель Петроградской ЧК Моисей Урицкий. В тот же день, 30 августа 1918 года, вечером в Москве во дворе завода Михельсона раздались 4 выстрела. Человек небольшого роста, в кепке, стоявший возле машины, дернулся и упал навзничь на землю. Толпа, окружавшая его, шарахнулась в разные стороны, женщины завопили. К упавшему подбежали, перевернули.

— Поймали его или нет? — глухим шепотом произнес пострадавший. Ответить ему никто не мог. Еще через час по Москве разлетелась страшная новость: убили Ленина...

...За шесть дней до покушения на бульваре около Смоленского рынка встретились три человека: Дмитрий Донской, Григорий Семенов и Фанни Каплан. Донской, по профессии военный врач, контролировал и боевые группы эсеров. Одной из таких групп руководил Григорий Семенов, член той же партии. Донской нервно оглядывался: всех троих могли запросто загрести в ВЧК. Два дня назад на председательское место вернулся Феликс Дзержинский, который ушел было со своего поста после событий 6 июля в Москве. Тогда сотрудники ВЧК Блюмкин и Андреев застрелили немецкого посла Вильгельма Мирбаха, а Дзержинского — он поехал в отряд Попова, формально считавшийся отрядом ВЧК, чтобы арестовать Блюмкина, — разоружили и самого арестовали. Это привело Ленина в бешенство: что это за руководитель ВЧК, которого арестовывают собственные же бойцы?!

С Петерсом, который стал председателем ВЧК после ухода Дзержинского, у Ильича отношения не сложились. Феликс бегал в Кремль почти каждый день и все подробно докладывал, советовался, выполнял указания, а Петерс лишь посылал отчеты. Ильич же предпочитал держать ВЧК в поле ближнего зрения. Вот он и вернул Феликса на место.

Дзержинский занимается сейчас ликвидацией «Национального центра», по городу рыщут чекисты, а тут на тебе — на лавочке сидит сам господин Семенов, под руководством которого был убит в Петрограде Моисей Володарский, а вместе с ним небезызвестная террористка Фаня Каплан и военный эсеровский вождь Дмитрий Донской. Хорошая компания!

Семенов представил Донскому Фанни — они формально были незнакомы — и предоставил ей слово. Фаня заявила, что готова убить Ленина...

К портрету Каплан: «Открытый лист номер 2122. Составлен в канцелярии Акатуйской тюрьмы 1913 году октября 1 дня. Каплан Фейга Хаимовна, ссыльно-каторжная 1 разряда. Волосы темно-русые, лет 28, лицо бледное, глаза карие, рост 2 аршина, 3 1/2 вершка, нос обыкновенный. Особые приметы: над правой бровью продольный рубец длиной 2,5 сантиметра. Дополнительные сведения: из мещан Речицкого еврейского общества. Родилась в 1887 году. Девица. Недвижимого имущества не имеет. Родители уехали в США в 1911-м году. Других родственников не имеет. За изготовление бомбы против киевского губернатора приговорена к расстрелу, он был заменен пожизненной каторгой. При изготовлении бомбы была ранена в голову, на каторге ослепла, позже зрение частично вернулось. На каторге хотела покончить с собой. По политическим взглядам стоит за Учредительное собрание».

Из отзыва Донского о Каплан: «Довольно привлекательная женщина, но, без сомнения, сумасшедшая, в дополнение к этому с различными недугами: глухота, полуслепота, а в состоянии экзальтации — полный идиотизм». Заметим, что Донской — профессиональный врач...

— Я не понял, что вы сказали? — переспросил Фанни Дмитрий Дмитриевич.

— Я хочу убить Ленина, — ответила Каплан.

— Зачем? — не понял Донской.

— Потому что считаю его предателем революции, и само его существование подрывает веру в социализм.

— Чем же оно подрывает? — спросил Донской.

— Не хочу объяснять! — Фанни помолчала. — Он удаляет идею социализма на десятки лет!

Донской рассмеялся:

— Пойди-ка prospись, милая! Ленин не Марат, а ты не Шарлотта Корде! А главное, наш ЦК никогда на это не пойдет. Ты попала не по адресу. Даю добрый совет — выкинь все это из головы и никому больше не рассказывай!

Каплан была обескуражена таким ответом. Донской попрощался с ними и быстро стал уходить. Семенов его догнал, о чем-то поговорил, вернулся к Каплан и неожиданно объявил, что все в порядке.

— Донской одобрил мой план!

— Но он же сказал совсем другое, — не поняла Каплан.

— Ты что хочешь, чтоб он первой встречной сказал: иди, убивай Ленина?! Конспирация, моя милая! Забыла совсем на каторге, как это делается! Пошли, теперь надо готовиться!

И они медленно двинулись по бульвару в сторону рынка...

27 августа 1918 года. Кремль. Ленин как обычно работал в своем кабинете, когда к нему зашел Яков Свердлов...

К портрету Свердлова: Яков Михайлович Свердлов родился в бедной еврейской семье в Екатеринбурге. 33 года. В 16 лет вступил в партию, был на подпольной работе, в ссылках. В 1918 году — председатель ВЦИКа, главного законодательного органа Советской республики. Свердлову подотчетна ВЧК, Ревтрибунал. Он второй человек после Ленина в партийной иерархии. Энергичен, честлюбив, умен, гибок, трезво оценивает обстановку. В его личном сейфе лежат бланки паспортов царского образца — для возможного бегства за границу (один из них заполнен на его имя), а также крупная сумма в виде золота, бриллиантов и царских ассигнаций...

Свердлов принес Ленину дополнение к Брест-Литовскому договору. Сегодня его предстояло подписать. После убийства немецкого посла в Москве немцы разорвали Брест-Литовский договор, и Ленину с огромным трудом удалось погасить конфликт, согласившись на новые, еще более грабительские условия немцев. Им пришлось отдать в долгосрочную концессию железные дороги, нефть, уголь, добычу золота. Кроме этого, Россия обязывалась передать Германии 245564 килограмма золота, причем первый вывоз был запланирован на 5 сентября. Свердлов, показав Ленину дополнение, высказал обеспокоенность: на Москву надвигается голод, нет горючего для машин, растет сопротивление властям и откровенный саботаж. А этот договор лишь подольет масла в огонь и даст козырь эсерам в борьбе против них.

— Саботажников, заговорщиков и даже колеблющихся надо расстреливать на месте! — темпераментно проговорил Ленин. — Пусть на местах формируют тройки и расстреливают всех без всякого промедления! За хранение оружия — расстрел! За выступление против Советской власти — расстрел! Неблагонадежных арестовывать и вывозить в концентрационные лагеря, которые надо организовывать прямо за

населенными пунктами: пусть все видят, что их ждет за подобные поступки!

Ильич поднялся из-за стола и стал энергично взмахивать рукой, словно диктовал очередную телеграмму. Свердлов знал, что немало телеграмм такого содержания ушло в Пензу, Самару, Кострому, Саратов. Председателя ВЦИКа охватывал ужас, когда он наблюдал за этой кровавой истерикой вождя.

— Мы и без того расстреливаем по сотне в день и многих сочувствующих нашей власти отталкиваем от себя этими жестокими методами, играя на руку Колчаку и Деникину, Они уже стали большевиками запугивать народ. Чтобы нам выжить и победить контрреволюцию, сейчас архинеобходимо сочувствие масс, их надо перетянуть на нашу сторону! — возразил Свердлов.

— Вот и перетягивайте! Вы — председатель ВЦИКа, глава законодательной власти, а я исполнитель! Я расстреливаю саботажников, контрреволюционеров и всякую остальную сволочь! А вы решайте задачи в более глобальном масштабе!

Ленин не без ехидства усмехнулся. Свердлов не понимал этого ленинского абсолютного спокойствия. Он как-то сказал Ильичу, что запаса их власти хватит всего на две недели — на столько в Москве оставалось продовольствия и керосина. Ленин обрадовался: он думал, что все уже давно кончилось. Но что же дальше делать?

— Реквизировать излишки у богатеев! Военный коммунизм! Поделись с соседом. Не хочешь делиться — к стенке!

— Но народ нас не поймет, — сказал Свердлов.

— Неужели? — удивился Ленин. — Жалко! Мы только начали этот эксперимент! Народ не поймет злодея. Поэтому нам надо притвориться сиротками: нас обижают, помогите! Вот над чем подумайте!

Свердлов задумался. Собрал своих секретарей — Енукидзе, Аванесова, члена ВЦИКа и ВЧК Кингисеппа, председателя ВЧК Петерса, чекиста Якова Юровского, еще совсем недавно по поручению Свердлова и Ленина ликвидировавшего в Екатеринбурге всю царскую семью. Они уединились, приняли все меры предосторожности, чтобы этот разговор не вышел за стены кабинета. Свердлов взял со всех твердый обет молчания. И предложил свой план спасения власти: неожиданный, хитроумный и — вынужденный...

...Боевой летучий отряд Семенова являлся центральной группой правоэсеровской партии. 20 июня член этого отряда Сергеев застрелил по приказу Семенова Моисея Володарского. ЦК правых эсеров, узнав об этом

теракте, был возмущен тем, что Семенов самовольно осуществил его и публично отказался взять на себя ответственность.

Тем самым Семенов фактически превращался в вожака банды, и смерть Володарского теперь лежала только на нем. Он впоследствии показывал: «Это заявление было для нас неожиданным и морально огромным ударом... Я виделся и говорил с Рабиновичем, и как представитель ЦК Рабинович от имени ЦК мне заявил, что я не имел права совершать акта».

Семенов хорошо понимал, что рано или поздно Донской и Гоц, лидеры партии правых эсеров, без особого душевного трепета сдадут его чекистам. После убийства Урицкого в Петрограде оставаться было опасно, и Семенов вместе с Сергеевым перебрался в Москву. Потом вызвал сюда другого боевика своей группы — Коноплеву.

Накануне ее приезда его пригласил к себе Енукидзе. Он был секретарем Свердлова и занимался вопросами военной разведки. Они были знакомы с Семеновым еще с юности. Енукидзе угостил Семенова ужином, они выпили вина. И Енукидзе предложил старому приятелю, о котором знал почти все, в том числе и о его причастности к убийству Володарского, поработать на военную разведку большевиков. Речь шла об одном деликатном деле.

— А что за дело, Авель Сафронович? — спросил Семенов.

— Покушения на Ленина и Троцкого, — ответил Енукидзе. — Нам нужно, чтобы ты как бы подготовил эти убийства. Подобрал группу, добился согласия ЦК партии эсеров, нашел подходящего исполнителя. На твой ЦК и этого исполнителя потом и ляжет вся ответственность.

— А само покушение будет? — спросил Семенов.

— Это не твоя забота! — ответил Енукидзе...

К портрету Семенова: Семенов-Васильев Григорий Иванович, родился в эстонском городе Юрьев (Дерпт, ныне Тарту), 27 лет, самоучка, с 24 лет член партии эсеров. Был комиссаром конного отряда, с конца 1917 года член военной комиссии ЦК правых эсеров, руководитель боевой группы правых эсеров. Писатель Виктор Шкловский, знавший Семенова, так его характеризует: «Человек небольшого роста в гимнастерке и шароварах, с очками на небольшом носу... Тупой и пригодный для политики человек. Говорить не умеет».

...И Семенов стал работать. Составленный им план «редактировал» следователь ВЧК Яков Агранов. Согласно ему, Москва была поделена на четыре района, каждый из которых курировал определенный боевик. Другие боевики должны поочередно дежурить на митингах, куда

приезжали выступать вожди республики. Как только появлялся Ленин, дежурный сообщал об этом районному «куратору», и тот являлся, чтоб исполнить теракт...

Для осуществления этого плана Семенову и потребовалась встреча с Донским. Не удовлетворившись ею, он два раза съездил к Гоцу, который жил на даче в Подмоскowie, но везде получал отказ. Однако приезжая на собрания своей боевой группы, Семенов говорил, что и Донской и Гоц их планы одобряют. Для убийства Ленина были отобраны четыре исполнителя: Усов, Козлов-Федоров, Коноплева и Каплан...

...30 августа в 17.00 Ленин обедает в Кремле с женой, Надеждой Крупской. Днем пришло сообщение, что в Петрограде застрелен руководитель петроградского отделения ВЧК Моисей Урицкий. Ленин попросил Дзержинского выехать немедленно в Питер и заняться расследованием этого убийства. Аппетит вождя этим обстоятельством нарушен не был. Он поел с удовольствием, шутил с женой, которая пыталась отговорить его от выступлений. Их в эту пятницу у Ленина намечалось два: на Хлебной бирже и на заводе Михельсона. Тема: «Диктатура буржуазии и диктатура пролетариата». В ответ на напоминание жены, что районный партийный комитет запретил Ленину временно выступать на митингах, он шутливо заметил, что Яков Михайлович Свердлов строго требует от всех руководящих лиц участия в митингах и сильно побранит его за такой отказ.

Около восьми вечера Ленин приехал на Хлебную биржу. Машину вел шофер Казимир Гиль. На Хлебной бирже находился один из боевиков Семенова — Козлов-Федотов. Позже он покажет на следствии: «Я имел при себе заряженный револьвер и, согласно постановлению отряда, должен был убить Ленина. Я не решился выстрелить в Ленина, потому что я колебался в вопросе о допустимости убийства представителя другой социалистической партии». Объяснение весьма странное: профессиональный боевик ведет себя как институтка. Ленин выступал на Хлебной бирже 20 минут, еще полчаса отвечал на вопросы, после чего уехал. Из показаний шофера Гиля: «Я приехал с Лениным около 10 часов вечера на завод Михельсона».

30 августа в 10 часов вечера на улице уже темнеет. Ленина никто не встречал, и он сам прошел в заводской цех, где проходил митинг. На митинге Ленин также говорил полчаса. Еще полчаса отвечал на вопросы.

Из показаний Семенова: «Каплан по моему указанию дежурила недалеко от завода на Серпуховской площади». Это примерно метров двести от заводского двора...

Около 11 вечера Ленин покинул цех и направился к машине. Вместе с Лениным во двор вышли и те, кто слушал вождя. Он уже собирался садиться в машину, когда раздались выстрелы. Ленин упал. Многие в страхе бросились бежать со двора на улицу. Помощник комиссара пехотного полка Батулин закричал: «Держите убийцу!» и тоже бросился на улицу.

Из показаний Батулина: «Добежавши до так называемой “Стрелки” на Серпуховке, я увидел... около дерева... с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: “А зачем вам это нужно?”. Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: “Зачем вы стреляли в тов. Ленина?”, на что она ответила: “А зачем вам это нужно знать?”, что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина».

Абсурдность этих показаний очевидна. Но важно отметить, что Каплан стояла там, куда ее поставили. Очевидно и то, что следует из показаний Батулина: ему приказали опознать Каплан. Удивительно другое: почему Каплан призналась, что именно она стреляла в Ленина? Возможно, учитывая ее склонность к экзальтации, организаторы покушения «просчитали» и это признание — ибо ее вели уже как убийцу, толпа ревела, требуя самосуда, и Бакулин сам говорит, что спас террористку от расправы. У Каплан еще с 1906 года был врожденный невроз, когда она была приговорена к расстрелу, а потом помилована. Именно в силу этого она тотчас взяла всю вину на себя, категорически отказываясь отвечать на другие вопросы. Ее истерика, рыдания сменялись каменным молчанием.

Не только абсурдность показаний Батулина доказывает непричастность Каплан к выстрелам. При обыске у нее был найден «браунинг», но из него, по всей видимости, никто не стрелял, ибо к делу он причислен не был. В качестве решающей улики в деле фигурирует другой «браунинг», который 2 сентября рабочий Кузнецов принес в Замоскворецкий военный комиссариат, уверяя, что это тот самый «браунинг», из которого стреляли в Ленина. В первом заявлении — в комиссариат — Кузнецов написал: «Ленин еще лежал, неподалеку от него было брошено оружие, из которого было сделано 3 выстрела в товарища Ленина (оружие системы “браунинг”), поднявши это оружие, я бросился бежать за тем лицом, которым было сделано покушение, и со мной бежали другие товарищи для задержания этого негодяя, и товарищи, бежавшие

впереди меня, задержали этого человека, который делал покушение и вместе с другими товарищами я препровождал этого человека в военный комиссариат». Слова Кузнецова — «негодяй», «этот человек» явно свидетельствуют, что задержанный был мужчина. Но в заявлении в ВЧК, сделанном того же 2 сентября, вместо слов «негодяй» и «человек» Кузнецов пишет другое слово — «женщина». И это сделано явно не без подсказки «компетентных товарищей».

О мужчине-убийце свидетельствует и сам Ленин. Шофер Гиль вспоминает: «Я опустился перед Владимиром Ильичем на колени, наклонился к нему... “Поймали его или нет?” — спросил он тихо, думая, очевидно, что в него стрелял мужчина».

Тот же Гиль в протоколе допроса вносит поправку: «После первого выстрела я заметил женскую руку с “браунингом”». Эта поправка весьма замечательна и дописана она уже на следующий день, когда стало известно, что Каплан арестована и призналась. Не исключено, что на Гиля мягко надавили, чтобы он записал эту поправку. Ленинское же замечание «поймали его или нет?» очень важно. Это не оговорка. После первого выстрела, ранившего разговаривавшую с Ильичем женщину, Ленин инстинктивно обернулся. Это и спасло ему жизнь. Лечивший его врач Вейсброт утверждал: «Лишь случайный и счастливый поворот головы спас его от смерти».

Сразу же после покушения на Ленина Семенов доложил ЦК правых эсеров, что это сделал «дружинник». Впоследствии на процессе эсеров эта деталь всплывет и застанет Семенова врасплох: он не сможет ответить, кого он имел тогда в виду. И снова, как в случае с Володарским, ЦК правых эсеров публично заявляет, что не имеет никакого отношения к данному покушению...

На митинге на заводе Михельсона 30 августа присутствовали два дружинника-эсера: Новиков и Протопопов. Новиков выступит потом свидетелем на процессе в 1922 году и скажет, что задерживал в дверях толпу, выходящую из цеха после митинга, давая Каплан возможность выстрелить в Ленина, но тот же шофер Гиль отметит, что никакой давки в дверях не было.

Еще более любопытна фигура Протопопова. Он был без суда и следствия расстрелян в ночь на 1 сентября 1918 года. Протопопов — бывший матрос — был заместителем командира боевого отряда ВЧК (того самого отряда Попова, который принял активное участие в мятеже 6 июля). Это Протопопов арестовал Дзержинского, который прибыл в отряд в поисках убийцы Мирбаха — сотрудника ВЧК Блюмкина. После подавления

мятежа Протопопов был арестован. Началось следствие, его вел Виктор Кингисепп — он руководил и следствием по делу покушения на Ленина. Но в приговоре суда по мятежу левых эсеров фамилии Протопопова уже нет. Он исчез, неожиданно всплыв лишь 30 августа. И, вероятнее всего, он и есть тот «негодяй», который стрелял в Ленина. Но, угадывая, кто стрелял, мы не проясним всю картину покушения, если не ответим на главный вопрос: кто стоял за Семеновым, Каплан, Протопоповым?

...Вечером 30 августа появилось воззвание Свердлова: «Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Двое стрелявших задержаны. Их личности выясняются. Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, наймитов англичан и французов».

Воззвание датировано конкретным часом: 10 часов 40 минут. «Несколько часов назад» — это значит в восемь часов. Но Ленин приехал на завод лишь в 10 вечера, а закончил выступать в 11.00. И кто эти «двое стрелявших»? Каплан и Протопопов? Первая лучше вписывалась в задуманную Свердловым схему. Поэтому Свердлов не сомневался, что будут найдены «следы».

Мы уже упоминали, что руководил следствием Виктор Кингисепп. Его в свое время Свердлов ввел в Ревтрибунал. Кингисепп являлся членом ВЦИКа и напрямую подчинялся Свердлову. Второй следователь по делу покушения — Яков Юровский, земляк Свердлова, тоже родом из Екатеринбурга, расстрелявший по приказу председателя ВЦИКа царскую семью. Свердлов оценил старания уральского чекиста и забрал его в Москву. На первом и других допросах Каплан присутствовал также секретарь Свердлова Аванесов.

Свердлов ни на секунду не выпускал дело из своих рук. Семенов состоял в близкой дружбе с другим секретарем Свердлова — Авелем Енукидзе. Семенова арестуют 8 сентября, а вскоре он станет ценнейшим сотрудником военной разведки и ВЧК — и все это стараниями Енукидзе. Он же даст организатору покушения на Ленина рекомендацию в ленинскую партию. Сам Сталин будет читать и править главный труд Семенова «Военная и боевая работа партии социал-революционеров в 1917–18 годах». Этот труд отдельной брошюрой издадут в Германии, а на процессе правых эсеров в 1922-м по постановлению ЦК партии защищать Семенова будет первый оратор страны Советов Бухарин. После процесса Семенова амнистируют и по бесплатной путевке отправят отдыхать на юг. Трогательная забота о главном террористе республики! Все это наводит на мысль, что Семеновым еще до покушения руководили важные персоны,

такие, к примеру, как Свердлов и Енукидзе.

1 сентября по приказу Свердлова комендант Кремля Мальков заберет Каплан из тюрьмы ВЧК и перевезет ее в Кремль, а 3 сентября по приказу того же Свердлова Каплан расстреляют, а тело сожгут — там же, в Кремле, под гул моторов, во дворе Автобоевого отряда. И это одна из главных улик, свидетельствующая, что в покушении был замешан Свердлов, ибо только ему было выгодно побыстрее уничтожить свидетелей. Ведь следствие еще только-только началось. 2 сентября принесли «браунинг» — Каплан должна была его опознать. Требовались очные ставки со свидетелями, которые должны были подтвердить ее присутствие во дворе завода Михельсона — ведь стреляли в вождя не только красной России, но и всего мирового пролетариата! Однако тут признание Каплан, скорее всего, и рухнуло бы, потому что ее никто во дворе видеть не мог. Больше того, Свердлову сообщили: на Каплан накатывают истерики, слезы, революционный запал прошел, и она может не только отказаться от признания, но и рассказать подлинную историю покушения. Тогда потянут Семенова, Новикова, заговорят о Протопопове, почему и кто его расстрелял, а там... Свердлову даже страшно об этом подумать. Требовалось быстрее спрятать концы в воду. Нет Каплан — нет и следствия.

А. Балабанова, которая навестила семью вождя в сентябре 1918 года, приводит примечательную характеристику: «У меня сложилось впечатление, что он был особенно потрясен казнью Доры Каплан...» Эта фраза дает нам понять, что решение об этом принимал не Ленин, а кто-то другой (понятно кто: Яков Свердлов). И что Ильич не очень был рад такому решению. Но Свердлов сумел его убедить, подчинить своему решению, а значит, и степень влияния Свердлова на Ленина в некоторых вопросах была весьма сильной.

Крупская вспоминает о том, что происходило в кремлевской квартире, когда раненого Ленина привезли с митинга: «Около вешалки стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все конечно. “Как же теперь будет?” — обронила я. — “У нас с Ильичем все сговорено”, — ответил он. — “Сговорено — значит, кончено”, — подумала я».

Любопытно само слово «сговорено». «Сговорено» может быть между двумя корешами, подельниками. «Сговорено» — значит, заключено тайное соглашение, о котором никто знать не может и не должен. Но что же было «сговорено» между Свердловым и Лениным? Покушение на Ленина, когда предполагалось произвести холостые выстрелы, но кто-то по ошибке

выстрелил боевыми? Или «сговорено» о том, что Ленин, предполагая худшее, всю полноту власти передал Свердлову? Именно так Крупская и поняла Свердлова. А значит, у Свердлова была еще одна причина устранить Ленина — он расчищал себе путь к единоличной власти.

Мы уже говорили вначале о причинах, побудивших Свердлова придумать этот «план спасения». В последнее время появляются версии о том, что в Ленина вовсе не стреляли, а все следы пуль — инсценировка. Это была бы оригинальная версия, но имеется слишком много документов, где говорится о пулях и операциях. В последних принимали участие немецкие врачи, а их-то заставить лгать, наверное, было невозможно. Поэтому согласимся, что выстрелы все же были и ранение тоже. Другое дело, что оно действительно оказалось легким. Ленин сам поднялся к себе в комнату в Кремле, сам разделся, а уже 5 сентября встал и начал работать. Ради этой «ювелирной работы» и был, возможно, приглашен опытный стрелок Протопопов — чтобы инсценировать это легкое ранение. По замыслу режиссеров покушения, оно, вероятно, должно было быть еще легче — касательным, задевшем лишь кожу, обжигающим... Но волнение, невольный поворот Ленина — и все изменилось. Ранение оказалось более тяжелым, пуля едва не задела жизненно важную артерию. Поэтому рассердившиеся «режиссеры» и расстреляли Протопопова...

Все это, конечно, лишь предположения, подлинную картину тех событий мы вряд ли когда-нибудь узнаем: свидетелей давно нет, улики тоже. А если они и есть, то вряд ли будут в скором времени обнародованы. Нам остается назвать лишь автора сценария и режиссера этой интермедии: Яков Свердлов. В 1919-м словно по возмездию судьбы он умер. Завершил эту постановку его духовный ученик Сталин.

«Покушение на Ленина» — действительно талантливая инсценировка большевиков. Но благодаря ей режим выжил. Разгромив соратников по революционной борьбе, большевики единолично стали править страной. Ложь, интриги, заговоры, казни, террор стали той плодородной почвой, на которой пышным цветом вырос диктаторский режим Сталина. В жизнь человечества XX века великим монстром вошла Красная империя с ее невероятными экспериментами над душами и жизнями миллионов людей...

КТО УБИЛ КОЛЧАКА?

(По материалам доктора исторических наук И. Плотникова)

Десятилетиями господствовало мнение, что расстрел Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака без суда и следствия был осуществлен по решению Иркутского революционного комитета. Иногда упоминалось о согласовании «акта возмездия» с Реввоенсоветом 5-й армии. Несколько лет тому назад был опубликован документ, свидетельствующий о том, что приказ расстрелять Колчака иркутским партийно-советским властям отдал председатель Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнов. В последние годы была опубликована и телеграмма В.И. Ленина председателю Революционного совета 5-й армии, председателю Сибирского ревкома И.Н. Смирнову. На Западе она известна уже более 20 лет. Впервые этот документ был опубликован в Париже составителем двухтомного издания «Бумаги Троцкого» Ю.Г. Фельштинским. Вот его содержание:

«Шифром.

Склянскому: Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске.

Ленин.

Подпись тоже шифром.

1. Беретесь ли сделать архи-надежно?

2. Где Тухачевский?

3. Как дела на Кав. фронте?

4. В Крыму?

(написано рукой тов. Ленина).

Январь 1920 г.

Верно.

(Из архива тов. Склянского)»

Этот документ трудно назвать телеграммой. По существу, это записка заместителю председателя Реввоенсовета республики Э.М. Склянскому с текстом для телеграммы и рядом вопросов. А четыре заключительных ленинских вопроса — своего рода примечание-комментарий. Нам представляется, что он сделан Троцким, которому вместе с другими документами Э.М. Склянский передал записку.

Текст датирован январем 1920 года. Фельштинский фактически проигнорировал это обстоятельство и, отталкиваясь от содержания, датировал документ самостоятельно, причем довольно условно — «после 7/II-1920 г». (то есть после расстрела Колчака). Он, а вслед за ним и другие авторы воспринимают текст телеграммы как желание Ленина избежать огласки.

Председатель РВС 5-й армии И.Н. Смирнов в воспоминаниях писал, что еще во время пребывания в Красноярске (с середины января 1920-го) он получил шифрованное распоряжение Ленина, «в котором он решительно приказал Колчака не расстреливать», ибо тот подлежит суду.

Смирнов утверждал, что на основе этого распоряжения штаб авангардной дивизии направил телеграмму в Иркутск на имя А.А. Ширямова. Текст телеграммы сохранился и датирован 23 января. Телеграмма гласит: «Реввоенсовет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стратегии и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской республики. Станция Юрты, 23 января 1920 г. Начдив 30-й Лапин, военком Невельсон, за начдива Голубых». Как видим, телеграммой штаба 30-й дивизии расстрел Колчака не запрещался.

Другая телеграмма — Смирнова, посланная 26 января Ленину и Троцкому: «В Иркутске власть безболезненно перешла к Комитету коммунистов... Сегодня ночью дан по радио приказ Иркутскому штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме».

Вряд ли возможно, что такое указание Смирнов мог дать без санкции не только партийного центра, но и лично Ленина. Вопрос был архиважным. Пожелай Ленин на деле сохранить жизнь Колчаку, он прислал бы телеграмму иного содержания, действительно запрещающую расправу. Здесь же он совершенно недвусмысленно одобряет намерения Смирнова. Ленина беспокоит только то, как бы тень за бессудную расправу над

Колчаком в глазах общества не пала на него или на кремлевское руководство. Это подтверждают и неоднократные предупреждения о конспирации. Телеграмма Ленина — прямой приказ об убийстве Колчака.

Ленин не мог тянуть две недели с отправкой своего распоряжения по получении телеграммы от Смирнова, тем более посылать его после 7 февраля, ибо текст телеграммы говорит не о том, что уже произошло и должно быть объяснено, а о том, что должно произойти и затем быть оправдано. Мы располагаем и прямыми доказательствами, подтверждающими это предположение. Каковы они?

В телеграмме речь идет об «угрозе Каппеля». Но главнокомандующий остатками колчаковской армии генерал-лейтенант В.О. Каппель умер еще 26 января. До этого он отморозил ноги, их ампутировали, после чего он скончался от воспаления легких. В командование войсками вступил генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский.

В приписке к тексту телеграммы Ленин спрашивает у Склянского о делах на Кавказском фронте и о том, где находится М.Н. Тухачевский. Эти два вопроса тесно взаимосвязаны. Положение на этом фронте было исключительно сложным. Менялись командующие, шли распри. Надежды на улучшение дел Ленин связывал с личностью М.Н. Тухачевского. До 25 ноября 1919 года Тухачевский командовал 5-й армией, затем был отозван в Москву для получения нового назначения.

22 декабря Тухачевский был назначен на Южный фронт командующим 13-й армией. Он незамедлительно выехал в штаб фронта, которым командовал А.И. Егоров. Шли дни и недели, а штаб фронта, нарушая приказ центра, не ставил Тухачевского на армию. 19 января он обратился в РВС Республики с просьбой «освободить» его «от безработицы», дать назначение хотя бы на транспорт. О письме стало известно Ленину. Это и решило окончательную судьбу бывшего командарма. 24 января 1920 года Тухачевский был назначен временно исполняющим обязанности командующего войсками Кавказского фронта. В штаб Кавказского фронта, находившийся в Саратове, он прибыл только 3 февраля, на следующий день его принял. Лишь с 4 февраля 1920 года его имя появилось в каждодневных сводках.

Ленин «потерял» Тухачевского и спрашивал о нем. Значит, в дни, предшествующие 7 февраля, вождь точно знал о местонахождении и действиях командарма. То есть в наших поисках мы снова выходим на дни, когда Лениным была получена телеграмма И.Н. Смирнова — конец января, на которую следовало отреагировать соответствующим образом. Комментарии к ленинской записке, как мы полагаем — Л.Д. Троцкого, —

никоим образом не могут игнорироваться. Троцкий был в курсе подготовки расстрела Колчака.

Итак, телеграмма составлена не после 7 февраля, даже не в начале этого месяца, а в январе, очевидно — в конце 20-х чисел.

В ходе исследования вопроса мы столкнулись с таким моментом. В биохронике В.И. Ленина за 5 января 1920 года записано: «Ленин дает указание зампредседателю Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому послать шифром телеграмму с директивами члену Реввоенсовета 5-й армии Восточного фронта И.Н. Смирнову. Запрашивает о положении на Кавказском фронте и в Крыму, о местонахождении М.Н. Тухачевского».

Совершенно очевидно, что перед глазами составителей был текст той самой записки Ленина, о которой мы ведем речь. Отнесение же составления документа к 5 января, вне всякого сомнения, — ошибка. И доказать это не так трудно. 5 января Кавказского фронта еще не существовало, он был создан 16 января. Местонахождение Тухачевского Ленину тогда было известно — штаб Южного фронта, и запрос о нем, при надобности, был бы послан его Реввоенсовету.

В начале января Колчак еще находился в пути, не был ни арестован, ни доставлен в Иркутск. В это время в Иркутске только что пришел к власти эсеро-меньшевистский политический центр. До захвата его коммунистами оставались недели.

Мы можем лишь гадать, почему составители биохроники датировали документ 5 января. А вот причины исключения текста телеграммы понятны — умолчать о жестокости, произволе и беззаконии «вождя». Совершенно очевидно, что И.Н. Смирнов имел установку на расстрел А.В. Колчака непосредственно от Ленина. Он выбрал момент — выход белогвардейцев к Иркутску — и направил Иркутскому Совету телеграмму: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения Советской власти в Иркутске настоящим приказываю вам: находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить».

Иркутским руководителям был дан категорический приказ — «расстрелять» и «доложить». Смирнов, как и требовал Ленин, указывает на главный пункт обоснования причин расстрела. Поэтому беспочвенна бытовавшая ранее версия о решении вопроса «на месте». Смирнов, подобно Ленину, тоже прилагал максимум усилий, чтобы свалить вину на иркутян. Так, председатель Иркутского ревкома А.А. Ширямов писал, что он дал указание председателю следственной комиссии С.Г. Чудновскому (он же председатель губчека) «взять Колчака из тюрьмы и увезти его из

города в более безопасное место», комиссия тем не менее решила его расстрелять (как и Пепеляева), но все же через своего представителя в Реввоенсовете 5-й армии хотели выяснить мнение Смирнова на этот счет. Тот якобы ответил, «что если парторганизация считает этот расстрел необходимым при сложившихся обстоятельствах, то Реввоенсовет не будет возражать против него». С.Г. Чудновский же изображает дело таким образом, будто по его предложению ревком рассмотрел вопрос и принял решение. О Смирнове, Реввоенсовете 5-й армии он даже не упоминает. Комендант города И.Н. Бурсак также умалчивает о телеграмме Смирнова. Более того, он утверждает, что через Смирнова поступило указание Ленина — «Колчака при первой же возможности направить в распоряжение 5-й армии для отправки в Москву».

Что касается требований Ленина о «непечатании ровно ничего» о расстреле Колчака, о присылке после вступления в Иркутск Красной армии «строго официальной телеграммы с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так», то оно в главном было выполнено. По запросу из Москвы сибирский ревком во главе с И.Н. Смирновым 3 марта сообщил об обстоятельствах расстрела, естественно, сваливая все на иркутские власти и опасность белых войск.

Но, видимо, перед расстрелом Смирнов должным образом не проинструктировал иркутских руководителей, чтобы до прихода Красной армии о Колчаке ничего не сообщать в прессе. Или, наоборот, все было согласовано, и публикация только способствовала камуфляжу? Во всяком случае, текст «Постановления № 27» ревкома о расстреле и его мотивах был опубликован незамедлительно — уже 8 февраля. Этот текст, которому предпосылались традиционные для важнейших сообщений слова: «Всем! Всем! Всем!», был распространен повсюду телеграфом. И пошла гулять по свету версия, что Колчак был расстрелян по инициативе и решению Иркутского ревкома. В это поверили и белые. Но, как говорится, тайное в конце концов всегда становится явным. Так и в данном случае. В вопросе о том, кем, где и когда было принято решение о расстреле А.В. Колчака, кто приказал и кто исполнил этот приказ, полагаем, можно поставить точку.

КАК ПОГИБ ЧАПАЕВ

(Материал Н. Заруцкой)

История жизни и смерти легендарного комдива в семье правнучки Василия Ивановича Чапаева — Евгении Артуровны — передается из поколения в поколение. Так, родственники комдива убеждены, что Чапаев не утонул — он погиб из-за предательства неверной жены!

...Будущий герой гражданской войны появился на свет в семье крестьянина Ивана Степановича Чапаева 28 января (9 февраля по новому стилю) 1887 года. Мальчик родился семимесячным. Он был совсем крохотным. Купали младенца в деревянной кружке, вырезанной отцом для этого случая. Впоследствии эта «купель» хранилась в семье как реликвия. Всего у супругов было девять детей, четверо из которых умерли в младенчестве. Отец занимался плотницкими работами, и мальчики с ранних лет приучались к труду: помогали строить коровники, дома, церкви.

В 1908 году Василия Чапаева призвали на службу в царскую армию. Однако прослужил он недолго: весной 1909 года его демобилизовали — якобы по болезни. «Ратник ополчения первого разряда призыва 1908 года крестьянин деревни Будайки...» — так был он зарегистрирован по возвращении из армии. На самом деле причиной удаления Чапаева из армии стала казнь его брата Андрея за подстрекательство против царя.

Вскоре Василий женился. Его невеста, Пелагея Метлина, происходила из зажиточной поповской семьи. Ему было 22, ей 16. Родители с обеих сторон были против их союза. Однако в августе 1909 года свадьба все же состоялась. Брак считался неравным. Пелагею, хоть и с некоторой неприязнью, родители Василия приняли в семью. Василий очень любил свою молодую жену, да и она не подвела его — оказалась «бойкой работницей», что немаловажно для крестьянского хозяйства. В следующем году она подарила мужу сына Александра, в 1912 году — дочь Клавдию, а в 1914-м — сына Аркадия. Но Василий недолго оставался с любимой женой — началась война и его снова призвали в армию...

За два года Чапаев дослужился до чина старшего унтер-офицера и стал полным георгиевским кавалером, награжденным солдатским Георгиевским крестом всех четырех степеней. Он стал получать приличное жалованье, которое исправно отсылал домой семье. Но в отпуске за это время он не был ни разу. И вот как-то отец прислал ему письмо — дома нелады:

молодая жена, которой исполнился всего двадцать один год, влюбилась в соседа-кондуктора и ушла из дома, бросив троих детей. Приехал Василий в отпуск, чтобы развестись с неверной женой, пошел за ней, да по дороге они помирились... Помирился-то помирились, а жизни не было. Василий снова уехал на фронт, а Пелагея то и дело уходила к любовнику. Словом, не удалась у Василия личная жизнь.

На фронте был у Василия друг — Петр Федорович Камешкерцев. Когда ранило его в живот разрывной пулей и понял Петр, что недолго ему осталось жить, попросил он Василия не оставлять его семью — жену и двух дочерей. Василий дал клятву. Поначалу он скрыл гибель кормильца, и продолжала вдова Камешкерцева получать деньги — якобы от мужа. А через несколько лет, когда штаб Чапаевской дивизии разместился в Николаевске, где проживала вдова, пошел Василий с ней знакомиться, тогда и рассказал ей о гибели Петра, заверив, что не оставит ее без помощи. Кончилось все тем, что привез Василий своих троих детей ко второй Пелагее, которая стала ему гражданской женой (с первой Пелагеей он так и не был разведен). Но семейная жизнь снова не заладилась. Видно, не было у него на роду написано иметь верную жену.

Приезжает раз Василий домой, а жена его и не ждет... Зарядил он тогда пулемет и направил было на избу, да тут же опомнился: в избе дети были. Уехал Василий назад, на фронт, а через некоторое время и Пелагея к нему в штаб отправилась вместе с младшим сыном Аркадием — мириться. Сына к отцу пропустили, а неверную жену — нет. Поехала она обратно, да по дороге заехала в штаб к белым и рассказала им обстановку на фронте.

Завязался неравный бой. Чапаевцы стали отступать. Сам комдив был ранен пять раз, но ранения не были смертельными. Два венгра-интернационалиста переправили его через Урал, собирались оказать ему первую помощь при первом удобном случае, но, когда доплыли, оказалось, что поздно — умер Чапаев от потери крови. Закопали его тело венгры прямо на берегу в песке и прикрыли камышом...

Других свидетельств смерти Чапаева не было, поэтому слухи ходили разные. Где-то в тридцатые годы пришло Клавдии Васильевне письмо из Венгрии. В нем точно указывалось место захоронения отца, но оказалось, что на том месте давно Урал течет — река поменяла русло...

ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ САККО И ВАНЦЕТТИ

Суд над Сакко и Ванцетти можно считать крупнейшим процессом XX столетия. Для людей всего мира Сакко и Ванцетти стали символом невинно осужденных. Но бывает и так, что символ заслоняет от нас факт. Были они действительно невиновны или стали таковыми, потому что люди верили в их невиновность?

Бриджуотер — небольшой городок в штате Массачусетс (США). В ту среду, 24 декабря 1919 года, по его улицам ехал грузовик. За рулем сидел Эрл Грейвс. Рядом с ним — констебль Бенджамин Боуль, в кузове — кассир Альфред Кокс фабрики. Эти люди везли зарплату на обувную фабрику. Неожиданно дорогу им преградил автомобиль с зашторенными окнами. Из него выскочили трое мужчин. Один из них, с черными усами и в черном пальто, был вооружен карабином, двое других держали в руках пистолеты. Завязалась перестрелка. Получив отпор, трое нападавших вскочили в свою машину и скрылись.

Полиция опросила свидетелей происшествия. Грейвс, шофер грузовика, видевший нападавших достаточно близко, заявил: это были итальянцы. Возникли разногласия относительно марки машины. Некоторые говорили, что это был «хадсон», другие, что «бьюик». Месяцем раньше неподалеку, в Нидеме, была угнана машина марки «бьюик». Шеф полиции Стюарт предположил, что это не простое совпадение. К тому же он имел информацию от осведомителя, который утверждал, что покушение совершили некие итальянцы, которые скрывались в полуразрушенном доме неподалеку от Бриджуотера. Там они оставили свою машину и вернулись в город трамваем. Про эту деталь Стюарт тотчас забыл. Но через несколько месяцев, в апреле, он про это вспомнит. Потому что 15 апреля 1920 года произошло событие, намного более серьезное, нежели покушение в Бриджуотере.

В тот день, около 3 часов пополудни, произошло вооруженное нападение на кассира обувной фабрики Слейтера и Морриля, расположенной в Саут-Брейнтри. Застрелив кассира и его телохранителя и завладев металлическим чемоданчиком с деньгами, двое нападавших вскочили в ожидавшуюся их машину и на полной скорости подъехали к

железнодорожному переезду. Охранник только что опустил шлагбаум: он ждал поезда. Один из пассажиров направил револьвер в сторону охранника и закричал: «Быстро поднимай шлагбаум!» Охранник подчинился. Машина проехала переезд и скрылась в направлении Броктона.

Это нападение легло в основу дела Сакко—Ванцетти.

Тотчас началось расследование. Было опрошено более пятидесяти человек. Некоторые из них описывали черную машину, другие зеленую. Одни утверждали, что машина сверкала чистотой, другие — что она была покрыта грязью. Находились люди, клявшиеся, что видели две машины. Бандитов описывали то брюнетами, то блондинами; в голубых, серых и коричневых одеждах. На голове у них были то шляпы, то кепки, а то и вовсе не было никаких головных уборов. Кто-то слышал восемь выстрелов, кто-то тридцать. Полицейские все же попытались составить наиболее вероятную картину преступления. Было ясно, что в нападении участвовало пять человек, включая шофера, который был, скорее всего, блондином. Те двое, что стояли на улице, были невысокого роста, с бритыми лицами.

Утром 17 апреля в лесной чаще, примерно в трехстах метрах от шоссе, была найдена машина марки «бьюик». Полиция без труда узнала в ней машину, угнанную в ноябре в Нидеме. Возникал вопрос: не были ли неудавшаяся попытка ограбления в Бриджуотере и происшествие в Саут-Брейнтри делом рук одной банды?

Рядом с брошенным «бьюиком» были обнаружены следы шин второй машины. Шефу полиции Стюарту эта подробность показалась очень существенной. Сравнивая два нападения, он вспомнил про анархиста-итальянца по имени Коаччи, с которым сталкивался в 1918 году. Он проживал со своей семьей в Бриджуотере у другого итальянца по фамилии Бода. Стюарт вспомнил и про осведомителя: он говорил об анархистах и о разрушенном доме. Не шла ли речь именно об этих анархистах? Ведь «бьюик», на котором было совершено покушение в Бриджуотере, был найден недалеко от дома Коаччи. А Коаччи работал в Саут-Брейнтри, и именно на обувной фабрике Слейтера и Морриля!

Бода, как и Коаччи, был убежденным анархистом. Но Стюарт не нашел у него Коаччи, поскольку тот уехал в Италию. Бода признал, что Коаччи водил подозрительные знакомства и, кроме того, имел револьвер. Стюарт спросил, нет ли у него машины. Машина есть, отвечал Бода, но сейчас она ремонтируется в гараже Джонсона. Когда на следующее утро Стюарт опять хотел допросить Бода, тот уже исчез...

Стюарт наведалься в гараж, осмотрел машину Бода и попросил Джонсона предупредить его, если хозяин машины объявится. Его

необходимо было любой ценой задержать до прихода полиции.

Бода объявился 5 мая в 9 часов вечера. Он пришел к Джонсону, чтобы забрать свою машину. Джонсону требовалось выиграть несколько минут, чтобы его жена успела позвонить в полицию из соседнего дома. Выйдя на улицу, она увидела Бода, стоящего в свете фар мотоцикла. На мотоцикле сидел человек в клетчатом пиджаке. В десяти метрах от них стояло еще двое мужчин. Один из них — невысокий, коренастый, с грубыми, резкими чертами лица и мощным квадратным подбородком — был в пальто и шляпе. Другой — высокий, с живыми глазками, глубоко сидевшими под густыми бровями; по обеим сторонам его рта спускались густые черные усы, на голове — фетровая шляпа. Г-жа Джонсон сказала Бода, что ее муж скоро выйдет, после чего исчезла в ночи. Гости остались ждать, но Джонсон все не появлялся. Бода что-то заподозрил. Он переговорил по-итальянски со своими спутниками. Г-жа Джонсон, которая, позвонив в полицию, возвращалась домой, услышала слово «телефон». Бода прыгнул в коляску мотоцикла, и тот с ревом помчался в сторону Броктона. Джонсон успел записать его номер: 871. Двое мужчин, стоявших неподалеку, пешком ушли в том же направлении.

Стюарт, предупрежденный по телефону г-жой Джонсон, приехал слишком поздно: Бода уехал на мотоцикле, двое его спутников ушли пешком. Но в том направлении, в котором они ушли, ходил единственный вид транспорта — трамвай. И если эти двое сели в трамвай, идущий в сторону Броктона, то они до сих пор едут в нем! Мгновение спустя Стюарт уже звонил в полицию Броктона. А еще через несколько минут двое полицейских бежали к трамвайным путям...

Двоих незнакомцев арестовали и обыскали. Человек с усами имел при себе револьвер. У бритого за поясом был обнаружен кольт 32-го калибра. Оба пистолета были заряжены, а в карманах задержанных были найдены патроны. Человек с бритым лицом назвался Николо Сакко. Усатого звали Бартоломео Ванцетти...

Ванцетти было 32 года. Он родился и вырос в Пьемонте, в семье рабочего. С раннего детства он слышал разговоры про анархию, казавшуюся такой притягательной в глазах многих итальянцев. Для Ванцетти анархия стала культом. Он выучился на пекаря, но все свободное от работы время проводил со своими друзьями-анархистами, читал их книги, посещал их собрания. Вскоре он потерял работу, а найти новое место анархисту было практически невозможно. И тогда он отплыл в Америку. Здесь он перепробовал различные специальности, оставаясь при этом убежденным анархистом.

Сакко было двадцать девять лет. Он также был анархистом. Сакко был женат на очаровательной итальянке по имени Розина. Высококвалифицированный сапожник, он хорошо зарабатывал, всегда был чисто умыт, свежевыбрит, хорошо одет. Но товарищи-анархисты знали, что могут рассчитывать на Николо Сакко. Если у него были деньги, он всегда предоставлял их своим друзьям.

Когда-то Сакко вместе с Ванцетти работал на фабрике «Райс энд Хаткинс» в Саут-Брейнтри. Потом Сакко сменил место. К тому времени у него уже был один ребенок, и его жена ждала второго. Ванцетти после нескольких лет работы уже больше не мог выносить фабрику с ее ежедневной дисциплиной и стал уличным торговцем рыбой в Плимуте. Каждую неделю он ездил покупать рыбу в Бостон, а потом продавал ее на улице, чаще всего — в итальянском квартале. Вместе с Сакко он активно участвовал в анархистском движении.

В 1919–1920 годах власти обрушили на анархистов волну репрессий. Сакко тревожился за свою семью и решил вернуться в Италию. У консула в Бостоне он уже заказал паспорта, но в ожидании скорого отъезда по-прежнему посещал собрания анархистов. Как-то вечером на одном из таких собраний Сакко встретился с Ванцетти и неким Орчиани. Зашел разговор про обыски — опасно было держать у себя анархические листовки и книги! Не лучше ли собрать эту опасную литературу, погрузить в машину и вывезти подальше из города? Однако ни у Сакко, ни у Ванцетти машины не было. И они подумали о Бода. Почему бы не одолжить машину у него?

В среду, 5 мая, Ванцетти пришел в дом Сакко. Он застал здесь Розину, собирающую багаж, а на кухне заметил несколько валявшихся на полу револьверных пуль. Он положил их себе в карман. Около 4 с половиной часов приехал на мотоцикле Орчиани. В коляске мотоцикла сидел Бода. Он назначил встречу около гаража Джонсона, где должна была стоять его отремонтированная машина. В 9 часов вечера Сакко и Ванцетти стояли у гаража. Туда же подъехал Бода. Продолжение этой истории нам известно...

Стюарт объявил Сакко и Ванцетти подозреваемыми в вооруженном ограблении. Однако полиция не имела никаких доказательств их причастности к делам в Саут-Брейнтри и в Бриджуотере. Их всего лишь застали у гаража Джонсона в компании с Бода, и это фактически все, что имелось против них. Правда, у обоих нашли при себе оружие. Часто говорят: не было бы у них в тот вечер оружия, не было бы и дела Сакко—Ванцетти!

На следующее утро, 6 мая, окружной прокурор Фредерик Кацман приступил к допросу Сакко и Ванцетти. Сакко заявил, что никогда не

встречался с Бода. Он перечислил все обувные фабрики, на которых работал, но не упомянул среди них фабрику в Саут-Брейнтри. Что касается револьвера, то он купил его два года назад. Ванцетти добавил, что свое оружие он купил еще на три-четыре года раньше. У Сакко спросили, чем он был занят 15 апреля. Он ответил, что как всегда работал на фабрике. Однако Кацман уже знал, что это ложь: с фабрики ему сообщили, что 15 апреля Сакко отсутствовал на работе. Когда Кацман покинул полицейское управление, у него уже сформировалось убеждение, что Сакко принимал участие в ограблении в Саут-Брейнтри. Насчет Ванцетти он сомневался — пока. Но в любом случае он имел основания обвинить этих двоих в ношении оружия и посадить их за решетку.

На опознании многие свидетели из Саут-Брейнтри и Бриджуотера не узнавали ни Сакко, ни Ванцетти. Ванцетти был опознан охранником железнодорожного переезда, который узнал в нем водителя скрывшейся машины. Одной женщине показалось, что она видела Сакко в машине, но утверждать это наверняка она не решилась. Две другие свидетельницы опознали Сакко — это он стоял около машины, готовый выстрелить. Констебль Боуль, заявлявший, что один из бандитов был похож на поляка и носил короткие усики, с первого же взгляда опознал Ванцетти (который вообще-то был итальянцем и носил густые вислые усы).

Мотоцикл, номер которого успел записать Джонсон, принадлежал Рикардо Орчани, формовщику литейного завода в Норвуде. Вечером 6 мая его арестовали и доставили в Броктон. Рут и Симон Джонсон тотчас его опознали. Трое свидетелей из Саут-Брейнтри и один из Бриджуотера также признали в нем одного из бандитов. Однако Орчани смог доказать, что в дни, когда были совершены покушения, он был на работе. Его отпустили.

Показаний свидетелей об опознании Ванцетти оказалось достаточно, чтобы предъявить тому обвинение. 22 июня 1920 года в трибунале города Плимута началось слушание по делу Ванцетти. Тянется длинная цепочка свидетелей. Вот очередь дошла до свидетеля Хардинга. Первоначально он описал машину, на которой было совершено нападение, как машину марки «хадсон». Теперь он утверждает, что это был «бьюик». В своем первом показании он обрисовывал вооруженного бандита как человека с подстриженными усами. Теперь он опознал его в Ванцетти, имевшем большие вислые усы. Кассир Альфред Кокс, который в полицейском участке Броктона не узнал Ванцетти, теперь также утверждает, что это был он. Г-жа Брукс уверяет, что видела собственными глазами сидевшего за рулем машины Ванцетти. Однако, как выясняется, Ванцетти вообще не умеет водить машину! Торговец газетами узнал в Ванцетти нападавшего с

карабином в руках. Он узнал его по манере бегать, которая показалась ему «иностранный». Адвокат спросил его: неужели итальянцы бегают иначе, чем шведы и норвежцы? Ответа он не получил.

В Бриджуотере на земле была найдена гильза. Государственный эксперт, капитан Проктор, заявил, что калибр этой гильзы соответствует калибру пуль, найденных в кармане Ванцетти. Адвокат возразил, что гильза, найденная в сточной канаве, могла попасть туда каким угодно образом, поскольку речь идет об одном из самых распространенных калибров. Его резким тоном прервал судья Тэйер: он считает, что показания экспертизы вполне убедительны.

Но вот появились свидетели защиты. Они испуганы, смущены, почти все — итальянцы. Некоторые из них на английском изъяснялись с трудом, другие не говорили вовсе. Квартирная хозяйка Ванцетти из Плимута свидетельствовала, что обвиняемый провел весь день 23 декабря за приготовлением рыбы — он получил для продажи большое количество угря. По итальянской традиции в сочельник едят угрей. Это был очень точный ориентир. В другие дни Ванцетти не продавал эту рыбу, только 24 декабря. И итальянцы не покупают ее ни в один другой день года. Таким образом, свидетели были абсолютно уверены в том, что говорили.

Около дюжины человек подтвердили, что 24 декабря покупали угря у Ванцетти. Следовательно, он не мог в этот день находиться в Бриджуотере. Однако прокурор Кацман стал расспрашивать у свидетелей, что они делали накануне Рождества. Большинство этого не помнили. Расспросы проводились с помощью переводчика и продолжались достаточно долго. Свидетели стали путаться. Это настроило суд против них.

Одним из главных свидетелей был мальчик по имени Белтрандо Брини. Все утро 24 декабря он помогал Ванцетти доставлять угрей. Он подробно рассказал про то утро и описал их путь по городу. Его рассказ произвел впечатление на присяжных. Но Кацман спросил: повторял ли ребенок свои показания вместе с родителями? Белтрандо ответил утвердительно. Это сразу все испортило.

Парикмахер Ванцетти объявил, что ни разу не брил его усы в течение последних пяти лет. Двое полицейских из Плимута подтвердили, что всегда видели Ванцетти именно с такими усами. Таким образом, он не мог быть человеком с подстриженными усами, изначально описанным как участник нападения в Бриджуотере.

Сравнивая показания всех этих свидетелей и принимая во внимание искренность, с которой они говорили, можно было признать, что алиби у Ванцетти полное. Но все эти свидетели — итальянцы.

Если бы на их месте находились американцы, приговор суда, вероятно, был бы иным. И вердикт, вынесенный судьей Тэйером, гласил: Ванцетти виновен. Подсудимый был осужден на четырнадцать лет тюремного заключения. Но это было только начало...

Стремясь оспорить приговор, друзья Ванцетти пригласили адвоката по имени Фред Мур. Именно он придавал делу общенациональный, а потом и интернациональный характер. Благодаря ему процесс двух никому не известных итальянских анархистов захватил миллионы мужчин и женщин. Он сделал Сакко и Ванцетти известными на весь мир. И, быть может, именно этим невольно содействовал их гибели...

Второй процесс начался 31 мая 1921 года и продолжался до 14 июля того же года. Судья — все тот же Тэйер, прокурор — Кацман. На этот раз на скамье подсудимых бок о бок сидели Сакко и Ванцетти. С самого начала Мур настроил против себя судью Тэйера. Он дал отвод невероятно большому числу присяжных. Обстановка накалялась. В прессе появлялись многочисленные статьи в защиту подозреваемых, в городах проводились митинги. Повсюду открыто говорили о судебной ошибке, совершенной в отношении Ванцетти.

С самого первого заседания дворец правосудия был окружен вооруженными солдатами и кавалерией. Полицейские на мотоциклах патрулировали окрестные улицы. Внутри здания суда значительные силы полиции охраняли все выходы, коридоры и лестницы.

За несколько мгновений до начала заседания в зал были введены Сакко и Ванцетти, не видевшиеся в течение восьми месяцев. Они обнялись. Начался вызов свидетелей. Охранник с железнодорожного переезда подтвердил, что видел Ванцетти за рулем машины. Вспомним еще раз, что Ванцетти не умел водить машину! Свидетельница Лола Эндрюс еще в январе, глядя на фотографии Сакко и Ванцетти, утверждала, что эти лица ей незнакомы. Однако в июне, во время процесса, она категорично заявила, что узнает Сакко. Несмотря на все несоответствия, показания Лолы были признаны достаточными для обвинения Сакко.

Прокурор напомнил суду, что на первом допросе Сакко утверждал, что 15 апреля он находился на работе. Теперь подсудимый говорил, что в тот день ходил в итальянское консульство в Бостоне, чтобы отдать фотографию для паспорта. Служащий консульства подтверждал рассказ Сакко. Были найдены свидетели, видевшие Сакко в тот день. Все они предстали перед трибуналом и подтвердили его алиби. Алиби Ванцетти также казалось бесспорным: несколько свидетелей утверждали, что 15 апреля, как и во все остальные дни, Ванцетти продавал рыбу.

Все эти свидетельства производили благоприятное впечатление. Но большинство свидетелей защиты были не только итальянцами, но и анархистами. В глазах присяжных это значительно уменьшало ценность их показаний.

Суд рассмотрел показания экспертов. Пули, извлеченные из тел убитых в Саут-Брейнтри кассира и телохранителя, соответствовали пистолету 32-го калибра. Выстрел, повлекший за собой смерть одного из этих людей, был сделан из кольта 32-го калибра, а револьвер, найденный у Сакко, был именно кольтом 32-го калибра... Пять других пуль были выпущены из автоматического пистолета «саваж». Но эксперт, приглашенный защитой, утверждал, что все выстрелы были сделаны из иностранного пистолета «Bayard».

Шесть недель продолжались судебные заседания. Приговор был вынесен 14 июля 1921 года. Он не был неожиданным: подсудимые были признаны виновными. Как только Сакко услышал слово «виновны», он воскликнул:

— Sono innocenti! Невиновны!

Розина, рыдая, бросилась в его объятия. Ванцетти молчал. Сакко продолжал кричать:

— Помните! Они убивают двух невинных людей!

Огромная волна протестов захлестнула Америку. А потом — и весь мир. Повсюду организовывались комитеты в защиту невинно осужденных. В течение нескольких лет, с 1920 по 1923 год, защита не прекращала представлять дополнительные резолюции. Находились новые свидетели, новые доказательства невиновности. И вот неожиданная развязка: некто Мадейрос, задержанный совсем по-другому делу, сознается, что был членом банды, совершившей преступление в Саут-Брейнтри. И клянется: ни Сакко, ни Ванцетти там не было!

Но никто не собирался пересматривать дело. В 1927 году защита подала в Верховный суд просьбу об отстранении судьи Тэйера. Однако 5 апреля 1927 года Верховный суд подтвердил его полномочия. А 9 апреля Сакко и Ванцетти были еще раз приговорены — на этот раз окончательно.

Руководимые анархистами толпы повсюду выходили на улицы. Ораторы призывали к мятежу. В Бостоне, в Нью-Йорке, Лондоне и Берлине происходили стычки с полицией. 7 августа французские профсоюзы объявили: «В понедельник, 8 августа, состоится 24-часовая забастовка протеста». Десять тысяч человек вышли на демонстрацию на Уолл-стрит. Демонстрации проходили в Копенгагене, Осло, Москве, Йоханнесбурге, Санта-Фе, Монтевидео, Мехико. На Бродвее, на станции метро, взорвалась

бомба: тридцать восемь человек попали в госпиталь, из них трое — в тяжелом состоянии. Еще одна бомба взорвалась в Буэнос-Айресе, здесь сгорел трамвай. Волнения происходили в Париже, Лионе, Бордо, Сен-Назере, Бресте... Миллионы телеграмм, присланных со всех уголков света, ложились на стол губернатора Фюллера.

8 августа 10000 манифестантов попытались взять приступом тюрьму Чарльстоуна. Они были разогнаны морскими пехотинцами. Телеграммы с просьбой о помиловании прислали Эйнштейн и Хансен. Прогремели новые взрывы: в Чикаго, Лондоне, Буэнос-Айресе. Отец Сакко послал телеграмму Муссолини, на которую тот ответил: «Я делаю все возможное, исходя из международных правил, чтобы спасти от казни Сакко и Ванцетти».

10 августа высказал свое мнение папа Пий XI: «Какова бы ни была юридическая ситуация этих двух осужденных, ожидания, в котором они пребывают в течение семи лет, вполне достаточно, чтобы они заслужили помилование».

Казнь была совершена в ночь с 22 на 23 августа 1927 года. Вместе с Сакко и Ванцетти был казнен и Челестино Мадейрос.

Один из основных принципов права состоит в том, что сомнение всегда должно быть использовано в пользу обвиняемого. Совершенно очевидно, что в деле Сакко и Ванцетти такое сомнение существовало и что эти двое были осуждены на смерть без абсолютных доказательств их виновности. Что же сегодня известно о деле Сакко и Ванцетти?

Обратимся к исследованию, проведенному американским писателем Фрэнсисом Русселем. Каковы же его выводы? Руссель абсолютно уверен в полной невиновности Ванцетти, но сомневается в отношении Сакко. При этом он цитирует слова лидера анархистов Карло Треска, который признал незадолго до своей смерти: «Сакко был виновен, но Ванцетти — нет».

Руссель опирается и на результаты повторной экспертизы, осуществленной 11 октября 1961 года Джеком Веллером и полковником Фрэнком Джури. Ими были использованы современные методы, позволившие добиться более точных результатов, чем во времена процесса. Веллер и Джури категоричны: пуля, убившая одного из кассиров в Саут-Брейнтри, без сомнения, выпущена из пистолета Сакко.

Те, кто боролся, защищая Сакко и Ванцетти, наверное, с горечью восприняли бы подобное утверждение. Руссель напоминает, что защита пыталась разделить дела Сакко и Ванцетти. Но от такого разделения категорически отказался сам Ванцетти — потому что был другом Сакко. А что же Сакко? Он мог бы спасти Ванцетти, признав себя единственным виновным. Однако он этого не сделал.

Смерть Ванцетти стала уроком для следующих поколений — он мертв не потому, что была доказана его вина, а потому, что его политические взгляды сделали его виновным в глазах судей. Подобные случаи возможны и впредь, пока существует в обществе нетерпимость к инакомыслящим. Чтобы люди осознали опасность этого явления, кому-то придется расплачиваться своей жизнью.

ГОЛОВА ТАИНСТВЕННОГО МОНГОЛА

В Петербурге, в знаменитой Кунсткамере, основанной еще Петром, в аквариуме, наполненном формалином, хранится экспонат № 3394, который никогда не выставлялся и вряд ли когда-нибудь будет выставлен. В реестре он скромно обозначен как «Голова монгола». Это голова человека, происхождение и обстоятельства жизни которого темны, а таинственное влияние, оказанное им на соотечественников, огромно. Почти полвека будоражил он монгольскую степь, вселяя веру и ужас в кочевников. Даже имя его неизвестно в точности. Называли его Джа-лама или Дамбижанцан. Он объявил себя потомком легендарного ойратского князя XVIII века, Амурсаны, прославившегося в борьбе против маньчжурско-китайского засилья. Но главное — Джа-лама словом и делом убеждал всех, что является земным воплощением ужасного Махакалы, «Великого черного», одного из буддийских божеств. Этого грозного защитника «желтой веры» ламы-иконописцы всегда изображали с ножом или мечом на фоне очищающего огня, готовым впиться в сердце врага веры и выпить его еще неостывшую кровь. Махакала не просто побеждает зло, но испытывает блаженство при виде смертных мук носителя зла. Страшная участь ждала и того, кто смел усомниться в святости Джа-ламы. Во время жертвоприношений он вспарывал грудь врагам, вырывая сердца и освящая свежей кровью боевые знамена. Он своими руками выдавливал глаза, отрезал уши...

Голову Джа-ламы, убитого в самом конце 1922 или в начале 1923 года в результате тщательно подготовившейся операции государственной внутренней охраны (некто вроде ВЧК) Монголии, долго возили по городам насаженной на пику, чтобы далеко по кочевьям разнеслась весть о его гибели и простые монголы убедились: Джа-лама тоже смертен, его больше нет! Завидев эту процессию, пастухи поспешно сворачивали в сторону, ибо верили, что встреча с «цаган-толгой» («белой головой») сулит беду. Белой же голову прозвали потому, что мумифицирована она была по старинному степному обычаю — подсолена и прокопчена, отчего соль кристалликами выступала на коже. Однако и после гибели Джа-ламы кочевники не верили в его смерть, и разносилась молва, будто видели его то в одном месте, то в другом...

Наибольшую известность Джа-лама приобрел в 1912 году после

знаменитого штурма города-крепости Кобдо с засевшими в нем китайцами. Он был одним из руководителей монгольского войска, и по его приказу на неприступные стены погнались собранных по степи старых верблюдов с привязанным сзади и подожженным хвостом. Именно это внесло панику в ряды защищавшего Кобдо гарнизона и позволило монголам ворваться в город. Дело кончилось резней, разгромом китайских храмов и лавок, человеческими жертвоприношениями, ритуалом освящения знамен кровью (следует заметить, что лавки русских купцов не пострадали, так как вошедшие в город одновременно с осаждавшими казаки выставили около них посты). По легенде, Джа-лама после сражения, склонившись в седле, высыпал из-за пазухи пригоршню деформированных пуль. Они его не брали...

По некоторым сведениям, Джа-лама происходил из калмыков Астраханской губернии. Во всяком случае, Россия считала его своим подданным, что и послужило поводом для ареста в феврале 1914 года и препровождения его в тюрьму и ссылку. В отчете об аресте одним из доказательств зверств Джа-ламы называется тулум — снятая аккуратно, «мешком», кожа человека, хранившаяся в его юрте для ритуальных целей. В 1917 году, принесшем Российской империи революционные катаклизмы, некому стало «надзирать» за Джа-ламой, и он снова пробрался в Западную Монголию — в степь.

Неизвестно в точности, в каких буддийских монастырях обучался Джа-лама, учился ли он вообще и могли с полным основанием именоваться ламой, совершил ли он, как утверждают некоторые источники, паломничество в запретную для посещения иностранцев столицу Тибета Лхасу, где стал другом Далай-ламы. Все сведения об этом человеке, повторяем, запутанны и противоречивы. А вот о гипнотической силе его ходили легенды. Одну из них приводит в своей книге, опубликованной в Лондоне в 1936 году, бывший военнопленный венгр Йозеф Гелета, техник, работавший в 1920–1929 годах в Монголии. Вот как, по его словам, бежавший из России Джа-лама «справился» с отрядом казаков, преследовавших его. Оглянулся беглец: позади — погоня, впереди — озеро. Жители небольшого кочевья, наблюдавшие эту сцену, ожидали, что его вот-вот схватят. Но Джа-лама спокойно встал лицом к погоне, пристально глядя на казаков. И произошло удивительное: казаки на полном скаку стали разворачиваться и с криками: «Он там!» — понеслись объезжать озеро, а затем стали натекать друг на друга и колоть пиками, думая, что поражают беглеца...

Другим иностранцем, описавшим гипнотическую силу Джа-ламы, был

поляк Фердинанд Оссендовский (1878–1945), бывший сам по себе личностью весьма примечательной. Оссендовский вырос в России, учился в Петербургском университете, преподавал физику и химию в Сибири, потом был советником адмирала Колчака и незадолго до падения его правительства выполнял поручение адмирала исследовать Урянхай и Западную Монголию. В борьбе белых и красных, переместившейся из Сибири в Монголию, Оссендовский встал на сторону белых, под знамена барона Унгерна.

В своей книге автор рассказал, как в 1921 году присутствовал на операции, когда Джа-лама вскрыл грудь пастуха ножом, и он увидел «медленно дышащее легкое и биение сердца пастуха. Лама коснулся раны пальцем, кровотечение остановилось, и лицо пастуха было совершенно спокойно... Когда Лама приготовился вскрывать и живот пастуха, — повествует далее Оссендовский, — я закрыл глаза от ужаса и отвращения. Открывши их через некоторое время, я был поражен, увидев, что пастух спал с расстегнутым на груди тулупом».

«Любой, кто осмеливался противоречить ему, безжалостно устранялся, — писал Й. Гелета. — Люди были слепым орудием в руках таинственного калмыка. Они верили, что он принадлежит к той таинственной секте лам, которые обитали в монастыре вечной жизни в Гималаях, открытом для тех избранников, что приобретали, вернувшись к людям, сверхчеловеческую магическую силу, становились обладателями великих тайн. Эти избранники узнавали друг друга в миру по особому способу разделявания сухожилий животных за едой. И знак тот простые смертные не видели... Оказать сопротивление Джа-ламе было практически невозможно, поскольку его всепоглощающая гипнотическая сила способна была поражать даже оружие в руках его жертв. Убить его самого было невозможно».

И тем не менее он был убит. Последние годы своей бурной жизни Джа-лама провел в городе-крепости, возведенном среди пустыни Гоби, который он, видимо, намеревался сделать в будущем столицей собственного независимого государства в Западной Монголии. Отсюда он промышлял грабежом торговых караванов, пересекающих пустыню. Все это, конечно, не могло устраивать красное правительство в Урге. Поскольку выманить Джа-ламу из его города никак не удавалось, несмотря на многочисленные приглашения (очевидно, до него дошли слухи о заочном приговоре к смертной казни), а взять крепость штурмом новая власть не решалась, ему было послано подложное письмо о том, что правительство в Урге нуждается в его содействии и приглашает занять пост

«уполномоченного сайда» (министра) в Западной Монголии. Джа-лама согласился принять в своей ставке представителей представительства, которые должны были привезти ему печать, подтверждающую его новые полномочия.

Он встретил послов настороженно, в присутствии телохранителей. В первый день, как докладывал один из участников операции, Х. Кануков, убить Джа-ламу не удалось. Но в конце концов Дугэр-бейсе удалось зазвать Джа-ламу в отведенную гостям юрту — якобы для того, чтобы научить его ориентироваться по карте. Увидев вошедшего Джа-ламу, цирик Даши притворно упал перед ним на колени, благоговейно сложив руки и прося святого благословить. Дугэр сел рядом с гостем, а еще один участник операции, Нанзад-батор, который, кстати, сражался под знаменами Джа-ламы под Кобдо в 1912 году, стал подкладывать дрова в огонь.

Закончив молитву, Джа-лама поднял руку над головой Даши, чтобы коснуться ее, благословляя. И тут молящийся схватил его за эту руку, за другую — схватил Дугэр-бейсе, а Нанзад выстрелом в упор уложил Джа-ламу наповал. Так закончилась земная жизнь таинственного ламы. Символично, что погиб он не в бою, а был убит с максимальным коварством — во время молитвы и благословения.

Как известно из мемуаров, Джа-лама обладал мстительной памятью — человек, вызвавший его гнев, мог считать себя погибшим. Некое проклятье будто преследовало и некоторых людей, кто так или иначе был связан с судьбой Джа-ламы или имел дело с его отрубленной головой.

В тот день, когда голова, как бесценный трофей, прибыла на пике к зданию правительства в Урге, скончался «главком монгольской революции» товарищ Сухэ-Батор (более того, молва утверждает: как только всадник привез голову, Сухэ-Батор умер).

К уже упоминавшемуся выше Ф. Оссендовскому, проживавшему в конце войны в предместье Варшавы, приезжал лейтенант вермахта барон фон Унгерн-Штернберг. Наутро литератора, автора почти ста книг, отвезли в госпиталь, где он скончался от болей в желудке. В польской и монгольской (1989) прессе появились сообщения, что сын или племянник барона приезжал к Оссендовскому неспроста, ибо легенды, связанные с кладом барона Унгерна, так или иначе соотносятся с именем писателя. По одной версии он будто бы сам видел, как Унгерн в одном из буддийских храмов передавал все свое золото (а награбленное бароном было навьючено на 250 верблюдах!) на нужды «желтой веры» при условии, если в течение 50 лет за ним никто не придет от его имени. По другой версии, двадцать четыре ящика весом по четыре пуда золота каждый Унгерн

отослал с верными ему монголами через границу, но те, напорвшись на красных, спешно закопали клад. Говорят, будто в одной из своих книг поляк опубликовал не относящуюся к тексту карту, на которой якобы помечено место клада...

Известно, что в 1921 году монгольский лама предсказал барону Унгерну смерть от рук красных, а Оссендовскому — когда барон напомним, что время его пришло. Не вторая ли часть предсказания сбылась в 1945 году?

В 1937 году как «агент японской разведки» был расстрелян в Ленинграде монголовед В.А. Казакевич, разыскавший голову Джа-ламы в Урге и полулегально привезший ее в Россию. Другой ученый, В.Д. Якимов, чудом избежал расстрела, но погиб в первые дни войны. Он в течение ряда лет собирал материал о Джа-ламе для повести о нем под названием «Святой бандит». Погиб на войне и писатель Б. Лапин, опубликовавший в журнале «Знамя» в 1938 году рассказ о Джа-ламе «Буддийский монах».

В 1943 году в лагерях умер человек, хорошо знавший Джа-ламу, переписывавшийся с ним, когда тот был в ссылке, — русский купец и ученый-практик А.В. Бурдуков, попавший в Монголию в довольно раннем возрасте и отдавший ей многие годы жизни. Бурдукову принадлежат и несколько фотоснимков Джа-ламы, один из которых был опубликован в журнале «Огонек» в 1912 году.

Закончился двадцатый век. Репрессии, войны и просто годы выкосили всех, кто знал Джа-ламу, когда-либо встречался с ним. Во время ленинградской блокады рушились дома, пострадали многие музеи. От холода, голода и бомбежек гибли люди. Но все эти бурные события голова мирно пережила в своем аквариуме, как бы взирая с недоброй усмешкой на дела рук человеческих. И кто знает, в каком обличье вновь явится на землю гневный мститель Махакала?

КАК ГПУ ИСКАЛО КЛАДЫ УНГЕРНА

(По материалам доктора исторических наук Леонида Кураса. Материал подготовлен на основе документов архива Управления ФСБ Российской Федерации по Республике Бурятия)

С именем «императора пустыни» — Романа Федоровича Унгерн-Штернберга — еще при его жизни было связано немало легенд. После гибели барона их стало еще больше. Его сподвижники, осевшие в Китае, распускали слухи о несметных богатствах, награбленных бароном в годы гражданской войны и якобы зарытых им незадолго до гибели в разных местах. Бывшие унгерновцы даже составляли карты тех мест. Недостатка в доверчивых покупателях не было: на этом крупно прогорело несколько американских экспедиций. В сентябре 1924 года в поиск кладов включилась и резидентура ОГПУ в Урге (ныне Улан-Батор).

В местности Тологой-Дахту гэдэушникам удалось отыскать один из кладов: несколько деревянных ящиков с царскими кредитками и ценными бумагами, которые от времени превратились в липкую червивую массу. Бриллиантов там не оказалось. Но сама находка, подтверждавшая слухи о богатствах Унгерна, подтолкнула к организации новых секретных экспедиций...

Все началось с того, что бывший скотопромышленник Бер Хонович Закстельский, работавший когда-то в Монголии, рассказал своему приятелю, агенту Красноярского отделения Госбанка СССР Моисею Прокопьевичу Прейсу, о кладе в семь пудов золота, зарытом в Монголии в окрестностях Урги. Прейс, в свою очередь, проинформировал об этом сотрудников ОГПУ и предложил организовать экспедицию. И колесо закрутилось...

10 января 1927 года из областного отдела ОГПУ Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) в Сибирское краевое управление ОГПУ Новосибирска и в окружной отдел ОГПУ Красноярска ушла аналитическая записка, в которой обосновывалась необходимость проведения операции по изъятию клада при соблюдении строжайшей конспирации. При этом предлагалось действовать в контакте с Яковом Блюмкиным, известным террористом, возглавлявшим в то время резидентуру ОГПУ в Монголии.

Красноярский окружной отдел откликнулся мгновенно. Его сотрудников нимало не смутило, что поиск и изъятие сокровищ придется

осуществить на территории чужого суверенного государства. Их волновали другие проблемы: возможность успеха операции и стоимость экспедиции. Правда, в успехе они не сомневались, так как товарищ Прейс неоднократно принимал участие в предприятиях подобного рода и они всегда завершались успехом. Проблема с финансированием тоже быстро разрешилась: Закстельский и Прейс все расходы взяли на себя. Идея начинала облекаться в конкретные формы. Необходимо было лишь получить согласие Москвы.

Москва дала добро, обратив, однако, внимание на те препятствия, которые могли возникнуть из-за вмешательства монгольских властей. Операцию предлагалось начать незамедлительно.

В конце января 1927 года полномочное представительство ОГПУ по Сибкраю дает облотделу ОГПУ Бурят-Монгольской АССР разрешение на проведение операции по изъятию ценностей и их вывоз, особо подчеркнув, что операция должна быть проведена без вмешательства монгольских властей. И тут — первое неожиданное препятствие: Бер Закстельский, находившийся в это время в Иркутске, настаивает на переносе операции на конец апреля — мол, лучше, когда сойдет снег. Этим он дает повод Иркутскому окружному отделу ОГПУ, который также задействован в операции, заподозрить его в мошенничестве. Из архива извлекается дело о результатах экспедиции по поиску золота Унгерна в 1924–1925 годах в окрестностях Верхнеудинска, и на авансцену выплывает еще одна колоритная личность — Супарыкин Михаил Давидович, вестовой барона. Тогда, в 1925 году, чекисты вели наблюдение за Супарыкиным и поручали Закстельскому, участвовавшему в поиске сокровищ, узнать у Супарыкина места захоронения кладов в Монголии. Вскоре Супарыкин был арестован...

И вот теперь, два года спустя, Закстельский, скрывший от чекистов информацию о кладах, пытается получить наибольшие гарантии от Госбанка СССР на проведение раскопок, чтобы затем остаться в Монголии, не сдав клад государству! А посему, решили иркутские чекисты, следует установить за Закстельским наблюдение и в случае нахождения клада расчета с ним не производить, а арестовать и предъявить обвинение в мошенничестве.

Итак, Закстельский и Прейс поступают в распоряжение Бурят-Монгольского облотдела ОГПУ по поиску ценностей и получают соответствующие удостоверения. В обязанность кладоискателей входит приглашение представителя ОГПУ БМАССР, который должен присутствовать при раскопках. Изъятые ценности планируется передать в распоряжение Красноярского отделения Госбанка СССР. Тогда же (в конце

января) из областного отдела ОГПУ БМАССР в Новосибирск и Иркутск поступило сообщение, что клад в Монголии, о котором знал вестовой Унгерна, был вырыт еще в 1924 году. По мнению ОГПУ республики, Закстельский тоже знал о существовании клада, так как зарывал его вместе с Супарыкиным и другими участниками, которые вскоре были убиты, но к изъятию ценностей отношения не имел. Супарыкина привлекали к ответственности за участие в карательных операциях уже после изъятия клада в Монголии. 3 июня 1925 года Забайкальский отдел ОГПУ дело против Супарыкина прекратил. Об изъятии клада Закстельский не донес потому, что, по мнению чекистов, боялся потерять свою долю. В связи с этим ОГПУ БМАССР командировало в экспедицию с Закстельским и Прейсом сотрудника экономического отдела Якова Ивановича Косиненко.

Донесение из Верхнеудинска примечательно тем, что в нем впервые предлагается договориться с Монголбанком об условиях, на которых монголы разрешат вывезти клад за пределы страны. О том, как собирались договариваться с монгольской стороной, свидетельствует письмо начальника областного отдела ОГПУ БМАССР Ермилова Якову Блюмкину.

«Уважаемый тов. Яков!

Согласно телеграмме т. Заковского, с Закстельским и Прейсом командировается наш сотрудник Косиненко. По приезде в Ургу необходимо наблюдение за Закстельским и Прейсом, особенно за первым, так как он понимает монгольский язык и имеет в Монголии большие личные связи.

Т. Косиненко поручается ведение переговоров с Монголбанком и другими заинтересованными организациями, согласовав предварительно все вопросы с Вами.

Судя по телеграммам т. Заковского, для нас желательно возможно большой вывоз золота к нам. Поэтому просим настоять перед монгольскими властями и дать такие же инструкции тов. Косиненко».

Одновременно Ермилов отправляет в Иркутское ОГПУ секретную записку, в которой сообщает, что Супарыкин живет где-то в Новосибирском округе под чужой фамилией. Закстельский собирается выехать к нему, чтобы выяснить обстоятельства изъятия клада.

Только в конце мая Косиненко, Закстельский и Прейс выезжают в Усть-Кяхту. Выдавая себя за мелких коммерсантов, чтобы не привлекать внимания, они путешествуют довольно спокойно. Забеспокоился чекист лишь в Алтан-Булаке, а в Урге еще больше — у Закстельского там оказалось много знакомых, и всех интересовала цель его поездки в Монголию.

5 июня Яков Косиненко встретился наконец с Яковом Блюмкиным, и

они обсудили план предстоящей операции. На следующий день к чекистам присоединился председатель правления Монголбанка Дейчман. Заверив, что Монголия не даст вывезти золото, так как проводит серию мероприятий по укреплению собственной валюты, банкир предложил свой план: подать заявление в Монголбанк с просьбой разрешить проведение раскопок, а затем продать Монголии золото за твердую валюту. Полпред СССР в Монголии Берлин одобрил план.

6 июня заявление было подано. А через три дня начались неприятности. Правительство Монголии поручило Министерству народного хозяйства курировать поиск и изъятие клада. Ни ОГПУ, ни советский полпред не могли проявить своей заинтересованности, а тем более требовать, чтобы поиск курировал Монголбанк. Поэтому в переговоры с монгольской стороной вступил Закстельский — как частное лицо. Министерство запросило 25 процентов стоимости клада в свою пользу. Остальную часть клада монголы соглашались купить, но только за тугрики. Для советской стороны это еще 10 процентов потерь. Переговоры продолжались несколько дней. Монголы отвергали любые компромиссные предложения. Предварительный текст договора был составлен и согласован с полпредом Берлиным только 11 июня. Суть его заключалась в следующем: Б.Х. Закстельскому предоставлялось право вести раскопки в присутствии комиссии из четырех человек (по два с каждой стороны). Министерство народного хозяйства Монголии соглашалось покупать каждый золотник золота по 5 тугриков 75 мунгу (по курсу 9 тугриков 50 мунгу за каждые 10 рублей). Слитки золота с лабораторным оттиском будут приниматься без переливки. При расчете с Закстельским министерство удерживало из причитавшейся ему суммы 10 процентов в доход Монголии на оплату пошлин. Золотые изделия, имеющие художественную ценность, можно было вывезти на общих основаниях согласно таможенным установкам.

13 июня договор (из 14 пунктов) был подписан, а 14 июня в три часа утра приступили к раскопкам. Их вели во дворе текстильной мастерской Министерства народного хозяйства. Вначале выкопали большую канаву вдоль здания, затем такую же — от ворот вдоль соседнего здания. В землю вгрызались с большим трудом — нетронутая целина не поддавалась лопате. Только неподалеку отворот, на участке в три-четыре аршина наткнулись на рыхлый грунт. Но клада не было!

Однако монголы, видимо, посчитали, что клад все-таки нашли и сокрыли от властей, так как в течение трех дней после завершения работ не давали членам экспедиции разрешения на выезд из страны, даже

установили за ними наружное наблюдение и «склоняли кладоискателей к выпивке». По возвращении из Монголии Я.И. Косиненко подал руководству докладную записку, в которой высказал предположение, что они занимались поисками клада, который был выкопан еще в 1924 году.

Больше всех был удручен неудачей Закстельский. Несколько раз его видели плачущим. По сведениям Косиненко, он собирался разыскивать Супарыкина...

ВТОРЖЕНИЕ В АФГАНИСТАН ПРИ... СТАЛИНЕ

(Материал Ю. Гаврюченкова)

С Афганистаном у Советского Союза отношения всегда были сложные. Великий северный сосед периодически засылал в эту азиатскую страну «ограниченный» контингент войск с целью изменения ее социально-политического строя, захватывал города, заключал союзы с племенами, уничтожал «бандформирования», а затем с позором уходил... Война 1979–1989 гг. была далеко не первой. Еще в 1920-х красные командиры совершали лихие набеги на чужую территорию.

Первые попытки укрепиться в Афганистане Советская Россия предприняла в 1924 году, по приглашению тогдашнего правителя страны — эмира Амануллы-хана. В сентябре в Кабул прибыла миссия советских авиаторов для оказания помощи государственной армии, которая вела напряженную борьбу с повстанцами, сражавшимися под знаменем защитников ислама. Великобритания, заинтересованная в укреплении своих позиций в Афганистане, заявила протест по этому поводу, но Аманулла-хан его проигнорировал. У эмира был собственный взгляд на формирование военно-воздушных сил страны, имевших на вооружении английские самолеты «Де Хэвилленд», которыми некому было управлять.

Направленные в Кабул 11 пилотов и техников принялись за работу. 6 октября были совершены вылеты в район Зурмаха. Военные действия быстро истощили привезенный запас горючего и боеприпасов. Собственная материальная база афганских ВВС отсутствовала, поэтому пришлось ждать из России нового вьючного каравана, который прибыл только через неделю. 14 октября красные летчики нанесли бомбовые удары по базам повстанцев в районе Хоста и Надрала.

Эта помощь укрепила доверие Амануллы-хана, который благосклонно принял предложенный советским послом Старком план модернизации афганских ВВС. Он предусматривал формирование двух разведывательных и одного истребительного авиаотрядов общей численностью 36 аппаратов и авиашколы с парком в 16 аэропланов. Эти авиаотряды укомплектовывались советскими летчиками. Приказом управления ВВС Туркестанского фронта этим находящимся в Кабуле «инструкторам»

запрещалось переписываться со своими коллегами в Туркестане, а советский военный атташе Виталий Маркович Примаков в своей книге «Афганистан в огне» упоминает об их участии в боевых действиях и в 1928 году. К этому времени положение Амануллы-хана укрепилось настолько, что он предпринял поездку в Европу. Эмира не было в стране всего полгода, и это оказалось губительным для его режима.

За время отсутствия Амануллы противники эмира сумели собрать большую армию сторонников. Нередко под их знамена переходили целые полки, поверившие, что Аманулла-хан бежал из страны. В результате повстанцы под командованием бывшего взводного командира эмирской гвардии Бачаи-Сакао одолели правительственные войска и 17 января 1929 года заняли Кабул. Власть перешла к Бачаи-Сакао, принявшему имя эмира Хабибуло. В городе началась резня. Она была не только племенной — победившие пуштуны резали хазарейцев, но и религиозной. Исламские фундаменталисты выступали против светского образования, фабрик, радио и других новшеств, развращающих, по их мнению, душу правоверного мусульманина. Из страны начался отток беженцев, которые устремились в советскую Среднюю Азию. Это были в основном десятки тысяч узбекских, таджикских, туркменских дехкан, в свое время бежавших от большевиков за границу. Как это всегда бывает, вместе с беженцами двинулись сторонники простых и радикальных решений, объединенных любовью к легкой наживе. В то время их называли «басмачи».

Советские «инструкторы» были эвакуированы из Афганистана. Командующий Среднеазиатским военным округом (САВО) Дыбенко был серьезно обеспокоен сложившейся ситуацией. Разведотдел САВО 10 марта 1929 года извещал Москву: «Вслед за захватом власти в Афганистане Хабибуллой отмечается резкое повышение активности басмшаек, учащаются случаи перехода на нашу территорию... Узбеки — бывшие басмачи принимали активное участие в совершении переворота и привлекаются к охране границ... Хабибулла установил контакты с эмиром бухарским и Ибрагим-беком, обещал оказать содействие в походе на Бухару... Развернувшиеся в Афганистане события, развязывая силы басмаческой эмигрантщины, создают угрозу спокойствию на нашей границе...»

Между тем большевистское руководство в Москве искало случая развернуть ход событий с целью установления советской власти в Афганистане или хотя бы укрепления ее на приграничных среднеазиатских территориях. Долго ждать не пришлось. В феврале 1929 года сателлит Советской России Аманулла-хан с группой соратников прибыл в район

Кандагара для организации сил, во главе которых он надеялся вновь войти в Кабул. Вскоре в ЦК ВКП(б) обратился генеральный консул Афганистана в Ташкенте Гулям-Наби-хан. Он просил разрешить формирование на советской территории отряда из покинувших страну сторонников Амануллы. Предполагалось, что отряд должен совершить глубокий рейд по территории Афганистана и помочь основным силам свергнутого эмира взять Кабул.

Москва немедленно откликнулась на просьбу о помощи. Руководство формированием отряда поручили заместителю командующего САВО Германовичу. Изучив положение дел в стане хазарейцев, он известил командование: «...афганцы хорошо умеют стрелять, но почти не разбираются в устройстве русских винтовок и, чтобы перезарядить их, бьют по затвору камнем». Для усиления боеспособности отряд решили пополнить красноармейцами. Поначалу он не превышал трехсот человек и был оснащен 12 станковыми и 12 ручными пулеметами, 4 горными орудиями и подвижной радиостанцией. Командиром назначили «кавказского турка Рагиб-бея», как именовали в документах Примакова. Все красные военспецы получили азиатские имена, которыми должны были называться в присутствии афганцев. 10 апреля 1929 года отряд был полностью подготовлен к выступлению.

Вторжение началось утром 14 апреля, как начинаются все войны в мире — с перехода границы противника. На рассвете разведчики сняли афганскую заставу на южном берегу Амударьи и двинулись на юг. На следующий день отряд «Рагиб-бея» захватил город Келиф. Его гарнизон был поначалу настроен весьма решительно, но после первых пушечных выстрелов и пулеметных очередей сложил оружие.

22 апреля 1929 года отряд подошел к Мазари-Шарифу. Ранним утром передовые подразделения ворвались на окраину. Жестокий бой продолжался весь день. Превосходящие силы обороняющихся не устояли под пулеметным огнем. Вскоре из Мазари-Шарифа в Ташкент отправилась радиোগрамма о взятии города. Из штаба САВО в Москву сообщили: «Мазар занят отрядом Витмара».

«Витмаром» был Виталий Примаков, он же «кавказский турок Рагиб-бей». Советское правительство принимало такие конспиративные меры, потому что боялось осложнений дипломатического характера. Между тем о вторжении переодетых бойцов Красной армии в Афганистан стало известно сразу после взятия Келифа. 17 апреля 1929 года губернатор Мазари-Шарифской провинции заявил протест по поводу организации на советской территории отряда Гулям-Наби-хана и занятия им ряда

приграничных населенных пунктов. В ответ советский генеральный консул выступил с неуклюжим опровержением о «якобы имевшем место вмешательстве в дела Афганистана». Операция была засекречена настолько, что даже в обзоре наркомата иностранных дел в Узбекистане о положении в Афганистане за апрель 1929 года написано, что «22 апреля Мазари-Шариф был занят... отрядами, верными Аманулле».

Как известно, Советский Союз проводил в те годы так называемую миролюбивую политику, заключающуюся в разжигании очагов войны по всему миру. Была «миссия дружбы» Блюхера в Китае, была «братская помощь» в Восточном Туркестане» (ныне — Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) в 1933–1934 и 1937 годах, была «интернациональная помощь» в Испании... Войны не назывались войнами, и вторжение в Афганистан исключением не стало. В советскую историю этот бандитский набег вошел под именем «операции по ликвидации бандитизма в Туркестане», которую проводил «мусульманский батальон», составленный частично из афганцев, но в основном — из бойцов 81-го кавалерийского и 1-го горнострелкового полков, а также 7-го конно-горного артиллерийского дивизиона РККА.

Несмотря на успешное начало операции, Примаков беспокоился за ее исход. «Витмар» сообщал: «Операция задумывалась как действия небольшого конного отряда, который в процессе боевой работы обрстет формированиями, но с первых дней пришлось столкнуться с враждебностью населения». При подготовке вторжения Гулям-Наби-хан уверял, что на территории Афганистана к отряду присоединятся тысячи сторонников, однако местные жители отказались покоряться интервентам. Через день гарнизон крепости Дейдади, расположенной неподалеку от Мазари-Шарифа, при поддержке племенных ополчений предпринял попытку выбить отряд из главного города северного Афганистана. Плохо вооруженные афганские солдаты и ополченцы с религиозными песнопениями двинулись под пулеметный и оружейный огонь. Атаковали они строем, на ровной местности. Их косили из пулеметов, но цепи нападающих были так густы, что красноармейцев спасало только превосходство в вооружении. Примаков по радио запросил помощи. На выручку был отправлен эскадрон с пулеметами, но, встреченный превосходящими силами афганцев, он был вынужден возвратиться на свою территорию. Только 26 апреля самолеты доставили в Мазари-Шариф 10 пулеметов и 200 снарядов.

Тем временем ситуация осложнилась. После нескольких неудачных попыток штурма города афганские военачальники, чтобы принудить

непрошенных гостей к сдаче, прибегли к проверенному веками способу: перекрыли арыки, по которым в город поступала вода. В менее дисциплинированной афганской части отряда начался ропот. Оказавшись перед угрозой разгрома, «Витмар» отправил в Ташкент новое донесение: «Окончательное решение задачи лежит в овладении Дейдади и Балхом. Живой силы для этого нет. Необходима техника. Вопрос был бы решен, если бы я получил 200 газовых гранат (иприт, 200 хлоровых гранат мало) к орудиям. Кроме того, необходимо сделать отряд более маневроспособным, дать мне эскадрон. Мне отказано в эскадроне, авиации, газовых гранатах. Отказ нарушает основное условие: возьмите Мазар, потом легально поможем. Если можно ожидать, что ситуация изменится и мы получим помощь, я буду оборонять город. Если на помощь нельзя рассчитывать, то я буду играть ва-банк и пойду брать Дейдади. Возьму — значит, мы хозяева положения, нет, значит, обратимся в банду и ищем путей домой». Как следует из этого донесения, интервенты готовы были травить афганцев боевыми газами...

К этому времени в штабе САВО приняли решение помочь осажденным «освободителям» открыто. 6 мая авиация Среднеазиатского ВО несколько раз штурмовала боевые порядки афганцев. А днем раньше через границу переправился отряд из 400 красноармейцев при 6 орудиях и 8 пулеметах. Впоследствии Примаков, узнав о том, как происходил переход, заметил: «Заставу можно было скрасть и снять безо всякого шума, и Дыбенко напрасно придает переправе характер формальной войны».

После двухдневного форсированного марша эскадрон вышел к Мазари-Шарифу. Вместе с осажденными они отбросили афганцев в крепость. 8 мая после бомбардировки с воздуха и артиллерийского обстрела гарнизон Дейдади покинул цитадель, оставив победителям немалые трофеи. Объединенный и значительно усиленный отряд остановился на двухдневный отдых. А потом двинулся дальше на юг, захватив города Балх и Ташкурган.

Эмир Хабибуло бросил против советских интервентов свою лучшую дивизию под командованием прославленного военачальника Сейид-Гуссейна. Исход столкновения с красноармейским отрядом был бы и в этом случае сомнителен, но тут Примакова срочно вызвали в СССР и 18 мая он на специальном самолете вылетел в Ташкент. Командование отрядом принял Александр Черепанов (он же «Али-Авзаль-хан»). Усиленный артиллерией эскадрон продвигался вглубь страны, однако 23 мая пришло известие о том, что дивизия Сейид-Гуссейна внезапно овладела Ташкурганом, перерезав тем самым пути снабжения отряда.

В стане интервентов началась паника. Гулям-Наби-хан и его чиновники, которые должны были сформировать новое правительство, спешно кинулись назад, к советской границе. Без них Кабул брать не имело смысла. Черепанов вынужден был развернуться и двинуться к Ташкургану. Утром 25 мая после артиллерийской подготовки, сопровождаемой авианалетом с аэродрома САВО, красноармейцы ворвались в город. Бои продолжались двое суток. Город трижды переходил из рук в руки, но в итоге афганцы вынуждены были отступить.

Победа далась очень нелегко. Отряд понес серьезные потери. Было убито 10 командиров и красноармейцев и 74 хазарейца, ранено 30 красноармейцев. В ходе боя за Ташкурган были израсходованы почти все снаряды. Продолжение операции, а тем более успешное ее завершение оказались под угрозой. А вскоре поступила радиограмма: двигавшиеся на Кабул сторонники Амануллы-хана потерпели поражение. В этой ситуации продолжение войны силами маленького отряда на территории, где подавляющее большинство населения относится к нему враждебно, становилось бессмысленным. 28 мая штаб Среднеазиатского ВО отдал приказ о возвращении...

«Операция по оказанию добрососедской помощи» бесславно закончилась. Однако в штабе Среднеазиатского ВО продолжалась разработка планов нового вторжения в Афганистан. Один из вариантов предусматривал возвращение Амануллы-хана при сохранении независимости Афганистана, другой — создание на севере страны марионеточной республики с последующим ее присоединением к Советскому Союзу. Реализации этих захватнических планов помешало изменение политической ситуации — в октябре 1929 года эмир Хабибуло был свергнут самими афганцами, без всякой помощи извне.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В «АНГЛЕТЕРЕ»?

(По материалам беседы Ю. Шнитникова с писателем Виктором Кузнецовым, долгие годы изучавшим материалы архивов)

Начнем с события общеизвестного: в конце декабря 1925 года Сергей Есенин приезжает из Москвы в Ленинград, останавливается в гостинице «Англетер»... Именно с этого утверждения и начинается миф о последних днях жизни поэта.

Я решил проверить факт проживания Есенина в «Англетере», а заодно попытаться выяснить подробности его пребывания в гостинице. Смущало, что ни один из постояльцев и сотрудников гостиницы впоследствии не оставил воспоминаний хотя бы о мимолетной встрече с популярным и любимым многими поэтом. Нет свидетельств и о том, кому звонил Есенин в те декабрьские дни, с кем встречался до вечера 27 декабря, — ведь в Питере у него была масса знакомых, а сам он считался очень общительным человеком. Неужели долгими зимними вечерами он сидел в своем номере в полном одиночестве?

Гостиницы города в те годы контролировал экономический отдел ГПУ. Списки проживающих, рабочие журналы гостиницы я надеялся найти в архиве ФСБ, однако получил из этого ведомства ответ, что архив экономического отдела той поры неизвестно когда таинственно исчез. Но 1925 год — это, как известно, время эпохи нэпа с ее относительной свободой предпринимательства. Значит, должны существовать какие-то документы, отражающие доходы и налогообложение граждан. И они были. Каждого жителя страны тогда сопровождала так называемая «форма № 1», где фиксировались жалованье людей, доплаты, различные приработки... Помимо прочего, эта форма требовала составления два раза в год контрольно-финансовых ревизорских списков жильцов гостиниц с довольно обширными сведениями о людях.

Я нашел списки постояльцев «Англетера» середины 1920-х годов и могу сегодня перечислить около ста пятидесяти человек, которые проживали в гостинице в конце декабря 1925 года, и около пятидесяти сотрудников «Англетера» вплоть до уборщиц. Фамилии Есенина в этих списках нет. Он никогда не жил в «Англетере»!

Говорят, что Есенина, раз он был человеком известным, могли поселить в гостиницу без обычных формальностей, по благу... Но это

исключено. «Англетер» в ту пору был режимным объектом, где проживали чекисты, партийно-советские чиновники районного и губернского масштаба. Не случайно на каждом этаже располагались так называемые дежурки с сотрудниками ГПУ, которые проверяли документы у всех постояльцев.

Однако существует немало воспоминаний очевидцев: одни 27-го вечером гостили у Есенина в номере, другие наутро вынимали его тело из петли, подписывали акт о самоубийстве поэта... Но, столкнувшись с одной неправдой, надо быть осторожным в оценке каждого документа, каждого человека, так или иначе причастного к этой трагедии. Скажем, любой на моем месте поинтересовался бы актом вскрытия тела Есенина. Но оказалось, что кто-то предусмотрительно уничтожил все акты вскрытия тела, составленные доктором Г. Гиляревским до 1926 года.

Однако сохранились акты того же Гиляревского последующих лет. Я держал их в руках. Сравнил их с актом о смерти поэта, заверенным якобы тем же Гиляревским. Совершенно другая подпись! Больше того, стиль, стандарт, нумерация этого документа абсолютно не соответствуют принятым тогда нормам. Такое впечатление, что человек просто понятия не имел, как это делается. Сомнительным является и акт об обнаружении тела Есенина в пятом номере гостиницы, который составил участковый надзиратель Николай Горбов.

Среди свидетелей этой истории были известные люди — Вольф Эрлих, Георгий Устинов с женой, Николай Клюев, Павел Медведев, Ушаков... Остались их воспоминания. Давайте с ними разбираться.

Николай Клюев — наставник Есенина на раннем этапе его творчества, в дальнейшем — его «ласковый» противник. Это далеко не тот Клюев, какого мы знаем по 1930-м годам. Есенин же в 1923 году пережил серьезную мировоззренческую ломку, после чего полностью отошел от своего социального романтизма и приблизился к неприятию Февральской и Октябрьской революций, советской власти. В 1925 году они были совершенно разными людьми. Клюев в ту пору пребывал в страшной бедности (сохранилась его слезная просьба к губернскому начальству освободить от платы за квартиру) и в полной зависимости от благосклонности властей. Отчасти этим можно объяснить, что он не возражал, когда оказался в списках лжегостей Есенина. Смалодушничал под давлением тяжелых жизненных обстоятельств? Примечательно, что в дальнейшем он никогда не упоминал, что был в тот вечер у Есенина. Случайность?

Георгий Устинов — журналист, критик, якобы проживавший в те дни в

«Англетере» и опекавший Есенина. Однако его фамилии тоже нет в списках постояльцев гостиницы. Не числится в них и его супруга Елизавета Алексеевна. Я сравнил его подлинный автограф с подписью на милицейском акте о смерти Есенина — ничего общего! Этого «близкого» приятеля Есенина никто не видел ни во время прощания с поэтом в Доме писателей, ни на проводах тела на вокзале. Вообще официальная биография Устинова мало соответствует фактической. Подчеркивается, что он работал в газетах «Правда» и «Известия», но умалчивается его работа в бундовской газете «Звезда» в Минске. Он был исключен из ВКП(б) за пьянку и потерю связей с партией и всю жизнь пытался в ней восстановиться. Его звездные годы были связаны с периодом гражданской войны, по фронтам которой он сопровождал в поезде председателя Реввоенсовета Льва Троцкого, а затем первым написал о нем пламенную брошюру «Трибун революции». Все эти сведения о ключевом свидетеле последних дней жизни Есенина тщательно скрывались много десятилетий — я собирал их по крупицам из малоизвестных публикаций, писем, фондов. «Безупречность» этой персоны охраняет и гриф секретности, который и сегодня продолжает сопровождать в одном из архивов «личное дело» Георгия Устинова. Мне удалось познакомиться с ним, после чего у меня не осталось сомнений в лживости и заказном характере его мемуаров, призванных сфальсифицировать подлинную историю гибели Есенина. Думаю, что не случаен и бесславный конец этого человека, так и не нашедшего себе места в жизни, — в 1932 году его тело вынули из петли в его собственной квартире.

«Поэт, приятель Есенина в последние два года его жизни». Так справочные разделы есенинских собраний сочинений рекомендуют Вольфа Эрлиха. Это ему Есенин адресовал известную телеграмму от 7 декабря 1925 года: «Немедленно найди две-три комнаты. 20 числа переезжаю жить Ленинград. Телеграфируй». Насколько важна была роль Эрлиха в судьбе поэта? Мне не вполне ясна была личность этого молодого человека, пока я не обнаружил, что с 1920 года (с восемнадцати лет!) он являлся секретным сотрудником ЧК-ГПУ и по этому роду своей деятельности находился в непосредственном подчинении известного чекиста Ивана Леонова, в 1925 году — заместителя начальника Ленинградского ГПУ.

Кажется подозрительным то обстоятельство, что практически вся компания свидетелей и понятых, поставивших свои подписи под документами о смерти Есенина, состоит из знакомых и друзей Вольфа Эрлиха. Больше того, литературный критик Павел Медведев, поэты Илья Садофьев, Иван Приблудный, журналист Лазарь Берман и некоторые

другие также являлись сексота́ми ГПУ. Где граница между их дружескими, творческими отношениями и стукачеством? И какова цена оставленным ими воспоминаниям?

Вызывает вопросы и вояж Эрлиха из Москвы в Ленинград 16 января 1926 года, когда в течение одного дня он сварганил сомнительное свидетельство о смерти Есенина. Причем взял он его в загсе не Центрального района, на территории которого расположен «Англетер», а Московско-Нарвского района. Именно в этом районе все ключевые административные посты тогда находились в руках троцкистов, с помощью которых было проще оформить нужный документ.

С именем Эрлиха связано и обнародование якобы последнего стихотворения Сергея Есенина «До свиданья, друг мой, да свиданья...». По его словам, вечером 27 декабря, прощаясь, поэт засунул листок со стихами в карман пиджака Эрлиха с просьбой прочесть их как-нибудь потом, когда он останется один. А Эрлих «забыл» об этих стихах. Вспомнил лишь на следующий день, когда Есенина уже не было в живых. 29 декабря стихотворение публикуется в ленинградской «Красной газете». Датируется 27 декабря. Но в оригинале нет даты его написания.

И еще вопрос, почему оригинал этого стихотворения впервые появился на свет только в феврале 1930 года? Его принес в Пушкинский Дом крупный политработник, впоследствии — литературный критик Георгий Горбачев. В журнале осталась запись: «От Эрлиха». Но Эрлих в 1930 году — мелкая сошка, сотрудник пограничной охраны ГПУ Закавказья. А «курьер» Горбачев — видный политкомиссар, хороший знакомый Троцкого. Не странно ли? Что-то тут не сходится...

После знакомства с воспоминаниями Вольфа Эрлиха, с его стихами у меня сложилось впечатление, что по характеру своего творчества и по своей натуре он был очень далек от Есенина, если не сказать — враждебен ему. Резкий, злобный, мстительный человек — полная противоположность открытому, доверчивому, сентиментальному Есенину. Меня буквально обескуражило стихотворение Эрлиха «Свинья», написанное в 1929 году, где есть такие строки: «Пойми, мой друг, святые именины твои отвык справлять наш бедный век. Запомни, друг, не только для свинины, — и для расстрела создан человек». Они тут же вызвали из моей памяти силуэт головы свиньи, нарисованный над бурыми строками оригинала есенинского «До свиданья...». Поначалу это изображение принимали за кляксу. Но нет, свиное рыло с ушами на том листке трудно с чем-то перепутать. Что стоит за этой неожиданной аллегорией, получившей столь зловещее стихотворное продолжение? Нет, очень непросто было в своих

взаимоотношениях с поэтом сексот ГПУ Вольф Эрлих.

Невольно появляется мысль о заговоре... Но почему в нем возникла необходимость?

С осени 1925 года Есенин находился под судом. В сентябре, когда он вместе с женой возвращался из Баку в Москву, в поезде у него случился конфликт с одним московским партийным чиновником и дипкурьером. Их стараниями в Москве на вокзале поэт был задержан, допрошен, а вскоре против Есенина было возбуждено судебное дело — уже тринадцатое по счету. В попытке избежать суда он ложится в психиатрическую клинику Московского университета («психов не судят») под опеку своего земляка профессора Ганнушкина. Именно там Есенин написал свой шедевр «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» и другие прекрасные лирические стихи. За поэта тогда заступился нарком просвещения Луначарский, который не хотел шумихи по этому делу в зарубежной прессе.

И тогда Есенин решает сбежать в Ленинград. Но, конечно, не на постоянное местожительство. Он вообще хотел бежать из Советского Союза.

Еще 7 февраля 1923 года по пути из Европы в Америку он пишет письмо в Берлин своему приятелю, поэту Александру Кусикову, в котором прямо заявляет о своем неприятии советской власти, добавляя, что от нее «сбежал бы хоть в Африку». За месяц до смерти, 27 ноября, Есенин пишет из психиатрической клиники своему другу Петру Чагину: «...Избавлюсь (от скандалов. — Авт.), улажу, пошлю всех... и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки». Целью бегства могла быть Великобритания, по другим предположениям — Прибалтика. О серьезности его намерений говорит и краткая поездка в Ленинград в начале ноября 1925 года — мосты наводил? Но кто-то выдал его настроения — не исключено, что Устинов: в тот приезд он вертелся рядом с поэтом, вместе пили... Дальше события могли развиваться так: 24 декабря 1925 года находящийся под судом Сергей Есенин приезжает из Москвы в Ленинград, тут же арестовывается, доставляется в следственный изолятор, допрашивается, до смерти избивается, его тело тайно переносят в пятый номер «Англетера», где и устраивается известное нам святотатство с «добровольным уходом поэта из жизни»...

Надо ли говорить, что на подобную акцию исполнители вряд ли решились, не имея санкции свыше? Но кто мог выступить в роли «заказчика» этого убийства, кому были поручены функции «киллера»? Ответов на первую часть вопроса нет (есть лишь догадки), да, вероятно, и быть не может: все указания отдавались преданным людям устно и

неофициально. Что же касается непосредственного исполнителя убийства, то наиболее подходящей фигурой здесь мог быть известный террорист, сотрудник ВЧК Яков Блюмкин. По воспоминаниям тифлисского приятеля Есенина, писателя и журналиста Николая Вержбицкого, у Блюмкина могли быть и личные счеты с Есениным: тот однажды в Баку в 1924 году угрожал поэту и даже пистолет на него направлял. Некоторые видели в те декабрьские дни Блюмкина в «Англетере». Но со стопроцентной уверенностью указать именно на него как на убийцу Есенина я сегодня не могу — не хватает материала.

А дальше... Развитие событий легко предположить: начали замечать следы преступления. Об участниках этого действия удалось узнать побольше.

В конце 1925 года комендантом «Англетера» был чекист Василий Назаров. Любитель выпить, он «расслабился» и днем в воскресенье, 27 декабря, к вечеру сморился и улегся спать. Поздно вечером (а не утром, согласно официальной версии!) в квартиру позвонил дворник: мол, вызывают в гостиницу, в пятый номер. Назаров, еще не протрезвевший, ушел, а вернулся уже утром — усталый, мрачный и молчаливый... Это подлинный рассказ вдовы коменданта Антонины Львовны. Я успел встретиться с ней незадолго до ее смерти в 1995 году. Несмотря на почтенный возраст, она сохранила ясную память — я проверял детали ее воспоминаний по документам. Муж не был с ней многословен: повесился, мол, поэт, оформляли... Но если бы и в самом деле повесился, то, наверное, было бы что рассказать?

Вместе с Василием Назаровым свои подписи в качестве понятых в ту ночь под документами поставили несколько литераторов, сотрудничавших с ГПУ, — Павел Медведев, Всеволод Рождественский, Михаил Фроман. Фальшивый акт об обнаружении тела Есенина в гостинице составлял участковый милиционер Николай Горбов, прошедший выучку в секретном отделе уголовного розыска. Его высокими начальниками были глава губернской милиции Герасим Егоров и руководитель УГРО Леонид Петржак. Оба в 1929 году были арестованы как троцкисты. Впоследствии Николай Горбов, отсидев срок в тюрьме по сфабрикованному делу, написал заявление в парторганизацию (не из чувства ли обиды?), в котором указывал на «некрасивые поступки» этих людей, а также еще одного крупного чина — заместителя начальника Ленинградского ГПУ Ивана Леонова. Есть подозрение, что именно он и был главным организатором этой акции, который распределял кровавые обязанности между своими проверенными подчиненными. А Горбов, облегчив в 1931 году душу своим

заявлением в парторганизацию, через год бесследно исчез...

Неужели настолько все было скрупулезно продумано, что не осталось явных следов? Нет, какие-то ошибки исполнители этого черного дела, конечно, совершили, особенно на стадии заметания следов. Добавлю такую частность, как якобы наличие ванны в пятом, «есенинском» номере гостиницы, что отмечали некоторые из лжемемуаристов. Я не поленился и отыскал инвентарную опись вещей и обстановки в «Англетере». Ванны в том номере не было. Мелочь, казалось бы... Но, как известно, именно детали обычно и подводят лжецов.

Как следствие поспешной небрежности примечательны и газетные публикации на смерть Есенина: еще не было готово заключение судмедэкспертизы, а газеты уже сообщили, что поэт повесился. Журналисты сами это написали? При жесткой цензуре того времени, которая «вела» даже стенгазеты, без санкции свыше это было невозможно. А тем, кто наверху, результаты экспертизы и не были нужны.

Далеко не все из современников поэта поверили в скороспелый официальный миф о его самоубийстве. Написал же 30 декабря в «Красной газете» смелую и дерзкую статью под заголовком «Казненный дегенератами» Борис Лавренев. Известный писатель и сторонник революции, он успел сказать свое честное слово — возможно, что и по чьему-то недосмотру. Но в дальнейшем он уже никогда не возвращался к этой теме. Впрочем, молчали и все остальные. Людям было чего бояться в те времена.

Но приблизиться к истине в этой печальной истории мы, конечно, сможем, когда откроются за давностью времени наши архивы. Ведь есенинской трагедии уже более 80 лет...

ЗАГАДКИ ЭКСПЕДИЦИИ АМУНДСЕНА —ЭЛСУОРТА—НОБИЛЕ

(По материалам М. Павлушенко)

Утром 10 апреля 1926 года из Рима стартовал дирижабль «Норвегия». Воздушный корабль благополучно перелетел Баренцево море и приземлился в Кингс-бее (Шпицберген). 11 мая «Норвегия» начал свой исторический полет к Аляске через Северный полюс.

12 мая в 1 час 30 минут дирижабль появился над полюсом. Амундсен утверждает, что «часы показывали тогда 1 час 25 минут по Гринвичу...» Воздушный корабль сделал круг над полюсом, поочередно сбросив на него три флага: норвежский, американский и итальянский. Через 40 лет после достижения полюса Нобиле вспоминал: «Полюс был уже близко. Рисер-Ларсен приник к окну с секстантом в руках, чтобы не пропустить момент, когда солнце выглянет из-за туч и можно будет измерить его высоту. По мере того, как дирижабль приближался к заветной черте, о которой мы столько мечтали, на борту возрастало возбуждение, никто не разговаривал, но лица у всех были взволнованные и радостные...» В момент, когда древко норвежского флага воткнулось в лед Северного полюса, Амундсен молча и крепко пожал руку Оскару Вистингу. Слова действительно были излишни: эти люди 14 декабря 1911 года вместе побывали и на Южном полюсе.

14 мая в 8 часов дирижабль приземлился в селении Теллер на Аляске. Первый и вообще единственный трансарктический перелет на дирижабле был завершен. К сожалению, после Теллера экспедиция, по существу, распалась: Р. Амундсен и У. Нобиле рассорились, Л. Элсуорт остался верен великому норвежцу, а знаменитый итальянец недооценивал богатого американца.

Если об Амундсене или Нобиле российский читатель еще может кое-что рассказать, то при упоминании фамилии Элсуорт многие лишь пожмут плечами. Между тем сын американского миллионера Элсуорт сам был миллионером, и его денежные вклады сыграли важнейшую роль в организации некоторых исследований в высокоширотных областях. В мае 1925 года, например, он финансировал полярную экспедицию Амундсена на самолетах «Дорнье-Валь», уже известную нам экспедицию на дирижабле «Норвегия» и т.п. В 1933–1939 годах. Элсуорт организовал и

возглавил четыре антарктические экспедиции. Впервые в истории авиации он совершил трансантарктический перелет, о чем нам напоминает сегодня название Земли Элсуорта в Антарктике.

Рассказывая об этом беспримерном трансарктическом перелете, было бы не деликатным выяснять, кто из троих руководителей был прав, а кто — нет. Уважение и добрую память заслуживают все трое. Только союз опытного в полярных делах немногословного северянина и не менее опытного в воздухоплавательных делах темпераментного южанина, скрепленный финансовым вливанием честолюбивого американца, послужил главным залогом того, что такая экспедиция состоялась и благополучно завершилась. Однако в ее истории есть несколько малопонятных и загадочных страниц.

Вернемся к воспоминаниям Умберто Нобиле: «Пролетая над полюсом, мы отправили радиogramмы, которые извещали мир о том, что на полюсе сброшено три флага. Несколько часов после этого радио на борту молчало. Оно так и не заработало до конца нашего путешествия ни на прием, ни на передачу... Причины столь долгого молчания радио так и не были никогда выяснены. Готтвальдт (норвежский офицер, отвечавший за радиослужбу на «Норвегии». — Авт.) пытался приписать отсутствие радиосвязи обледенению антенны, но это объяснение неудовлетворительно. Два года спустя тот же самый феномен повторился — и не однажды — с радиоаппаратурой дирижабля «Италия», близнеца «Норвегии»».

Кстати, уже на американской территории Готтвальдт слышал переговоры двух радиостанций. Ситуация действительно острая: впервые летательный аппарат двигался над абсолютно неисследованными северными районами. Путь этот составлял две тысячи миль. По радио экипаж «Норвегии» извещал мир о ходе полета, а также ориентировался в пространстве при отсутствии наземных ориентиров и в сложных метеорологических условиях.

Э.Т. Кренкель, который спустя пять лет летал радистом в северных областях на дирижабле «Граф Цеппелин», в 1933 году писал: «Прием на длинных волнах за все время полета был хорошим. Помех от пяти моторов дирижабля не было. К сожалению, этого нельзя сказать о приеме на коротких волнах. Пять моторов с общим количеством в шестьдесят свечей зажигания создавали постоянную завесу. Правда, убирая или выпуская антенну, можно было находить относительно спокойное место, но все же нужно было иметь громкость приема не ниже 6 баллов (по 9-балльной шкале), чтобы вообще обнаружить работу радиостанции. Отчасти этим обстоятельством объясняется отсутствие двухсторонней связи на участке

пути Земля Франца-Иосифа — Северная земля».

Однако далее Кренкель пишет с точностью до наоборот: «Длинноволновый передатчик дирижабля при мощности в 150 ватт на материке не был слышен. Коротковолновый же, хотя и был слышен, но ввиду местных помех дирижабля не слышал ответов на его вызовы».

Таким образом, на дирижабле «Норвегия» радиостанция молчала трое суток. Следует заметить, что до полюса дирижабль поддерживал устойчивую радиосвязь со станциями Ставангера, Кронштадта, Ленинграда, Петрозаводска, Архангельска, Тромсе и Варде. Анализируя воспоминания Нобиле и Амундсена, можно предположить, что рация была исправной. Мастерство радистов «Норвегии» было высоким: в Теллере они с помощью местного радиотелеграфа известили мир о благополучном завершении перелета. Радиотелеграф был неизвестной им конструкции и на нем отсутствовал штатный радиотелеграфист. Что касается дирижаблей «Италия» и «Граф Цеппелин», то перебои в работе радиосредств этих дирижаблей, находящиеся также в северных областях, носили временный и местный характер.

Может быть, на северном побережье в те годы еще не было радиостанций аэрометеослужбы? Тем более что до полета «Норвегии» Умберто Нобиле заметил: «...в настоящее время для целей экспедиции можно пользоваться только станцией Шпицбергена». Однако еще в 1925 году знаменитый немецкий дирижаблист Вальтер Брунс предложил проект трансарктического воздушного сообщения Амстердам — Копенгаген — Ленинград — Архангельск — Северный полюс — Ном — Унимак — Йокогама — Сан-Франциско. В качестве станций радиопеленга были выбраны уже существовавшие радиостанции на Шпицбергене, Новой Земле, на острове Диксон, в устье Енисея, в Средне-Колымске и в других местах Карского моря и Сибири.

Следовательно, можно предположить об умышленном молчании радиостанций. Кому это могло быть выгодно? Ну, например, некоторым правительствам стран Арктического бассейна. Если бы экспедицией были найдены новые земли, то катастрофа дирижабля списала бы этот приоритет, а заодно и права на владение этими землями. В 1926 году считалось, что на северной макушке Земли находится материк. Одним из авторов гипотезы был сам Руаль Амундсен.

Молчание радиостанции было выгодно и Руалу Амундсену. Информация о перелете стоила больших денег, а у знаменитого путешественника остались долги еще от прошлых экспедиций. Кстати, основной причиной ссоры между Р. Амундсеном и У. Нобиле как раз и

стали финансовые проблемы. После того как мир узнал, что дирижабль все-таки достиг Северного полюса, неизвестность приковывала бы внимание общественности к экспедиции. Технически организовать молчание радиостанции воздушного корабля было просто: радионной частью на нем заведовали только норвежцы. Это косвенно подтверждает и тот факт, что, когда в Теллере У. Нобиле хотел по радиотелеграфу сообщить своей жене, что он жив и здоров, Амундсен приказал радисту-норвежцу передать телеграмму командира дирижабля только после передачи статей редакциям крупных газет.

Молчание радиостанции «Норвегии» могло быть и простой недоработкой оргкомитета перелета или недисциплинированностью радистов аэрометеостанций. Скажем, оргкомитет не смог довести предварительное оповещение о дате вылета дирижабля до радиостанций аэрометеослужбы, а радиостанции тогда работали не в режиме дежурного приема, а на связь выходили только в заранее условленные часы. Радисты аэрометеослужбы могли самовольно не выходить на связь.

При всей невероятности этой гипотезы, можно еще предположить, что экспедиция «Норвегии», помимо трансарктического перелета, могла иметь некую тайную цель. Амундсен и Нобиле, пожалуй, могли об этом и не знать. Военнослужащим, как известно, проще приказать что-то выполнить. Например, после катастрофы дирижабля «Италия» часть офицеров из его экипажа, под давлением начальства, свидетельствовала против своего командира. Экипаж «Норвегии» состоял практически из одних военнослужащих, причем весьма целенаправленным был подбор воинских специальностей: Нобиле — полковник, Рисер-Ларсен — морской летчик, Готвальдт — капитан военно-морского флота, Вистинг — лейтенант морской артиллерии. Все итальянцы, отобранные в состав экипажа, были из военной авиации. Следует учесть и то, что Муссолини, как признавал Нобиле, старался изобразить экспедицию «как свое фашистское дело». Рисер-Ларсен писал, что каждая мысль Руала Амундсена была проникнута настроением: «Как мне лучше всего одарить свою родину».

По проекту экспедиции, местом приземления дирижабля должен был стать Ном — городок на юго-западе полуострова Сьюард (Аляска). Там все было подготовлено для встречи. Но сильный ветер и густой туман заставили изменить маршрут. «Я решил не лететь в Ном», — принял решение Нобиле. Командир приземлил дирижабль у ближайшей по курсу эскимосской деревушки. Это и был Теллер, но Нобиле говорит, что тогда еще этого не знал. Штурман дирижабля Рисер-Ларсен, без совета с которым командир не мог повести летательный аппарат на посадку, в своих

воспоминаниях о месте посадки писал: «Амундсен расскажет, почему мы опустились в Теллере, а не в Номе». Может быть, здесь была какая-то связь между целью, из-за которой молчала радиостанция «Норвегии», и безлюдным местом посадки?

Амундсен пишет, что дальше было опасно лететь: запасной материал для починки оболочки закончился, значительно ухудшалась погода, экипаж был вымотан. Так, рулевой высоты и мотористы в течение последних суток бесменно несли вахту. Нобиле только усилием воли заставлял себя держаться на ногах. Рисер-Ларсен по машинному телеграфу дал сигнал о запуске правого мотора, механики слышали звонок и видели движение сигнальной стрелки, но не могли заставить свой мозг реагировать на эту команду. Сам Рисер-Ларсен под конец полета стал галлюцинировать и полосы на прибрежном песке принял за отряд кавалерии.

Если бы Амундсен надавил на Нобиле и отдал бы приказ лететь в Ном, согласился бы командир дирижабля выполнить эту команду? Вероятно, да! Лететь было сравнительно недалеко, к тому же по направлению на юг. Там бы не было худшей погоды, чем та, которая в тот момент была у Теллера. В конце концов, Нобиле был готов через Северный полюс лететь обратно на Шпицберген: «Дозаправившись (на мысе Барроу была база Дж. Уилкинса, который на трехмоторном “фоккере” готовился к исследовательским полетам в северных областях. Уилкинс наблюдал дирижабль, когда тот прибыл на Аляску. — Авт.), мы могли бы лететь в Кингс-бей. Жаль, что мы этого не сделали! Тогда мы вернулись бы в Рим на своем дирижабле». Следовательно, Амундсену была выгодна посадка в безлюдном месте. В этом случае он становился монополистом информации об экспедиции. А эта информация, повторяем, тогда стоила больших денег. И уехал он из Теллера самым первым, не попрощавшись с Нобиле, когда дирижабль еще не был разобран: формально — когда экспедиция еще не закончилась.

Когда дирижабль прилетел в Сализи, Советский Союз очень радушно принял его командира — Умберто Нобиле. Он был гостем советского правительства, жил в бывшем императорском дворце. Его спутники были размещены, конечно, попроще, но и они были довольны приемом в красной России. В Англии же экипаж «Норвегии» приняли довольно грубо и бесцеремонно.

Могло ли советское правительство ожидать подвоха со стороны экипажа дирижабля? Здесь мы имеем в виду политическую сторону. В те годы Норвегия была мощным конкурентом СССР в овладении северными морскими путями, а фашистское правительство Италии и не скрывало своей вражды к Советской России. Последующие годы дали прецедент,

который подтвердил бы опасения советского правительства, если таковые были.

В 1931 году Советский Союз зафрахтовал дирижабль «Граф Цеппелин» для аэрофотографических измерений своих полярных земель, а также для аэрологических и метеорологических наблюдений. В то время между СССР и Германией были очень хорошие отношения. Достаточно вспомнить, что в Советском Союзе, в обход Версальского договора, готовились летчики и танкисты для немецкой армии. Результаты научно-исследовательских работ, проведенные с помощью дирижабля «Граф Цеппелин», превзошли все ожидания. Было открыто много северных островов. Руководитель научной части экспедиции Р.Л. Самойлович писал: «За 106 часов арктического полета дирижабль проделал такую работу, которую при нормальных экспедициях на ледоколах можно выполнить лишь в 2–3 года упорной настойчивой работы».

Радость от объемов проделанной работы не омрачила даже маленькая неприятность: немцы заявили, что все пленки аэрофотосъемок советских северных земель оказались испорченными. Только после окончания Второй мировой стало известно: пленки были качественными, а аэрофотоснимки — отличными. Операторы германского генерального штаба использовали их при планировании военных операций на Крайнем Севере. И.Д. Папанин писал: «Это было за два года до прихода Гитлера к власти. Видимо, уже тогда немецкие военные активно собирали разведывательные данные».

Может быть, итальянцы в отличие от немцев были другими? В те же годы, когда дирижабль «Граф Цеппелин» летал на Крайний Север, в Советский Союз прибыла большая группа итальянцев — специалистов по дирижаблестроению. Возглавлял ее Умберто Нобиле. Надо отдать ему должное — он честно работал, практически создал советскую отрасль дирижаблестроения. В меру своих возможностей ему помогали и другие итальянцы. Однако некоторые из них были обвинены в шпионаже и высланы из СССР.

Следовательно, опасения советского правительства могли иметь под собой почву. Может быть, именно поэтому, когда дирижабль находился в Сализи, советские ученые и пилоты вели с Нобиле разговоры, что «оболочка “Норвегии” покроется толстым слоем льда или снега и экипаж вынужден будет опуститься на лед». В это же время незнакомые Умберто Нобиле люди писали ему письма: «...От хорошей жизни не полетишь. Когда идет речь о полете на Северный полюс, то не имеет смысла это делать, даже если жизнь плоха...»

Если предположить, что экспедиция Амундсена—Элсуорта—Нобиле

имела тайную цель, то становится явной еще одна загадка.

В состав экспедиции входил радиотелеграфист Геннадий Олонкин. «Это был русский юноша, высокий и очень худой, белокурый, с небесно-голубыми глазами. Он никогда не улыбался, что делало его на вид довольно суровым, но душа у него была прекрасная. Во время долгого пути из Рима в Кингс-бей он отлично справлялся со своими обязанностями, принимая и отправляя десятки радиogramм. Под конец мы стали добрыми друзьями. Лучшего радиста для этого полета найти бы не удалось», — вспоминал Умберто Нобиле.

Однако неожиданно для командира дирижабля на Шпицбергене Р. Амундсен вычеркнул Олонкина из состава экспедиции. На вопрос Нобиле Готтвальдт ответил, что у радиста обнаружен дефект слуха. «...Я оцепенел от изумления, — продолжает свои записки Нобиле, — до сих пор Олонкин хорошо слышал!» Амундсен также уделил внимание в своих воспоминаниях русскому юноше: «С тяжелым сердцем нам пришлось расстаться с тем, кто был раньше приглашен на эту работу — с машинистом и радиотелеграфистом экспедиции “Мод” Геннадием Олонкиным. Но к этому привела необходимость — болезнь уха».

Нобиле не поверил в болезнь уха Олонкина. Тогда норвежцы в момент отсутствия Нобиле привели к Олонкину врача, их земляка, который лечил на Шпицбергене шахтеров. Тот, естественно, подтвердил болезнь. Его диагноз был доведен до Нобиле. «Думаю, что истинной причиной исключения Олонкина из экспедиции было желание Амундсена иметь на борту еще одного норвежца», — считал Нобиле.

Дирижабль «Норвегия» поднялся, повернулся носом на полюс и поплыл на север все дальше и дальше. Возле эллинга с вещами стоял Олонкин и, не скрывая слез, плакал. Так вспоминал один из мотористов дирижабля. Геннадий Олонкин оказался лишним в экспедиции. Но в качестве кого — человека, вместо которого на полюс должен был полететь племянник Амундсена (приятный молодой человек, который, однако, до старта дирижабля не успел сесть на воздушный корабль) или лишнего свидетеля?

Трансарктический перелет через Северный полюс был одним из величайших событий XX века. Воздухоплавательный фактор определил успех всей экспедиции. Этой экспедицией Руал Амундсен хотел завершить свою карьеру полярного исследователя. Однако, когда Умберто Нобиле и его экипаж попали в беду, великий норвежец, презрев все условности и не помня ссоры, немедленно вылетел на помощь экспедиции «Италии». Из этого полета он не вернулся. Сегодня в живых нет и других участников

перелета Шпицберген — Аляска через Северный полюс. Их нет, а загадки экспедиции на дирижабле «Норвегия» остались...

ТАК КТО ЖЕ «ДЕРЖАЛ СТРЕМЯ» «ТИХОГО ДОНА»?

(Материал А. Беляева)

Давно, еще в самом начале творческого пути Михаила Шолохова, после выхода в свет первых книг романа «Тихий Дон», в столичной писательской среде возникли подозрения: как мог такой молодой человек (а Шолохов начал писать роман, когда ему шел 22-й год) создать такое яркое, необычайно талантливое произведение? Поползли слухи: списал у кого-то другого. Говорили, что какая-то старушка ходит по редакциям и утверждает, что «Тихий Дон» написал ее сын, белый офицер. Потом говорили о каком-то казачьем офицере, расстрелянном ЧК, который оставил после себя сундучок с бумагами. Сундучок этот, разумеется, пропал, что за бумаги в нем были — неизвестно. Но слух опять приписал этот сундучок Шолохову — он его забрал у чекистов, а в нем будто бы и хранилась рукопись романа. Наконец, стали называть имя критика Голоушева — это он, мол, автор «Тихого Дона»... В письме Серафимовичу от 01.04.30 года Шолохов жаловался: «...вновь ходят слухи, что я украл “Тихий Дон” у критика Голоушева».

Молодой автор «Тихого Дона» отбивался от наветов как мог. В Москве была создана специальная комиссия для проверки слухов о плагиате в составе: А. Серафимович, А. Фадеев, Вл. Ставский, Л. Авербах, Вл. Киршон. Председателем комиссии была назначена М.И. Ульянова. Шолохов привез рукописи двух первых книг романа, черновики, варианты, переделки. Комиссия, изучив все материалы, пришла к единому выводу: роман написан Михаилом Шолоховым, слухи о плагиате — «злостная клевета». Текст этого заявления был опубликован в «Правде» 29 марта 1929 года.

Недруги приутихли. Однако писательская судьба Шолохова никак не полегчала. «Я серьезно боюсь за свою литературную участь, — писал он в письме Е.Г. Левицкой. — Если за время опубликования “Тихого Дона” против меня сумели создать три крупных дела (“старушка”, “кулацкий защитник”, Голоушев) и все время вокруг моего имени плелись грязные и гнусные слухи, то у меня возникает законное опасение: а что же дальше? Видно, большое лихо сделал я тем, кто старается меня опоганить».

В 1974 году произошел новый всплеск разговоров о плагиате. В Париже А.И. Солженицын издал со своим предисловием книгу «Стремя “Тихого Дона”», автор которой был законспирирован под литерой Д*. Позже стало известно, что под ней скрывалась И. Медведева-Томашевская, специалист по русской литературе XVIII–XIX веков. В своем предисловии А. Солженицын поддержал гипотезу И. Медведевой о том, что автором «Тихого Дона» является не Шолохов, а казачий писатель Федор Крюков. Эта новость дошла и до читающей и слушающей публики в СССР.

Когда Константин Симонов узнал о «Стремении “Тихого Дона”», он пошел в Ленинку и провел там в спецхране немало дней, читая произведения Ф. Крюкова. Потом обратился к секретарю ЦК КПСС П. Демичеву и убежденно заявил: «Федор Крюков не мог быть автором “Тихого Дона”. Не тот язык, не тот стиль, не тот масштаб. Чтобы пресечь измышления и домыслы на этот счет, хорошо бы издать у нас сочинения Ф. Крюкова. У всех, кто прочитает Ф. Крюкова, отпадут всяческие сомнения в том, что “Тихий Дон” написать мог только Шолохов, никак не Крюков».

Демичев по телефону посоветовался с М. Суловым. Вопрос об издании сочинений Ф. Крюкова Сулов отвел сразу. Порешил на том, что поскольку «Стремя» было издано на Западе, то лучше всего К.М. Симонову было бы дать интервью западному журналу или газете, в котором выразить все, что он думает о версии «Стремения».

Интервью К.М. Симонова было опубликовано в западногерманском журнале «Шпигель» (№ 49, 1974). Об этой публикации советские граждане узнали из передач «Немецкой волны» и «Голоса Америки». Вскоре в Москву приехал Шолохов. Он прослышал о публикации К. Симонова в «Шпигеле» и захотел с ней ознакомиться. Прочитав текст интервью, Шолохов сказал: «Почему бы и у нас текст Симонова не напечатать в “Литературке”»? Увы, исполнить пожелание Шолохова не позволили. Сулов высказался решительно против. Он считал, что незачем популяризировать сплетни и клевету, а советские люди не нуждаются в доказательстве авторства Шолохова, они в этом не сомневаются.

Герман Ермолаев, американский специалист по русской и советской литературе, автор книги «Советские литературные теории, 1917–1934. Генезис социалистического реализма», в рецензии на «Стремя “Тихого Дона”» написал: «...создается впечатление, что Д* не очень хорошо знаком с текстом “Тихого Дона” и с историческими событиями, изображенными в романе. Его методы исследования основаны не столько на тщательном изучении текста и соответствующих фактов, сколько на беспочвенных догадках и вольных толкованиях, подчас исходящих из ложных

предпосылок. Ему не удалось подтвердить свой тезис о сосуществовании в «Тихом Доне» авторского и соавторского текстов».

В 1984 году в Осло вышла в свет работа группы шведских и норвежских ученых под названием «Кто написал “Тихий Дон”?», в которой изложили итоги своей девятилетней работы по проверке гипотезы Д*. Они провели лингвистический анализ произведений Крюкова и Шолохова с помощью компьютеров. Сопоставление текстов по многим параметрам обнаружило «...единую тенденцию, а именно: что Крюков совершенно отличен от Шолохова по своему творчеству и что Шолохов пишет поразительно похоже на автора “Тихого Дона”. Поддержать гипотезу об авторстве Крюкова не представляется возможным. Гипотеза, отстаиваемая Д*, не выдерживает пристального анализа». Весомый и серьезный научный итог, казалось бы, должен был положить конец затянувшемуся «поискам» автора «Тихого Дона». Увы, такого не случилось. Сторонники гипотезы о плагиате попросту игнорировали работу норвежских и шведских ученых.

В 1995 году в Москве были изданы две примечательные книги: книга Валентина Осипова «Тайная жизнь Михаила Шолохова. Документальная хроника без легенд» и книга Льва Колодного «Кто написал “Тихий Дон”. Хроника одного поиска». Книга В. Осипова построена на ранее закрытых материалах из архивов КГБ, ЦК КПСС, Политбюро ЦК КПСС, многих других неизвестных документах, связанных с жизнью и творчеством М. Шолохова. В книге В. Осипова документально показано, почему М. Шолохов после третьей книги «Тихого Дона» и «Поднятой целины» (1932 год) замолчал на долгие семь лет. Вместо романов он писал в 1930-е годы страшные своей правдой письма Сталину о произволе властей на Дону по отношению к крестьянству, об ограблении крестьян, о насильственных изъятиях всего урожая у них, о наступившем вследствие этого страшном голоде на Дону. В этих письмах писателя — крик ужаса: что же вы делаете с народом? Разве можно так? В этих письмах — прямая критика режима без оглядки на свою судьбу.

Полемизируя со «Стременем “Тихого Дона”», В. Осипов последовательно и убедительно развенчивает систему доказательств автора «Стремени». В. Осипов сожалеет о том, что серьезная работа норвежских и шведских ученых по установлению авторства «Тихого Дона» с помощью компьютерной технологии как бы «не замечается» литературной и научной общественностью.

Книга Льва Колодного «Кто написал “Тихий Дон”. Хроника одного поиска» рассказывает о поиске автором рукописей «Тихого Дона». Известно, что в 1942 году архив и рукописи Шолохова, которые он передал

райотделу НКВД для отправки в тыл, попали под бомбежку в станице Вешенской и пропали. Несколько десятков страниц рукописей «Тихого Дона» были подобраны на улицах станицы и позже, по желанию Шолохова, переданы на вечное хранение в Институт русской литературы. Но среди них не было ни одной страницы, относящейся к первым двум книгам «Тихого Дона». Известно также, что в 1929 году Шолохов возил черновики и рукописи первых двух книг своего романа в Москву на комиссию.

Л. Колодный кропотливо изучил все московские адреса, по которым проживал Шолохов, начиная с учебы в гимназии, установил круг друзей писателя и подробно о них рассказал. Особый интерес представляет глава «История одной дружбы (Евгения Левицкая)». Именно ей посвятил Шолохов свой знаменитый рассказ «Судьба человека». Она поддержала и помогла продвинуть в печать первую книгу «Тихого Дона», она всегда поддерживала и защищала Шолохова. Шолохов относился к ней с сыновней любовью. Левицкая сохранила около сорока писем к ней Шолохова, которые впервые были опубликованы в книге Л. Колодного.

Когда возникли слухи о плагиате, Е. Левицкая установила, что пошли эти слухи от старого пролетарского писателя Ф. Березовского. Именно он высказал сомнение в авторстве Шолохова. Главный аргумент у него был: «Я вот старый писатель, но такой книги, как “Тихий Дон”, не смог бы написать». Далее Е. Левицкая пишет: «Многие завидовали выпавшей в столь раннем возрасте на долю автора “Тихого Дона” славе».

Возникшую через много лет в книге «Стремля “Тихого Дона”» гипотезу о том, что автором романа был Федор Крюков, Л. Колодный опроверг фактами. В ответ на аргумент, который, по мнению А.И. Солженицына, убедительно свидетельствует против авторства Михаила Шолохова («А тут еще не хранятся ни в одном архиве, никому никогда не предъявлены черновики и рукописи романа»), Л. Колодный публикует в своей книге рукописи первых двух книг «Тихого Дона»! Они сохранились. И на каждой странице — дата написания. Такая уж была привычка у Шолохова.

«Почему не шолоховеды, ученые, а журналист вышел на след рукописи?» — спрашивает Л. Колодный. И отвечает: «Потому что никто из шолоховедов не занимался поисками». Не уверен, что это именно так. Еще в 1974 году покойный шолоховед Л. Якименко рассказывал мне, что рукописи эти в Москве, что он их держал в руках. Но у кого и где — не сказал. Возможно, что тут сокрыта какая-то тайна писателя, которую предстоит еще разгадать. Важно одно: мы знаем теперь — рукописи Шолохова есть, они целы.

«Михаил Шолохов, — написал в своей книге В. Осипов, — унес с

собой в могилу страшную обиду: он был оставлен наедине с обвинениями в плагиате». Думается, что исследования и книги о творчестве Шолохова, появившиеся в последние годы, помогут развеять туман вокруг вопроса об авторстве «Тихого Дона».

АНАСТАСИЯ

(Материал А. Деко. Перевод с французского А. Ендовина)

...Юное грациозное создание с правильными чертами лица. Темные локоны спадают на плечи, черные, немного печальные глаза: такой запечатлена великая княжна Анастасия Николаевна на тех редких фотографиях, которые дошли до нас. Анастасии было 16, когда во время революции царская фамилия была сослана в Сибирь...

Прошло чуть больше года со времени уничтожения царской семьи. Советское правительство публиковало лишь отрывочные и прихотливо измененные сведения об убийстве. Эта нехватка информации и породила легенды и истории столь же соблазнительные, сколь и невероятные. Не нами подмечено: ложные идеи распространяются быстрее истинных.

...В феврале в Берлине холодно. Полицейский, дежуривший 17 февраля 1920 года возле канала Ландвер, зябко поеживался, безуспешно пытаясь согреться, когда со стороны Бендлерского моста до него донесся крик и следом — характерный звук падающего в воду тела. Полицейский бросился туда, где в черной воде отчаянно барахталась женщина. Прошло несколько мгновений, пока ему наконец удалось схватить ее и вытащить на берег...

Ее, казалось, мало заботила собственная участь. Определенно славянский тип лица, миловидна, одета бедно — это из того, что бросается в глаза. В полицейском рапорте будут педантично указаны «черные чулки, черные высокие ботинки, черная юбка, грубое платье без инициалов, блуза и большой платок». В участке, куда ее доставили, от нее не добились ни слова. Она смотрела прямо перед собой и не отвечала ни на один из вопросов. Ее обыскали в надежде найти хоть какие-то бумаги или документы, но безрезультатно. Ее странное поведение можно было объяснить только сумасшествием. Женщину отвезли в берлинскую Елизаветинскую больницу.

27 марта ее осматривали врачи. В медицинском заключении было сказано, что больная «склонна к сильным приступам меланхолии», и указывалось на необходимость помещения ее в психиатрическую клинику в Дальдорфе...

Первые слова, которые она произнесла, были совершенно бессвязны. Когда же ее спросили, не желает ли она, чтобы о ее местонахождении

сообщили ее жениху, она вдруг ответила по-немецки: «Nichts, trotz alledem» («Ничего не надо сообщать»).

Когда эта женщина поступила в клинику, она весила 54 кг. Неизвестная прожила в Дальдорфе полтора года. Поведение ее не беспокоило врачей. Она могла часами сидеть, не проронив ни слова, чаще же просто «лежала на кровати, уткнувшись лицом в покрывало». Иногда «она вдруг оживлялась, особенно по вечерам, и разговаривала с больными и с сестрами». Весьма странным было поведение больной, когда ее несколько раз пытались сфотографировать: «Она выказывала сильнейшее нежелание фотографироваться и волновалась до того, что приходилось чуть ли не насильно усаживать ее перед камерой». Она много читала, «в основном газеты, реже — книги» из библиотеки клиники, конечно, по-немецки. «Сестры говорили, что она производит впечатление хорошо образованной женщины».

Однажды сиделка принесла в палату номер «Берлинской иллюстрированной газеты» за 23 октября 1921 года. На первой полосе — фотография трех дочерей Николая II и броский заголовок: «Одна из царских дочерей жива?».

Неизвестная делила комнату с Марией Колар Пойтерт, женщиной лет сорока пяти, бывшей прачкой, оказавшейся в дурдоме «из-за происков недоброжелателей». О себе она говорила, что раньше жила в России и, будучи портнихой, поставляла платья дамам императорского двора. Она была поражена сходством между царскими дочерьми на фотографии из «Берлинской иллюстрированной газеты» и своей загадочной соседкой. Неизвестная в ответ приложила палец к губам и шепнула с таинственным видом: «Молчи».

Госпожа Пойтерт покинула клинику 20 января 1922 года, занятая размышлениями о незнакомке. Она была совершенно убеждена, что речь идет об одной из царских дочерей, хотя больная почти ничего ей не открыла. Исполнившись этой уверенности, она начала действовать, и, не появившись на сцене госпожа Пойтерт, не исключено, что и не было бы никакого «дела Анастасии»!

5 марта 1922 года госпожа Пойтерт встречает во дворе берлинской православной церкви бывшего капитана кирасирского полка господина Швабе и рассказывает ему о «больной из Дальдорфа», заметив, что «и впрямь считает ее одной из дочерей императора». Она спрашивает господина Швабе отправиться в больницу, и капитан соглашается выполнить ее просьбу.

8 марта 1922 года господин Швабе вместе со своим другом, инженером

Айнике, отправился навестить неизвестную. Он задал ей несколько вопросов по-русски, но она ответила, что не знает этого языка. Тогда капитан протянул ей фотографию вдовствующей императрицы. Реакция молодой женщины изложена в двух вариантах легенды. Господин Швабе утверждает, что больная «ответила, что эта дама ей не знакома». Сама же его собеседница вспомнит много позже: «Кто-то из русских эмигрантов принес мне портрет бабушки. Это было первый раз, когда я позабыла всякую осторожность, увидев фотографию, я вскричала: “Это моя бабушка!”»

Как бы там ни было, господин Швабе покинул больницу в чрезвычайном волнении. Выйдя из клиники, он тотчас же направился к председателю верховного совета русских монархистов в Берлине и употребил все свое красноречие, чтобы убедить его послать к больной «кого-нибудь из людей, близко знавших раньше детей императора».

Встреча, которой так добивался господин Швабе, состоялась два дня спустя. Вот что он сам вспоминает об этом: «Дня через два я снова отправился в больницу, на сей раз в компании капитана кавалерийского полка С. Андреевского, госпожи Зинаиды Толстой, ее дочери и хирурга Винеке. Больная не пожелала спуститься вниз, и, поднявшись в сопровождении сиделки в палату, мы увидели, что она лежит, закрыв лицо покрывалом. Госпожа Толстая и ее дочь очень мягко разговаривали с ней, со слезами на глазах показывая незнакомке маленькие иконки, фотографии и шепча ей на ухо какие-то имена. Больная ничего не отвечала; она была до крайности взволнована и часто плакала. Андреевский называл ее “ваша светлость”, это, кажется, подействовало на нее более всего. Винеке не стал осматривать больную, но добился у больничного начальства дозволения оставить ее здесь. По мнению госпожи Толстой и ее дочери, это была великая княжна Татьяна Николаевна».

Великая княжна Татьяна! Итак, появились новые свидетели — госпожа Толстая была близка в последние годы к императорской фамилии, — утверждавшие, как прежде госпожа Пойтерт, что бросается в глаза «определенное сходство» между незнакомкой и царскими дочерьми. Они, правда, имели в виду Татьяну...

В течение ближайших дней поразительная новость облетела круги русских эмигрантов, осевших в Берлине. Среди тех, кто оказался особенно потрясен ею, была баронесса Иза Буксгевден. Если кто и мог узнать в незнакомке одну из великих княжон, то только она, знавшая их лучше, чем кто бы то ни было, и расставшаяся с ними только в Екатеринбурге, всего за полтора месяца до трагедии. Баронесса тотчас же согласилась приехать.

Вот как она вспоминает свой визит:

«12 марта 1922 года мы вместе с госпожой Толстой, моим отцом, бароном Шарлем фон Буксгевденом, лейтенантом Андреевским и господином Швабе отправились в клинику. Встретившая нас сиделка сразу провела нас в общую женскую палату, где находилась больная. Услышав, как мы вошли, она укрылась одеялом, не желая, чтобы мы ее разглядывали, и больше уже невозможно было уговорить ее открыть лицо. Госпожа Толстая объяснила мне, что незнакомка делает так всегда, когда кто-нибудь приходит к ней, но медсестра добавила, что она разговаривает иногда с госпожой Пойтерт, которая раньше тоже лежала в клинике, и что это единственный человек, которому она явно доверяет. Госпожа Пойтерт была здесь же. Они говорили по-немецки. Большую часть времени больная лежала, и, хотя врачи разрешали ей вставать, она все равно предпочитала оставаться в постели.

Я решила заговорить с ней и попросила моих спутников отойти от кровати. Глядя ее по голове, я обратилась к ней по-английски с той же осторожностью, с какой стала бы беседовать с великой княжной, называя ее, впрочем, вполне нейтральным “darling” (дорогая). Она не отвечала ни слова, видимо, не поняв ничего из того, что я говорила ей: когда она на мгновение откинула одеяло, так, что я смогла рассмотреть ее лицо, глаза ее не выражали ничего, что показало бы мне, что меня узнали. Лоб и глаза ее напомнили мне великую княжну Татьяну Николаевну, но стоило увидеть все лицо, чтобы сходство перестало казаться столь разительным.

Я постаралась оживить ее воспоминания всеми возможными способами. Показала ей одну из иконок с датами правления Романовых, подаренных императором некоторым людям из свиты; потом перстень, принадлежавший некогда императрице (она часто носила его и подарила его мне в присутствии великой княжны Татьяны). Но эти вещи не вызвали в ее памяти ни малейшего отклика. Она без интереса рассматривала эти предметы и только прошептала на ухо госпоже Пойтерт несколько слов.

Хотя верхней частью лица госпожа Чайковская отчасти похожа на великую княжну Татьяну, я все-таки уверена, что это не она. Позже я узнала, что она выдает себя за Анастасию, но в ней нет абсолютно никакого внешнего сходства с великой княжной, никаких особенных черт, которые позволили бы всякому, близко знавшему Анастасию, убедиться в истинности ее слов.

Когда госпожа Пойтерт увидела, что незнакомка не отвечает и никак не обнаруживает, что узнает меня, она, видимо, желая “помочь” ей, зашептала что-то по-немецки и принялась показывать фотографии императорской

семьи, тыча при этом пальцем в императрицу и спрашивая у больной: “Это мама, правда?”. Наконец она вложила ей в руки Новый Завет на русском языке, переплетенный лентами цветов российского флага. Но все эти попытки потерпели крах: больная продолжала молчать и лишь старалась спрятать лицо, закрываясь одеялом и руками. Кстати, замечу, что великая княжна Анастасия едва ли знала с десятков немецких слов и выговаривала их с невероятным русским акцентом».

Мнение баронессы Буксгевден произвело не слишком хорошее впечатление на первых приверженцев русского происхождения «незнакомки». Что же до нее самой, то она замечает, что «с этих пор стали часто бывать русские эмигранты; я даже не всегда знала, кто они такие».

Одной из самых частых посетительниц больной была баронесса фон Кляйст, супруга бывшего полицмейстера одного из округов. Сердце ее обливалось кровью при виде молодой женщины (которая была, быть может, дочерью ее государя!), влачащей безрадостное существование в клинике для душевнобольных. 22 марта 1922 года она добилась у начальства клиники разрешения забрать больную из Дальдорфа к себе домой. Сделать это было тем легче, что репутация и положение госпожи фон Кляйст были безупречны.

Каково же было ее удивление, когда, придя за больной, она обнаружила, что та вырывает себе волосы спереди и что у нее уже не хватает многих зубов! Позже «незнакомка» объяснила, что «она принуждена была это сделать, поскольку ее передние зубы шатались из-за удара прикладом, полученного в Екатеринбурге».

...Небольшая квартира на пятом этаже дома № 9 по Неттельбекштрассе в Берлине. Здесь живет барон фон Кляйст с женой и дочерью. 30 мая 1922 года в доме появилась новая жилища: молодая женщина, никогда не выходящая из своей комнаты, о существовании которой соседи, быть может, и не подозревали бы, если бы не бесконечный поток посетителей, которых она принимала.

Одна из проблем, вставших перед Кляйстами, — как следует называть эту неизвестную женщину, лишенную всякого гражданского состояния? Они сошлись на имени «Анни». Что можно сказать о ее душевном состоянии? В первые дни после переезда к Кляйстам последовало явное улучшение, чего, увы, нельзя сказать о ее здоровье. Глазам растерянных визитеров представало довольно жалкое зрелище. Анни была больна чахоткой и туберкулезом костей. Ее бил озноб. Приглашенные доктора — особенно доктор Грэфе — делали все, что могли, но тогда, в 1922 году, туберкулез был еще неизлечим, и медицина могла лишь признать

собственное бессилие.

Робкая, недоверчивая Анни, кажется, постепенно прониклась уважением к своему врачу. Именно ему она рассказала однажды с таинственным видом, что у нее где-то есть сын и что «ребенка всегда можно будет узнать по белью с императорскими коронами и золотому медальону». Квартира барона фон Кляйста понемногу превратилась в подобие небольшого двора. Русские эмигранты считали своим долгом появиться здесь, принося «фотографии и книги об императорской фамилии». Незнакомку показывали гостям, словно ярмарочную диковинку.

Барон фон Кляйст, как мы уже сказали, был некогда полицмейстером: знаменательный для нас факт, ибо его наблюдения над загадочной протеей отличает и впрямь профессиональная юридическая точность. Нам удалось познакомиться с отчетами об этих «допросах». Вот они:

«20 июня 1922 года женщина, которую я забрал из сумасшедшего дома, пригласила меня к себе в комнату и в присутствии моей супруги, баронессы Марии Карловны фон Кляйст, попросила у меня защиты и помощи в отстаивании своих прав. Я заверил ее в том, что готов находиться в полном ее распоряжении, но только при условии, что она откровенно ответит на все мои вопросы. Она поспешила уверить меня в этом, и я начал с того, что спросил, кто она на самом деле.

Ответ был категорический: великая княжна Анастасия, младшая дочь императора Николая II. Затем я спросил ее, каким образом ей удалось спастись во время расстрела царской семьи и была ли она вместе со всеми. Ответ ее я привожу полностью: “Да, я была вместе со всеми в ночь убийства, и, когда началась резня, я спряталась за спиной моей сестры Татьяны, которая была убита выстрелом. Я же потеряла сознание от нескольких ударов. Когда я пришла в себя, то обнаружила, что нахожусь в доме какого-то солдата, спасшего меня. Кстати, в Румынию я отправилась с его женой и, когда она умерла, решила пробираться в Германию в одиночку. Я опасалась преследования и потому решила не открываться никому и самой зарабатывать на жизнь. У меня совершенно не было денег, но были кое-какие драгоценности. Мне удалось их продать, и с этими деньгами я смогла приехать сюда. Все эти испытания настолько глубоко потрясли меня, что иногда я теряю всякую надежду на то, что придут когда-нибудь иные времена. Я знаю русский язык, но не могу говорить на нем: он пробуждает во мне крайне мучительные воспоминания. Русские причинили нам слишком много зла, даже мне, не говоря уж о моих родных”.

А 4 августа 1922 года Зинаида Сергеевна Толстая сообщила мне, Артуру Густавовичу Кляйсту, следующее: 2 августа нынешнего года

женщина, называющая себя великой княжной Анастасией, рассказала ей, что ее спас от смерти русский солдат Александр Чайковский. С его семьей (его матерью Марией, восемнадцатилетней сестрой Верунечкой и младшим братом Сергеем) Анастасия Николаевна приехала в Бухарест и оставалась там до 1920 года. От Чайковского она родила ребенка, мальчика, которому сейчас должно быть около трех лет. У него, как и у отца, черные волосы, а глаза того же цвета, что у матери. Семья Чайковских жила где-то недалеко от вокзала, кажется, это была улица Swienti Voevosi; номер дома Анастасия Николаевна не запомнила. В 1920 году, когда Чайковский был убит в уличной перестрелке, она, не сказав никому ни слова, бежала из Бухареста и добралась до Берлина. Здесь она сняла комнату в небольшом пансионе — названия его она не знает — на Фридрихштрассе, неподалеку от станции. Ребенок, по ее словам, остался у Чайковских, и она умоляла помочь ей найти его».

Ну что же, первый шаг сделан. «Анни» во всеуслышание объявила себя Анастасией. А два дня спустя она покинула дом почтенного юриста! Почему? Нам неизвестно.

Спустя три дня инженер Айнике, тот самый, что появлялся 8 марта прошлого года в Дальдорфе вместе с капитаном Швабе, встретит Анни на Шуманштрассе возле дома, где жила Мария Пойтерт. Он засыпал ее целым градом вопросов. Напрасно. Она замкнулась в себе и упрямо не желала отвечать, где провела эти три дня. Кляйсты заметили, что она успела сменить одежду. Где? Каким образом? Это осталось загадкой.

Кляйсты были чрезвычайно обижены неожиданным бегством и не горели желанием снова поселить Анни у себя. Ей пришлось воспользоваться гостеприимством инженера Айнике, которое, впрочем, не могло длиться бесконечно. К счастью, здесь она встретила с советником Гэбелем, служащим Бреслауской префектуры. Его глубоко тронуло бедственное положение молодой женщины, и он сумел уговорить одного из своих друзей, доктора Грунберга, инспектора полиции, поселить у себя загадочную Анни. Человек добросердечный, доктор Грунберг пришел в ужас, увидев «незнакомку» и услышав ее рассказы. Впрочем, предоставим слово ему самому.

«Я решил отвезти Анни (это было 6 августа 1922 года) в наше поместье в Нойхоф-Тельтоф: отдых в деревне благотворно сказался бы на ее здоровье. Два года, проведенные в Дальдорфе, совершенно расстроили ее нервы. Рассудок временами ей не подчиняется: результат ранения головы, вернее, ужасного удара прикладом. Но об этом чуть позже. Кроме того, у нее не лучшая — по части здоровья — наследственность.

Когда она жила у меня, я решил, согласовав это с правительственным советником, которому я рассказал всю историю, предпринять, наконец, какие-то шаги для того, чтобы официально удостоверить ее личность. Мы смогли уговорить прусскую принцессу приехать к нам под вымышленным именем. Во время ужина мы усадили Анастасию напротив ее высочества с тем, чтобы принцесса могла хорошенько рассмотреть ее. (Следует, правда, отметить, что принцесса в последний раз видела императорскую фамилию около десяти лет назад.)

После ужина Анастасия удалилась в свою комнату; принцесса последовала за ней в надежде побеседовать с нею наедине и отметить какую-нибудь знакомую ей характерную черту. Но Анастасия в этот вечер чувствовала себя очень плохо и была — не более, впрочем, чем обычно — не расположена к разговорам: она повернулась спиной к вошедшей принцессе и не отвечала ей ни слова. Поведение ее тем более необъяснимо, что она узнала принцессу с первого взгляда: на следующее утро она сказала нам, что вчерашняя посетительница была “ее тетя Ирен”...»

Итак, отметим важный факт: в конце августа 1922 года Анни впервые увидела человека, когда-то близко знавшего семью Анастасии. Перейдем теперь от версии доктора Грунберга к собственным запискам прусской принцессы Ирен, сестры императрицы Александры:

«В конце августа 1922 года, по просьбе советника Гэбеля и инспектора полиции доктора Грунберга, я согласилась приехать в Берлин, чтобы повидать загадочную женщину, называющую себя моей племянницей Анастасией. Доктор Грунберг доставил меня и госпожу Эрцен в свой деревенский дом под Берлином, где незнакомка жила под именем “мадемуазель Энни”. Мой приезд был неожиданным, она не могла знать заранее, кто я, и потому не была смущена моим появлением. Я убедилась тотчас же, что это не могла быть одна из моих племянниц: хотя я не видела их в течение девяти лет, но что-то характерное в чертах лица (расположение глаз, форма ушей и т.д.) не могло измениться настолько. На первый взгляд, незнакомка была немного похожа на великую княжну Татьяну...

К великому разочарованию четы Грунберг, столь расположенной к незнакомке, я покинула их дом в твердом убеждении, что это не моя племянница; я не питала ни малейших иллюзий на сей счет.

До всем известных печальных событий мы прожили долгое время в такой близости, что довольно было бы любого малейшего намека, произвольного сделанного движения, чтобы разбудить во мне родственные чувства и рассеять мои подозрения».

Анни прожила у Грунберга еще какое-то время. Записи доктора чрезвычайно интересны для нас: они изобилуют бесчисленными подробностями из жизни нашей героини:

«Анастасия покинула нас, отправившись в госпиталь Вестенде, где ей сделали рентгеновский снимок поврежденной головы. Потом она поселилась у барона фон К., но это место ей не понравилось — можно только гадать, почему, — и она сбежала к госпоже Пойтерт. В декабре 1924 года в “Lokal Anzeiger” появилась заметка под названием “Легенды дома Романовых”: речь шла о ней. Они повздорили с госпожой П. из-за этой статьи, и Анастасия оказалась за дверью. Укрылась она у соседей по лестничной клетке, где я, наконец, и отыскал ее. В конце января она переехала ко мне...»

Доктор Грунберг был уже до крайности измучен пребыванием в его доме таинственной больной с отнюдь не ангельским характером и решил наконец просить совета у католического священника профессора Берга. Что же сам доктор думал об Анни после трех лет близкого знакомства? Бергу он написал очень просто: «В своих размышлениях я дошел до мертвой точки. Анастасия ни в коем случае не авантюристка. Мне представляется, что бедняжка просто сошла с ума и вообразила себя дочерью русского императора».

Профессор Берг посоветовал доверить Анни заботам госпожи фон Ратлеф. Та выглядела весьма удивленной, когда один из знакомых вдруг спросил ее:

— Вы слышали? Говорят, одна из дочерей русского императора жива?

— Нет, никогда!

С неменьшим изумлением она прочла записку доктора Грунберга и, крайне взволнованная — да это и неудивительно, — отправилась навестить больную... Обратимся теперь к ее собственным воспоминаниям:

«Меня провели в гостиную. Через несколько минут открылась дверь и вошла молодая женщина — та, ради которой я приехала. Она была невысокого роста, чрезвычайно худа и выглядела ослабевшей. Одета бедно, словно старушка. Когда она подошла поздороваться со мною, я заметила, что у нее недостает многих верхних зубов: это еще больше старило ее.

Движения ее, осанка, манеры выдавали в ней даму высшего света. Таковы мои первые впечатления. Но что поразило меня более всего, так это сходство молодой женщины с вдовствующей императрицей. Говорила она по-немецки, но с явственным русским акцентом, и, когда я обращалась к ней по-русски, она вполне понимала меня, ибо, хотя она и отвечала на немецком языке, но ее реплики были абсолютно точны. У нее болел нарыв

на руке, и я посоветовала ей лечь в больницу. Благодаря хлопотам господина С. нам удалось найти место в Мариинской больнице...

Поскольку я постоянно была при ней, через некоторое время она начала доверять мне; может быть, этому способствовала и обстановка, совершенно ей чуждая. Любой прямой вопрос ее пугал; она замыкалась в себе. Ее нелегко было вызвать на разговор, но затем уже следовало стараться не помешать ей, прерывая замечаниями. Если предмет беседы был ей интересен, она говорила вполне охотно. Так было почти всегда, когда речь заходила о ее детских годах: жизнь вместе с родителями, братом и сестрами, кажется, единственное, что ее интересовало, воспоминания переполняли ее в эти моменты... Она умела быть признательной за доброту и дружбу, которую ей выказывали. От всей ее натуры веяло благородством и достоинством, которые притягивали всех, кто знакомился с ней.

Сколько раз она повторяла мне:

— Я не знаю, чего Бог хочет от меня! Почему я одна осталась в живых? Почему не дано мне было умереть вместе со всеми? И ведь я умирала уже не раз, но люди зачем-то заставляли меня жить!»

Среди частых посетителей госпожа фон Ратлеф упоминает посла Дании. Это объясняется вполне очевидным образом: именно в Копенгагене доживала свой век вдовствующая русская императрица или, изъясняясь в терминах родства, бабушка Анастасии. Слухи о том, что в Берлине объявилась женщина, претендующая на высокий титул великой княжны, докатилась и до Дании. Императрица была взволнована: пусть даже один шанс из тысячи, что вся эта история окажется правдой, разве можно им пренебречь? Так, господин Зале, датский посланник в Берлине, неожиданно для себя сделался «разведчиком» по приказу брата вдовствующей императрицы. Дипломат стал частым гостем в Мариинской больнице. А тем временем в Копенгагене без нетерпения и даже с некоторой долей скептицизма ожидали его донесений.

Бывший камердинер Николая II Волков был единственным, кому удалось бежать из Екатеринбурга. С тех пор он безвыездно жил в Копенгагене при старой императрице. Когда в Дании прочли доклад господина Зале, ни у кого не возникло сомнений: кто лучше Волкова сможет обнаружить обман? Не теряя времени, Волков сел в берлинский поезд...

Нам известно три рассказа о встрече Анни со старым слугой. Первый из них принадлежит профессору Бергу — это его письмо Пьеру Жийяру:

«Я в деталях помню, как госпожа Чайковская встретила у меня с бывшим слугой императорского двора. Волков говорил только по-русски, и

поэтому я не слишком могу судить, о чем шла речь. Сначала он держался чрезвычайно холодно и даже с некоторой подозрительностью, но на следующий день, кажется, переменял мнение, ибо сделался отменно вежлив и был тронут до слез, когда пришло время отъезда».

Вторая версия представляет несомненный интерес, поскольку это уже воспоминания самого Волкова:

«До госпожи Чайковской я добрался не без труда. В мое первое посещение мне не позволили говорить с ней, и я принужден был удовольствоваться тем, что рассматривал ее из окна; впрочем, даже этого мне не было достаточно, чтобы убедиться, что женщина эта не имеет ничего общего с покойной великой княжной Анастасией Николаевной. Я решил все же довести дело до конца и попросил о еще одной встрече с нею.

Мы увиделись на следующий день. Выяснилось, что госпожа Чайковская не говорит по-русски; она знает только немецкий... Я спросил ее, узнает ли она меня; она ответила, что нет. Я задал ей еще множество вопросов; ответы были столь же неутвердительно. Поведение людей, окружающих госпожу Чайковскую, показалось мне довольно подозрительным. Они беспрестанно вмешивались в разговор, отвечали иногда за нее и объясняли всякую ошибку плохим самочувствием моей собеседницы.

Еще раз должен подтвердить, и самым категоричным образом, что госпожа Чайковская не имеет никакого отношения к великой княжне Анастасии Николаевне. Если ей и известны какие-то факты из жизни императорской фамилии, то она почерпнула их исключительно из книг; к тому же ее знакомство с предметом выглядит весьма поверхностным. Это мое замечание подтверждается тем, что она ни разу не упомянула какой-нибудь детали, кроме тех, о которых писала пресса».

Третья версия, самая многословная, принадлежит госпоже фон Ратлеф:

«...Больная не говорила с ним, она беседовала с господином Зале и профессором Бергом по-немецки; картина выглядела довольно странно. Единственное, что оставалось Волкову, это молча разглядывать ее. Прощаясь с нами, он сказал, что “не может утверждать определенно, что госпожа Чайковская не великая княжна” (из записки профессора Берга).

Мы не могли не заметить, что эта встреча взволновала госпожу Чайковскую. Во все время свидания она пристально рассматривала Волкова, выглядела настороженной и даже несколько испуганной. В ней словно происходила какая-то скрытая от глаз работа. Она, казалось, изо всех сил старалась собрать воедино разбросанные и не желающие подчиняться ее воле воспоминания. Совершенно измучившись, она

откинулась на подушки, воскликнув:

— Я никак не могу его вспомнить!

Она попросила Волкова прийти на следующий день: завтра она будет спокойнее! Когда он прощался, она любезно протянула ему руку и снова повторила свое приглашение.

Дня через два Волков появился вновь, на сей раз он сопровождал господина Зале. Они принесли несколько фотографий императорской фамилии. Господин Зале протянул их больной; она радостно принялась разглядывать снимки и тотчас же узнала среди прочих великого герцога Гессенского:

— Это же дядя, и его дети, и тетушка!

Разговор с Волковым начался тяжело. Старик никак не мог свыкнуться с мыслью, что дочь его государя не говорит по-русски. Когда он в который уже раз поделился со мною своими сомнениями, больная, услышав его слова, прервала беседу с датским посланником и обратилась ко мне, горячо умоляя меня ничего более не объяснять Волкову и не пытаться его ни в чем убедить. Ее гордость, ее самолюбие были чрезвычайно задеты недоверием этого человека. Она, впрочем, согласилась ответить на несколько его вопросов. Когда он спросил ее, не помнит ли она кого-то из прислуги (я забыла имя, но назван был кто-то из ее прежнего окружения), она немедленно отвечала:

— Он был специально приставлен к нам, к детям.

Он спросил ее, кроме того, помнит ли она матроса, бывшего лакеем у ее брата.

— Да, он был очень высокий. Звали его Нагорный, — ответила она, не сомневаясь ни минуты.

— Да, действительно, — сказал Волков, пораженный точностью ее ответов.

Он пришел на следующий день, уже один, ибо господин Зале должен был отправиться в Копенгаген. Больная чувствовала себя неважно, предыдущие разговоры до крайности утомили ее. Она спустилась к назначенному часу в приемную, но вынуждена была улечься на диван. Волков присел рядом и продолжил свой допрос (да простят мне подобное выражение).

— Вы помните Татищева?

Несколько мгновений она размышляла, затем произнесла:

— Он был адъютантом отца, когда мы были в Сибири.

Волков кивнул. Потом он достал портрет вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Она долго рассматривала его в необычайном волнении

и наконец спросила:

— Как она себя сейчас чувствует? Странно, что бабушка не в трауре; сколько я помню, она всегда была одета в черное.

Она замолчала, чтобы немного отдохнуть. Мы с Волковым заговорили о чем-то, но она прервала нас:

— А ведь при брате состоялся еще один моряк!

Волков кивнул, подтверждая ее слова. Она продолжала медленно, словно блуждая в глубинах памяти:

— Его звали... У него еще такая трудная фамилия... Деревенко.

— Да, — выдохнул Волков.

Она снова задумалась, борясь с ускользящими воспоминаниями.

— Но был, кажется, еще кто-то с такой же фамилией, — проговорила она наконец. — Это был доктор, правда?

Волков опять согласно кивнул. Он спросил, помнит ли она великую княгиню Ольгу Александровну.

— Да, — отвечала больная. — Это моя тетя. Она была очень привязана и к нам, и к маме.

Потом он спросил, что случилось с ее драгоценностями.

— Они были зашиты в моем белье и в одежде, — сказала она. Затем она улыбнулась и не без лукавства произнесла:

— Ну что ж, теперь, когда он довольно порасспрашивал меня, посмотрим, как сам он сумеет сдать этот экзамен. Помнит ли он комнату в нашем летнем дворце в Александрии, в которой мама каждый год по приезду писала на оконном стекле алмазом из своего перстня число и инициалы, свои и папины?

— Да, — отвечал Волков. — Могу ли я не помнить этого? Я столько раз бывал в той комнате.

— А вы помните Ивановский монастырь? — спросил он, в свою очередь.

— Это где-то в Сибири, — проговорила она. — Оттуда еще приходили странницы, и мы с мамой и сестрами пели с ними.

Волков был потрясен.

Ему нужно было уходить: она очень устала и начала жаловаться на головную боль. На глазах ее выступили невольные слезы. Он несколько раз поцеловал ей руку. Совершенно растроганный, сказал на прощанье: “Все будет хорошо!” и медленно вышел из комнаты.

В дверях он обернулся еще раз: слезы катились по его щекам. Я вышла проводить его, и он сказал мне:

— Постарайтесь понять мое положение! Если я скажу, что это она,

теперь, после того, как другие столько раз говорили обратное, меня сочтут сумасшедшим.

Я далека от того, чтобы осуждать кого-то, но один смелый голос был бы куда полезнее для больной, чем все намеки и робкие подтверждения, выслушивать которые был, видно, наш удел».

Похоже, в Копенгагене не слишком были уверены в обмане, ибо вдовствующая императрица, мучимая сомнениями, устроила вскоре новое испытание для Анастасии. Кровавой резни в Екатеринбурге избежал наставник цесаревича господин Жийяр, возможно ли было пренебречь его свидетельством? Позднее Жийяр вспоминал:

«23 июля 1925 года моя жена получила письмо от великой княгини Ольги Александровны, чрезвычайно нас огорчившее. Великая княгиня сообщала, что в Берлине появилась молодая женщина, называющая себя Анастасией Николаевной, и что, хотя все это представляется ей не слишком правдоподобным, ее встревожили сенсационные откровения, которыми та завоевывала своих поклонников. “Мы все просим вас, — прибавляла она в конце письма, — не теряя времени поехать в Берлин вместе с господином Жийяром, чтобы увидеть эту несчастную. А если вдруг это, и впрямь, окажется наша малышка! Одному Богу известно! И представьте себе: если она там одна, в нищете, если все это правда... Какой кошмар! Умоляю, умоляю вас, отправляйтесь как можно быстрее; вы лучше, чем кто бы то ни было, сумеете сообщить нам всю истину... Самое ужасное, что она говорит, что одна из ее тетушек — она не помнит, кто именно — называла ее „Schwibs“. Да поможет вам Бог. Обнимаю вас от всего сердца”. В постскриптуме великая княгиня написала: “Если это действительно она, телеграфируйте мне, я приеду тотчас же”.

В воскресенье, 26 июля, в 6 часов вечера, наш поезд прибыл на вокзал. Нас встречали и сразу же отвезли в посольство Дании, где нам надлежало остановиться. Посол, господин Зале, еще не вернулся из Копенгагена. Он приехал на следующий день после обеда и, не теряя времени, посвятил нас во все детали. Господин посол рассказал, что госпожа Чайковская — так звали больную — говорит только по-немецки, и что вот уже несколько недель за ней ухаживает некая госпожа фон Ратлеф, русская дама, родом откуда-то из балтийских провинций, и, как кажется, очень ей преданная. Мы тут же — уже вечерело — отправились в Мариинскую католическую больницу, заведение для неимущих, расположенную в одном из берлинских рабочих кварталов.

Опускались сумерки. Госпожа Чайковская — несколько дней назад ей сделали операцию локтевого сустава — лежала в постели и выглядела

совершенно обессилевшей, ее лихорадило. Я задал ей по-немецки несколько вопросов, на которые она отвечала невнятными восклицаниями. В полном молчании мы с необычайным вниманием вглядывались в это лицо в тщетной надежде отыскать хоть какое-то сходство со столь дорогим нам прежде существом. Большой, излишне вздернутый нос, широкий рот, припухшие полные губы — ничего общего с великой княжной: у моей ученицы был прямой короткий нос, небольшой рот и тонкие губы. Ни форма ушей, ни характерный взгляд, ни голос — ничего не оставляло надежды. Словом, не считая цвета глаз, мы не увидели ни единой черты, которая заставила бы нас поверить, что перед нами великая княжна Анастасия: эта женщина была нам абсолютно незнакома.

На следующее утро мы снова отправились в Мариинскую больницу. Госпожа Чайковская чувствовала себя гораздо лучше, лихорадка уменьшилась; но, как и накануне, у меня сложилось впечатление, что она не узнает нас. Я хотел воспользоваться улучшением, чтобы расспросить ее поподробнее, но понял вскоре, что от нее совершенно невозможно добиться ничего нового. Видя безуспешность моих стараний, я показал ей на мою жену и спросил, знакома ли ей эта женщина, которую она, без сомнения, должна хорошо помнить. Больная долго разглядывала ее и — я продолжал настаивать — ответила, наконец, с некоторой долей сомнения: “Es ist meines Vaters jüngste Schwester”. (Это младшая сестра моего отца.) Бедняжка приняла мою жену за великую княгиню Ольгу! Она, видимо, узнала накануне, что датский посол вернулся из Копенгагена, куда ездил с докладом о ней для вдовствующей императрицы и великой княгини Ольги, и, поскольку мы явились к ней вместе с господином Зале, она заключила, что дама эта могла быть только “ее тетя Ольга”, прибывшая из Дании вместе с посланником.

Опыт, кажется, убеждает. Госпожа фон Ратлеф, правда, возразила, что больная только что перенесла операцию и ее бьет лихорадка, что, делая слишком поспешные выводы, мы рискуем допустить ошибку, которую трудно будет исправить. Мы, в свою очередь, выразили удивление тем, что больная не говорит по-русски. Госпожа Ратлеф отвечала, что врачи отметили множество повреждений черепа, которые бедняжка, вероятно, получила той страшной ночью в Екатеринбурге, и с ней произошел один из типичных случаев амнезии, столь часто встречающихся во время войны. А как же эти изменившиеся черты? Широкий рот, который едва ли может принадлежать великой княжне? Это все те же ужасные удары прикладом, изменившие всю нижнюю часть лица: у нее ведь не хватает семи зубов! Все это представляется весьма странным, но меня чрезвычайно смущают

необычные откровения больной и особенно это словечко “Schwibs”, которым называла Анастасию Николаевну только великая княгиня Ольга и о котором мало кто знал. Кто же на самом деле это существо? Ключ к этой тайне мог бы дать только серьезный допрос, и мы, поддавшись просьбам людей, опекающих загадочную больную, решили вернуться в Берлин, когда госпоже Чайковской станет лучше»...

Это — рассказ бывшего воспитателя цесаревича. Выслушаем же теперь версию г-жи Ратлеф:

«...Я выполнила просьбу посланника и привела новых посетителей в комнату больной. Она вежливо протянула им руку, невзирая на страдания, которые причиняло ей каждое движение. Но появление гостей совершенно не тронуло ее, она так и осталась лежать, утопая в своих подушках. Посетители же были, казалось, чрезвычайно взволнованы печальной картиной, представившейся их глазам. Они долго сидели возле постели в полном молчании. Когда мужчины ненадолго покинули комнату, дама попросила у меня позволения взглянуть на ноги больной. Я устроила это так, чтобы бедняжка ни о чем не догадалась.

— У нее ноги совсем как у великой княжны, — сказала мне госпожа Жийяр.

— Наверное, нет смысла докучать больной вопросами, учитывая ее плохое состояние. Мы приедем опять, как только ей станет лучше, — пообещал господин Жийяр.

Больную раздражил этот визит:

— Какой-то незнакомый человек сидит у моей кровати и с усмешкой спрашивает меня, ем ли я нынче столько же шоколаду, сколько ела прежде! Он, видимо, хотел посмеяться надо мною: здесь, в Берлине, мне не доводилось пройти без вздоха мимо магазина с шоколадом, ибо я не могу ничего купить!..

Тем же вечером господин посланник, господин Жийяр с супругой и я собрались на совет. Все согласилось с моим предложением как можно скорее перевезти больную в санаторий в Моммзене, где за ней ухаживал бы профессор Руднев, и через несколько дней, как и было условлено, мы отъехали...»

В конце сентября 1925 года больной стало лучше. Наконец-то утихла лихорадка, она снова могла читать и играть с маленьким белым котенком по прозвищу Кики, подаренным госпожой Ратлеф. Вскоре вновь должны были приехать супруги Жийяр... Но предоставим лучше слово самой госпоже фон Ратлеф:

«Стоял ясный солнечный октябрьский день. Я ненадолго вышла из

комнаты, а вернувшись, обнаружила у постели больной господина Зале в обществе того невысокого темноволосого господина, который уже навещал нас в Мариинской больнице. Больная всматривалась в его лицо с необычайным вниманием, я тотчас же заметила это. Она была столь взволнована, что у нее перехватило дыхание. Не без усилия она приняла спокойный вид и протянула ему руку со своей всегдашней вежливостью. Он спросил, помнит ли она его.

— Мне кажется, я видела вас прежде, но что-то незнакомое в вашем лице настолько меня смущает, что я не могу сказать, кто вы. Мне нужно немного привыкнуть.

А когда с нами остался только господин посол, она обратилась к нему с явным недоумением:

— Это может быть только преподаватель моего брата, господин Жийяр. Я не осмелилась назвать его; мне показалось, он ужасно переменялся.

Назавтра господин Жийяр пришел снова. Она была уже гораздо более спокойна и, когда он присел возле ее кровати, спросила, никак не называя его:

— Куда подевалась ваша борода? У вас ведь был совсем закрыт подбородок, правда же?

— Да, — отвечал господин Жийяр и рассказал, как вынужден был еще в Сибири сбрить бороду, чтобы не быть узанным большевиками.

Посещение нас господином Жийяром и переживания, вызванные им, сильно утомили больную. Она лежала, утопая в подушках, и казалась подавленной. Разговор никак не завязывался. Наконец господин Жийяр прервал молчание:

— Говорите же, прошу вас. Расскажите все, что вы помните из прошлого.

Он слишком плохо знал ее нынешнее состояние — а ведь я не раз говорила ему об этом! — иначе не стал бы спрашивать столь прямо.

— Я не умею рассказывать. Я даже не знаю, о чем следует говорить.

Господин Жийяр допустил еще одну оплошность, не оставшуюся без последствий, когда с излишней, скажем прямо, оживленностью выразил свое удивление тем, что ее память не слишком исправно, служит ей.

— Неужели вы полагаете, — с горечью возразила она, — что вы сами с легкостью вспоминали бы прошлое, когда бы вас на три четверти убили?

Позже она спросила, когда в Берлин придет Шура. Господин Жийяр ответил уклончиво: он не может сообщить ей определенно. После того, как он ушел, она сказала мне:

— У него сегодня хорошее лицо, и вид у него более здоровый, он даже выглядит сейчас моложе, чем раньше в Сибири...

После обеда в нашу дверь постучали. Вошел посланник и следом за ним дама в сиреневом пальто. Она напрямик направилась к постели больной и с улыбкой протянула ей руку. На наших глазах больная переменилась: бледные худые щеки ее покрылись ярким румянцем, глаза, обычно усталые и тусклые, как бы затуманенные, зажглись радостными искорками. Она была счастлива. Дама говорила с ней по-русски, она отвечала ей на своем плохом немецком. Несколько времени спустя она спросила вдруг:

— Как себя чувствует бабушка? Как у нее с сердцем?

Слова ее были исполнены неподдельной заботы и тревоги. Узнав, что у бабушки все хорошо, она вздохнула с облегчением. Разговор вновь зашел о предметах незначительных: поговорили о болезни и милых проделках Кики... Больная ни разу не назвала свою посетительницу по имени, и только часа два спустя, когда та ненадолго вышла из комнаты, господин Зале спросил ее:

— Кто же эта женщина?

— Это папина сестра, моя тетя Ольга, — отвечала она весело.

— Почему же тогда вы сразу не назвали великую княгиню по имени?

— А почему бы я должна была это делать? Я так обрадовалась, что не могла и слова вымолвить! — воскликнула она со своей совершенно особенной интонацией, столь для нее характерной.

Позже я узнала, что это был “экзамен”: больная ожидала увидеть Шуру, а ее навестила великая княгиня Ольга.

С появлением великой княгини Ольги Александровны в комнате поселились радость и мир. Она оставалась до вечера, и, когда прощалась, больная вдруг наклонилась к ее руке и нежно прикоснулась к ней губами. Жест этот настолько противоречил ее обычной манере, что мы были крайне удивлены...

Наутро, уже в девять часов, великая княгиня Ольга снова была у нас. С ее появлением в комнате запахло счастьем и надеждой. Больная лежала на подушках, и лицо ее сияло. Великая княгиня уселась рядом с нею и принялась показывать ей портреты двух своих маленьких сыновей. Ее собеседница разглядывала фотографии с какой-то тайной грустью. Великая княгиня — недаром она была настоящая леди, — словно прочитав ее мысли, стала спрашивать бедняжку о ее собственном ребенке. Она сильно покраснела... и уклонилась от ответа: ребенок был совсем еще маленький, она оставила его в Бухаресте на попечение двух женщин из

приютившей ее семьи.

Потом она рассказывала мне:

— Я готова была провалиться сквозь землю, когда тетя спросила меня об этом. Боже мой, что за мука думать, что я должна была родить этого ребенка!.. Но это произошло не по моей вине! У меня не было сил, я болела и не могла защитить себя...

Вдруг далекие воспоминания овладели ею.

— Мне это приснилось или так все и было в самом деле? Ведь была в нашем доме комната с совсем крохотными низкими стульчиками?..

— Да, совершенно верно, это не сон, — ответила великая княгиня.

— ...А это не привиделось мне: будто там была еще винтовая лестница, и мы всегда спускались по ней.

— Верно, — с надеждой подтвердила великая княгиня и, в свою очередь, спросила:

— А что бывало каждую субботу у этой лестницы?

Больная не могла припомнить; видно было с ясностью, как она с трудом пытается совладать с изменяющей ей памятью. Но картины прошлого ускользали от нее.

Несколько времени спустя она сказала, обращаясь ко мне:

— Тетушка всегда звала меня “Schwipsik”.

— Да, — откликнулась великая княгиня, — я всегда обращалась к ней именно так.

Нет сомнения, ей было приятно и радостно услышать это. В полдень она покинула нас: ее ждали к завтраку в датском посольстве.

Вскоре она снова была у нас, но на сей раз ее сопровождала дама, уже прежде приходившая навестить больную вместе с господином Жийяром в Мариинской больнице. Это была Шура, которую так ждала больная.

Шура была страшно взволнована. Она подошла к постели своей бывшей воспитанницы и с улыбкой обратилась к ней по-русски:

— Как вы себя чувствуете?

Великая княгиня наклонилась к ней и спросила мягко, будто желая ее подбодрить:

— Ну кто же это?

— Шура! — выдохнула она.

Мы все слышали это. Великая княгиня Ольга Александровна захлопала в ладоши и воскликнула с необычайной радостью:

— Верно, верно! Но теперь надо говорить по-русски: Шура по-немецки не знает ни слова.

Эта просьба, казалось, не слишком обрадовала больную. Она

предложила ей сесть — опять на немецком — и не сводила с нее глаз. Затем она взяла свой флакон с одеколоном, вылила несколько капель Шура в ладонь и попросила ее протереть свой лоб. Шура со слезами на глазах рассмеялась. Это был совершенно особенный жест, характерный только для великой княжны Анастасии Николаевны: она ужасно любила духи и иногда буквально “обливала ими свою Шуру”, чтобы та “благоухала, как букет цветов...”

Великая княгиня не раз говорила, что племянница ее похожа скорее на великую княжну Татьяну. Господин и госпожа Жийяр разделяли ее мнение. Великая княгиня призналась даже, что, если бы ей сказали, что перед нею была именно Татьяна, она поверила бы этому не задумываясь. Перед отъездом она беседовала с датским послом:

— Мой разум не позволяет мне поверить, что это Анастасия, но сердцем я чувствую, что это она. А поскольку я воспитана в религии, которая учит слушать прежде всего доводы сердца, а не рассудка, я не в силах оставить это несчастное дитя.

Прощаясь, великая княгиня Ольга нежно поцеловала больную в обе щеки и шепнула:

— Не стоит печалиться. Я буду писать, госпожа фон Ратлеф мне тотчас же ответит. Нужно только выздороветь, сейчас это самое главное.

Супруги Жийяр уезжали на следующий день. Госпожа Жийяр была совершенно растрогана и никак не хотела уходить от больной, которая совсем загрустила, видя, что все опять ее покидают. Госпожа Жийяр была безутешна; отойдя от кровати со слезами на глазах, она обняла меня и разрыдалась:

— Я так любила ее прежде, так любила!.. Почему же я и эту женщину люблю так же сильно? Если бы вы только знали, что творится сейчас в моей душе! Почему, скажите мне, почему я так полюбила эту бедняжку?..

Слова эти прекрасно выражают чувства, обуревавшие эту искреннюю женщину. Господин Жийяр, которому переживания жены показались излишними, прервал наше прощание.

Перед самым отъездом господин Жийяр и его супруга, беседа с его превосходительством господином Зале, заметили:

— Мы покидаем вас в убеждении, что не можем определенно отрицать, что она — великая княжна Анастасия Николаевна.

Господин Жийяр обещал вернуться, когда больная совсем поправится и сможет лучше отвечать на его вопросы. Он просил меня постоянно держать его в курсе событий и заверил нас, что даже в Лозанне постарается выполнить все наши просьбы и поручения. Должно же, сказал он, когда-

нибудь “разъясниться это странное дело”».

«Отчет» господина Жийяра об этой поездке противоречит приведенным выше воспоминаниям госпожи фон Ратлеф:

«В конце октября мы с женою снова отправились в Берлин и остановились, как и в первый раз, в датском посольстве, куда вскоре прибыла и великая княгиня Ольга (27 ноября 1925 года). В прошлое наше посещение, как вы помните, госпожа Чайковская не только не узнала нас, но даже приняла мою жену за великую княгиню Ольгу. На сей раз она явно знала о нас больше и ожидала нашего визита, что подтверждают некоторые строки из письма, адресованного мне датским посланником (оно датировано 16 октября 1925 года).

На следующий день по приезде в Берлин, не дожидаясь, пока приедет великая княгиня Ольга, я в одиночестве отправился в клинику, чтобы побеседовать с госпожой Чайковской. Я нашел ее сидящей в кровати, она играла с подаренным ей котенком. Она подала мне руку, и я присел рядом. С этого момента и до тех пор, пока я не ушел, она не отводила от меня взгляд, но не промолвила ни слова — я настаивал напрасно — и никак не дала понять, что знает меня.

На другой день я опять появился в клинике, но усилия мои оставались столь же бесплодны, как и накануне. Госпожа Чайковская избегала отвечать на мои вопросы; стоило мне проявить настойчивость, как она откидывалась на подушки, закрывала глаза и повторяла одно: “Ich weiss nicht, ich weiss nicht!” (Я не знаю, не знаю!).

Великая княгиня Ольга и моя жена посетили наконец клинику в Моммсене; госпожа Чайковская очень мило встретила их, протянула им руки, но никто не заметил ни одного из тех неожиданных движений, которые диктует обычно нежность и которых можно было бы ожидать, будь перед нами действительно великая княжна Анастасия.

Впрочем, ни в этот, ни в последующие дни она ни разу не назвала их по имени. Великая княгиня Ольга, как и мы оба, не нашла ни малейшего сходства между больной и великой княжной Анастасией — исключение составлял лишь цвет глаз — и, как и нам прежде, эта женщина показалась ей совершенно незнакомой. Мы начали разговор с того, что попытались изъясняться с ней по-русски, но вскоре убедились, что, хотя она и понимает русский язык, правда, не без труда, но говорить сама не может. Что же касается английского и французского, то это и вовсе был бесполезный труд, и мы вынуждены были общаться на немецком. Мы не смогли скрыть изумления. Великая княжна Анастасия прекрасно говорила по-русски, довольно хорошо по-английски, сносно по-французски и совсем не знала

немецкого. Госпожа Чайковская не могла недооценивать значения нашей встречи; она прекрасно знала, зачем мы прибыли, и, согласитесь, было бы странно, если бы она, владея хотя бы одним из этих языков, не пожелала продемонстрировать нам свои знания.

Что же касается великой княгини Ольги и моей жены, то ими руководили лишь жалость, которую вызывала несчастная больная, и опасение допустить ошибку, которую после уже невозможно будет исправить. Они показывали бедняжке фотографии, которые освежили бы ее память, будь это действительно Анастасия Николаевна. Мы привезли много снимков покоев императорской фамилии в Царском Селе, среди прочих там были фотографии спален императрицы и великих княжон: больная почему-то не узнала их. Когда она рассматривала снимок маленькой детской столовой, мы так и не добились от нее, где именно во дворце находится эта комната. (Эту же самую фотографию показывал ей два месяца назад господин Зале, и тогда госпожа Чайковская не вспомнила даже мою жену, сидящую за столом. А ведь до того самого дня, когда нас всех отправили в Сибирь, великие княжны каждое утро завтракали с моей женой в этой самой столовой!) Если бы госпожа Чайковская была Анастасией Николаевной, разве она колебалась бы хоть одно мгновение?

Мы показали ей множество фотографий, сделанных в Крыму и в тринадцатом году во время путешествия императорской семьи по Волге, по случаю трехсотлетия дома Романовых. Эта поездка была необычным событием в довольно однообразной жизни великих княжон: они впервые видели живописные края, ставшие когда-то колыбелью великой династии, впервые их взорам предстала Волга, река, воспетая всеми русскими поэтами, им в первый раз довелось провести столько времени в дороге, путешествуя не на привычном для них “Штандарте”. Ни один из снимков не вызвал отклика в памяти госпожи Чайковской. Единственное, что удивляло нас, это та уверенность, с которой она находила на любой фотографии членов царской семьи: самого императора, императрицу, наследника и великих княжон.

Здесь следует рассказать об одном событии, которое поможет наконец внести ясность в это необыкновенное дело. Полковник Куликовский, сопровождающий великую княгиню Ольгу в Берлин, узнал от одного из своих старых сослуживцев, господина Баумгартена, что между 1922 и 1925 годами госпожа Чайковская не раз бывала в русских эмигрантских обществах. Эта новость нас удивила, и мы с господином Куликовским решили разыскать людей, знавших ее раньше. Господин Баумгартен любезно познакомил нас с М.Н. Швабе, одним из своих друзей, и с его

супругой.

Для нас, почти незнакомых с прошлым госпожи Чайковской, эта встреча была настоящим откровением. От четы Швабе мы узнали, что она долгое время жила у барона фон Кляйста, русского эмигранта, уроженца одной из прибалтийских провинций, который сперва поверил, что и впрямь имеет дело с великой княжной Анастасией. Госпожа Чайковская общалась со многими русскими, среди прочих — с госпожой Толстой и ее детьми. Что касается госпожи Толстой, то до революции она жила в Царском Селе, и дети ее, с необычайной любовью относившиеся к наследнику и великим князьям, не раз встречали их во время прогулок в парке. Несомненно, что госпожа Чайковская могла узнать от Толстых множество деталей, касающихся жизни императорской семьи в Царском Селе.

В то время, то есть между 1922 и 1925 годами, здоровье госпожи Чайковской было несравненно лучшим, чем нынче, она много гуляла по городу, даже делала покупки и часто навещала супругов Швабе, к которым была нежно привязана. У них она могла увидеть много всего относящегося к царской фамилии: фотографии, фотокопии, брошюры и еженедельники — словом, всю огромную коллекцию материалов, собранную господином Швабе для журналов, которые он издает (чтобы заработать кусок хлеба, он открыл в Берлине небольшую типографию). Она часами разглядывала снимки членов императорской семьи, которые неблагоразумно приносили ей люди, окружавшие ее, и постепенно научилась узнавать эти лица на любой фотографии.

Госпожа Швабе тоже поведала нам много весьма интересных деталей, которые у нее была возможность наблюдать во время частых визитов госпожи Чайковской. Вначале она искренне была уверена, что “незнакомка” — и впрямь та, за которую себя выдает, но вскоре ее начали мучить подозрения, постепенно убедившие ее в обратном. Теперь у нее не осталось сомнения в том, что госпожа Чайковская явилась не из России, что она никогда не была православной: об этом красноречиво свидетельствует множество эпизодов, которые она пересказала нам и которые мы не приводим здесь лишь из соображений лаконичности.

Супруги Швабе рассказали нам, что недостающие зубы госпожи Чайковской — результат посещений дантиста в Дальдорфе, а отнюдь не ударов прикладами во время страшной екатеринбургской ночи, как утверждала госпожа фон Ратлеф. Но самое главное, что удалось нам узнать, была история со словечком “Schwibs”, столь удивившим нас в устах больной. Услышала она его впервые следующим образом.

В 1922 году в Берлин прибыл П. Булыгин, бывший русский офицер,

ездивший в 1918 году по поручению великой княгини Ольги в Сибирь в надежде разыскать сведения об императорской фамилии; в качестве пароля великая княгиня и назвала ему это домашнее прозвище. Булыгин, коротко знакомый со Швабе, часто рассказывал им о своем сибирском путешествии. Познакомившись с госпожой Чайковской, они попросили своего друга назвать им какую-нибудь характерную деталь, чтобы испытать “незнакомку”, и Булыгин рассказал им об этом прозвище. Что же касается госпожи Чайковской, то она так и не сумела ответить на этот вопрос, и госпоже Швабе пришлось слог за слогом открыть ей прозвище...

В тот же день, вечером, мы все, вместе с господином Зале и его супругой, ужинали в посольстве, и я решил воспользоваться случаем, чтобы познакомить великую княгиню со всеми новостями, которые узнал за сегодня. Господин Зале нашел, что мой излишне красочный рассказ мог неблагоприятно повлиять на слушателей, и заметил мне, что я явно вышел за рамки своей роли простого свидетеля, поспешив сделать выводы из еще не проверенных фактов. Но господин Куликовский поддержал меня, посоветовав великой княгине самой выслушать мнение госпожи Швабе. Остановились мы на том, что за ней пошлют, и через час госпожа Швабе повторила, на сей раз в присутствии великой княгини, супругов Зале и моей жены все столь важные подробности, которые мы узнали от нее чуть раньше.

На следующий день мы снова отправились в клинику, чтобы расспросить больную еще раз. С тем, чтобы проверить то, что узнал накануне, я попросил госпожу Ратлеф о небольшой услуге, цели которой намеренно не стал ей сообщать, а именно: зарисовать расположение зубов госпожи Чайковской. Любому, взглянувшему на этот рисунок, сделалось бы понятно, что недостающие зубы не были выбиты ударом: в этом случае их не хватало бы лишь в каком-то одном месте; у больной же они отсутствовали то здесь, то там по всему ряду.

В этот раз мы показали госпоже Чайковской брошь, подаренную моей жене императрицей в 1913 году во время празднования трехсотлетия дома Романовых. Сколько мне помнится, Анастасия Николаевна сама должна была выбрать ее по просьбе матери и всякий раз после бывала очень рада, когда видела ее на моей жене. Мы даже сделали госпоже Чайковской небольшую подсказку, назвав даты 1613–1913, но украшение ничего не напоминало ей; она вернула его нам, проявив к нему совершенно никакого интереса.

Последнее, что мы решились сделать, это показать ей маленькую серебряную иконку святого Николая. Императрица подарила ее моей жене

в память происшествия на “Штандарте” возле финских фьордов 29 августа 1907 года. Великим княжнам она тогда же надела в точности такие иконки, и они всегда носили их при себе. Когда госпожа Чайковская прочла число, выгравированное на обратной стороне, мы спросили ее, знает ли она, что оно означает, и доводилось ли ей прежде видеть что-то подобное, но так и не добились вразумительного ответа...

Итог нашего расследования был сугубо отрицателен: мы совершенно уверились в том, что перед нами чужой человек, и впечатление это лишь усиливалось тем немаловажным обстоятельством, что больная так и не сумела ничего поведать нам о жизни императорской фамилии.

С другой стороны, нам показалось, что госпожа Чайковская, к которой мы питаем вполне искреннее сочувствие, сама абсолютно убеждена в том, что она действительно Анастасия Николаевна. Итак, что же за создание было перед нами? Быть может, речь идет о каком-то случае психической патологии, о самовнушении больного человека, о сумасшествии, наконец?..

Великая княгиня Ольга уехала из Берлина 30 октября, а на следующий день отправились и мы, так как мой отпуск уже подходил к концу».

В том, что касается «дела Анастасии», и великую княгиню Ольгу, и супругов Жийяр, без преувеличения, можно упрекнуть в нерешительности. Тем не менее довольно странным выглядит их поведение в последующие месяцы.

Первой на сцене появилась великая княгиня Ольга. Она прислала «незнакомке» поздравление с Рождеством 1925 года, написанное, по словам госпожи фон Ратлеф, «весьма дружелюбно». В свертке, который был передан вместе с посланием, был жакет, связанный самой великой княгиней для больной. Жийяры тоже не забывали писать:

«Как дела в Берлине? Надеюсь, вы ведете себя разумно и едите как следует, чтобы хорошенько набраться сил, а не скармливаете свои обеды обжоре Кики, который готов поглотить все без остатка? Постарайтесь писать почаще — вы нас очень обяжете — и не сердитесь, если мои ответы слишком задерживаются».

14 декабря 1925 года Шура пишет:

«Передайте ей (больной. — Авт.), прошу вас, что не проходит и дня, чтобы я не вспоминала о ней и не посылала ей в душе самых сердечных приветов».

И опять Пьер Жийяр, 30 декабря 1925 года: «Как чувствует себя больная? Довольно ли у нее сил, чтобы начать вставать? Хочется верить, что она уже может отвечать на вопросы и что память ее стала лучше, а ответы более ясными и точными.

Моя жена была совершенно растрогана, получив открытку, которую вы прислали. Подпись и впрямь чрезвычайно напоминает подпись великой княжны Анастасии, когда ей было лет 13–14. Следовало бы узнать, доводилось ли больной встречать подпись великой княжны на какой-нибудь открытке или книге. Еще было бы замечательно, если бы она сама написала несколько строчек... Вы будете очень любезны, если передадите больной открытку, которую мы посылаем с этим письмом»...

27 января 1926 года: «То, что говорит больная о собственном полке великой княжны Анастасии, оказалось совершенно правильным...»

Этим письмом переписка вдруг обрывается. Больше от великой княгини Ольги или от Жийяров в Моммзенском санатории не получили ни одного письма.

Отчего так «резко все переменялось», как выразятся приверженцы Анни? Вот что говорит на сей счет Пьер Жийяр:

«С самого начала я допустил серьезную ошибку: я исправлял все оплошности, содержащиеся в письмах, приходивших ко мне. Через несколько месяцев я стал замечать по письмам моих многочисленных берлинских корреспондентов, что в городе сделались известны сомнительные откровения больной, но не те, которые получал я, а отредактированные и исправленные по моим же собственным указаниям! Но самое ужасное состояло в том, что в Берлине, как я узнал из письма господина Швабе от 9 января 1926 г., только и разговоров было, что о предстоящем выходе какой-то книжонки о госпоже Чайковской, где говорилось, что великая княгиня Ольга, моя жена и я единодушно опознали больную. Господин Швабе прибавлял, что к этой публикации причастен, кажется, доктор Руднев. Я тотчас же написал госпоже фон Ратлеф, что, если все, что я узнал, верно, я незамедлительно опубликую в прессе категорическое опровержение. Угроза возымела действие: я получил от нее ответ, она утверждала, что ни Руднев, ни сама она ничего не знали о готовящейся публикации, и умоляла не предпринимать никаких решительных действий. Я понял, что удар попал в цель: и впрямь, после уже и речи не было ни о каких брошюрах...

С этого времени письма госпожи Ратлеф приходили все реже и наконец совершенно прекратились месяца два спустя, в июне 1926 г.»

Около того же времени датский посол господин Зале обратился к господину Жийяру с просьбой изложить полностью свое мнение о деле незнакомки. Письмо Пьера Жийяра к дипломату было весьма категорическим. Вот его финал:

«Заканчивая это длинное письмо, я могу лишь еще раз подписаться

под тем, о чем уже говорил вам в своем письме от 3 февраля 1926 г., а именно, что если бы меня попросили высказать свое суждение, то я, не колеблясь, ответил бы, что больная — совсем не та, за кого себя выдает».

Это письмо положило конец участию Пьера Жийяра в деле госпожи Чайковской...

Точку в этой истории поставил Гамбургский процесс 1961 года. Рискнем в последний раз утомить внимание читателя цитатой.

«Суд пришел к выводу, что госпожа Андерсон не может претендовать на титул великой княжны по следующим соображениям:

1. Истица отказалась от медицинской и лингвистической экспертиз, на проведении которых настаивал суд;

2. Судебный референт, знающий русский язык, не смог засвидетельствовать, что она когда-либо владела им;

3. До 1926 года истица говорила лишь по-немецки; славянский акцент, по утверждениям свидетелей, появился значительно позже, примерно в то же время, когда она выучила английский язык,

4. Ни один из свидетелей, лично знавших Анастасию, не опознал истицу; последняя тоже не сумела однозначно вспомнить никого из свидетелей;

5. Воспоминания, которым она придает столь важное значение, вполне могли быть заимствованы из обширной литературы, посвященной истории императорской фамилии;

6. Графологическую и антропологическую экспертизы по ряду причин следует считать неудовлетворительными.

Суд постановил, что ГОСПОЖА АНДЕРСОН НЕ МОЖЕТ ПРЕТЕНДОВАТЬ НА ИМЯ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АНАСТАСИИ».

Что ж, поставим точку и мы.

ПРОПАВШАЯ СВЯТЫНЯ: ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИКОНЫ КАЗАНСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

(Материал Н. Кривцова)

Есть в Португалии небольшой городок — Фатима. В туристических путеводителях он отмечен как одно из важнейших паломнических центров всего Пиренейского полуострова. Но удивительно то, что, оказывается, святыня в Фатиме непосредственно связана с Россией, а главное — и об этом не пишут никакие путеводители! — с католическим храмом соседствует православный, который вплетен в историю одной из самых загадочных пропаж XX века...

...Обогнув справа храм и пройдя несколько десятков метров по парку, вдруг увидел поднимающуюся из-за деревьев православную луковку. А через пару минут передо мной предстала и церковь — судя по архитектуре, не очень давней постройки. Точнее не церковь, а довольно внушительное здание, над центральной частью которого и красовался купол-луковка. Неподалеку от него, на крыше, в небо смотрела тарелка спутниковой антенны.

— Это здание «Голубой дивизии», — объяснила гид.

Что за «Голубая дивизия»? Откуда православный храм в паломническом центре католиков? Вопросы, увы, оставались пока без ответов.

Мы прошли внутрь. На втором этаже, под куполом, помещалась церковь. Действительно православная. Среди икон я нашел образ преподобного Германа Аляскинского, канонизированного русской зарубежной православной церковью и наиболее почитаемого в Америке. Больше ничего узнать о храме не удалось: коридоры и лестницы здания были пустынные, а внизу, в холле, у киоска, где продавались иконки, открытки, религиозная литература и видеокассеты, висела табличка: «Буду через полчаса».

Но прежде чем мы покинули храм, гид поведала мне самое удивительное: долгие годы, до недавнего времени, здесь хранилась подлинная икона Казанской Богоматери, считающаяся пропавшей уже много десятков лет! Позже эту информацию мне подтвердил и

португальский журналист Жозе Мильтяш Пинту, много лет проведший в России и хорошо знающий нашу страну. Жозе еще сам видел икону в Фатиме — старинную, в дорогом золотом окладе, украшенном драгоценными камнями...

...В 1579 году в Казани, которая лишь совсем недавно была отвоевана у татар, разразился мощнейший пожар, истребивший значительную часть города. Недалеко от того места, где начался пожар, стоял дом одного стрельца, сгоревший вместе с другими. Когда стрелец хотел приступить к постройке нового дома на пепелище, его девятилетней дочери Матроне явилась во сне Божья Матерь и повелела возвестить духовным и светским сановникам города, чтоб они взяли икону Ее из недр земли, и указала ей место на пепелище сгоревшего дома, где икона скрывалась. Девочка сначала никому о своем сне не говорила, потом сказала матери, но та не обратила внимания на слова ребенка. Когда же сон повторился в третий раз, Матрона все-таки заставила свою мать прислушаться. И 8 июля Матрона на пепелище нашла икону, на которую ей указала Божья Матерь.

Икона была завернута в рукав ветхой одежды, но при этом сама совсем не пострадала. С иконы сняли список и послали царю Ивану Грозному, который повелел на месте обретения иконы основать женский монастырь...

С той поры икона находилась в Богородицком монастыре в Казани, инокиней которого стала нашедшая ее Матрона. Поначалу икона была чтима лишь как местная. Но в 1611 году, в Смутное время, ее список приносили из Казани в Москву вместе с казанским ополчением в стан князя Дмитрия Пожарского по распоряжению патриарха Гермогена (на следующий год погибшего мученической смертью и причисленного впоследствии к лику святых). 22 октября 1612 года этот список находился у Дмитрия Пожарского во время сражения с поляками. Князь, как известно, одержал победу, и царь Михаил Федорович велел чествовать чудотворную икону дважды — 8 июля, в день ее обретения, и 22 октября, в день связанной с ней победы русского оружия.

Оригинал же иконы так и оставался в казанском Богородицком монастыре, став на три века важнейшей святыней не только города, но и России. Паломники со всей страны специально приходили в Казань поклониться святому лику, который продолжал творить чудеса.

Еще при Иване Грозном икону одели в ризу червонного золота, а Екатерина II в 1767 году при посещении Богородицкого монастыря надела на икону бриллиантовую корону. Вельможи и купцы соревновались в украшении иконы драгоценными камнями и жемчугами...

Но 29 июня 1904 года икона пропала. С этого момента и начинается

удивительная история ее поисков, неожиданных ее появлений в различных местах, мистификаций и загадок.

Дело о пропаже и поисках иконы Казанской Богоматери — одно из самых известных в российской дореволюционной криминалистике. Расследование с перерывами велось более десяти лет. В архиве Департамента полиции хранилось два обширных тома «О похищении в Казани из девичьего монастыря чудотворной иконы Казанской Божией Матери», которые охватывают период 1910–1917 годов.

Пропажа иконы взбудоражила всю страну и обсуждалась на самом высоком уровне, вплоть до императора Николая II. В томах дела масса писем и телеграмм от таких людей, как председатель совета министров Столыпин, министр юстиции Щегловитов, министр внутренних дел Хвостов, директор департамента полиции Виссарионов, член государственного совета, камергер двора князь Ширинский-Шихматов, московский генерал-губернатор Гершельман, князь Оболенский, начальник московской сыскной полиции Кошко, великая княгиня Елизавета Федоровна, церковные иерархи...

Пропажу святыни обнаружили ранним утром 29 июня 1904 года. Дверь в храм была взломана, церковный сторож Захаров связан. Исчезли две иконы: Казанская Богоматерь и Спас Нерукотворный.

На ноги тут же была поднята полиция, и по горячим следам похититель был быстро найден. Им оказался Варфоломей Чайкин (известный еще как Стоян), крестьянин двадцати восьми лет, рецидивист и специалист по церковным кражам. В 1903 году он похитил из Спасского монастыря в Казани митру и другие церковные вещи, в Коврове из кладбищенской церкви — ризу с иконы, в 1904 году совершил кражи в Рязани, в Туле (тогда была похищена риза с иконы Казанской Богоматери стоимостью 20 тысяч рублей), в Ярославле. Причем самих образов он не крал, а лишь сдирал с них ризы. И на этот раз он утверждал, что драгоценности и оклад образа продал, а саму икону расколол и сжег в печи.

25 ноября 1904 года начался судебный процесс. На нем было шесть подсудимых: сам Чайкин-Стоян и некто Комов — виновники кражи, церковный сторож Захаров, которого подозревали в соучастии, ювелир Максимов, обвинявшийся в содействии и скупке золота и жемчугов с икон, сожительница Чайкина Кучерова и ее мать Шиллинг, которых обвиняли в укрывательстве виновников кражи и похищенных ценностей.

Примечательно, что Чайкин на предварительном следствии отрицал уничтожение икон. Но сожительница, ее малолетняя дочь и мать показывали, что видели, как он разрубал иконы на щепки и сжег в печи.

При обыске в печи были действительно найдены 4 обгорелые жемчужины, заgroundовка с позолоты, 2 проволоки, 2 гвоздика, 17 петель, которые, по показаниям монахини-свидетельницы, находились на бархатной обшивке иконы. По показаниям Шиллинг, пепел от икон был брошен в отхожее место, где и был найден полицией.

В итоге Чайкину дали двенадцать, а Комову — десять лет каторги, Максимова — два года и девять месяцев исправительных арестантских отделений, Кучеровой и Шиллинг — пять месяцев и десять дней тюрьмы. Захарова оправдали.

Однако поиски иконы и проработка других возможных версий продолжались. Уж больно большую ценность для всех россиян имела знаменитая икона, не говоря уж о стоимости ее оклада, уж больно мощный резонанс вызвало это похищение. Тем более что помимо следов сожжения иконы и некоторых деталей оклада, а также показаний подсудимых, никаких других свидетельств у полиции не было. Стоит также помнить, что похищены были две иконы, и пепел мог принадлежать лишь одной из них — менее ценному Спасу Нерукотворному. К тому же оклады обеих икон найдены так и не были. Поэтому возникла версия, что икону Казанской Богоматери Чайкин за огромную сумму перепродал старообрядцам — они действительно занимались широкой скупкой дониконовских икон, в частности брали их из старинных московских храмов во время разорения Москвы в нашествие Наполеона.

12 ноября 1909 года в недрах полиции появился секретный доклад. В Казань был послан специальный чиновник, так как до министерства дошли «серьезные сведения о сохранности чудотворной иконы Казанской Божией Матери». Товарищ министра внутренних дел Курлов отстранил казанского губернатора и начальника казанского жандармского управления от розыска, доверив его автору доклада Прогнаевскому. А Кошко направил в помощь ему двух самых опытных агентов. Один из них и доложил о продаже иконы старообрядцам.

Чайкин в то время находился в тюрьме в Ярославле. К нему подослали шпионов, через которых полиция надеялась узнать о местонахождении святыни. Но он теперь лишь твердил о сожжении иконы, а не о продаже. Однако слухи о возобновлении следствия расходились уже по всей империи, причем не минуя и тюрем.

И вот неожиданно иеромонах Иллиодор получает из саратовской тюрьмы от арестанта Кораблева письмо, в котором тот говорит, будто знает, где находится икона. Иллиодор тут же докладывает об этом епископу Саратовскому Гермогену, который вступает в контакт с Кораблевым.

Кораблев сообщает, что икона якобы действительно находится у старообрядцев, и обещает помочь ее вернуть. Он даже намекает на то, что, возможно, для ее вызволения придется пойти на преступление, но он готов на все, если ему смягчат участь и переведут в другую тюрьму, где он смог бы вступить в контакт с другими участниками «дела». Однако если отцы Гермоген и Иллиодор верят Кораблеву, опытный в делах сыска Прогнаевский вскоре убеждается, что никаких данных у арестанта нет, а он просто хочет организовать побег.

Но у «версии» Кораблева находятся влиятельные сторонники. Гершельман, например, говорил о возможности смягчения участи Кораблева даже на аудиенции у Николая II. Но самое примечательное: он считал, что «важно восстановить святыню», так как для церкви и православных «не так важно, будет ли получена действительно украденная икона или какая-нибудь другая».

Тем не менее после заключения Прогнаевского вновь начинается следствие. На этот раз уже в Санкт-Петербурге — к этому времени Чайкин находится в знаменитой Шлиссельбургской тюрьме.

Известный криминалист Михаил Гарнет, автор многих работ по истории русской криминалистики, считал, что доказательства сожжения Чайкиным иконы неоспоримы. По его мнению, это подтверждается показаниями осужденного на допросе в Шлиссельбурге 29 июня 1912 года. Чайкин тогда говорил: «Мне ужасно хотелось тогда доказать всем, что икона вовсе не чудотворная, что ей напрасно поклоняются и напрасно ее чтут».

Однако поиски иконы продолжались. И тут возникает «дублер» Кораблева — каторжанин читинской тюрьмы Блинов. Причем все идет по тому же сценарию. Блинов просит о смягчении участи, о переводе в другую тюрьму. Его версию поддерживают епископ Читинский Иоанн и даже великая княгиня Елизавета Федоровна, которую ставят в известность о предложениях арестанта и которая через посредников вступает в переговоры с воров. В 1915 году, несмотря на уже идущую мировую войну, в Курске проводится специальное совещание по разработке новой версии. Однако следователи обнаруживают, что Кораблев лишь хотел сделать копию и выдать ее за настоящую икону, и его снова заковывают в кандалы. Окончательной правды не удалось добиться и от Чайкина.

Так поиски пропавшей иконы в России ни к чему не привели. А затем началась революция, гражданская война. Было уже не до иконы...

Была ли сожжена икона? Если нет, где она находится? А если была действительно уничтожена Чайкиным, то куда делась ее драгоценная риза?

Эти вопросы так и оставались без ответа многие годы. Конечно, специализация Стояна на похищении одних лишь окладов, показания его самого и свидетелей подтверждают версию об уничтожении иконы. Но, с другой стороны, прожженный рецидивист прекрасно понимал, что стоимость самого образа гораздо выше стоимости ее ризы. И в уничтожение им святого лика только по «идейным соображениям» верится с трудом.

Если же икона Казанской Богоматери была на самом деле сожжена, то какой же образ висел в Фатиме? Подделка? А может, старинный список?

Действительно, проследить возможный путь иконы из России в Португалию было бы гораздо проще, если бы с нее еще в XVI – самом начале XVII века не было сделано несколько списков, причем следы некоторых из них тоже теряются.

Вспомним, что сразу по обретении иконы в Казани с нее был сделан список и отправлен Ивану Грозному. Известно также, что в Москву к Дмитрию Пожарскому в 1611 году вместе с казанским ополчением попал другой список из Казани. После решающей победы над поляками он принадлежал князю Пожарскому и находился в его приходской церкви — Введения на Лубянке, а в 1633 году был собственноручно перенесен князем в Казанский собор на Красной площади. Значит, в начале XVII века в Москве было уже два списка чудотворной иконы.

Как повествует церковная литература, икона Казанской Богоматери, перенесенная из Казани в Москву в 1579 году (вероятно, тот самый список, сделанный сразу по обретении иконы), оставалась там до 1721 года. Тогда, по воле Петра I, она была перенесена в Петербург, во временную каменную церковь, которая стояла на месте нынешнего Андреевского собора на Васильевском острове, а оттуда — в Троицкий собор, что на Петербургской стороне. В правление Анны Иоанновны был возведен деревянный храм в честь Рождества Богородицы на Невском проспекте около нынешнего Казанского собора. Туда в 1737 году и перенесли икону, украшенную по распоряжению императрицы драгоценными камнями. Со времен Павла I собор именовался Казанским. 15 сентября 1811 года, по сооружении нового здания собора (ныне существующего), икона была перенесена и помещена в его иконостас. Известно также, что императрицы Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна прибавили к окладу иконы много драгоценных камней и жемчуга, а от великой княгини Екатерины Павловны получен в дар редкой величины синий яхонт.

В книге Семена Звонарева «Сорок сороков» говорится, что «петербургский» список в начале XIX века был сделан с иконы,

хранящейся в Казанском соборе Москвы, специально для Казанского собора в «северной столице». А значит, сам список, сделанный для Ивана Грозного, оставался в первопрестольной.

Но какая бы икона ни попала в Петербург — оригинал, выполненный в 1579 году для Ивана Грозного, или список с принадлежавшего Пожарскому образа, который был сделан в начале XIX века, — не вызывает сомнений одно: этот образ после закрытия Казанского собора на Невском проспекте был перенесен во Владимирский храм, Действующий и по сей день.

А что же стало с иконой, находившейся в Казанском соборе в Москве? После закрытия собора на Красной площади его храмовый образ был сначала передан в Богоявленский собор в Дорогомилове (ныне разрушен), а из него после закрытия и этого храма в 1930-е годы икона пропала...

Любопытно, что в Москве, в Богоявленском соборе в Елохове, ныне имеется еще один список Казанской иконы, также находившийся в казанском ополчении в 1612 году.

Разобраться во всем этом довольно сложно, так как в церковной литературе списки тоже называют «чудотворными иконами», и понять, идет ли речь об оригинале или о копиях, невозможно.

Наверняка же известно следующее. Список, сделанный для Ивана Грозного (1579 год), либо находится в Петербурге, либо он пропал. Один список (не позднее 1611 года), прибывший в Москву с казанским ополчением, находится в Елоховском соборе в Москве. Другой список (не позднее 1611 года), также из ополчения князя Пожарского и хранившийся в Казанском соборе в Москве, утерян. Соответственно, мы имеем дело не с одной пропажей: в 1904 году в Казани исчез оригинал, в 1930-е годы в Москве исчез список, находившийся в Казанском соборе. Возможно, исчез (правда, неизвестно когда и где) и самый первый список, выполненный в 1579 году. Значит, если Чайкин сжег оригинал, то в Фатиме мог объявиться один из старинных списков. Так что надо искать следы не одного, а нескольких образов. А раз так, то легче вести поиски с конца, то есть из Фатимы.

Время пропажи одного из старинных списков иконы Казанской Богоматери — 1930-е годы — невольно наталкивало на мысль о возможной причастности к появлению образа на Пиренейском полуострове известного коллекционера Калюста Гульбенкяна, музей имени которого является важнейшим художественным музеем Португалии. Дело в том, что в конце 1980-х годов в журнале «Огонек» появилась большая статья о художественных ценностях, проданных в 1920–30-е годы из советских музеев за рубеж, в которой говорилось и о нефтяном магнате Калюсте

Гульбенкяне.

Ссылаясь на монографию Джона Уокера о вашингтонской Национальной галерее, автор статьи в «Огоньке» пишет, что в конце 1920-х – начале 1930-х годов Гульбенкян, иракский армянин, глава «Ирак петролеум компани», помог русским коммунистам реализовать на мировом рынке нефть и уговорил их продать ему ряд произведений искусства из Эрмитажа, чтобы увеличить запасы твердой валюты. Для этого он попросил одного молодого немецкого историка искусств быть его агентом по приобретению произведений искусства в СССР. Но тот от его предложения отказался.

Однако, говорится далее в статье, Калюст Гульбенкян успел кое-что приобрести и существенно пополнил основанный им в португальской столице культурный фонд — «своеобразный филиал Эрмитажа», открытый Гульбенкяном в 1930-е годы. Поэтому, подумал было я, не мог ли пропавший в 1930-е годы список какими-то путями оказаться в его коллекции в Лиссабоне, а уже оттуда перебраться в Фатиму?

Однако оказалось, что статья в «Огоньке» содержит ряд существенных неточностей. А визит в Музей Гульбенкяна и наведение самых первых справок сразу разрушили эту версию. Музей Калюста Гульбенкяна в Лиссабоне является частью частного фонда, созданного нефтяным магнатом, которому Португалия во время Второй мировой войны предоставила убежище и налоговые льготы. В благодарность за это Гульбенкян и передал приютившей его стране свои художественные коллекции и львиную долю своего несметного состояния в виде культурного фонда в 1955 году.

Таким образом в 1930-е годы «филиал Эрмитажа» в португальской столице Гульбенкян создать никак не мог. К тому же Гульбенкян, действительно покупая в Советской России произведения искусства, не ведал, что ему продают шедевры из музеев. И, узнав это, он отказался впредь приобретать картины в СССР. Об этом свидетельствует письмо, написанное Гульбенкяном 31 июля 1930 года Георгию Пятакову, главе Госбанка СССР: «Вы знаете, я всегда придерживался мнения, что вещи, которые многие годы хранятся в ваших музеях, не могут быть предметом распродаж. Они не только являются национальным достоянием, но и великим источником культуры и национальной гордости... Я искренне убежден, что вы не должны ничего продавать даже мне...»

Так что обвинения в адрес создателя богатейшего музея Португалии в заведомом опустошении художественных собраний России несправедливы. Любопытно, что текст этого письма цитируется и в «огоньковской» статье.

Однако ее автор почему-то не берет его в расчет. Но для нашего розыска главное другое: Гульбенкяна интересовали произведения лишь классиков западноевропейской живописи и искусство Востока. В общем, как бы то ни было, икона Казанской Богоматери в Португалию попала не через Гульбенкяна. Но тогда как?

Поэтому я решил выяснить, что это за организация «Голубая дивизия», которая построила рядом с католической святыней православный храм, где икона и хранилась?

И тут мне помог Жозе Мильязеш Пинту. Прежде всего, он рассказал мне о православной церкви в Фатиме и «Голубой дивизии».

Оказалось, что «Голубая дивизия» — католическая организация антикоммунистической направленности, которая была создана после Второй мировой войны в США с целью препятствовать распространению коммунизма в мире. Особенно прочны ее позиции в Латинской Америке, а также Испании и Португалии. И на месте явления Божией Матери в Португалии — а данные Ею в 1917 году пророчества непосредственно касались судьбы России — «Голубая дивизия» и решила поместить знаменитую чудотворную икону из России. Свое здание в Фатиме «Голубая дивизия» построила в 1950-е годы, а православная церковь при нем, зовущаяся там «Византийской», была специально предназначена для знаменитой иконы. Так что икона попала в Португалию из США. И значит, в Америку ведут следы пропавшего образа из России.

Мильязешу Пинту удалось проследить и путь чудотворного образа из России в Фатиму. Согласно его данным, исчезнувшая в 1904 году икона с войсками Врангеля была перевезена в Крым, оттуда в Румынию, а затем оказалась в США. А там от русских эмигрантов икона и перешла к «Голубой дивизии».

История эта выглядит весьма правдоподобно, однако удивительно, как о столь знаменитой иконе не было ничего слышно несколько десятилетий!

Интересно, что в 1960-е годы из Англии поступили сведения, что у одного коллекционера обнаружена «древняя Казанская икона Богоматери, во многом походившая на подлинную». Ее — как говорится в книге «Сорок сороков» — перевезли в США, где архиепископ Сан-францисский Иоанн Шаховской попытался организовать сбор средств для приобретения святыни, но нужной суммы собрать так и не удалось. Как икона оказалась у коллекционера в Англии (говорят, он выставлял ее на знаменитой «Сотби») — информации об этом нет. Но главное, что и по этой версии Казанская Богоматерь оказалась в Америке! Но что это была за икона? Оригинал (уцелевший, а вовсе не сожженный Чайкиным)? Один из старинных

списков? Подделка?

Относительно иконы, прибывшей из Англии, специалисты выяснили, что оклад ее — подлинный, с самого чудотворного образа из Казани, украденный Чайкиным, но сама она — замечательная копия XX века. О дальнейшей судьбе этого образа в книге «Сорок сороков» говорится следующее: «В конце концов икона была приобретена католической церковью и помещена в знаменитом месте явления Божией Матери в Португалии в 1917 году — Фатиме, в Восточном центре католиков».

Какая же из версий ближе к истине? Если верить Мильязешу Пинту, икона оказалась в Фатиме еще в конце 1950-х годов. В Англии же икона «всплыла» только в 1960-е годы. Причем и она якобы завершила свой путь в Португалии. Какая же все-таки икона попала на Пиренейский полуостров из США? Может, еще один «двойник»? Но как тогда быть с окладом висевшей в Фатиме иконы, который, судя по описаниям португальского журналиста, был старинным и, возможно, действительно принадлежал оригинальной иконе? Так что необходимо искать следы иконы все-таки в США 1950–1960-х годов.

Единственное, что можно сказать почти с уверенностью, — оклад иконы, хранившейся в Фатиме, был подлинный. Но насчет самой иконы ясности нет. Была ли это оригинальная икона из Казани, «московский» список из Казанского собора, пропавший в 30-е годы, или «прекрасная копия» XX века?

Дать ответ на этот вопрос было бы несложно, если бы можно было увидеть саму икону. Но она вновь исчезла из поля зрения. Правда, на сей раз это была уже не пропажа. И следы иконы не потерялись: она оказалась в Ватикане.

Как удалось выяснить Жозе Мильязешу Пинту, по условиям прежних владельцев иконы, она должна была вернуться в Россию после падения коммунистического режима. Возможно, икона и возвратилась бы после всех перипетий на родину. Однако возникло одно весьма существенное препятствие.

Кому возвращать образ? Русской православной церкви или Русской зарубежной православной церкви? К сожалению, обе церкви пока никак не могут прийти к согласию. Поэтому вместо России икона из Фатимы и была переправлена в Ватикан, где находится и по сей день. И когда Россия вновь обретет ее, так и неясно.

Так что по-прежнему судьба чудотворной иконы Казанской Богоматери окружена загадками. На многие вопросы могла бы пролить свет экспертиза «всплывавших» в Англии, в США, а затем и Португалии иконы и оклада,

но до недавнего времени ни Ватикан, ни тем более такие организации, как «Голубая дивизия», не были доступны для наших специалистов. А нынешним (как и бывшим) обладателям святого образа, естественно, не очень бы хотелось, чтобы в результате экспертизы иконы, вокруг которой в XX веке было столько шума, оказалась подделкой. Здесь будет уместно вспомнить, что еще в дореволюционной России имевший аудиенцию у Николая II московский генерал-губернатор Гершельман считал, что «важно восстановить святыню», и «не так важно, будет ли получена действительно украденная икона или какая-нибудь другая».

ОГНЕННЫЙ ШАР НАД КАЛУГОЙ

(Материал Г. Черненко)

В мае 1934 года Константин Эдуардович Циолковский совершенно неожиданно для себя заинтересовался одним замечательным небесным явлением. Правда, сам он его не видел, но собрал множество свидетельств и на их основании выдвинул вполне обоснованное предположение о произошедшем.

Поздно вечером 14 мая семнадцатилетний внук ученого Всеволод Костин, сидя на веранде у деда, вдруг заметил вдали огненный шар, стремительно летящий по небу. Пораженный зрелищем, юноша вскочил со стула и, не отрывая глаз, следил за движением странного небесного тела.

Местность вокруг ярко осветилась. От земных предметов поползли черные тени. Шар размером в половину меньше Луны двигался в западном направлении наклонно к горизонту. Его ядро голубовато-зеленого цвета пульсировало, то расширяясь, то вновь сжимаясь. За шаром тянулся желтовато-красный прерывистый след и летели искры. Несколько минут спустя огненное тело будто рассыпалось, и все опять погрузилось в темноту.

С минуту юноша стоял в оцепенении. Придя в себя, он хотел было отправиться к Константину Эдуардовичу, который работал в своем кабинете, но раздумал, — не решился беспокоить деда в столь поздний час (было уже около полуночи). Рассказал он об увиденном лишь на следующий день.

Легко представить недовольство Циолковского «деликатностью» внука, лишившей ученого возможности наблюдать редчайшее явление. А оно чрезвычайно заинтересовало Константина Эдуардовича. Он долго расспрашивал внука, стараясь выяснить мельчайшие подробности происшедшего. Особенно интересовала его траектория движения шара относительно звезд. Это было важно для определения места возможного падения космического тела. По предварительному мнению Циолковского, в тот вечер в земную атмосферу ворвался гигантский метеор или болид.

Константин Эдуардович решил обратиться к очевидцам редкого явления через газету.

21 июня 1934 года в газете «Известия» появилась его заметка под названием «Кто видел болид?». Ученый писал в ней: «Диаметр болида был,

по-видимому, не меньше 500 метров... Думаю, что его могли видеть в радиусе 200–300 километров от Калуги... Всех, видевших болид, прошу сообщить мне».

В июле Циолковский писал в Париж известному теоретику межпланетных путешествий А.Я. Штернфельду: «При сем прилагаю сведения о громадном болиде, пролетевшем над Боровском Калужской области. Получено мною о болиде 200 писем. Его видели в образе падающей звезды даже за 1000 километров от Москвы». Скоро число таких писем перевалило за полтысячи — с зарисовками, описаниями, уточнениями. Доцент Ленинградского астрономического института И.И. Путилин, видевший полет шара, будучи в Москве, уточнял в письме к Циолковскому: «Из Вашего описания в газете не ясно, был ли взрыв. Между тем мною взрыв был ясно виден, причем через 240 секунд донесся его звук».

Одних очевидцев поразило неожиданное появление шара и его слепящая яркость («будто свет вольтовой дуги»), других — радужность цветов в разные моменты — от голубого и зеленоватого в начале полета до оранжево-красного и фиолетового в конце. Третьи сообщали о грозной мощи громовых ударов и долгим рокочущем гуле. Одному из наблюдателей показалось, что шар состоял из 10–12 фрагментов. Циолковский тщательно изучил каждое письмо — почти на всех есть пометки ученого.

Материал был собран обширный, и на его основе Константин Эдуардович начал работать над большой статьей, которую назвал «О болиде 14 мая 1934 года». Проанализировав свидетельства очевидцев, он упомянул мнение старых людей, которые писали, что «никогда не видели ничего более грандиозного».

Метеор пролетел над всей Московской областью и даже за ее окраинами. Его видели в Рязани, Москве, Туле, Кашине, Торжке, Ржеве. Короче говоря, явление наблюдали даже на Украине и в Западной области, а освещение атмосферы — еще дальше, до Бессарабии.

Ученые, понятно, тоже не оставили явление 14 мая без внимания. Академия наук срочно направила в район Боровска специальную экспедицию. Возглавил ее известный специалист по метеоритам, уже дважды побывавший на месте Тунгусского взрыва 1908 года, Леонид Алексеевич Кулик. Обращаясь через местную газету к населению, он призывал лиц, наблюдавших падение шара, оказать содействие ученым. Узнав, что Циолковский также исследует это явление, Кулик написал ему письмо в Калугу: «Глубокоуважаемый тов. Циолковский. Вашу заметку я прочитал на ходу во время работы. Посылаю предварительную

информацию в виде местного листка. О ходе дальнейшей работы буду уведомлять. Имеющиеся у Вас материалы не откажите сообщить мне, хотя бы в копиях. Я буду здесь на работе до середины июля. С искренним уважением к Вам, Л. Кулик».

Константин Эдуардович знал Кулика, прославившегося смелыми экспедициями к месту падения Тунгусского метеорита, и не мог не откликнуться на его просьбу. В письме Кулику он сообщил, что получил сотни свидетельств, и «по минованию в них надобности» пообещал все выслать в подлиннике. И выполнил свое обещание: наиболее важные свидетельства отправил в Ленинград, в метеоритный отдел Минералогического музея, который тогда возглавлял Л.А. Кулик.

Увы, результаты боровской экспедиции Кулика оказались неутешительными. Несмотря на упорные поиски, не удалось найти даже крохотного кусочка метеорита. Правда, среди жителей окрестных сел ходили слухи, что кто-то из крестьян якобы видел в заболоченной низине огромный шар, причем настолько горячий, что подойти к нему не было никакой возможности. Но слухи эти не подтвердились.

Поиски Кулик прекратил. Через год, в сентябре 1935 года, Константин Эдуардович Циолковский умер, так и не успев довести до конца исследование замечательного явления.

С тех пор прошло 70 лет. Космическое тело, по-видимому упавшее в глухих боровских лесах, не найдено до сих пор. Удастся ли его когда-нибудь найти?

КАТАСТРОФА САМОЛЕТА «МАКСИМ ГОРЬКИЙ»

(Материал В. Иванова)

В свое время в архивах было обнаружено предсмертное письмо летчика Николая Благина, пилотировавшего машину, которая врезалась в самолет «Максим Горький». Но эта находка только добавила новые вопросы о причинах аварии, случившейся без малого семьдесят лет назад, 18 мая 1935 года. На глазах у собравшихся на Центральном аэродроме москвичей самолет-гигант «Максим Горький» столкнулся в небе с сопровождавшим его легким самолетом. Обе машины рухнули на землю, унося с собой жизни десятков людей...

Известно, что накануне в качестве пассажира на новой машине А.Н. Туполева совершил полет известный французский летчик, а позже знаменитый писатель Антуан де Сент-Экзюпери. Он пришел в восторг от гигантской машины. В воскресенье намечалось совершить несколько «прогулочных полетов» для работников ЦАГИ, принимавших участие в создании самолета. Но полет обернулся трагедией. В катастрофе погибли все 11 членов экипажа и 36 пассажиров, среди которых были и дети. Погиб и пилот сопровождавшего лайнер тренировочного самолета.

В архиве «Правды» мне удалось разыскать подшивку номеров за май 1935 года. Номер за 19 мая открывался портретами погибших членов экипажа в траурной рамке. В сообщении ТАСС говорилось:

«Самолет “Максим Горький” совершал полет под управлением летчика ЦАГИ т. Журова, при втором пилоте т. Михееве, имея на борту пассажиров — ударников ЦАГИ в количестве 36 человек. В этом полете самолет “Максим Горький” сопровождал тренировочный самолет ЦАГИ под управлением летчика Благина. Несмотря на категорическое запрещение делать какие-либо фигуры высшего пилотажа во время сопровождения, летчик Благин нарушил этот приказ и стал делать фигуры высшего пилотажа на высоте 700 метров. При выходе из мертвой петли летчик Благин своим самолетом ударил в крыло самолета “Максим Горький”.

Самолет “Максим Горький” вследствие полученных повреждений от удара тренировочного самолета стал разрушаться в воздухе, перешел в пике и отдельными частями упал на землю в поселке Сокол в районе

аэродрома...»

Обратим внимание: катастрофа произошла в середине дня, а уже утром 19 мая в сообщении ТАСС однозначно возлагается вина на Благина. Но тогда же, сразу после трагедии в московском небе, возникло и другое предположение: Николай Павлович Благин не сам решился на выполнение фигур высшего пилотажа, а имел на это соответствующий приказ. Более того, говорили, что он был очень удручен этим распоряжением, так как сознавал всю опасность предлагаемого трюка. К этой версии мы еще вернемся, а сейчас — о неожиданной находке в архивных хранилищах. Находке, которую поспешили обнародовать под громким заголовком «Завтра я протараню самолет...».

В сообщении шла речь о предсмертном письме летчика Благина и именовалось оно не иначе, как «завещание». В действительности самого письма не обнаружено, есть только пересказ письма из варшавской газеты «Меч». Именно на основе этой газетной публикации и возникла новая версия происшедшего. Если принять ее, то оказывается, что катастрофа — не трагическое стечение обстоятельств, а сознательный акт возмездия. Вот что говорилось в письме, опубликованном от имени Благина.

«Братья и сестры, вы живете в стране, зараженной коммунистической чумой, где господствует красный кровавый империализм.

Именем ВКП (всероссийская коммунистическая партия) прикрываются бандиты, убийцы, бродяги, идиоты, сумасшедшие, кретины и дегенераты. Никто из вас не должен забывать, что эта ВКП означает второе рабство...

Братья и сестры, завтра я поведу свою крылатую машину и протараню самолет, который носит имя негодяя Максима Горького! Таким образом я убью десятков коммунистов-бездельников, “ударников”, как они любят себя называть, и которые на самом деле являются паразитами на теле народа...

Москва, 17 мая 1935 г. Николай Благин, летчик».

Казалось бы, вот разгадка той тайны, которую унес в могилу пилот! Однако не будем торопиться с выводами.

Что нам известно о летчике Благине? Известно, что в Красную армию он вступил добровольцем в октябре 1918 года. Страстно мечтал летать. Летом 1920 года Николай Благин оканчивает теоретические курсы при дивизионе воздушных кораблей «Илья Муромец», затем — Московскую школу авиации и Высшую школу военлетов. Дальше — обычная служба военного человека: переводы, назначения. Затем он оказывается инструктором 1-го разряда в НИИ ВВС, а в январе 1932 года переходит в ЦАГИ, где быстро становится одним из ведущих летчиков-испытателей

туполевских самолетов.

Таковы некоторые черты биографии Николая Павловича Благина до того рокового дня, когда на своем И-5 он врезался в крыло «Максима Горького». Директор музея Владимир Бычков считает, что письмо — фальсификация, сочиненная в эмигрантских кругах. В этом смысле соблазн представить Благина как идейного врага советской власти вполне очевиден: Николай Павлович — выходец из дворянской семьи, его отец — полковник царской армии, кто-то из родственников был репрессирован, до революции Николай Благин учился в кадетском училище. Правда, в 1918 году он вступил в РКП(б), но в 1922 году из-за дворянского происхождения не прошел партийной чистки — тоже факт в пользу предлагаемой новой версии. Однако ни ветераны авиации, знавшие его лично, ни родные и близкие не допускают мысли, чтобы он мог пойти на такой шаг.

В одном из номеров «Правды» в те дни появляется короткая беседа с летчиком В.В. Рыбушкиным (оказывается, в воздухе в этот момент находился и его самолет) и несколько строк интервью с М.М. Громовым, который лежал в больнице и о случившемся узнал по радио. Рыбушкин поведал корреспонденту «Правды», что якобы перед вылетом второй пилот эскадрильи И.В. Михеев предупредил Благина: «Не вздумай фигурировать, еще врежешься в мой самолет. Держись подальше». «Что я, маленький, — услышал он в ответ, — пятнадцать лет летаю...» М.М. Громов и вовсе отделался общими словами, сказав, что и Журов, и Благин оба его ученики, и что Благин представлял тип неорганизованного человека. «Правда, — поправился Громов, — в последнее время он подтянулся».

Дальше и вообще происходит нечто непонятное. Урну с прахом человека, повинного в гибели стольких людей, выставляют вместе с другими в Колонном зале Дома союзов. Сам Сталин стоит в почетном карауле. Потом — похороны на Новодевичьем кладбище, где урна с прахом Н.П. Благина замурована в одном ряду со всеми погибшими. Вдова и дочь Благина получают повышенную персональную пенсию...

Заметим: прошло уже более полугода со времени убийства Кирова, по всей стране нарастала волна террора. В тех же номерах «Правды» печатаются заметки с обращающими на себя внимание заголовками: «Приговор по делу о гибели танкера “Борис Шеболдаев”», «Дело врачей Арзамасской больницы». Могло ли случиться, что чекисты в этой ситуации не постарались разоблачить очередного «врага народа»?

В середине 1990-х годов в документальном вестнике «Источник» (приложение к журналу «Родина») были опубликованы новые документы о катастрофе «Максима Горького», в том числе и секретная записка на имя И.

Сталина наркома внутренних дел СССР Г. Ягоды. Знакомство с ними еще больше усугубляет сомнения.

Если верить записке, то за час-полтора до полета в присутствии летчиков Рыбушкина и Журова (уже не Михеева, как утверждалось в интервью в «Правде», а Журова) работники Московской кинофабрики В. Рязский, К. Тер-Оганесов и А. Пуллин сговорились с Благиным, что тот для киносъемки выполнит фигуры высшего пилотажа. Но если все было так, то почему тогда ни Журов, который, судя по записке, возражал против такого намерения, ни Рыбушкин не известили об этом свое непосредственное начальство?

В этой же записке упоминаются фамилии и начальника лётно-испытательной станции ЦАГИ Чекалова и его помощника по лётной части Козлова, которые, как пишет Ягода Сталину, проявили «преступно-беззаботное отношение». После такой квалификации действий лиц, непосредственно причастных к организации полетов, естественно ожидать, что на них обрушится жестокая кара. Но что читаем в записке Ягоды? «Нами привлечены к уголовной ответственности работники кинофабрики военно-учебных фильмов Рязский В.Г. и Пуллин А.А...» По сути дела с тех, кто отвечает за лётный состав, все переложено на посторонних людей, приглашенных лишь за тем, чтобы запечатлеть полет для эпохи...

Повторим: истину могут раскрыть только документы, которых не может не существовать. Другой вопрос: где искать эти материалы? Мои обращения в авиационные ведомства не навели на след. «Знаете, какие это были времена», — отвечали собеседники. Не лежат ли они в документах бывших КГБ и ЦК КПСС, которые вроде бы и рассекречены, но хранят в своих недрах еще немало неизвестных материалов?

СМЕРТЬ МАКСИМА ГОРЬКОГО

(Материал М. Ершова)

«Здесь медицина неповинна...» Именно так поначалу утверждали врачи Левин и Плетнев, проводившие лечение писателя в последние месяцы его жизни, а позднее привлекавшиеся в качестве обвиняемых на процессе «правотроцкистского блока». Вскоре, однако, они «признали» умышленно неправильное лечение и даже «показали», что их сообщницами были медицинские сестры, делавшие больному до 40 уколов камфары в сутки. Но как было на самом деле, единого мнения нет. Историк Л. Флейшлан прямо пишет: «Факт убийства Горького можно считать непреложно установленным». В. Ходасевич, напротив, верит в естественную причину смерти пролетарского писателя.

Как известно, приемный сын Горького, Зиновий Пешков, сделал во Франции блестящую военную и дипломатическую карьеру, что могло крайне неблагоприятно сказаться на его ближайших родственниках в стране Советов. Об этом и предупреждал Алексей Максимович в письмах к Зиновию, прибегая к «эзопову языку». Письма писатель не доверял почте, а передавал их с оказией — через журналиста Михаила Кольцова или через близких друзей, которым полностью доверял. В этих посланиях Горького чувствовался «страх смерти», — читаем в воспоминаниях Луи Арагона, ныне хранящихся в архивном фонде «Триоле — Арагон» в Париже. Однако подлинников писем и телеграмм Горького в этом архиве нет! Не обнаружено никаких следов их присутствия и в других писательских архивах. Некоторые исследователи полагают, что Горький хотел переслать друзьям во Франции и свой личный дневник. Однако этот дневник бесследно исчез, повторив судьбу многих его писем.

В посланиях к Арагону и Триоле писатель неоднократно торопил их с приездом в Москву, настойчиво звал в СССР для нужного и не терпящего отлагательства разговора. Какого? Этого нельзя было доверить письму, и, поняв это, в мае 1936 года Эльза и Луи отправились в СССР. Путь их пролегал через Лондон и Ленинград. В северной столице они задержались на некоторое время у Лили Брик. Задержка гостей в Ленинграде выглядела странно, поскольку в это время Алексей Максимович тяжело заболел. И тем не менее Арагон медлил. Создается впечатление, что он намеренно оттягивал день приезда в Москву и появился в столице, как

свидетельствуют ранее известные документы, лишь 18 июня — в день смерти Горького! Однако в интервью газете «Правда», опубликованном 16 (!) июня 1936 года, Арагон говорил, что прибыл в Москву накануне, то есть 15 июня!

Официально сообщалось, что 1 июня Горький подхватил элементарный грипп, давший серьезные осложнения. Бюллетени о состоянии здоровья писателя публиковались на первых полосах «Правды» и «Известий» — факт небывалый даже для знаменитого писателя. Создавалось впечатление, что читателей «готовят» к самому худшему, хотя к этому, кажется, не было никаких оснований.

Были два периода улучшения состояния больного. Первый относится ко времени после посещения Горького 8 июня Сталиным, Молотовым и Ворошиловым. Как писал в те дни журнал «Колхозник», «Горький буквально встал из гроба...»

Второй раз больному вдруг стало лучше с 14 по 16 июня. Горький тогда встал с постели и, по свидетельству очевидцев, произнес: «Довольно валяться! Мне надо работать, отвечать на письма!» Он побрился, привел себя в порядок, сел за рабочий стол...

О том, что случилось в последующие два дня, известно мало, но факт остается фактом: у Горького резко ухудшилось самочувствие, и 18 июня в 11.10 утра он умер...

В 1938 году проходил уже упомянутый выше процесс «правотроцкистского блока», в котором в ряду других «врагов народа» фигурировал врач Плетнев. За «умышленно неправильное лечение» великого пролетарского писателя Плетнев получил солидный срок и был отправлен в воркутинские лагеря. Там в 1948 году он встретился с отбывавшей срок немецкой коммунисткой Б. Германд. Они нередко вели беседы, в которых касались обстоятельств смерти Горького. Б. Германд после освобождения рассказала об этих беседах в своих воспоминаниях. Из них следовало, что резкое ухудшение состояния здоровья Горького 17 июня произошло из-за того, что он попробовал... конфеты, подаренные ему Сталиным! Как известно, у Ягоды была специальная лаборатория, изготавливавшая различные яды... К слову, протокол о вскрытии тела Горького не упоминает «о проверке на отравление». Сохранилось свидетельство некоего А. Новикова, бывшего капитана НКВД, с которым разговаривал участник французского Сопротивления М. Браун, оставивший об этом разговоре запись в своем дневнике: «Когда я сказал, что вскрытие должно было обнаружить отравление, если применялись яды, Новиков только рукой махнул: “Ничего ты не понимаешь! Протокол о вскрытии был

составлен раньше смерти Горького!»).

Рассказ о последних днях жизни писателя был бы неполным без упоминания женщины, последней видевшей живого Горького. Ее имя — Мура Закревская-Будберг. Она прожила с Алексеем Максимовичем целых 12 лет, из них 7 лет — за границей, причем он любил ее страстно и самозабвенно. Неудивительно, что писатель посвятил именно ей свой самый крупный роман «Жизнь Клима Самгина». Мура была допущена ко всем деловым и финансовым бумагам и к самым сокровенным архивам писателя. Трагедия заключается в том, что Мура была тесно связана с ВЧК, и каждый шаг Горького моментально становился известным властям. Эта женщина прожила долгую жизнь и скончалась в 1974 году, оставив после себя сотни заметок, рисунков, конспектов и рассказов о себе. Но ни одна из этих бумажек не приблизила исследователей к разгадке тайны гибели Горького, ибо Мура заблаговременно уничтожила весь свой личный архив...

Если принять версию умышленного убийства Горького по распоряжению Сталина, то возникает вопрос: зачем было ускорять смерть писателя, который поддерживал политику «вождя народов», одобрял процесс «Промпартии» в 1930 году, весьма положительно отзывался по поводу «принудительного труда во имя перековки»? Но, с другой стороны, именно Горький так и не написал биографию Сталина, хотя ему давали такое «партийное поручение» и предоставляли для этого все необходимые материалы. Писатель ослушался вождя, а это никому не прощалось! К тому же Горький хлопотал о публикации «Бесов» Ф.М. Достоевского и защищал репрессированных писателей и ученых.

Последствиями такого неповиновения стали отказ в загранпаспорте для поездки на лечение в Италию, установление цензуры на переписку с Роменом Ролланом, перлюстрация корреспонденции, адресованной писателю... «Окружили... Обложили... Ни взад, ни вперед! Непривычно сие!» — такое отчаянное признание вырвалось у Горького в одном из писем. Убийство Кирова стало событием, положившим конец надеждам на примирение власти с интеллигенцией и большевистской оппозицией. Массовые расстрелы, ссылки, ликвидация Общества старых большевиков и Общества политкаторжан, процессы над Зиновьевым и Каменевым, по-видимому, не могли не ложиться тяжелым грузом на сердце писателя...

Ромен Роллан в своем дневнике отмечал, что причиной безвременной и не вполне естественной смерти Горького был его высокий престиж на Западе. Этому мнения придерживались многие современники писателя. Даже «обвинитель» А.Я. Вышинский в своей речи признал это: «Враги

народа не могли лишить Горького возможности вести активную политическую деятельность иначе, как остановить его жизнь!»

После смерти М. Горького против его сотрудников и ближайших сподвижников начались гонения и репрессии. А некто Г. Стецкий, державший под личным контролем переписку Горького и Ромена Роллана, был назначен председателем комиссии по литературному наследию писателя. Этот факт литературоведы и по сей день иногда именуют «второй смертью» великого писателя...

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ АМЕЛИИ ЭРХАРТ

...Позади осталась большая часть кругосветного пути, но впереди ждало самое трудное — бросок через просторы Тихого океана. Летом 1937 года американская летчица Амелия Эрхарт совершала полет вокруг Земли. Она не была первой в этом нелегком и опасном предприятии. За 13 лет до нее группа американских летчиков уже выполнила воздушную кругосветку. Потом и другие пилоты (все американцы) летали вокруг планеты. Но то были летчики-мужчины. На этот же раз кругосветное путешествие по воздуху решила совершить женщина!

Амелия Эрхарт родилась 24 июля 1897 года в семье адвоката. В юности работала медсестрой в военном госпитале, находившемся неподалеку от аэродрома. Это обстоятельство и сыграло в судьбе Амелии Эрхарт решающую роль. Вид взлетающих и садящихся самолетов очаровал 19-летнюю медсестру. Она решила стать пилотом. Тогда на свете было не так уж много летчиц. Теперь к ним прибавилась еще одна — Амелия Эрхарт. Начался ее головокружительный взлет в прямом и переносном смысле слова.

Летчики, знавшие Амелию, рассказывали о ее природном летном чутье. По натуре и по призванию Амелия Эрхарт была рекордсменкой и прямо-таки жаждала необыкновенных полетов и перелетов. Очень скоро она установила несколько женских рекордов, дважды пересекала по воздуху территорию США от океана до океана, совершила беспосадочный перелет из Мехико-Сити в Нью-Йорк, первой из женщин-пилотов поднялась на высоту более шести тысяч метров. Имя героической летчицы стало известно во всем мире.

Эрхарт признавалась, что больше всего она мечтает перелететь через Атлантический океан. Мечта ее сбылась в июне 1928 года. Летчица летела вместе со вторым пилотом Штульцем и бортмехаником Гордоном. Стартовав с острова Ньюфаундленд у восточного побережья Канады, их гидроплан через сутки опустился в Англии, в Уэльсе. Это был первый перелет женщины через Атлантику. Но для Амелии Эрхарт он стал лишь подготовкой к главному событию — перелету через Атлантический океан в одиночку. Произошло это в мае 1932 года. Отважная летчица поднялась в воздух (опять с Ньюфаундленда) на одномоторном самолете «Локхид Вега» и спустя 13,5 часов была уже в Англии.

Слава летчицы росла. А ее уже манил другой океан — Тихий. Теперь она задалась целью выполнить перелет, и тоже в одиночку, с Гавайских островов в Калифорнию, на расстояние без малого в четыре тысячи километров. Полет прошел благополучно, хотя на всем протяжении маршрута не было даже клочка земли для вынужденной посадки. До Амелии десяти американским летчикам подобная попытка стоила жизни, и лишь австралийцу Кингсфорду Смиту осенью 1933 года удалось преодолеть этот маршрут.

Что же дальше? Конечно же кругосветное путешествие. Эрхарт не сомневалась, что такой перелет ей по силам, хотя и сознавала всю его тяжесть.

Самолет Амелии «Локхид Электра» стартовал 18 марта 1937 года с аэродрома в Окленде. На этот раз вместе с Эрхарт летели еще два летчика. Первая посадка — на Гавайях. Но при взлете тяжело груженная машина «сковырнулась» на нос. Никто из экипажа, к счастью, не пострадал, но самолет вышел из строя. Пришлось возвращаться обратно.

Досадная неудача лишь укрепила намерение Амелии Эрхарт полететь вокруг планеты. На этот раз она решила направить свою машину не в западном, а в восточном направлении. Новый маршрут из Майами (штат Флорида) проходил через остров Пуэрто-Рико, бразильский порт Натал, потом — бросок через Атлантику в Сенегал, дальше — Египет, Индия, Сиам и северная оконечность Австралии, затем Новая Гвинея, остров Хауленд у самого экватора и, наконец, финиш в США.

В экипаж двухмоторного «Локхида-12А» входили два человека — сама Амелия Эрхарт и штурман Фред Нунеп, опытный воздушный навигатор. Стараясь максимально увеличить запас горючего, летчики отказались от резиновой лодки, парашютов, оружия, сигнальных ракет. Они стартовали 1 июня 1937 года и полетели на восток.

Только через месяц, со множеством промежуточных посадок, добрались до небольшого острова Леэ у Новой Гвинеи. Амелия Эрхарт писала мужу: «Все пространство мира осталось за нами, кроме последнего рубежа — океана». 2 июля Эрхарт и ее спутник снова поднялись в воздух. Через семь часов катер береговой охраны, дежуривший у Хауленда, получил сообщение из Сан-Франциско, что «Локхид» находится в полете. Поздно ночью, со 2 на 3 июля, Амелия Эрхарт впервые вышла в эфир: «Облачно. Погода ухудшается... Лобовой ветер». Слышимость была отвратительной, и некоторые слова разобрать не удалось.

Около восьми утра с борта «Локхида» поступило тревожное сообщение: «Мы где-то рядом, но вас не видим. Горючего осталось на

тридцать минут. Высота 300 метров». Самолет находился в воздухе уже 18 часов. В последнем сеансе связи через 45 минут Амелия Эрхарт срывающимся голосом назвала свои координаты и прокричала: «Нас сносит на север!»

Предполагалось, что в случае приводнения опустевшие баки «Локхида» удержат его некоторое время на плаву. Но терпящий бедствие самолет с воздуха обнаружить не удалось. Поиски продолжались более двух недель. В них участвовали более десяти кораблей, в том числе линкор «Колорадо» и авианосец «Лексингтон», а также более сотни самолетов. На территории около 250 тысяч квадратных километров эта армада спасателей не смогла найти даже малейших признаков катастрофы. В середине июля по решению американского правительства поиски были прекращены.

Тайна гибели Амелии Эрхарт и Фреда Нунепа не прояснилась до сих пор. Но через четверть века после трагедии появилась ее новая версия. Зародились подозрения, что причиной гибели авиаторов могло, быть данное им специальное задание — разведка японских аэродромов и других военных объектов на тихоокеанских островах. Японцы усиленно готовились к войне. Косвенным подтверждением «шпионской» версии служит, в частности, факт долгого радиомолчания Эрхарт. Возможно, пилоты не выходили на связь из опасения попасть в плен к японским радиостанциям.

Выполняя задание, они могли отклониться к северу и лишь затем взять курс к острову Хауленд. На пути летчики могли попасть в тропический шторм, потерять ориентировку и совершить вынужденную посадку. Их пленение японцами в этом случае стало бы непреложным фактом.

Пленных обычно отправляли на остров Сайпан — в штаб-квартиру японских вооруженных сил. В пользу такого развития событий говорят показания жителей тех мест. Люди утверждали, что видели двух пленных — женщину и мужчину. Первая, по их словам, умерла от болезни, а второго японцы казнили в августе 1937 года.

ТАЙНА АРКТИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ

13 августа 1937 года в Арктике исчез самолет «СССР Н-209» под командованием Героя Советского Союза Сигизмунда Леваневского вместе с пятью членами экипажа.

После благополучных перелетов в США В. Чкалова и М. Громова Сигизмунд Леваневский — незаурядный и честолюбивый летчик, прославившийся в челюскинской эпопее, — решил направиться в США по иному маршруту, но уже не только для установления рекорда, а и с коммерческой целью — с грузом товаров на борту. В экипаж, возглавляемый Леваневским, вошли: второй пилот, опытный заводской летчик-испытатель Николай Кастанаев, штурман Виктор Левченко, авиамеханики Николай Годовиков и Григорий Побежимов, радист Николай Галковский.

12 августа 1937 года состоялись торжественные проводы самолета на Чкаловском аэродроме Москвы. Леваневский внешне выглядел совершенно спокойным. В настроении же членов экипажа чувствовалась какая-то подавленность.

В 18 часов 15 минут тяжело груженный самолет с трудом оторвался от бетонной полосы и вскоре исчез в вечернем московском небе. В эту минуту вряд ли кто-нибудь из провожавших не думал, что его больше не увидит ни один человек на Земле.

Непоправимой ошибкой был старт самолета именно в те дни, когда над просторами Арктики бушевал мощный циклон. Следствием этого была многокилометровая облачность и сильнейший встречный ветер. При средней скорости самолета порядка двухсот с небольшим километров в час воздушный поток мог уменьшить ее почти вдвое. И все же, несмотря на крайне сложные условия, через 19 часов 25 минут полета (в 13 часов 40 минут 13 августа) самолет «СССР Н-209» достиг Северного полюса, о чем штаб перелета был извещен радиограммой № 18. А следующая радиограмма — № 19, полученная в 14 часов 32 минуты, — несла крайне тревожную весть: «Отказал крайний правый мотор из-за неисправности маслосистемы. Идем на трех моторах в сплошной облачности. Высота 4600 метров. Очень тяжело». Эта радиограмма стала последней ясно и четко принятой информацией с борта самолета. Все последующие сообщения радиостанции Леваневского были отрывочны и невняты.

В 15 часов 58 минут в Якутске приняли: «Все в порядке. Слышимость очень плохая». В 17 часов 53 минуты на мысе Шмидта: «Как меня слышите? Ждите...» Все радиостанции Советского Союза, а также американского и канадского корпусов связи, многочисленные станции радиолюбителей вели непрерывное прослушивание эфира на волнах радиостанции «Н-209». Эфир молчал. Связь с экипажем прервалась.

Первыми на поиски вылетели три американских самолета. Стартовав 14 августа с Аляски, они направились в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях. Безрезультатно. Когда исландские рыбаки нашли у берегов Гренландии доски с надписью «Август-1937», к поискам подключился известный американский полярный исследователь и летчик Губерт Уилкинс. С Аляски же совершили несколько вылетов два советских пилота — Алексей Грацианский и Василий Задков. Никаких следов «Н-209»...

Между тем выяснилось, что несколько радиостанций в СССР и в городе Анкоридже (Аляска) сумели поймать новые фрагменты передач радиостанции Леваневского. Так, 14 августа в 17 часов 44 минуты московского времени радиостанция в Анкоридже перехватила: «Не имеем ориентировки. Затруднения с передатчиком». 16 августа радиостанции в Иркутске и Архангельске прослушивали неразборчивые обрывки работы радиопередатчика на аварийной частоте РЛ.

Однако лишь месяц спустя — 14 сентября — поисковая экспедиция под командованием начальника полярной авиации Марка Шевелева прибыла на остров. Но уже наступала полярная ночь, к тому же бушевала метель. Только 7 октября Михаил Водопьянов совершил, по сути, единственный серьезный поисковый полет. Он продолжался 10 часов — это был первый в мире ночной полет за Северный полюс. К сожалению, экипаж Водопьянова ничего не обнаружил.

Многომесечные поиски в Северном Ледовитом океане, на побережьях Таймыра, Чукотки и Аляски не дали никаких результатов, хотя неподтвердившихся сведений об обнаружении остатков самолета, его груза или следов передвижения экипажа было немало. В мае 1938 года вышло постановление советского правительства о прекращении поисков.

Об этой трагедии написаны десятки статей с самыми разнообразными версиями происшедшего, вплоть до совершенно абсурдных типа «тайного бегства экипажа на Запад в поисках защиты от репрессивного советского монстра» или «захвата экипажа гигантским инопланетным кораблем». Между прочим, когда в Великую Отечественную войну был сбит фашистский ас, внешне напоминавший Леваневского, это привело в

замешательство военных летчиков, пока не разобрались, что это не он...
Тайна арктической катастрофы 13 августа не разгадана до сих пор.

САМОЛЕТ-НЕВИДИМКА

(Материал В. Жарова)

Еще в 1930-е годы в СССР пытались воплотить в жизнь самые, фантастические проекты. Увы, а может быть, к счастью, множество объективных факторов препятствовали их воплощению в жизнь. А если бы эти проекты удалось завершить, то, может статься, современная карта мира выглядела бы иначе...

В то далекое время в Советском Союзе жил загадочный человек по имени Бартини. Он был настоящим гением в конструировании самолетов. К сожалению, мы весьма мало знаем о его жизни и работах. Однако достижения Бартини, о которых стало известно только в последние годы, сенсационны даже по сегодняшним меркам. Еще до Второй мировой войны он успешно разрабатывал сверхзвуковые бомбардировщики и истребители. Он же создал теорию «многомерное пространство-время», что было логическим развитием теории Эйнштейна. А С. Бузиновский в 1993 году выдвинул предположение, что именно Бартини принимал участие в разработке советского самолета-невидимки.

Сын итальянского барона Ороса де Бартини, Роберт-Людвиг стал членом итальянской компартии, но в 1923 году вынужден был эмигрировать в СССР, а в 1927-м вступил в ВКП(б). Вскоре Бартини приступил к проектированию экспериментальных самолетов, среди которых выделялся арктический разведчик дальнего радиуса действия и загадочный самолет-невидимка «Сталь-6».

Четверть века назад журналист И. Вишняков опубликовал в журнале «Изобретатель и рационализатор» статью-воспоминание об испытании самолета-невидимки Р.-Л. Бартини:

«Необычность той машины проявлялась уже в тот момент, когда запускался двигатель. Все служащие секретной базы ждали этого момента с нетерпением. Слух о запуске распространялся молниеносно, и множество “зрителей” располагалось неподалеку от старта... Раздавались привычные команды и ответы: “От винта”, “Есть от винта”, которые были слышны наблюдавшим. Потом все увидели густой голубоватый выхлоп от бортовых отверстий. Одновременно с этим резко ускорилось вращение пропеллеров, и самолет стал исчезать из вида. Казалось, что он растворяется в воздухе. Те, кто находился близко к старту, уверяли, что видели, как машина

отрывается от взлетной полосы и уносится в небо, остальные теряли ее из вида еще на земле».

Когда и где имело место такое фантастическое действо? Вишняков утверждает, что это произошло во второй половине 1930-х годов на одном из секретных северных аэродромов.

Существует письменное подтверждение того, что испытательные полеты самолета-невидимки действительно были осуществлены. Так, авиаконструктор В. Шавров упоминает о таком полете в первом томе своей книги «История конструкции самолетов СССР». Он пишет, что эта машина была создана в КБ Военно-воздушной академии под руководством С. Козлова в 1935 году на базе одного из самолетов Яковлева. Основной особенностью машины-невидимки была ее обшивка, изготовленная из прозрачного материала родоида — специального органического стекла. Плюс к этому при взлете использовалась специальная дымовая завеса — газ голубоватого оттенка, который и делал самолет невидимым на фоне неба. Шавров пишет также, что прозрачная поверхность корпуса машины с внутренней стороны покрывалась слоем амальгамы.

А вот как конструктор описывает испытания машины: «Аэроплан уже при отрыве от земли сделался незаметным для наблюдателей. В полете невидимку сопровождал самолет УТ-2, который повторял его путь. Это делалось для того, чтобы членам комиссии было легче определять нахождение испытываемой машины. Испытательные полеты записывались на пленку, на ней не удалось определить даже приблизительные очертания самолета. Однако дальнейшие тесты показали, что со временем родоид терял свои свойства — то есть первоначальную прозрачность. И по завершении испытаний самолет разобрали, а проект приостановили. Далее конструкторы хотели продолжить работы с применением в качестве обшивки хромированных пластин».

В это время Бартини сделал открытие в области сверхмощных магнитных полей. Он обнаружил ранее неизвестный эффект, который позволял объекту в определенный момент становиться невидимым для окружающих. Параллельно над этой проблемой работали американские ученые, но они пришли к ее осуществлению несколько позднее.

Что же остановило СССР от массового производства самолетов-невидимок?

Сталин прекрасно знал о секретных разработках советских конструкторов и понимал потенциальную силу невидимого воздушного флота. Но нет свидетельств, что он возлагал на него какие-то надежды. В то же время закрадывается мысль о том, что Бартини (хоть он и был

коммунистом) мог специально затягивать суперпроект, с тем чтобы препятствовать алчным планам вождя по экспорту всемирной революции посредством захвата европейских государств с помощью невидимых эскадрилий. Между тем невидимость этих машин сохранялась лишь непродолжительное время — всего несколько вылетов. При их высокой стоимости Сталин не мог создать большой флот самолетов-невидимок, который вдобавок требовалось постоянно пополнять. Только этим можно объяснить, что проект приостановили.

А как можно объяснить секретность вокруг имени и работ советско-итальянского конструктора Бартини? Очень просто: современные технологии легко могут восстановить самолет-невидимку (как знать, не использовали ли американцы что-то из этого при конструировании «Стелс»?), а это значит, что весьма скоро рассказ о нем будет продолжен. Может, тогда мы узнаем о Бартини больше, чем о нем написано в энциклопедиях...

КАК КРЕМЛЬ ПЫТАЛСЯ ОБУЗДАТЬ ИВАНА БУНИНА

(Материал Д. Кедрова подготовлен на основе документов из Архива внешней политики РФ о деятельности советских спецслужб и дипломатического корпуса, связанной с нелепой возней вокруг Ивана Бунина в 1930–1940-е годы)

Советский посол в Швеции Александра Коллонтай в смятении — Бунину присудили Нобелевскую премию. В посольстве паника: не смогли предотвратить «враждебную акцию»! В письме-отчете «товарищ посол» стремится смягчить удар:

«Присуждение это носило весьма случайный характер. Во всяком случае, швецпра (шведское правительство) бессильно было предотвратить этот шаг международного комитета. Кандидатура Бунина появилась в печати впервые накануне голосования. Я имела частную беседу с минпросвещения на этот счет, но он, будучи сам изумлен таким поворотом дела, объяснил мне, что комитет не поддается никакому воздействию, что “старика” строго оберегают свою независимость от влияний на них со стороны правительства».

Коллонтай понимает, что последнее утверждение вызовет лишь кривую усмешку в Кремле: сама мысль о независимости кого-либо от власти звучит для Москвы кощунственно. Пусть даже это не в Москве, а в Стокгольме. Но ничего не поделаешь — их нравы! Коллонтай специально оговаривает, что в буржуазной стране такое возможно: «Я проверила, что в самом деле бывали случаи, когда премию присуждали вопреки явному одобрению швецпра (т.е. шведского правительства. — Ред.)».

Трудное положение у советского посла. Как объяснить кремлевским людоедам, что бывают страны, где людей не едят, где существует независимая мысль и есть свобода? И снова в отчете посла чисто азиатское подслащивание пилюли: раз новость плохая, выдадим желаемое за действительное — изобразим возмущение общественности. Пусть в Москве думают, что шведская пресса мыслит категориями Кремля. Как это характерно для деспотической дипломатии: выдавать желаемое за действительное, дабы усладить слух тирана! Ведь за плохую новость посла могут отозвать, а то и жизни лишить. Поэтому умная женщина пишет

несусветный вздор чисто ритуального характера:

«Нехарактерно, что и шведо-общественность, и почти вся, даже буржуазная пресса весьма критически отнеслась к выбору Бунина, как представителя словесности на русском языке, достойного премии Нобеля. Даже “Алеханда” писала, что неудобно выглядит, что в списке имен, награжденных премией Нобеля, русскую литературу — страну Толстого — представляет Бунин».

1933 год на дворе. Фашизм в Германии уже пришел к власти. А советский посол в Стокгольме воюет... но не с Гитлером и не с Геббельсом, а с великим русским писателем, увенчанным престижной международной премией. Судя по отчету Коллонтай, битва идет не на жизнь, а на смерть. Дело в том, что, помимо провинившейся Швеции, Франция тоже совсем отбилась от рук. Появились сообщения в прессе, что французский посланник Гессен будет представлять Бунина при торжествах вручения премии. Для советского посольства открывается широкое поле деятельности. Коллонтай переходит в наступление.

«Я, во-первых, указала на то неблагоприятное впечатление, какое вообще произвело избрание Бунина предметом премии; во-вторых, если уж кабинет не мог этому помешать, я попросила, по крайней мере, воздействовать на прессу с тем, чтобы приезд Бунина не принял бы под воздействием враждебных к нам элементов белой эмиграции характер политической кампании против Союза, выставления Бунина “жертвой” и т.п.

МИД, как я узнала, делало попытки, чтобы Бунин вообще сюда не приехал, но попытки эти не удались. Во всяком случае, уже известно, что де Шассен организывает вечер иностранных журналистов в честь Бунина. Нашего ТАССа (тов. Зейфертс) на вечере этом, конечно, не будет. Я тоже, разумеется, отказалась быть на торжестве при вручении премии».

Советскому режиму нельзя отказать в последовательности. Пройдут годы, умрет Сталин, отбушует Вторая мировая война, состоится исторический XX съезд, осудивший сталинизм, но неизменной останется сущность тоталитарной власти. Теперь Нобелевскую премию получит не эмигрант, а писатель, живущий в СССР, Борис Пастернак. А реакция в конце 1950-х будет такая же, как в начале 1930-х. Там шумели: почему Бунину, а не Горькому? Здесь завопят: почему Пастернаку, а не Шолохову? И снова Россия (Советская, впрочем) отречется от своего великого сына. Снова советский посол не явится на торжества по случаю вручения премии, а советские газеты напишут такую же ахиною о возмущении мировой общественности решением Нобелевского комитета.

Пройдут еще годы. Минует эра застоя, наступит перестройка. Нобелевскую премию получит высланный из страны Иосиф Бродский. И опять советский дипломатический корпус за рубежом окажется в шоке. Кто-то заявит, что у него другие эстетические вкусы, кто-то промямлит, что Нобелевский комитет волен принимать какие угодно решения, даже абсурдные. Лауреата уже в третий раз будут чествовать представители всех цивилизованных стран, и только СССР окажется в стороне. Коммунистическая идеология до последнего часа советской власти не допускала и мысли о возможности существования какой-либо несанкционированной литературы.

Уверенность в своем превосходстве над учеными и писателями никогда не покидала вождей. Презрение к Нобелевскому комитету и к великому писателю пронизывает все документы МИД. Но после войны отношение к Бунину резко меняется. Вокруг него начинается возня дипломатического корпуса и разведки. Нельзя ли переманить писателя в СССР на волне охватившей общество эйфории?

В СССР летят секретные бумаги бойцов невидимого фронта. Невозможно без омерзения читать отчет некоего А. Гузовского, сотрудника СССР во Франции. В лакейской всегда чутко улавливают настроения господ. Что четко усвоил пишущий, так это все тот же презрительно-высокомерный тон по отношению к Бунину:

«Секретно. 31 октября 1945 года. Заведующему 1-м Европейским отделом НКВД СССР тов. С.П. Козыреву.

Случайно оказавшись в одном обществе, я познакомился с известным Вам писателем Буниным. Поскольку я узнал о том, что к этому писателю у нас проявляют значительный интерес, сообщаю содержание моей краткой с ним беседы.

Бунин сказал мне, что он окончательно утвердился в Париже и, несмотря на скверные материальные условия, “подышаю с голоду”, продолжает пописывать, кое-что перерабатывать старое и кое-что переиздавать. Большие надежды возлагает на Америку, т.к.-де, мол, не в праве рассчитывать на “удовольствие издать свои произведения в СССР”. “К слову сказать, — заявил Бунин, — весьма огорчен, что мои произведения издаются в Москве „Огизом“, как посмертные. Кричать о том, что я еще жив, стал слабоват голосом и к тому же я эмигрант”.

Исподволь известно, что Бунин крепко “полевел”, тоскует по родине, втайне мечтает о том, что наступит час, когда его пригласят домой. Говорят, что за отсутствием тем, а может, просто по старости, но после бурной жизни, он сейчас пробует свое перо под Арцибашева, но с еще большим

обнажением трактует сексуальные темы.

Поскольку я сумею с ним встретиться еще и если в этом будет необходимость, можно поближе с ним познакомиться и составить личное впечатление о его перспективах и настроениях.

Прошу сообщить Ваше мнение, следует ли им заняться».

Эти смердяковские рассуждения о Бунине произвели большое впечатление на советского посла во Франции А. Богомолова. Тем более что он получает и другую официальную справку, больше похожую на инструкцию спецслужб по охмурению непокорного писателя.

Путь к сердцу классика лежит через желудок — именно так, прямолинейно, решили советники советского посольства: замечание, вскользь оброненное осведомителем Гузовским, «подыхаю с голоду» они истолковали буквально. И вот 2 мая 1945 года в обстановке строжайшей секретности готовится записка на имя посла. В ней утверждается, что Бунин вполне готов вернуться на родину, и все было бы хорошо, если бы не одно «но».

«По натуре своей Бунин человек слабовольный и легко поддающийся посторонним влияниям. Несомненно, что сейчас по приезде он будет окружен своими близкими друзьями, из которых многие, как писатель Зайцев Б.К. и профессор Михайлов Н.А., занимают политически антисоветские позиции, а некоторые, как писатель Шмелев И.С., — скрытые фашисты. И эти встречи, несомненно, окажут в короткое время свое определенное влияние на Бунина.

Соображение:

Ввиду изложенного, было бы крайне желательным получение Буниным в самом скором времени по приезде, частного письма от А.Е. Богомолова с пожеланием личной встречи, лучше всего с приглашением на завтрак. (Бунин — большой гастроном).

Такое приглашение в корне парализовало бы все попытки отговорить его от “безумного шага” возвращения на родину».

Перечитывая этот бред о «фашисте» Шмелеве, о Бунине, которого можно-де перекупить за хороший завтрак, невольно задаешь себе вопрос: в своем ли уме были сотрудники спецслужб, когда писали эту записку?

Но вот уже не безымянная бумага, а запись в дневнике самого посла А. Богомолова:

«В 17 ч. ко мне пришел И. Бунин. Ему 75 лет, но он держится бодро. Беседа шла в духе обычного “светского” разговора и никаких деликатных вопросов не захватывала.

Он любит выпить, крепко ругается и богемствует в среде своей

писательской братии.

У меня на приеме старик держался, как полагается на приеме у посла, немножко рисуясь и кокетничая.

Приглашу его к себе позавтракать, он человек интересный».

Неизвестно, состоялся ли злополучный завтрак, но точку в этой нелепой возне поставил сам Бунин. Он конечно же хотел умереть на Родине, конечно, хотел вернуться в Россию; но достаточно было взглянуть на этих людей, пишущих отчеты после каждой встречи с писателем, чтобы понять и почувствовать — возвращаться не надо. Уже через год после упомянутых событий Бунин направил в Москву резкое и раздраженное письмо, где сказал все, что думает, открытым текстом:

«Париж. 30 января 1946 г.

Я горячо протестую против того, что уже давно издано в Москве несколько моих книг без всякого гонорара за них (имею в виду “Песнь о Гайавате”, “Митину любовь”), особенно же горячо протестую против последнего издания: тут я уже прямо в отчаянии и прежде всего потому, что тут поступлено со мной как бы с уже несуществующим в живых и полной собственностью Москвы во всех смыслах».

Бунин не хотел быть собственностью советских властей и решительно отверг все их неуместные домогательства. Гастрономический заговор спецслужб лопнул.

ФАШИСТСКИЕ РЕЙДЕРЫ НА СОВЕТСКОМ СЕВЕРЕ

Немецкие рейдеры называли «странными судами». Появляясь из «ниоткуда», они уничтожали корабли противника и бесследно исчезали...

Военный план немецкого командования предусматривал переоборудование двадцати шести торговых судов в крейсера. Первые из них вышли в море еще в 1939 году, остальные — в первой половине 1940-го. Гитлер заранее договорился с Японией об использовании ее якорных стоянок. В нейтральных водах постоянно находились специальные суда снабжения, с которых производилась заправка рейдеров топливом, продовольствием, пресной водой и боеприпасами, передавались планы дальнейших боевых действий.

Сбор данных о рейдерах был «головной болью» для многих разведок мира. Во-первых, потому, что рейдеры соблюдали строгое радиомолчание, прерывая его только на время «рандеву» с судами снабжения или при возвращении на свои базы. Во-вторых, потому, что они тщательно планировали свои перемещения в морском пространстве, обходя места, где ими могли заинтересоваться. Успешной работе рейдеров в значительной мере способствовала прекрасная маскировка. Даже если рейдер был опознан или вызывал обоснованные подозрения, пользы от этого было мало. Экипажи быстро перекрашивали судно, устанавливали ложные надстройки, дымовые трубы, мачты, и уже через два-три дня информация не соответствовала действительности.

Рейдеры использовали жесткую тактику, ни в коем случае не допуская того, чтобы настигнутая жертва передала в эфир сигнал бедствия или сообщение о нападении. Они либо открывали огонь без предупреждения, либо предупреждали настигнутое судно, что любая передача в эфир грозит ему гибелью. Часто пираты нападали ночью. На борту большинства морских разбойников находился небольшой гидросамолет типа «Арадо», который позволял и избегать встреч с военными кораблями, и обнаруживать в море очередные жертвы...

Однако в немецкой системе рейдерства были и слабые стороны. Прежде всего — снабжение. Поисковые операции, проведенные в 1942 году с помощью радиопеленгационных станций, успешно завершились

«вычислением», а затем уничтожением судов снабжения. Это был сильный удар по рейдерству.

Активное использование рейдеров нанесло весьма значительный экономический ущерб странам антигитлеровского блока. О его масштабах можно судить даже по отдельным эпизодам. В марте 1940 года рейдер «Атлантис» потопил 22 торговых судна союзников. Апрель того же года — крейсер «Орион» потопил 10 английских судов, поставил минные заграждения у портов Новой Зеландии. Рейдер «Тор» уничтожил 12 судов. Самый результативный рейдер — «Пингвин». Им захвачено и потоплено судов общим тоннажем 180000 тонн, включая 2 плавбазы и 12 китобойных. Рейдер «Михель» уничтожил судов общим тоннажем 60000 тонн.

О рейдере «Комет» необходимо рассказать более подробно.

Германия вела успешные военные действия на Севере еще в кайзеровские времена: минные заграждения в горле Белого моря в 1915–1916 годах, «неограниченная» подводная война в Норвежском, Северном и Баренцевом морях... Немецкие подводные лодки беспощадно топили военные корабли и торговые суда союзников, шедшие в Мурманск и Архангельск. Они отправили на дно британский крейсер «Гэмпшир» с лордом Китченером, военным министром Англии, который попытался в 1916 году нанести официальный визит в Россию.

Интерес немцев к Северу не ослабевал и в последующие годы. В 1931 году германский дирижабль «Граф Цеппелин», зафрахтованный советским правительством, облетел обширный район Арктики. Сделанные им во время этого полета фотокарты успешно применялись немецкой разведкой в военных действиях против СССР в 1941 году. С приходом к власти Гитлера интерес к Северу на предмет использования Арктики и Северного морского пути в своих целях достиг в Германии апогея, тем более что советское руководство не препятствовало в этом своему союзнику, а наоборот, гостеприимно распахивало перед ним все двери.

В 1940 году военно-морской атташе Германии в Москве капитан 2-го ранга Норберт фон Баумбах по поручению командования кригсмарине запрашивает и получает «добро» от Кремля на проводку Северным морским путем одиночного военного судна. Эта операция получила кодовое название «Фаль Грюн». В Европе в это время уже вовсю полыхала Вторая мировая война. Разрешив проход германского военного судна Северным морским путем, Советский Союз тем самым нарушал свой нейтралитет и фактически вступал в войну на стороне фашистской Германии.

Военным кораблем, отправившимся в поход через Северный

Ледовитый океан, стало бывшее грузопассажирское судно «Энс», переоборудованное во вспомогательный крейсер «Комет». Его командиром был назначен опытный офицер — капитан 1-го ранга Роберт Эйссен, хорошо знавший Арктику. Корабль вмещал до 300 человек личного состава, в автономном плавании мог находиться в течение года, а по вооружению превосходил лидера эсминцев того времени.

В июне 1940 года «Комет» пришел в Норвегию, где его секретную миссию пришлось приостановить — у пролива Скагеррак появились английские эсминцы. Проведя в Бергене дозаправку горючим и пресной водой, он двинулся дальше, замаскировавшись под советский ледокольный пароход «Дежнев». В ожидании ледокольной проводки в Баренцевом море «Комет» ушел севернее, подальше от трассы арктического судоходства. Эйссен занимался отработкой боевой подготовки корабля и экипажа.

Под видом германского грузового судна «Донау» «Комет» в середине августа, не дождавшись ледокола, с большой долей навигационного риска начал движение по проливу Маточкин Шар. В одной из глухих бухточек он подобрал двух советских лоцманов, специально оставленных ледоколом «Ленин» для проводки германского судна, и двинулся было дальше на восток. Но плавание без ледокола было очень опасно, и кораблю пришлось вернуться в Маточкин Шар и встать на якорь в ожидании сообщения с ледоколом «Ленин», который уже двигался навстречу от острова Диксон.

В том же августе «Комет» попал в жестокий шторм в районе архипелага Норденшельда и встал на якорь вблизи острова Тыртова. Не имея на этот район навигационных карт, Роберт Эйссен полностью положился на проводку советских лоцманов. Однако у Тыртова рейдер был снова задержан — в это время ледокол «Сталин» проводил советскую подводную лодку Щ-423, совершавшую переход из Полярного во Владивосток. Отправив ледокол «Ленин» обратно на запад к району своей проводки, «Сталин» вернулся за немецким рейдером и, ведя за собой «Комет», продолжал двигаться на восток. На 78° северной широты в условиях сплошного тумана оба судна попали в тяжелые льды, но выбравшись, поменяли обстановку проводки. «Сталин» возвращается к очередному каравану, а «Комет» на полном ходу устремляется в Восточно-Сибирское море, где встречается с ледоколом «Каганович». И опять остановка — теперь уже аварийная: восточнее Медвежьих островов рейдер, уже под проводкой «Кагановича», попал в тяжелейший лед и получил повреждение рулевой машины. После аврального ремонта суда на минимальной скорости проходят еще 60 напряженных ледовых миль.

Первого сентября, войдя в чистую воду, ледокол «Каганович» в районе

острова Айон передает на «Комет» приказ Москвы вернуться обратно на запад — откуда он и пришел. Р. Эйссен в полном недоумении отказывается от такого предложения и, сделав официальное заявление о личном решении продолжать самостоятельное движение на восток, высаживает советских лоцманов в Чаунской губе и следует дальше уже без проводки и обеспечения.

Что же случилось?

Разрешение на проводку немецкого корабля Севморпутем давал лично Сталин. Про это узнала английская разведка. В Кремле заметались: чтобы сохранить статус нейтрального государства, советское правительство попыталось и уйти от конфликта с Англией, и сохранить союзнические отношения с Германией, сделав в итоге вид, что «Комет» на свой страх и риск прошел Северным морским путем.

«Комет» преодолел последний рубеж многолетних льдов у мыса Шелагинский, пройдя ночью Берингов пролив, 6 сентября 1940 года, замаскировавшись под японское судно, вырвался на оперативный простор. Расстояние от пролива Маточкин Шар до Берингова пролива в 3300 морских миль (включая 720 во льдах) было пройдено за 23 дня. Севморпуть выставил Германии счет за комплекс услуг по ледовой проводке в сумме 950000 рейхсмарок, который был незамедлительно оплачен.

Вспомогательный крейсер «Комет», любезно пропущенный Сталиным в Тихий океан, два года наносил удары по судам антигитлеровской коалиции. В ноябре 1942 года «Комет» попытался выйти во второй рейд по судоходным коммуникациям, но уже при прохождении пролива Ла-Манш был атакован и потоплен английским самолетом «Каталина».

ЛЖЕДМИТРИЙ ХРУЩЕВ

(Материал Валерия Лебедева)

11 сентября 1971 года, ушел из жизни Никита Сергеевич Хрущев. На протяжении четверти века его недоброжелатели всех мастей продолжают мстить ему, уже мертвому, за доклад на XX съезде КПСС, за последующий разгром «антипартийной группы», за вынос (по решению XXII съезда КПСС) тела Сталина из Мавзолея на Красной площади. Ненавидящие Хрущева стараются убедить общественное мнение в том, что основной причиной хрущевской критики Сталина и сталинщины явились личные мотивы, связанные с гибелью его старшего сына Леонида. Автор настоящей статьи по архивным документам и рассказам очевидцев попытался проследить подлинную историю Леонида и корни слухов о его смерти.

Время от времени в российской прессе, отчаянно бьющейся за тираж, появляются разнообразные «сенсации». К их числу относятся и рассказы о необыкновенной судьбе сына Хрущева от первого брака. Эхо этих историй даже перелетело океан. В выходящей в США газете «Новое русское слово» (26 января 1996 года) была перепечатана из декабрьского за 1995 год номера московской «Экспресс-газеты» заметка бывшего генерала КГБ Вадима Удилова о том, как сын Хрущева Дмитрий был якобы выкраден из немецкого плена генералом КГБ Судоплатовым и расстрелян за предательство — он-де согласился сотрудничать с врагом. В этой публикации все — вранье.

Начнем с того, что сына Дмитрия у Никиты Сергеевича не было. Можно только догадываться, что речь идет о сыне Хрущева от первого брака (его первая жена умерла в 1919 году от тифа) по имени Леонид. Летчик, старший лейтенант, он участвовал в боевых вылетах с первых дней войны. Успел сделать пару десятков вылетов, был представлен к награде, но 26 июля 1941 года его самолет был подбит после бомбардировки станции Изоча и еле дотянул до нейтральной полосы. При посадке самолета на поле Леонид сломал ногу, затем долго лежал в госпитале в Куйбышеве. Здесь, как рассказывает генерал Степан Микоян (он тогда в звании лейтенанта лечился в том же госпитале), произошло следующее:

«Однажды в компании раненых оказался какой-то моряк. Когда все были сильно “под градусом”, кто-то сказал, что Леонид Хрущев очень

меткий стрелок. Моряк — на спор — предложил Леониду сбить бутылку с его головы. Тот долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк стал спорить, доказывать, что горлышко “не считается”, надо попасть в саму бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в лоб».

Простого летчика за эту «игру в Вильгельма Телля» (такая игра была в ходу в госпиталях, на тыловых переподготовках и т.п.) наказали бы строго. Но в данном случае речь шла о боевом летчике, лечившемся после тяжелого ранения, да еще и сыне члена политбюро. Все очевидцы показывали, что инициатива в этой печальной истории исходила не от Леонида, а от погибшего моряка. Трибунал приговорил Леонида к штрафбату (по другим данным — к 8 годам лагерей), но в качестве поблажки разрешил отбывать наказание в авиации.

Леонид попросился на истребитель и воевал отчаянно. 11 марта 1943 года его самолет был сбит около поселка Жиздра над оккупированной территорией. Командующий фронтом предложил Никите Хрущеву послать поисковую группу, но тот отказался: риск ничего не найти, но погубить людей был слишком велик.

Никаких документов и сведений о том, что Леонид Хрущев якобы попал в плен, не было и нет. В феврале 1995 года «Российская газета» в статье «Нашли могилу Хрущева?» (более полная версия этой статьи под заглавием «Сын Н.С. Хрущева погиб на Брянщине?» была опубликована в «Брянском рабочем» от 20 января 1995 г.) сообщила, что в высохшем болоте около городка Фокино (в 45 километрах от Жиздры) местная поисковая группа (руководитель Валерий Кондрашов) нашла обломки самолета, а в нем — останки летчика. По некоторым приметам (тип истребителя Як-7, меховой шлемофон того же вида, что носил Леонид, дата на пулемете — 1943 год) похоже, что это самолет Леонида. Я пишу так осторожно потому, что тип истребителя совпадает, но это не та модификация, на которой обычно летал Леонид. Возможно, в этот полет он отправился на другом самолете. К сожалению, пока не удалось отыскать документов на самолет, погибший возле Фокино; если удастся сверить номер двигателя с формуляром (он должен был бы сохраниться в архиве Министерства обороны), можно будет точно сказать о судьбе Леонида.

А теперь о судьбе легенды по поводу его мнимого пленения, похищения и расстрела.

До 1969 года об этом никаких разговоров не было. Но в 1969 году «наверху» стали склоняться к тому, что нужно реабилитировать товарища Сталина — приближалось его 90-летие. В «Правде» была подготовлена

юбилейная хвалебная статья по поводу «выдающихся» заслуг Сталина перед революцией, страной и миром. Узнав об этом, группа видных ученых и писателей написала в ЦК резкий протест (большую активность проявил известный публицист Эрнст Генри). Письмо подействовало, статью из номера сняли. Но матрица газеты уже летела на Дальний Восток. И дальневосточный номер вышел со статьей! Тогда шутили: мы имеем две правды о товарище Сталине.

Сторонники реабилитации Сталина старались «правдоподобно» объяснить причины разоблачения культа личности на XX и XXII съездах КПСС. Филипп Бобков, заместитель председателя КГБ, в те годы возглавлял 5-е управление (борьба с инакомыслящими). Есть сведения, что именно он приложил руку к созданию легенды о «предателе, сыне Хрущева». Его подчиненный, генерал Вадим Удилов, выступая в «Экспресс-газете» с «разоблачительным» антихрущевским очерком, продолжает ту же линию: «сынок Хрущева» сотрудничал с врагом, агитировал за сдачу советских воинов немцам... Разумеется, «органы» не могли оставаться в стороне: группа Судоплатова похитила сына Хрущева из немецкого плена, а беспощадный, но гуманный и справедливый советский трибунал постановил расстрелять его как бешеную собаку. Сталин в изложении Удалова выглядит суровым, но благородным. Он говорит Хрущеву, который якобы просит о снисхождении: «Если то же самое произойдет с моим сыном, я приму этот суровый, но справедливый приговор». Не тиран, а прямо-таки Тарас Бульба! Некоторые товарищи, увы, еще помнят, как тело товарища Сталина вынесли из Мавзолея, и пытаются создать миф о том, почему происходило это «безобразие». Все очень просто: Хрущев был якобы зол на товарища Сталина за расстрел сына, обижен, что тот не услышал его слезной просьбы. И как только дорвался до власти, так сразу Судоплатова посадил, а «великого» Сталина оплевал и Ленина в Мавзолее осиротил...

«Комсомольская правда» в ноябре–декабре 1994 года поместила три публикации главного редактора «Росинформа» Евгения Жирнова под названием «Красный принц», где излагается все та же версия о сыне Хрущева: плен, предатель, похищение, расстрел. Но Жирнов, по крайней мере, правильно называет имя: Леонид (а не Дмитрий). И газету понять можно: нужен тираж, нужны сенсации. Но почему все-таки снова и снова возникает такой ажиотаж вокруг давно известного сюжета?

Статья Удилова четко обозначает, куда направлено острие: текст сопровождается фотографией Никиты Хрущева военных лет с подписью «Генерал Никита Хрущев, отец изменника родины?» Но примечательно,

что в книжонке бывшего охранника Сталина А.Т. Рыбина «Рядом со Сталиным», впервые вышедшей в виде статьи в 1949 году, нет ни слова о «предателе, сыне Хрущева». И понятно почему: клеймить Хрущева в ту пору еще было не за что. Зато во втором издании «Рядом со Сталиным» (1992 год, без выходных данных) эта высосанная из пальца история уже появляется. И мораль отсюда выводится все та же: Никита Хрущев якобы оболгал «великого вождя» по злобе и в целях мести. Но на деле получается все как раз наоборот: это сталинские выкормыши по злобе и в целях мести пытаются оболгать Хрущева за развенчание преступлений, совершенных их хозяином.

ТАЙНА «ЗОЛОТОГО ЧЕМОДАНА»

В сентябре 1941 года, спасая наиболее важные экспонаты и документы от фашистов, директор Керченского историко-археологического музея Ю. Марта и инструктор горкома Ф. Иваненкова вывезли 19 ящиков, в числе которых был и чемодан с золотым запасом музея, в Армавир. Однако летом 1942 года война докатилась и до Кубани. Прямым попаданием бомбы все архивные и другие материалы музея были уничтожены. Но «золотой чемодан», хранившийся на складе горздравотдела, уцелел.

Фашисты подступали к городу, поэтому было решено переправить «золотой чемодан» в более отдаленную часть Кубани — в станицу Спокойную, где ценности были переданы в местное отделение Госбанка. В конце августа управляющий Спокойненским отделением Госбанка Я. Лобода сдал «золотой чемодан» на хранение в штаб Спокойненского партизанского отряда, созданного 9 августа 1942 года. На этом все достоверные сведения о дальнейшей судьбе сокровищ Керченского музея обрывались. Было известно лишь, что «золотой чемодан» загадочным образом бесследно исчез. Сегодня, ознакомившись со свидетельствами подлинных очевидцев тех событий, мы имеем возможность рассказать, что произошло дальше.

27 августа Я. Лобода сдал на хранение ценности Керченского музея начальнику снабжения Спокойненского отряда И. Яковлеву. «Приняв деньги и ценности, Яковлев сложил их в сундук. Этот сундук стоял в отделе снабжения, и он же, Яковлев, его охранял». Как выяснилось, он даже спал на этом сундуке.

Какие же ценности находились в «золотом чемодане»?

Из официальной описи предметов, находившихся в кожаном чемодане (ящик № 15), следует, что они были аккуратно рассортированы по 15 коробкам: византийские монеты червонного золота; золотые боспорские монеты греческого и римского времени; золотые подвески — в виде грифона, с изображением конного и пешего скифов, головок бычков, львенка... Всего в «золотом чемодане» было около 800 предметов, мировую историческую и художественную ценность которых деньгами просто не измерить...

Итак, чемодан был помещен в сундук, на котором спал партизан Яковлев. 13 сентября отряд начал поход из Спокойненских лесов к

перевалу. 17 сентября партизаны остановились на стоянку для перестройки повозок. Здесь и обнаружилась пропажа чемодана.

Остановка для перестройки повозок произошла у подножия горы Беден. В архивных материалах сохранился рассказ бойца отряда Н. Черноголового о том, как была обнаружена пропажа «золотого чемодана»:

«...Бывший боец отряда Магдычев Григорий Иванович на привале под горой Большой Беден погнал в яр поить закрепленных за ним пару волов. И там, в яру, обнаружил раскрытый чемодан, пустой, с остатками некоторых вещей, не представляющих никакой ценности и названия которых никому не известны. Так, например, он из яру принес металлическую вещь — зигзагообразную, цвета бронзы, весом граммов 700–800. И кому-то из бойцов показал ее и сказал, где он ее взял...» Дошло до Смирнова, командира отряда, приказавшего обыскать Магдычева и изъять у него «зигзагообразную вещь». Других людей Смирнов обыскивать не разрешил, убеждая всех, что чемодан с ценностями похитил Магдычев. Как вспоминал Н. Черноголовый, расследование на том было закончено, а Смирнов возненавидел Магдычева, создавая ему невыносимые условия для пребывания в отряде. Позже Магдычева расстреляли фашисты...

Трудно понять ненависть Смирнова, который вообще-то должен был провести в отряде нормальное расследование. Ведь предметы из «золотого чемодана» буквально замелькали в руках партизан. Вот лишь некоторые из собранных уже в основном в 1944 году свидетельств.

М. Шульженко, медсестра партизанского отряда: «...Примерно 17 сентября 1942 года мы увидели, что по дороге валялось много ярлыков какого-то исторического музея. Мы посчитали, что его эвакуировали и разбиты ценности, но их мы не находили. Я только нашла золоченый крест, облепленный красной медью, а в середине стекло... Я не помню сейчас, куда его дела».

Боец Н. Сысоев: «В сентябре 1942 года во время ремонта повозки я нашел две маленькие монеты исторической давности. На одной монете выгравирована какая-то голова... Я их долго носил в кармане, а затем где-то потерял».

Следует прямо сказать, не тревожа памяти павших и памяти оставшихся в живых партизан Спокойненского отряда, в абсолютном большинстве своем (всего в отряде было 110 человек) ушедших в леса воевать, а не отсиживаться, что причиной многих их бед было то, что командовать ими взялись местные партийные и советские «князьки», думавшие только о себе. 18 марта 1943 года, когда немцы уже были изгнаны, бывший комиссар партизанского отряда, а теперь уже 1-й

секретарь Спокойненского РКВКП(б) И. Мальков и бывший замначальника снабжения отряда, ставший председателем Спокойненского райисполкома, М. Федоров оставили уникальный акт. В нем они как очевидцы свидетельствовали о том, что все ценности и документы отделения Госбанка, в том числе «золотой чемодан» и 40 тысяч рублей, были сожжены в лесу «вследствие невозможности эвакуировать... т.к. путь следования был перерезан вражескими войсками».

Расследование этого и других фактов началось лишь в сентябре 1943 года. Довольно быстро выяснилась фиктивность акта. Так, один из очевидцев показал, что при роспуске отряда были сожжены только банковские документы и марки, а вот «золотой чемодан» и деньги не уничтожались. В июле 1943 года Федоров обратился к главбуху отделения Госбанка с просьбой заменить большую сумму денег, которые якобы промокли в кармане и пришли в негодность. При обмене оказалось, что эти деньги из числа тех самых 40000 рублей, которые были сданы на хранение в отряд и потом «сожжены»...

Началом проявления интересов органов госбезопасности к «золотому чемодану» можно считать сентябрь 1943 года, когда «разрабатывалась» бывший кассир партизанского отряда И. Гульницкая, 1905 года рождения. Однако интерес этот был косвенным. Гульницкая прежде всего подозревалась в измене родине, пособничестве оккупантам. 29 марта 1944 года она была арестована, но 30 октября того же года освобождена из-под стражи, поскольку выдвинутое обвинение доказано не было.

Немного о судьбах других партизан. Н. Смирнов был пойман полицией и расстрелян. Погибли от рук фашистов И. Яковлев, Я. Лобода, погибли и многие партизаны отряда. И. Мальков был снят с должности 1-го секретаря Спокойненского РК ВКП(б) и позже работал директором свиноводческого совхоза в Ленинградском районе Кубани. М. Федоров, скорее всего, тоже был отстранен от должности, но что с ним случилось дальше, выяснить не удалось...

2 января 1944 года инспектор А. Щербатюк обращается к наркому просвещения Крымской АССР Гавриленко с запиской, в которой жалуется на пассивность кубанцев в поисках пропавших музейных ценностей. «Председатель Армгоррайисполкома т. Малых очень пристрастно относится ко всей этой истории с чемоданом, он, например, старался меня убедить, что это мелочь, у вас пропал весь Крым. У меня Армавир, а вы будете морочить голову и разыскивать какой-то чемодан...» Тем не менее кое-какие усилия по поиску пропавших сокровищ по свежим следам все же предпринимались. Органы госбезопасности Кубани разослали по ряду

регионов ориентировки с копиями описи содержимого «золотого чемодана».

Однако ни в те времена, ни за все минувшие годы ни один предмет из сокровищ Керченского музея так и не «мелькнул» ни в нашей стране, ни за рубежом. Историческая и художественная ценность этих раритетов столь очевидна и многократно описана в мире, что полная «тишина» оставляет надежды — основная часть содержимого «золотого чемодана» до сих пор где-то спрятана...

От всего чемодана пока остались 2 монеты, найденные при обыске у Гульницкой. Экспертная комиссия установила, что обе монеты были чеканены в античном городе Пантикапее (располагавшемся на месте нынешней Керчи) и могли принадлежать Керченскому музею. По мнению Гульницкой, ценности Керченского музея были похищены командованием Спокойненского партизанского отряда. Действительно, вся совокупность фактов четко свидетельствует о том, что «золотой чемодан» был действительно разграблен в самом партизанском отряде. Грабитель или грабители, вероятно, закопали основную часть похищенного в лесу (продолжать переход в отряде с ценностями было опасно) где-то близ горы Беден, рассчитывая вернуться за сокровищами. Но впоследствии вор или воры, возможно, оказались убиты или арестованы и так и не смогли вернуться за похищенным...

В пользу такой версии развития обстоятельств говорят и некоторые события уже наших дней.

Несколько лет назад об этой тайне узнал начальник Краснодарской геофизической экспедиции Н.М. Цыпченко. Он съездил на место тогдашних событий — ныне это Отрадненский район Краснодарского края. Места те довольно глухие, но, по словам Цыпченко, ему удалось примерно определить место, где, возможно, зарыта основная часть сокровищ «золотого чемодана». Однако для дальнейших поисков уже с применением специального оборудования, которым не располагает Цыпченко, нужны средства.

Известно и о других направлениях возможного поиска. Помогавший мне в работе с архивными материалами начальник группы общественных связей управления ФСБ по Краснодарскому краю Николай Панчишкин рассказал такую историю: в 1991 году управление КГБ по Краснодарскому краю получило данные о том, что в Санкт-Петербурге, возможно, проживают дети комиссара одного из партизанских отрядов Армавирского куста Соколова Николая Петровича, который погиб в бою при выходе из окружения. Уже после войны вдова Соколова (имя ее неизвестно)

приезжала из Ленинграда с двумя сыновьями, одного из которых зовут Виктором, на место гибели мужа. Вдове передали вещи погибшего, среди которых была и карта с нанесенными отметками партизанских баз-тайников...

Увы, но в ответе из Санкт-Петербурга сообщалось, что, по данным центрального адресного бюро, Соколов Николай Петрович или Соколов Виктор Николаевич не значатся прописанными или уехавшими из города. Скорее всего, имена, сообщенные из Краснодара, оказались неточны. В 1991 году сыновьям Соколова было примерно под 60 лет. Возможно, после этой публикации кто-то из них или других родственников, что-либо знающих о карте, и отзовется. Ведь как бы то ни было, нельзя исключить вероятность того, что основная часть «золотого чемодана» все же попала в один из партизанских тайников...

ЗАГАДОЧНЫЙ НОЧНОЙ БОЙ, ИЛИ КТО ПЫТАЛСЯ ЗАХВАТИТЬ «ВОЛЖСКИЙ КРЕЙСЕР» В ОКТЯБРЕ 1941 ГОДА?

(Материал А. Скупченко)

Много еще белых пятен хранит история XX века. Не является исключением и Великая Отечественная война. Одной из подобных загадок для меня оставалось пребывание И.В. Сталина в октябре 1941 года в городе Куйбышеве, ныне Самаре: до сих пор не ясно, приезжал в Куйбышев Сталин или нет? Официальная история утверждает — Сталин не покидал Москвы, а в известной книге «День “М”» В. Суворова упоминается, что Сталин приезжал в Куйбышев в октябре 1941 года, но пробыл тут недолго. Кому же верить?

С таким вопросом автор обратился к директору музея «Бункер Сталина» А.В. Солуянову. В ответ услышал, что это по-прежнему одна из загадок, которая не разгадана и по сей день. Однако объект, в котором мы тогда находились (разговор происходил в бункере Сталина), курировался центральным аппаратом НКВД во главе с Лаврентием Берией, и последний наезжал в Куйбышев, вероятно, неоднократно.

Я спросил: а не готовился ли к роли «столицы номер два» Куйбышев задолго до войны? Привел пример клинической больницы, многие переходы которой расположены под землей. В ответ — опять неопределенность.

Так почему же автора так интересуют сведения о фортификационных работах в Куйбышеве задолго до войны? Причиной тому давнишний разговор, произошедший с ветераном войны Николаем Васильевичем Шубиным, служившим в военные годы в одном из подразделений войск НКВД и являвшимся непосредственным участником описываемых ниже событий. Затем, в ноябре 1941 года, их часть расформировали, и Николай Васильевич попал в танковую дивизию на Дальнем Востоке.

Что же произошло в октябре 1941 года в Куйбышеве?

Накануне войны, с 1935 по 1940 год в городе проводились грандиозные строительные работы, причем значительная их часть велась

под землей. Военные инженеры создали еще один город — с глубокими бункерами, многокилометровыми туннелями, жилыми кварталами, госпиталями и целыми заводами, действующими и по сей день. В секретных документах проводимые работы назывались «Волжским крейсером». Они маскировались под строительство Волжской ГЭС им. Сталина, настоящее строительство которой после войны перенесли значительно выше по течению Волги. По сей день в памяти пожилых самарцев живет убеждение, что строительство подземных коммуникаций началось в городе на Волге едва ли не сразу после гражданской войны. Правительство «первого в мире государства рабочих и крестьян», опасаясь, что не удержит власть в своих руках, намеревалось скрыться от врагов... под землей! Представляете себе этакую подземную рабоче-крестьянскую державу — как у Уэллса в «Машине времени»? Город на Волге, как вскоре выяснилось, больше всего подходил для этой цели.

С приближением немецко-фашистских войск к Москве часть заводов вместе с персоналом и оборудованием эвакуировалась в Куйбышев. Для того чтобы люди «с колес» могли приступить к работе, в спешном порядке заливались фундаменты будущих производственных корпусов, где монтировалось оборудование, и цеха начинали работать, пока корпуса строились. К октябрю в Куйбышев переехало из Москвы и советское правительство, но, как утверждала официальная пропаганда, Сталин Москвы не покинул и остался в Кремле.

В городе, нашпигованном тысячами эвакуированных, и особенно после переезда правительства, служба легкой не была: постоянное хождение в караул и патрули с едва ли не тотальной проверкой документов, неожиданные тревоги, пресечение слухов и вредных «пораженческих» разговоров о вездесущих немецких диверсантах... А однажды, холодной октябрьской ночью, подразделение Николая Васильевича подняли по тревоге, потому что немецкие самолеты бомбили завод, занимавшийся производством прославленных «катюш» (ныне это завод им. Масленникова). Вражеский бомбардировщик сбили, летчиков арестовали. Урон предприятию был нанесен минимальный.

Однако это нападение было не единственное, потому что на исходе другой темной октябрьской ночи подразделение Николая Васильевича опять подняли по тревоге, отвезли едва ли не в центр города, в район Старой набережной, и приказали занять оборону, при этом запретили курить и громко разговаривать. Часам к трем утра до солдат донеслись звуки минометных залпов и ружейной пальбы. Стало ясно, что где-то в районе речного порта идет бой: минометы били от речного порта по

Хлебной площади. Вскоре звуки канонады переместились ближе к центру и стали доноситься от клуба им. Дзержинского — как раз оттуда, где находился вход в бункер Берии. Офицеры объяснили взволнованным солдатам, что это специальные учения. Этому никто не поверил — учения в центре города, напичканного войсками НКВД, секретными предприятиями и иностранными миссиями... Что может быть глупее?!

Стрельба продолжалась около часа. Вначале прекратился минометный огонь, потом стихла и ружейная пальба. Офицеры объяснили, что «маневры» закончились, и подразделение Николая Васильевича вернулось в казармы. Однако самое необычное выяснилось несколько дней спустя, когда от земляка-штабиста он узнал, что город подвергся нападению! Вот как это произошло...

Поздно ночью к пирсу речного порта подошли два буксира с баржами без огней, с которых высадилось до полка вооруженных людей в энкавэдэшной форме. Открыв огонь из минометов и стрелкового оружия и развернувшись цепью, они предприняли наступление на город. По пути к центру города «энкавэдэшники» безжалостно уничтожали попадавшие военные патрули, но у Хлебной площади их остановили. Возле клуба имени Дзержинского завязался яростный бой. К тому времени сюда были подтянуты боеспособные части практически со всего города. Здесь и произошла решающая схватка между «настоящими» и «ложными» энкавэдэшниками. Наступавшие были остановлены и отброшены. В спешке, бросая оружие и не заботясь об убитых и раненых, они погрузились на баржи и отошли к Самарской Луке. Вероятно, они надеялись скрыться там, но это им не удалось — штабист поведал, что бои шли даже в Жигулевских каменоломнях и нападавших уничтожили всех до одного. Потом долго ходили слухи, будто это были дезертиры, якобы бежавшие с фронта.

Не повезло и нескольким тысячам заключенных из пригородных лагерей — после того как те ликвидировали разрушения, вызванные ночным боем, их погрузили в вагоны и отправили куда-то за Урал. Говорили еще, что в лагерях разразилась страшная эпидемия холеры и дизентерии, унесшая не один десяток жизней.

Не повезло и солдатам и офицерам, принимавшим участие в ночном бое, — все воинские части, находившиеся в тот момент в городе и даже не принимавшие участия в баталиях, подверглись расформированию и отправке на фронт. Не миновала чаша сия и полк Николая Васильевича — буквально через несколько дней он был довольно своеобразно переформирован: часть подразделений, которая участвовала в ночном бою,

отправили на передовую, другая часть — «отсиживавшаяся ночью в кустах», была отправлена на Дальний Восток — охранять границу. Причем переформирование на этом не закончилось, потому что по прибытии к месту назначения военнослужащих опять раскидали по различным подразделениям. Николай Васильевич, как сообщалось выше, попал в танковый полк, где и дождался победного сорок пятого. Вспоминая бои с японцами, Николай Васильевич с уверенностью говорит о том, что командование постоянно стремилось бросать его прежних однополчан в самое пекло. За все годы после войны Николай Васильевич ни разу не встретил ни одного своего однополчанина — словно из тех, кто защищал «усатого» октябрьской ночью 1941 года, никто не выжил...

Если предположить, что той ночью действительно имело место нападение на город с целью ареста (а может, и убийства) Сталина, то встает вопрос: кто те люди, покушавшиеся на жизнь и свободу «отца всех народов»? Дезертиры, бежавшие с фронта и стремившиеся отомстить Сталину за позор лета 1941-го, немецкие диверсанты или группа революционно настроенных офицеров, стремившихся свергнуть коммунистическую власть и посчитавших пребывание Сталина в Куйбышеве наиболее подходящим для этого моментом? Какое из предположений наиболее верно, неизвестно.

В начале 1990-х годов в одном из номеров газеты «Комсомольская правда» собственный корреспондент газеты в Ульяновске Игорь Вирабов писал о самарских бункерах: о «глухом», не связанном подземными переходами и самым глубоким в мире бункере Сталина — 34-метровом и бункере глубиной 12 метров, соединенном со множеством подземных туннелей, — бункере Берии. Последний — у Хлебной площади, именно там, где в 1941 году произошел загадочный ночной бой!

Теперь вернемся к рассказу ветерана: имело ли смысл нападать на столицу номер два осенью 1941 года? Вывод напрашивается один: разумеется, имело! Крупный промышленный центр, в котором работает правительство и даже, возможно, находится сам Сталин, достаточно удаленный от линии фронта, и вдруг немецкие солдаты входят в него с боями, причем на глазах у эвакуированных в город иностранных посланников! Представляете себе, какой это могло иметь резонанс в мире? Может быть, поэтому после сообщения о ночных боях в Куйбышеве Сталин и остался в Москве, не решившись посетить новую столицу. Или же Жуков, убедивший Сталина остаться в Москве, знал о нападении на Куйбышев октябрьской ночью, но счел благоразумным не сообщать ему об этом? Кто знает?!

С ОРДЕНОМ ЛЕНИНА — В СОЮЗНИКИ ГИТЛЕРА

Несмотря на все большее в последние годы число публикаций о сотрудничестве граждан СССР с фашистской Германией в военное время, мы до сих пор не представляем себе ни подлинного масштаба, ни характера этой трагедии. Нет единодушия относительно более или менее точных цифр, показывающих масштабы военного сотрудничества с врагом. По разным оценкам, в 1941–1945 годах на стороне Германии воевало от 800 тыс. до 1 млн. 200 тыс. людей, считавшихся по состоянию на июнь 1941 года гражданами СССР. Большинство кадровых советских офицеров из числа попавших в плен к немцам оказалось в формированиях Власова (правильное название которых — «Вооруженные силы Комитета освобождения народов России»). Установлено, что в период с осени 1944 года по весну 1945 года в них служили 1 генерал-лейтенант Красной армии, 6 генерал-майоров, 1 бригадный комиссар, 1 комбриг, 42 полковника, 1 капитан 1-го ранга, 21 подполковник, 2 батальонных комиссара, 49 майоров и т.д.

В отечественной литературе и кинематографе власовцы и иные перебежчики обычно предстают сборищем подонков, пьяниц и насильников. Мало кто когда-либо пытался проанализировать, что на самом деле представляли собой люди, составлявшие хотя бы командную верхушку «восточных» формирований.

Начальником штаба власовцев стал бывший профессор Академии Генштаба, а затем замначштаба Северо-Западного фронта генерал-майор Ф. Трухин. По общему признанию, талантливый военный специалист.

Истребительной эскадрилей власовцев командовал старший лейтенант Красной армии, кавалер ордена Ленина и Герой Советского Союза Б. Антилевский, ночной бомбардировочной — капитан, также кавалер ордена Ленина и Герой Советского Союза С. Бычков.

Начальником оперативного отдела штаба власовцев стал полковник А. Нерянин, которого начальник советского Генерального штаба Б. Шапошников когда-то называл «самым блестящим офицером Красной армии». Неудивительно: Нерянин единственный из всего выпуска в 1940 году окончил Академию Генштаба на «отлично» по всем показателям.

Командир 1-й пехотной дивизии Вооруженных сил Комитета освобождения народов России полковник Красной армии С. Буняченко, сын крестьянина, в октябре 1942 года принял 59-ю стрелковую бригаду, от которой осталось 35 процентов личного состава. Без поддержки танков и авиации он четверо суток отбивал атаки немецких танков и мотопехоты в районе Урух-Лескен. Почти вся бригада погибла, а самого Буняченко захватила румынская разведгруппа. Позднее в концлагерь, куда он попал, пришли власовские пропагандисты...

Майор И. Кононов, ставший впоследствии командиром 102-го казачьего полка вермахта, а затем командиром казачьих дивизии и корпуса, получил в финскую войну орден Красной Звезды за бои в окружении. Летом 1941 года он находился на самом сложном участке в арьергарде, прикрывая отступление своей дивизии. 22 августа с большей частью полка, со знаменем, с группой командиров и комиссаром перешел на сторону немцев, заявив, что «желает бороться против ненавистного сталинского режима».

Здесь, кстати, можно вспомнить еще об одном стереотипе. У нас как-то принято считать, что в плен сдавались в основном попавшие в окружение, деморализованные, часто раненые красноармейцы.

Частично это верно. Но нельзя не учитывать и тот факт, что целые группы бойцов и командиров уходили к врагу организованно, с оружием в руках, иногда под звуки музыки (особенно в первый период войны, когда они еще не представляли, какой «порядок» установят немцы на оккупированных территориях).

Зная обо всем этом, можно, вопреки общепринятым взглядам, предположить, что значительная часть перебежчиков ушла к врагу не просто в попытках спасти жизнь или заполучить относительный комфорт в условиях военного времени. Тот же Трухин, по его собственным словам, не мог простить Сталину уничтожение военных кадров в 1930-е годы. Кононов потерял трех братьев в результате «расказачивания» на Дону.

Боеспособность «восточных» батальонов вермахта была неоднородной. Тем не менее в истории остались, например, свидетельства отчаянной смелости, проявленной власовцами в боях против англо-американских частей после открытия второго фронта — в том числе в районе Лемана или у крепости Лориан. Адъютант командующего добровольческими частями во Франции обер-лейтенант Гансен в июне 1944 года сделал в своем дневнике следующую запись: «Наши восточные батальоны в боях на побережье проявили такую храбрость, что решено поместить их дела в специальной сводке вермахта».

Большинство старших офицеров Вооруженных сил Комитета освобождения народов России оказались в конечном итоге выданы англо-американскими оккупационными властями советской стороне. В 1945–1946 годах они были казнены «за измену Родине».

Признаем же, как минимум, одно: политика сталинского руководства привела к тому, что на сторону Германии в 1941-м и последующих годах перешло множество способных и хорошо подготовленных кадров Красной армии.

ГИБЕЛЬ «НОРМАНДИИ» — ДИВЕРСИЯ ИЛИ ХАЛАТНОСТЬ?

В начале Второй мировой войны французский пассажирский лайнер «Нормандия» нашел убежище в порту Нью-Йорка и вскоре был конфискован американским правительством. После трагедии в Перл-Харборе командование ВМФ США очень нуждалось в больших транспортных для перевозки войск. «Нормандию» решили переделать в военное транспортное судно, а заодно сменили и его имя — корабль стал называться «Лафайет». В феврале 1942 года работы по его переоборудованию вступили в завершающую фазу и судно должно было выйти в море. Но случилось непредвиденное...

Днем 9 февраля на судне начался пожар. Огонь возник в огромном центральном салоне, где устанавливались койки для американских солдат и лежали сваленные в беспорядке спасательные пояса, и стал быстро распространяться по всему судну. Сбить пламя не удалось. Судно начало крениться на левый борт, к полуночи крен достиг 40 градусов. А 10 февраля в 2 часа 39 минут потоки воды хлынули во внутренние помещения и корабль лег на бок прямо у причала. Входивший в первую тройку самых крупных и быстроходных судов мира, способный принять на борт целую стрелковую дивизию с полным вооружением, корабль в самый разгар войны, когда американское военное командование испытывало огромную нужду в войсковых транспортах, был выведен из строя...

Корреспонденты нью-йоркских газет появились около горящего судна раньше, чем агенты Федерального бюро расследований. Их репортажи с места аварии позволили точно воспроизвести последовательность событий. А на состоявшейся вечером пресс-конференции руководитель спасательных работ адмирал Эндрюс сообщил журналистам о предполагаемой причине аварии и уверенно заявил: «Подозрений на диверсию нет!» Два месяца спустя комитет сената по военно-морскому флоту обнародовал выводы своего собственного расследования: «причины и последствия пожара — результат беспечности со стороны военно-морского флота».

Казалось бы, на этом можно поставить точку, но... Проведенное американскими властями официальное расследование так и не установило точной причины возникновения пожара на «Нормандии». Мнения

экспертов ВМФ и ФБР по этому вопросу разошлись. Первые предполагали, что пожар возник случайно, от искры, попавшей на груды капковых спасательных поясов. Вторые приписывали возникновение пожара диверсии агентов разведки фашистской Германии. К такому же выводу пришли и авторы книги «Саботаж: тайная война против Америки» — американские журналисты Майкл Сейерс и Альберт Канн. В первом издании этой книги, вышедшей осенью 1942 года, они пишут: «ФБР было известно, что нацистские агенты в течение длительного времени тайно следили за “Нормандией”. За две недели до падения Франции, 8 июня 1940 года, германская секретная служба послала своим агентам в США закодированное коротковолновое радиосообщение. Это сообщение, переданное из Гамбурга, было перехвачено радиостанцией в Сентрпорте на Лонг-Айленде, расшифровано и гласило: “Благодарим за сообщения. Наблюдайте за “Нормандией”. Следуя полученным инструкциям, немецкие шпионы стали пристально следить за “Нормандией”. Немецкий шпион Курт Фредерик Людвиг посылал своему руководству регулярные отчеты, написанные симпатическими чернилами. Некоторые из них были перехвачены американской контрразведкой. Вот один из них, отправленный 15 апреля 1941 года: “Нормандия” стоит еще у пирса 88 северной» (т.е. 88 улица, в северной части).

Людвиг регулярно посещал набережную залива для наблюдения за «Нормандией». Агент ФБР, которому было поручено следить за шпионом, так описывает в своем отчете одну из «прогулок» Людвиг: «18 июня (1941 года) объект прошел от 59-й стрит по 12-й авеню. Он смотрел на причалы. Когда объект подошел к пирсу, где стояла “Нормандия” у 50-й стрит, то на некоторое время остановился. Казалось, что он тщательно изучает судно. Потом он снова пошел, оборачиваясь назад. У 42-й стрит объект сел на паром, следующий в Уихаукен, поднялся на верхнюю палубу и продолжал рассматривать “Нормандию”». Далее агент ФБР сообщает, что по прибытии в Уихаукен Людвиг в течение 20 минут делал записи в небольшой черной записной книжке.

Считая причиной пожара диверсию агентов германской разведки, Сейерс и Канн приводят в своем исследовании ряд фактов, подтверждающих эту версию.

1. В течение недели, предшествовавшей пожару 9 февраля, на борту корабля произошло четыре возгорания, которые удалось потушить.

2. Когда 9 февраля начался пожар, вблизи его очага имелось всего 2 (два) пожарных ведра.

3. Городская система оповещения о пожаре была отключена на судне

за 22 дня до катастрофы, о чем не знала служба береговой охраны США.

4. На борту переоборудуемого судна находилось определенное количество вражески (пронемецки) настроенных рабочих, причем их анкетные данные не были тщательно проверены.

5. Любые посторонние лица могли без труда проникнуть на судно без всякого на то разрешения. Для этого им требовался всего лишь нагрудный номерной значок, указывающий имя подрядчика или субподрядчика, у которого они работали.

С тех пор прошло много лет. В морской исторической печати время от времени появлялись статьи, посвященные трагической гибели «Нормандии», воспоминания уже немногочисленных очевидцев. В них по-прежнему фигурировали две версии причины пожара: искра от газового резака и диверсия агентов германской разведки. Но вот в январе 1975 года авторитетный английский журнал по истории флота «Нотикал мэгэзин» опубликовал сенсационное сообщение о причине пожара: «“Нормандия” сожжена американской мафией!»

В нем говорилось, что мафия сожгла французский лайнер «Нормандия» в нью-йоркской гавани в 1942 году, потому что босс гангстеров Лакки Лючано хотел продемонстрировать военно-морскому флоту США насущную необходимость защищать порты восточного побережья США. По обвинению в убийстве Лючано был помещен в так называемый «Загородный клуб» — тюрьму города Олбани, носившую такое название из-за льготных условий содержания и комфорта заключенных. Ему было обещано освобождение с окончанием войны при условии, что его люди будут оказывать властям содействие, а потом он уедет в Европу. Мафия сдержала свое слово — на протяжении всей войны в портах США не отмечалось ни одного акта саботажа.

Известно, что во время Второй мировой войны разведка ВМФ США почти в открытую сотрудничала с Чарлзом Лючано, имевшим огромный и непререкаемый авторитет среди итальянских эмигрантов и рабочих Нью-Йорка. Известно также, что Лючано предупредил контрразведку ВМФ США о готовящихся диверсиях и предложил свои услуги по их предотвращению, чтобы этим уменьшить срок своего заключения. Судя по всему, военные моряки не вняли тогда предложению гангстера, и Лючано решил продемонстрировать им свои возможности. Вполне возможно, что пока главарь нью-йоркской мафии находился в тюрьме, его люди без всякого риска и особых хлопот сделали это.

ТАЙНОЕ ВТОРЖЕНИЕ ГИТЛЕРА В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

В субботу 13 июня 1942 года двадцатилетний пограничник морской береговой охраны Джон Каллен сразу после полуночи вышел со своего поста в Амагансетте на Лонг-Айленде, чтобы совершить обычный патрульный обход побережья. Он нес в руках фонарик, который время от времени включал, освещая берег впереди себя. Впрочем, из-за густого тумана он мог видеть только на шесть-семь ярдов.

Пограничник отошел от поста всего на полмили, когда неожиданно наткнулся на четырех человек, стоявших на мелководье вокруг небольшой лодки.

— Что здесь происходит? — резко спросил он.

Один из незнакомцев, длиннолицый, говоривший с легким иностранным акцентом, объяснил, что он и его товарищи — рыбаки, и что они заблудились в тумане.

Каллена его объяснения не удовлетворили.

— Вам придется пройти со мной на пост, — объявил он. Длиннолицый «рыбак» взял его за руку.

— Послушай, парень, — сказал он. — У тебя есть мать и отец? Ты хочешь их снова увидеть? Тогда возьми вот эти деньги и потрать их в свое удовольствие. И забудь, что ты здесь видел, понял?

Ошеломленный юноша медленно сжал в руке пачку купюр. Он был невооружен и чувствовал, что наткнулся на нечто такое, с чем в одиночку ему явно не справиться. Отступив назад, он повернулся и побежал к посту береговой охраны.

Длиннолицый человек и трое его спутников быстро разгрузили резиновую лодку, на которой они доплыли до берега с доставившей их подводной лодки U-202, и, быстро выкопав яму, сложили в нее четыре водонепроницаемых ящика, заполненных взрывчаткой, детонаторами и часовыми механизмами в количестве достаточном, чтобы нанести серьезный удар по американской промышленности. После этого — как раз когда Каллен подбегал к старому деревянному домику, где находился морской пограничный пост, — они поспешили по дороге вдоль побережья по направлению к железнодорожной станции Амагансетта. Когда Каллен и

два его товарища, вооружившись, прибежали назад, они увидели только покрытый туманом пустынный берег.

Так осуществилась высадка нацистских диверсантов на побережье Соединенных Штатов.

В общих чертах план диверсий против ключевых американских предприятий был составлен абвером — разведкой немецкого верховного военного командования. Разработку его механизма поручили лейтенанту разведки Вальтеру Каппе, человеку неординарного ума и вспыльчивого характера, который на протяжении 12 лет занимался пропагандой нацизма в Чикаго и Нью-Йорке и созданием там соответствующих организаций. План Каппе предполагал привлечение живущих и работающих в Соединенных Штатах немцев, усвоивших американские обычаи и язык и уже чувствовавших себя в этой стране как дома. Каппе был убежден, что недостатка в пособниках из числа германоамериканцев, лояльных к фатерланду, у них не будет. Контакты с Каппе и друг с другом эти люди будут поддерживать, давая объявления в чикагской газете «Трибюн». Когда подрывная сеть будет налажена, он сам проникнет в Соединенные Штаты и примет руководство над ней, обосновавшись в законспирированной штаб-квартире в Чикаго.

Зимой 1941 года Вальтер Каппе начал вербовку первых агентов. Это была нудная и долгая работа. Он знакомился с имеющимися в гестапо списками недавних репатриантов, выступал в Институте зарубежных стран, организованном для привлечения немцев, живущих за границей, в национал-социалистическую партию, просматривал картотеки вермахта, беседовал с кандидатами. Наконец 10 апреля 1942 года в комплексе отведенных под школу построек, стоявших в густом лесу недалеко от Берлина, была собрана небольшая группа добровольцев, которой вскоре предстояло возглавить нацистское «вторжение». В их числе были:

Джордж Джон Даш, человек с длинным лицом и самый старший член группы — ему было 39 лет, он прибыл в Штаты нелегально в 1922 году, некоторое время работал официантом в Нью-Йорке и даже служил короткий период в авиационных частях перед возвращением в Германию в 1941 году;

Вернер Тиль, приехал в Америку в 1927 году и, оформив документы о натурализации, прожил там 14 лет;

Эдвард Керлинг, убежденный нацист, проработавший в Америке шофером и слугой 11 лет;

Герман Нойбауэр, повар;

Герберт Ганс Гаупт — самый молодой в группе. 16 из своих 22 лет он

провел в Соединенных Штатах и был американцем по праву рождения;

Эрнст Петер Бюргер, член нацистской партии, работавший в Америке машинистом и служивший в Национальной гвардии;

Генрих Генк, инструментальщик, проживший в Америке 13 лет;

Рихард Квирин, приехал в Соединенные Штаты в 1927 году, а через несколько лет, будучи квалифицированным механиком, вернулся обратно, воспользовавшись предложенным рейхом оплаченным возвращением в фатерланд для всех специалистов.

В полдень лейтенант Каппе повел своих подопечных на экскурсию по школе. За спальным помещением располагались гимнастический зал, классная комната, богато оборудованная лаборатория, помещение-цитадель для работы со взрывчатыми веществами и два тира. Каппе сказал курсантам, что с этого момента они потеряны для мира, что никто не узнает, где они находятся.

Следующим утром с рассвета началась их ежедневная интенсивная подготовка: гимнастика, лекции по зажигательным средствам, взрывчатым веществам, запалам, часовым механизмам и тайнописи, практические занятия по метанию гранат, стрельбе и борьбе, а также выполнение заданий по совершению диверсий.

Особое внимание инструкторы уделяли веществам, которые можно было купить в любой аптеке, не вызывая подозрений. Например, эффективная зажигательная смесь изготавливается из серной кислоты и сахарной пудры. Секретные чернила делаются при помощи таблетки аспирина, растворенной в спирте: высыхая, письмо исчезает, а после протирания смоченной в спирте ватой четко проступает. Просты и надежны были способы приведения в действие взрывных устройств. Например, в наполненную водой и немного протекающую канистру опускалась пробка с проволочным наконечником. Когда вся вода вытекала, а агент уходил уже на несколько миль от объекта, пробка опускалась на дно, металл приходил в соприкосновение с металлом, замыкалась электрическая цепь, и происходил взрыв.

На последней неделе обучения курсанты посетили судостроительные верфи и сортировочные станции Берлина, где специалисты показывали им, как горсть песка, брошенная в буксу, выводит из строя локомотив, как маленький взрывной заряд, установленный надлежащим образом, может перекрыть на несколько дней важный железнодорожный узел. После этого будущие диверсанты отправились в трехдневную поездку по алюминиевым и магниевым предприятиям «ИГ Фарбениндустри». Каппе демонстрировал, как легко перерезается высоковольтная линия, выстрелом разбивается

трансформатор — и двойник американского завода останавливается, по меньшей мере, на восемь часов — достаточный срок, чтобы жидкий алюминий застыл и вывел из строя сложную систему печей и ванн. Результат — значительное замедление процесса установки нового оборудования.

29 апреля началась заключительная проверка. Курсантов разбили на команды, и каждой были выданы запечатанные инструкции с заданием отправиться к макету фабрики, на конечную станцию железнодорожной ветки или к нефтехранилищу. Прибыв на место, они должны были скрытно изучить обстановку, приготовить взрывчатку и в течение 36 часов уничтожить объект. По итогам этих «экзаменов» двух человек, пойманных неожиданно вышедшим в рейд патрулем и заваливших задание, исключили из группы.

Проверка была закончена. Выпускникам пообещали ежемесячное жалование и хорошую работу после войны, затем разделили на две группы и вручили задания. Группе № 1, возглавляемой Дашем и включающей Бюргера, Генка и Квирина, предписывалось совершить диверсии на нескольких американских алюминиевых заводах (в Алькоа, штат Теннесси; в Ист-Сент-Луисе, Иллинойс; в Массене, Нью-Йорк) и на криолитовом предприятии в Филадельфии; кроме того, они должны были взорвать шлюзы на реке Огайо между Питтсбургом и Луисвиллем. Группе № 2 — Нойбауэра, Тиля и Гаупта под началом Керлинга — поручалось заняться железнодорожными мостами и тоннелями, взорвать нью-йоркский мост Хелл-Гейт на Ист-Ривер, разрушить систему водоснабжения Нью-Йорка. Помимо этого, члены обеих групп должны были при каждой удобной возможности взрывать бомбы в общественных местах, чтобы сеять панику.

Каппе приказал каждому из своих подопечных без колебаний убить другого, если тот проявит слабость или начнет колебаться, поставив под угрозу выполнение миссии. Вместе с этим он допустил большую оплошность.

Утром 26 мая, за два дня до погрузки диверсантов на подводные лодки U-201 и U-202, стоявшие в бухте Лориенте, он выдал им деньги на проведение операций: 50000 американских долларов старшему в группе и по 4400 долларов, спрятанных в поясах, остальным. Даш стал укладывать свои деньги в чемоданчик с двойным дном, как вдруг осознал, что значительную их часть составляют «золотые» банкноты, вышедшие из обращения еще девять лет назад. Уличающие купюры были быстро заменены, но в душу каждого агента закралось сомнение. Как позднее объяснял Даш: «Я не мог выбросить из головы эти деньги. Если они так

небрежны — эти люди, которые все организуют и готовят нас, — то чего стоят наши головы?»

Приехав в Нью-Йорк, Даш и Бюргер устроились в «Говернор Клинтон отеле» на Уэст 31-стрит, а Генк и Квирин — в «Мартинике». Они могли быть довольны собой: им удалось благополучно высадиться, они ни у кого не вызвали подозрений в поезде и без проблем растворились в городе. Позднее, когда они обзаведутся автомобилем, то смогут выкопать взрывное снаряжение и перепрятать его в горах Катскилл, как было запланировано. Необходимости в спешке не было, Каппе подчеркивал, что не следует проводить открытых диверсий до тех пор, пока обе группы как следует не «вживутся» в роль обыкновенных американцев.

И тут в действиях диверсионной группы № 1 произошел решительный перелом. Почему это случилось так внезапно — установить не удалось. Едва Бюргер с Дашем остались в номере одни, последний начал нервно ходить из угла в угол.

— Послушай, — заговорил он. — Мне все это очень не нравится. Я хочу, чтобы ты сказал мне, что сам об этом думаешь. У меня есть идея, как нам из этого выпутаться.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — произнес Бюргер.

— Ну и отлично. Но если ты не согласен, мне придется тебя убить прямо здесь и сейчас.

— На мой счет можешь не беспокоиться, — последовал ответ.

В субботу, перед восемью часами вечера, в кабинете сотрудника ФБР Дина Ф. Макуортера, находившегося в федеральном суде Нью-Йорка, зазвонил телефон. Когда он поднял трубку, человек, говоривший со слабым иностранным акцентом, сообщил, что он только что высадился с немецкой подводной лодки и что у него есть важная информация для Дж. Эдгара Гувера.

— Я появлюсь в Вашингтоне на неделе, чтобы переговорить с ним лично, — заключил он и повесил трубку.

Шел седьмой месяц войны, и ФБР замучили звонками всякие сумасшедшие и просто чудачки, поэтому Макуортер составил докладную записку о странном звонке и занялся другими делами. Однако этот звонок приобрел иной смысл, когда служба береговой охраны сообщила ФБР о ночном происшествии у Амагансетта и обнаруженных затем ящиках со взрывчаткой.

Тем временем в 1000 миль к югу подлодка U-201, перевозившая диверсионную группу № 2, приближалась к побережью Флориды. 17 июня она всплыла поблизости от Понтеведра-Бич в 25 милях к юго-востоку от

Джэксонвилла. Пересев в резиновую лодку, Керлинг, Нойбауэр, Тиль и Гаупт добрались до берега. Быстро переодевшись и закопав снаряжение, они дошли до автострады № 1 и стали ждать автобус до Джэксонвилла. Следующим утром Керлинг и Тиль уже сидели в поезде, идущем до Цинциннати, а Гаупт и Нойбауэр находились на пути в Чикаго.

Джордж Даш оставался в Нью-Йорке несколько дней, коротая время за игрой в пинокль со своими прежними приятелями-официантами, а в четверг приехал на поезде в Вашингтон и позвонил в главное управление ФБР.

— Я тот человек, который звонил вашему сотруднику в Нью-Йорке, — сообщил он. — Я поселился в отеле «Мэйфлауэр» в номере 351.

Вскоре он уже рассказывал свою длинную историю двум появившимся в его номере особым агентам ФБР Дуэйну Тревору и Томасу Донегану. На следующий день их сменили агенты Фрэнк Джонстон и Норвалл Уиллз; стенографистки же в номере 351 менялись каждые два часа. Признание Даша, малосвязное и полное несообразностей, заняло 254 машинописные страницы, напечатанные через один интервал. Среди сообщенной им важной информации были сведения о Каппе и его диверсионной школе. Он составил список объектов, указанных группам № 1 и № 2, дал описания всех членов и назвал имена и адреса людей в Соединенных Штатах, с которыми они могли пойти на контакт. Даш описал употребляемые в Германии продукты и нормы их выдачи, а также условия жизни и военную ситуацию. Он рассказал, что немецкие подводные лодки погружаются на глубину, недостижимую для глубинных бомб союзников, и выразил надежду, что за его содействие ему предоставят возможность участвовать в пропагандистских радиопередачах для немецкого народа.

Приблизительно в то время, когда Даш заканчивал свои признания в Вашингтоне, агенты ФБР в Нью-Йорке зашли в незапертую дверь номера Эрнеста Петера Бюргера в «Говернор Клинтон отеле» и арестовали его. Было явно видно, что он испытал скорее облегчение, чем удивление. А через час Генк и Квирин, вернувшиеся к себе в отель из кинотеатра, тоже обнаружили, что их ожидают агенты ФБР.

У Эдварда Керлинга, старшего в группе № 2, в Нью-Йорке жила жена. 22 июня он выехал из Цинциннати в сопровождении Тиля, чтобы увидеться с ней, а вечером следующего дня они были арестованы.

Тем временем Гаупт вернулся в свою комнату в старом родительском доме в Чикаго. Беззаботный и самоуверенный, он явился в отделение ФБР и осведомился о своем призывном статусе. «Все в порядке», — ответили ему. На самом деле, в порядке было уже не все. ФБР установило за ним

наблюдение, а через неделю, в ночь на 27 июня, задержало — после того, как он вывел агентов на Германа Нойбауэра, последнего из восьми диверсантов.

Через пять дней, 2 июля, президент Рузвельт назначил военную комиссию для слушания этого дела. Такой трибунал созывался в Соединенных Штатах впервые со времен убийства Авраама Линкольна в 1865 году и проходил в обстановке строжайшей секретности. Один за другим питомцы лейтенанта Каппе подходили к месту для дачи свидетельских показаний, особо напоирая на свою якобы давнюю неприязнь к гитлеровскому режиму. Бюргер рассказал о проблемах, которые у него возникли с гестапо, и напомнил комиссии о том, что его признание содержало очень важную для Соединенных Штатов информацию: подробные сведения о сообщниках, о принципах действия привезенных ими взрывных устройств, о характеристиках и устройстве подводной лодки U-202.

Подытоживая результаты судебного следствия в своем напутственном слове-резюме удаляющимся на совещание восьми офицерам, членам комиссии, главный военный прокурор с некоторой иронией заметил:

— Если принять версию защиты, джентльмены, то следует заключить, что обвиняемые прибыли сюда не как вредители, а как беженцы.

8 августа подсудимые услышали заключение комиссии: все они были признаны виновными в нарушении законов войны. Даша приговорили к 30 годам тюрьмы, Бюргера — к пожизненному заключению, а остальных — к смерти на электрическом стуле. Они были казнены в тот же день и похоронены в безымянных могилах в Вашингтоне. Эта новость быстро облетела газеты всего мира: меньше чем через два месяца после своей высадки на американский берег все предполагаемые диверсанты были выловлены и сурово наказаны!

Когда об этом узнал адмирал Дениц, он пришел в такую ярость из-за того, что его субмарины подвергались риску, участвуя в подобной аванюре, что потом несколько месяцев отказывался участвовать в акциях абвера, требовавших перевозок на подводных лодках.

ГОЛГОФА ЯКОВА ДЖУГАШВИЛИ

(Материал Б. Сопельняка)

Когда говорят о жертвах тоталитарного режима, то почему-то забывают, что Сталин был убийственно последователен: он уничтожал не только ни в чем не повинных, совершенно незнакомых ему людей, но и членов своей семьи. То ли застрелилась, то ли была убита его жена Надежда Аллилуева, затем были репрессированы все ее родственники. Покончив с Аллилуевыми, Сталин взялся за родственников по линии своей первой жены Екатерины Сванидзе — они тоже были уничтожены. Но одну из самых больших подлостей Сталин учинил по отношению к своему старшему сыну Якову. Всем известно, что старший лейтенант Джугашвили в июле 1941 года попал в плен, вел себя там достойно, а когда немцы предложили обменять его на фельдмаршала Паулюса, Сталин якобы произнес: «Солдата на фельдмаршала не меняю!», чем приговорил сына к смерти — в апреле 1943 года тот погиб в концлагере Заксенхаузен...

...16 июля 1941 года Яков Джугашвили попал в плен. В суматохе отступления из-под Витебска, где в окружение попали 16-я, 19-я и 20-я армии, командира 6-й батареи старшего лейтенанта Джугашвили хватились не сразу. А когда оказалось, что среди вырвавшихся из окружения его нет, генералы не на шутку испугались. В тот же день из Ставки пришла шифровка: «Жуков приказал немедленно выяснить и донести в штаб фронта, где находится командир батареи 14-го гаубичного полка 14-й танковой дивизии старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович».

Поиски, организованные специально созданной группой, ничего не дали. Нашли, правда, бойца, вместе с которым Джугашвили выходил из окружения. Красноармеец Лопуридзе сообщил, что еще 15 июля они переоделись в крестьянскую одежду и закопали свои документы. Потом Лопуридзе двинулся дальше, а Джугашвили присел отдохнуть. Немцев поблизости не было, и Лопуридзе не сомневался, что Джугашвили вышел к своим. Сообщение Лопуридзе вселило надежду, что Яков среди своих, и в Москву полетели успокаивающие телеграммы.

Но Москва уже знала, что искать Джугашвили надо не среди своих, а среди пленных, оказавшихся у немцев. 20 июля немецкое радио сообщило потрясшую кремлевские кабинеты новость: сын Сталина — пленник фельдмаршала фон Клюге. В тот же день эту новость продублировала

нацистская газета «Фелькишер беобахтер».

Допрашивали Якова майор Гольтерс и капитан Ройшле. Они задали ему сто пятьдесят вопросов, так что допрос продолжался не один час. Надо сказать, что немцы вели себя вполне корректно: на пленного не давили, а порой откровенно жалели и даже пытались, если так можно выразиться, хоть немного его просветить — как оказалось, Джугашвили почти ничего не знал об обстановке на фронтах. Но прежде всего надо было убедиться, тот ли это человек, за которого выдает себя пленный. Именно поэтому первым документом, который улетел в Берлин, было краткое донесение о пленении сына Сталина. К нему было приложено свидетельство, собственноручно подписанное Яковом Джугашвили.

«Я, нижеподписавшийся Яков Иосифович Джугашвили, родился 18 марта 1908 года в гор. Баку, грузин, являюсь старшим сыном Председателя Совнаркома СССР от первого брака с Екатериной Сванидзе, старший лейтенант 14 гаубично-артиллерийского полка (14 танковая дивизия). 16 июля 1941 года около Лиозно попал в немецкий плен и перед пленением уничтожил свои документы. Мой отец Иосиф Джугашвили носит также фамилию Сталин. Я заявляю настоящим, что указанные выше данные являются правдивыми».

Протокол допроса, который все эти годы хранился в личном архиве Сталина, настолько красноречив, что нельзя не привести хотя бы некоторые отрывки.

«— Разрешите узнать ваше имя?

— Яков.

— А фамилия?

— Джугашвили.

— Вы являетесь родственником Председателя Совета Народных Комиссаров?

— Я его старший сын.

— Как вы попали к нам?

— Я, то есть, собственно, не я, а остатки дивизии, мы были разбиты и окружены.

— Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?

— Недобровольно. Я был вынужден.

— Как обращались с вами наши солдаты?

— Ну только сапоги с меня сняли. В общем, я бы сказал, неплохо».

Затем шел довольно длинный разговор об отношении к немецким парашютистам, попавшим в советский плен, о том, что красноармейцы так боятся плена, что зачастую стреляются, что он сам только потому

переоделся в гражданскую одежду, что рассчитывал пробраться к своим. А потом у Якова спросили, в каком бою он впервые участвовал.

«...я забываю это место, у меня не было с собой карты. У нас вообще не было карт.

— У офицеров нет карт?!

— Все у нас делалось так безалаберно, так беспорядочно... И наши марши, и организация — все безалаберно.

— Как это следует понимать?

— Понимать это надо так: дивизия, в которую я был зачислен и которая считалась хорошей, в действительности оказалась совершенно неподготовленной к войне.

— А в чем причина плохой боеспособности армии?

— Благодаря немецким пикирующим бомбардировщикам, благодаря неумным действиям нашего командования, глупым действиям, можно сказать, идиотским, потому что части ставили под огонь, прямо под огонь.

— После того что вы теперь узнали о немецких солдатах, вы все еще думаете, что у вас имеются какие-либо шансы оказать силами Красной Армии такое сопротивление, которое изменило бы ход войны?

— Видите ли, у меня нет таких данных, так что я не могу сказать, имеются ли какие-либо предпосылки. И все же лично я думаю, что борьба еще будет.

— Известна ли вам позиция национал-социалистской Германии по отношению к еврейству? Знаете ли вы, что теперешнее красное правительство главным образом состоит из евреев? Выскажется ли когда-нибудь русский народ против евреев?

— Все это ерунда. Болтовня. Они не имеют никакого влияния. Напротив, я лично, если хотите, я сам смогу вам, сказать, что русский народ всегда питал ненависть к евреям.

— А почему ненавидят комиссаров и евреев в тех городах и селах, через которые мы прошли? Люди постоянно говорят: евреи — наше несчастье в красной России.

— Что я должен вам ответить? О комиссарах скажу позднее. О евреях же могу только сказать, что они не умеют работать, что евреи и цыгане одинаковы — они не хотят работать. Главное, с их точки зрения, это торговля. Некоторые евреи, живущие у нас, говорят, что в Германии им было бы лучше, потому что там разрешают торговать. Пусть и бьют, но зато разрешают торговать. Быть рабочим или крестьянином еврей у нас не хочет, поэтому их и не уважают... Слышали ли вы, что в Советском Союзе имеется Еврейская автономная область со столицей в Биробиджане? Так

вот, там не осталось ни одного еврея, и живут в Еврейской автономной области одни русские.

— Известно ли вам, что вторая жена вашего отца тоже еврейка?

— Нет, нет! Все это слухи. Чепуха.

— Что сказал отец напоследок, прощаясь с вами 22 июня?

— Иди, воюй!

— Женаты вы или еще холостяк?

— Да. Я женат.

— Есть ли у вас дети?

— Одна дочь. Ей три года. (На самом деле у него был и 5-летний сын Евгений, родившийся, правда, в так называемом гражданском браке. — Авт.)

— Не хотите ли вы, чтобы мы известили жену, что вы попали в плен?

— Не нужно... А впрочем, если хотите, то сообщайте. Мне все равно.

— Не думаете ли вы, что семья из-за этого пострадает? Разве это позор для солдата — попасть в плен?

— Мне стыдно! Мне стыдно перед отцом, что я остался жив.

— Но ведь не только перед отцом, но и перед женой!

— Жена — это безразлично.

— Убежит ли ваша жена из Москвы вместе с красным правительством? Возьмет ли ее ваш отец вместе с собой?

— Может быть, да. А может быть, нет».

Жуткий ответ... И, что самое главное, абсолютно правдивый. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к хорошо известным воспоминаниям Светланы Аллилуевой. Вот что она, в частности, пишет:

«Яша жил в Тбилиси довольно долго. Его воспитывала тетка, сестра его матери, Александра Семеновна. Потом юношей по настоянию своего дяди Алеши Сванидзе он приехал в Москву, чтобы учиться. Отец встретил его неприветливо, а мама старалась его опекать... Яша всегда чувствовал себя возле отца каким-то пасынком, но не возле моей мамы, которую он очень любил.

Первый брак принес ему трагедию. Отец не желал слышать о браке, не хотел ему помогать и вообще вел себя как самодур. Яша стрелялся у нас на кухне, рядом со своей маленькой комнаткой, ночью. Пуля прошла навылет, но он долго болел. Отец стал относиться к нему из-за этого еще хуже.

После этого Яша уехал в Ленинград и жил там в квартире у дедушки Сергея Яковлевича Аллилуева. Родилась девочка, но она вскоре умерла, а его брак распался...

В 1935 году Яша приехал в Москву и поступил в Военную

артиллерийскую академию. Примерно через год он женился на очень хорошенькой женщине, оставленной ее мужем. Юля была еврейкой, и это опять вызвало недовольство отца. Правда, в те годы он еще не высказывал свою ненависть к евреям так явно — это началось у него позже, после войны, но в душе он никогда не питал к ним симпатии. Но Яша был тверд... Он любил Юлю, любил дочь Галочку, родившуюся в 1938 году, был хорошим семьянином и не обращал внимания на недовольство отца...

Яша ушел на фронт на следующий же день после начала войны, и мы с ним простились по телефону. Их часть направили туда, где царила полнейшая неразбериха, — на запад Белоруссии, под Барановичи. Вскоре перестали поступать какие бы то ни было известия.

Юля с Галочкой оставались у нас. Неведомо, почему всех нас отослали в Сочи. В конце августа я говорила с отцом по телефону. Юля стояла рядом, не сводя глаз с моего лица. Я спросила его, почему нет известий от Яши, и он медленно и ясно произнес: “Яша попал в плен”. И, прежде чем я успела открыть рот, добавил: “Не говори ничего его жене пока что...”

Но отцом руководили совсем не гуманные соображения по отношению к Юле: у него зародилась мысль, что этот плен неспроста, что Яшу кто-то умышленно “выдал” и “подвел”, и не причастна ли к этому Юля... Когда мы вернулись к сентябрю в Москву, он мне сказал: “Яшина девочка пусть останется пока у тебя... А жена его, по-видимому, нечестный человек, надо будет разобраться”.

Юля была арестована в Москве осенью 1941 года и пробыла в тюрьме до весны 1943 года, когда “выяснилось”, что она не имела никакого отношения к этому несчастью и когда поведение самого Яши в плену наконец-то убедило отца, что он не собирался сам сдаваться в плен...

Зимой 1943/44 года, уже после Сталинграда, отец вдруг сказал мне в одну из редких наших встреч: “Немцы предлагали обменять Яшу на кого-нибудь из своих. Стану я с ними торговаться! Нет, на войне — как на войне”...

А недавно я видела во французском журнале статью шотландского офицера, якобы очевидца гибели Яши. К статьям подобного рода надо относиться осторожно — на Западе слишком много всяких фальшивок о “частной жизни” моего отца и членов его семьи. Но в этой статье похожи на правду две вещи: фото Яши, худого, изможденного, в солдатской шинели, безусловно, не подделка; и тот приведенный автором факт, что отец тогда ответил отрицательно на официальный запрос корреспондентов о том, находится ли в плену его сын.

Это значит, что он сделал вид, что не знает этого, и тем самым бросил

Яшу на произвол судьбы. Это весьма похоже на отца — отказываться от своих, забывать их, как будто их не было...»

Очень важное и очень точное наблюдение о психологии своего отца огласила Светлана Аллилуева: Сталин делал вид, что не знает о том или ином факте. Бывало и так, что он вроде бы спохватился, наказывал тех, кто его «своевременно не информировал», и исправлял положение. Но чаще всего в своей кажущейся слепоте и глухоте, как я уже говорил, он был убийственно последователен — причем в самом прямом смысле этого слова. Применительно к Якову это проявилось наиболее ярко. Можно было не верить немецким листовкам с портретами старшего лейтенанта Джугашвили, можно было объявить фальшивками сообщения в газетах, но ведь в конце июля в руки Сталина попала подлинная записка, написанная рукой Якова. Самое удивительное: она сохранилась и до сегодняшнего дня лежала в личном архиве Сталина. Вот ее аутентичный текст. «19.7.41. Дорогой отец! Я в плену. Здоров. Скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германию. Обращение хорошее. Желаю здоровья. Привет всем. Яша».

...Изучив протоколы допросов, фашистское руководство потребовало доставить пленника в Берлин. Сперва его поместили в Просткенский лагерь для военнопленных, где он находился под бдительным оком немецких спецслужб. Многочисленные допросы и «беседы по душам» ничего не давали: Джугашвили замкнулся. Стал угрюмым и молчаливым. Причины у него для этого, конечно, были: в очередной раз Якова подвела его доверчивость. Он достаточно откровенно отвечал на вопросы Ройшле, а тот, оказывается, спрятал под скатертью микрофон, записал всю их беседу, а потом так хитро смонтировал запись, что Яков предстал неистовым обличителем сталинского режима. Эту пленку крутили на передовой, и его голос слышали советские солдаты, а прямо на их головы немецкие самолеты сбрасывали листовки с призывом сдаваться в плен, следуя совету сына Сталина, «потому что всякое сопротивление германской армии бесполезно». Чтобы не было сомнений, что в их руках действительно сын Сталина, немцы сделали серию фотографий Джугашвили в окружении германских офицеров — и тоже сбросили на передовой.

Пропагандистская акция была в разгаре, а Джугашвили молчал. Немцев это не устраивало, и Якова передали гестаповцам, которые немедленно перевезли его в свою Центральную тюрьму. И снова допросы, расспросы, пытки семейных и военных тайн... Есть сведения, что Якова не только допрашивали, но и пытали. В материалах дела есть неподтвержденная информация, что Яков дважды пытался вскрыть себе

вены. Наконец, видимо, поняв, что сломить Якова не удастся, гестаповцы переводят его в Хаммельсбургский лагерь для военнопленных. Но в конце апреля 1942 года последовал неожиданный приказ снова перевести его в Центральную тюрьму гестапо. А в феврале 1943 года по личному указанию Гиммлера Якова отправляют в печально известный концлагерь Заксенхаузен.

Первое время он находился в лагерной тюрьме, затем был переведен в режимный барак зондерлагеря «А». Эта особая зона была отделена от основного лагеря высокой кирпичной стеной и опоясана колючей проволокой, по которой проходил ток высокого напряжения. Охрану несли эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова».

В папках «Смерша» сохранились показания арестованного после войны коменданта лагеря штандартенфюрера СС Кайндля. Вот что он, в частности, рассказал:

«В концлагерь Яков Джугашвили был доставлен из V отдела имперской безопасности Германии доктором Шульце. Часто из Берлина приезжал навещать военнопленного другой гестаповец — криминальный комиссар имперской безопасности Штрук. О том, что судьбой Джугашвили был заинтересован лично Гиммлер, было известно многим. Видимо, он хотел использовать сына Сталина в случае сепаратных переговоров с СССР или для обмена захваченных в русский плен видных нацистов».

Не исключено, что с этой же целью в соседней с Яковым комнате содержался племянник Молотова Василий Кокорин (как выяснилось позже, этот самозванец лишь выдавал себя за племянника Молотова. — Авт.), а в других комнатах жили племянник Черчилля Томас Кучинн, сын премьер-министра Франции капитан Блюм и другие знатные пленники. Чтобы спровоцировать конфликт между русскими и англичанами, администрация лагеря вменила в обязанность англичанам ежедневно мыть комнаты и чистить туалеты русских. Идея была такова: англичане возмутятся, затеют драку, во время которой убьют Кокорина и Джугашвили. Геббельсовские газеты поднимут шумиху, обвиняя во всем племянника Черчилля. Сталин и Молотов, само собой, возмутятся и разорвут отношения между СССР и Англией... Как ни нелепо выглядит эта затея, но перед угрозой открытия второго фронта немцы были готовы на все. Подтверждает это в своих показаниях и Кокорин, уверяя, что Яков принял решение ценой собственной жизни не допустить конфликта между союзниками и склонял к этому «племянника Молотова».

И вот наступило 14 апреля 1943 года. Незадолго до этого между англичанами и русскими произошла ссора из-за подарочных сигарет, но

ожидаемого немцами эффекта не было. Сломали Якова не немцы и даже не англичане, а... собственный отец. Вот что написал об этом много лет спустя Томас Кучинн:

«Имевшая место ссора из-за подарочных сигарет произошла не в день гибели Джугашвили, а днем раньше. Случай, побудивший сына Сталина искать смерти, имел совсем другую причину.

Однажды я увидел Джугашвили очень бледным, пристально уставившим свой взгляд в стену, на которой висел громкоговоритель. Я поздоровался с Яковом, но он не отреагировал на мое приветствие. В тот день Джугашвили не брился и не умывался, как обычно, и его жестяная миска с супом перед дверью комнаты оставалась нетронутой.

Кокорин пытался на жалком немецком языке объяснить мне причину столь удрученного состояния Якова. Насколько я понял, речь шла об очередной пропагандистской передаче берлинского радио, в которой говорилось о русских военнопленных в Германии и, в частности, о заявлении Сталина, что “у Гитлера нет русских военнопленных, а есть лишь русские изменники, с которыми расправятся, как только окончится война”. Далее Сталин опроверг утверждение немцев о том, что его сын Яков попал в немецкий плен. “У меня нет никакого сына Якова”, — заявил он.

После этой передачи сын Сталина стал подавленным, чувствовал себя отверженным, похожим на человека, ощущающего на себе какую-то вину. Ему казалось, что его также следует причислить к категории изменников. На мой взгляд, именно в этот день Джугашвили принял твердое решение покончить счеты с жизнью.

Я находился в бараке, когда вдруг раздался выстрел. Я выбежал и увидел Джугашвили, висящим на проволоке мертвым. Его кожа во многих местах была обгорелой и черной. Я не думаю, что сын Сталина был застрелен часовым. Скорее всего, он погиб от соприкосновения с проволокой, которая была под высоким напряжением».

О чрезвычайном происшествии комендант лагеря тут же сообщил в Берлин. Немедленно была создана Особая следственная комиссия, командировавшая в Заксенхаузен судмедэкспертов. В своем докладе на имя Гимmlера они констатировали, что смерть Джугашвили наступила не от пулевого ранения, а от поражения током высокого напряжения. Выстрел часового прозвучал уже после того, как Джугашвили схватился за проволоку. Вывод: Яков Джугашвили покончил жизнь самоубийством.

Пока эксперты занимались своим делом, Шульце допрашивал Конрада Харфига, того самого часового, который произвел роковой выстрел. Вот

что он, в частности, показал:

«14 апреля 1943 года, около 20.00 я заступил на пост. Все пленные, кроме Якова Джугашвили, были уже в бараке, лишь один он продолжал лежать у барака и бить веткой по земле. Я обратил внимание на то, что он был очень взволнован. Когда в 20.00 начальник караула пришел с ключами, чтобы запереть пленных в бараках, а я отправился запереть дверь в проволочном заборе, отделяющем бараки, Яков Джугашвили все еще продолжал лежать у барака. Я потребовал, чтобы он поднялся и вошел в барак, на что он мне ответил: “Нет, делайте со мной что хотите, но я в барак не пойду. Я хочу поговорить с комендантом”.

Начальник караула унтершарфюрер Юнглинг направился к сторожевой башне, чтобы поговорить по телефону с комендантом лагеря, но едва он ушел, как Яков Джугашвили, пройдя мимо меня, внезапно стремительно бросился к наземной проволочной сети-“спотыкачу”, преодолел ее и крикнул мне: “Часовой, стреляй!” На это я ему ответил: “Вы не в своем уме, выйдите из-за проволоки, идите в барак, идите спать, завтра все уладится!” На это он мне ответил: “Немецкий часовой — трус. Русский часовой тотчас бы выстрелил!”

Я подумал про себя: дам ему возможность одуматься, прийти в себя. Я прошел метров сорок и, обернувшись назад, увидел, что он обеими руками ухватился за проволоку, находившуюся под высоким напряжением. После этого мне пришлось, согласно уставу, применить оружие. С расстояния примерно 6–7 метров я прицелился ему в голову и нажал на спусковой крючок. Я попал в него. Сразу после выстрела он разжал руки, откинулся всем телом назад и остался висеть на проволоке головой вниз».

Унтершарфюрер Юнглинг был более краток, но и более категоричен. «Это была не попытка к бегству, а акт отчаяния человека, готового на все, находившегося вне себя», — заявил он много лет спустя. А тогда, в апреле 1943-го, труп Якова Джугашвили был кремирован. Урну с прахом увезли в Берлин, в Главное управление имперской безопасности. Куда она делась дальше, никто не знает...

ФИЛАДЕЛЬФИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ПРОЕКТ «МОНТАУК»: ЗАГОВОР ИЛИ ЛЕГЕНДА?

Весной 1943 года Вторая мировая война достигла критической точки. Союзники продвигались вперед на всех фронтах, и на горизонте уже маячила окончательная победа, хотя до нее еще оставались годы борьбы и страданий, и все еще сохранялась угроза того, что какое-нибудь эффективное изобретение немцев придаст происходящему неожиданное направление. Поэтому американские ученые работали над проектами, которые могли бы дать союзникам преимущество в войне. Проект «Манхэттен» был одним из них, и его развитие привело через два года к началу атомной эры. Но он был не единственным...

Некоторые источники — правда, ничем не подтвержденные — указывают на существование другого, сверхсекретного проекта «Радуга», который был посвящен разработке устройства, позволяющего кораблям оставаться невидимыми для радаров. Этот проект вылился в серию экспериментов на борту эсминца DE-173, более известного под именем «Элдридж», которые проводились в порту Филадельфии с августа по октябрь 1943 года. Результаты последнего из череды опытов превзошли все ожидания. По версии, которую отстаивают некоторые предполагаемые очевидцы событий, судно вдруг обволокла туча зеленовато-голубого цвета, и оно мало-помалу стало делаться прозрачным, пока не исчезло вовсе. Голоса моряков казались какими-то призрачными, спорящими посреди пустоты. На присутствие корабля указывали только волны, разбивавшиеся о его невидимый корпус. Мгновение спустя и эти последние следы присутствия эсминца пропали. Еще через несколько минут все повторилось в обратной последовательности: «Элдридж» начал материализоваться заново над спокойной водой залива и оказался неповрежденным, чего нельзя сказать об экипаже. Многие моряки погибли, другие бесследно исчезли, а те, что остались живы и по-прежнему находились на палубе, либо были серьезно ранены, либо потеряли рассудок. Через некоторое время выяснилось, что в эти трагические минуты исчезновения судно видели в порту Норфолка, за сотни километров к югу от Филадельфии. Итак, корабль не только сделался невидимым, но и был телепортирован!

Такова легенда.

До 1956 года, когда некий Карлос Альенде прислал астроному Моррису Джессапу письмо, в котором описывал это происшествие, уверяя, что сам был всему свидетелем, находясь на борту судна «Эндрю Фьюрсет», все упоминания о так называемом Филадельфийском эксперименте были окружены ореолом загадочности и неясности. ВВС США отрицали, что подобные эксперименты проводились, и даже такие видные исследователи паранормальных явлений, как Жак Балле, Джером Кларк и Джон Кил, считали, что вся эта история — утка. Но другие, такие как Чарлз Берлиц и Уильям Мур, авторы книги «Филадельфийский эксперимент», придерживались мнения о правдоподобности этого происшествия.

Однако никаких доказательств временного исчезновения «Элдриджа» и вообще правдоподобности всей истории не существует, кроме фотокопии вырезки из газеты, на которой не указана ни дата, ни само название издания. Там появилась краткая заметка о странном случае в одном баре, где моряки затеяли драку и вдруг некоторые из них исчезли, словно растворившись в воздухе, — в этом виделись последствия эксперимента. Также существует свидетельство одного ученого, у которого взял интервью Уильям Мур и который уверял, что принимал участие в эксперименте. И наконец, есть сомнительный рассказ самого Карлоса Альенде, или Карла Аллена, полный противоречий и несообразностей.

Точно известно, что Альенде был моряком на судне «Эндрю Фьюрсет» во время предполагаемого исчезновения, и даже возможно, что его судно находилось вблизи от «Элдриджа» в августе и ноябре 1943 года, но впоследствии ни один из членов экипажа «Эндрю Фьюрсета» или же самого эсминца не подтверждал его рассказа. Потребовалось несколько десятков лет, прежде чем появилась целая группа странных персонажей, утверждавших, что они принимали участие в эксперименте. Все они уверяли, что их истории совершенно подлинные и непридуманные, несмотря на то что кажутся сошедшими со страниц какого-нибудь фантастического рассказа. Детонатором послужил выход в 1984 году фильма «Филадельфийский эксперимент», в котором эсминец не только становится невидимым и исчезает, но и путешествует на сорок лет в будущее. Этот невероятный сюжет привел к появлению таких странных персонажей, как Альфред Билек, инженер-электронщик на пенсии, который заявил, что после просмотра фильма к нему «вернулась потерянная память» и он осознал, что сам был героем одиссеи «Элдриджа».

Билек воспользовался подвернувшейся возможностью: провел многочисленные пресс-конференции и даже опубликовал вместе с Брэдом

Стайгером книгу «Эксперимент в Филадельфии и другие заговоры НЛО», в которой и поведал свою невероятную историю. В ней рассказывается, что при рождении он получил имя Эдвард Камерон и вместе со своим братом Дунканом принял участие в решающем эксперименте на борту «Элдриджа» 12 августа 1943 года. Проект якобы был направлен на достижение невидимости корабля, и его первым руководителем был сам Никола Тесла, которого после его смерти в январе 1943 года заменил Джон фон Нейманн, изобретатель, некоторое время спустя создавший первые компьютеры. Другими учеными, связанными с проектом, были Томас Таусенд Браун и математик Генри Левинсон.

По словам Билека, 20 июля 1943 года был проведен первый опыт, во время которого судно исчезло на 20 минут, что повлекло за собой значительные проблемы с физическим и душевным здоровьем экипажа. Несмотря на это, исследования продолжались. 12 августа того же года осуществили новый эксперимент, в результате которого судно оставалось невидимым для радаров в течение 67 секунд, а затем внезапно вовсе исчезло в голубоватой вспышке. Через три часа оно вернулось на место, но со значительными изменениями. Большая часть судовой команды пропала без вести, другие погибли, некоторые буквально «впаялись в структуру корабля», а немногие избежавшие всего этого потеряли рассудок. Во время своего отсутствия судно и экипаж переместились не только в пространстве, но и во времени и оказались в 1983 году на базе Монтаук (Лонг-Айленд), куда их забросило пространственно-временным вихрем.

Логика подсказывает, что вся эта история — чистый бред, но за этим откровением последовала целая серия подобных — от людей, тоже якобы участвовавших в эксперименте и, как Билек, «потерявших на время» память. В своем дальнейшем рассказе Билек упоминает многочисленные путешествия во времени, встречи с инопланетными существами, которые поначалу намеревались его уничтожить, но так как его молекулярная структура оказалась связанной с двумя темпоральными дырами 1943 и 1983 годов, то они ограничились тем, что с помощью своей внеземной техники отправили его в 1927 год в виде 6-месячного младенца, заменившего семейству Билек их погибшего ребенка...

Его брат Дункан, по рассказу того же Билека, стал жертвой некой темпоральной травмы после своих путешествий во времени и начал стареть со скоростью один год за один час. Через три дня после этого он умер, но его жизненная сущность была перемещена в тело другого отпрыска семьи Билек, родившегося в 1951 году, тоже благодаря загадочной внеземной технологии. Через несколько лет к нему вернулась

память и он стал существенной частью так называемого эксперимента «Монтаук» уже под именем Дункана Камерона. Третьего персонажа звали Дрю, и он тоже участвовал в эксперименте и путешествиях во времени, которые последовали за этим, но потом оказался в ином теле, используя другую инопланетную технологию, посредством которой было осуществлено то, что он назвал «перемещением памяти ДНК из одного тела в другое».

Дрю утверждает, что после опыта с «Элдриджем» выжил только 21 человек из 181, 40 погибли, а 120 остальных членов экипажа исчезли, но это не послужило препятствием для продолжения исследований, предметом которых теперь стали путешествия во времени и даже переписывание истории. К этой группе свидетелей присоединился и еще один странный персонаж — Престон Б. Николс, инженер-электронщик, который вместе с Питером Муном опубликовал книгу «Эксперимент “Монтаук”». Николс тоже обрел свою якобы утерянную память и обнаружил, что с 1970 по 1983 год он являлся помощником директора, возглавлявшего проведение проекта «Монтаук». Если и есть что-то подлинное в этих рассказах, то, очевидно, оно скрывается за целым лесом невероятных вещей. А что если речь идет о специальном маневре, призванном отвлечь внимание людей, дезинформировать и скрыть, что же в действительности произошло с «Элдриджем»?

Посмотрим еще раз, что нам предлагается. Сперва некий эксперимент, осуществленный в 1943 году. Его целью якобы было добиться невидимости — по крайней мере, для радаров — военного судна, и он основывался на работах Теслы и его «генераторе нулевого времени», разработанном в 1920-х годах. Эксперимент повлек за собой путешествие во времени, благодаря которому «Элдридж» оказался в 1983 году, и во многих других временах, некоторые из которых принадлежали столь далекому будущему, как 3543 год, а другие были настолько близки к нашему времени, как 1997-й. Ко всей этой темпоральной одиссее прибавляется эксперимент «Монтаук», который якобы проводился с 1970-х годов в качестве продолжения проекта «Феникс», возглавляемого фон Нейманном. Проект «Монтаук» начался, по словам Престона Николса, как программа контроля массового сознания. С передающей антенны на военной базе испускались серии волн частотой от 400 до 425 мегагерц, предположительно на той же волне, которую излучает человеческий мозг. В ходе проекта был найден способ расширения человеческих возможностей, что позволило некоторым людям, обладающим сверхчувствительностью, таким как Дункан Камерон, добиться еще большего увеличения своего дара. Эти расширенные

способности служили для «искривления самого времени» и открытия своеобразных временных ворот. Эти темпоральные двери использовались для путешествий в различные моменты истории и даже для ее изменения.

Что происходит за изменением прошлого? В нашем настоящем — ничего, однако создается новая темпоральная линия, наравне с нашей, только измененная. Предлагается такой способ разрешения парадокса, который всегда сопровождает теоретические дискуссии о возможностях путешествий во времени: что произойдете человеком, который отправится в прошлое и там убьет своего отца еще до того, как тот зачнет его самого? Ответ Николса: ничего в его собственной жизни не изменится, и он даже сможет ходить в гости к своему отцу в своем настоящем, но его действия породят параллельную вселенную, в которой он сам никогда не рождался.

Престон Николс начал свое личное странствие, по крайней мере по его собственным словам, когда обнаружил странные сигналы, доходящие по радио с базы ВВС Монтаук. Его смущение только выросло, когда он сам приехал в Монтаук и был опознан многими людьми, как их сотрудник в недавнем прошлом. Однако сам Николс был уверен, что никогда не работал в Монтауке. После этого его память начала восстанавливаться, и он вдруг с удивлением понял, что побывал в двух разных темпоральных линиях: в одной из них он действительно работал на базе Монтаук, а в другой — в совсем ином месте.

В 1985 году Николс познакомился с Дунканом Камероном, который, прибыв в Монтаук, также вспомнил, что он когда-то работал здесь в числе экстрасенсов — «путешественников во времени» и что он вместе со своим братом Эдвардом входил в состав экипажа «Элдриджа» и участвовал в Филадельфийском эксперименте. Финальный акт драмы наступил 12 августа 1983 года, когда в полную силу заработала темпоральная дверь. По рассказам обоих, ситуация вышла из-под контроля, и те, кто работал над проектом, решили прервать опыт, для чего Дункан Камерон создал какую-то тварь в собственном подсознании, а она, материализовавшись, разрушила некие странные кристаллы, обеспечивающие энергией так называемое «кресло Монтаук» — устройство в виде гигантского излучателя.

Филадельфийский эксперимент — это пример истории, которая просто отказывается умереть. Между тем военно-морской исторический архив США опубликовал доклад, в котором пункт за пунктом развенчивались все утверждения по поводу эксперимента, начиная от невозможности его проведения в указанное время (если иметь в виду, когда судно было спущено на воду и когда оно было передано в ведение ВВС) до

утверждений о несуществовании когда-либо проекта «Радуга» (хотя это имя и использовалось в качестве кода для обозначения стран оси Рим—Берлин—Токио) и вплоть до напоминаний о том, что теория единого поля, на которой якобы базировался эксперимент, до сих пор не создана. В руководстве ВВС также высказали предположение, что легенда об эксперименте была основана на ошибочном толковании работ по демагнитации военных кораблей, с целью сделать их «невидимыми» для магнитных мин и торпед противника. Таким образом, корабли действительно становились невидимыми — но лишь для магнитных детекторов, а не для человеческих глаз или радаров. С другой стороны, бюро военно-морских исследований ВВС США указало на другой возможный источник — некоторые эксперименты 1950-х годов, во время которых на один корабль поставили генератор высокой частоты — 1000 герц вместо обычных 400. Этот генератор привел к выбросу разрядов в виде короны, хорошо известному явлению, которое не нанесло экипажу никакого ущерба, но могло произвести сильное впечатление на несведущего наблюдателя. Таково было официальное заключение по делу Филадельфийского эксперимента. Однако всегда найдется кто-нибудь, кто не поверит официальным заключениям и заявит, что это только уловка, призванная скрыть некие события, реально происходившие более 60 лет назад.

РУЗВЕЛЬТ «ЗАКАЗАЛ» ГЛЕНА МИЛЛЕРА?

(Материал С. Манукова)

Ночью 15 декабря 1944 года легкий одномоторный самолет «Норсмен ЮС-64» поднялся в воздух с авиабазы Твинвуд Фарм на юго-востоке Англии и взял курс на Париж. Помимо пилота в самолете находился самый популярный музыкант Америки 30–40-х годов Глен Миллер. Через две минуты после взлета «Норсмен» скрылся в тумане. Больше ни самолет, ни Миллера никто не видел...

Версий гибели Глена Миллера было немало. Наибольшее распространение получила та, по которой самолет сбили немцы. Они якобы бросили Миллера в тюрьму и замучили его там до смерти. Рой Несбит, известный историк авиации, в свою очередь, уверен, что музыкант стал случайной жертвой британской авиации.

Новую сенсационную версию гибели «короля Солнечной долины» выдвинул в своем новом бестселлере «Бефордский треугольник» британский писатель Мартин Боуман. На основании рассекреченной недавно информации и показаний свидетелей Мартин Боуман утверждает, что Глена Миллера убили сотрудники американских спецслужб.

Слухи о бисексуальности Миллера ходили давно, но так и не были доказаны. Поговаривали, что тот любил не только женщин, но и мужчин. В силу своей не совсем традиционной сексуальной ориентации Миллеру стало известно, что руководство американской разведки в Великобритании состоит чуть ли не поголовно из «голубых», которые в свободное от основной работы время совращают подчиненных. Музыкант пригрозил раскрыть неблагоприятную деятельность высокопоставленных разведчиков.

Военное командование решило Миллера убрать. Приказ на устранение такого известного человека мог поступить только с самого верха, по мнению Боумана — от самого президента Франклина Рузвельта.

Глен Миллер предчувствовал свою смерть. Знакомые обратили внимание на то, что обычно словоохотливый и веселый музыкант вскоре после приезда в Европу стал подавленным и раздражительным. Джеральдо, один из музыкантов его оркестра и близкий друг, считал, что Глен находится на грани нервного срыва. Миллер не раз говорил ему, что не

сомневается в возвращении оркестра в Америку, но... без него.

Мартин Боуман утверждает, что самолет «Норсмен ЮС-64» действительно упал в Ла-Манш, но ни Глена Миллера, ни пилота Джеймса Норвуда в нем не было. Боуману удалось встретиться с Норвудом, которого спецслужбы в декабре 1944 года вывезли в Америку, дали новое имя и велели держать язык за зубами. Норвуд не знает, кто находился в том самолете, но уверен, что УСС подстроило катастрофу, чтобы скрыть настоящую смерть известного музыканта.

В ночь с 15 на 16 декабря 1944 года, когда Глен Миллер якобы летел в Париж, его видели в одном из баров на площади Пигаль. Хозяйка одного из парижских борделей сообщила Боуману, что ее клиент, капитан военной полиции, рассказал ей, что Миллера убили в том баре секретные агенты. Ему или выстрелили в голову, или проломили череп.

ДИСКОЛЕТ ИЗ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

(Материал С. Зигуненко)

Попалась мне недавно на глаза любопытная рукопись. Ее автор долгое время работал за границей. В одной из стран Латинской Америки ему довелось познакомиться с бывшим узником лагеря КП-А4, располагавшегося под Пенемюнде, где, как известно, в годы Второй мировой войны находился полигон ракетной и прочей секретнейшей техники Третьего рейха. Для работы на нем начальник полигона генерал-майор Дерибергер стал привлекать заключенных, особенно после того как совершила налет союзническая авиация и кому-то нужно было разбирать завалы.

В сентябре 1943 года узнику довелось стать свидетелем следующего любопытного случая. «Наша бригада заканчивала разборку разбитой бомбами железобетонной стены, — рассказывал он. — В обеденный перерыв вся бригада была увезена охраной, а я остался, поскольку во время работы вывихнул ногу. Разными манипуляциями мне в конце концов удалось вправить сустав, но на обед я опоздал, машина уже уехала. И вот я сижу на развалинах, вижу: на бетонную площадку возле одного из ангаров четверо рабочих выкатили аппарат, имевший в центре каплеобразную кабину и похожий на перевернутый тазик с маленькими надувными колесами».

Невысокий грузный человек, судя по всему, руководивший испытанием, взмахнул рукой. Станный аппарат, отливавший на солнце серебристым металлом, издал шипящий звук, похожий на работу паяльной лампы, и оторвался от бетонной площадки. Летел он как-то неустойчиво, покачиваясь. И когда налетел особенно сильный порыв ветра с Балтики, аппарат вдруг перевернулся, стал терять высоту. Через секунду он ударился о землю, раздался хруст ломающихся деталей, обломки обшивки занялись голубым пламенем. Обнажился шипящий реактивный двигатель, и тут же грохнуло — видимо, взорвался бак с горючим...

Так завершился один из этапов испытания аппарата вертикального взлета дисковидной формы. Первый вариант его был разработан немецкими инженерами Шривером и Габермодем в феврале 1941 года на аэродроме близ Праги, сообщает специально занимавшийся исследованием этой истории инженер Юрий Строганов. По конструкции

он напоминал лежащее велосипедное колесо. Ступицей служила пилотская кабина, спицами — регулируемые лопасти, типа вертолетных, для прочности заключенные в обод. Изменяя угол атаки этих лопастей, можно было заставить аппарат либо взлетать и садиться вертикально, либо лететь горизонтально в любом направлении.

Так все выглядело в идеале. Однако на практике вскорости выяснилось, что малейший дисбаланс всего «колеса» приводил к жутким вибрациям и тряске машины. Не лучше вел себя и усовершенствованный вариант, отличавшийся от первого размерами, мощностью двигателей и т.д. И хотя конструкторы в случае удачи обещали достичь скорости 1200 км/ч, данные разработки так и остались аэродромной экзотикой.

Накопленный опыт, по всей вероятности, был использован в конструкции австрийского изобретателя Виктора Шаубергера. Машина, имевшая кодовое название «Диск Белонце», представляла собой «летающую тарелку», по периметру которой располагалось 12 наклонно стоявших реактивных двигателей. Однако они вроде бы даже не создавали основную подъемную силу, а служили лишь для маневрирования. А вот посередине платформы стоял «бездымный и беспламенный» двигатель, принцип действия которого «основывался на взрыве, а при работе он потреблял лишь воду и воздух». Он-то и поднимал машину в небо.

Прототип не этого ли летательного аппарата видел бывший узник лагеря КЦ-А4? Судить наверняка об этом трудно, поскольку не совпадают некоторые факты. Известно, например, что два варианта «диска» имели диаметр соответственно 39 и 68 м, а это много больше, чем у того аппарата. Впрочем, прототип мог быть и гораздо меньших размеров. Тем более что видел его узник в 1943 году, а по другим источникам свой первый и последний полет «Диск Белонце» совершил в феврале 1945 года. Говорят, за три минуты он достиг высоты 15 км и развил скорость 2200 км/ч — блестящие результаты, если учесть, что садился и взлетал аппарат вертикально, мог зависать в воздухе и лететь в любом направлении, не разворачиваясь.

Однако война уже подходила к концу, внести какие-то изменения в ее ход новинка уже не могла и вскорости была уничтожена. Ее создатель благополучно бежал в США и в 1958 году писал в одном из своих писем: «...Я уже после войны слышал, что идет интенсивное развитие дискообразных летательных аппаратов, но, несмотря на прошедшее время и уйму захваченной в Германии документации, страны, ведущие разработки, не создали хотя бы что-то похожее на мою модель, взорванную по приказу Кейтеля...»

Сам Шаубергер тоже не возобновил свою конструкцию, хотя американцы сулили ему за это многое. Почему? Согласно одной версии, он отвечал на все предложения, что до подписания международного соглашения о полном разоружении нельзя обнародовать его открытие — оно принадлежит будущему.

Честно сказать, «свежо предание, а верится с трудом». Вспомните хотя бы, как развернулся в США Вернер фон Браун, на ракетах которого американцы в конце концов слетали на Луну. Вряд ли устоял бы перед искусом и Шаубергер, если бы мог показать товар лицом. Но, похоже, показывать ему было нечего. По той простой причине, что скорее всего он не владел всей полнотой информации. Большинство же его помощников, первоклассных специалистов, нашли свой конец в концлагерях.

ГОРДОСТЬ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Герой Советского Союза Николай Кузнецов вошел в историю тайных операций как удачливый разведчик и хладнокровный террорист. Сын уральских крестьян с прусской внешностью — ему так шли офицерские роли! — немецкий он знал со школы, но лучшими его учителями оказались немцы, оставшиеся на Урале после плена, в который их забросила Первая мировая война. «Свой парень» среди немцев не мог быть не замечен чекистами. Ему предложили сотрудничать с НКВД. И он принял это предложение. Первое поручение — информировать о «настроениях» немецких колонистов. Первая оперативная кличка — Колонист.

Потом на Уралмаше среди заводских немцев он тоже стал своим. У немецких инженеров, налаживавших технологию и технику, он учился говорить на баварском, прусском, саксонском диалектах, болтал с ними обо всем. Они привязались к нему. А он и здесь действовал «по линии НКВД». Пожелтевшие страницы архивных документов говорят об этом так: «...с 1938 года выполняет особые задания по обеспечению государственной безопасности».

Москве требовались новые люди. Управление контрразведки НКВД озадачило местные органы: ищите молодых, знающих немецкий и способных к чекистской работе. Из Свердловска ответили: есть такой человек.

В Москве Кузнецов оказался под началом майора Рясного из отдела контрразведки центрального аппарата НКВД. Отдел тот занимался слежкой за зарубежными посольствами. Конечно, в первую очередь искали подходы к немецким дипломатам. Чем увлекались иностранные дипломаты в Москве в конце 1930-х годов? Бизнесом на антиквариате, золоте, часах, фотоаппаратах. А еще театром и женщинами. Вот в этих сферах и должен был работать Кузнецов: искать встреч, завязывать знакомства.

— Давай-ка я тебя сделаю летчиком, — решил Рясной.

Форма лейтенанта ВВС Красной армии преобразила Кузнецова. Привлекательный от природы, он приобрел рекламный шик. Блестящие сапоги, крылья на фуражке и гимнастерке, отливавшие золотом, притягивали взгляды. Он быстро освоился в Москве и скоро стал завсегдатаем театров и торговых точек. Чаще всего появлялся в ювелирном магазине в Столешниковом переулке. Там, на ниве бизнеса, он и сошелся с

секретарем словацкого посольства. Тот таскал на продажу часы. Кузнецов их реализовывал — для НКВД, правда. Бизнес закончился согласием дипломата помочь информацией и шифрами.

Кузнецов преуспел и во второй части плана Рязного. Прима-балерина Большого театра учила его понимать балет, давала уроки обхождения с женским полом, вводила в мир театральных страстей, тайн и интересов. Из московских театров, из ювелирных и комиссионных магазинов он нес адреса и приглашения дам. Ну как можно отказать обаятельному «лейтенанту», да еще столь щедрому на подарки! Приятно поражали милые женскому сердцу красные гвоздики, духи «Красная Москва», легкомысленные шляпки, дорогие чулки. А потом — ужин в ресторане (благо позволяла коммерческая предприимчивость), где за столом оказывались рядом московские актрисы и иностранные дипломаты. Сияющий Кузнецов провозглашал тосты, пенилось шампанское, текли деньги, текла информация...

Однажды агентурные донесения Кузнецова прочел комиссар госбезопасности Ильин — начальник 3-го отдела политического управления НКВД, занимавшегося слежкой за творческой интеллигенцией. Этот генерал с вкрадчивыми профессорскими манерами был вхож в писательские круги, дружил с Алексеем Толстым, известными музыкантами и композиторами. В политическом сыске, считал Ильин, важно определить ту социально-профессиональную группу, которая концентрирует информацию и ускоряет ее, через которую наиболее интенсивно бегут информационные волны. В 1930-е годы наиболее информационно насыщенной группой, в контакте с которой находились партийные вожди, наркомы, военные, советские и иностранные дипломаты, была богема: писатели, поэты, музыканты, актеры и прежде всего актрисы. В этом хмельном брожении чувств и страстей вертелась информация и обнажались «настроения». Нужен был определенный талант, чтобы улавливать и впитывать эти информационные потоки. Таким талантом обладал Кузнецов, и Ильин это понял. Но кроме таланта стукача тут требовался и талант человека, которому можно довериться. И здесь Кузнецов не имел себе равных. Ильин с первой встречи ощутил эти кузнецовские способности.

Москва конца 1930-х годов — хозяйственная, партийная, рабочая, а еще театральная, музыкальная, пьющая, гулящая. В этой Москве Кузнецов был своим человеком. Галантный, остроумный «лейтенант» производил впечатление крепкого и надежного мужчины, готового быть другом и любовником, готового проверить дело и вывернуться из любой

непредвиденной ситуации. Он познавал московский бомонд на спектаклях, пирушках, вечеринках. Он восторгался ансамблем Эдди Рознера и танцами Славы и Юры Ней в саду «Эрмитаж», пением Утесова, Козина, Юрьевой в Театре эстрады. Слушая знаменитое танго «Осень, прозрачное утро» в исполнении Козина (вскоре посаженного), Кузнецов почти физически ощущал, как накатывалась щемящая грусть. Он уходил в себя и в такие минуты был недоступен. Но спустя мгновение он вновь становился улыбчивым, раскованным парнем.

Его видели с артистами в «Метрополе» и «Национале», он собирал компании в московских квартирах, талантливо закручивая атмосферу флирта и интриги. А потом, очутившись в постели с утонченной блондинкой-певицей или темпераментной балериной, «лейтенант» затевал «невинные» разговоры об их друзьях и знакомых, выслушивал забавные истории из жизни писателей и актеров, политиков и вождей — ведь партийные деятели, наркомы, дипломаты и военные «западали» на тех же самых певиц и балерин...

...Лето 1942 года. Украинский город Ровно. Пехотный обер-лейтенант Пауль Зиберт, фронтовик, два железных креста на груди и медаль «За зимний поход на восток», — залечивает здесь раны и поэтому временно состоит в хозяйственной команде. Он знает толк в деньгах, товарах, вечеринках, вине и женщинах.

Ровно — столица оккупированной Украины, город сделок, торговли, разврата. Хозяин здесь тот, кто имеет деньги и товар. Зиберт имел и то и другое — ведь на него работали диверсанты из спецотряда полковника Медведева. Они выскребали вагоны и грузовики, чемоданы и бумажники немецких офицеров и чиновников. Оккупационные деньги и рейхсмарки, драгоценности, французские коньяки и вина, сигареты, галантерея и косметика — все для Зиберта.

На очередной пирушке он столкнулся с человеком Скорцени, майором фон Ортелем. Скорцени — легенда, супермен Третьего рейха, человек особого назначения, диверсант и террорист. Его люди — его отражение. Ортель и Зиберт глянулись друг другу, симпатия с первой рюмки. Лихой «пехотинец» и непростой майор.

— Что делаешь в этой дыре, обер-лейтенант?

— Служу по хозяйственной части, после ранения.

Новая встреча. Рюмка к рюмке и вопрос:

— Деньги есть, обер-лейтенант?

— Для вас, майор... Сколько?

Вновь застолье — привычный звон бокалов, обжигающий коньяк

«Вье» из Франции, шепот горячих губ и шорох юбок в соседних комнатах. И опять этот парень здесь — Пауль Зиберт. Приятен, черт!

— Пойдешь ко мне?..

— Зачем? Я же пехотный офицер.

— Э, лейтенант, брось! Ты не для окопов. За персидскими коврами поедем!

...В Москве, на Лубянке, так потом поняли слова майора фон Ортеля: это Тегеран, это нападение на «большую тройку», угроза для Сталина, Рузвельта, Черчилля на Тегеранской конференции. И скорее всего, это дело поручено Скорцени...

Делом особой важности для Кузнецова в Ровно была стратегическая разведка. Кузнецов помнил Ильина и его теорию о социально-профессиональных группах, ускоряющих потоки информации. В Ровно такой группой были актрисы местного театра, варьете, официантки и метрдотели. Женщины притягивают военных. Любовь скоротечна, разговоры спонтанны, информация непредсказуема...

В этой среде Кузнецов и заводил знакомства. Кроме того, в Ровно останавливаться ему было негде. Не мог он снять номер в отеле или комнату в городе без направления комендатуры. Первая же проверка показала бы, что Зиберт ни в какой хозяйственной команде не состоит. Поэтому «лейтенант» кочевал по постелям женщин — и тех, которых знал, и тех, с которыми специально знакомился. Для этого у Зиберта в багажнике всегда лежали изысканное женское белье и пачки модных нейлоновых чулок из Франции, духи и помада из Италии, шоколадные конфеты из Швейцарии и лимонный ликер из Польши. Ночь в доме очередной случайной знакомой была обеспечена, и порой не одна...

Стрелять Кузнецов научился еще в Москве, когда готовился со спецотрядом Медведева работать в тылу у немцев. Преподаватели из 4-го управления НКВД учили бить из разного оружия и разного положения. А потом в лесах под Ровно, закрепляя пройденное, Кузнецов часами навскидку, не целясь, всаживал пулю за пулей в белые стволы берез. Более всего ему пришелся по душе семизарядный «вальтер»: вес 766 граммов, патрон 7,65 от «браунинга», легкий спуск, легкий в руке — будто ее продолжение.

Из этого «вальтера» он убил верховного судью Украины Альфреда Функа. До Функа были имперский советник финансов генерал Гель, прибывший в Ровно из Берлина с заданием ускорить вывоз в Германию ценностей и продовольствия с Украины; заместитель наместника фюрера на Украине генерал Даргель; офицер гестапо штурмбаннфюрер Геттель;

командующий восточными соединениями оккупационных войск генерал фон Ильген, которого Кузнецов доставил в отряд Медведева; инженерный полковник Гаан, ответственный за связь со ставкой фюрера в Виннице; имперский советник связи подполковник фон Райс; вице-губернатор Галиции доктор Бауэр; начальник канцелярии губернаторства доктор Шнайдер; полковник Петерс из штаба авиации; майор полевой фельджандармерии Кантор. Они были уничтожены или захвачены Кузнецовым по приказу 4-го управления НКВД. Того самого, что начало свою деятельность с убийства Троцкого...

До мельчайших нюансов продумывал Кузнецов пути отхода с места операции. Каждый раз выстраивал ложный след для гестапо. В случае с Гелем им стал бумажник, якобы случайно выпавший из кармана террориста. Бумажник тот принадлежал видному эмиссару украинских националистов, закончившему жизнь в отряде Медведева. Немцы нашли в нем письмо: «Батько не сомневается, что задание будет тобой выполнено в самое ближайшее время. Эта акция послужит сигналом для дальнейших действий против швабов». Провокация удалась. Гестапо схватило тридцать восемь известных деятелей из организации Бандеры и расстреляло их.

Не раз перекрашенные немецкие автомобили уносили Кузнецова с места свершения акции. «Опель» и «адлер» словно созданы для проведения спецопераций: форсированная скорость, чуткая управляемость, мощность. Когда похитили Ильгена, в «адлер» набилось семь человек вместо положенных пяти, и машина вывезла. Подвел только итальянский «фиат»: на выезде из Львова после боя с постом фельджандармерии пришлось бросить машину и уходить лесом.

Это все была техника дела — «вальтеры», «опели», «адлеры», ложные следы. А идея дела, его психологическая сила — в Кузнецове. Действовать, и успешно, в городе, наводненном гестаповцами, действовать, когда тебя ищут, стрелять, когда охрана в двух шагах, — для этого нужно быть человеком со стальными нервами, хладнокровным до бесчувствия, работающим, как машина, опережающая противника на ход вперед. Кузнецов стал им в тот момент, когда решил для себя главный вопрос: он обречен и погибнет, но встретит этот миг достойно. И поэтому в его письме к брату в августе 1942 года есть такое откровение: «Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но если для родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен советский патриот и большевик». Он был чернорабочим сталинской эпохи. Готовность к самопожертвованию вела его по тропе террористических операций для уничтожения тех, кого он научился

ненавидеть с первых дней войны.

В служебных документах гестапо это выглядело так: «Речь идет о советском партизане-разведчике и диверсанте, который долгое время безнаказанно совершал свои акции в Ровно, убив, в частности, доктора Функа и похитив, в частности, генерала Ильгена. Во Львове “Зиберт” был намерен расстрелять губернатора доктора Вехтера. Это ему не удалось. Вместо губернатора были убиты вице-губернатор доктор Бауэр и его президиал-шеф доктор Шнайдер. Оба этих немецких государственных деятеля были расстреляны неподалеку от их частных квартир... Во Львове “Зиберт” расстрелял не только Бауэра и Шнайдера, но и ряд других лиц...»

9 февраля 1944 года Кузнецов стрелял в вице-губернатора Галиции Бауэра и доктора Шнайдера. Спустя три дня его «фиат» был остановлен постом фельджандармерии в 18 километрах к востоку от Львова. К тому времени убийцу вице-губернатора искали гестапо и полевая полиция — им была дана ориентировка на террориста в немецкой форме. Роковой ошибкой Кузнецова было то, что он уходил на восток. Если бы на запад, как было оговорено с командованием в качестве варианта, все могло быть иначе. Но он слишком уверовал в себя...

Оторвавшись от полиции, проплутав несколько суток в лесу, Кузнецов и его спутники Каминский и Белов вышли к селу Боратин, занятому отрядом Украинской повстанческой армии. Грубым просчетом Медведева было то, что именно близ этого села он определил местонахождение разведгруппы для связи с Кузнецовым. Измотанные разведчики остановились в хате крестьянина Голубовича. Там их и накрыли бандеровцы. Сотник Черныгора быстро понял, с кем имеет дело. Но Кузнецов до последнего мгновения управлял ситуацией. На столе под фуражкой лежала граната. И настал тот миг в переговорах с Черныгорой, когда Кузнецов рванул ее на себя...

Изувеченное тело Кузнецова украинские партизаны закопали в низине близ села. Через неделю отступающие части немецких войск начали здесь копать окопы, возводить линию обороны. Тогда-то и обнаружили свежезакопанную яму и в ней труп в форме капитана вермахта. Разъяренный немецкий офицер отдал приказ спалить деревню. Крестьяне указали на отряд Черныгоры, расположившийся в соседнем селе. Вскоре там уже орудовали немецкие пехотинцы, расстреливая в хатах всех, застигнутых с оружием. Они мстили за убийство «немецкого» офицера, кавалера двух железных крестов...

КЛЮЧИК К ТАЙНЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ?

То, что не смогли сделать оснащенные новейшими приборами суда, занимавшиеся многие годы поиском самолета Антуана де Сент-Экзюпери на дне Средиземного моря, случайно удалось простой рыболовецкой шхуне «Горизонт».

26 сентября 1999 года как рассказывает владелец «Горизонта» 54-летний Жан-Клод Бьянко, была сильная гроза. Они рыбачили в бухте неподалеку от берега между Марселем и Кассисом. Достав из сетей поблескивающий предмет, он ножом очистил его от наслоений и увидел толстый серебряный браслет, почерневший от времени и морской воды, в котором не хватало нескольких звеньев. На его пластине сначала проступило имя «Антуан», а потом фамилия «Сент-Экзюпери»...

— Этого не может быть! — воскликнул в тот момент Жан Клод Бьянко. — Это мне приснилось!

Полная надпись, выгравированная в три строчки, гласила: «Antoine de Saint-Exupery (Consuelo), c/o Reynal and Hitchcock Inc., 4th Ave, N.Y. City, USA». Подлинность находки не вызвала у специалистов никаких сомнений: Консуэло — имя молодой аргентинки, жены знаменитого писателя, с которой он обвенчался незадолго до начала Второй мировой войны. Рейнал и Хичкок — американские издатели, опубликовавшие впервые на английском языке «Маленького принца» в апреле 1943 года, затем следует адрес их издательства. Это было реальное вещественное доказательство того, что самолет Сент-Экзюпери упал в Средиземное море, — первое за 54 года, прошедших со дня гибели писателя, когда 31 июля 1944 года он в последний раз поднялся в воздух с военной базы на Корсике.

По поводу причин и места гибели Сент-Экзюпери существовала масса гипотез, основывавшихся на свидетельских показаниях: механическая неисправность самолета, воздушный бой, катастрофа в Альпах... В течение пятидесяти с лишним лет рождались все новые и новые версии, но ни одна из них не получала своего подтверждения. Несколько раз в Средиземном море в рыболовецкие сети попадали обломки самолетов, но то были «чужие» обломки. Вокруг имени Сент-Экзюпери и его загадочной гибели множились легенды.

Примерно за месяц до последнего полета писатель чудом избежал смерти. Его физическое состояние было не блестящим, а левая рука

оказалась наполовину парализована. Многие не понимали, почему 43-летний Сент-Экзюпери, которого по возрасту должны были списать, не прекращал боевые вылеты. Некоторые близкие к нему люди были убеждены в том, что он «искал смерти». Перед своим последним полетом Сент-Экзюпери оставил записку своему другу Пьеру Даллозу: «Если меня собьют, я абсолютно ни о чем не жалею...»

...Вместе с браслетом в рыболовецких сетях оказались два алюминиевых обломка. Они, вероятнее всего, принадлежат самолету «Лайтнинг Р-38» № 223, на котором вылетел Антуан де Сент-Экзюпери. По мнению американских экспертов, эти обломки могут относиться к кабине пилота. Был найден также кусок ткани, который, возможно, являлся частью его комбинезона.

О своей находке рыбак Ж.-К. Бьянко сообщил президенту марсельской компании КОМЕКС, которая специализируется на подводных поисковых работах. Команда подводников тут же приступила к поиску самолета, несмотря на то, что племянник писателя Фредерик д'Агэ заявил: «Наша семья с огромным волнением узнала о том, что найден браслет, принадлежащий Сент-Экзюпери, который был подарен ему в Нью-Йорке в 1943 году. Но мы не хотим, чтобы велись поиски самолета и кто-то тревожил его морскую гробницу. Ведь такова была воля его матери Мари Сент-Экзюпери».

Поскольку рыбаки не могли знать, в какой момент в сети попал браслет, предстояло обследовать морское дно площадью в 100 квадратных километров, где глубина составляет от 300 до 600 метров, не считая впадины в 2,7 километра. Океанографическое судно «Минибекс» с мощными гидролокаторами, которые «прощупывают» морское дно, зафиксировало более 200 сигналов, поступивших от металлических предметов, лежащих на морском дне. После каждого зафиксированного сигнала место обследовалось с помощью небольшого робота, оснащенного видеокамерой.

Дно в этом районе усыпано остатками военной техники времен Второй мировой войны. Возможно, поэтому поиск самолета Экзюпери пока не дал никаких результатов. Но есть надежда, что работы будут продолжены.

ЗОЛОТО С ЗАТОНУВШЕЙ I-52

(Материал Э. Мельникова)

До начала Великой Отечественной войны гитлеровская Германия поставляла в Японию военную технику и приборы: радарные установки, торпеды, бомбардировочные прицелы. Взамен немцы получали от своего дальневосточного союзника стратегическое сырье: вольфрам, олово, каучук для военной промышленности, а также опиум для фармацевтической промышленности. Эти грузы шли через СССР по Транссибирской магистрали протяженностью более 9 тыс. км. Но после того как Германия напала на Советский Союз, для этих перевозок остался лишь длинный морской путь — 22 тыс. км.

Немцы маскировали свои караваны под чужие, якобы принадлежавшие нейтральным государствам. Но маскировка не помогала, и к началу 1944 года Германия потеряла половину своих транспортных судов. Вот тогда и было решено использовать подводный флот. В те годы японцы строили крупные субмарины, которые были на 30 м длиннее немецких. Эти гиганты преодолевали 34 тыс. км без дозаправки топливом и вполне годились для перевозки грузов. В марте 1944 года одна из таких подлодок, I-52, тайно покинула Японию. На ее борту находилось 300 т груза (в том числе 2,8 т опиума, 54 т каучука и 2 т золота), полный боекомплект, 95 человек личного состава и 14 инженеров, которым в Германии предстояло ознакомиться с новейшими технологиями производства вооружения. Во французском порту Лорьян японскую подлодку дожидалась немецкая субмарина со «встречным» грузом на борту. Немцы приготовили для своих союзников радарные установки, вакуумные приборы, шарикоподшипники и, возможно, окись урана для ядерных исследований.

Американская разведка знала об этой операции абсолютно все. Встреча была назначена далеко от берега, куда не могли долететь самолеты союзников. Но у американцев имелось транспортное судно со взлетно-посадочной полосой на палубе. Благодаря этому мини-авианосцу американская авиация могла совершать налеты на корабли противника даже в открытом море.

Ночью 23 июня 1944 года немецкая субмарина всплыла в условленном месте. Вскоре появилась японская лодка. Трое немецких моряков подошли на лодке к I-52, передали радар и вернулись. После этого немецкая

подлодка сразу начала погружение. До сих пор неизвестно, почему японцы не последовали ее примеру: огромная туша японской субмарины безмятежно возвышалась над мелкой рябью океана. Это была роковая ошибка.

Американский авианосец прибыл в этот квадрат на два дня раньше и уже поджидал свою жертву. Над местом встречи подлодок патрулировали четыре самолета, которые с помощью радаров засекли I-52 и сбросили осветительные ракеты на парашютах. Японцы поспешили уйти, но плавучий сонар регистрировал шум от гребных винтов и пилот, ориентируясь на эти сигналы, выпустил торпеду точно в цель...

В 1990 году исследователь Пол Тайдуэлл отыскал в Вашингтонском архиве Второй мировой войны документы о подводной лодке I-52: сообщения разведки, выписки из судовых журналов и расшифрованные тексты радиоперехватов. Ему на глаза попались записи офицера разведки, из которых он узнал, что на борт было погружено две тонны золота. В апреле 1995 года Тайдуэлл арендовал для поисков подводной лодки российское исследовательское судно. Радары ощупали большой участок дна на глубине 5 тыс. м. Первые результаты обескуражили искателя сокровищ: на дне не было ничего, похожего на лодку. Но компьютерный анализ неожиданно показал знакомые очертания на расстоянии 16 км от места поисков! Тайдуэлл начал готовиться к подъему ценного груза.

Для выполнения такой сложной операции требовалось заполучить российский корабль «Академик Мстислав Келдыш», который успешно работал на месте гибели «Титаника». 8 ноября судно, оснащенное двумя глубоководными аппаратами «Мир», вышло из Лас-Пальмаса, что на острове Гран-Канария. Оборудование аппаратов не позволяло обследовать лодку изнутри, но Тайдуэлл полагал, что слитки лежат вокруг корпуса, развороченного взрывами.

«Келдыш» достиг точки в 2400 км от побережья Африки и с его борта спустили на глубину 5 тысяч метров оба «Мира». Через четыре часа от начала погружения Тайдуэлл и его помощники разглядели на дне причудливо громоздившиеся металлические обломки и ящики. В инвентарной описи лодки значились 146 слитков золота в металлических ящиках.

Носовую часть субмарины разнесло взрывом, позади рубки зияла огромная пробоина, но открытый входной люк не имел видимых повреждений. Корма уцелела и даже не покрылась донными отложениями. Лодку идентифицировали как I-52.

С помощью роботов-манипуляторов ящики удалось поднять на

поверхность, и охранники Тайдуэлла доставили груз к нему в каюту. Он сам вскрыл их и позже заявил, что во всех находится опиум, но большинство членов экспедиции не поверили боссу. Люди Тайдуэлла открыто роптали, но работу не бросили и добросовестно обшарили большой участок дна вокруг лодки. Однако вместо золота всякий раз поднимали олово. Каждое погружение «Мира» обходилось инвесторам в 25 тыс. долларов, и они начали терять терпение.

Наконец команда Тайдуэлла добралась до металлических слитков под днищем лодки. Они высыпались из грузового отсека, устроенного с внешней стороны корпуса ради экономии места внутри лодки. Под водой эти аккуратные брусочки выглядели многообещающе. Но на поверку оказалось, что и это олово... Поднимать его не стали.

Проникнуть внутрь корпуса пока оказалось невозможным. Экспедиция закончилась полным провалом и принесла ее участникам одни долги. Но Тайдуэлл уверен, что тонны золота ждут искателей приключений в одном из грузовых отсеков I-52.

ЯНТАРНЫЙ КАБИНЕТ

(Материал Пауля Энке, немецкого историка. Перевод с немецкого Г. Леоновой)

В 1716 году прусский король Фридрих Вильгельм I обратился к Петру I с предложением заключить союз против шведов, рассчитывая с его помощью отвоевать Померанию. Чтобы переговоры шли успешней, он подарил русскому царю Янтарный кабинет, созданный мастерами из Кенигсберга по заказу прусского короля Фридриха I. Вскоре союз Пруссии и России против Швеции был заключен, а Петр в письме из Амстердама сообщил своей супруге, что в Берлине он получил в подарок Янтарный кабинет...

Янтарный кабинет дополнил петровскую коллекцию произведений искусства и был открыт для обозрения. В 1755 году императрица Елизавета Петровна приказала перевезти Янтарный кабинет в Царское Село — здесь отстраивалась летняя резиденция русских монархов. Зал, где было решено разместить Янтарную комнату, был гораздо больше прежнего, и перед создателем дворца Бартоломео Франческо Растрелли встала очень непростая задача. Но в итоге воплощением гения великого архитектора стал праздничный зал изысканной красоты, почти вшестеро превосходивший по своим размерам прежнее помещение Янтарного кабинета. Растрелли удалось так расположить барочные детали и столь удачно дополнить их элементами в стиле рококо, что пребывание в Янтарном зале Екатерининского дворца воспринималось современниками и их потомками как величайшее наслаждение. Вечером дневной свет, заливавший всю комнату через широкий фронт окон, сменялся огнями сотен свечей, тысячекратно отраженных зеркалами. Именно сочетание света и янтаря придавало праздничному залу в Екатерининском дворце особую прелесть. На свету начинали играть мозаичные стены, игра света продолжалась в янтарных рельефах, открывая их глубину и пластичность, их живую, одухотворенную красоту...

Ранним утром 22 июня фашистская Германия напала на СССР. Эта война сопровождалась ограблением народа и страны в таких масштабах, которые до сих пор невозможно было себе представить. В районе действий группы армий «Север» имел хождение перечень, подготовленный экспертом-искусствоведом Нильсом фон Хольстом. Он включал 55

объектов — музеев, архивов, церквей, библиотек — с точным указанием их местонахождения.

В многочисленных дворцах, окружающих Ленинград, находилось такое количество ценностей, которое потребовало бы для эвакуации астрономического числа вагонов и поездов. Сотрудники музеев в Пушкине работали день и ночь. Двадцать тысяч экспонатов в кратчайшие сроки были упакованы и вывезены в Ленинград. Демонтировать и эвакуировать Янтарный кабинет сотрудники музея — а это были женщины — не смогли.

С первых же дней оккупации в Пушкин наведывались представители «органов культуры»: осматривали дворец, регистрировали ценности, но вывезти их не могли: нужно было специальное разрешение командующего 18-й германской армией. Из-за упорных боев получить такое разрешение никак не удавалось. Лишь в октябре 1941 года, как гласит один трофейный документ, «из Екатерининского замка в безопасное место осенью 1941 года был вывезен Янтарный кабинет... Тогда же, помимо того, было вывезено 18 грузовиков наиболее ценной мебели и др. произведений искусства, и прежде всего картин... в Кенигсберг для их лучшей сохранности».

Вывозом Янтарной комнаты руководил ротмистр резерва граф Эрнс Отто Сольмс-Лаубах, искусствовед по специальности, после войны — директор музея художественных промыслов во Франкфурте-на-Майне. По его словам, отдельные детали Янтарной комнаты были тщательно упакованы в ящики и через Псков отправлены в Ригу, они должны были там оставаться нераспечатанными до конца войны. Но в конце концов эти ящики попали из Риги в Кенигсберг, где по приказу гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха их вскрыли.

Директор государственных собраний произведений искусства в Кенигсберге Альфред Роде сообщил начальству, что принял на хранение Янтарную комнату. Можно представить, каким подарком судьбы казались ему, крупнейшему специалисту по янтарию, эти удивительные панели. Для размещения Янтарной комнаты в Кенигсбергском замке Роде выбрал помещение № 37. Оно было меньше зала в Екатерининском дворце, однако Роде получил уже неполный комплект оформления Янтарного зала: не хватало подсвечников, паркета и некоторых других деталей. Роде решил не реставрировать поврежденные места и по возможности подогнать имеющиеся в распоряжении детали к местным условиям. Поэтому, несмотря на титанические усилия директора музея, плод его труда в Кенигсберге уже не был воплощением великого гения Растрелли. Напротив, обнищавшая, искалеченная Янтарная комната стала вопиющим свидетелем обвинения против грабительской войны. Но, так или иначе, в

конце марта 1942 года монтаж завершили и Янтарную комнату открыли для осмотра. А через год поползли слухи, что янтарное сокровище уничтожил огонь...

В замке действительно был пожар, однако Янтарная комната не погибла. Инспектор Кенигсбергского замка, который вел подробный рабочий журнал, записал по поводу Янтарной комнаты, что ее демонтировали после пожара в феврале 1944 года, а затем разместили в подвалах замка, где она пережила все воздушные налеты. Он лично видел Янтарную комнату, когда инспектировал разрушенный бомбардировкой замок.

Вторым свидетелем был профессор Герхард Штраус, искусствовед. Он имел связь с антифашистским подпольем Кенигсберга и по заданию товарищей поступил на государственную службу в ведомство по охране памятников в провинциях. Профессор Штраус работал в Кенигсберге и его окрестностях. Его кабинет находился в замке. В ночь с 29 на 30 августа профессор Г. Штраус возвратился из очередной командировки. Он сообщил: «В замке я встретил своего коллегу, доктора Роде. Я узнал от него, что Янтарная комната в подвале... Сейчас ее вынесли во двор, и доктор Роде раздумывал, куда бы ее перепрятать. Остановились на подвальных помещениях в северной части замка».

Сохранилось и свидетельство самого Альфреда Роде в письме от 2 сентября он писал: «...прошу сообщить господину директору д-ру Галлю, что Янтарная комната, за исключением шести цокольных элементов, цела и невредима».

Итак, летом сорок четвертого Янтарная комната не пострадала. В августе ее упаковали в ящики — возможно, для предстоящей эвакуации? А если Янтарную комнату спрятали в Кенигсберге или поблизости от города, то как это могло произойти?

В сорока километрах к востоку от Кенигсберга находился замок Вильденхоф, родовое имение графа фон Шверина. Сохранилось письмо доктора Роде к хозяину замка. «Уважаемый г-н граф! В ближайшее воскресенье я рассчитываю приехать в Вильденхоф, чтобы осмотреть помещения, предназначенные для размещения наших картин...» Интересно, что фронт в это время приблизился уже вплотную к Вильденхофу, и решение доктора Роде привезти сюда художественные коллекции, по мнению некоторых исследователей, говорит о его стремлении сохранить их для законных владельцев.

Во второй половине января 1945 года замок сгорел. Есть сведения, что его подожгли эсэсовцы, которые предварительно перепрятали часть

сокровищ: закопали в окрестностях или утопили в ближайших озерах. Если верить показаниям господина Адольфа Рихтера из ФРГ, Альфред Роде лично рассказывал ему о том, что в замке Вильденхоф погибли замечательные картины и... Янтарная комната.

В августе 1960 года в замке провели раскопки. Было найдено множество пострадавших от времени и от огня предметов: фарфор, слоновая кость, старинные медали, металлические оклады икон... Но никаких следов Янтарной комнаты. А ведь металлические крепления янтарных панелей не могли сгореть!

Подходящим место для эвакуации Янтарной комнаты был и древний замок Шлобиттен, принадлежавший князю Дона-Шлобиттен. Летом 1944 года доктор Роде обратился к князю с письмом, в котором просил позволения разместить часть коллекции в замке, однако получил отказ. Между тем в гигантских подземельях замка были спрятаны сокровища, награбленные эсэсовцами и группой армий «Север». Любопытно, что их размещением в замке руководил уже известный нам искусствовед граф Сольмс. Чуть позже войска 2-го Белорусского фронта окружили здесь немецкие части. Замок был взорван. До сих пор тут ведутся поисковые работы, и в затопленных водой многоэтажных подземельях обнаруживаются новые и новые помещения...

В восьми километрах западнее Кенигсберга находилось поместье Гросс-Фридрихсберг. Здесь располагался опорный пункт гарнизона Кенигсбергской крепости. Бывший военнослужащий этого гарнизона сообщил, что видел, как во второй половине февраля 1945 года офицеры вскрывали в поместье какие-то ящики, в которых им были замечены детали Янтарной комнаты. Этот очевидец находился в поместье десять дней, и за это время оттуда было вывезено много разнообразных грузов. Возможно, тогда же была перевезена и Янтарная комната.

И еще одно место в окрестностях бывшего Кенигсберга привлекло наше внимание. В километре от Янтарного берега стоял старинный замок Лохштедт. С сентября 1944 года сюда свозили библиотеки, архивы Кенигсберга и некоторые произведения искусства, среди которых были и работы из янтаря, поэтому профессор Г. Штраус не исключал возможности, что Янтарную комнату могли вывезти именно сюда. Но, к сожалению, в 1945 году замок был уничтожен дотла: нацисты защищались здесь особенно упорно...

А что если Янтарную комнату вообще не вывозили из города?

Вольфганг Роде, сын директора Кенигсбергского музея, в 1955 году сообщал, что отец говорил ему в конце войны, будто не боится прихода

русских, ибо совесть его чиста, и он укажет им, где искать похищенные у них ценности — киевские и минские. Но поскольку отец не упомянул о Янтарной комнате, Вольфганг Роде предположил, что доктор Роде, вероятно, спрятал Янтарную комнату в потайных подвалах Кенигсбергского замка, так как очень не хотел с ней расставаться.

Заведующий гостиничными номерами в замке Альфред Файерабенд уверял, что в марте 1945 года он был свидетелем того, как гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох лично установил, что Янтарная комната все еще в замке.

Третий свидетель — сам Эрих Кох. Долгие годы после войны, находясь в заключении в Польше, он не желал давать показаний о судьбе Янтарной комнаты. Лишь в 1965 году вдруг «вспомнил», что в апреле 1945 года Янтарную комнату спрятали в бункере на окраине города.

О существовании какого-то бункера вне замка знала и фрау Крюгер, управляющая. Она полагала, что именно сюда после воздушных налетов перенесли ящики с Янтарной комнатой. По ее словам, бункер находился в Ботаническом саду. Профессор Барсов, который вместе с Альфредом Роде вел поиски Янтарной комнаты с апреля по декабрь 1945 года, рассказывал о заваленном обломками бункере № 3, где, по словам Роде, были спрятаны какие-то ценности (не картины). В 1950 году профессор попытался разыскать этот бункер в центре города, но безуспешно. Янтарную комнату искали и под руинами замка, и во внутригородских подземельях, но все безрезультатно.

А в феврале 1967 года польская печать сообщила, что Кох указал точный адрес, по которому следует искать пропажу: «...в Калининграде, в бункере под старой польской римско-католической церковью в районе Понарт». По словам Коха, над бункером были взорваны бомбы, чтобы уничтожить его внешние приметы. Однако в районе Понарт находилась лишь церковь евангелическая, не пострадавшая ни от бомб, ни от других взрывов, а старая римско-католическая церковь находилась в другом районе.

Янтарное чудо как в воду кануло! А что если правы были те, кто утверждал, что Янтарную комнату нужно искать на дне Балтийского моря? Есть очевидцы, наблюдавшие, как в Кенигсбергской гавани были затоплены какие-то большие ящики. После войны моряки Балтийского флота тщательно обыскали дно и нашли запчасти для всевозможного оборудования, ящики с документами, одеждой — все, кроме произведений искусства.

А если Янтарную комнату погрузили на корабль? Ведь рассказывают

же о таинственном грузе, прибывшем под усиленной охраной в Данциг в конце января 1945 года. Большие деревянные ящики, скрепленные металлическими скобами, были до странности легкими. Их погрузили на корабль «Вильгельм Густлофф». Один свидетель утверждал, будто старший боцман судна Эрих Биттнер сказал ему, что в этих ящиках — вещи из дворца русских царей. И еще: эти ящики якобы в море должны были перегрузить на другой корабль. По рассказу другого очевидца, загадочный груз прибыл не в январе, а гораздо позднее. И погрузили его на судно без названия — оно было покрашено.

С этими таинственными историями перекликается и рассказ бывшего матроса, опубликованный в еженедельнике «Вохенпост» (ГДР). В начале 1945 года этот человек готовил к выходу в море небольшое парусное грузовое судно. Оно было вооружено и полностью оборудовано для дальнего рейса. Матросу стало известно, что судно пойдет под чужим флагом, что оно должно пересечь Атлантику, но перед тем у острова Борнхольм оно примет груз с «Вильгельма Густлоффа» — «какие-то старинные вещи».

Разрабатывая эту версию, мы вновь столкнулись с деятельностью соучастника многих преступлений Эриха Коха. В первые годы при допросах он начисто «забывал» все, что связано с Янтарной комнатой. Несколько лет спустя он вдруг «вспомнил», что она спрятана на окраине Кенигсберга. Потом оказалось — в центре города. Прошли еще годы, и Кох заявил, что Янтарная комната была отправлена из Кенигсберга в Данциг и погружена на корабль «Вильгельм Густлофф». Причем он затруднялся вспомнить: по его личному приказу происходила отправка или он просто был об этом осведомлен.

...30 января в 21 час «Вильгельм Густлофф» в сопровождении конвоя боевых кораблей покинул гавань. В ту же ночь корабль поразили три торпеды, и он затонул. Летом 1973 года польские спортсмены-аквалангисты приступили к обследованию затонувшего корабля. Им помогли польские военные моряки и сотрудники Института судостроения. При первом осмотре ныряльщикам показалось, что на корпусе корабля в некоторых местах видны следы подводной резки. Исследования продолжались два года, и вот наконец окончательное заключение экспертизы: никаких признаков того, что затонувший корабль был ограблен, не установлено, так же как и не обнаружено на нем никаких следов Янтарной комнаты.

В западногерманских архивах удалось разыскать полную документацию по последнему рейсу «Вильгельма Густлоффа». Янтарной комнаты на борту этого судна не было. Да и зачем в самом деле Коху нужно

было тащить ценный груз в Данциг, если рядом была Кенигсбергская гавань и порт Пиллау, а в его личном распоряжении — два прекрасных корабля?

Но если Янтарная комната не сгорела, не спрятана в тайниках Восточной Пруссии, не покоится на дне Балтики, то почему не предположить, что ее вывезли на Запад?

Существует аргументация против этой версии, и довольно весомая. Один из главных аргументов: директор музея А. Роде, отвечавший за ее сохранность, из Кенигсберга не уехал. Многие из тех, кто хорошо знал Альфреда Роде, утверждали, что он ни за что бы не расстался с Янтарной комнатой, не выпустил бы ее «из-под крыла» в такое опасное время, и потому ее нужно искать в Кенигсберге. Есть еще один важный и загадочный факт. В мае 1945 года в Кенигсберг приехали советские искусствоведы. Под руководством профессора Барсова они разыскивали похищенные произведения искусства. Доктор Роде прилагал все силы, помогая советским коллегам, но о Янтарной комнате он не упомянул ни разу. А однажды ночью в своем кабинете Роде сжигал какие-то бумаги — и это в военное время, когда по подозрению в диверсии его могли тут же поставить к стенке! Какая необходимость вынудила его на столь отчаянный шаг?

По нашему убеждению, доктор Роде подготовил Янтарную комнату к отправке, однако лично в ее вывозе не участвовал. Поэтому ему не было известно, куда отправлена Янтарная комната. Ничего определенного не знали и его сотрудники. И если бы доктор Роде согласился дать какие-то показания советским представителям, не сообщая ничего о месте, куда была отправлена Янтарная комната, это выглядело бы подозрительно.

Уверенность некоторых исследователей в том, что на Запад Янтарную комнату вывезти не могли, объясняется недостаточным знанием обстановки: эти люди уверены, что в результате советского наступления путь из Кенигсберга на Запад был полностью перекрыт. Между тем реальная возможность выбраться из Кенигсберга существовала:

- 1) до 22 января — по железной дороге или автотранспортом;
- 2) до 31 января — морем, железной дорогой, автотранспортом через Пиллау;

- 3) с 26 февраля по 6–7 апреля — тем же путем, через Пиллау. Есть прямой пример того, что этой возможностью не преминули воспользоваться: коллекция произведений искусства, награбленная Кохом на Украине, была вывезена из Кенигсберга уже после январского советского наступления. В своих мемуарах Кох, кстати, пишет, что из

Кенигсберга вместе с «его частной коллекцией» вывезли... Янтарную комнату! Но куда все это направлялось, автор, к несчастью, снова запямятовал... Так что можно почти не сомневаться, что Янтарная комната была вывезена на Запад. Кстати, 1 мая 1979 года советская «Литературная газета» сообщила, что один человек из ФРГ располагает твердыми доказательствами в пользу этой версии.

После августовских воздушных налетов на Кенигсберг гауляйтер Кох приказал подыскать надежное укрытие для «своих» сокровищ в центре Германии. С этим поручением директор музея Роде ездил в Саксонию. В бумагах сопровождавшего его человека мы нашли запись от 8 декабря 1944 года о том, что Роде по возвращении в Кенигсберг немедленно займется подготовкой для отправки «Янтарной комнаты и других уникальных произведений искусства». Однако новые срочные поручения гауляйтера отвлекли Роде, и он начал упаковку только в начале января. Несколько сотрудников музея, используя одеяла, матрасы и подушки, бережно уложили янтарные панели в ящики — их было 25–30. 12 января 1945 года директор Роде уведомил городское управление по культуре, что Янтарная комната упаковывается. 15 января в замок приехал Г. Штраус и узнал, что Янтарная комната упакована, но директор не знает, куда ее отправлять. Удивительно! Ведь в Саксонии Роде нашел два подходящих места. Возможно, Кох или партканцелярия не одобрили его выбор? Так или иначе, Роде сказал своему коллеге Штраусу, что ожидает указаний со дня на день.

Сын директора Вольфганг в последний раз был у отца 14 января, и тот сказал ему, что Янтарная комната в безопасности или «будет в безопасности»: по прошествии многих лет Вольфганг уже не мог поручиться за точность воспоминаний. Дочь Альфреда Роде Лотти помнила, что Янтарная комната, упакованная в ящики, должна была двинуться на Запад. Она писала: «...в середине января ящики привезли на главный вокзал, но увезти их было уже невозможно, так как железнодорожное сообщение прервалось. Вернулись ли ящики в подвалы замка, я не знаю».

Советской комиссии по розыску похищенных ценностей было известно, что «коллекцию Коха» вывезли на грузовиках в ставку Гитлера. Еще в начале 1944 года ставку намечалось перенести в Тюрингию, а в начале ноября там полным ходом шли подготовительные работы. По документам «коллекция Коха» благополучно прибыла в Тюрингию 9 февраля 1945 года. Значит, если Кох присоединил Янтарную комнату к «своим» ценностям, то она покинула Кенигсберг между 18 и 30 января...

Сведения об эвакуации Янтарной комнаты могли находиться в архивах

учреждения, которому подчинялся Кенигсбергский музей, — Управления замков и парков. Мы старательно искали архивы этого управления, но никак не могли найти, пока наконец не выяснили следующее. Управление замков и парков во главе с директором Галлем оставалось в Берлине, когда город заняли советские войска. Перед директором была поставлена задача навести порядок в своем хозяйстве и доложить, какие произведения искусства сохранились. Однако 20 февраля 1946 года директор Галль бежал на Запад, прихватив с собой все архивные материалы управления. Он умер в 1958 году, спрятав или уничтожив документы, которые могли пролить свет на судьбу многих замечательных произведений.

Еще один адрес, где след Янтарной комнаты можно найти с вероятностью в сто процентов: архив партийной канцелярии. К огромному сожалению, мы до сих пор располагаем лишь малой частью документов, связанных с деятельностью канцелярии Бормана. Весь архив продолжает числиться исчезнувшим, несмотря на веские доказательства того, что он уцелел. Продолжают оставаться закрытыми и крупные архивы нацистов, которые хранятся в Александрии под Вашингтоном, Лондоне и Кобленце. Было бы, разумеется, нелепо сидеть сложа руки в ожидании, пока нам разрешат проникнуть в государственные тайны. Оставалось одно: идти открытыми путями...

Еще летом 1944 года часть сокровищ вывезли из Кенигсберга в Центральную Германию. В октябре того же года Кох обратился к гауляйтеру Саксонии Мартину Мучману с письмом, где просил разрешения разместить наиболее ценные произведения искусства из Восточной Пруссии в Саксонии. Мучман дал согласие, и 4 декабря в Дрезден приехал Альфред Роде. Прежде всего он отправился в замок Вексельбург. Роде нашел, что его можно переоборудовать под хранилище, и 11 декабря местному начальству была отправлена бумага с требованием «обеспечить конфискацию помещений в Вексельбурге в пользу государственных коллекций из Кенигсберга».

Этот документ представлял для нас большой интерес. Помните рассказ профессора Барсова о том, как доктор Роде ночью сжигал у себя в кабинете какие-то бумаги? В остатках уничтоженной переписки было обнаружено его сообщение о том, что Янтарная комната упаковывается и подготавливается к отправке в Саксонию — дальше шла приписка: «В Вексельбург».

Приехав в 1950 году с этими сведениями из Калининграда, профессор Штраус организовал поиск в Вексельбурге. Как выяснилось, в замке действительно принимали транспорты из Восточной Пруссии. Однако в

конце войны и даже после войны отсюда что-то вывозили на Запад! Тщательные поиски не обнаружили тайников, где могла быть спрятана Янтарная комната. Много лет спустя местный церковный служака Готфрид Фусси рассказывал следующее: «В декабре сорок четвертого приезжал доктор Роде из Кенигсберга. Он искал, куда бы спрятать кенигсбергские ценные вещи. Осмотрев замок и церковь, он остался доволен. Замок и церковь подлежали конфискации для размещения этих ценностей. Впрочем, ящики из Восточной Пруссии поступали к нам и раньше. Но длинных ящичков не было. Из других мест к нам ничего не привозили, уж, во всяком случае, никакого янтаря. А когда пришли американцы, они просматривали ящики, но никакого янтаря не нашли. Да и других особо ценных вещей тоже». По всей вероятности, Янтарная комната, вопреки намерению А. Роде, так и не попала в Вексельбург...

Тогда, в декабре 1944 года, Альфред Роде осмотрел не только Вексельбург, но и Крибштайн. Этот укрепленный замок XIII–XIV веков возвышается над долиной, как бы вырастая из скал, и имеет грозный и неприступный вид. У дрезденских музеев в замке были свои хранилища, размещенные в надвратной постройке — единственном участке древних стен, где имелось отопление. Но еще в сентябре ценности дрезденских музеев по приказу неизвестного (от кого исходил приказ, мы установить не смогли) перенесли из отапливаемого помещения в другие. То есть к приезду Роде лучшие помещения были свободны! В одном из найденных нами документов говорится: «В замке Крибштайн для государственных коллекций из Кенигсберга можно предоставить четыре помещения в надвратной постройке, которые недавно освободили от дрезденских госсобраний... Господин доктор Роде 8 декабря выехал обратно в Кенигсберг, чтобы распорядиться об отправке коллекций».

Итак, если 8 декабря Роде выехал в Кенигсберг, чтобы «распорядиться об отправке», то коллекции должны были отправить из Кенигсберга до начала январского наступления советских войск. И действительно, 19 декабря управляющий замка Крибштайн получил извещение о том, что из Кенигсберга к нему направляются два вагона с грузом, разгрузку которых он должен обеспечить. Оба вагона в сопровождении спецкоманды СС благополучно прибыли на место. Их разгрузили, содержимое на лошадях перевезли в замок и разместили «согласно приказу».

В начале апреля 1945 года замок Крибштайн был без боя занят советскими войсками. Содержимое хранилищ осмотрели сотрудники советской комиссии по охране памятников и отметили, что там хранилась коллекция скульптуры из Дрездена и ряд привезенных из Восточной

Пруссии и похищенных в СССР ценных произведений искусства. В начале 1946 года в хранилище приехали специалисты из Дрезденской государственной галереи, отметили, что вещи в хорошей сохранности, и перевезли их в Дрезден. Но ни те ни другие не обнаружили ни самой Янтарной комнаты, ни каких-либо ее следов.

В путешествии А. Роде по дрезденским окрестностям нас смутило довольно странное обстоятельство: длительность его командировки. Роде провел в Саксонии четыре дня, хотя на осмотр обоих замков не требуется более суток. Даже если какое-то время понадобилось на обсуждения, уговоры и увязки, тем не менее поездка чересчур затянулась. Не побывал ли Роде и в других замках по соседству? Например, в замке Хартенштайн. Из Калининграда нам сообщили, что по этому адресу действительно была отправлена часть вещей. К несчастью, в 1945 году при бомбардировке замок сгорел. В 1950 году расчистили его руины, и появилась возможность пробраться в подземелья. Однако надежда найти какие-то следы Янтарной комнаты оказалась тщетной...

С годами у нас накопилось множество свидетельских показаний о загадочных находках и происшествиях в Тюрингии — на юге бывшей ГДР. Мы проверили и эти версии. Очень любопытным показался рассказ о том, как в 1948–1949 годах ученики краткосрочных профессиональных курсов, располагавшихся в одном из тюрингских замков, играли... янтарными камешками! Рассказчик учился в замке Рейнхардсбрунн близ города Готы. Обследуя старинный замок, ребята нашли на чердаке какие-то янтарные плиты. Рядом валялись отдельные кусочки янтаря. Одна сторона камней была отшлифована, а на противоположной виднелись остатки гипса или клея. Ничего не ведая о ценности янтаря вообще и тем более не подозревая об обстоятельствах его появления в замке, мальчишки швыряли гладкие камешки в пруд, соревнуясь, чей камень лучше прыгает по воде...

Мы добились разрешения осушить систему прудов вокруг замка. Выяснилось, что в начале 1950-х годов в воду попали какие-то химикалии и пруды пришлось чистить: их осушили, вычерпали грунт... А куда увезли грунт? Этого, к сожалению, выяснить не удалось.

Мы нашли документальные подтверждения этим рассказам: сюда действительно прибывали ценности из Восточной Пруссии. 126 ящиков разместили в замке Рейнхардсбрунн. Но ни о содержимом этих ящиков, ни об их дальнейшей судьбе никаких сведений, ни единого упоминания...

Разыскивая следы Янтарной комнаты в тюрингских архивах, мы нашли очень важный документ: оказывается, замок Рейнхардсбрунн с 1 февраля 1945 года был арендован рейхсканцелярией для нужд

сооружавшейся в Тюрингии главной ставки фюрера. Строительство подземных убежищ для высших военных чинов рейха началось здесь еще в начале 1944 года. Разбираясь во всех перебросках и перемещениях в последние месяцы войны, мы неожиданно обнаружили в Тюрингии и след Эриха Коха, гауляйтера Восточной Пруссии. В Веймарском архиве был найден документ, в котором говорилось: «Гауляйтер Кох, Кенигсберг, отправил коллекцию произведений искусства в Тюрингию». А вот еще одна архивная находка — «Перечень музейных предметов, представленных в земельный музей гауляйтером Кохом, Кенигсберг, 9 февраля 1945 года». С первого же взгляда ясно — собрание чрезвычайной важности! Оно включало картины, гобелены, изделия из серебра и другие ценнейшие предметы. Перечислялись картины Рубенса и множество произведений XVI–XIX веков. Многие сотни предметов включало собрание серебра. Здесь были и столовые приборы, и целые сервизы, множество подсвечников, отдельные предметы и даже серебряный дом. Нас заинтересовали подсвечники: среди них попадались изделия в три и пять свечей с янтарными украшениями.

Мы обратились ко всем фотографиям Янтарной комнаты, какие только удалось разыскать. На каждом из венецианских зеркал было по одному подсвечнику на три свечи, над двадцатью янтарными панелями по верхнему фризу шло еще 13 подсвечников на 3, 5 и 7 свечей. Общее их количество в Янтарной комнате почти точно совпадало с тем, что было обозначено в перечне как «детали подсвечников» (собственно подсвечники без крепежных частей). Но куда же в таком случае делись крепления? На этот вопрос мы смогли ответить после того, как встретились с Анатолием Михайловичем Кучумовым, замечательным знатоком всего комплекса проблем, связанных с Янтарной комнатой. Анатолий Михайлович — давний участник ее розысков — обратил наше внимание на фотографии Янтарной комнаты в Кенигсберге. Крепления для подсвечников (без янтаря) находились на зеркалах, когда смонтированную директором Роде Янтарную комнату выставили для обозрения в музее Кенигсбергского замка!

Между тем отбывавший в Польше пожизненное заключение Кох — после того как ему предъявили новые факты, — «вспомнил», что Янтарную комнату вывезли вместе с его «частной коллекцией». Но куда? «Вспомнить» это Кох решительно не мог. Однако мы теперь уже и не нуждались в его воспоминаниях: в Веймар!

Груз был обозначен лишь как «музейные предметы из Кенигсберга», без описания содержимого, и веймарские музейные работники не имели

понятия о том, что они приняли на хранение. Директор Веймарского земельного музея Вальтер Шайдиг поручил позаботиться о них двум служителям, супругам Гитчер. В здании не было подвальных помещений, и поэтому ящики, чемоданы и прочее «из Кенигсберга» поставили в проходе между двумя залами на нижнем этаже. Сколь легкомысленно было так оставлять ценности, показала уже следующая ночь, когда начались воздушные налеты. А 31 марта 1945 года бомба угодила в здание музея. К счастью, помещения нижнего этажа не пострадали.

Как же могло случиться, что к ценнейшей коллекции проявили такое равнодушие, в то время как менее значительные экспонаты музея были эвакуированы? Мы видим только одно объяснение: груз из Кенигсберга предполагалось переправить дальше, чтобы укрыть в более надежном месте. Ящики с Янтарной комнатой и другие ценности, прибывшие в замок Рейнхардсбрунн, вероятно, должны были отправиться в подземелья главной ставки Гитлера. Но поскольку Гитлер туда не явился, то ценности застряли на перевалочных пунктах.

В ходе розыска обнаружился еще один очевидец — бывший оберлейтенант абвера Кайлювайт. Вот что он рассказал.

В начале января 1945 года для переброски грузов из Восточной Пруссии на запад была сформирована транспортная колонна из восьми грузовиков и одной цистерны. За несколько дней до начала январского наступления советских войск на грузовики погрузили ящики с Янтарной комнатой и другими предметами. Под личным руководством Кайлювайта транспорт покинул Кенигсбергский замок. Выезжая, один из грузовиков зацепился бортом за ворота «Альбрехтстор», при этом один ящик с деталями Янтарной комнаты развалился. Колонна отправилась в Западную Пруссию, где грузовики погрузили на железнодорожные платформы. По сведениям Кайлювайта, местом назначения транспорта был район Рудных гор — Шнееберг. Однако по неизвестным причинам транспорт переадресовали в Тюрингию. В Ильменау грузовики сняли с поезда. Дальше они двинулись в сопровождении конвоя в лес между Ильменау и Шлейзингеном. Здесь Кайлювайт оставался с колонной до тех пор, пока его не отозвали в начале февраля в Берлин.

Сначала этот рассказ показался нам не очень убедительным. Но одна деталь рассказа вызывала безусловное доверие — повреждение ящика с Янтарной комнатой при выезде из замка. Профессор Штраус, производя раскопки в Кенигсбергском замке, именно в воротах «Альбрехтстор» обнаружил раздавленные кусочки янтаря. О странной находке профессор сообщил лишь членам советской поисковой комиссии, а по возвращении в

ГДР — только своему министру. Пресса про находку в воротах ни разу не упоминала. Даже сам профессор со временем забыл этот эпизод, а вспомнил только в 1980 году, перечитывая собственный отчет о розысках в замке. Откуда же Кайлювайт мог знать этот факт? Значит, он действительно был его очевидцем!

16 ноября 1984 года западногерманский еженедельник «Цайт» опубликовал свидетельство искусствоведа из Западного Берлина Маргарете Кюн, бывшей сотрудницы Управления замками и садами. «Янтарную комнату вывезли на юго-запад, в Центральную Германию. Она в Тюрингии». Хотя эта информация стала достоянием общественности уже после того, как пресса ГДР и ФРГ рассказала о вывозе Янтарной комнаты в Тюрингию, тем не менее фрау Кюн — важный свидетель. Ведь почти с полной уверенностью можно предполагать, что к вывозу Янтарной комнаты приложило руку Управление замками и садами. Очевидно, его тогдашний директор Гальль знал о переправке Янтарной комнаты в Тюрингию (а возможно и сам в этом участвовал). Но о том, что Янтарную комнату увезли из замка Рейнхардсбрунн, ни Маргарете Кюн, ни даже директор Гальль могли и не знать.

Нам удалось найти двух очевидцев из obsługi замка, которые помнили нечто конкретное. Жена бывшего привратника рассказала, что в проходе, под «залом предков», недели две-три стояли ящики с янтарными изделиями. Их привезли откуда-то с востока. Сказать определеннее, когда их привезли и увезли, она затруднялась. Но точно помнила, что и после мая 1945 года на полу в замке все еще валялось много янтарных осколков — во всех щелях между плитами.

Вторым очевидцем была горничная. Она утверждала, что ящики с янтарем увезли буквально за несколько дней до появления американцев, а пролежали эти ящики в замке около двух месяцев. При погрузке в машину один ящик разбился. Янтарные плиты еще некоторое время валялись неприбранные. Кто поднял их на чердак (где через несколько лет их нашли ученики курсов), она не знала, но предположила, что это могли сделать солдаты или какие-то люди в штатском, которые жили в замке некоторое время. Она твердо помнила: все «гости» покинули замок 5 апреля 1945 года вместе с отступавшими войсками.

Возможно, полковник Стреве, комендант главной ставки Гитлера, приказал погрузить Янтарную комнату на грузовик из колонны «Ф» и захватил с собой в Берлин? Или отправил через Чехословакию в Альпы? Не исключено, что ящики из замка забрали и те, кто доставлял их сюда. В пользу этой версии говорят несколько косвенных доказательств.

24 марта гауляйтер Кох имел беседу с Борманом. 25 и 26 марта Борман разговаривал с гауляйтером Тюрингии Заукелем. Примерно через неделю ящики из замка были вывезены. А еще через неделю вывезли из Веймара «коллекцию Коха». Этой операцией руководил некий Альберт Попп, партийный фюрер саксонского авиакорпуса. Один знакомый директора Веймарского музея случайно видел, как загружали привезенные в музей ценности. Мы разговаривали с ним через тридцать пять лет после окончания войны, однако этот 80-летний человек помнил, что начальником транспорта был летчик, а фамилия его была Попп!

Мы попытались разыскать Альберта Поппа, и по одному из предполагаемых адресов натолкнулись на большую неожиданность: здесь после войны жил крупный чин СС, родом из Кенигсберга, связанный с исчезновением Янтарной комнаты! Это был оберштурмбаннфюрер СС Георг Рингель. Вот вкратце его история.

В 1959 году, когда журнал «Фрайе вельт» рассказал об исчезновении Янтарной комнаты, в редакцию пришло много писем. Прислал письмо и один молодой человек, который сообщил, что кое-что знает о судьбе Янтарной комнаты от своего отца, умершего в 1947 году, который замешан в нацистских преступлениях. Его звали Георг Рингель. Рингеля-младшего звали Рудольф. Мы перепроверили его рассказ, и выяснилось, что — за исключением незначительных неточностей — Рудольф помнил все очень обстоятельно.

Еще в 1944 году, когда семья Рингель жила в Кенигсберге, Рудольф вместе с отцом побывал в музее, где видел Янтарную комнату. А незадолго до смерти отец намекнул сыну, что кенигсбергские ценности вместе с Янтарной комнатой спрятаны в надежном месте и что он лично принимал в этом непосредственное участие. Через некоторое время после смерти Георга Рингеля семья собралась переезжать на другую квартиру. Рудольфу поручили разобрать вещи в подвале. В куче подмокшего угля он обнаружил кожаный офицерский планшет с бумагами. Бумаги отсырели и покрылись плесенью, многие листки склеились. На двух машинописных страницах, которые Рудольфу удалось прочесть, речь шла о Янтарной комнате. На одной страничке говорилось, что Георгу Рингелю поручалось эвакуировать Янтарную комнату в место, зашифрованное как «BSCH», и предписывалось, как следует замаскировать объект. Другой листок содержал сообщение о выполнении задания. В планшете был еще план части города Кенигсберга. На нем были сделаны пометы, отмечавшие путь от замка к зданию на улице Штайндамм, где тогда размещалось гестапо. Кроме того, среди бумаг Рудольф нашел расписку в том, что от

оберштурмбаннфюрера СС Георга Рингеля и какого-то младшего офицера авиации принято 42 ящика, несколько коробок и мешков.

Рудольф не придавал значения находке. Он думал, что все ценности уже давно найдены. А кроме того, он испугался, что могут всплыть кое-какие факты о преступной деятельности его отца. Короче, мальчик сжег в печке планшет и бумаги. Летом 1959 года Рудольф Рингель приезжал в Калининград. Он искренне старался помочь разыскать бункер, но, к сожалению, безуспешно...

Теперь мы с уверенностью можем сказать: вывозом Янтарной комнаты из Кенигсберга руководил Георг Рингель. В июле 1949 года, когда Рудольф Рингель нашел в подвале отцовские документы, ему было тринадцать с половиной лет. Естественно, что через десять лет он не мог со стопроцентной точностью вспомнить все прочитанные тогда тексты. Воспоминания его довольно отрывочные, а всевозможные реконструкции на основе этих воспоминаний вряд ли серьезно помогут делу. Существует, однако, текст, полемика вокруг которого не утихает: это радиограмма, где Георг Рингель рапортует о том, что приказ выполнен.

Известны три варианта этой радиограммы. Во-первых, реконструкция по воспоминаниям Рудольфа Рингеля. Во-вторых, текст перехвата радиограммы, обнаруженный в английских архивах. И, в-третьих, расшифровка той же радиограммы, перехваченной советскими радистами. Имеющиеся тексты несколько отличаются друг от друга, что можно объяснить небольшими расхождениями при переводе. Мы не видим оснований, подобно некоторым исследователям, считать эту радиограмму фальшивкой. Вот ее содержание:

«Акция Янтарная комната закончена. Размещение в “BSCH”. (По другим версиям, “BSCW” или “Ш в”.) Подходы взорваны. Жертвы из-за действий врага».

Попытки разгадать тайну букв, обозначающих местонахождение Янтарной комнаты, ни к чему не привели...

Уверенность некоторых исследователей в том, что радиограмма была отправлена из Кенигсберга, мы считаем ошибочной. Радиограмма была отправлена, когда Георг Рингель уже прибыл (5 февраля) в Криммичау (Саксония). Эта телеграмма могла быть отправлена не из Кенигсберга, но в Кенигсберг, а возможно, и в Берлин. Многие считают последнюю фразу радиограммы бесспорным доказательством того, что Янтарная комната спрятана на окраине Кенигсберга. Мы же считаем, что фраза эта может означать, что уничтожены люди, принимавшие участие в «захоронении» сокровища, — как опасные свидетели (это могли быть заключенные из

любого концлагеря поблизости).

У нас есть документы, подтверждающие, что 9 февраля 1945 года Георг Рингель и Альберт Попп перепоручили «частную коллекцию Коха» директору музея в Веймаре Шайдигу. Это подтверждают и показания очевидцев. Также достоверно известно, что «коллекция Коха» была вывезена из Веймара 9 и 10 апреля. Но куда эти ценности повезли?

Из документов следует, что «коллекцию Коха» предполагалось вывезти в три этапа, причем на каждый этап отводился один день, точнее — одна ночь. По ряду весомых причин мы отвергли южное, северное и северо-восточное направления вывоза. Зато в переброске груза на восток нам видятся определенные резоны: здесь проходит автобан Эйзенах — Веймар — Гера — Дрезден. По этой магистрали вполне можно было бы добраться за 12–14 часов до какого-то безопасного места и успеть вернуться в Веймар. Учитывая, что средняя скорость грузовика (включая загрузку, разгрузку, обратный путь, задержки у постов и застав) вряд ли превышала 30 километров в час, мы считаем, что удаленность места, куда эвакуировали «коллекцию Коха» (от Веймара), равнялась максимум 150–180 километрам. Таким образом, получается, что Янтарная комната спрятана где-то в районе, ограниченном Эльбой в ее течении от Шандау и до Ризы, не далее и не ближе линии Гера — Бад-Эльстер. Если бы пункт назначения был ближе, то за одну ночь можно было бы сделать две ездки, и тогда после 10 апреля в Веймарском музее не осталось бы никаких музейных ценностей из Кенигсберга.

У Рингеля и Поппа был один-единственный грузовик. Треть «коллекции Коха» они вывезли 9 апреля. Вторую треть они успели отвезти на следующий день, 10 апреля, за несколько часов до того, как в город ворвались американские танки. А последняя треть так и осталась в Веймаре. Именно этот остаток описывал в первые дни мая 1945 года доктор Шайдиг, и именно этот список нашелся впоследствии в веймарском архиве. Сами же ценности возвращены в СССР. Но основная часть — две трети «коллекции Коха» — не найдена до сих пор.

Мы считаем, что ящики с Янтарной комнатой были вывезены из Рейнхардсбрунна при участии оберштурмбаннфюрера СС Георга Рингеля и штандартенфюрера СС Альберта Поппа в тот же пункт или, как минимум, в том же направлении, что и две трети «частной коллекции Коха». Куда?

Нас заинтересовал такой факт: один из сотрудников «Штаба Розенберга» занимался оборудованием хранилищ, еще в апреле 1944 года ему показали некие пещеры на западе Рудных гор, однако он никак не мог получить разрешение на их использование, пока наконец в ноябре ему не

сообщили откуда-то «сверху», что «Штабу Розенберга» в использовании данного хранилища отказано. Стало быть, это таинственное хранилище «на западе Рудных гор» существовало и предназначалось для других целей? В документах, которые нам удалось разыскать, нет никаких указаний на то, где оно находилось. Поговаривают: где-то поблизости от железной дороги у Карловых Вар. Но до сих пор там ничего обнаружить не удалось...

Рингель и Попп отвечали за успех этой важной операции. Своего рода «хранителем Грааля» был, на наш взгляд, Георг Рингель: это подтверждают некоторые факты того времени. Альберт Попп, узнав о подписании безоговорочной капитуляции, со всей оставшейся техникой и людьми отправился в Цвиккау, чтобы сдаться в плен американцам. Он умер в 1978 году. Жив ли кто-то еще из посвященных? Смогут ли эти люди освободить свою совесть от страшного бремени?!

ЗАГАДОЧНЫЙ РЕЙС № 19

(По материалам книги Дж. Кларка «Энциклопедия тайн»)

Из всех «таинственных исчезновений», связанных с Бермудским треугольником, несомненно, самым известным является случай с рейсом № 19. Тем не менее, как почти во всех историях о таинственном треугольнике, многие факты, которые сообщают исследователи, не подтверждаются.

...В 2.10 дня 5 декабря 1945 года пять самолетов-бомбардировщиков «Avenger» вылетели с военно-морской базы Форт-Лодердейл, штат Флорида, и направились на восток. Экипаж рейса № 19 состоял из 14 человек — все они были студентами-стажерами, кроме командира, лейтенанта Чарльза Тейлора. Пятеро пилотов только недавно были переведены на эту базу с военно-морской базы в Майами. Тейлор хорошо знал рифы и отмели Флориды, чего нельзя было сказать о Багамах, куда направлялся самолет.

Целью полета являлась испытательная бомбардировка на отмелях Хенс и Чикен, в 56 милях от базы. Затем самолеты должны были лететь дальше на восток еще на 67 миль, а потом повернуть на север и пролететь еще 73 мили. После этого им следовало направиться на юго-запад и, проделав оставшиеся 120 миль, вернуться на базу. Таким образом, им предстояло описать треугольник над тем таинственным местом, которое носит название «Бермудский треугольник».

В 3.40 дня один из пилотов, лейтенант Роберт Кокс, который собирался приземлиться на базе Форт-Лодердейл, случайно услышал по радио сообщение, адресованное некоему Пауэрсу. Пауэрс отвечал: «Я не знаю, где мы. Мы, наверно, сбились с курса после последнего поворота». Форт-Лодердейл попытался связаться с Пауэрсом (это был капитан флота Эдвард Пауэрс-младший), но безуспешно. Несколькими минутами позже Кокс вышел на связь с лейтенантом Тейлором — это он только что разговаривал с Пауэрсом. Тейлор сообщил, что его компасы вышли из строя, однако, по его словам, «я уверен, что мы в районе Флоридских отмелей, но... я не знаю, как попасть в Форт-Лодердейл». Кокс настоял на том, чтобы лейтенант летел на север к Майами, «если вы и правда над отмелями Флориды». Но Тейлор был не над отмелями Флориды, а в районе Багамских островов, и, направившись на север, он все дальше улетал в море. Попытки Кокса и других, старавшихся установить местонахождение

самолетов, оказались безуспешными из-за очень плохой связи с летчиками. В какой-то момент Тейлору было приказано передать руководство полетом одному из стажеров, однако он не подчинился; обрывок его разговора с другим пилотом, случайно услышанный сотрудниками базы, указывал на то, что между Тейлором и другими летчиками возникли споры и разногласия. Около 4.30 Тейлор по радио спросил у служащих Эверглейдс (это отделение спасательной воздушно-морской службы, находящееся возле Форт-Лодердейла): «Вы согласны с мнением моего стажера, что нам следует лететь на запад?» Служащие порта, не зная, где находятся самолеты, просто подтвердили, что сообщение ими принято. Если бы самолеты в тот момент направились на запад, трагедии бы не произошло.

В 4.45 Тейлор сообщил, что самолеты направятся на северо-восток, а потом — прямо на север, «чтобы убедиться, что мы не над Мексиканским заливом». К тому времени люди, следившие за полетом, были уже не на шутку встревожены: они поняли, что Тейлор не просто временно сбился с курса, как случается со многими летчиками, а по-настоящему потерялся и не имеет представления, где находится. Наступали сумерки, и атмосферные помехи, и без того сильно мешавшие вести переговоры, стали усиливаться. Сквозь шум в эфире были слышны голоса стажеров, которые сетовали: «Если бы мы просто полетели на запад, мы вскоре оказались бы дома». Тем не менее самолеты направились на север, на несколько минут слегка отклонившись на восток. В 5.15 Тейлор сообщил в Порт Эверглейдс: «Теперь мы летим на запад». Тейлор связался и с пилотами других самолетов, предлагая им следовать тем же курсом, — ведь как только у одного из самолетов закончится горючее, все должны были приземлиться.

Солнце зашло в 5.29. С севера надвигалась непогода, и поэтому ситуация становилась еще более серьезной. Кроме того, никто на земле не знал, где находятся самолеты. Около 6 вечера связь на некоторое время улучшилась. Тейлору было приказано переключиться на частоту 3000 килогерц, как обычно поступали в аварийных ситуациях, однако он отказался это сделать, боясь потерять связь с другими самолетами. К сожалению, радиостанции Кубы создавали сильные помехи, а другие береговые службы уже не могли расшифровывать слабый сигнал базы Форт-Лодердейл. Из-за этого самолеты рейса № 19 практически потеряли всякую связь с внешним миром.

Несколькими минутами раньше, в 5.50, сотрудникам Морского пограничного центра вроде бы удалось определить приблизительное местонахождение самолетов: к востоку от побережья Нью-Смирна, Флорида, далеко на север от Багамских островов. В 6.04 люди, следившие

за полетом, слышали, как Тейлор приказал другим «развернуться и снова лететь на восток». Двумя минутами позже он повторил приказ, объяснив его так: «Я думаю, будет лучше, если нас засекут». По-видимому, он все еще был уверен, что находится над Мексиканским заливом.

К тому времени спасательные самолеты все еще не вылетели на помощь, потому что местонахождение рейса № 19 по-прежнему невозможно было установить, — об этом не знали даже Тейлор и другие члены экипажа. Но в конце концов летающая лодка «Dumbo» в 6.20 вылетела с военно-морской базы Диннер-Ки, Майами, и направилась на северо-восток, надеясь хотя бы случайно выйти на связь с потерявшимися самолетами. Но она вскоре сама потеряла связь с берегом. Некоторое время боялись, что она тоже сбилась с курса, но оказалось, что связь прервалась из-за обледенения антенны, и лодка продолжила свои поиски, которые, к сожалению, не дали никаких результатов.

Через час к поискам присоединился еще один самолет, а также два учебных самолета (№ 32 и № 49), — второй из них вылетел с морской базы Банана-Ривер в 7.27 вечера. Этот самолет должен был догнать первый, который 20 минутами раньше направился к побережью Нью-Смирна. Лейтенант Джералд Баммерлин, пилот самолета № 32, позже рассказывал сотрудникам поисковой службы: «Когда мы в 8.15 достигли того места, где самолеты рейса 19 находились в 5.50, облачность достигала примерно 800–1200 футов. Кое-где шли дожди. Дул западный-юго-западный ветер, его скорость равнялась 25–30 узлам. В атмосфере были очень сильные помехи, и море было очень бурным. Мы летели сквозь ночь, внизу виднелись белые гребни волн».

Тем временем самолет № 49 не смог встретиться с 32-м и не выходил на связь. В 7.50 команда парохода «Games Mill» увидела в небе огромный сполох света, вызванный взрывом самолета. Через несколько минут судно прошло через большое нефтяное пятно на поверхности воды. Люди пытались разглядеть в волнах тех, кто чудом уцелел, или хотя бы тела несчастных, однако безуспешно. Тем не менее моряки видели обломки самолета, но даже не пытались выловить их, так как море было очень бурным. Погода быстро портилась.

У самолетов рейса № 19 к тому времени уже закончилось горючее, и они должны были приземлиться. Последнее сообщение от Тейлора было получено в 7.04. Всю ночь поиски продолжались, хотя этому мешали атмосферные помехи и волнение океана. На следующий день уже сотни самолетов и кораблей тщетно искали в бурном море исчезнувшие самолеты «Avenger», а также пропавший учебный самолет «Martin Mariner».

3 апреля 1946 года, когда интенсивные поиски следов этой нашумевшей воздушной катастрофы завершились, сотрудники военно-морских сил заявили, что «командир рейса ошибся, решив, что самолеты находятся над отмелями Флориды, — он был уверен в этом, увидев на горизонте острова, и это трагическим образом повлияло на его последующие решения и сбило его с толку... он приказал самолетам направиться на восток... а ведь они тогда, несомненно, находились как раз к востоку от Флориды». Когда мать и тетя Тейлора отказались принять этот вердикт, руководство ВМС учредило совет экспертов для пересмотра данного отчета. В августе члены совета заявили, что считают первоначальное заключение о причинах трагедии верным. Разъяренные женщины наняли юриста. 19 ноября конфликтная комиссия объявила первоначальный вердикт неверным и официально объявила, что катастрофа произошла «по неизвестным причинам».

Причины исчезновения учебного самолета представлялись вполне ясными. Самолеты типа «Mariner» в то время называли «летающими газовыми бомбами» — они могли взорваться даже из-за зажженной сигареты или электрической искры. Что же касается самолетов «Avenger», то никто из тех, кто расследовал это дело, не сомневался, что 50-футовые океанские волны захлестнули их и через несколько минут остатки самолетов оказались на дне.

Загадочная история с рейсом № 19 вновь появилась в газетах весной 1991 года, когда команда исследовательского судна «Deep Sea», разыскивавшего остатки затонувших испанских галеонов, обнаружила в 10 милях к северо-востоку от Форт-Лодердейла почти неповрежденные остатки пяти самолетов «Avenger», лежащие на глубине 600 футов на дне океана. На одном из самолетов был номер 28 — как на самолете Тейлора. Но 4 июня Грэхем Хокс, руководивший исследованиями, пришел к выводу, что самолеты были не из рейса № 19! Номера на других самолетах не совпадали с теми, что были на пропавших из рейса № 19. Кроме того, это были более старые модели «Avenger».

В 1985 году Виллард Штолл, возглавлявший рейс № 18, начавшийся всего за полчаса до вылета Тейлора, вспоминая происшедшее, отмечал: «Что же, черт возьми, случилось с Чарли? Конечно, эти самолеты недаром прозвали “железными птицами”. Ведь каждый самолет весил 14000 фунтов — это один лишь корпус. Так что, упав в воду, они затонули очень быстро. Но ведь “Титаник” в конце концов нашли и, может быть, когда-нибудь найдут и Тейлора, и всех остальных. Где бы они ни были, они вместе».

ЗОЛОТО НАЦИСТОВ

(Материал Г. Саркисова)

В феврале 1945 года в Северной Италии, в долине альпийской реки Тикосы двигалась колонна немецких военных грузовиков. Машины с трудом преодолевали горную дорогу — в кузовах явно везли что-то очень тяжелое. Необычной была и охрана колонны: впереди двигались два танка и бронетранспортер, за ними следовал грузовик, битком набитый вооруженными эсэсовцами, а замыкал колонну еще один бронетранспортер.

Оберштурмбаннфюрер СС барон Руди де Магистрис задремал в теплой кабине грузовика. Разбудили его выстрелы и крики:

— Партизаны!..

Сон как рукой сняло. Руди выскочил из кабины и бросился к кювету, на ходу вытаскивая из кобуры парабеллум. Но воспользоваться оружием он не успел. Здоровенный итальянец в обмотках подбежал к Руди, и последнее, что успел увидеть отпрыск знатной саксонской фамилии, — это занесенный над ним кованый приклад карабина.

Когда Руди очнулся, бой уже закончился. Он подполз к краю кювета и увидел лежащие вдоль дороги трупы эсэсовцев. Еще он увидел, как партизаны быстро перегружают ящики из машин на откуда-то взявшиеся телеги. Перед тем как потерять сознание, Руди услышал таинственное слово, которое повторяли партизаны:

— Баргальи!.. Баргальи!..

Так началась история с исчезновением нацистского золота в горах Северной Италии. Вернее, эта история началась намного раньше. И все таинственные события, случившиеся в горной итальянской деревушке Баргальи во время войны и после нее, — только одна из глав кровавой саги о нацистских богатствах, бесследно исчезнувших вместе с отступавшими фашистами.

...В декабре 1944 года Гитлер приказал забрать из Центрального банка Рима 120 т золота. Приказ был выполнен: конфискованное у Италии золото с немецкой педантичностью пересчитали, тщательно упаковали в деревянные ящики, погрузили в машины и отправили в Германию. Во главе охраняемой отборными частями СС колонны стоял оберштурмбаннфюрер СС барон Руди де Магистрис. Когда колонна выезжала из Рима,

итальянский военный оркестр по требованию немцев исполнил что-то из Вивальди...

В долине Тикосы колонну с золотом перехватили итальянские партизаны, большинство из которых были уроженцами деревни Баргальи. Перебив эсэсовскую охрану, итальянцы перегрузили золото на подводы и ушли, не подозревая, что один из эсэсовцев чудом остался жив. С тех пор о судьбе этого золота ничего неизвестно. А в Баргальи начались таинственные убийства.

Первой жертвой охватившей Баргальи золотой лихорадки стал полицейский Кармине Скотти, которому поручили расследовать дело об исчезновении трофеев. Через несколько дней после начала расследования его изуродованное тело нашли на окраине деревни. Перед смертью полицейского подвергли чудовищным пыткам и заживо зажарили на вертеле...

Еще через два месяца, в апреле 1945 года, четверо партизан, участвовавших в налете на немецкую золотую колонну, были расстреляны из пулемета. Говорили, что их казнили за предательство, но кого предали эти несчастные, осталось тайной. За несколько послевоенных лет, до 1950 года, в деревне Баргальи при невыясненных обстоятельствах погибли 13 человек. Все они так или иначе были причастны к нападению на немецкую колонну...

Пятидесятые годы прошли спокойно, и многим в Баргальи стало казаться, что давняя история с золотом канула в Лету. Но в декабре 1961 года 72-летний могильщик Джузеппе Муссо свалился с моста в ров и раскроил себе череп. Ровно через 8 лет, в декабре 1969 г., в собственном доме была до смерти забита 64-летняя Мария Валетто.

В ноябре 1972 года на пустынной ночной улице обнаружили изуродованный труп 76-летнего Джероламо Канобио. За пару часов до этого его видели в местной таверне: пьяный Джероламо хвастался, что знает, где закопано нацистское золото...

В марте 1974 года кто-то камнем разбил голову 74-летней Джулии Вичаве. А 27 июля 1974 года поздно вечером постучались в дом местного парикмахера Сальваторе Ленарди. 78-летний старик открыл дверь и через секунду упал, обливаясь кровью: пули, выпущенные из двустволки, снесли ему полчерепа.

В марте 1976 года 54-летнего Пьетро Чеваско нашли в лесу повешенным. В июне 1978 года 69-летний Карло Спаллароза погиб страшной смертью: сначала он сломал себе позвоночник, «упав» со скалы, а потом кто-то отрубил ему голову. Это была двадцать первая жертва

«чудовища из Баргальи», к тому времени убившего семнадцать мужчин и четырех женщин. Все они когда-то были партизанами.

В 1974 году в этой истории неожиданно появился новый персонаж. Звали ее баронесса Анита де Магистрис. Старушка поселилась на вилле в окрестностях Баргальи, часто приезжала в деревню и о чем-то подолгу беседовала со стариками. Местные называли ее баронессой и, надо сказать, уважали: пожилая синьора аккуратно посещала церковь и даже стала руководить церковным хором. Но главное — баронесса была вдовой Руди де Магистриса, который в феврале 1944 года возглавлял нацистскую золотую колонну. Тогда барон остался жив и, видимо, позже рассказал жене о судьбе пропавшего золота. После смерти мужа Анита де Магистрис переселилась поближе к Баргальи. О дальнейших планах настырной баронессы теперь, увы, никто никогда не узнает: в июле 1983 года она стала жертвой нападения неизвестного преступника, ударившего ее дубинкой по голове...

Таинственного убийцу из Баргальи так и не нашли. Возможно, это дело рук кого-то из бывших партизан, знавшего тайну нацистского золота. Не исключено, что старик действовал не один, а с кем-то из родственников (сыновьями, внуками или племянниками), с которыми он поделился своей страшной тайной. Но вот что любопытно: Баргальи до войны была беднейшей деревней в округе, а в мирные времена сразу стала самой богатой. Видимо, трудолюбивые люди живут в этой горной итальянской деревушке...

БОРМАН... ЖИЛ И УМЕР В КРЫМУ?

Этого и самая буйная фантазия не могла допустить: Мартин Борман, правая рука Гитлера, «серый кардинал» в верхушке Третьего рейха, который после бегства Рудольфа Гесса имел неограниченное влияние на фюрера, был... глубоко законспирированным агентом советской разведки и передавал ей сведения, которые решили исход Второй мировой войны.

Именно он сообщил Москве точную дату и час германского наступления на Курской дуге летом 1943 года. Это дало возможность Советской армии предупредить противника и нанести массированный артиллерийский удар по изготовившимся к атаке немецким войскам, в результате чего было уничтожено множество гитлеровских танков, орудий, бронетранспортеров и солдат.

Точное время начала наступления на Курской дуге было известно только нескольким лицам из ближайшего окружения Гитлера. Кто же из них предатель? Анализ дает однозначный ответ: Мартин Борман.

Никогда еще советская разведка не поднималась до такого уровня, как в этом случае. Под прикрытием пресловутой «Красной капеллы» действовал главный информатор! Теперь понятно, почему его имя осталось неизвестным: потому что он был одним из руководителей гитлеровского режима, и опубликование этих сведений существенно изменило бы официальную версию событий Второй мировой войны...

Но вернемся к основной теме. Сталин не желал войны с Германией в те сроки, в которые она началась. Он хотел навязать Гитлеру свою игру. Все указывает на то, что Сталин рассчитывал на своих приверженцев в руководстве рейха. Вероятно, что среди них были всемогущий в то время министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп (позднее он был полностью изолирован) и... Генрих Гиммлер, шеф СС и СД!

Оказывается, что «вернейший из верных», как называли Гиммлера в Германии, на одном из этапов был горячим сторонником германо-советского сотрудничества, особенно по линии служб безопасности. Еще до 1939 года СС и НКВД обменивались курсантами, обучавшимися в учебных центрах обеих стран. С осени 1939 года в составе офицерской школы СС в Берлине имела рота НКВД, личный состав которой периодически менялся. А в учебном центре НКВД в Москве имела немецкая рота, действовавшая по тому же принципу.

Это сотрудничество прекратилось в июне 1941 года, но уже в сентябре через нейтральную Турцию стороны осуществили обмен курсантами, причем несколько советских курсантов выбрали «свободу», оставшись в Германии. Переговоры в Анкаре продолжались несколько недель, пока не были прерваны до «лучших времен».

Из Берлина на переговоры прибыл сам Рейнхард Гейдрих — заместитель Гимmlера, который уже имел опыт плодотворного сотрудничества с соответствующими советскими органами. В августе 1939 года в Берлине его посещал заместитель Лаврентия Берии — Виктор Абакумов. Во время встречи Гейдрих посвятил его в тайные планы фашистской Германии, включая предстоящую агрессию против Польши и готовящуюся для этого провокацию в Гливице. Гейдрих даже свозил Абакумова на маленьком самолете, который сам пилотировал, на место будущей провокации. Здесь их сопровождал шеф местного гестапо.

В сентябре 1941 года в Анкаре Гейдрих снова встретился с Абакумовым. Каков был результат? Трудно сказать. Вероятно, два генерала, считавшиеся «серыми кардиналами» своих разведок, решили поддерживать старые приятельские связи. Оба были противниками советско-германского вооруженного конфликта, но, увы, в этой ситуации они были беспомощны.

Гимmlер знал взгляды своего заместителя и даже одно время был согласен с ними, но, бесконечно преданный фюреру, был вынужден отодвинуть Гейдриха на задний план. Гейдрих был назначен генерал-губернатором протектората Чехия и Моравия, но и в Праге он продолжал поддерживать свои старые связи с чекистами. Не исключено, что на это имелась молчаливая санкция Гимmlера.

Однако в дело вмешалась английская разведка. Ее агенты были направлены в Прагу с заданием ликвидировать Гейдриха. Так его не стало... Оказали ли тем самым англичане услугу своим советским союзникам? Почему был ликвидирован именно Гейдрих, ведь имелись нацистские преступники гораздо более важные, чем он?

Ликвидация Гейдриха являлась исключительно тонкой операцией. Благодаря ей был прерван важнейший контакт супертайной германо-советской оси.

И именно тогда появляется Мартин Борман...

Как это случилось?

Версии различны. Не исключено, что он был введен в игру самим Гейдрихом. Но одно безусловно: с середины 1942 года советская разведка начала получать сверхсекретную информацию, источник которой находился в самом близком окружении Гитлера. Анализ дат, чисел и

персоналий объективно и безошибочно указывает на то, что эта информация шла от Мартина Бормана.

После войны он не бежал ни в Аргентину, где его якобы «видели» соответственно выдуманному сценарию его псевдобегства, ни на Ближний Восток, ни в Австралию. Спасенный среди развалин горящего Берлина советской разведкой, он безмятежно доживал свою старость в одной из многочисленных крымских резиденций, пользуясь до конца своих дней расположением советских спецслужб.

Эта, казалось бы, невероятная на первый взгляд версия в последнее время находит своих сторонников как среди западных, так и у отечественных историков Второй мировой войны. Во всяком случае, у ее оппонентов нет достаточных аргументов, чтобы ее опровергнуть...

ГИТЛЕР: ОДИССЕЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ?

В июле 1945 года некоторые аргентинские газеты напечатали сенсационное сообщение о высадке с подводной лодки на побережье этой страны Гитлера и его жены Евы Браун. Скорее всего, причиной подобных публикаций стало прибытие к берегам Аргентины немецкой подводной лодки U-530. Буквально в те же дни в газете «Трибуно» появилась информация о захвате еще двух фашистских субмарин. Хотя аргентинское правительство приняло решение о передаче подлодки U-530 и ее экипажа США и Англии и сообщило, что уведомлено о возможности появления Гитлера в этой стране и проведет расследование, откуда взялось известие о его прибытии, нельзя отрицать того, что с таинственной подлодки действительно могли высадиться сбежавшие нацисты, чтобы найти укрытие на земле Аргентины. Но имел ли Гитлер возможность бежать? Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, надо вернуться к последним дням фюрера в апреле 1945 года.

20 апреля в бункере под рейхсканцелярией фюрер отметил свой день рождения — ему исполнилось 56 лет. Гитлер принимал поздравления и, несмотря на крайне тяжелую обстановку в Берлине, не терял надежды переломить ситуацию. 21 апреля он приказал генералу СС Штайнеру отбросить русских от Берлина. Однако сил для наступления не осталось, а передовые части Советской армии уже вошли в столицу рейха. 22 апреля фюрер узнал от Кейтеля и Йодля правду об истинном положении дел на фронтах. У Гитлера началась страшная истерика, он рыдал от ужаса, осознавая неизбежность краха и расплаты за совершенные преступления. Именно тогда фюрер решил покончить жизнь самоубийством.

29 апреля пришло известие о смерти Муссолини, которое укрепило эту решимость Гитлера. Вечером того же дня состоялась церемония бракосочетания Гитлера и Евы Браун. 30 апреля в 2.30 ночи Гитлер стал прощаться с ближайшим окружением. Вскоре Гитлер и Ева Браун закрылись в своих апартаментах, раздался выстрел: Гитлер застрелился, а его жена приняла яд. Их тела вынесли в сад, находившийся рядом с запасным входом в бункер, полили бензином и подожгли.

Такова вкратце общепринятая версия относительно последних дней Гитлера, основанная на свидетельствах уцелевших обитателей бункера. Однако очевидцы дали и повод к сомнениям.

В самом деле, по одним сведениям, самоубийство фюрера и Евы Браун произошло в комнате с картами (Гейнц Линге, камердинер Гитлера), по другим — в гостиной (Отто Гюнше, адъютант фюрера). Личный пилот Гитлера говорил, что и Ева Браун и Гитлер застрелились, другие же настаивали, что жена фюрера приняла яд. Даже «трогательная» картина бракосочетания вызывает сомнения: летчица Ганна Райч утверждала, что никакой свадьбы вообще не было... Противоречивы также показания о том, как застрелился Гитлер: одни говорят, что фюрер стрелял себе в рот (Эрих Кемпка, шофер Гитлера), другие — в висок (Г. Линге). Довольно странным является, по словам Хью Томаса, и описание положения, в котором были обнаружены трупы: Ева и Адольф лежали рядом на диване, женщина подогнула ноги под себя, а ее голова покоилась на плече Гитлера. Такая «идиллия» была совершенно невозможной. Если Ева приняла цианистый калий, то она должна была биться в конвульсиях. В любом случае трупы не могли находиться в описанных свидетелем позах.

По распоряжению фюрера, тела его и Евы должны были быть сожжены. Трупы из бункера вынесли Борман, Геббельс, Гюнше и еще четверо приближенных. В нескольких метрах от входа тела уложили в небольшое углубление, облили бензином и подожгли. Периодически эсэсовцы подливали бензин, чтобы горение продолжалось. Однако, описывая процесс уничтожения трупов, очевидцы позже путались в показаниях. На первых допросах Линге затруднялся ответить, что было сделано с телом Евы Браун, потом тот же Линге описывал жуткую картину, как Ева Браун в результате окоченения сложилась пополам и сидела в огне с вытянутыми руками... Гюнше заявил, что от Евы остался один пепел, однако показания о том, что трупы сгорели до конца, явно ложные. Почему тела не сожгли полностью? Вызвано ли это халатностью, безразличием или на то были свои причины?

Дело в том, что при отсутствии трупа смерть считается неустановленной. Никто не поверил бы показаниям очевидцев, тем более таким путаным, и Гитлера с Евой стали бы разыскивать. А ведь многие нацисты, сделав себе пластические операции и приобретя фальшивые документы, имитировали свою смерть. Некоторые даже ставили надгробные памятники с трогательными надписями от «убитых горем» близких, хотя хоронили при этом другого человека, тем более трупов в Германии тогда хватало.

Если преследовалась подобная цель, то тела должны были уцелеть именно частично, когда опознание можно провести только по зубам, каким-то прижизненным дефектам, травмам костей (переломы и др.), а, как

известно, зубные протезы и пломбы легко скопировать, например для двойника.

Но был ли у Гитлера двойник? Точно не установлено, однако известно, что существовал некий Густав Велер, очень похожий на фюрера, который до 1944 года проживал в Берлине. НКВД не удалось найти его следов. Может, именно уцелевшие двойники и породили слухи о чудесном спасении Гитлера?

Сталину требовались неопровержимые доказательства смерти Гитлера. Возможно, он опасался, что фюреру удалось его перехитрить и избежать возмездия. Поэтому НКВД проводило тщательное расследование всех обстоятельств самоубийства фюрера. После того как обнаружили полусгоревшие трупы Гитлера, Евы Браун, Геббельса и его жены Магды, тела тщательно исследовали. Подлинность трупов Геббельса и его жены Магды не вызвала сомнений. Тела Гитлера и Евы Браун опознали по уцелевшим зубам. Кетте Гойзерман, помощник профессора Блашке, дантиста Гитлера, подтвердила, что обнаруженные зубы действительно принадлежат Адольфу Гитлеру и его любовнице Еве Браун. С ее показаниями согласился и дантист Фриц Эхтман.

В некоторое замешательство сотрудников НКВД привел тот факт, что Гитлер не принимал цианистый калий. Ампула с ядом была раздавлена уже в челюсти трупа... Та же самая имитация отравления наблюдалась и у Евы Браун, только ее при жизни еще и смертельно ранили шрапнелью... Зачем было имитировать отравление фюрера, если он «героически» застрелился? Кроме того, у трупа Гитлера отсутствовали правая стопа и нижняя часть берцовой кости, которые при данной сохранности тела не могли сгореть полностью. Если вместо Гитлера сожгли двойника, то у него на ноге в этом месте вполне могли быть дефекты, которых не было у Гитлера, поэтому данную часть скелета следовало уничтожить. Не совпали и группы крови, обнаруженной на диване и кровати в месте предполагаемого самоубийства, с группами крови трупов.

Как же умер Гитлер? Почему темнят его приближенные? Существуют показания, что фюрер просил Линге, чтобы тот пристрелил его, когда он примет яд. Возможно, у Гитлера не хватило мужества покончить жизнь самоубийством, и его просто убили, после чего придумали легенду о «героической» смерти «вождя нации».

РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ БЫЛ НЕ ТОЛЬКО ШВЕДСКИМ ДИПЛОМАТОМ, НО И АМЕРИКАНСКИМ ШПИОНОМ

(Материал В. Надеина)

Рауль Валленберг, знаменитый шведский дипломат, который спас от неминуемой смерти 20 тысяч евреев в оккупированном немцами Будапеште, а затем сгинул в сталинском ГУЛАГе, был американским разведчиком. К этому сенсационному выводу пришел американский журнал «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт» после полугодового расследования одной из самых загадочных историй конца Второй мировой войны.

Затребовав от ЦРУ документы и получив их на основании американского Закона о свободе информации, «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт» опросил также десятки свидетелей и специалистов в России, Швеции, Венгрии, Польше, Германии, Бразилии и Соединенных Штатах. «Пятьдесят лет разведка США хранила молчание, чтобы не подтверждать советских обвинений, будто он (Валленберг) был американским шпионом, — утверждает журнал. — Сильна была надежда, что он все еще был жив, но еще сильнее были страхи, что любой намек на связи с разведкой США вызовет советский гнев». Хотя ЦРУ предоставило журналу несколько сот страниц документов, относящихся к делу Валленберга, оно тщательно вычеркнуло фамилии тех агентов, которые докладывали о шпионской деятельности шведского дипломата.

Прибыв в Будапешт, шведский аристократ Рауль Валленберг совершил величайший подвиг. Если спасший одну жизнь — герой, как же назвать того, кто уберег от неминуемого уничтожения тысячи невинных душ? Р. Валленберг раздавал налево и направо шведские охранные записки, которые сам же печатал в немыслимых количествах. Он подкупал венгерских и немецких нацистов, организовывал фальшивые международные запросы, грозил конкретным исполнителям карами. Немцы устраивали на него покушения и не раз были близки к цели.

Семья Валленбергов, которых называли шведскими Рокфеллерами, успешно торговала с Германией многими, в том числе и стратегическими, товарами. Дипломатический паспорт и нежелание возбудить против себя благожелательно нейтральную Швецию до поры спасали Валленберга.

Активный антифашизм и семейная выгода от торговли с нацистской Германией — не единственное и не главное противоречие в судьбе Валленберга. Он был завербован Оливером Ольсенем, шведским бизнесменом, который сам состоял на службе в Управлении стратегических служб — предшественнике Центрального разведывательного управления. Валленберг согласился сотрудничать с американцами без малейших колебаний. Его кандидатура была одобрена лично президентом Франклином Рузвельтом. В миссию Валленберга входило не только спасать евреев и даже не только держать связь с силами Сопротивления в Венгрии, но и поставлять разведывательную информацию.

Стокгольм, блюдя свою нейтральность, неохотно согласился назначить Валленберга своим будапештским консулом, но все же согласился, уступив американскому давлению. Это и создало в судьбе шведского аристократа изломы, которые впоследствии изуродовали всю его жизнь. Строго говоря, никто, заступаясь за Валленберга, не сказал советским властям всей правды. И это не могло не вызвать в Москве недоверия. Шведы не столько боялись, сколько стыдились подтвердить условность своего нейтралитета. Американцам тоже не с руки было в открытую вступаться за своего человека, которого назвать «своим» они формально не могли.

Журнал пишет, что в дни советского наступления на Будапешт Валленберг выезжал на места боев, где умудрялся с немецкой стороны под огнем фотографировать советскую артиллерию. Разведывательный характер этих действий не вызывает сомнений.

Расследование журнала подтверждает прежние сомнения Запада относительно даты и обстоятельств гибели Валленберга. Многие утверждают, что видели его позже 1947 года, когда, согласно официальному заявлению КГБ, шведский дипломат отошел в мир иной. Журнал приводит свидетельства ряда лиц: Густава Рихтера, сокамерника, Богуслава Рая, польского зэка. Но всего более впечатляет свидетельство 72-летней Лариной, в свое время служившей прачкой во Владимирской тюрьме. Из множества фотографий пяти мужчин совпадающего с Валленбергом возраста она без колебаний указала на шведского дипломата. Она не запомнила его имени — только номер камеры, 49-й одиночки. «Он был высоким, темноволосым, лысеющим, — вспоминала Ларина. — Вечно хныкал. Вечно всем недоволен». Она приводила факты, когда заключенный отказывался от супа. Миска оставалась нетронутой у окошка в двери. А зэк, вопреки жестким советским правилам, объявлял суп слишком холодным и требовал вызвать начальника тюрьмы. Профессор Чикагского университета Марвин Макенен, который консультировал совместную шведско-

российскую комиссию по Валленбергу, считает такое поведение вполне оправданным: заключенные используют любые методы, чтобы привлечь к себе внимание властей.

«Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт» пишет, что западный образ мыслей сыграл с Валленбергом злую шутку. По пути в Москву, еще не до конца уверенный в своем статусе арестованного, Валленберг делал разведывательные записи обо всем увиденном и услышанном в форме подготовительных заметок якобы для романа о шпионской деятельности. Каково же было его изумление, когда советские чекисты, не обременяя себя глупыми, по их мнению, формальностями, изъяли все записи без судебных церемоний, внимательно проштудировали их и использовали для доказательства того, что Валленберг оставался шпионом даже после задержания.

Шведский посол Ангер, посвятивший свою жизнь исследованию истории Р. Валленберга, в 1989 году уговорил канцлера ФРГ Гельмута Коля позвонить Михаилу Горбачеву и попросить «отпустить этого старика». Ангер слушал ответ генсека по параллельному телефону. Горбачев, как утверждает журнал, помолчал, а затем сказал, что у него нет контроля над КГБ.

И все же главное в публикации «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт» не новые, ранее неизвестные детали. Главное — это довольно веские доказательства того, что запутанность положения американской разведки и шведского правительства парализовали волю двух стран в освобождении дипломата. Как полагает журнал, Москва, убедившись в шпионской сути Валленберга, вполне могла ждать предложения об обмене, но не дождалась.

ЛЕДОВЫЕ БАЗЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

История побежденного Третьего рейха полна загадок. Так, лишь спустя многие годы после окончания войны стали известны некоторые детали разработок секретных лабораторий и заводов, принадлежавших тайному нацистскому ордену, замаскированному под структуру СС во главе с Генрихом Гиммлером. В его ведении находились и мистико-окультиные общества «Туле», «Черное солнце», «Вриль» и другие. Одно из них, берлинское общество «Блистающая ложа», или «Общество Вриля», с 1939 года разрабатывало методы психотронного воздействия и массового зомбирования людей.

Тайные общества, составившие костяк нацистского режима, преследовали зловещие цели. Нацисты были убеждены, что устройство мира можно изменить по воле группы «посвященных» лиц и посредством неограниченного насилия. Сognaв в свои секретные лаборатории многих талантливых ученых и инженеров, общество «Туле» приступило к разработке новейших образцов техники и средств массового уничтожения людей. Во главе этого общества стояли Рудольф Гесс и Карл Хаусхоффер, превратившие «Туле» в идеологический центр нацизма, в котором оккультные науки играли далеко не последнюю роль.

Особенное внимание нацистских оккультистов привлекал Тибет, якобы являвшийся хранилищем неких «тайных» знаний, с помощью которых они рассчитывали покорить мир. Агенты организаций «Туле» и «Вриль» наводнили Индию и Тибет в поисках древних манускриптов на санскрите. Были найдены и переправлены в Германию манускрипты «Виманика Шастра» и «Самарангана Сутрадхаран», в которых якобы описывались летательные аппараты древности и технологии их изготовления с указанием необходимых материалов (почему-то в основном речь шла о дереве). В числе этих аппаратов упоминается и огромный «шакуна виманас», якобы напоминавший своим внешним видом современные космические корабли.

Наряду с поиском «древних рукописей» гитлеровцы преследовали и иную, более важную цель: они стремились организовать в Индии ячейки нацистской партии, которая должна была стать «пятой колонной» в этой далекой английской колонии. Уже в 1926 году в Берлине и Мюнхене появляются колонии тибетцев и индусов, из которых в дальнейшем начал

формироваться «индийский легион» СС. Связи с Индией не прекращалась вплоть до 1945 года. Заканчивая битву за Берлин, советские штурмовые отряды обнаружили в бункерах и коридорах имперской канцелярии десятки трупов, одетых в форму СС без знаков различия и без документов. Это были тибетские и индийские оккультисты, готовившие вместе с нацистами захват власти над всей планетой с помощью психотронного оружия...

Под прикрытием всей этой оккультной возни, начиная с 1938 года, к берегам Антарктиды регулярно направлялись экспедиции, организованные СС. В состав экспедиций входили геологи, специалисты по сооружению подземных объектов, инженеры. В районе Земли Королевы Мод были обнаружены обширные области, свободные ото льда. Позднее сюда прибыли специалисты по морской биологии. Грузовые суда под охраной подводных лодок наращивали переброску горючего, запасов продовольствия и разнообразного оборудования. К этому времени один из ученых, работавших в секретных лабораториях общества «Туле» — Виктор Шаубергер, без всяких тибетских манускриптов создал основы аэродинамики скоростного истребителя в виде диска. Его испытания должны были проходить на секретной базе СС в Антарктиде.

В конце концов строительство огромной подземной базы «Neuschwabenland» («Новая Швабия») было завершено. Антарктическую тайну Третьего рейха охраняли лучшие экипажи подводных лодок, пускавшие на дно любой корабль, оказавшийся на трассе каравана от Южной Африки до Земли Королевы Мод. Во время войны антарктические подземные комплексы обеспечивали разработку и испытания новейшего оружия нацистов. Однако по мере того как война шла к завершению, налаженная система производства, снабжения и секретности все чаще стала давать сбои. К концу 1943 года на южноамериканские базы окончательной сборки было направлено всего 20 дисколетов.

Впервые о масштабе и целях грандиозных работ в Антарктиде стало известно после захвата двух подводных лодок у побережья Аргентины. Близился конец войны, и американцы поспешили прибрать к рукам все, что имело отношение к секретным разработкам, сосредоточенным в главной антарктической базе — «Новый Берлин», или «База-211».

В 1947 году американский адмирал Ричард Берд, получив приказ уничтожить «Базу-211», сформировал эскадру из 13 кораблей, имевших на борту 4000 человек солдат и вспомогательного персонала. На подходе к берегам Земли Королевы Мод эскадра была атакована летающими дисками, наводившими ужас на экипажи кораблей. Они сделали свое дело — эскадра поспешила покинуть прибрежные воды. Это был первый военный визит в

тайное логово ордена СС.

В конце 1947 года после изучения неудавшейся экспедиции Берда в высших эшелонах ВМС США стали известны некоторые подробности этого похода. Адмирал писал, что, когда до береговой черты, относительно свободной ото льда, оставалось не более 2 миль, он и радист перешли на палубный самолет-корректировщик С-47 и поднялись в воздух до 4000 футов. Дав по радиии последние указания по диспозиции ударной группы кораблей, направились к скалистому берегу. При развороте над берегом они заметили в воздухе странные аппараты, похожие на британские солдатские каски. Один из аппаратов оказался над самолетом и повторял его маневры. По своим размерам он был не меньше длины самолета. Удивительным было то, что нижняя его часть все время вращалась, хотя некое подобие танковой башни в центре днища оставалось неподвижным.

Этот диковинный аппарат стал еще больше снижаться над ними. Сигнальные лампы стали мигать, а затем погасли. Пилот, открывший часть бокового окна, что-то возбужденно говорил, показывая рукой вниз. «Это невозможно объяснить, но мы, подобно вертолету, снижались, пока гидролыжи не коснулись земли, — пишет Берд. — К нам подошли трое. Один из них — высокий блондин с жестким выражением лица, жестом показал, куда надо следовать. Через несколько минут мы оказались в каком-то ангаре или служебном помещении. На английском языке с акцентом нам предъявили их обращение к главе нашего правительства. Все сводилось к тому, что правительство Америки не должно взрывать ядерные заряды. Они предупреждали наше правительство о возможных последствиях. Нас вывели на поверхность и проводили к самолету, который оказался у самой кромки воды. Судя по всему, они вызвали свои диски, после чего, подойдя к нам, сказали на немецком что-то вроде “Aufwiedersehen!” (До свидания!)».

После возвращения в США Берд сказал в одном из интервью, что «... если Америке придется воевать еще раз, то можно ожидать атаки с воздуха истребителями, скорость которых позволяет им летать от полюса до полюса». Можно ли верить его словам? Специалисты уже тогда были склонны полагать, что нет. Более близок к истине оказался сэр Рой Феддон, руководитель технической миссии в Германии по линии ВВС США, заявивший: «Я знаком с некоторыми секретными проектами и полагаю, что, если немцы могли бы продлить войну на 8–12 месяцев, мы столкнулись бы с набором абсолютно новых и смертоносных достижений в авиации».

ЧТО ТАИТСЯ НА ДНЕ ОЗЕРА ТОПЛИЦ?

Поздней осенью 1999 года в уединенное кафе на берегу озера Топлиц вошел мужчина лет 45. Он говорил по-английски и представился тренером по кикбоксингу. Поинтересовавшись, можно ли тренироваться рядом на лесной опушке, и получив утвердительный ответ, он удалился.

Хозяин кафе Альбрехт Сиен уже давно ничему не удивлялся. Все послевоенные годы к альпийскому озеру приезжали и приезжают любопытные иностранцы. Чего они тут только не находили: мины, ржавые авиабомбы, целые ящики с фальшивыми деньгами и даже труп спортсмена-ныряльщика. Ореол некоей тайны, витавшей над озером, привлекал искателей приключений и... кормил владельца прибрежного кафе.

Вскоре выяснилось, что «тренер по кикбоксингу» на самом деле хочет заняться поисками нацистских документов, якобы лежащих на озерном дне. Вслед за ним должна была прибыть группа водолазов для осмотра дна озера, глубина которого достигает 103 метров. Спонсорами экспедиции были названы американская телекомпания Си-би-эс и Лос-Анджелесский центр Симона Визенталя. Их цель — поиск материалов и документов времен Второй мировой войны.

Этот озерный край, окруженный труднопреодолимыми отвесными скалами, стал последним прибежищем эсэсовских главарей. В первые майские дни 1945 года здесь, у подножия Мертвых гор, скрывались Эрнст Кальтенбруннер — шеф Главного управления имперской безопасности и начальник еврейского отдела РСХА Адольф Эйхман. Историки и кладоискатели до сих пор точно не знают, сколько золота, денег и тайных бумаг они привезли с собой в багаже и какая часть этих сокровищ была опущена в ящиках на дно Топлицее. В 1959 году здесь извлекли на поверхность фальшивые фунты стерлингов, изготовленные на эсэсовском спецпредприятии «Унтернемен Бернхард». Четыре года спустя австрийское министерство внутренних дел направило в район озера новую группу водолазов, и те подняли со дна еще несколько ящиков, в которых, согласно официальному сообщению, тоже находились фальшивые ассигнации, но каких-либо архивов с материалами и документами не было. Однако в том же 1963 году Симон Визенталь направил письмо главе австрийского МВД, в котором выразил уверенность, «что в Топлицее находятся документы, сообщающие о перемещении германских капиталов, включая так

называемый список держателей вкладов». По словам Визенталя, эти капиталы предназначались для строительства «четвертого рейха».

Теперь Топлицзее вновь должно было стать местом поисков. Представитель Си-би-эс в этом проекте Билл Оуэнс («тренер по кикбоксингу») полагал, что шансы на успех составляют «пятьдесят на пятьдесят». Однако большинство австрийских журналистов были уверены в том, что американцы со своим проектом немного опоздали. Еще недавно в близлежащем городке Альтаусзее жил тот, кто мог бы им точно сказать, имеют ли смысл их поиски или нет. Бывший оберштурмбаннфюрер СС Вильгельм Хеттль находился рядом с Эрнстом Кальтенбруннером в конце войны и встречал Эйхмана еще до того, как тот ушел в подполье. Незадолго до смерти Хеттль сказал, что после него здесь не останется никого из прежде многочисленной общины эсэсовских ветеранов, переживших войну. Когда же речь заходила о «сумасшедших кладоискателях», верящих в то, что в Топлицзее есть нечто более существенное, чем рыба и фальшивые деньги, Хеттль лишь презрительно улыбался.

Тем не менее, если на дне озера действительно обнаружатся новые документы, которые помогут найти награбленное эсэсовцами золото, то этот успех будет очень кстати, так как Центр Визенталя опубликовал недавно имена 50 тысяч жертв нацистских преследований в Австрии и предложил им подать судебные иски с требованием выплаты компенсаций. Кроме того, он потребовал от Швейцарии раскрыть номера 1600 банковских счетов, через которые нацисты оприходовали награбленное. А время не терпит: люди, пережившие войну, уже состарились.

ТАК КТО ЖЕ ИЗОБРЕЛ МИНОМЕТ?

(Материал М. Чекурова)

Большая Советская энциклопедия 2-го издания (1954) утверждает, что «идею создания миномета успешно реализовал мичман С.Н. Власьев, активный участник обороны Порт-Артура». Однако в статье, посвященной миномету, этот же источник констатировал, что «Власьев предложил использовать 47-мм орудие для стрельбы шестовыми минами, конструкция которых была разработана им совместно с капитаном Гобято. Изобретение Власьева получило дальнейшее развитие и позже вылилось в форму современного миномета, занявшего почетное место в системе артиллерийского вооружения». В 1948 году генерал-майор артиллерии А.И. Малофеев на страницах газеты «Красная звезда» также назвал создателем миномета Сергея Николаевича Власьева — офицера порт-артурской эскадры. Отмечалось, что активную помощь ему оказал начальник артиллерийских мастерских капитан Леонид Николаевич Гобято.

Эту же версию поддерживает и Ф. Селиванов в своей книге «Порт-артурский изобретатель» (М., 1952). Однако в книге Ю. Романовского и А. Шварца «Оборона Порт-Артура» (СПб, 1910) отмечается, что идею использования аппарата для метания мин по сухопутным объектам выдвинул лейтенант флота Подгурский. Наконец, полковник В. Михайлов утверждает, что «...первый в мире миномет был создан в 1904 году героическими защитниками Порт-Артура. Офицеры порт-артурской эскадры капитан 2-го ранга Герасимов, лейтенанты Подгурский и Развозов при содействии артиллерийского мастера унтер-офицера Бережного в мастерских, возглавляемых инженер-капитаном Л.Н. Гобято, в августе 1904 года разработали образец минной мортиры» («Отечества щит огневой». Сборник материалов, подготовленный Управлением командующего ракетными войсками и артиллерией сухопутных войск в 1982 году к 600-летию русской артиллерии. М., 1982).

Таким образом, можно заключить, что авторство создания миномета приписывается капитану Гобято и группе офицеров флота: мичману Власьеву, капитану 2-го ранга Герасимову, лейтенантам Развозову и Подгурскому. Прежде чем попытаться определить степень их участия в создании миномета, вспомним предысторию создания этого оружия.

К началу XX века существовало четкое разделение систем

артиллерийского вооружения: пушки, гаубицы, мортиры. Они различались конструкцией материальной части, траекторией полета снаряда и назначением. Кроме того, артиллерия разделилась на полевую и осадную. Первая предназначалась для огневой поддержки армии в полевых боях; вторая — для разрушения оборонительных сооружений в ходе осады крепостей.

Защитники Порт-Артура имели в своем распоряжении различные системы артиллерийского вооружения. Однако в целом они не могли оказывать достаточно эффективного противодействия японским осадным работам. Полевые пушки не годились для этого вследствие настильной траектории полета снарядов и их малой разрушительной мощи, а для крупнокалиберных гаубиц не хватало снарядов. Эффективным средством борьбы могли стать фугасы и мины всевозможных систем, включая морские.

В начале XX столетия на вооружении Порт-Артурской эскадры состояло три типа мин. Во-первых, гальвано-ударная мина заграждения — шарообразная конструкция, с помощью стального троса (минрепа) устанавливаемая на якорю на заданной глубине. Удар корпуса неприятельского корабля по одному из свинцовых колпаков на корпусе мины вызывал взрыв. Во-вторых, мина Уайтхеда — впоследствии ее стали называть «торпеда» — цилиндрический снаряд с винтами и рулями в кормовой части, выстреливаемый с помощью порохового заряда из специального аппарата. Мина Уайтхеда двигалась в воде по заданному направлению с помощью машины, работающей от сжатого воздуха. Заряд взрывчатки в носовой части взрывался при ее столкновении с кораблем противника. Весьма примечательно, что в некоторых историко-литературных сочинениях, авторы которых не разобрались во всех значениях термина «мина», появились даже описания того, как защитники Порт-Артура стреляли по японцам торпедами. Все это недоразумение с «торпедированием» японской осадной армии объясняется тем, что под «метанием мин» скрывалось использование не мин Уайтхеда (торпед), а третьего вида минного оружия. Оно называлось «метательная мина» и состояло на вооружении ряда броненосцев и крейсеров Порт-Артурской эскадры.

Метательная мина представляла собой цилиндрический снаряд с хвостовым оперением. Она имела калибр 225 мм, длину 2,35 м и вес 75 кг (в том числе 31 кг взрывчатки). Мина эта выстреливалась из трубчатого аппарата с помощью порохового заряда и поражала цель на дистанции 100 метров.

Прогресс техники морского боя (прежде всего совершенствование торпедного оружия) сделал метательную мину к началу XX века архаизмом. Однако порт-артурских экспериментаторов это оружие натолкнуло на ценную мысль. Ведь они имели в своем распоряжении гладкоствольный метательный аппарат, который выстреливал оперенный снаряд, обладающий навесной траекторией и большой разрушительной силой. К тому же он был легок и, следовательно, допускал быструю перевозку к месту использования. Для его превращения в «минную мортиру» (так называли экспериментаторы свое творение) требовалось устройство, воспринимающее энергию отдачи в момент выстрела, а также устройства наведения и прицеливания. Создание их было возможным для артиллерийских мастерских Порт-Артура.

А теперь вернемся к вопросу — кто же изобрел миномет?

Первый импровизированный образец миномета появился в осажденном Порт-Артуре в 1904 году. Что же касается автора, точнее говоря авторов его создания, то список их следовало бы начать с тех, кто предложил стрельбу по морским целям оперенными снарядами из трубчатого аппарата. «Минная мортира», созданная на базе этого аппарата, сыграла свою роль в обороне Порт-Артура, хотя и не получила там широкого распространения. Ограниченное количество минных аппаратов на эскадре и боеприпасов к ним, а также малая дальность стрельбы этому способствовали (всего на сухопутном фронте крепости было установлено 6 минных мортир, по другим источникам — 7).

Теперь необходимо остановиться еще на одном варианте «порт-артурского миномета», точнее говоря, на новом виде боеприпасов для навесного огня — «надкалиберной оперенной мины шточного типа». Сущность ее конструкции и способ использования можно определить следующим образом: конусообразная боеголовка соединялась донной частью со штоком, снабженным стабилизатором. Этот шток вставлялся в ствол 47-мм морской пушки (с дула), а с казенной части пушка заряжалась снаряженной гильзой (без снаряда). Мина общим весом 11,5 кг выстреливалась на дистанцию от 50 до 400 метров.

Тот факт, что «минная мортира» была не столько изобретена, сколько переделана из уже существовавшего оружия флота, подтверждает версию о том, что идея создания «минной мортиры» (а ее, без сомнения, можно считать минометом) впервые возникла у русских моряков. Что же касается надкалиберной оперенной мины шточного типа, то создание этого оригинального боеприпаса требовало конструирования ряда деталей, технических расчетов, а главное, наличия специальной технической базы.

Обеспечить все это можно было только силами армейских артиллеристов Порт-Артура. Поэтому здесь трудно переоценить роль начальника артиллерийских мастерских крепости капитана Гобято.

Как видим, русскими защитниками Порт-Артура было создано два типа орудий, стреляющих оперенными снарядами по навесной траектории. Впоследствии они нашли применение как бомбометы и минометы.

ЛЕГЕНДА О «МЕТРО-2»

(Материал В. Егорова и Ф. Аксенова)

С тех пор как государственная мода на секретность сменилась модой на рассекречивание, чего только не говорят и не пишут о московских подземельях вообще и о московском метрополитене в частности. Бесчисленные газетные и журнальные публикации знакомят читателей с воспоминаниями очевидцев — как правило, бывших сотрудников КГБ, Министерства обороны или Генерального штаба, а то и просто случайных людей, ссылающихся на эпизоды из собственной либо чужой практики. Так, метростроевцы рассказывают, как во время закладки будущей станции «Боровицкая» земляной щит наткнулся на железобетонную арматуру тоннеля, не нанесенного ни на один план. Объяснений не последовало — просто дали указание бурить в другом месте...

Корреспондент «Московской правды» Дмитрий Семенов утверждает, что сразу после августовского путча едва не побывал в «Метро-2» самолично. Тогда КГБ пускал журналистов всюду: на пультах правительственной связи, в бункеры, в секретные архивы... «Пообещали нам комитетчики и экскурсию по “Метро-2”, — пишет Семенов, — “не сейчас, а чуть-чуть попозже” (то есть, это означает, что существование гигантской сети подземных сооружений сотрудники госбезопасности косвенно подтвердили)». Правда, экскурсия не состоялась — полгода спустя режим секретности был восстановлен.

Ежегодник военного министерства США «Советские вооруженные силы» в 1991 году опубликовал карту-схему трех спецлиний метро, идущих на глубине 200–300 м от бункера под Кремлем: одна — через командный пункт «Раменки» к аэропорту Внуково-2, другая — к бункерам Генштаба и правительства, расположенным в 60 км к югу от столицы, третья — к главному комплексу командования ПВО, в 25 км к востоку от Москвы. Кстати, о «Раменках»: как утверждал на страницах «Аргументов и фактов» некий офицер КГБ, это не просто командный пункт, а целый подземный город с прекрасно оборудованными жилыми строениями, складами продовольствия и одежды, прачечными, кинотеатрами и т.д. Он сооружен в несколько уровней на глубине от 70 до 120 м и рассчитан на автономное проживание 120 тыс. человек в течение 25–30 лет. В случае нанесения по Москве атомного удара подземный город должен был приютить все

руководство страны вместе с семьями...

Наконец, в 1993-м вышла книга Владимира Гоника «Преисподняя», где можно найти точные координаты правительственных бункеров, построенных до войны и во время войны, а также некоторых тоннелей «Метро-2». Впрочем, это произведение все-таки скорее художественное, нежели документально-хроникальное, и красочное описание быта последних сталинистов, якобы укrywшихся под землей от нестерпимой для них современности, остается на совести автора. И вообще в данном случае трудно судить, где именно кончаются факты и начинается художественный вымысел.

О слухах и домыслах нечего и говорить. Гадают, например, о том, как попал Сталин на «Маяковскую» в ноябре 1941-го, если известно, что из Кремля он не выезжал. Уверяют, что чуть ли не пол-Москвы стоит на изъязвленной метрополитеном (преимущественно секретным) породе, и вообще само строительство пассажирской подземки затеяно в первую очередь для маскировки других глубинных работ. Утверждают также, что «Метро-2» продолжает строиться и сегодня — под эгидой некоего «10-го управления»...

Так что же представляет собой это загадочное метро, в существовании коего ныне уж никто не сомневается? Мы обратились к весьма авторитетному свидетелю — он не просто «бывал», «видел» и «слышал», а сам строил ряд секретных подземных сооружений оборонного назначения в столице. Ханан Исаакович Абрамсон — кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР, горный инженер с 60-летним стажем.

— Начнем с того, что «Метро-2» как такового не существует, — заявил Ханан Исаакович. — Отдельные ветки — да. Они связывают между собой подземные правительственные объекты, причем далеко не все. Включить их в общую метросеть не так-то просто, во-первых, они значительно удалены друг от друга, а кроме того, проложены либо выше, либо ниже действующих линий метрополитена, да и ширина тоннеля нестандартна.

— Ханан Исаакович, а какие секретные подземные объекты довелось строить вам?

— Самые первые. Среди них — бункер Генерального штаба Красной армии под капитальным зданием на Мясницкой, 37. Он сооружался в 1933–1936 годах и имеет выходы как на станцию «Чистые пруды», так и в подвалы самого дома. Это крупный объект: длина 180 м, ширина — 15, высота — несколько этажей. Затем, штаб ПВО Москвы — рядом с Тверской площадью, неподалеку от особняка Генеральной прокуратуры

Российской Федерации. Его строительство началось в 1940-м и завершилось в начале войны. С метро он никак не сообщается, и проникнуть в него можно было лишь через подвал одного из ближайших домов. Еще один бункер, сооруженный мною и коллегами-метростроевцами, — комплекс для правительственной связи на углу Никольской: он начал функционировать лишь в конце войны.

— И какова их судьба сегодня?

— Юридически все перечисленные объекты по-прежнему секретны, хотя теперь это уже секрет Полишинеля. Принадлежат они, как и полвека назад, Министерству обороны и постоянно поддерживаются в рабочем состоянии — на случай чрезвычайных обстоятельств. То есть впустую пожирают колоссальные средства. И таких подземелий по Москве множество. А между тем совершенно очевидно: гораздо разумнее было бы снять режим секретности и передать хотя бы часть бункеров и тоннелей в муниципальную собственность. Поймите меня правильно: я вовсе не призываю рассекречивать все, что настроили под землей. Существует целый ряд объектов оборонительного комплекса, и в наши дни функционирующих по прямому назначению. Но нынешняя российская военная доктрина предусматривает, в частности, отказ от подземных сооружений, не связанных с военной тактикой. Вот как раз их целесообразно употребить на гражданские нужды. Судите сами: Российская государственная библиотека — крупнейшая в стране — не имеет нормального хранилища! Это же не просто позор — это преступление! Музеям негде хранить картины, банкам — деньги, университетам и институтам нужны помещения для лабораторий... Не говоря уж о продуктовых и прочих складах. А подземелья — идеальное решение подобных проблем. От влияний внешней среды они надежно защищены, условия внутри них — я имею в виду температуру, влажность и т.п. — стабильны: чего же еще желать? Наконец, подземелья в большинстве своем весьма объемисты, те, что состоят из многих этажей, оборудованы лифтами...

— А вот один из представителей Генштаба заявил со страниц «Комсомолки»: «Жара в московском подземелье градусов 30–35, а влажность под 100%, но люди привыкли. Внимания друг на друга не обращали. Телеграфисток за женщин не принимали...» Если эти и есть стабильные условия...

— Честно скажу, сообщение озадачивает. На глубине заложения подземных объектов температура горных пород составляет 7–10 градусов выше нуля, а влажность при нормальной работе вентиляции в тоннелях и

на станциях метро не более 60%. При параметрах же, указанных генштабистом, никакая аппаратура не может нормально работать — тем более люди. По-моему, из его слов следует, что в отделке сооружений имеются протечки, а системы вентиляции и кондиционирования никуда не годятся. Я не знаю, какие конкретно объекты он подразумевал, но, очевидно, перед передачей спецподземелий городскому хозяйству необходим тщательный техосмотр, а возможно, кое-где и ремонт. Видимо, за полвека многое пришло в негодность.

— Ханан Исаакович, как бы вы сформулировали свои предположения по дальнейшему использованию подземных сооружений в гражданских целях?

— Собственно говоря, мне уже приходилось их формулировать — в подробном письме, которое я направил мэру Москвы. Вкратце они сводятся к следующему. Прежде всего надо снять гриф секретности и официально опубликовать информацию о реальном состоянии дел на объектах, не связанных с военной тайной и не нужных для обороны. Затем составить перечень сооружений, подлежащих конверсии, реализовать их и полученные средства — вкупе с теми, что шли на их содержание, — передать на строительство метрополитена и городских коллекторных тоннелей. Далее: мы за последние годы безбожно отстали от мировой практики горностроительного производства. Нужна база информации о зарубежном опыте, доступная специалистам-практикам. Имейте в виду, что на Западе тем временем произошел резкий скачок в технологиях и механизации работ.

Кроме того, в Европе и Америке при проектировании подземных объектов сразу предусматривается возможность их двоякого использования — в военных и мирных целях, причем не только для гражданской обороны. Такой опыт есть и у нас — правда, небольшой и, как бы сказать, не совсем тот. В 1969 году начали применять новую, разработанную мной технологию сооружения пусковых шахт в неустойчивых водоносных грунтах зоны покровных отложений — путем погружения крепи в тиксотропной рубашке. Так вот: с военными строителями тогда договорились, что тем же методом они будут строить шахтные стволы на рудниках и прочих невоенных объектах. Тогда же, в 1969-м, эту прогрессивную технологию внедрили на Метрострое. В результате получили немалую прибыль.

Наконец, опыт проектировщиков и строителей бункеров и тоннелей поистине бесценен, и его надо использовать — пока они живы. Точнее мы. Ведь большинство из нас если не в преклонном, то в пенсионном возрасте,

и нельзя терять время.

ОН НАЗЫВАЛ СЕБЯ ЦАРЕВИЧЕМ

(Материал С. Цыганковой)

В январе 1949 года в республиканскую психиатрическую больницу Карелии с диагнозом «маниакально-депрессивный психоз» привезли Семенова Филиппа Григорьевича, заключенного одной из исправительных колоний, что вблизи города Медвежьегорска. В сопроводительных документах значилось, что он дважды перенес инсульт с последующим параличом. Потом наступило улучшение — в такой степени, что он мог выходить на работу. Однако 8 января заключенный внезапно почувствовал сильную головную боль, обратился в санчасть, где ему оказали помощь. А спустя некоторое время Семенов засобирился куда-то ехать, ругал какого-то Белобородова, перестал узнавать окружающих, отказывался от пищи. Поэтому врач колонии и направил Семенова в республиканскую психиатрическую больницу.

Сохранилась история болезни странного пациента под номером 64. На титульном листе значатся его фамилия, имя и отчество, год рождения — 1904, национальность — русский, отрасль производства — экономист-финансист. Далее данные объективного обследования. Отмечено, что больной высокого роста, правильного телосложения с признаками плохого питания, с бледной окраской кожи, одутловатым, асимметричным лицом. Выглядит старше своих лет, мышечная система развита недостаточно. Реакция на свет ослаблена, речь затруднена. Походка неровная, ходит, оттягивая левую ногу. Формальное сознание сохранено, ориентирован по месту и времени.

Казалось бы, ничего особенного, вполне рядовой пациент для психиатрической больницы. Если бы не откровения самого заключенного. Немного приободрившись, Семенов рассказал врачам, что на самом деле он — царевич Алексей Романов, был спасен во время расстрела царской семьи, доставлен в Ленинград, там жил, затем служил в Красной армии кавалеристом, после войны учился в Институте имени Плеханова, работал экономистом в Средней Азии. Всю жизнь его преследует Белобородов, который знает его тайну, именно он и заставил Семенова пойти на хищения, из-за чего тот и попал в лагеря. Как отмечено в истории болезни, манеры, тон, убеждения говорили о том, что пациент был знаком с жизнью дореволюционного высшего света.

С необычным пациентом в больнице долго общались врачи-ординаторы Юлия Сологуб и Далила Кауфман. Как рассказывала впоследствии Далила Абрамовна, это был высокообразованный человек, знавший иностранные языки, много читавший, особенно классику. Свой «бред», именно так — в кавычках — характеризовала Кауфман откровения пациента, он никому не навязывал, это никак не отражалось на его поведении, как бывает обычно у больных, что и ставило врачей в тупик.

По утверждению Семенова, во время расстрела в Екатеринбурге отец обнял его и прижал лицом к себе, чтобы мальчик не видел наведенных на него стволов. Он был ранен в ягодицу, потерял сознание и свалился в общую кучу тел. Его спас и долго лечил какой-то преданный человек, возможно, монах. Несколько месяцев спустя пришли незнакомые люди и заявили, что отныне он будет носить фамилию Ирин (аббревиатура от слов «имя Романовых — имя нации»). Затем мальчика привезли в Петроград, в какой-то особняк будто бы на Миллионной улице, где он случайно услышал, что его собираются использовать как символ объединения сил, враждебных новому строю.

Такой участи себе он не желал и поэтому ушел от этих людей. На Фонтанке как раз записывали в Красную армию. Прибавив два года, он попал в кавалерию. Потом учился в институте. Женился. Сменил фамилию на Семенова, взяв документы родственника супруги.

— Постепенно мы стали смотреть на него другими глазами, — вспоминала Далила Кауфман. — Стойкая гематурия (наличие в моче крови или эритроцитов), которой он страдал, находила себе объяснение. У наследника была гемофилия. На ягодице у больного был старый крестообразный рубец. И наконец мы поняли, что нам напоминала внешность больного, — известные портреты императора Николая, только не Второго, а Первого.

Когда на традиционную консультацию в петрозаводскую психиатрическую больницу приехал известный профессор из Ленинграда Самуил Генделевич, пациента, естественно, показали ему, потому что сами не могли поставить диагноз. А кроме того, консультант был компетентен и в «царских» вопросах. Он знал расположение и назначение покоев Зимнего дворца и загородных резиденций начала XX века, имена и титулы членов царской семьи и ее династических ответвлений, все придворные должности, протокол церемоний, принятых во дворце.

Вопросы с подвохом, которые стал задавать доктор Генделевич, ни к чему не привели. Пациент отвечал с готовностью, не задумываясь, приводя все новые подробности. Держался спокойно и с достоинством. Потом

Самуил Ильич попросил выйти женщин, а сам осмотрел больного ниже пояса.

— Консультант был явно обескуражен, — свидетельствует Далила Кауфман. — Оказалось, что у больного крипторхизм (неопущение одного яичка), который, как выяснилось, отмечался у погибшего наследника Алексея.

При разговоре о его личных отношениях с семьей Семенов разволновался, отвечал сдержанно, было заметно, что это ему неприятно. Рассказал, что у него были единичные галлюцинаторные восприятия (три раза в жизни), когда он видел отчетливо Белобородова, вплоть до мельчайших подробностей его костюма. Сообщил и о беседе с представителем МГБ из Москвы, побывавшим в Медвежьегорске, который заявил ему: «У нас есть официальные документы, подписанные доверенными лицами, о том, что наследник, именем которого вы себя называете, расстрелян, следовательно, вы или авантюрист, или ненормальный».

— Для чего бы мне понадобилось воспользоваться чужим именем, разве я ищу каких-нибудь привилегий, претендую на что-нибудь? — с горечью спрашивал Семенов. — Понимаю, что разглашение тайны может иметь далеко идущие последствия и поэтому всегда готов в случае необходимости уйти из жизни, чтобы не принести невольно зла народу.

Профессор Генделевич дал заключение больному Семенову: парафрения — психопатологический симптомокомплекс, в котором господствует бред фантастического содержания, нередко сочетающий бред величия с идеями преследования. Обо всем этом Кауфман написала известному драматургу Эдварду Радзинскому, автору книги «Господи... спаси и усмири Россию. Николай II: жизнь и смерть» Он, в частности, упоминает Филиппа Григорьевича Семенова как человека, претендовавшего на имя царского наследника. Впрочем, другой тогдашний врач-ординатор республиканской больницы, Юлия Сологуб, соглашаясь с мнением Кауфман об уникальности больного Семенова, сделала оговорку, что вряд ли это царевич Алексей: «...слишком неправдоподобно, чтобы наследник, с его слабым здоровьем, мог вынести такую жизнь. Но что человек этот был близок ко двору — несомненно...»

Подтверждение здравости ума странного пациента получил значительно позже врач республиканской психиатрической больницы Вадим Кивиниеми. Он разыскал в архиве историю болезни Семенова. Там было и неотправленное письмо некоей Асе, написанное поэтическим стилем, изысканным почерком, с подписью в виде вензеля. Это письмо

доктор Кивиниеми направил на специальную экспертизу.

— И каков был ответ? — спрашиваю Вадима Эсковича.

— Вывод эксперта сводился к тому, что автор письма не был психически болен. Хотя под воздействием каких-то телесных или душевных страданий в его личности могли произойти изменения, но, возможно, это было связано с перенесенными инсультами.

Филипп Григорьевич Семенов освобожден из лагеря в 1951 году. А умер он в 1979-м — как раз в тот год, когда на Урале обнаружили останки царской семьи. Его вдова Екатерина Михайловна была убеждена в том, что ее муж — наследник императора. Как вспоминал приемный сын Семенова, отчим любил бродить по городу, в Зимнем дворце мог находиться часами, предпочитал старинные вещи. О своей тайне говорил неохотно, только с самыми близкими людьми. Никаких отклонений у него не было, в психиатрическую больницу после лагеря он уже не попадал. И заметим, что этот, казалось бы, обычный человек хорошо владел немецким, французским, английским и итальянским языками, писал на древнегреческом.

Филиппа Григорьевича Семенова уже нет, а тайна его осталась. Был ли это на самом деле психически больной человек или все же наследник царского престола, единственный сын Николая II?

ТАЙНЫЕ ИГРЫ С ФЕЛЬДМАРШАЛОМ ПАУЛЮСОМ

(Материал М. Вержбы)

Вокруг имени Паулюса, победно приведшего свою армию от Парижа до Волги, всегда было много разговоров и слухов. Начать с того — кто же был он по званию? Вроде бы генерал-фельдмаршал. Некоторые солидные авторы даже рассказывали, как в последние дни Сталинградской битвы Гитлер присвоил своему любимцу это звание и новенькие погоны для командующего окруженной группировкой были сброшены с самолета.

На самом деле известие о присвоении Паулюсу нового звания было получено за сутки до пленения по радию. Адъютант командарма Вильгельм Адам тут же записал необходимые сведения в «солдатскую книжку», имевшуюся у каждого немецкого военнослужащего независимо от звания. О доставке погон в те дни не могло быть и речи. Пленен новоиспеченный фельдмаршал был в погонах генерал-полковника. Но когда его арестовывали, он заявил о своем новом звании.

В подвале был довольно затхлый воздух, горели свечи. В углу стояло невесть как оказавшееся здесь пианино. После соблюдения формальностей и передачи карты минных полей стали выходить из подвала на воздух. Надо думать, к нелегкому и непривычному для Паулюса ощущению позора прибавилось жуткое чувство от увиденного вокруг. Но не руины разрушенного города должны были угнетать командующего. Прямо у входа в подвал и чуть поодаль торчали наспех сколоченные кресты: немцы в последние недели хоронили своих прямо у позиций, вывозить куда-то трупы и устраивать положенные по инструкции захоронения было некогда.

Впервые за два года войны была окружена и разбита крупная — 330-тысячная — не советская, как обычно было, а немецкая группировка, да еще во главе со своим командующим. По свидетельствам очевидцев, фюрер, узнав об этом, бился в истерике, пытался отменить свой недавний приказ о производстве Паулюса в фельдмаршалы, топал ногами и кричал, что тот нагло обманул его — не пустил себе пулю в лоб, а сдался живым! Тогда же у шефа абвера адмирала Канариса созрел план выкрасть Паулюса из русского плена и вывезти его в Германию.

Пока в Берлине готовили этот дерзкий план, пленный Паулюс со

своими генералами был доставлен сначала в Бекетовку — южное предместье Сталинграда, почти не пострадавшее во время битвы, а затем в небольшой степной хутор Заварыгино. Для охраны высоких пленников был отряжен батальон войск НКВД.

В это время немцы стали предпринимать отчаянные попытки выкрасть фельдмаршала. В соседних районах были уничтожены несколько небольших десантных групп численностью до сорока человек, пробиравшихся в Заварыгино. Вскоре вражеские самолеты были замечены и над самим хутором. Пока это были, очевидно, разведывательные полеты. Самолеты не бомбили и не стреляли, а сделав несколько кругов, улетали. В хутор для усиления охраны перебросили еще один батальон. А спустя сутки пленных вообще перевезли. По разным данным, их сначала отправили в Саратов, а затем генералов во главе с Паулюсом доставили в Суздаль. Здесь в бывшем монастыре располагался лагерь для военнопленных из числа высшего командования — не только немцев, но и их союзников — итальянцев, венгров, румын, финнов. Жили они в монашеских кельях под неусыпной охраной. Советское начальство бдительно следило за пленником номер один. Он должен был стать важной фигурой в большой игре.

Примерно год спустя после поселения в Суздале Паулюса пригласил к себе в кабинет начальник лагеря полковник Новиков. Он передал пленнику... письмо от жены. Она была румынка и в отличие от супруга происходила из известной аристократической семьи. Кстати, некоторые историки почему-то пишут фамилию Паулюс с приставкой «фон», которая, как известно, передавалась по наследству или присваивалась и которой у того не было.

Как это письмо, минуя границы, через войну попало из Берлина в Суздаль, — отдельная повесть, пока непрочитанная. Скорее всего, неизвестные разведчики, рискуя жизнью, сумели сообщить жене правду о ее муже и получить для него весточку из дому. В семье сначала верили нацистской пропаганде, разрезавшей на весь мир три версии о Паулюсе. Первая: генерал-фельдмаршал принял яд, который он постоянно носил с собой. Вторая: он попал в плен тяжело раненным, и русские мучают его, требуя показаний. Третья: Паулюс погиб как солдат — на боевом посту. Нашли даже летчика, который якобы 2 февраля пролетал над центром Сталинграда и видел, как было взорвано здание универмага. Так писали немецкие газеты. Состоялись даже символические похороны Паулюса, на которых Гитлер лично возложил на пустой гроб не врученный экс-командующему фельдмаршальский жезл с бриллиантами.

Письмо от жены стало последней каплей, приведшей пленника к очень непростому решению. 8 августа 1944 года Паулюс выступил по радио, вещающему на Германию, с призывом к немецкому народу отречься от фюрера и спасти страну, для чего необходимо немедленно прекратить войну.

Особая роль отводилась Паулюсу на Нюрнбергском процессе. Как известно, главный советский обвинитель генерал Р. Руденко представил в качестве одного из свидетельств заявление Паулюса, сделанное им советскому правительству. В нем фельдмаршал осмысливал события Второй мировой войны. Однако одно дело — бумага и другое — живой свидетель. Поскольку вместо Паулюса было представлено лишь одно его заявление, защита сделала вывод, что выступить на процессе по каким-либо причинам он не может. Поэтому адвокаты стали настаивать на его явке в трибунал. Один из защитников спросил Руденко, когда советская сторона обеспечит явку своего свидетеля? Руденко посмотрел на часы и сказал: «Через пять минут».

Паулюс был уже в Германии и ждал, когда советские обвинители посчитают уместным его появление в зале трибунала. Это случилось 11 февраля 1946 года. Защита, разумеется, задавала ему разные каверзные и неприятные вопросы: как это вы, командующий армией, носящий высшее воинское звание, преподавали в московской военной академии? В протоколе записан короткий ответ: «Я не преподавал». А Борис Полевой, присутствовавший на процессе, приписывает Паулюсу такие слова: «Советская стратегия настолько выше нашей, что я вряд ли мог понадобиться русским. Даже чтобы преподавать унтер-офицерам. Лучшее тому доказательство — исход битвы на Волге». Однако в реальном тексте выступления Паулюса таких слов нет, это выдумка Полевого.

В тот же день, судя по всему, состоялось и свидание Паулюса с супругой. Затем их вместе переправили в Москву.

Чем занимался Паулюс в советском плену после окончания войны? Пленник жил в привилегированных условиях под Москвой. В качестве награды за участие в Нюрнбергском процессе ему разрешили, чтобы вместе с ним подолгу бывала супруга. По некоторым данным, они даже отдыхали вместе в санаториях на Черном море, но под другими фамилиями. В это время Паулюс занимался тем, что помогал советским историкам обобщать военный опыт. И Сталин сделал добрый жест: приказал передать пленнику, что в недалеком будущем тот вернется на родину. Что и было исполнено спустя год, когда советского диктатора уже не было в живых.

В ГДР Паулюс жил в Дрездене, одно время работал консультантом в министерстве внутренних дел. Немцы, особенно те, кто потерял родственников на Восточном фронте, проклинали Паулюса. Они обвиняли его в том, что он не спас многотысячную, хорошо вооруженную армию, в то время как сам остался жив. Этот крест он нес все оставшиеся ему годы. Спустя четырнадцать лет со дня пленения, 1 февраля 1957 года, 67-летний Фридрих Паулюс не проснулся...

КАК ПОГИБЛА ХОККЕЙНАЯ КОМАНДА ВВС

Рассказывает Игорь Маринов:

— Когда в декабре 1992 года страна отмечала 70-летие со дня рождения Всеволода Боброва, мы по печальному обыкновению сокрушались о том, как безвременно ушел от нас этот неповторимый спортсмен. И вдруг вспомнилось: а ведь его смерть могла оказаться куда более ранней, не смилостивись в какое-то таинственное мгновение судьба над Всеволодом Михайловичем и не выдерни его из цепочки товарищей, которые морозным утром 5 января 1950 года поднимались по трапу «Дугласа» на Центральном аэродроме Москвы...

Это были почти все хоккеисты команды ВВС. И все они погибли, когда «Дуглас Си-47», шесть раз заходивший на посадку в аэропорту Кольцово близ Свердловска, при последней попытке сесть рухнул на краю летного поля.

Начальник полетов полковник Василенко, докладывая о причинах катастрофы, сразу же подчеркнул, что мысль о недостаточной квалификации экипажа следует отмести напрочь. Командир, майор Зубов, опытнейший летчик, руководил столь же умудренными и умелыми профессионалами. Его экипаж входил в дивизию Грачева, которая обслуживала членов правительства. Незадолго до трагических событий «Дуглас» Зубова вернулся из Тегерана, куда возил, кажется, Вышинского.

Полковник Василенко сообщил, что в результате расследования у комиссии возникло шесть версий гибели машины. Вот две из них, которые считают наиболее вероятными.

Было темно, мела поземка... Экипаж держал курс на два радиомаяка, расположенных один за другим. Но получилось так, что, попав на первый радиомаяк, выйти на второй они никак не могли. «Выходите на ангары!» — повторяли им с земли диспетчеры. В шестой раз — вновь на ангары. Оказалось, что сброшены обороты. Командир включил форсаж, машина полезла вверх, но было поздно — тяги не хватило: «Дуглас» лег на крыло, перевернулся и врезался в землю...

Есть и другая версия происшедшего. Уже упоминалось о том, что в тот день мела поземка. Белым-бело было вокруг. Заходя на посадку, экипаж

врубил мощные прожекторы, чтобы осветить полосу приземления. Внезапно ярко освещенная, струящаяся пелена метели могла показаться вспыхнувшими языками пламени. Ребятам, вероятно, почудилось, что самолет загорелся, и они бросились в хвост все сразу, гуртом. Самолет потерял управление и рухнул.

Эти версии записаны мною со слов Николая Григорьевича Пучкова, одного из лучших вратарей в истории отечественного хоккея, который после катастрофы занял место основного голкипера команды ВВС. Вместе с другим прославленным хоккеистом, Виктором Григорьевичем Шуваловым, он помог автору рассказать о коллективе сухопутных «летчиков», которых настигла смерть воздухоплателей.

Кто же находился на борту «Дугласа» в тот трагический день? Прежде чем вспомнить всех поименно и более подробно рассказать о некоторых, вернемся к началу 1950-х годов...

Просторная в те поры Арбатская площадь, возле которой мы, в зависимости от сезона, гоняли мяч или шайбу, не прорытая туннелями, открывалась взору вплоть до Воздвиженки. Оттуда или поближе, со Знаменки, где Министерство обороны, а в конце улицы — Кремль, вырывалась на большой скорости иномарка — может, «паккард», а может, «хорьх» — и мчалась, косо срезая пространство площади. Шарахались прохожие, вытягивались, салютуя, постовые; мелькали рядом с водителем генеральский погон, фуражка с высокой тульей, и шелестело вслед, пенилось восхищенными восклицаниями: «Вася, Василий Сталин чешет! Во дает, пацаны!» Автомобиль нырнул под липы бульвара и рвал прямо к хитрому такому особняку за зеленым забором, что по правую руку, если ехать от центра. Эдак забавлялось и напоминало о себе непутевое чадо «отца народов» Василий Сталин.

ВВС — это был он, Василий Сталин, страстно, безудержно и деспотично любивший спорт, на управление которым переносил немало черт, унаследованных или усвоенных им от папаша. Василий Сталин был строптив, капризен, вполне ощущал свою принадлежность в всесильному отцу и, вероятно, некоторым образом чувствовал свое избранничество как призыв к разнообразной деятельности, остановив выбор на спорте. Он учредил команды «летчиков» едва ли не по всем видам спорта, применяя один, но надежный способ укомплектования: сулил блага и давал их, благо своя рука владыка; он был командующим ВВС Московского округа сначала в звании генерал-майора, потом генерал-лейтенанта. А блага тогда, после войны, были редки, очень редки. Большинство уступало увещаниям. Вот почему ВВС в те времена расширяли так: «взяли весь “Спартак”»,

«взяли всех спортсменов», «ватага Василия Сталина»... Все его команды либо становились чемпионами, либо прочно оседали в призерах — ватерполисты, баскетболисты, волейболисты, конники и кто там еще... Прилично выглядели и хоккеисты. Не давался только своенравный, как всегда, футбол, который крепко «оседлали» тогда команды двух недружественных Василию Сталину ведомств — ЦСКА (Министерство обороны) и динамовцы (МВД-МГБ).

...Вместе с шестью членами экипажа «Дугласа» погибли 13 членов команды ВВС: вратари Харий Меллупс и Николай Исаев, защитники Роберт Шульманис, Борис Бочарников (играющий тренер) и Евгений Воронин, нападающие Иван Новиков, Зденек Зикмунд, Юрий Тарасов, Юрий Жибуртович, Александр Моисеев и Василий Володин, врач Михаил Гальперин и массажист Алексей Галкин.

Основным голкипером ВВС в сборной страны был тогда Харий Меллупс, прежде выступавший за рижское «Динамо» — чрезвычайно колоритная фигура. Вратари тогда играли кто в кепке, кто в шапочке, а Харий — в чем-то вроде кепи с длинным козырьком, как у бейсболистов. От него неуловимо веяло чем-то заграничным. Нравилась его игра клюшкой, резкие выпады ею, стремительные выходы из ворот. На трибунах его любили и за спокойную броскость. Несмотря на молодость (ему едва исполнилось 22 года), Меллупс успел обрести яркую спортивную биографию. Он активно занимался боксом, в 1945 году на ринге, установленном на сцене Рижского театра оперы и балета, выиграл финальный бой у довоенного чемпиона Латвии в легчайшем весе Яака Кейстерсиса. Меллупс отличился и в футболе, где выступал в роли нападающего. Он играл в рижском «Динамо», потом в ВВС. Подвижность и быстроту реакции дополнял терпением и невозмутимостью, крепкой нервной системой — после пропущенной шайбы действовал даже лучше, чем до неудачи.

Были в том самолете и бывшие спартаковцы, перешедшие в ВВС всей тройкой — Новиков, Зикмунд, Юрий Тарасов. Радио Би-би-си сообщило в те дни: «...погибли известные советские теннисисты Новиков и Зикмунд». Иван Новиков, которому еще не исполнилось тогда 25 лет, действительно, начинал свою спортивную карьеру как теннисист. В 1949 году он считался пятой ракеткой страны. В хоккее Новиков славился широтой маневра, обладал высокой скоростью, сильным кистевым броском.

Зденеку Зикмунду шел 32-й год. Сын обрусевшего чеха (в 1920-е годы его отец был в числе руководителей Московского института физической культуры), Зденек имел солидную теннисную репутацию, особенно

успешно выступал с многократным чемпионом страны Николаем Озеровым: первенствовал в парном разряде вместе с будущим спортивным комментатором с 1944 по 1949 год.

27-летний Юрий Тарасов до 1944 года воевал на фронтах Великой Отечественной. Младший брат Анатолия Тарасова, знаменитого в будущем хоккейного наставника, он слыл смелым, энергичным и быстрым левым крайним. Вместе с Зикмундом и Новиковым они составляли слаженную тройку. Добрый, покладистый, «свой парень», Юрий особенно успешно и энергично действовал, когда приходилось выступать против старшего брата...

Николай Пучков: «За мной прислали машину, привезли на “Сокол”, там был штаб Василия Сталина. В комнате увидел Шувалова, Чаплинского, Стриганова, Афонькина, еще кого-то, собрали всех, кто оставался в Москве, даже тех, кто кончил или собирался заканчивать играть. Нам всем было приказано тут же выехать в Челябинск.

Календарные игры чемпионата продолжались. В Свердловске пошли в ангар, где они лежали. Были все: родители, жены. Приехали из Москвы Анатолий Тарасов, Владимир Никаноров, Михаил Орехов — цээсковцы. Земля, все перемешано, тела просеяны металлом. Блеснул новенький погон, майорский, Бориса Бочарникова, звание только-только присвоили...»

...Бочарникову шел 31-й год, в этом турне предполагалось, что он выступит и капитаном, и играющим тренером. Бочарников считался одним из самых опытных защитников нашего хоккея, к тому времени он уже полтора года играл за ВВС, сменив бело-голубую динамовскую форму на желто-полосатую команды летчиков. Это был лихой хоккеист, крепко сбитый, твердо стоявший на ногах. Он, пожалуй, обладал всеми качествами классного защитника.

Виктор Шувалов: «Погибших было 19 человек, но останки положили в 20 гробах, наглухо закрытых, потом поставили их на 10 “студебеккеров”, захоронили. Теперь там, близ аэродрома Кольцово, обелиск. Когда приходилось бывать в Свердловске, всегда приносили туда цветы. Вспоминаю, какой ужас пережили мои родители. Ведь они думали, что я разбился вместе с командой, не верили телеграммам, которые слал из Москвы. Пока не увидели меня на перроне вокзала в Челябинске, пока не пощупали руками — цел, жив, невредим! — все не верили. И немудрено: никаких официальных сообщений ведь так и не последовало, имена не были названы. Я же не попал тогда в самолет потому, что Василий Сталин, наш начальник и шеф, счел неудобным, чтобы я выступал в Челябинске

перед болельщиками местного “Дзержинца”, откуда перешел в ВВС. Вот я и остался в Москве. Выходит, и в жизни остался».

Те времена нынешнему молодому человеку, вероятно, трудно даже вообразить. Московские дворы полнились слухами: самолет обледенел и врезался в землю... Бобров опоздал и остался жив... Не исключена диверсия!.. И ни звука со стороны официальных, военных, гражданских или спортивных властей. Ни звука! Покров тайны, государственного секрета, который усердно напяливали в те годы не то что на катастрофы, на любой ничтожный пустяк в вящей бдительности перед происками мирового империализма, граничил с идиотизмом.

По поводу необъявленной гибели команды ВВС люди терялись в разнообразных догадках. А тут еще, когда на «Динамо» выкатилась команда в знакомых желто-полосатых рубашках и диктор объявил все сплошь знакомые фамилии: Бобров, Виноградов, Шувалов, Жибуртович, Моисеев... — тут вовсе многие пришли в смятение. Вскоре, конечно, выяснилось, что Павел Жибуртович — брат погибшего Юрия, Анатолий Моисеев — однофамилец Александра, а Бобров... До сих пор старожилы трибун пересказывают большие и маленькие легенды о его чудесном спасении. Одна из наиболее популярных — Всеволод Бобров загулял с приятелями в ресторане.

Предоставлю слово его тогдашнему одноклубнику. Николай Пучков: «Бобров никогда не вел аскетический образ жизни. Но я отвергаю предположение о том, будто застолье помогло ему опоздать на самолет и остаться в живых. Всеволод, надо заметить, как и другие, не любил летать. Когда можно, предпочитал поезд. А в тот раз тем более: у него еще не были выправлены по всей форме переходные документы в ВВС. Вот поэтому-то он и оказался не в самолете, а в поезде».

Тот сезон 1950 года новая «эскадрилья ледовых летчиков», заменившая канувшую в небытие, закончила на 4-м месте. Зато потом... Преображенная, заново родившаяся команда ВВС во главе с Бобровым, капитаном и играющим тренером, показывала искрометный хоккей, тактически остроумный, уже тогда выявивший тренерский талант Боброва. Она неизменно побивала всех соперников. Три сезона подряд — с 1951 по 1953-й — летчики завершали чемпионат страны на первом месте. Слава Боброва, его команды, тройки Бабич—Шувалов—Бобров гремела необычайно...

СТАЛИН УМЕР НЕ СВОЕЙ СМЕРТЬЮ?

5 марта 1953 года перестало биться сердце Иосифа Сталина, «отца всех народов» и генерального секретаря ЦК КПСС. Несмотря на то что с того дня прошло более полувека, смерть генералиссимуса до сих пор покрыта тайной. Слишком много странностей, связанных с ней, не позволяют полностью принять утверждение, что он умер своей смертью, от обширного кровоизлияния в мозг. Слишком простой была бы такая смерть для человека, тридцать лет безраздельно правившего шестой частью суши и ввергнувшего огромную страну в пучину ужаса и крови.

Кинематографисты из Би-би-си приготовили к пятидесятой годовщине со дня смерти Иосифа Сталина фильм под названием «Последняя тайна Сталина», в котором утверждают, что лидер СССР был убит. И не кем-нибудь, а своим верным и преданным соратником Лаврентием Берией.

Известно, что незадолго до своей кончины Сталин очень резко отзывался о деятельности МГБ: дескать, госбезопасность «не обеспечивает контроля» за работой чекистов. Осведомленные современники полагали, что Сталин хотел устранить Берию. Как-то, разговаривая с полковником МГБ Н. Коняхиным, вождь обронил: «Не люблю я Берию — он не умеет подбирать кадры, старается повсюду ставить своих людей». Недовольство Сталина работой чекистов подтверждает и начальник его охраны генерал-лейтенант Н. Власик. По словам охранника, Сталин «выражал большое возмущение против Берии...»

Так или иначе, но непотопляемый Лаврентий по-прежнему продолжал бывать на каждом заседании в кремлевском кабинете Сталина. Развязка тайного противостояния Сталина со своим окружением пришла внезапно...

Ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года поначалу мало чем отличалась от сотен других ночей для Сталина и его ближайших соратников — Хрущева, Маленкова, Берии и Булганина. После просмотра фильма в Кремле они отправились пировать на дачу, расположенную недалеко от Москвы. Однако в отличие от привычных пирушек эта закончилась через несколько часов. Рано утром гости разъехались по домам.

Сталин, отпустив соратников, отправился отдыхать. Для человека, помешанного на безопасности, он вел себя в ту ночь очень странно. Обычно Сталин требовал, чтобы его охрана бодрствовала. «Ну что, хочешь спать?» — часто интересовался он у телохранителей, угрожающе щурясь.

Конечно, ни у кого не хватало смелости признаться в том, что хочется спать. Неудивительно, что охрана была очень довольна, когда хозяин отпустил всех спать и, как всегда, велел его не беспокоить утром.

Петр Лозгачев, один из охранников, дежуривших в ту ночь, запомнил, что приказ идти отдыхать охрана получила не от самого вождя, а от своего непосредственного начальника Хрусталева. Утром охранники встали поздно, однако Сталин еще спал. Двенадцать часов, час, два, в комнате вождя по-прежнему царил тишина. Охранники начали беспокоиться, но никто не осмеливался заглянуть в комнату. Все знали, что беспокоить хозяина категорически запрещено, в его комнату нельзя было заходить без приглашения.

Охранники немного успокоились, когда в 18.30 у Сталина загорелся свет. Однако к десяти часам вечера все были в панике, потому что он до сих пор не вышел из комнаты. В конце концов телохранители решили все же пойти проверить, все ли в порядке с вождем. Выбор пал на Лозгачева.

Петр Лозгачев осторожно зашел в комнату и негромко спросил: «Товарищ Сталин, что с вами?» В ответ он услышал лишь нечленораздельные звуки, доносившиеся с мокрой кровати. Рядом с кроватью, на полу, лежали газета «Правда» и карманные часы. Их стрелки остановились на 18.30.

Охранники немедленно бросились звонить ближайшим соратникам вождя. Те, однако, ехать на дачу явно не торопились. Хрущев, Берия, Маленков, Булганин вели себя как люди, для которых внезапная болезнь Сталина не явилась неожиданностью. Врачи тоже не особенно торопились ехать на главную дачу страны. Много позже пошли разговоры о том, что именно Берия задержал вызов врачей.

Британские кинематографисты считают, что укол яда Иосифу Сталину сделал по приказу своего шефа Лаврентия Берии главный охранник Хрусталев. Почему они пришли к такому мнению? Прежде всего потому, что, как стало известно, в медицинской карте вождя, кроме информации о сердечно-сосудистом характере заболевания Сталина, были отмечены и другие симптомы. Так, 2 и 3 марта у больного были: вздутие живота, кровавая рвота, печень вышла из-под ребер на 3 см. Все это дает основания предполагать, что Иосиф Виссарионович был отравлен, возможно — по приказу Лаврентия Павловича, который на похоронах «вождя всех народов» будто бы проронил: «Я его убрал... Я всех спас».

Ни для кого из ближайшего окружения Сталина не было секретом, что он считал сложившуюся в Европе международную обстановку чрезвычайно благоприятной для установления на всем континенте

коммунистического правления. При этом Сталин, конечно, прекрасно понимал, что всеобщая коммунизация Европы вызовет третью мировую войну, и готовил СССР к схватке с Америкой. Генералиссимус хотел спровоцировать тогдашнего американского президента Дуайта Эйзенхауэра на враждебные действия антисемитской кампанией, развязанной в то время в СССР. Ее апофеозом должна была стать назначенная Сталиным на 5 марта депортация всех евреев из Москвы в Казахстан.

Между тем кроме ядерного оружия, в то время у СССР не было ничего. Экономика только-только начала возрождаться из руин, в стране царили страшная разруха и нищета. Берия, Маленков, Хрущев и другие руководители хорошо понимали, что страна не вынесет еще одной большой войны. Однако, возможно, Сталин рассчитывал именно на это — бросить миллионы голодных, нищих, оборванных и агрессивных советских людей на уничтожение «сытой» западной цивилизации.

Несмотря на все бедствия, которые Иосиф Сталин принес стране и народу, люди оплакивали его смерть, не стыдясь слез. И только заключенные тысяч концлагерей, разбросанных по всему СССР, тайком радовались смерти тирана...

ДЕЛО «КРЕМЛЕВСКИХ ВРАЧЕЙ-УБИЙЦ»

(Автор материала А.И. Бернштейн, участник и инвалид Великой Отечественной войны, участник Парада Победы на Красной площади)

Этому сугубо политическому, сфабрикованному в 1949–1953 годах следственными органами МГБ делу, именованному «делом врачей-убийц», поддержанному политбюро и направляемому лично Сталиным, в 2003 году исполнилось 50 лет. Процесс, широко освещавшийся полвека назад в советской печати, должен был закончиться массовыми репрессиями по образцу 1937 года, направленными против интеллигенции, и в частности против еврейского населения СССР. Планировалось организовать массовую высылку сотен тысяч людей и начать новую гигантскую чистку в высших эшелонах партийно-государственного и военного руководства.

Казалось бы, советский народ и армия в тяжелейшей борьбе разгромили фашизм и освободили от гитлеризма не только свои земли, но и пол-Европы. Какие еще потрясения заслужила страна, едва-едва оправившаяся от войны? Между тем за семилетний период, истекший со дня Победы — с мая 1945 года по 1953 год, в Советском Союзе ежегодно устраивались крупномасштабные чистки и закрытые процессы, о многих из которых народ знал лишь понаслышке. Что же все-таки так тревожило руководство партии, а точнее — лично Сталина?

Приведем отрывок из воспоминаний Н.С. Хрущева: «После войны мы возвращались к мясорубке 1937 года. И.В. Сталин слабел физически, наступали провалы в его памяти, и это приводило его в бешенство. И снова как в 1937–1939 гг. указания о необходимости расширения этой людской “мясорубки” давались лично им...» И далее. «Сталин по-прежнему опасался появления на политическом горизонте лиц и групп в партии, желающих вести партию к партийной демократии и демократизации общественного устройства и жизни в СССР». Хрущев продолжает: «И.В. Сталин говорил, что народ — это навоз. Это бесформенная масса, которая идет за сильным».

Едва отгремела война, как Сталин произнес зловещие слова, которые стали «программными»: «Говорят, победителей не судят... Нет — судят!» За этими безотносительными в общем-то словами скрывался призыв

избавляться от ненужных диктатору конкурентов, инакомыслящих и даже целых народностей, отходящих от линии «классовой борьбы». «Вождь народов» продолжал пользоваться тезисом о том, что «классовая борьба не затухает, страны капитала будут шпионить вплоть до попыток свержения социализма» и «будут засылать своих и завербованных у нас агентов в нашу среду».

В 1949–1950 годах состоялся очередной сфабрикованный процесс — «ленинградское дело». Одновременно с «ленинградским делом» началось «разоблачение космополитизма и космополитов». Если посмотреть значения этих понятий в энциклопедиях — от конца XVIII века до наших дней, — то четко видна политическая подмена их смысла. По Далю (1879), космополит — это гражданин мира. «Всемирный гражданин, не признающий особых отношений родины». БСЭ, 1953, том 23: «Космополитизм — реакционная буржуазная идеология, проповедующая безразличное отношение к родине, к национальной культуре, по существу требующая отказ от родины и национальной культуры». И далее: «Американский империализм агрессивно пытается использовать эту ложную идеологию для своего мирового господства», а Энциклопедический словарь 1954 года разъясняет дополнительно: «Космополиты (в биологии) это растения и живые существа, не знающие границ на всем земном шаре. Это пауки, блохи, вши, тараканы, крысы, мыши и т.д., тростник, крапива и т.п.». Вот так интеллигенция, а также «лица еврейской национальности» получили кличку «безродный космополит», оказавшись в одном ряду с крысами и пауками...

11 июля 1951 года вышло постановление политбюро «О неблагоприятном положении в Министерстве госбезопасности». Основанием послужило обращение к Сталину одного из следователей по особо важным делам подполковника М. Рюмина (позднее генерала) с письмом о том, что министр госбезопасности В.С. Абакумов замазывает дело еврейских врачей-националистов, умышленно доведших до смерти секретаря ЦК А.С. Щербакова, и скрывает «террористические замыслы членов еврейской молодежной организации “Союз борьбы за дело революции”», обвиненных в подготовке покушения на Г. Маленкова (было и такое дело!). Есть предположение, что Рюмина подтолкнули к написанию письма сами Маленков и Берия, враждовавшие с Абакумовым. Рюмин составил список наиболее опасных врагов режима, окопавшихся в структурах МГБ и прокуратуры, «особенно из числа евреев по крови и духу». Он представил список 213 человек, которых предлагалось арестовать, в их числе — известный писатель Илья Эренбург.

Для проверки фактов, изложенных в письме Рюмина, и последующей чистки МГБ политбюро назначило комиссию в составе Маленков (председатель), Берия, Шкирятов, М. Игнатъев. Была проведена чистка, министр госбезопасности Абакумов арестован. Вместе с ним взяты под стражу следователи особо важных отделов, сотрудники секретариата и других служб: Леонов, Лихачев, Комаров, Шварцман, Чернов, Броверман и другие. Их бывшие коллеги при допросах применяли к ним те же изуверские методы, каким ранее учили их арестованные бывшие шефы. Судила их выездная сессия Верховного суда в Ленинграде — с 12 по 19 декабря 1954 года, уже после кончины Сталина. Абакумов, Леонов, Комаров, Лихачев были приговорены к расстрелу, остальным дали большие сроки тюремного заключения. Особая папка по «Делу засорения кадров МГБ еврейской национальностью» именовалась коротко: «Дело Абакумова — Шварцмана». Таким оно и осталось на хранении в архиве ФСБ.

...1952 год. Чистки продолжают. Сталин убирает двух наиболее приближенных к себе сотрудников. Отстранен от работы А.Н. Поскребышев (слишком много знал, слишком был близок, будучи 20 лет личным секретарем), арестована и расстреляна по обвинению в шпионаже его жена (член партии, еврейка). 23 мая 1952 года отстранен от должности начальник Главного управления охраны правительства и начальник личной охраны Сталина генерал-лейтенант Н.С. Власик, прослуживший возле вождя около 20 лет. Он был обвинен в потакательстве врачам-вредителям. Позднее Власик был приговорен к пяти годам ссылки. По мнению историков, устранение обоих было выполнено с подачи Берии. Позднее, оказавшись на свободе, Власик стал активно распространять слухи о том, что Сталину «помог» умереть именно Берия.

Для высших партийных кругов устранение Поскребышева и Власика было настоящим шоком! Приближенные замерли: чья очередь?

1952 год. На пленуме ЦК после XIX съезда партии Сталин объявляет о своем недоверии В.М. Молотову и А.И. Микояну. Молотова он публично назвал «американским агентом». При этом Сталин дополнительно вводит в состав политбюро новых людей — партийных функционеров, не связанных с репрессиями 1930-х и 1940-х годов. Они должны были оттеснить старое руководство, которое морально уже скомпрометировало себя и на которое Сталин собирался возложить ответственность за все содеянные им преступления. Требовалась масштабная чистка, чтобы показать народу, кто создавал все трудности, кто стал «агентурой Запада»!

В разгар этой акции на Лубянке созрело «дело врачей». Это был толчок, сигнал для начала новых репрессий по образцу 1937 года, жертвами

которых должны были стать не партийные работники, а тысячи интеллигентов с депортацией их из центральных городов и областей в необжитые районы Севера, Сибири, Урала. В первую очередь Сталин имел в виду еврейское население, к которому в тот период был особенно негативно настроен. Он считал, что Запад, боясь растущего могущества СССР, будет искать путей его подрыва, и его «пятой колонной» окажется международный сионизм, «внедряющий агентов в еврейскую среду»... Кроме того, диктатор полагал, что новая чистка освободит партию и страну от «зазнавшихся» чиновников и ненужных ему приближенных.

Так в недрах госбезопасности в течение почти четырех лет зрело провокационное дело, принявшее окончательные формы и наименование после решения президиума ЦК в декабре 1952 года — «дело кремлевских врачей-убийц». Поводом стала преждевременная смерть от инфаркта миокарда видных руководящих работников партии: 10 мая 1945 года в возрасте 44 лет скончался А.С. Щербаков, а 31 августа 1948 года на 52-м году жизни — А.А. Жданов.

Началом делу послужило письменное обращение, переданное через начальника охраны Сталина врачом Л.Ф. Тимашук, снимавшей кардиограмму сердца у Жданова в 1948 году. По заключению Тимашук, это был инфаркт и больному нужен был постельный режим. Профессора П. Егоров и В. Виноградов вынесли свое решение, которое не требовало постельного режима. Они считали, что инфаркта нет. Через некоторое время Жданов скончался. Это послужило толчком для второго письма Тимашук в адрес ЦК партии о том, что Жданов скончался из-за неправильно поставленного профессорами диагноза. В письме были такие строки: «Врачи были агентами националистической организации “Джойнт”».

Несмотря на многочисленные ссылки историков, это письмо в подлиннике никогда не публиковалось, хотя комментариев было предостаточно. Позже Хрущев говорил, что Тимашук была сексотом МГБ. Однако и это документально никогда не было подтверждено.

18 ноября 1950 года МГБ арестовало профессора Я.Г. Этингера. Одновременно взяли его жену — врача Р.К. Викторову, и сына, студента-историка — надо понимать, «за компанию», чтобы профессор «активнее» давал показания. Этот способ был уже освоен чекистскими палачами.

Этингера обвинили в смерти Щербакова. Дело вел следователь по особо важным делам подполковник Рюмин. Никого не смущало, что следствие было начато через пять лет после кончины Щербакова, а письма Тимашук касались только Жданова. При «интенсивных» допросах Этингер

скончался уже 2 марта 1951 года в тюрьме МГБ на Лубянке.

Следователь Рюмин все активнее разворачивал «дело врачей». Как говорилось выше, он обратился к Сталину с письмом о том, что министр госбезопасности Абакумов мешает ему вести расследование. Решением ЦК Абакумов был отстранен от должности и арестован «за недостаточную активность ведения “дела врачей”» и за сокрытие «сионистского заговора». А в конце 1952 года, как пишет со ссылкой на документы партархивов в своем труде «Взлет и падение И.В. Сталина» Ф. Волков, диктатор дал указание Берии — арестовать группу виднейших светил медицины. «Арестованы профессора В.Н. Виноградов, М.С. Вовси, Б.Б. Коган, М.Б. Коган, А.М. Гринштейн, П. Егоров, В.Х. Василенко и др. Сталин приказал на академика Виноградова одеть кандалы, других нещадно бить...» Новому министру госбезопасности Игнатьеву заявлено: «Если не добьетесь признания врачей, то с вас снимем голову».

Всего по «делу врачей» в Москве было арестовано 37 человек — 28 медиков и их родственники. Список арестованных (только самых известных) был опубликован в газетах 13 января 1953 года. Как следует из «признаний» части обвиняемых профессоров и врачей, выколотенных из них палачами с Лубянки, они имели задание разведок капиталистических стран: умертвить Щербакова, Жданова, затем Маленкова, Берию, Сталина. Всех подследственных заставили подписать протоколы допросов, признания в терроризме.

Аресты врачей шли и в столицах союзных республик и в других городах РСФСР: Ростове-на-Дону и Челябинске, где местных медиков И. Лившица, Г. Благмана, Г. Полпака и Р. Дымшица обвинили в том, что они заведомо неправильным лечением ускорили смерть директора Магнитогорского металлургического комбината. Примечательно, что среди арестованных врачей был профессор генерал-майор М. Вовси, не практиковавший в кремлевских лечебницах. Но при этом он был двоюродным братом С. Михоэлса, который возглавлял в свое время Еврейский антифашистский комитет и был уничтожен без суда.

Обстановка на политическом олимпе страны накалялась месяц от месяца. 1 декабря 1952 года был созван президиум ЦК партии, где Сталин заявил, что Власик и Поскребышев скрыли от него письмо Тимашук — важнейший документ, разоблачающий заговор по умерщвлению Жданова. Фактически этого, разумеется, не было — Сталин видел это письмо еще в 1948 году. Но президиум ЦК не мог спорить с вождем.

В середине января 1953 года все центральные газеты обрушили на граждан сенсацию: «К ответу врачей-убийц! Врачи Кремля, лечившие

руководство партии и страны, были подкуплены и стали шпионами империалистических государств и международного сионизма. Смерть шпионам и вредителям!» В качестве примеров — ссылки на смерть в 1945 году А.С. Щербакова и А.А. Жданова в 1948 году, умерших от инфаркта. В этих сообщениях были 15 фамилий известных медиков, из которых 12 — профессора. Возглавлял список ученых с мировым именем академик В.Н. Виноградов. Все арестованные были в возрасте 60–70 лет.

Предстояли массовые казни и репатриации. Как шепотом передавали тогда, врачей-убийц «казнить будут через повешение! Они этого заслужили!» Но судьба решила иначе: 5 марта внезапно скончался Сталин. По указанию ЦК партии Министерство госбезопасности было слито с МВД и последнее сообщило в печати о незаконности организации этого дела и освободило всех врачей. Расстрельное дело не состоялось! Санкционировав «дело врачей», «вождь народов» обрек себя на гибель, оказавшись без своевременной помощи. А 4 апреля население страны было вновь потрясено: в газетах и по радио сообщалось, на этот раз уже не от имени МГБ (его в этот день лишили самостоятельности), что все кремлевские врачи арестованы незаконно и освобождены, а следственный аппарат привлечен к ответственности...

КАК БЕРИЯ СОБИРАЛСЯ ПРОДАТЬ ГДР

(Материал Ф. Лукьянова)

Сегодня, спустя более полувека после берлинских событий, ряд историков считают весьма обоснованной версию, по которой события июня 1953 года могли быть спровоцированы всемогущим властелином тогдашнего МГБ Лаврентием Берией. Один из преемников Сталина намеревался... «продать» ГДР за 20 миллиардов долларов для последующего финансирования восстановления экономики СССР...

В мае 1953 года на стройках ГДР неожиданно для многих сразу на 10 процентов повысили нормативы. Мало того что это означало дополнительную нагрузку — задним числом обесценивался и прежний труд рабочих. Возмущение и недовольство было повсеместным. Достаточно было повода, чтобы оно выплеснулось наружу.

Как вспоминает известный германский социал-демократ Эгон Бар, работавший тогда редактором на американской радиостанции «Риас» в Западном Берлине, после полудня 16 июня в редакцию пришла делегация строительных рабочих из Восточного Берлина с просьбой зачитать по радио их призыв ко всеобщей стачке и демонстрации. После долгих сомнений Бар все же вставил заявление в информационный блок. В тот же вечер будущий соратник канцлера Вилли Брандта получил за это нагоняй от американского уполномоченного Джона Макклоя: «Вы что, хотите, чтобы “Риас” развязала третью мировую войну?» Американцы опасались, что если произойдет какое-то выступление и русские вмешаются, то неизвестно, где они тогда останутся.

Хотя под давлением американцев информация о требованиях рабочих и была быстро снята с эфира, весть о ней широко распространилась. Восточноберлинские рабочие, занятые на строительстве аллеи Сталина, решили бастовать и выйти на следующий день на демонстрацию. Их поддержали рабочие Лейпцига, Магдебурга, Галле, Биттерфельда, тоже вышедшие 17 июня на улицы городов с требованиями сократить нормы выработки и снизить потребительские цены. В ряде мест (Галле) экономические требования дополнили политические: отставка руководства ГДР и воссоединение Германии...

Забастовка 17 июня охватила 500 предприятий и 300 тысяч человек. За два дня волнений было зарегистрировано 160 демонстраций. Дальнейшее в

общих чертах известно: столкновения, советские танки на улицах Берлина, объявление чрезвычайного положения... Общее количество жертв событий составило не тысячи, как говорилось ранее, а 60 человек, из которых 14 погибли на улицах от рук немецкой полиции, а десятки позже были приговорены к смертной казни.

Долгое время, пока молчали секретные архивы, считалось, что берлинские события 17–18 июня были чисто спонтанным проявлением недовольства рабочих условиями труда и жизни. На самом же деле подоплека июньских волнений в Берлине намного глубже, чем кажется на первый взгляд.

Считается, что автором плана объединения Германии путем продажи чересчур «затратной» ГДР был Лаврентий Берия. Впервые, однако, эта идея — естественно, без упоминания о денежной компенсации — была озвучена самим Сталиным в марте 1952 года. Советский лидер дал понять остальным великим державам — США, Англии и Франции, что Советский Союз при определенных условиях готов оставить ГДР, вывести оттуда свои войска и способствовать объединению двух Германий.

В Москве часть руководства полагала, что объединенная нейтральная Германия — а нейтралитет был одним из основных условий Сталина — стала бы своеобразным буфером между США и СССР в Европе и только укрепила бы положение советской державы в восточной части континента. Осуществить объединение предполагалось не безвозмездно, а за серьезную денежную компенсацию. По данным бывшего министра культуры ГДР, а ныне историка Ханса Бентциена, сумма «компенсации» должна была составить 20 миллиардов долларов — гигантские по тем временам деньги! Достаточно сказать, что в рамках знаменитого «плана Маршалла» по восстановлению Западной Европы в 1948–1952 годах США предоставили европейским странам, включая Германию, всего 13 миллиардов долларов.

После смерти Сталина в марте 1953 года идея воссоединения Германии опять была оживлена, теперь уже Берией. Тот же Х. Бентциен, работавший в 1953 году зав. отделом одного из обкомов германской компартии, считает, что, став одним из преемников Сталина, глава могущественного МГБ Берия в мае–июне 1953 года попытался осуществить свой план. В своей недавно вышедшей книге «Что случилось 17 июня» немецкий историк утверждает, что для реализации плана и ускорения процесса воссоединения Берия использовал многочисленную советскую агентуру в ГДР — 2200 чекистов. Хотя он прямо не говорит, что именно люди Берии спровоцировали события 17 июня, но обращает внимание на ряд странных обстоятельств. Во-первых, поводом для

выступления рабочих, как известно, послужило повышение нормативов. Примечательно, что произошло это именно в мае 53-го, когда Берия фактически приступил к реализации своего плана, а не раньше. Учитывая степень контроля и влияния советских оккупационных властей в ГДР, трудно предположить, что такие меры принимались без их ведома. Странно, но именно накануне событий советские оккупационные власти решили собрать оружие у членов областных парткомов... В городе Гера рабочих уранового рудника, находившегося под полным контролем советских органов безопасности, организовано доставляли на места демонстраций на машинах предприятия. И это далеко не все странности, с которыми сталкиваются историки...

Павел Судоплатов в своей книге «Разведка и Кремль» пишет, что в апреле 1953 года, перед самым Первомаем, Берия поручил ему подготовить секретные разведмероприятия для зондирования возможности воссоединения Германии. «Берия предупредил, что этот план является сверхсекретным».

С начала мая 1953 года события в ГДР развиваются по нарастающей. В начале месяца в Москву приезжает генерал Волльвебер, министр госбезопасности Восточной Германии, который сообщает о расколе в руководстве страны. Тогдашний генсек Вальтер Ульбрихт непременно желает продолжить строительство государства пролетарской диктатуры. В ответ Берия, по словам Судоплатова, заявляет: «Нам вообще не нужна постоянно нестабильная социалистическая Германия, существование которой целиком зависит от поддержки Советского Союза».

Вопрос о воссоединении Германии, по признанию Судоплатова, еще и потому стоял так остро, что Москве, самой не оправившейся еще от последствий войны, приходилось снабжать сырьем и продовольствием по низким ценам как Восточную Германию, так и Польшу...

5 июня в Берлин прибывает новый Верховный комиссар Семенов с задачей выполнения новых московских директив — не форсировать ход социалистического строительства! Звучит удивительно даже сейчас. Зачем форсировать, если грядет объединение? В рядах немецкого руководства полное смятение. Все говорят о скорой отставке Ульбрихта.

Еще через неделю, 12 июня, президиум ЦК в Москве, опять-таки с подачи Берии, принимает новый курс в отношении Восточной Германии, одобряя до сих пор не опубликованное постановление «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». В Москву срочно вызывают Ульбрихта. Тот противится изменению курса. Берия, Маленков и Хрущев, как пишет Судоплатов, принимают решение отстранить его от

власти. Но как? Нужен подходящий повод. Все это происходит буквально накануне 17 июня.

Пока невозможно доказать, что это именно Берия и его люди спровоцировали берлинское выступление рабочих. Документы на этот счет, если они и существуют, по понятным причинам еще долго будут пылиться в секретных архивах. Но вся логика новой политики Кремля говорит в пользу такой версии.

Примечательно, что по ту сторону демаркационной линии события в Восточном Берлине сразу же восприняли как провокацию. Вечером того же дня канцлер ФРГ К. Аденауэр заявил, что речь явно идет о «советской провокации». Западногерманская разведка в анализе от 20 июня тоже пришла к выводу, что речь «с большой долей вероятности» шла об «организованной на Восточной стороне акции»...

Вторая версия Судоплатова — о том, что выступления 17 июня могли быть спровоцированы самим Ульбрихтом, на наш взгляд, не выдерживает серьезной критики, ибо это равнозначно предположению, что «железный Вальтер» решил сам себе копать могилу. Однако Берия, скорее всего, все же просчитался в своих планах, и размах волнений вышел за рамки управляемого процесса, что в конце концов стоило автору амбициозного плана и политической карьеры и жизни. Вряд ли случайно, что ровно через 9 дней после событий в Берлине Берия в спешке был арестован своими оппонентами Хрущевым и Маленковым прямо в Кремле, а затем казнен без суда и следствия. План воссоединения Германии, таким образом, был похоронен вместе с его одиозным автором.

После внутренних репрессий, снятия со своих постов в спецслужбах и СМИ людей Берии, ГДР благополучно вернулась на путь соцстроительства, и Москва еще почти 40 лет поддерживала «социализм» в этой части Германии, тратя на это миллиарды и миллиарды каждый год, пока не надорвалась сама. Спустя 40 лет, в начале 1990-х, уже при Горбачеве, новое издание плана воссоединения было реализовано Москвой, но уже без всяких «компенсаций», хотя немцы, как говорят, готовы были платить. Москва сама осталась должна Германии чуть ли не 100 миллиардов марок. ФРГ воссоединение с ГДР обошлось где-то в 70 миллиардов долларов — приблизительно в такую же сумму, которую Берия когда-то мечтал получить за свое объединение Германии. Но это уже другая история.

КРАХ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ: РАССКАЗЫВАЮТ «ПОБЕДИТЕЛИ»

(Материал О. Лебедевой)

Сталин умер на Ближней даче, в Кунцеве. Берия, не сказав и слова сочувствия его дочери Светлане, поспешил к выходу: «Хрусталева, машину!» Если верить тому, что через много лет Маленков рассказал сыну, то для спешки у Берии были причины — уезжал «брать власть». Зря спешил...

Наследникам Сталина пришлось договариваться о перераспределении власти. Основным «продолжателем дела Сталина» стал Маленков — он взял себе должность председателя Совета министров. Его первыми заместителями стали Берия, Булганин, Молотов и Каганович. Председателем Президиума Верховного Совета СССР — Ворошилов. Маленков старался поставить дело так, чтобы отодвинуть партийные комитеты от управления. Реальная власть должна была находиться у тех, кто держит в руках экономику.

Маленков мог бы занять и место генерального секретаря. Но у него уже были собственные виды на будущее, свой план преобразований. Для этого ему была нужна должность председателя Совета министров. Пост генсека ничего для Маленкова не значил, тем более что в отдаленном будущем он думал уравнивать компартию с профсоюзами и сделать две эти силы основой двухпартийной системы.

Пленум 6 марта 1953 года обозначил новую расстановку сил. Маленков стал председателем Совета министров. Президиум ЦК уменьшился до 10 человек. Таким образом, ведущую роль начинали играть председатель Совета министров и его команда. Это был своего рода государственный переворот, партократия ушла на вторые роли. Реальной силой оставался лишь Берия, опирающийся на МГБ и МВД.

И была «мелочь», которую Маленков недооценил, — секретариат ЦК возглавил Хрущев.

Очень быстро стал назревать следующий передел власти. Партнерам хватило ума не доверять друг другу. И самым ненадежным был Берия. Должность первого заместителя предполагала, что в случае, если председатель Совета министров не сможет по какой-то причине выполнить

свои обязанности, то Берия становился его официальным преемником. Тем самым он создал себе позицию, наиболее удобную для захвата власти.

Берия начал расставлять свои фигуры на ключевых постах в краях, областях, республиках — «на местах». Следующий шаг — амнистия: освобожденные должны были бы поддержать его. Тем более что смена вывески над его ведомством все грехи отписала оставшемуся в прошлом НКВД, новое министерство уже ни в чем не виновато. Оно закрыло «дело врачей» и наказало «тех» следователей. И первые разоблачения сталинских преступлений начал Берия — именно в связи с делом «врачей-убийц». Распространялись показания бывшего начальника следственной части Рюмина, где он утверждал, что это Сталин требовал от него ужесточить допросы...

То, что между наследниками диктатора началась скрытая борьба, стало заметно недели через две-три. Не однажды было так, что Берия отдавал приказ, а следом звонил Маленков и его отменял. По выражению одного из кремлевских клерков, они тогда «стояли на ушах» — трудно было понять, кто правит и кого слушаться.

В первые же дни после прихода к власти, уже в марте, Маленков поручает начать новое расследование многих политических дел, в том числе «ленинградского дела» и «дела работников Госплана». Это новое следствие должно было не только реабилитировать невинных, но и назвать по имени виновных. Такая реабилитация была слишком опасна для многих. И в мае 1953 года за подписью Ворошилова выходит указ об амнистии. По нему не отпущен на свободу ни один заключенный с «политической» 58-й статьей — указ распространялся в основном на уголовников. Так дискредитировалась сама идея амнистии, население буквально стонало от разгула преступности. А главное — этим указом фактически отменялось расследование прошлых преступлений. Зачем, если уже была амнистия?..

Берия знал, какие материалы могут против него открыться. Понимал, что даже та сила, которой он обладает, будет действовать с ним заодно и по его приказу лишь до тех пор, пока у него есть авторитет, пусть даже основанный на страхе. Если же его объявят палачом и преступником, он потеряет всех своих потенциальных союзников. А пока он может опереться на Булганина, потому что сам провел его на место министра обороны, и на «простачка» Хрущева...

Об этом переделе власти охотно рассказывал сам Хрущев. Свержение Берии по словам Хрущева, выглядело так:

«Со стороны Берии ко мне отношение вроде не изменилось, но я понимал, что это уловка... Одновременно он развил бешеную деятельность

по вмешательству в жизнь партийных организаций. Он сфабриковал какой-то документ о положении дел в руководстве Украиной. Первый удар он решил нанести по украинской организации...

Тут уж я Маленкову говорил:

— Неужели ты не видишь, куда дело клонится? Мы идем к катастрофе.

Маленков мне тогда ответил:

— Я вижу это, но что делать?

Я говорю:

— Надо сопротивляться. Вопросы, которые ставит Берия, имеют антипартийную направленность.

— Ты что? Хочешь, чтобы я один остался?

— Почему ты думаешь, что один останешься? Ты и я — уже двое. Булганин, я уверен, тоже так же мыслит, я обменивался с ним мнениями. Другие, я уверен, тоже пойдут с нами, если мы будем аргументированно возражать, с партийных позиций... Мы составляем повестку дня, так давай поставим острые вопросы, которые, с нашей точки зрения, неправильно вносятся Берией, и будем возражать ему. Я убежден, мы мобилизуем других членов президиума, и эти решения не будут приняты...

Мы видели, что Берия форсирует события. Он уже чувствовал себя над членами президиума, важничал и даже внешне демонстрировал свое превосходство.

Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно действовать. Я сказал Маленкову, что нужно поговорить с членами президиума... С Булганиным я по этому вопросу раньше говорил, и я знал его мнение.

Наконец Маленков тоже согласился:

— Да, надо действовать».

Дальше идет рассказ о том, как Хрущев «переговорил» с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Микояном...

«Мы условились, — пишет Хрущев, — что соберется заседание президиума Совета министров, но пригласили туда всех членов президиума ЦК... Я, как мы заранее условились, попросил слова у председательствующего Маленкова и предложил вопрос о товарище Берии. Берия сидел от меня справа. Он сразу встрепнулся:

— Что ты, Никита? Я говорю:

— Вот ты и послушай...

Начал я с судьбы Гриши Каминского, который пропал после своего заявления о связи Берии с мусаватистской контрразведкой... Потом я указал на последние шаги Берии после смерти Сталина в отношении

партийных организаций — украинской, белорусской и других... Сказал о его предложении вместо радикального решения вопроса о недопустимой практике ареста людей и суда над ними, которая была при Сталине, изменить максимальный срок осуждения органами МВД с 20 до 10 лет... Я закончил словами: “В результате у меня сложилось впечатление, что он не коммунист, что он карьерист, что он пролез в партию из карьеристских соображений”...

Потом остальные выступили. Очень правильно говорил Молотов, с партийных позиций. Другие товарищи тоже проявили принципиальность... Когда все высказались, Маленков, как председатель, должен был подвести итог и сформулировать постановление. Он, видимо, растерялся, заседание оборвалось на последнем ораторе.

Я попросил Маленкова, чтобы он предоставил мне слово для предложения. Как мы и договорились с товарищами, я предложил поставить на пленуме ЦК вопрос об освобождении Берии... от всех государственных постов, которые он занимал.

Маленков все еще пребывал в растерянности. Он даже, по-моему, не поставил мой вопрос на голосование, а нажал секретную кнопку и вызвал военных, как мы условились. Первым зашел Жуков. За ним — Москаленко и другие генералы. С ними были один или два полковника...»

О чем еще говорить и какие вопросы ставить на голосование, когда военные в соседней комнате просто ждут звонка? Чтобы картина тех дней была более объективной, дадим слово и тем, кто непосредственно участвовал в аресте.

«Меня вызвал Булганин, — тогда он был министром обороны — и сказал: “Поедем в Кремль, есть срочное дело”, — вспоминал маршал Жуков. — Поехали. Вошли в зал, где обычно проходят заседания президиума ЦК партии... В зале находились Маленков, Молотов, Микоян, другие члены президиума. Берии не было.

Первым заговорил Маленков — о том, что Берия хочет захватить власть, что мне поручается вместе с моими товарищами арестовать его. Потом стал говорить Хрущев, Микоян лишь подавал реплики. Говорили об угрозе, которую создает Берия, пытаясь захватить власть в свои руки.

— Сможешь выполнить эту рискованную задачу?

— Смогу, — отвечаю я. Решено было так. Лица из личной охраны членов президиума находились в Кремле, недалеко от кабинета, где собирались члены президиума. Арестовать личную охрану самого Берии поручили Серову. А мне нужно было арестовать Берию.

Маленков сказал, как это будет сделано. Заседание Совета министров

отменяют. Вместо этого откроется заседание президиума.

Я вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко должен сидеть в отдельной комнате и ждать, пока раздадутся два звонка из зала заседания в эту комнату... Уходим. Сидим в этой комнате. Проходит час. Никаких звонков. Я уже встревожился... Немного погодя (это было в первом часу дня) раздается один звонок, второй. Я поднимаюсь первым... Идем в зал. Берия сидит за столом в центре. Мои генералы обходят стол, как бы намереваясь сесть у стены. Я подхожу к Берии сзади и команду:

— Встать! Вы арестованы! — Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв, эдак встряхнул. Гляжу на него — бледный-пребледный. И онемел.

Ведем его через комнату отдыха, в другую, что ведет через запасной ход. Там сделали ему генеральный обыск... Держали до 10 часов вечера, а потом на ЗиСе положили сзади, в ногах сиденья укутали ковром и вывезли из Кремля. Это затем сделали, чтобы охрана, находившаяся в его руках, не заподозрила, кто в машине.

Вез его Москаленко. Берия был определен в тюрьму Московского военного округа. Там находился и во время следствия. И во время суда, там его и расстреляли».

На самом деле это была опасная операция, которую разработали Булганин с Жуковым. Войска НКВД — мощная сила. Кроме того, войсками МВО командовал генерал-полковник Артемьев — человек Берии. Министр обороны Булганин нашел благовидный предлог, чтобы удалить его из Москвы — на летние маневры под Смоленск. Но под Москвой еще дислоцировалась дивизия внутренних войск имени Лаврентия Берии, а в Лефортовских казармах стоял полк бериевских войск. Авторитет Берии «среди своих» был очень велик, за него готовы были в огонь и воду!

Было решено дивизию окружить, а полк в казарме заблокировать. Операция была назначена на 26 июня. Генерал Венедин, комендант Кремля, вызвал из-под Москвы полк, которым командовал его сын. В Кремль ввели курсантов школы имени ВЦИК. Хрущев позвонил командующему войсками ПВО Московского военного округа генералу Москаленко, которого знал еще по Украине. Его войска должны были заблокировать бериевские силы, а сам Москаленко с надежными людьми прибыть в Кремль для ареста Берии.

Сделать это было совсем не просто. Берия предусмотрительно ввел порядок, при котором охрану внутри Кремля несли офицеры ГБ — хорошо проверенные элитные подразделения, преданные ему лично. В Кремль

пройти с оружием нельзя, его оставляли у охраны. Казалось, Берия предусмотрел все...

«По предложению Булганина мы сели в его машину и поехали в Кремль, — вспоминал генерал Москаленко. — Его машина имела правительственные сигналы и не подлежала проверке при въезде в Кремль. Подъехав к зданию Совета министров, я вместе с Булганиным поднялся на лифте, а Баксов, Батицкий, Зуб и Юферев поднялись по лестнице. Вслед за ними на другой машине подъехали Жуков, Брежнев, Шатилов, Неделин, Гетман и Пронин. Всех нас Булганин провел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушел в кабинет к Маленкову.

Через несколько минут вышли к нам Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов. Они информировали нас, что сейчас начнется заседание президиума ЦК, а потом по условному сигналу, переданному через помощника Маленкова — Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берия. К этому времени он еще не прибыл. Вскоре они ушли в кабинет Маленкова, когда все собрались, в том числе и Берия, началось заседание президиума ЦК КПСС.

...Примерно через час, то есть в 13.00, 26 июня 1953 года, последовал условный сигнал и мы, пять человек вооруженных и шестой — Жуков, быстро вошли в кабинет, где шло заседание. Тов. Маленков объявил: “Именем советского закона арестовать Берия”. Все обнажили оружие, я направил его прямо на Берия и приказал поднять руки вверх. В это время Жуков обыскал Берия, после чего мы отвели его в комнату отдыха председателя Совета министров, а все члены президиума и кандидаты в члены президиума остались проводить заседание, там же остался и Жуков.

Берия нервничал, пытался подходить к окну, несколько раз просился в уборную, мы все с обнаженным оружием сопровождали его туда и обратно. Видно было по всему, что он хотел как-то дать сигнал охране, которая всюду и везде стояла в военной форме и в штатском. Долго тянулось время...

В ночь с 26 на 27 июня, примерно около 24 часов, с помощью Суханова (помощника Маленкова) я вызвал пять легковых машин ЗИС и послал их в штаб Московского округа ПВО. К этому времени по моему распоряжению было подготовлено 30 офицеров под командованием полковника Ерастова. Все они были вооружены и привезены в Кремль. Окруженный охраной, Берия был выведен наружу и усажен в машину ЗИС-110 на среднее сиденье. Там же сели сопровождавшие его вооруженные Батицкий, Басков, Зуб и Юферев. Сам я сел в эту машину спереди, рядом с шофером. На другой машине были шесть из прибывших

офицеров из ПВО. Мы проехали без остановки Спасские ворота и повезли Берию на гарнизонную гауптвахту г. Москвы».

На следующий день Берию перевели в штаб МВО. Его поместили в небольшую комнату, около 12 квадратных метров. Особый кабинет отвели прокурору. Здесь же, в бункере, и велось следствие. Суд проходил при закрытых дверях с 18 по 23 декабря под председательством маршала Конева. Государственным обвинителем был Руденко. Все обвиняемые — Берия и шесть его сторонников — были приговорены к расстрелу.

Сам приговор не вызывает никаких сомнений: казнили палача и убийцу. Но то, как велось следствие, сам обвинительный приговор и спешка, с которой он приведен в исполнение, вызывает недоумение. Понятно, что Берия — палач. Но складывается мнение, что во всем этом разбирательстве главной целью было сохранить незапятнанность партии, отделить Берию от партии. И главные обвинения, предъявленные Берии, — «преступления против партии». Но разве только Берия и шесть его помощников, а не все руководство КПСС и НКВД-МГБ-КГБ должны были ответить за миллионы арестованных, подвергшихся истязаниям, расстрелянных?!

Бесспорно, что Берия заслужил свой приговор. Но другие преступники его избежали...

БЫЛ ЛИ РЕФОРМАТОРОМ «ЛУБЯНСКИЙ МАРШАЛ»?

(Материал Владислава Иванова)

Шокирующее известие о появлении в Санкт-Петербурге общественного комитета, выступающего за реабилитацию Л. Берии, взбудоражило общество. Зловещая роль этого человека в истории нашей страны, казалось бы, давным-давно доказана. Чем же тогда объяснить попытку пересмотреть прежние оценки? Насколько правомерны разговоры о нем как инициаторе реформ во внутренней и внешней политике?

Уже в июле 1953 года недавние соратники по политбюро, еще в дни похорон Сталина величавшие Берию «верным ленинцем» и «преданнейшим делу строительства коммунизма товарищем», дружно принялись убеждать народ, что «любимый вождь» стал «жертвой интриг Берии», и представлять «преданнейшего товарища» как абсолютное воплощение зла, главного преступника сталинских времен. Словно напроць забыв о своих лестных характеристиках Берии, Хрущев гневно бросал с трибуны пленума: «Еще при жизни товарища Сталина мы видели, что Берия большой интриган. Это коварный человек, ловкий карьерист. Он очень крепко вцепился своими грязными лапами в душу товарища Сталина, он умел навязать свое мнение товарищу Сталину...»

За этими разоблачительными речами стоял определенный расчет: возложив всю вину за совершившиеся беззакония на Берию, устранить политического конкурента и одновременно обелить себя и систему, которой они все так верно служили. Не случайно тот же Н.С. Хрущев, сознавая шаткость своей репутации, постоянно подчеркивал как свою особую заслугу перед партией и народом арест и устранение Берии. По его словам выходило, что именно Берия мог стать главным препятствием на пути начатых политических и экономических реформ.

Завеса тайны оставалась опущенной и в первые годы перестройки. О Берии стали писать открыто и достаточно много, но общий тон этих публикаций оставался однозначно негативным. Лишь публикация стенограммы июльского (1953 г.) пленума ЦК стала своего рода сенсацией, так как открылись весьма любопытные детали. В том числе и в отношении «реформаторской программы» Берии.

Напомним, Верховный суд СССР, приговоривший Берию и его сообщников к расстрелу, поставил им в вину тяжкие преступления: измену родине, организацию антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и восстановления господства буржуазии, террористические акты против преданных коммунистической партии и народам Советского Союза политических деятелей, преступную связь с иностранными разведками. Весь этот набор традиционных для сталинской эпохи обвинений для устранения политических противников, как и весь наспех слепленный образ «английского шпиона — сексуального маньяка», выглядит сегодня достаточно нелепо. Но речь не об этом.

Как видно из стенограммы, наиболее резкую реакцию вызвали те действия Берии, в которых ораторы усматривали сомнения в правильности сталинского курса во внутренних делах и на международной арене. Стенографические записи выступлений пестрят выражениями: действовал «не теми методами», единолично прекратил «дело врачей», «призывал восстановить законность», пытался умалить авторитет Сталина и ограничить функции партии пропагандистской и кадровой работой, намеревался восстановить отношения с «ревизионистской» Югославией, требовал отказаться от курса строительства социализма в Восточной Германии... Выступавшие на пленуме не стеснялись в резких словах, стараясь добавить свой штрих в оценку личности Берии и методов его работы. Вряд ли в тот момент они думали о возможности эффекта обратного действия. Между тем за речами ораторов, независимо от них, проступал образ если не реформатора в привычном понимании этого слова, то человека, попытавшегося проявить определенную инициативу по демонтажу сталинского социализма. Другой вопрос — что подтолкнуло его на этот шаг?

На этот счет существуют различные версии, но все они требуют документальных доказательств. Пока же очевидно лишь одно: Берия раньше других наследников Сталина провозгласил необходимость преобразований. И не только провозгласил, но и фактически взял в свои руки в первые месяцы после смерти вождя инициативу реформаторских начинаний. Противники Берии, включая и Хрущева, выглядели на пленуме ярыми сталинистами, отстаивающими каждую крупницу наследия своего «великого» учителя.

Предположения по поводу реформаторской программы Берии находят подтверждение в целом ряде других документов: в его докладных записках, справках, проектах распоряжений и постановлений правительства. Наиболее полно представлены документы, связанные с деятельностью

министерства внутренних дел СССР — в частности, о реорганизации экономики и освобождении правоохранных структур от несвойственных им функций, о реорганизации системы ГУЛАГа, о сокращении строительства объектов, при сооружении которых использовался труд заключенных, о передаче в ведение министерства юстиции исправительно-трудовых лагерей и колоний; об ограничении прав особого совещания при НКВД СССР.

Все эти факты не могли не привести ученых к осознанию необходимости более глубокого анализа некоторых аспектов политической карьеры Берии, и в первую очередь вызывающего повышенный интерес того короткого, трехмесячного периода, когда он действовал как самостоятельный политик. Существование реформаторских замыслов у Берии, как уже говорилось, не подлежит сомнению. Спор идет о побудительных мотивах, а в зависимости от этого — можно или нет считать Берию реформатором. Одни полагают, что реформаторские усилия Берии должны быть признаны и оценены в историческом аспекте без всяких оговорок; другие убеждены, что его реформаторским поползновениям грош цена, так как все это были лишь тактические маневры в борьбе за власть.

Отстаивая вторую точку зрения, доктор исторических наук В. Наумов обращает внимание: за пересмотр следственных материалов после смерти Сталина, что ставится в заслугу Берии, он взялся с тех дел, которые возникли в период, когда он не имел прямого отношения к следственной работе. К тому же, замечает Наумов, под удар попали все те работники органов, которые по указанию Сталина собирали компрометирующие материалы на самого Берию. Гласное и демонстративное прекращение «дела врачей», предпринятое, как сообщалось в газетах, по инициативе МВД, позволяло не только рассчитывать на положительную реакцию интеллигенции, но и служило хорошим поводом для кадровой чистки МВД от «чужих людей». В первую очередь — от сторонников Хрущева, которые в период фабрикации «дела врачей» занимали в этом ведомстве многие ключевые посты.

Различие во взглядах, да еще по такой теме, которая недавно была закрыта для дискуссий — в принципе, вполне нормальное явление. Но, думается, в самой такой постановке вопроса — считать Берию бескорыстным реформатором, на которого снизошло озарение, или ловким карьеристом, вырядившимся для маскировки в реформаторские одежды, — есть некоторое упрощение ситуации. Проблему реформ нельзя отрывать от вопроса о власти, поскольку осуществить политику реформ невозможно, не

обладая властью. И, кроме того, нужно, чтобы пришел «час реформ». Обращаясь к первым месяцам после смерти Сталина, можно сказать, что основные направления необходимых преобразований были, если так можно сказать, заранее заданы сложившейся к тому времени ситуацией.

Вспомним обстановку в стране. Экономическая и политическая ситуация внутри самого государства, разгар «холодной войны» на международном уровне, сложности отношений с партнерами по социалистическому лагерю — все это создало целый ряд проблем, которые неизбежно пришлось бы решать любому, кто пришел бы к руководству страной. К тому времени определились и главные «болевые точки»: репрессивная политика, сохранение которой не только не отвечало задачам экономической целесообразности, но и создавало угрозу политической стабильности; сложный комплекс проблем в аграрной сфере, где без радикальных и немедленных мер трудно было предотвратить кризис, многочисленные трудности во внешней политике, в которой нарастали, с одной стороны, сопротивление диктату Москвы в странах Восточной Европы, а с другой — жесткая конфронтация с Западом.

Тем самым вся «тройка» (Берия, Маленков, Хрущев), в руках которой сосредоточилась власть, была обречена на избрание реформаторского пути. У каждого из них был «свой набор реформ»: у Берии — национальная политика, перестройка системы МВД/МГБ, внешнеполитические инициативы; у Маленкова — новый аграрный курс, поворот к социальным программам, идея разрядки в международных делах; у Хрущева — целина, совнархозы, новая военная доктрина. Оценивая эти «программы» в ретроспективе, скорее всего, следует говорить о персональных инициативах, поскольку ни одна из них не представляла целостной концепции.

Вернемся, однако, к разговору о Берии как реформаторе. По мнению многих ученых и политологов выступление «Лубянского маршала» в такой роли с самого начала было обречено на провал, даже если бы его карьера на этом поприще и не была прервана бывшими соратниками. Причина не в самих предложениях — по иронии судьбы большинство из них, отвергнутых в 1953-м и поставленных в вину Берии, позже были воплощены в жизнь. Но общество не могло принять в роли реформатора человека, за которым тянулся мрачный шлейф массовых репрессий и других преступлений. Чтобы признать за Берией право называться реформатором, его нужно было реабилитировать, отделить от него тень главного сталинского палача. Как справедливо заметил историк Олег Хлевнюк в статье «Берия: пределы исторической “реабилитации”», какие

бы новые сведения и соображения ни приводились в защиту Берию, ничто не сможет перевесить его преступлений...

ТАЙНА ЗАКРЫТОГО ДОКЛАДА НА XX СЪЕЗДЕ

(Материал А. Богомолова)

Прошло более сорока лет после XX съезда КПСС. Но до сих пор не утихают споры вокруг доклада Н.С. Хрущева на закрытом заседании. Одни ставят его в заслугу Никите Сергеевичу. Другие вменяют ему в вину то, что своим докладом он нанес по коммунистической системе чудовищной силы удар. Говорят и о его «невиданном вероломстве», будто доклад буквально за несколько дней до оглашения втайне от членов президиума ЦК был коренным образом переработан и оглашен вопреки прежней договоренности с соратниками.

А собственно, на основании чего был составлен доклад? Кто его автор (авторы)? Каков его правовой и политический статус? Что отражал этот документ — настроения в обществе, верхушечную борьбу или авантюристический характер самого Хрущева?

Стенографический отчет XX съезда — это два объемистых тома, 1100 машинописных страниц. Повестка дня — четыре вопроса: отчетный доклад ЦК, докладчик Н.С. Хрущев; отчетный доклад ревизионной комиссии, докладчик П.Г. Москатов; директивы съезда по шестому пятилетнему плану, докладчик Н.А. Булганин; выборы центральных органов. Вот и все. Невероятно, но факт: в стенограмме съезда, осудившего преступления Сталина, нет ни единого упоминания его имени. И в последний день, 25 февраля 1956 года, — никаких разоблачений. Оглашаются итоги голосования по выборам в центральные органы партии. Повестка дня исчерпана, съезд завершил свою работу.

Но что это за странное постановление «по докладу Н.С. Хрущева о культе личности и его последствиях»? Что же это за доклад такой? Если верить архивным источникам, то поначалу задуманная Хрущевым акция по развенчанию Сталина ограничивалась рамками судеб нескольких десятков репрессированных делегатов XVII съезда ВКП(б). Но когда об этом намерении Хрущева пошли слухи, к нему двинулись сотни ходатаев. Хрущев охотно принимал их, выслушивал хватаящие за душу истории, и круг намеченных к пересмотру дел расширялся.

В последний день 1955 года Хрущев проводит через президиум ЦК

решение об образовании специальной комиссии по изучению материалов о массовых репрессиях не только среди членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом, но и среди других советских граждан. Расширены были и временные рамки: с 1935 по 1940 год. Возглавить комиссию Хрущев поручил секретарю ЦК П.Н. Пospelову.

Первоначально П.Н. Пospelов определял ее задачи следующим образом: сбалансировать положительные и отрицательные стороны в отношении Сталина. Огласить справку должен был Пospelов. Она замышлялась не как разгромный доклад, а как сдержанная объективная информация. Исходили из того, что ни партия, ни страна не были подготовлены к восприятию прямых обвинений в адрес Сталина.

В начале февраля 1956 года комиссия Пospelова представила Хрущеву результаты своей работы. Прочитав справку, Хрущев, как рассказывают, никак не отреагировал: не одобрил и не отклонил.

На второй день работы съезда к секретарю ЦК Д.Т. Шепилову подошел помощник Хрущева Шуйский и что-то прошептал на ухо. Шепилов тотчас же поднялся и в сопровождении Шуйского направился в комнату отдыха членов президиума. Два дня после этого Шепилов на заседаниях съезда не появлялся. Подолгу отсутствовал и Хрущев.

Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» был заслушан делегатами XX съезда на закрытом утреннем заседании 25 февраля 1956 года. «Свои» приглашенные и делегации зарубежных компартий не присутствовали. Исключений из правил проведения такого рода мероприятий было много.

Во-первых, заседание не стенографировалось. Во-вторых, после окончания доклада прений не открывали. В-третьих, по предложению председательствовавшего на заседании Н.А. Булганина съезд без обсуждения принял постановление «О культе личности и его последствиях» — более чем странно, если учесть, что куда более мелкие вопросы обсуждались часами. Вообще в процедуре подготовки, оглашения доклада, принятия постановления таких загадок и нестыковок тьма-тьмущая.

Вот одна из них — невесть откуда взявшееся закрытое заседание. В примечаниях к опубликованному в 1989 году, секретному докладу Хрущева сказано: предложение о проведении закрытого заседания и выступлении на нем Хрущева с докладом о культе личности было выдвинуто президиумом ЦК КПСС 13 февраля 1956 года. Получается, президиум ЦК уже до 13 февраля имел текст доклада. Это совсем не стыкуется с заявлением самого Хрущева, сделанным во время беседы с руководством итальянской

компартии летом 1956 года.

— Мы считали, — сказал он, — что доклад не будет опубликован, в противном случае мы бы построили его иначе. Более того, решение поставить этот вопрос было принято не при подготовке к съезду, а в ходе его. В ходе XX съезда было проведено несколько бурных заседаний президиума ЦК. Отдельные члены президиума считали, что не следует поднимать вопрос о культе личности, так как это создаст трудности внутри страны и в рабочем движении. Как видите, мы учитывали это, но также стояли перед необходимостью ответить на вопрос, кто же виноват в том, что погибли многие лучшие коммунисты. Не ответить на него — значило показать, что нынешний ЦК КПСС покрывает виновников, соглашается с ними, боится сказать правду..

По воспоминаниям Л. Кагановича, комиссия Пospelова с задачей справилась и подготовила хорошую справку. Ее обсудили на президиуме и решили: после съезда созвать пленум ЦК и на нем заслушать доклад Пospelова, после чего сделать политические выводы. Хрущев тоже был за такое решение. И вдруг, когда съезд уже заканчивался, в перерыве в кулуарную комнату съезда, где собирались члены президиума, входит Хрущев. Присутствующим раздали брошюры в красных переплетах. Показывая на них, Хрущев сказал: «Надо выступить на съезде».

— Мы говорим, — вспоминал Каганович, — что условились обсудить этот вопрос на отдельном пленуме ЦК, после съезда, в спокойной обстановке. «Надо сейчас!» — настаивал Хрущев.

Члены президиума ЦК не успели толком просмотреть те красные брошюры. Хрущев торопил: быстрее, съезд ждет.

— Он потом написал, — продолжал Каганович, — что ему предложил президиум выступить с докладом. Это он врет. Он сам сказал: «Я сделаю доклад».

Свидетельствует Д.Т. Шепилов:

— Никакого согласования с членами президиума ЦК не было, не говоря уже о решении. Просто в кулуарах, в комнате отдыха президиума съезда, Хрущев сказал: «Мы не раз говорили об этом, и вот время пришло доложить коммунистам правду!» По версии Шепилова, это они вдвоем с Хрущевым, уединившись, два дня готовили доклад и лишь 25 февраля, когда все было написано и отпечатано, вернулись на съезд. Тогда и был сделан этот потрясший всех доклад.

Впрочем, существует еще несколько версий по поводу его авторства. Одна из них — доклад произнесен Хрущевым экспромтом. В пользу этой версии говорит и то, что текст доклада, предназначенный для партийных

организаций, подвергся значительной редакторской и стилистической правке, задним числом были даны ссылки на произведения Маркса, Энгельса, Ленина и на другие цитируемые источники, уточнены даты принятия отдельных документов. Сторонники этой версии, восхищаясь поступком Хрущева, отдают дань и его хитроумию — усыпил бдительность соратников, произнес доклад «из головы». Однако новейшие архивные изыскания и свидетельства присутствовавших на закрытом заседании лиц эту версию не подтверждают...

5 марта 1956 года президиум ЦК КПСС принял постановление о порядке ознакомления с докладом Хрущева «О культе личности и его последствиях». Публикация в открытой печати не предусматривалась, но несколько миллионов коммунистов на закрытых собраниях были ознакомлены с этим документом. Представители итальянской компартии, шокированные докладом не меньше отечественных коммунистов, заинтересовались у Хрущева, какую реакцию вызвал закрытый доклад внутри страны. Он ответил им:

— В Советском Союзе содержание доклада сразу все поняли правильно. Не поняли только единицы...

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ «ЧЕЛОВЕКА-ЛЯГУШКИ»

(Материал А. Ревельского)

Апрель 1956 года оказался для советской дипломатии богатым на события. Визит Н. Хрущева и Н. Булганина в Великобританию стал первой ласточкой, предвещавшей определенные подвижки в отношениях СССР с западным миром. Пока советские лидеры завоевывали сердца недоверчивых англичан, флагман ВМС СССР — крейсер «Орджоникидзе», на котором пожаловали на берега туманного Альбиона оба высоких гостя, стоял на рейде Портсмута. Никто тогда и представить не мог, что эта тишина будет нарушена крупным скандалом.

В центре скандала оказался капитан британских ВМС Лайонелл Крэбб, профессиональный диверсант-подводник, ставший знаменитым благодаря своим смелым рейдам с целью минирования итальянских судов в Гибралтаре во время Второй мировой войны. 19 апреля рано утром Крэбб опустился в воды Стоукской бухты, где стоял советский крейсер, и... таинственно исчез.

В поисках Крэбба его друзья не раз обращались в Британское адмиралтейство, но эта организация хранила гробовое молчание, и только после вмешательства прессы сообщила о гибели водолаза в той самой бухте будто бы в результате поломки дыхательного аппарата. Многие тогда заподозрили, что вся эта история шита белыми нитками и что английская разведка попала в неприглядную шпионскую историю, причем в самый разгар важного госвизита, выпутаться из которой будет не так-то просто. Правительству Энтони Идена пришлось выступить с разъяснениями по поводу происшествия. Премьер-министр намекнул, что, по определенным соображениям, он не вправе информировать общественность обо всех деталях данного инцидента. В таких ситуациях не придумаешь ничего лучшего, нежели попытаться дезавуировать своего агента, что и было сделано англичанами с присущей им изобретательностью.

Приблизительно через год неподалеку от города Чичестер в заливе был найден труп мужчины в комбинезоне ныряльщика. Почти полностью разложившееся тело почему-то оказалось обезглавленным, к тому же у него отсутствовали руки. Опознать утопленника оказалось практически

невозможно, хотя имелись подозрения, что им мог быть и Крэбб. 5 июня 1957 года газета «Дейли телеграф» поместила краткое сообщение о погребении в Портсмуте капитана Крэбба. Представители ВМС похороны проигнорировали. Казалось, на этом скандал был исчерпан. Однако окончательную точку в деле Крэбба, как показали дальнейшие события, ставить было рано.

Примерно через пару лет в Лондоне вышла книга Джона Хаттона «Невероятное дело человека-лягушки». Автор утверждал, что в основу этой книги легли материалы британской службы агентурной разведки и контрразведки и согласно им Крэбб вовсе не погиб, а... находится в СССР! По версии Хаттона, человека-лягушку на крейсере обнаружили довольно быстро. Тотчас же с борта «Орджоникидзе» под воду спустились советские ныряльщики, которым после отчаянной погони удалось догнать таинственного пловца и пленить его. Первые допросы ни к чему не привели. Чтобы не привлекать внимания властей, пленника накачали снотворным и на следующий день на вертолете доставили в Польшу, в город Щецин. Оттуда Крэбба этапировали в Москву. В результате постоянных изнурительных допросов англичанин сломался и рассказал о тех заданиях, которые ему приходилось выполнять. Погружение 19 апреля Крэбб якобы совершил с целью обследования подводной части крейсера «Орджоникидзе», в частности его гребных винтов (!), не имея при этом никаких других намерений. Похоже, Крэбб лукавил. В 1953 году аналогичным заданием он нырял под крейсер «Свердлов», но тогда его не заметили.

По совокупности всех собранных в ходе следствия материалов на Лубянке было принято решение о перевербовке Крэбба, поскольку он мог оказаться полезным при подготовке советских ныряльщиков. В конце концов Крэбба уговорили стать тренером советских подводников. Затем началась его служба в центрах подготовки личного состава ВМС СССР, о которой практически ничего неизвестно. Хаттон утверждает, что однажды он показал жене Крэбба фотокарточку, на которой ее супруг был сфотографирован среди советских морских офицеров. И та опознала Крэбба!

После опубликования таких сенсационных материалов честь мундира британского адмиралтейского начальства была явно задета. Историю с фотографией удалось замять, Хаттон был объявлен дезинформатором.

Последний раз сообщения о Крэббе всплывали в прессе Западной Германии в 1976 году. Его будто бы видели в городе Болькенхагене, где он тренировал восточногерманских ныряльщиков...

ЧАС «Х» ДЛЯ ФЛАГМАНА

(Материал капитана 2-го ранга в отставке О. Бар-Бирюкова)

В истории советского военно-морского флота было достаточно событий, не попавших в официальную историческую хронику. Среди них — самая крупная в XX столетии военная катастрофа на море, происшедшая в мирное время: гибель флагмана эскадры Черноморского флота линкора «Новороссийск». Сам факт этой беспрецедентной трагедии до недавнего времени тщательно скрывался властями от общественности страны. Не в последнюю очередь, видимо, оттого, что не все в ее обстоятельствах и сегодня выяснено до конца.

Линкор «Новороссийск» — бывший итальянский линкор «Джулио Цезаре» («Юлий Цезарь») — достался советскому ВМФ в счет репараций после окончания Второй мировой войны. Он был построен, в Генуе, на верфи «Ансальдо». Заложен в 1910 году, спущен на воду в 1911 году, вступил в строй в 1914 году. Дважды — в 1920–30-х годах — прошел модернизацию, в ходе которой претерпел значительные конструктивные и иные изменения, в результате чего был, по существу, полностью переделан. В частности, у него была удлинена на 10 метров носовая часть, которую надстроили обтекателем-булем, реконструирована машинно-котельная установка, что способствовало повышению скорости хода; заменено артиллерийское вооружение, усилены бронирование и противоминная защита и сделано многое другое. Эти усовершенствования позволили резко повысить его боевые и технические возможности, но в то же время привели к увеличению его водоизмещения и ухудшению остойчивости, а значит непотопляемости...

Военно-морской флот в Италии традиционно являлся гордостью нации, а офицерами в нем служили выходцы из элиты общества. Для строительства кораблей, наряду с государственными субсидиями, широко использовались различные формы привлечения денежных средств от населения. Поэтому раздел ВМФ Италии между союзниками — победителями во Второй мировой войне был воспринят многими в итальянском обществе весьма болезненно, а процесс передачи кораблей в победившие страны проходил с большими трудностями. В прессе и по радио звучали призывы сделать все, вплоть до совершения диверсионных актов, с тем чтобы не допустить плавания итальянских кораблей под

чужими флагами. А соответствующие силы и средства для этого в Италии имелись. Задолго до Второй мировой войны в стране уделялось много внимания развитию подводно-диверсионных формирований, способных выводить из строя и топить корабли противника. Этим специально подготовленным подразделениям в ходе Второй мировой войны при ведении боевых действий на Средиземном море удалось достичь немалых успехов.

Для передачи советской стороне линкор «Джулио Чезаре» был переведен итальянской командой в Албанию, в порт Влера, где 3 февраля 1949 года сразу же по его прибытии на него перешла советская команда. За короткий срок экипаж сумел разобраться в устройстве линкора, системах, приборах и освоить их в такой степени, чтобы обеспечить благополучный перевод этого ранее незнакомого корабля на Черноморский флот. Утром 6 февраля 1949 года на линкоре был спущен итальянский и поднят советский военно-морской флаг. Кораблю было присвоено новое название — «Новороссийск».

После небольшого ремонта линкор официально вступил в строй эскадры Черноморского флота и уже летом 1949 года принял участие в большом походе кораблей эскадры по Черному морю с заходом в порты Кавказского побережья.

Экипаж «Новороссийска» по советскому штату составлял 1462 человека, 70 из них — офицеры, 266 — старшины. Линкор имел мощное — по тем временам — артиллерийское вооружение, сильное бронирование, достаточную дальность плавания, хороший ход. Несостоятельны разного рода толки о том, что из-за своего «итальянского происхождения» линкор был недостаточно изучен и освоен советскими моряками. Один лишь перевод его из Средиземного моря в Черное силами советских моряков свидетельствует об обратном. Не говоря уж о том, что доскональному освоению личным составом всех его механизмов и устройств уделялось на корабле первостепенное значение с самого первого дня ввода линкора в боевой состав флота, где он находился в числе кораблей первой линии. Ведь недаром же на нем стал держать свой флаг и штаб командующий эскадрой контр-адмирал Пархоменко. Да и командующие Черноморским флотом, часто бывавшие на его борту во время походов и учений, всегда отмечали хорошее содержание корабля и высокую выучку экипажа.

В череде флотских будней и праздников незаметно пролетели шесть лет. Наступил 1955 год. Весной «Новороссийск» вышел из продолжительного ремонта, в ходе которого был выполнен ряд модернизационных работ, усиливших его боевые возможности, и начал

плановую боевую подготовку со сдачей установленных курсовых задач. К тому времени линкором уже год командовал капитан 1-го ранга А.П. Кухта, старпомом стал капитан 2-го ранга Г.А. Хуршудов. Летом линкор сдал установленные курсовые задачи и провел зачетные артиллерийские стрельбы главным и зенитным калибром. В конце сентября 1955 года после небольшого похода корабль прибыл в Севастополь.

Войдя на внутренний рейд базы, «Новороссийск» занял не свое обычное штатное якорное место между швартовными бочками № 14, самыми дальними от входа в гавань, установленными возле режимной (охраняемой) части побережья Северной бухты, а встал на «чужие» бочки № 3, ранее принадлежавшие линкору «Севастополь», к тому времени выведенному из боевого состава Черноморской эскадры и переведенному к причалу завода. Эти якорные бочки находились ближе к боновым воротам, перекрывавшим вход в базу, и располагались в очень удобном месте: в середине южной линии постоянных швартовных бочек, выставленных в обширной Северной бухте (где обычно стояли крупные корабли — линкоры и крейсера), возле наиболее населенного тогда побережья Корабельной стороны города. От бочек № 3 до него было менее двух кабельтовых (300 метров). Тут местные жители могли купаться и держать около уреза воды свои частные, в т.ч. рыбацкие плавсредства. На этом якорном месте «Новороссийск» простоял более месяца, занимаясь текущими делами. В Севастополе линкор должен был пробыть до конца октября, и поэтому командир корабля капитан 1-го ранга Кухта ушел в отпуск. С его возвращением — после ноябрьских праздников — намечался выход линкора в Новороссийскую военно-морскую базу. Там линкор должен был сдать на береговые склады остатки итальянского боеприпаса для орудий главного калибра и взять на борт новые советские снаряды и заряды к ним.

28 октября 1955 года, в пятницу, утром «Новороссийск» под командованием старпома Г.А. Хуршудова снялся с бочек и вышел в море для уточнения маневренных элементов корабля и подготовительных артиллерийских стрельб. Вечером того же дня, выполнив все намеченное, линкор возвратился в Севастопольскую гавань и снова встал на бочки. Но швартовка к носовой бочке прошла неудачно: корабль, управляемый не очень опытным в этом деле старпомом, проскочил ее на добрую половину своего корпуса. Хотя Хуршудов и отдал, как полагалось, якорь, стараясь удержать нос линкора у носовой бочки, однако сделал это с опозданием и несколько в стороне от обычного места отдачи якоря, из-за чего потом пришлось подбирать основательно вытравленную якорь-цепь, проволочившуюся при этом по грунту и описавшую во время разворота

буксиром кормы линкора к кормовой бочке почти полуокружность, тем самым как бы «протралив» дно вокруг бочки. Да и корпус «Новороссийска» в результате такой швартовки занял между бочками нештатное положение, сдвинутое на несколько метров от носовой к кормовой бочке. Его выравнивание из-за наступившей темноты отложили до утра. Вдаюсь в эти детали постановки «Новороссийска» на якорь и обе бочки потому, что, не зная их, невозможно судить об истинных причинах его подрыва на этом месте.

После постановки на якорные бочки на линкоре проводились обычные мероприятия, предусмотренные распорядком дня: ужин, увольнение офицеров, старшин и матросов на берег, баня, стирка, вечерний чай, проверка личного состава, отбой ко сну. Перед ужином на корабль прибыла очередная партия нового пополнения — бывших солдат, переведенных из береговых частей на флот для продолжения службы на кораблях. Это делалось в связи с происходившим тогда сокращением вооруженных сил и уменьшением морякам срока их службы, потребовавшим замены значительной части экипажа «Новороссийска». Таких новобранцев на линкоре уже насчитывалось до двухсот человек. Перед приходом на корабль их передевали в матросское рабочее платье — робу, но оставляли сапоги. На ночь бывших солдат, накормив ужином вместе с экипажем, временно разместили в одном из носовых помещений корабля — в шпилевом отделении.

Вместе с большинством корабельных офицеров сошел на берег в увольнение до утра и врио командира линкора Хуршудов, оставив за себя старшим капитана 2-го ранга З.С. Сербулова, опытного моряка. По возрасту он вскоре должен был уволиться в отставку. Обязанности старшего механика (также находившегося в это время в отпуске) исполнял командир электротехнического дивизиона инженер-капитан 3-го ранга Е.М. Матусевич. А за старшего артиллериста, сошедшего на берег, остался командир дивизиона главного калибра капитан-лейтенант В.В. Марченко. Среди остальных двадцати офицеров, оставшихся на линкоре и замещавших тех, кто сошел на берег, преобладала молодежь — лейтенанты и «старлеи».

К полуночи на «Новороссийске» все затихло. Бодрствовала лишь дежурно-вахтенная служба во главе с дежурным по линкору — капитаном 3-го ранга М.Р. Никитенко, недавно пришедшим служить на корабль. В 1 час ночи вахтенным офицером заступил лейтенант В.П. Лаптев — замполит дивизиона движения линкора, бывший фронтовик, воевавший на сухопутье, ставший Героем Советского Союза за форсирование Днепра в

Великой Отечественной войне, но, увы, новичок в морском деле. Он должен был нести вахту до 4 часов утра в самое тяжелое, неудобное, «собачье» время.

В 1 час 30 минут вахтенный старшина на юте линкора, как обычно, пробил в рынду — корабельный колокол — три склянки. Едва затих звук от последнего удара, как в носовой части «Новороссийска» прогремел взрыв. Огромный, закованный в броню корпус линкора содрогнулся от мощного удара. Сильный толчок выбросил из коек спавших моряков. На всех палубах корабля сразу же погасло электрическое освещение, и он погрузился в темноту...

Моряки бросились на бак линкора. Те, кто добежал туда, увидели перед первой артиллерийской башней главного калибра — в мертвенном свете луны и отблесках прожекторов, включенных с соседних крейсеров, — многометровый пролом в средней части верхней палубы, с трещинами в ней, доходившими почти до бортов. Рваные, вспученные края брони были загнуты вовнутрь. Из широкой и глубокой пробоины исходил сильный запах пороховой гари, доносились стоны, крики, шум kloкотавшей воды... Все вокруг — покореженная палуба, заклиненные якорные и вздыбленные над нею швартовные шпили, носовые башни главного калибра, часть надстроек фок-мачты было залито и забрызгано слоем густой черной массы, пахнувшей сероводородом — придонным илом. Рядом с проломом и внутри его лежали искалеченные тела моряков, выброшенные из носовых кубриков, через которые, сокрушая все внутри корабля, прошел огненный смерч взрыва. Жуткое зрелище!

Одним из первых на бак линкора добрался — в темноте, через кучи ила — оставшийся за командира Сербулов. Он вместе с другими подоспевшими офицерами и старшинами сразу же стал руководить спасанием людей, оказавшихся отрезанными от выходов во внутренних носовых затапливаемых помещениях, и тех, кто оказался выброшен взрывной волной за борт корабля и теперь взывал о помощи. По его команде боцманы достали из кладовых и нарезали концы пеньковых тросов. Моряки стали опускать их в пролом и с их помощью вытаскивать плававших там людей. Были спущены на воду и корабельные шлюпки, подобранные тех, кто барахтался в воде за бортом.

Как позже было установлено, взрыв (некоторым он показался двойным) был такой силы, что пробил насквозь — от днища до верхней палубы — весь многопалубный бронированный корпус линкора, образовав в нем огромный проем. Оставшиеся в живых моряки, находившиеся в нижних помещениях, вдруг увидели над собой луну и звездное небо... В

громадную (как оказалось потом — 150 квадратных метров) подводную пробоину хлынули потоки забортной воды, перемешанные с мазутом и кровью погибших. Вода быстро распространялась по нижним и особенно средним помещениям корабля, затапливая их и сокрушая верхние, как оказалось, — непрочные водонепроницаемые переборки...

Все эти страшные разрушения пришлось по самой густозаселенной части корабля, где в носовых кубриках, расположенных на нескольких палубах-этажах спокойно спали на своих 2–3-х ярусных койках сотни матросов и старшин. По оценкам, при взрыве сразу же погибло 150–175 человек и было ранено более 130. Они стали первыми жертвами этой трагедии...

После некоторого замешательства на линкоре была объявлена сначала аварийная, а потом, по приказанию Сербулова, и боевая тревога. Для этого пришлось использовать рынду, для дублирования — подавать сигналы вахтенным и дневальным с помощью свистков боцманских дудок, а также голосом, так как корабельная звуковая сигнализация и радиотрансляция не работали из-за выхода из строя системы электропитания. Тем не менее экипаж довольно быстро занял места согласно боевому и аварийному расписанию. Были задраены водонепроницаемые переборки, люки и горловины, усилено наблюдение за воздухом и водой. Прозвучала команда: «Осмотреться в помещениях, в артиллерийских погребах и отсеках!» Были поданы к зенитным орудиям боевые патроны — многие моряки подумали, что началась война, корабль подвергся нападению с воздуха и в него попала бомба или же он подорван торпедой с подводной лодки, проникшей в базу... А после, когда это не подтвердилось, решили, что взорвался боезапас в первой башне главного калибра.

Тем временем по приказанию заместителя начальника штаба флота капитана 1-го ранга П.И. Овчарова, прибывшего на береговой флагманский пункт, экипаж линкора стал готовить корабль к буксировке на отмель. На соседних крейсерах, где дежурно-вахтенной службой был зафиксирован взрыв на «Новороссийске» и где тоже объявили боевую тревогу, собирали людей и аварийное имущество. Медицинским группам приказали направиться на помощь подорванному линкору, и они вскоре начали на своих баркасах подходить к его борту.

А на линкоре все три корабельные аварийные партии самоотверженно боролись с подступавшей водой. Наиболее тяжелая обстановка складывалась в носовой части корабля — в ее быстро затапливавшихся темных и тесных помещениях и отсеках, входы и выходы из которых разрушил взрыв и где еще оставались живые люди. Моряки нижней

команды, действиями которых руководили из поста энергетики и живучести (сокращенно — ПЭЖ) Матусевич и командир дивизиона живучести инженер-капитан-лейтенант Ю.А. Городецкий, предпринимали оперативные меры по локализации последствий взрыва. Личный состав линкоровских аварийных партий (лишь одной из них командовал офицер — инженер-лейтенант А.Е. Михалюк, остальными руководили старшины) устанавливал на носовых переборках помещений, на дверях и люках — по путям распространения воды — сразу несколько эшелонов защитных подпоров. Аварийщики пытались подключить для откачки воды переносные водоотливные средства, ибо большинство стационарных на линкоре вышли из строя, но действия моряков затруднялись из-за отсутствия электропитания. С пуском резервного дизель-генератора оно было восстановлено лишь в некоторых местах линкора.

Артиллеристы корабля во главе с командиром артдивизиона главного калибра капитан-лейтенантом Марченко по приказанию Сербулова занялись осмотром погребов с боезапасом, особенно в носовых артиллерийских башнях главного калибра. Мысль о возможной детонации снарядов и о затоплении погребов не покидала многих.

Вскоре вода стала проникать в погреба первой башни главного калибра, а потом и второй. Несмотря на установку дополнительных креплений на их носовых переборках, они не выдерживали ее многотонное давление. Быстрое распространение забортной воды по кораблю вызвало крен: сначала — на правый борт, где находилась пробоина, а потом — на левый. При этом в воде оказались нижние бортовые иллюминаторы кают, часть которых оказалась незадраенной — их жильцы, сошедшие на берег в увольнение до утра и запершие их, ключи захватили с собой. Через незадраенные иллюминаторы вода хлынула внутрь помещений, еще более увеличивая крен... Задраивать иллюминаторы пришлось с помощью легких водолазов. Но, несмотря на принимавшиеся меры, положение линкора ухудшалось. Вода, продавливая переборки, попадала в основном в помещения по левому борту корабля, расположенные выше броневой палубы и ватерлинии, создавая в них большие, крайне опасные свободные водные поверхности. Тем самым верхняя часть корпуса линкора становилась тяжелее нижней и остойчивость его резко ухудшалась. Создавался так называемый опрокидывающий момент...

Через полчаса после взрыва на линкор прибыли все высшие руководители Черноморского флота: командующий вице-адмирал В.А. Пархоменко, член Военного совета вице-адмирал Н.М. Кулаков, начальник штаба вице-адмирал С.Е. Чурсин. Пархоменко всего как полгода принял

флот у адмирала С.Г. Горшкова (убывшего на повышение в Москву). Теперь все действия на аварийном корабле выполнялись только по его приказам и распоряжениям. И от него — человека с двумя черными «пауками» (так между собой моряки называют большие адмиральские звезды) на золотых погонах — зависела судьба всех людей, находившихся на борту «Новороссийска». Совсем недавно Пархоменко, как командующий эскадрой, принимал линкор, часто плавал на нем и должен был знать его особенности. И вот теперь, когда подорванный корабль все глубже и глубже уходил носом в воду, одновременно кренясь на левый борт, все, кто был на нем, ждали от него спасительных решений и действий. А командующий флотом метался со своей свитой по накренившемуся кораблю с юта на бак и обратно, требуя докладов о состоянии корабля и мер по его спрямлению...

Прибыв на линкор, Пархоменко приостановил начатую было буксировку подорванного корабля и стал вникать в сложившуюся аварийную обстановку. К этому времени почти вся передняя часть линкора уже ушла под воду вместе со шпильями и толстенными якорь-цепью и цепным бриделем, которыми он крепко держался за якорь и носовую бочку (отсоединить их можно было лишь при помощи специальных резаков, доставив их на линкор, что требовало немало времени). Все это уже не позволяло отбуксировать корабль к отмели или отойти к ней своим ходом. Запоздалое приказание Пархоменко о возобновлении буксировки линкора к берегу не давало результатов — носовая часть корабля уже осела на грунт. Буксирам удалось лишь развернуть линкор кормой к берегу (при этом оттягивая ее влево и еще более увеличивая крен на левый борт!). Пошел третий час после взрыва...

Прибывший на линкор за 45 минут до роковой развязки Хуршудов, видя, что поступление воды остановить не удастся, а крен на левый борт увеличивается, обратился, как того требует флотская субординация, к и.о. командующего эскадрой контр-адмиралу Н.И. Никольскому с просьбой предложить Пархоменко эвакуировать значительную часть моряков — до тысячи человек, скопившихся к тому времени в корме корабля после затопления носовых боевых постов и помещений, а также прибывших на помощь, но не задействованных. На это Никольский ответил: «Я уже дважды обращался к нему с таким предложением, но комфлотом резко отказал, заявив: “Не будем разводить панику!”». Адмирал, видимо, не терял надежды на спасение подорванного линкора, рассчитывая на небольшую глубину под кораблем: она была около 18 метров. Но лишь ширина линкора составляла более 28 метров, не считая высоких бортов, надстроек, труб,

мачт, и при критическом крене корабль мог только лечь на борт (глубина места стоянки линкора, как выяснилось впоследствии, оказалась ложной — грунт, фиксировавшийся лотами и хорошо державший корабельные якоря, состоял из почти сорокаметрового, уплотнявшегося с глубиной слоя придонного ила).

Однако вскоре, после доклада начальника техуправления флота Иванова о том, что крен подходит к критическому, Пархоменко разрешил свести часть моряков, не занятых борьбой с водой, на берег. По кораблю пошла по-разному понятая личным составом команда, поданная вахтенным офицером Лаптевым: «Прибывшим с других кораблей и не занятым борьбой за живучесть — построиться на юте!» Эту запутавшую многих на линкоре команду (замечу, что ее двусмысленность спасла многих, успевших выйти наверх) из-за того, что внутрикорабельная трансляция работала не везде, смогли передать в нижние, наглухо задраенные помещения корабля, в основном голосом и по телефонам внутренней связи, на что ушло немало времени. Матросы, старшины и офицеры стали выходить наверх через узкие люки и горловины внутренних помещений, палуб, надстроек, башен и строиться на верхней палубе, на юте линкора. Группы моряков начали было производить посадку на подошедшие суда. Оперативный дежурный штаба эскадры получил приказание перейти на соседний крейсер и, распорядившись выключить «флагманский огонь», направился к трапу со своими документами.

Но тут накренившийся корабль как-то странно дернулся, немного выпрямился, потом снова резко накренился на левый борт. Погас свет... Крен продолжал стремительно нарастать. Плотные шеренги моряков, стоявших в строю на юте в ожидании подхода баркасов, стали скатываться в воду, в темноту с уходившей из-под ног палубы... А сверху, с надстроек и башен, начали сваливаться со своих штатных мест и со страшным грохотом падать на стальную палубу зенитные установки, оборудование, арматура... Срывавшиеся в воду и катившиеся по кренящейся палубе предметы калечили и убивали попадавших под них людей.

В 4 часа 14 минут линкор «Новороссийск» опрокинулся на левый борт и, задержавшись в таком положении на какие-то мгновения, вдруг быстро перевернулся вверх килем, подняв вокруг себя завесу из водяной пыли, образованную брызгами и струями воздуха, с шипением выходявшего из его внутренних помещений. В момент переворота из груди множества людей, оказавшихся в воде возле корабля, при виде накрывавшей их затемненной стальной махины, вырвался глухой тысячеголосый, отчаянно-страшный крик ужаса. Потом все стихло. Судьбу каждого вершил теперь

роковой или счастливый жребий...

Начался второй акт трагедии.

То, что происходило в воде возле перевернувшегося корабля, трудно описать. Но самое страшное при этом творилось у его кормовой части. Даже те счастливцы, которым повезло и которым удалось спастись, выбравшись из морской пучины, не могли впоследствии толком передать то, что происходило с ними и на их глазах. Моряки, только что стоявшие в тесном строю на палубе, сваливались с корабля на головы своих товарищей, не успевавших отплывать... В воде они, одетые в бушлаты и матросскую робу, в обуви, образовывали живое скопище барахтающихся, цеплявшихся друг за друга людей. Многие из них, особенно те, кто не умел плавать или плавал плохо — а это были в основном бывшие солдаты из нового пополнения, — быстро тонули, затянутые в глубину моря отяжелевшей от воды одеждой, нередко при этом захватив с собой тех, кто был рядом. В этой человеческой каше даже те, кто умел плавать, не могли вынырнуть на поверхность после падения с высоких надстроек и бортов линкора. К тому же многих накрыл широченный корпус перевернувшегося корабля. Других затянули на дно мощные потоки воды, хлынувшей внутрь корпуса корабля, третьи разбивались об поднявшийся из воды острый бортовой киль...

Люди нечеловеческими усилиями старались удержаться на поверхности и освободиться от мокрой одежды. Если это им удавалось, то из таких моряков — как правило, хороших пловцов, успевших еще и вовремя поддержать тонувших соседей, — создавались связки, особенно, если кому-либо из них при этом удавалось ухватиться за какой-нибудь плавающий предмет, упавший с корабля или брошенный со спасательных баркасов и катеров. Эти связки из нескольких и даже многих моряков, которые поддерживали в воде друг друга, помогали им продержаться до подхода спасательных средств. Но и такие группки, перегруженные ослабевшими, растерявшимися, не умеющими плавать людьми, порой рассыпались... Некоторые выплывшие на поверхность моряки взбирались на огромное оставшееся на плаву днище корабля, раздирая при этом руки и босые ноги в кровь об острые наросты ракушек на обшивке. Но это были мелочи, главное — спаслись!

Спасатели, подоспевшие на плавсредствах, руками и отпорными крюками доставали людей из воды, перемешанной с мазутом; бросали им все, что у них было на борту: спасательные круги, жилеты, деревянные предметы... Все это происходило в кромешной темноте, освещаемой лишь сполохами прожекторов, включенных с соседних и подошедших

кораблей... До сих пор спасшиеся тогда моряки не могут забыть ту страшную ночь. Не раз ко многим из них она возвращалась и возвращается в кошмарных снах. Напряжение от пережитого было такое, что у некоторых «новороссийцев», уже спасенных или доплывших до берега, не выдерживало сердце и они, выбравшись из воды, тут же падали замертво...

Высшие флотские чины, прибывшие на линкор, тоже оказались в воде. Почти всем им удалось спастись. Вице-адмирала Пархоменко подобрала одна из спасательных шлюпок и доставила на Графскую пристань, откуда он, промокший и полуодетый, добрался до штаба флота — докладывать о случившемся в Москву.

Тем временем моряки, взобравшиеся на днище перевернувшегося линкора, а также те, которые находились на подошедших спасательных судах, стали различать внутри полупогруженного в воду корпуса «Новороссийска» частые беспорядочные стуки. Это могли делать только живые люди — те, кто не смог выбраться из стальных отсеков линкора! Их отчаянный стук во многих местах огромного корпуса нарастал, сливаясь в сплошную дробь...

Об этом немедленно доложили командованию. Так у тех, кто оказался в «воздушных мешках», образовавшихся в некоторых внутренних помещениях корабля, появился шанс на спасение. Но на деле этот шанс обернулся третьим — последним актом разыгравшейся драмы, самым трагическим...

Часам к 10 утра 29 октября положение корпуса перевернувшегося линкора стабилизировалось. Погружение приостановилось, и корабль (его кормовая часть возвышалась на 2–3 метра над водой) как бы обрел новую ватерлинию. Большой объем сжатого воздуха, находящегося в его задраенных по-боевому помещениях и отсеках, позволял надеяться, что моряки, попавшие в смертельную ловушку, выживут. Слушать их мольбы о помощи и бездействовать в ожидании приказов «сверху» было выше человеческих сил, и моряки со спасательного судна «Бештау», руководимые капитан-лейтенантом И.Г. Малаховым, бросились туда, где стуки различались очень близко к кормовой оконечности днища.

Междудонное пространство корпуса здесь, в районе дизель-электростанции № 4, было сравнительно тонким и располагалось близко к, наружной обшивке. Его стали прорезать автогеном, проделав отверстие, через которое вскоре по очереди вышли семь моряков. Этот успех окрылил спасателей. Были предприняты и другие попытки прорезать обшивку днища в тех местах, откуда слышались стуки, но они ни к чему не привели — из прорезей со свистом выходил лишь воздух...

Не хочется, но приходится рассказывать об этом — о том, как можно, сделав одно благое дело, потом, по неведению, натворить такое, что оно многократно перечеркнет не только все содеянное, но и принесет еще большую беду... Как оказалось, из-за этих не до конца продуманных и слишком поспешных действий были обречены на гибель многие десятки моряков, ждавших помощи. Это произошло прежде всего из-за того, что работа спасательных судов не была должным образом организована, не координировалась и, по существу, не управлялась растерявшимся руководством Черноморского флота.

Вскоре из-за выхода воздуха из «воздушных мешков» еще удерживавшаяся на поверхности воды кормовая часть линкора стала медленно погружаться. Запоздалые попытки заварить прорези и приспособить для создания воздушного подпора один из отсеков списанной подводной лодки-«малютки» со шлюзовой камерой, с помощью которой можно было, приваривая его поочередно в разных местах днища, прорезать обшивку без опасения стравить воздух внутри корпуса линкора, ничего не дали.

В ходе спасательных работ применялся проходивший испытания на флоте опытный образец прямой разговорной звукоподводной связи. С его помощью с полудня 30 октября была установлена связь — к сожалению, односторонняя — с оказавшимися в западне, но еще живыми моряками. По этой связи в последние мгновения перед погружением корпуса линкора в воду было слышно, как моряки, находившиеся в чреве корабля, прощаясь с жизнью, пели «Варяга»...

Спустя сутки с помощью той же звукоподводной связи были обнаружены живые люди в одном из нижних кормовых кубриков линкора. Туда были немедленно отправлены четыре водолаза. С риском для жизни, подстраховывая друг друга, они сумели пробиться и вывести из почти затопленного кубрика двух полуживых матросов. Таким образом всего было спасено 9 человек. А ведь на команду: «Откликнуться, кто живой!», переданную утром 29 октября по звукоподводной связи в корпус перевернутого линкора, ответили тогда стуками во многих местах корабля...

К 1 ноября водолазы перестали слышать какие-либо стуки из отсеков. Продолжая работать, они поднимали наверх только трупы. Так закончился третий, и последний, акт трагедии.

Уже 29 октября 1955 года, спустя несколько часов после взрыва и переворота «Новороссийска», решением Совета министров СССР была создана правительственная комиссия по расследованию причин и

обстоятельств гибели линкора. Ее руководителем стал заместитель председателя Совмина В.А. Малышев. К исходу того же дня Малышев с членами комиссии и большой группой военных и гражданских специалистов, в том числе сотрудников КГБ, прилетел в Севастополь.

В центре внимания комиссии сразу же оказалась версия о том, что линкор погиб от взорвавшегося боеприпаса, хранившегося в артиллерийских погребах 1-й башни главного калибра. Многое подтверждало реальность такого предположения: место и характер взрыва, а также то, что накануне, 27 октября, на линкоре проводились работы по выгрузке значительной части боекомплекта главного калибра, в т.ч. и из носовых башен. При этом в ходе работ кто-то мог по халатности плохо закрепить снаряд в стеллаже, откуда тот вывалился... Вспомнили, что в начале 1955 года при таких же работах взорвался по не до конца выясненным причинам (вероятнее всего, при падении с вершины штабеля) именно такой же 320-мм снаряд. Тогда все обошлось взрывом лишь одного снаряда, разбросавшего — без детонации — соседние по штабелю. Но взрыв все-таки был... Почему не могло быть и нового?

Таким образом, довольно быстро причина взрыва была «найдена», тем более что проверить, так ли это, цел ли боезапас в артпогребах первой башни, было сложно — ведь линкор затонул. И лишь только после того как Малышеву доложили, что водолазы, обследовавшие затонувший линкор, ясно видят признаки наружного взрыва — края пробоины в обшивке его корпуса загнуты вовнутрь — комиссия обратилась к поиску иных причин гибели линкора.

Малышев вызвал в Севастополь видных военных и гражданских специалистов по кораблестроению и вооружению, представителей различных научных и технических организаций. Из них были созданы экспертные подкомиссии, перед которыми стояла задача определить — что взорвалось? Бомба, торпеда, мина или какой-нибудь другой снаряд? Им также предстояло выяснить причину потери линкором живучести и плавучести, приведшие к его опрокидыванию. Для выяснения всего этого отводилось лишь несколько дней (ведь приближалась очередная годовщина революции!). Работа велась круглосуточно, в условиях строжайшей секретности. Были допрошены все уцелевшие члены экипажа линкора и другие свидетели трагедии — несколько сот человек, выполнен огромный объем различных расчетно-аналитических исследований и экспериментов, в том числе два сравнительных подрыва донных магнитных немецких мин.

В итоге комиссия сделала следующие выводы:

«1. Линейный корабль “Новороссийск” (бывший итальянский линкор

“Юлий Цезарь”)... в результате модернизации, проведенной итальянцами в 1935–1937 гг., имел крупные конструктивные недостатки, был перегружен, что серьезно ухудшало все элементы непотопляемости корабля. Командование Черноморского флота и эскадры, зная о таком неблагоприятии в части непотопляемости корабля, не разработало и не приняло дополнительных и специальных мероприятий по устранению хотя бы части конструктивных недостатков корабля. Все это привело к тому, что линейный корабль “Новороссийск”, находясь в строю, подвергался постоянной угрозе...

2. Наиболее вероятной причиной подрыва линкора является взрыв под днищем корабля, в носовой его части, немецкой мины типа “RMH” или “LMB”, оставшихся со времени Великой Отечественной войны..

3. Нельзя полностью исключить, что причиной подрыва линкора является диверсия, так как охрана Севастопольской гавани со стороны моря была неудовлетворительной, ненадежной, а приказы и инструкции по охране водного района крепости... систематически грубо и преступно нарушались.. Входные ворота в боновом противокатерном и сетевом противоторпедном заграждении не закрывались неделями и месяцами. После взрыва линкора не были приняты меры по усилению противолодочной обороны, хотя истинная причина взрыва в то время была неизвестна и должно было предполагать нахождение подводной лодки...»

Решение президиума ЦК от 16.11.55 гласило: «.. этот тяжелый случай свидетельствует о расхлябанности и серьезных недостатках в ВМС и показывает, что руководство ВМ флотом находится в неудовлетворительном состоянии...» Были отстранены от своих должностей и понижены в воинских званиях адмиралы Пархоменко, Кулаков, Никольский, Калачев, Галицкий и капитан 2-го ранга Хуршудов. Но наибольшее наказание, явно несоразмерное с его личной виной, понес адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов. Он был освобожден от должности главнокомандующего военно-морским флотом, разжалован до вице-адмирала и уволен из вооруженных сил без права на восстановление. В свете этого странным выглядело сравнительно легкое наказание, которое понесли главные виновники гибели крупнейшего советского военного корабля и множества моряков — Пархоменко и Кулаков. К тому же эта вина довольно скоро, по сути дела, была с них снята: им вернули их прежние воинские звания, и они еще немалое время продолжали свою руководящую деятельность...

По версии правительственной комиссии, линкор подорвался на донной магнитной мине, которые довольно широко использовались немцами во

время Великой Отечественной войны. Мины такого типа были выставлены ими в 1944 году при уходе из Севастополя. Перед возвращением Черноморского флота в свою главную базу ее акватории были протралены и обследованы водолазами. Для надежности их еще и пробомбили глубинными бомбами. Но полной гарантии безопасности достичь не удалось. Подобные мины не раз обнаруживались и уничтожались в Севастопольской гавани. Правда, при этом источники электропитания таких мин оказывались практически разряженными, а взрыватели почти у всех неработоспособными. Поиск же донных мин в условиях Севастопольского внутреннего рейда был чрезвычайно затруднен, так как истинное дно его, как выяснилось после трагедии «Новороссийска», находилось много ниже поверхности грунта, ибо было покрыто в разных местах многометровым, уплотняющимся с глубиной слоем ила. В нем, вероятно, и таилась роковая мина...

Тут, правда, возникает немало вопросов. Первый — почему эта мина не взорвалась раньше? Ведь линкор и другие корабли становились на бочки № 3 десятки, если не сотни раз. Специалисты объясняют это так: мина пролежала здесь много лет, глубоко зарывшись в ил и поэтому была не замечена ни при тралении, ни при водолажном обследовании. А не взорвалась она ранее оттого, что ее часовой механизм был выведен из строя специальными подрывами глубинных бомб. При этом механизм взрывателя застопорился, поэтому мина многие годы не реагировала на проходившие корабли и на те, которые становились на бочки № 3. При неудачной попытке подойти к носовой бочке № 3 «Новороссийск» своей вытравленной на значительную длину якорь-цепью, проволочившейся по грунту и как бы «протравившей» большую поверхность дна, потревожил эту мину, а возможно и подтянул ее к своему борту. От нового сотрясения часовой механизм мины отстопорился и вновь заработал, приведя ее в боевое положение...

Но почему сила взрыва была значительно больше, чем от взрыва обычной немецкой мины (это зафиксировано, в частности, на лентах крымских сейсмографов)? Возможный ответ: да потому что это была, скорее всего, не одна мина, а связка из двух мин или из мины и прикрепленных к ней ящиков со взрывчаткой. Такие ящики с тротилом, а иногда и мины в связке с ними немцы действительно ставили перед своим уходом во многих местах Севастопольского рейда. Это объяснение дает ответ и на вопрос, почему некоторым, кто слышал взрыв, он показался как бы «сдвоенным».

Возникают еще вопросы, на которые нет ответов в докладе

правительственной комиссии: почему так странно выглядело после подъема линкора место взрыва в его корпусе? Как свидетельствуют документы и очевидцы, в носовой части днища с правого борта была огромная пробоина и кроме того — большая вмятина вдоль киля (со стрелкой прогиба 2–3 метра) по левому борту. В глубину корпуса пробоина доходила до диаметральной плоскости корабля, а потом круто переходила в вертикальный проем, проходивший через все палубы, в том числе и броневые, насквозь, с выходом на верхнюю палубу бака. То есть взрыв носил явно комбинированный объемно-направленный характер. Экспериментальные же взрывы подобных немецких мин, проведенные специалистами из правительственной комиссии, были намного слабее, да и характер разрушений корпусов кораблей во время войны при взрывах таких мин был иным.

Известно, что направленный взрыв, способный прожечь броню, обычно дает специальный кумулятивный заряд. Значит, одна из мин, подорвавших линкор, имела кумулятивное устройство, которое и привело к таким необычным разрушениям? Но немецкие мины подобного типа их не имели... Много в вопросе выявления истинных причин гибели линкора прояснил бы химический анализ покрытий корабельных помещений, через которые прошел поток раскаленных газов. Такой анализ не мог не производиться после подъема линкора, поэтому следовало бы поискать его результаты в соответствующих архивах. Они помогут установить, что за взрывчатое вещество было применено.

С выводом правительственной комиссии о том, что линкор подорвался на немецкой донной mine, можно было бы согласиться. Все тут вроде бы довольно логично и убедительно, но уж очень много в этой версии разного рода «совпадений»... Почему-то именно «Новороссийску» в этот злополучный день «не повезло», и он подорвался на старой mine, находясь на бочках, на которые множество раз до этого становился линкор «Севастополь», да и «Новороссийск», и другие корабли тоже. Ведь и у них бывали неудачные подходы к этим бочкам, и все это место было неоднократно «перепахано» якорями и «протралено» якорь-цепями. При этом взрыв при отданном левом якорю произошел... с правого борта, причем в одном из самых уязвимых мест корабля — в районе артиллерийских погребов главного калибра, загруженных мощнейшими снарядами и зарядами. И почему часовой механизм мины после 11 лет покоя и нахождения в воде сработал в самый глухой, полуночный час, а электробатарей взрывателя за такой большой срок не разрядились и сохранили свою работоспособность?

Версия о подрыве линкора на mine конечно же очень устраивала командование военно-морского флота страны в лице адмирала Горшкова. Эта версия хоть как-то прикрывала вопиющие недостатки, вскрытые правительственной комиссией в организации службы главной базы ЧФ, в особенности в деле охраны Севастопольской бухты. Но в выводах этой комиссии не исключалась и возможность диверсии. Для этого были определенные довольно-таки веские основания...

Кто-то мог использовать близость к берегу последней длительной якорной стоянки «Новороссийска», возле которой находился нережимный участок побережья бухты с пляжем для купания горожан, и мог беспрепятственно подложить взрывное устройство. Этот человек, вероятно, хорошо знал корабль. Поэтому и выбрал одно из самых уязвимых на нем мест, не прикрытое системой противоминной защиты — возле носовых артиллерийских погребов главного калибра, до которых оставались считанные метры...

Если так, то люди, осуществлявшие диверсию (если это была диверсия), знали корабль до тонкостей, что, в свою очередь, указывает на их принадлежность к тем, кто строил и обслуживал линкор до передачи его Советскому Союзу. Исполнителями этого замысла могли стать итальянские специалисты из 10-й флотилии МАС. Ведь именно ее подразделения во время Второй мировой войны базировались на порты Крымского побережья и участвовали в обеспечении боевых действий немецких и итальянских ВМС на Черном море. Это позволило им всесторонне освоить местные условия, облегчившие осуществление диверсии. А как свидетельствуют рассекреченные разведывательные сводки штаба ЧФ, по странному совпадению в самом конце октября в акватории Черного моря находилось несколько итальянских торговых судов, которые к 29 октября покинули его пределы...

В момент срабатывания взрывного устройства мог произойти и одновременный подрыв (детонация) лежавшей рядом с кораблем немецкой донной мины, оставшейся со времен войны, что и привело к большим разрушениям корпуса линкора в носовой его части и по обоим бортам.

Впрочем, в нашем распоряжении имеются лишь косвенные подтверждения «диверсионной» версии. В их числе и те организационные меры, которые предприняло командование Черноморского флота сразу же после катастрофы. В частности, был снят с должности и отдан под суд начальник шумопеленгаторной станции, контролировавшей вход в гавань; снят с должности и понижен в воинском звании адмирал — командир соединения кораблей, отвечавший за охрану рейдов главной базы. А в

конце 1950-х годов зарубежная пресса сообщала, что в Италии была награждена высшими военными наградами группа военнослужащих — за выполнение специального задания. Позднее появились сведения о наличии в одном из военно-морских музеев в Милане стенда, на котором находилось фото подрыва некоего иностранного (бывшего итальянского) корабля...

В последние годы была высказана своеобразная «разновидность» диверсионной версии. Суть ее заключается в том, что «Новороссийск» якобы был подорван с помощью двух зарядов, один из которых корабль долгое время носил в глубине своего корпуса, в труднодоступном для обследования месте — нижней части носового трюма, там, где заканчивался его «старый» нос, удлинённый во время предвоенной модернизации. Сюда его тайно заложили итальянцы еще в 1949 году, перед передачей линкора СССР с тем, чтобы подорвать его на переходе из Средиземного моря в Черное. Тогда им по ряду причин сделать это не удалось, и лишь в 1955 году итальянцы-таки осуществили свое давнее намерение. С помощью скрытно доставленного в Севастопольскую бухту и подложенного под днище линкора специального зарядного устройства они подорвали и «старый» заряд, находившийся внутри корпуса линкора. Отсюда — и сдвоенный звук, и странный характер взрыва, и большие разрушения, повлекшие за собой гибель корабля...

Все это выглядит вполне правдоподобно... Кроме одного — место взрыва (а оно после подъема корабля установлено с абсолютной точностью — между 31 и 50 шпангоутами) никак не совпадает с местом установки пресловутого «старого» заряда корпуса корабля! Истинные же обстоятельства того, от чего подорвался и затонул в ночь на 29 октября 1955 года линейный корабль «Новороссийск», а вместе с ним и сотни моряков, еще ждут своего раскрытия.

ЗАГАДОЧНАЯ ТРАГЕДИЯ У БЕРЕГОВ ГРЕНЛАНДИИ

(Материал Ю. Дудникова и В. Тюрина)

В 1721 году датский пастор Ханс Эгеде ступил на берег Гренландии. Место своей высадки на западном берегу острова он назвал Готхоб — «Порт Доброй надежды». Не силой оружия и не с помощью «огненной воды», а словом Господним и добрым отношением своих детей к язычникам-эскимосам пробил он путь к сердцам аборигенов. Вскоре вокруг домика пастора образовалось небольшое поселение, со временем превратившееся в город Готхоб — нынешний административный центр Гренландии.

В течение многих лет Гренландия, самый большой в мире остров, оставалась колонией Дании. В 1953 году датский фолькетинг отменил колониальный статус острова и Гренландия стала одной из провинций Дании с населением в тридцать тысяч человек, но в пятьдесят раз превосходящую по площади метрополию.

Одной из острейших проблем острова было отсутствие круглогодичной связи с Данией и со столицей Копенгагеном. Вот почему в конце 1956 года пристальное внимание общественности было привлечено к обсуждению в фолькетинге проекта постройки грузопассажирского судна ледокольного типа, которое смогло бы обеспечить круглогодичную связь острова с Датским королевством. Подавляющее большинство парламентариев безоговорочно поддержало этот проект, кто-то из них воздержался, но один из парламентариев — как ни странно, коренной житель острова Ауго Линг — выступил категорически против. Эскимосам не так уж часто приходится бывать в Европе, говорил он, и пользоваться морским транспортом они не будут. Если так, то для кого судно будет строиться? Линг предупреждал и о том, что судно во время рейсов будет находиться намного севернее зон, контролируемых службой ледового патруля, и что плавание в ледовых условиях, особенно в период полярной ночи, несмотря на самое современное оборудование, будет сопряжено с огромным риском. Известно, что с отвесных берегов Гренландии сползают в воды Атлантического океана ледники, огромные осколки которых, называемые айсбергами, уносятся течениями и ветрами на юг. Они

скитаются по океану по воле волн и представляют грозную опасность для судоводителей. Столкнувшись с ними судам они несут почти всегда быструю и верную гибель. Недаром моряки называют их «молчаливой смертью», «дрейфующей гибелью», «белыми призраками» и другими не менее мрачными именами.

Все же большинством голосов фолькетинг принял решение о строительстве судна для плавания в Гренландию. В середине 1957 года заказ на постройку теплохода был выдан известной судо- и машиностроительной фирме «Бурмейстер ог Вайн». Работы по строительству судна велись быстро, и примерно через год в торжественной обстановке оно было спущено на воду. Разбив о его форштевень традиционную бутылку шампанского, «крестная мать» нарекла его «Ханс Хедтофт» — по имени датского национального героя.

Теплоход еще стоял у достроечной стенки, а столичные газеты «Экстрабладет», «Берлинске тиденде», «Политикен» и другие уже писали о том, что «Ханс Хедтофт» лучшее из судов, когда-либо созданных для плавания в тяжелых ледовых условиях, что Гренландия, благодаря открытию постоянной трансарктической линии, станет близкой к Дании и что теперь будет переброшен надежный мост между столицей и самой отдаленной провинцией королевства.

В конце 1958 года «Ханс Хедтофт» официально вступил в состав датского торгового флота. Теплоход имел водоизмещение три тысячи тонн и был рассчитан для плавания в условиях зимней навигации в Северной Атлантике. Его снабдили двойным днищем, семью прочными водонепроницаемыми переборками, усиленным набором корпуса и дополнительным ледовым поясом из специальной стали. Теплоход имел новейшее навигационное оборудование и радиолокационную аппаратуру. Для спасения пассажиров и экипажа на судне имелись спасательные шлюпки, автоматические надувные плоты с аварийным снаряжением и герметично закрывающийся моторный бот. Теплоход отвечал самым высоким требованиям как датских страховых компаний, так и регистра Ллойда.

Своими обводами «Ханс Хедтофт» не походил ни на одно грузопассажирское судно: его отличали острый форштевень и крейсерская корма. Длинная двухэтажная надстройка тянулась от носового грузового трюма до самой кормы. Проектировщики и строители фирмы «Бурмейстер ог Вайн» считали теплоход «практически непотопляемым». Утверждавшие это словно забыли, что сорок шесть лет тому назад такие же слова говорились и о «Титанике». История, к сожалению, повторяется.

Капитаном «Ханса Хедтофта» был назначен 59-летний Раусе Рамуссен, опытнейший датский судоводитель. Тридцать два года плывал он в полярных морях и как никто другой знал все их коварство. За свою долгую службу на море он не раз попадал в опасные ситуации, но всегда благополучно выходил из них. Недаром он носил прозвище «морской волк». По иронии судьбы и капитану «Титаника» к моменту гибели было тоже пятьдесят девять, и проплавал он по морям-океанам тоже тридцать с небольшим лет...

Принятие «Ханса Хедтофта» в строй было обставлено весьма торжественно. На грандиозном приеме по этому случаю произносились громкие речи и пышные тосты, много было высказано похвал и в адрес судна, и в адрес строителей, и в адрес капитана. В ответном слове капитан Рамуссен поблагодарил за оказанное ему доверие, заверил, что оправдает его. Он заявил, что вступление в строй нового теплохода «произведет революцию в истории плавания в Арктике», что теплоход является абсолютно надежным и совершенным судном и что он на сто процентов уверен в полнейшей безопасности предстоящих рейсов в Гренландию и гарантирует безопасность всем, кто будет находиться на борту его теплохода.

8 января 1959 года в торжественной обстановке, провожаемый добрыми напутствиями и гудками судов, «Ханс Хедтофт» снялся со швартовых и взял курс на Готхоб...

Приход «Ханса Хедтофта» в Гренландию вызвал там непередаваемый восторг. Теплоходу была устроена торжественная встреча, снова произносились речи, на его борту толпились возбужденные европейцы и эскимосы. Еще бы им не быть возбужденными: ведь далекая провинция получила первую постоянную судоходную линию!

«Ханс Хедтофт» доставил в Готхоб много разных грузов и три десятка пассажиров. На приеме, устроенном в честь благополучного завершения первого рейса, капитан Раусе Рамуссен вновь восторженно отозвался об отличных мореходных качествах своего судна и заверил всех, что круглогодичная навигация отныне — дело решенное. Он не стал говорить о трудностях ледового плавания, об огромном количестве ледяных полей и айсбергов, встреченных ими у мыса Фарвель, где Восточно-Гренландское течение описывает гигантскую дугу, о сложности судовождения в условиях полярной ночи. Зачел пугать потенциальных пассажиров?

Пока теплоход стоял у причала Юлиансхоб, он сделался местом паломничества: на нем перебивали почти все жители столицы Гренландии, официальные лица, представители прессы и радио. Команда теплохода,

между тем, готовилась в обратный рейс. Судно должно было забрать из Готхоба грузы и пассажиров. Плавание на линии Копенгаген—Готхоб—Копенгаген должно было завершиться точно в назначенный час — не раньше, но и не позже. От этого зависел престиж и судоходной компании, и самого капитана.

Когда наступил день отхода судна, погода резко ухудшилась: стрелки барометра начали стремительно падать. Между тем теплоход уже принял груз, в его каютах разместились пятьдесят пять пассажиров — в основном местные жители. Среди них было девятнадцать женщин и шесть детей. Был в числе пассажиров и Ауго Линг — тот самый, который три с небольшим года назад выступал в фолькетинге против постройки судна. Он сопровождал важный груз: тринадцать металлических ящиков, в которых находились уникальные архивные материалы по истории Гренландии, относящиеся к 1720–1730 годам, в том числе рукопись пастора Ханса Эгедэ. Эти материалы Линг должен был передать на хранение в королевскую сокровищницу в Копенгагене.

В четверг, 29 января 1959 года, «Ханс Хедтофт» отдал швартовы и медленно отошел от причала. На судне были включены все палубные огни, горели оба прожектора, празднично сияли окна и иллюминаторы. Во мраке полярной ночи теплоход, резко выделяясь на фоне темной воды и черного неба, казался сказочным сверкающим дворцом. Отплывавшие пассажиры толпились у борта, провожающие — на причале. Звучали громкие прощальные возгласы, пожелания доброго пути, удачи и всего того, что обычно желают при расставании.

Погода продолжала портиться. Даже здесь, в фиорде, ветер остервенело и больно стегал снежными зарядами. Небольшие льдины колыхались в черной, казавшейся густой и маслянистой воде, негромко постукивали о борт судна. Прогноз не сулил ничего хорошего — барометр продолжал падать. Надвигался шторм, особенно опасный полярной ночью в океане, да еще у берегов острова, являющегося «родиной» смертельно опасных айсбергов.

Капитан Раусе Рамуссен все это отлично понимал, но тем не менее ни на минуту не задержал отход своего судна. Он знал и другое: рейс Копенгаген—Готхоб—Копенгаген мог считаться успешно завершенным только при условии, если «Ханс Хедтофт» точно по расписанию, минута в минуту ошвартуется у назначенного для него причала во внутренней гавани Копенгагенского порта. Еще несколько дней назад погода была более благоприятной для плавания, и Рамуссен имел значительно больше шансов благополучно провести свой теплоход через опасный район скопления

айсбергов у мыса Фарвель. Но капитан получил четкое и категорическое указание компании о продолжительности пребывания в Готхобе и точном времени прибытия в Копенгаген. И никакие самые неблагоприятные прогнозы погоды не смогли бы заставить Рамуссена нарушить это указание.

Ветер завывал в антеннах судна, вихрил на палубах сухой колючий снег, суровая зимняя Атлантика угрюмо вздыхала. Береговые огоньки скоро затерялись в частой сетке метущегося снега. Пассажиры поспешили уйти в уютные теплые каюты. Никто из них и членов экипажа не знал, что эти огоньки — последние, которые они видят в своей жизни, и что «Ханс Хедтофт» упрямо идет навстречу своей скорой гибели.

Пока «Ханс Хедтофт» пробирался через забитый мелким льдом пролив Девиса, подходя к крайней южной оконечности Гренландии — мысу Фарвель, наступило утро пятницы, 30 января. Как только теплоход прошел мыс и оказался на просторе Северной Атлантики, его встретила тяжелая океанская штормовая волна. Снег не прекращался. Крупные льдины встречались все чаще и чаще. Вахта на «Хансе Хедтофте» была усилена, оба локатора непрерывно обшаривали поверхность океана. И неудивительно, в это время года волны особенно часто носят айсберги, кочующие и группами и в одиночку. Одни из них вздымаются над водой на десятки и даже сотни метров и их нетрудно вовремя заметить, другие же еле-еле возвышаются над поверхностью воды. Они-то и особенно опасны, так как их изображение на экранах локаторов смазывается отражением от волн.

Капитану все время приходилось маневрировать, уклоняясь от столкновения с возникающими то справа, то слева, то прямо по курсу молчаливыми призраками. Тяжелая волна и обилие льда не позволяли идти полным ходом, то и дело приходилось сбавлять обороты двигателей, а иногда даже и давать задний ход. Теплоход сильно качало. Тучи брызг вперемешку со снежными зарядами обрушивались на палубы. Началось обледенение корпуса судна, надстройки и палубы покрылись ледяной коркой.

Еще в 10.30 вахтенный радист «Ханса Хедтофта», связавшись с радиостанцией Копенгагенского порта, сообщил, что рейс проходит успешно, но в очень тяжелых штормовых и ледовых условиях. А уже через час с небольшим, в 11 часов 54 минуты, радиооператор станции мыса Рас на острове Ньюфаундленд принял сигнал бедствия: «SOS! SOS! SOS! Теплоход «Ханс Хедтофт» столкнулся с айсбергом... Наши координаты: 59 град. 5 мин. широты северной, 43 гр. долготы западной. До мыса Фарвель

38 миль. Нуждаемся в немедленной помощи». Одновременно с оператором мыса Рас этот же сигнал бедствия принял и радист корабля береговой охраны США «Кэмпбелл». Он тут же поставил об этом в известность координационный центр береговой охраны в Нью-Йорке.

На десятом этаже старинного здания по Лафайет-стрит, величественного и массивного, по позывным быстро установили государственную принадлежность судна, с помощью расчетов по таблицам и прикидкам на карте так же быстро выяснили, что ближе всех к терпящему бедствие судну находится как раз этот самый «Кэмпбелл», и дали команду полным ходом идти на помощь «Хансу Хедтофту». Правда, близость «Кэмпбелла» к месту аварии была относительной — почти триста миль. К тому же погода и ледовые условия не позволяли дать полный ход, и в лучшем случае «Кэмпбелл» мог прийти на помощь бедствующему судну не ранее чем через двадцать часов или даже через сутки. Но приказ есть приказ, и «Кэмпбелл» взял курс на норд. Две его турбины могли выжать при самых благоприятных условиях не более двадцати узлов хода. А огромные волны и все чаще встречавшиеся крупные льды вскоре вынудили командира «Кэмпбелла» снизить скорость хода сначала до семнадцати, а затем и до двенадцати узлов.

События же на «Хансе Хедтофте» разворачивались катастрофически быстро. В 12.30 радист Хуго Виндstrup сообщил: «Повреждения значительны. Справиться с поступлением воды не можем. Вокруг много льда. Машинное отделение под угрозой затопления. Все, кто нас слышит, торопитесь!» Трагический призыв слышали многие, но в эту январскую ночь повторилась драма апрельской ночи 1912 года — тогда призыв о помощи гибнущего «Титаника» приняло много судов, но ни одно из них не оказалось достаточно близко месту катастрофы.

Координационный центр береговой охраны установил контакты со многими судами, находившимися в Северной Атлантике. Вскоре выяснилось, что ближе всего к гибнущему судну находится западногерманский траулер «Иоханнес Круесс». Он тоже поспешил на помощь «Хансу Хедтофту». Однако все, что он мог дать, — это десять узлов самым полным ходом. Еще не менее десятка судов сообщило, что идут на помощь, но все они были безнадежно далеко от погибающего судна.

В 12 часов 42 минуты с «Ханса Хедтофта» последовало новое сообщение: «Вода появилась в машинном отделении, хотя работают все насосы. Появился крен на левый борт». Спасатели изо всех сил пробивались к терпящему бедствие кораблю. А с аварийного судна летели в

эфир новые призывы о помощи: «13.22. На борту девяносто пять человек пассажиров и экипажа. Тщетно пытаемся задержать поступление воды. Возможно скоро прекратится подача электроэнергии. Все, кто слышит нас, окажите помощь немедленно!»

«Держитесь! — радировал «Иоханнес Круесс». — Идем к вам полным ходом. Давайте сигналы прожекторами или ракетами. Спускаете ли вы шлюпки?» На этот вопрос ответа не последовало. Зато «Ханс Хедтофт» сообщил: «13.50. Осадка растет. Крен тоже. В машине находится почти невозможно. Левый дизель-генератор затоплен. Торопитесь! Торопитесь!»

Но торопиться не позволяли льды. Уже несколько раз траулер чудом спасался от столкновения с ледяными полями и полузатопленными айсбергами. «Кэмпбеллу» доставалось не менее тяжко.

«14.20. Машинное отделение затапливается. Через несколько минут остановится второй дизель-генератор. Осадка и крен растут...»

«Спускаете ли шлюпки? Мы так близко от вас. Будем подбирать шлюпки. Сколько их спущено?» — вновь и вновь запрашивал радист траулера, но ответа вновь не последовало. В 14.40 «Иоханнес Круесс» передал: «Объект виден на локаторе. Начинаю поиск».

В 15.10 радист «Ханса Хедтофта» сообщил, что работает на аварийном передатчике и что теплоход погрузился в полную тьму. А еще через двадцать минут в эфире прозвучал отчаянный вопль: «Больше держаться невозможно. Прекращаю работу. SOS! SOS! Тонем! Льдины таранят борт, заползают на палубу. Прекращаю работу. Тонем!»

Передача оборвалась. После этого траулер пятнадцать раз пытался связаться с «Хансом Хедтофтом» по радио, но безуспешно. От первой радиограммы о несчастье до последнего отчаянного вопля в эфире прошло три часа тридцать шесть минут. Что происходило в эти часы на борту «Ханса Хедтофта», что предпринимал его экипаж, — осталось загадкой. Почему ни в одной из радиограмм капитан не сообщил о намерении спустить шлюпки? Спускали ли их вообще? Почему для спасения пассажиров не воспользовались непотопляемым мотоботом? То ли капитан до конца верил в непотопляемость судна, то ли рассчитывал дожидаться помощи? Ответов на эти вопросы нет.

Рассчитывать на то, что кто-то, оказавшись за бортом гибнущего судна, дождется помощи, не приходилось: ледяная вода убивает людей за считанные минуты. И тем не менее «Иоханнес Круесс» и «Кэмпбелл» продолжали упрямо идти вперед. Их команды надеялись, что с «Ханса Хедтофта» все-таки были спущены шлюпки и еще можно было кого-то спасти. В координационном центре с нетерпением ждали сообщений с

борта траулера. Они последовали через час-полтора: «Несмотря на все усилия, ничего не обнаружили. Объект исчез с экрана локатора. Кроме льдин не видно ни обломков, ни шлюпок, ни мертвых, ни живых».

«Иоханнес Круесс» много часов утюжил район катастрофы, но бесполезно. К вечеру его капитан сообщил: «Ничего не найдено. Не видно ни сигналов, ни шлюпок, ни судна. Много льда, движущегося с северо-запада. Появились ледяные поля, началось обледенение судна. Это опасно для нас, мы не можем здесь больше находиться». Еще через полтора часа капитан сообщил, что траулер уходит на юг.

В Копенгагене родственники и друзья пассажиров и членов экипажа судна непрерывно звонили в управление Королевской судоходной компании, чтобы узнать об их судьбе, но ничего утешительного им сообщить не могли:

— Связь с теплоходом потеряна, в предполагаемом месте катастрофы пока ничего не обнаружено. Но мы не теряем надежды.

Через сутки, 31 января, ветер стих, прекратился снег, значительно уменьшилось волнение. Над усеянным льдом океаном появились американские патрульные самолеты, поднявшиеся с авиабазы Туле в Гренландии. Снова начал поиск так и не ушедший с места катастрофы траулер «Иоханнес Круесс». В полдень к нему присоединился изрядно побитый волнами «Кэмпбелл». Увы, поиск оставался столь же безрезультатным: ничего обнаружить не удалось. Эффективному использованию радиолокаторов препятствовали айсберги и льдины. К вечеру «Кэмпбелл» отошел на юг. За ним последовал и траулер.

В воскресное утро ветер стал вновь усиливаться. Тем не менее самолеты продолжали поиск, сбрасывая осветительные бомбы. Продолжал поиск и «Кэмпбелл». Вскоре к нему присоединились и другие суда, подошедшие к месту катастрофы. Но по-прежнему никому и ничего обнаружить не удавалось.

Было уже 23 часа, когда радист «Кэмпбелла» принял какие-то сигналы, но расшифровать их так и не смог. Создавалось впечатление, что сигналы подаются со спасательной шлюпки человеком, незнакомым с аварийным кодом и работой на радиостанции. У спасателей затеплилась надежда. В эфире эта таинственная рация так больше и не появилась и запеленговать ее не удалось. И тем не менее из координационного центра последовало распоряжение продолжать поиск. «Кэмпбелл» со своей измученной командой упрямо бороздил район бедствия.

Погода портилась все больше. Снова начали налетать снежные заряды, видимость снизилась. Самолеты вынуждены были вернуться на свою базу.

В понедельник, 2 февраля, в 20.10 экипаж последнего ушедшего бомбардировщика вдруг сообщил, что увидел на воде слабый мерцающий свет, напоминающий блеск светосигнальных ламп. «Кэмпбелл» тотчас же пошел в указанный самолетом квадрат. Через час один из сигнальщиков взволнованно доложил, что видит «световые вспышки в пяти градусах справа по курсу». Матрос клятвенно утверждал, что их было пять с равными интервалами. Корабль взял вправо. Целый час сигнальщики «Кэмпбелла» до боли в глазах всматривались в темноту, но... все было напрасно. Ничего не было видно и на экранах локаторов.

Стало ясно, что надежд на спасение людей больше уже нет. К концу недели поиски были прекращены. Королевская судоходная компания «с глубоким прискорбием» сообщила, что «...теплоход “Ханс Хедтофт” и девяносто пять человек, находившихся на его борту, считаются пропавшими без вести, и все дальнейшие поиски прекращены ввиду истечения всех сроков выживаемости людей». В Гренландии был объявлен траур.

Высказывалось множество предположений о причинах столь быстрой гибели новейшего теплохода. Все сходились во мнении, что в последние минуты с теплоходом произошло что-то внезапное и непредвиденное. Скорее всего, он неожиданно перевернулся. Но почему? Произошло ли это под натиском льдов — ведь в последней радиограмме радист сообщал, что льдины «заползают на палубу»? Или теплоход столкнулся с айсбергом? Или с увеличением крена потерял поперечную остойчивость и мгновенно перевернулся?

В любом случае ясно, что гибель «Ханса Хедтофта» была почти мгновенной. Не ясно одно: почему такой опытный капитан, как Раусе Рамуссен, ничего не сделал для спасения людей? Ведь на «Хансе Хедтофте» были и шлюпки, и спасательные плоты, и непотопляемый мотобот. Что помешало капитану дать команду о спуске спасательных плавсредств? Ведь у него было достаточно времени для принятия разумного и правильного решения.

Это остается тайной той трагической пятницы...

ГИБЕЛЬ ОТРЯДА УРАЛЬСКОГО ПОЛИТЕХА

(Материал Н. Порсева)

В самом начале 1959 года из Свердловска в район Ивделя по маршруту высшей категории сложности отправилась группа опытных туристско-лыжников из Уральского политехнического института. 14 февраля они должны были вернуться в город, но этого не произошло. Задержки в походе — обычное дело, решили в турклубе вуза и особенно не обеспокоились. Но вот прошел день, другой, третий...

Было организовано несколько поисковых групп, одна пошла по маршруту пропавшей группы, другая — навстречу ей, еще несколько групп начали поиски в радиальных направлениях. Вскоре на склоне высоты 1079 была обнаружена пустая палатка со взрезанной крышей, внутри — часть снаряжения. В нескольких сотнях метров от палатки поисковики откопали под снегом пять замерзших членов группы. Еще четверых нашли только в мае — в глубоком овраге, под огромным слоем снега, с видимыми следами травм.

Следствие было крайне озадачено всеми этими странностями и не пришло ни к каким выводам. А вскоре расследование под нажимом из столицы было прекращено. Долгие годы эта секретная папка хранилась в областном архиве...

Один из участников поиска, мастер спорта по туризму и выпускник УПИ Моисей Абрамович Аксельрод, хорошо знавший погибших, склонялся к лавинной версии гибели группы, хотя склоны горы Холатчахль (по-мансийски «гора мертвецов») совсем не лавиноопасны. Он полагал, что группа, оставив склад с лишним снаряжением на речке Ауспии, отправилась налегке, как и было задумано, в радиальный выход на гору Отортен. Но зимний день на 62-й параллели короток. С выходом припозднились и вынуждены были заночевать выше границы леса, прямо на склоне злополучной горы. Не спеша сделали горизонтальную площадку в снегу, положили на нее лыжи креплениями вниз, на них поставили палатку. Поужинали и улеглись спать. И вот среди ночи нечто сдвигает лавину, она проносится над слабо натянутой палаткой... Ночь, стресс, стоны раненых, кто-то чиркает ножом по крыше, эвакуируются в чем есть,

но в панике путают направление и вместо лабаза, где питание и вещи, направляются совсем в другую сторону, где вскоре и замерзают...

После гибели группы безымянный до того водораздел между верховьями Лозьвы и ее первым с верховьев крупным правым притоком Ауспией стал называться на всех картах по имени ее руководителя Дятлова. На вершине перевала стоит одинокая скала с памятной мемориальной доской.

Но что подразумевал Аксельрод под «нечто»? Что вызвало лавину?

Владимир Иванович Коротаев, в то время следователь Ивдельской прокуратуры, первым начал расследование причин гибели дятловцев. Он вспоминал, что все совершалось в обстановке строжайшей секретности. На месте гибели присутствовали высокие чины КГБ, предупредившие об особом режиме расследования, а впоследствии взявшие со всех участников поисков подписку о неразглашении тайны сроком на 25 лет. Журналистов, понаехавших тогда со всех концов Союза и переполнивших ивдельскую гостиницу, разогнали.

Но расследование продолжалось. Коротаев попросил двух понятых, чтобы те побывали на месте гибели дятловцев. Ему их не дали, что само по себе уже является нарушением законности. Тогда он попросил хотя бы одного. Им стал журналист Юрий Яровой, которого Владимир Иванович в срочном порядке посадил в вертолет, и они полетели к месту трагедии. Яровой делал и первые снимки трупов: Коротаев ему доверял. Но впоследствии Яровой выкрал у него этот фотоархив и исчез из поля зрения следователя, а в начале восьмидесятых, когда интерес общественности к тайне гибели дятловцев вспыхнул с новой силой, вместе с женой при непонятных обстоятельствах погиб в автокатастрофе.

Первоначально эксперты пришли к мнению, что разрез на палатке сделан снаружи. Это навело их на подозрение, что во всем виноваты местные жители — манси. Были арестованы семейства Самбиндаловых, Анямовых, шаман Куриков. Немало времени они провели в камере предварительного заключения. Их уже собирались пытаться, но тут в дело вмешалась профессиональная швея: именно она доказала Коротаеву, что разрез сделан изнутри. Вскоре это подтвердили и ленинградские эксперты. На виновности манси тем не менее настаивал первый секретарь Ивдельского горкома партии Проданов. Он напомнил следствию случай, когда манси в 1939 году утопили в озере под горой Отортен женщину, предварительно связав ей руки и ноги прутьями. Правда, на то были свои причины: она вошла на священную для коренного населения гору, куда вход слабому полу под страхом смерти был запрещен. За что и

поплатилась.

— Манси прекрасно рисуют, — рассказывал Коротаев. — Они рассказали мне на допросе, что видели 2 февраля огненный шар, пламя. Я попросил изобразить это на бумаге: получилось некое вытянутое тело. А о ракетах мы тогда слыхом не слыхивали, телевидения еще не было...

Многое должно было показать вскрытие трупов. Коротаев на нем присутствовал не только в качестве следователя прокуратуры, но и санитара: никого лишнего к моргу представители КГБ не подпускали. Медэкспертами были Возрожденный и Ганс. Владимир Иванович, помогая им, упаковывал все ткани для дальнейшего гистологического исследования.

Начали вскрывать первую партию замерзших, на телах которых не было видимых повреждений. Однако едва вскрыв кожу на голове одного из трупов, эксперт Ганс обнаружил, что череп в буквальном смысле сплюснут. То же самое было отмечено и у остальных. Коротаев срочно позвонил руководителю правительственной комиссии, которая в то время пьянствовала в поселке Лозьва. Но ему не поверили, настаивая на простой версии замерзания.

И еще одну важнейшую деталь этого анатомирования запомнил Владимир Иванович: после каждого вскрытия все его участники неизвестно по чьей инструкции вынуждены были буквально купаться в бочках со спиртом, обеззараживаясь непонятно от чего. Это сегодня любой химик вам скажет, что таким образом обрабатывают тело после соприкосновения с сильнейшими ядами или радиоактивными веществами. А тогда никто об этом и слова не проронил.

Были в те времена в Ивделе лихие вертолетчики Гладырев, Стрельник и Гагарин (однофамилец космонавта), промышлявшие у манси обменом спирта на соболей. Они могли сесть на любую площадку в тайге и горах. Именно они и привезли Коротаеву литую деталь, найденную охотником Епаничковым. Она вполне могла быть частью того летавшего по небу предмета, что видели и зарисовали манси. Но следствие эта железка не заинтересовала: замерзли, и все тут! А вскоре весь экипаж вертолета разбивается вместе с машиной. Что хочешь думай...

Спустя несколько дней Владимира Ивановича отстранили от дела. Много позже он побывал в хозяйстве Королева, познакомился с окружением академика Раушенбаха, где ему невнятно подтвердили: да, был тогда некий запуск... Владимир Иванович до сих пор убежден: так ребят могло покалечить только взрывом.

...На перевал Дятлова наша тургруппа из Екатеринбурга попала в начале августа 1994 года. Когда мы молча стояли у скалы с памятной

доской, я заметил под ней кольцо из черного металла диаметром сантиметров тридцать, с дырочками по окружности. Это было, подсказала мне память, деталью одного из двигателей первой ступени ракеты. Подтвердил это и Игорь Веселов — ему тоже приходилось служить в ракетных войсках стратегического назначения примерно в те же годы, что и мне. Пришли к общему мнению: ракета была явно образца пятидесятых — позже для их изготовления черный металл уже не использовался.

Для справки: ракетные войска стратегического назначения были созданы по указу Н.С. Хрущева в декабре 1959 года. Заметим, трагедия с дятловцами случилась в начале того же года. Из этого следует, что перед этим в СССР шли интенсивные запуски ракет.

Справка вторая. Первыми советскими стратегическими ракетами были слегка модернизированные немецкие «Фау-2» и «Фау-3». При запусках вели они себя непредсказуемо.

Справка третья. Топливом для жидкостных ракет служил гептил, окислителем — четырехокись азота, распадающаяся на воздухе на собственно кислород и «бурый газ», вызывающий, как это известно из школьного курса органической химии, мгновенный отек легких и ожог всех слизистых оболочек. Гептил, впрочем, тоже страшно ядовит.

А теперь представим себе такую картину. Дятловцы спят в палатке. Неожиданно поблизости в склон врзается ракета с остатками топлива и окислителя. Ветер несет это ядовитое облако на палатку. Жжет легкие, нос, глаза... Кто-то выхватывает нож и чиркает им по крыше двухскатки. В чем есть все вываливаются наружу, бегут по склону, путают направление и замерзают...

Остается вопрос: откуда столь страшные травмы? Выпускник УПИ, турист, воспитатель скаутов Кировского района Екатеринбурга Юрий Кунцевич выдвигает еще более страшную версию гибели дятловцев. У него на руках копия уголовного дела об их гибели, где есть почти все, кроме... непосредственной причины смерти. Эти пять страниц, как «не относящиеся к делу», из него изъяты. Он много раз вчитывался в страницы этой толстой папки и нашел там немало странностей и нелепостей. Юрий сразу оговаривается, что никакой подписки о неразглашении тайны никому не давал, поэтому говорит то, что думает. Итак, о торчащих из дела «ушах».

Поиски дятловцев начались только через три недели после их гибели, но на постоянно вьюжном перевале вдруг обнаружили свежие следы, ведущие вниз от палатки. Не подлежит сомнению — опытные туристы никогда не поставят палатку на голом перевале, тем более что рядом — граница леса. В зимний поход туристы не ходят с одеялами, а только со

спальными мешками. Между тем в палатке обнаружены именно одеяла.

По заключению экспертизы, смерть дятловцев произошла от насильственных причин. Как совместить «переохлаждение» с такими травмами, как трещины черепа, множество телесных повреждений, кровоизлияние в сердце, в правую височную область, вдавленный перелом костей, отсутствие у одного из трупов языка, у другого — глаз?

Очень трудно представить, что природа так могла покалечить ребят. Почему «лавина» смела дятловцев, но оставила нетронутым их ужин на рюкзаке? Почему на телах двоих обнаружены радиоактивные частицы?

Кунцевич делает вывод, что дятловцы вовсе не ставили палатку на перевале, а ночевали в границе леса. Ночью они услышали взрыв. Днем пошли любопытствовать. Столкнулись на перевале с командой «зачистки», которая прилетела на вертолете посмотреть на результаты испытаний и подобрать вокруг все, что о них могло напомнить. А тут лишние глаза и уши! Следует приказ: уничтожить. И «чистильщики» выполняют эту страшную команду. Дальше остается только инсценировать естественную смерть: поставить палатку на голый склон, разрезать ее изнутри, набросать в нее для виду немного снаряжения, даже ужин поставить... Такое, при всей невероятной жестокости этого предположения, вполне могло случиться: и в конце шестидесятых РВСН были совершенно секретны, а уж в начале 1959 года — и подавно...

Мы привели далеко не все версии, возникшие по поводу той давней трагедии. Мы заинтересовались этой историей еще и потому, что некоторые исследователи настаивают на том, что причиной смерти ребят послужило некое «аномальное явление», время от времени происходящее в том месте (ведь не зря же оно с давних пор именуется «горой мертвецов»). Существуют показания очевидцев, неоднократно наблюдавших загадочные огненные объекты в том районе. Более того, нам удалось узнать, что через пару лет еще одна туристическая группа погибла там же и тоже при таинственных обстоятельствах. Расследование продолжается...

ПОБЕГ УБИЙЦЫ БАНДЕРЫ

Сразу после октябрьского переворота 1917 года на Украине развернулась борьба за независимость страны. В ответ органы ВЧК-ГПУ, а затем НКВД начали против украинцев настоящую войну, которая велась как на территории СССР, так и за границей. Ее кульминацией стала ликвидация в 1938 году в Роттердаме лидера Организации украинских националистов (ОУН) Евгена Коновальца.

В годы Второй мировой войны ОУН первоначально пользовалась поддержкой гитлеровцев. Однако очень скоро ситуация изменилась. Отрядам Украинской повстанческой армии (УПА) пришлось воевать и с немцами, и с Советами. Эта борьба продолжалась более десяти лет. Лишь к середине 1950-х годов оуновское подполье на Украине было ликвидировано. После этого было решено расправиться с лидерами ОУН за рубежом. Для этих целей ведомство Берии избрало фигуру Богдана Сташинского.

Богдан Николаевич Сташинский родился в 1932 году на Западной Украине. Он хорошо говорил по-немецки, обладал прекрасными физическими данными. В 1951 году, во время учебы во Львовском университете, он стал агентом МГБ. Одним из первых дел Сташинского стало участие в поиске убийц известного писателя-коммуниста Ярослава Галана. В результате в июне 1953 года был арестован организатор убийства Роман Щепанский. Позднее Сташинский через сестру втерся в доверие к ее жениху — командиру боевого отряда УПА — и ушел с ним в лес. Через некоторое время отряд был уничтожен мобильной группой МГБ.

В 1955 году Сташинского перевели в Москву в распоряжение тринадцатого (диверсионного) отдела ПГУ. Вскоре он стал боевиком-нелегалом и обосновался в ГДР, где на базе КГБ в Карлсхорсте совершенствовал свой немецкий язык и периодически выезжал по подложным документам на разные задания.

В 1957 году руководство СССР приняло решение ликвидировать одного из руководителей ОУН Льва Ребета, надеясь тем самым спровоцировать выступления его сторонников против лидера другого крыла ОУН Степана Бандеры и усилить раскол, наметившийся к тому времени внутри движения. Санкцию на ликвидацию Ребета дал лично Хрущев, а исполнителем акции утвердили Сташинского. Орудие убийства

было изготовлено в оружейной лаборатории КГБ — газовый пистолет, который стрелял ядовитой струей из ампулы с цианистым калием. При попадании на лицо жертвы газ вызывал остановку сердца. Считалось, что патологоанатом скорее всего напишет в заключении, что причиной смерти явилась сердечная недостаточность.

Осенью 1957 года Сташинский четырежды посетил Мюнхен, где жил Ребет, изучил маршруты следования и расписание дня будущей жертвы. 9 октября он с фальшивыми документами прибыл в Мюнхен и стал выбирать удобный момент для проведения ликвидации. Такой случай представился через три дня. Укрывшись в парадном дома, где проживал Ребет, Сташинский дождался, когда тот, вернувшись домой, начнет открывать дверь своей квартиры, и выстрелил ему в лицо. В тот же день Сташинский вылетел в Западный Берлин, откуда благополучно вернулся в ГДР.

Смерть Ребета ни у кого не вызвала подозрений. Как и предполагали организаторы убийства, медицинское заключение, сделанное после вскрытия, констатировало, что Ребет умер от сердечной недостаточности. Однако именно это обстоятельство спутало планы КГБ, так как «естественная» смерть Ребета не спровоцировала конфликта между его сторонниками и Бандерой.

Что касается Сташинского, то его поздравили с успехом и вскоре поручили провести второй теракт. На этот раз ЦК КПСС и лично Хрущев санкционировали ликвидацию лидера ОУН Степана Бандеры. Надо отметить, что к концу 1950-х годов политический престиж Бандеры неуклонно падал. Поэтому некоторые руководители КГБ докладывали в Кремль, что ликвидация Бандеры не только не принесет пользы, но и заставит украинскую эмиграцию сплотиться. Но в ЦК с этим мнением не согласились и отдали приказ провести операцию.

Резидентура КГБ в ФРГ достала точное описание местожительства Бандеры в Мюнхене, где он жил под именем Стефана Поппеля, его распорядок дня, а также дубликат ключа от подъезда дома. В самом конце мая Сташинский уже был в Мюнхене и даже застал Бандеру около гаража в полном одиночестве. Однако в последний момент рядом появился посторонний человек, и Сташинский поспешно ретировался. По дороге он выкинул пистолет, а начальству в Карлсхорсте доложил, что считает выполнение этого задания крайне трудным. Но операция по ликвидации Бандеры была на контроле ЦК КПСС и отказываться от нее никто не собирался.

В октябре 1959 года Сташинский вновь выехал в Мюнхен. 15 октября в 11.30 утра в подъезде дома № 7 по Крейтмайрштрассе он выстрелил

ядовитым газом в лицо открывавшему дверь своей квартиры Бандере. Поначалу, обнаружив труп «Стефана Поппеля», западногерманская полиция вновь посчитала, что человек умер от сердечной недостаточности. Но когда выяснилось, что под этим именем проживал Бандера, у немецких властей возникли сомнения относительно причин его смерти. Было проведено повторное исследование трупа. В желудке Бандеры обнаружили остатки синильной кислоты, а на лице — следы разорвавшейся ампулы с ядом.

Чтобы запутать следствие, службой дезинформации ПГУ КГБ в западную печать была запущена версия о том, что Бандеру убили по инициативе министра по делам беженцев ФРГ Теодора Оберлендера, с которым он тесно сотрудничал в годы войны. Распространялись и другие слухи: Бандера-де покончил жизнь самоубийством, приняв яд, после того как узнал, что его ближайший соратник Матвиенко стал сотрудничать с КГБ. Но следствие не дало сбить себя с толку. По его основной версии убийство Бандеры было совершено агентами КГБ. В итоге смерть Бандеры консолидировала силы украинской эмиграции, а его похороны вылились в мощную демонстрацию единства и сплоченности ОУН.

Между тем в Москве после убийства Бандеры царило ликование. Заместитель председателя КГБ Ивашутин обратился в ЦК КПСС с ходатайством о награждении исполнителя акции Сташинского. В декабре 1959 года его вызвали в Москву, где председатель КГБ Шелепин в торжественной обстановке вручил Сташинскому орден Красного Знамени за «успешное выполнение особо важного задания правительства». Сташинскому также сообщили, что он направляется на курсы, где продолжит изучение немецкого языка и займется английским, после чего три или пять лет проведет на Западе, выполняя новые задания «того же характера». Очередным заданием должна была стать ликвидация Радослава Стецкого, бывшего премьер-министра Украинской Республики, после войны укrywшегося на территории ФРГ. Однако этим планам не суждено было осуществиться — в жизни Сташинского произошел необычный поворот.

С 1950 года он жил в ГДР под фамилией Крылов и продолжал подготовку к работе на территории ФРГ. Тогда же он стал встречаться с восточной немкой Инге Польш. Разумеется, была проведена ее проверка, которая показала, что Польш настроена крайне антисоветски. Лубянские хозяева Сташинского попытались отговорить его от встреч с Польш, но все было напрасно. Влюбленный Сташинский попросил разрешение на брак с Польш, утверждая, что сумеет оказать на нее нужное влияние и займется ее

идеологическим перевоспитанием. В конце концов разрешение на брак было дано, причем санкционировал его лично председатель КГБ Шелепин.

В апреле 1960 года «супруги Крыловы» отправились на медовый месяц в Крым, а по возвращении в Москву их начали готовить к совместной нелегальной работе на Западе. Однако вскоре выяснилось, что под влиянием жены Сташинский пересмотрел свои взгляды и стал едва ли не большим антикоммунистом, чем Инге. Поэтому руководство КГБ приняло решение отказаться от использования Сташинского за рубежом.

Весной 1961 года беременная Инге выехала рожать ребенка в Восточный Берлин, а Сташинский остался в Москве: руководитель аппарата КГБ в ГДР, генерал-майор Александр Коротков на рапорте по вопросу выезда Сташинского в Берлин наложил следующую резолюцию: «Сташинского на Запад выпускать нельзя. Следует создать ему все условия для жизни, построить дачу в любой части Советского Союза по его желанию». Но когда в августе в Москву пришло известие, что только что родившийся сын Сташинского неожиданно умер от воспаления легких, его вынуждены были отпустить на похороны...

В Берлин Сташинского сопровождал его московский куратор — подполковник Юрий Александров, который был абсолютно уверен в преданности своего подопечного. Между тем Сташинский, на которого глубоко повлияла смерть сына, признался жене, что является боевиком-убийцей, агентом КГБ. Супруги твердо решили бежать на Запад. В субботу, 12 августа, в день похорон сына, они скрылись от наблюдения и выехали в Западный Берлин, где в полицейском участке написали заявление о бегстве из ГДР по политическим мотивам. Западногерманская полиция немедленно передала беглецов американцам. А в это время агенты КГБ, присутствующие на похоронах ребенка, недоумевали по поводу отсутствия родителей...

К вечеру 13 августа, когда стало ясно, что Сташинский бежал на Запад, все знавшие о его причастности к убийству Ребета и Бандеры пришли в ужас. Александров был немедленно отозван в Москву и арестован. От тюрьмы его спасла только случайность. Он отделался лишь увольнением без права на пенсию. Пострадали и другие сотрудники КГБ, имевшие отношение к бегству Сташинского — по некоторым данным, были уволены или разжалованы 17 человек.

Между тем Сташинский заявил американцам, что является агентом КГБ и лично ликвидировал Ребета и Бандеру. Поначалу к его словам отнеслись с недоверием, но когда он предъявил захваченные с собой документы, в том числе и приказ о награждении, отношение к нему

переменилось. Вскоре Сташинский был передан властям ФРГ для суда. В западной прессе прокатилась волна разоблачительных публикаций о преступлениях КГБ, совершенных на территории Западной Германии.

Процесс над Сташинским состоялся в октябре 1962 года в Карлсруэ. Учитывая раскаяние подсудимого, суд приговорил его к 8 годам тюрьмы. Оглашая приговор, судья отметил, что главным виновником является советское правительство, которое узаконило политические убийства. В конце 1966 года Сташинский попал под амнистию, вышел на свободу, сменил фамилию и документы и вместе с Инге выехал в США...

КАК МЕНЯЛИ ПАУЭРСА НА АБЕЛЯ

(Материал Т. Филипповой)

Американский летчик Фрэнсис Гэри Пауэрс был сбит под Свердловском 1 мая 1960 года. Военной коллегией Верховного суда СССР он был осужден на 3 года тюрьмы и 7 лет лагерей. Во Владимирский централ, главную политическую тюрьму страны, Пауэрса привезли сразу же после суда, в сентябре 1960-го. Он пробыл здесь до февраля 1962-го, пока его не обменяли на советского разведчика Абея, арестованного в США.

Отставной полковник КГБ В.И. Шевченко живет во Владимире. Он — один из тех четверых с советской стороны, что осуществляли обмен.

Когда Пауэрса привезли во Владимирскую тюрьму, он, по заключению врачей, находился на грани психического срыва: во-первых, его мучило то, что он нарушил полученный перед вылетом приказ подорвать в случае провала самолет и себя. Во-вторых, он не только не воспользовался отравленной иглой, зашитой у него в воротнике, но и стал давать на суде показания, подтвердив, что совершал полет с разведывательными целями. Вероятно, он представлял, что по этому поводу говорили и думали в США, потому что даже его отец, приехавший на суд, первым делом спросил: «Почему ты не покончил с собой?» Допустить, чтобы Пауэрс покончил с собой в советской тюрьме, было нельзя. И перед Шевченко поставили задачу: установить с Пауэрсом контакт.

— О чем же вы с ним разговаривали? Пытались расположить его как-то в пользу Советского Союза?

— Разговаривали преимущественно о бытовых вещах — как спал, что ел, кино смотрели в тюремном кинозале. А всякие пропагандистские разговоры исключались строжайше.

— Почему?

— Пауэрс был уверен, что в тюрьме ему обязательно начнут промывать мозги в надежде сделать из него коммуниста. А если это не получится, то под каким-нибудь благовидным предлогом его отправят на тот свет. Но я такие темы обходил, и он успокоился.

Потом Пауэрс расскажет Шевченко, каким образом он оказался в ЦРУ. Пауэрс по профессии был военным летчиком, и неплохим, поэтому его и пригласили в разведывательную эскадрилью. Согласился он из-за денег —

взамен 2000 долларов по старому месту службы ему предложили 2500, а он тогда только-только женился и хотел провести медовый месяц на Кубе.

О предстоящем обмене Пауэрс ничего не знал, но особенно не удивился, когда однажды Шевченко объявил ему: «Будьте готовы, завтра уезжаем в Москву». Поехали поездом, единственный конвойный — все тот же Шевченко. Еще по дороге на вокзал Шевченко проинструктировал Пауэрса: смотреть на пейзаж за окном и — ни слова. Что Пауэрс сбежит или его попытаются выкрасть, было маловероятно. Тревожило полковника другое. Еще в тюрьме уголовники допытывались у надзирателей, в какой камере сидит Пауэрс, говорили: «Дали бы его нам, мы его грохнем — и дело с концом. А то что он ест советский хлеб?» Вот этого и боялся Шевченко — непредвиденных «патриотических» порывов.

Но все обошлось, и до Москвы доехали без приключений. Далее предстояло лететь в Берлин. В самолете, кроме экипажа, находились трое: сотрудник КГБ, близко знакомый с Абелем, Пауэрс и Шевченко. В Берлине их встретили представители советского посольства.

10 февраля 1962 года, 6 часов утра. В сторону Потсдама из Берлина выезжают две машины. В первой сидят два дипломата — они отвечают за технику проведения обменной операции. Она согласована с американцами до мельчайших деталей. Во второй машине Шевченко, его коллега и Пауэрс. Машина направляется к мосту Глиникер, соединяющему берега озера Ванзее. Пограничники ГДР, имея на то указание, пропускают к центру моста двух советских дипломатов. Со стороны Западного Берлина им навстречу идут два американских. Они встречаются ровно посередине моста. Визирование документов, подтверждающих процедуру обмена, занимает около получаса.

Эти тридцать минут ожидания были полны драматизма и напряжения. Обе стороны внимательно следили друг за другом, так как малейшее отклонение от договоренностей — жест ли, слово — могло быть воспринято как намерение сорвать обмен. Хватило бы искры, чтобы операция в буквальном смысле взорвалась: по словам Шевченко, вводная для армейских частей, задействованных в операции, была жесткая, и в случае неожиданного поворота событий никто из восьмерых, находившихся на мосту, не ушел бы живым.

Наконец дипломаты подают условный знак — можно идти остальным. Пошли. Со стороны ГДР — Шевченко, слева — его коллега, между ними — Пауэрс. Со стороны Западного Берлина — командир разведывательной эскадрильи, где служил Пауэрс, знавший его в лицо, Абель и адвокат Донован, защищавший Абеля на судебном процессе. Не доходя примерно

25 шагов до дипломатов, останавливаются — стороны должны удостовериться, что на самом деле Абеля меняют на самого настоящего Пауэрса. И тут один за другим случаются два инцидента, что приводит русских к мысли: вот оно и есть — начало конца.

Поначалу нарушил план обмена командир эскадрильи, начальник Пауэрса. Он перешел на советскую сторону, ухватил Пауэрса за руку и потянул его за собой. Все четыре дипломата растерялись — кроме обмениваемых лиц, никто не должен был пересекать границу. А тут такое!

— Надо отдать должное Пауэрсу, — говорит Владимир Иванович, — он повел себя в той ситуации безукоризненно: опять вернулся на свое место, сказав, что без разрешения не сделает и шагу.

Только перевели дух, поняв, что поступок командира эскадрильи — всего лишь проявление эмоций, как на мост со стороны Западного Берлина выехала грузовая машина, набитая американскими солдатами. Опять чуть не обмерли, потому что уговор был закрыть мост для любых передвижений на два часа. Но и это оказалось только досадной неувязкой, и в конце концов американцы разрешают Абелю идти. Навстречу идет Пауэрс. На мосту приходится задержаться еще на некоторое время — американцы зачитывают Абелю вердикт президента Кеннеди о помиловании. А потом с разрешения дипломатов к нему подходит Донован: «Ну скажите хоть сейчас своему адвокату, вы все-таки советский разведчик?». «Господин Донован, — отвечает Абель, — я не могу добавить ничего нового к тому, что вам известно из моего следственного дела или из наших неоднократных бесед». Донован, пожав плечами, замечает: «Русские всегда оставались для нас загадкой. Пусть будет так и на этот раз».

По вполне понятным причинам Шевченко старался быть в курсе дальнейшей судьбы Пауэрса — ведь он находился с ним в невольной связке почти два года. 1 августа 1977 года Пауэрс погиб в вертолетной катастрофе неподалеку от Лос-Анджелеса. Крохотная заметочка об этом была опубликована в газете «Труд». Своей смертью погиб Пауэрс или нет — об этом остается только гадать.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МАЙКЛА РОКФЕЛЛЕРА

Несмотря на дикость такого страшного явления, как каннибализм, во второй половине XX века оно еще встречалось в самых разных уголках земного шара. В разных племенах сохранились обычаи поедать части тел поверженных врагов, но встречаются и совсем необычные причины для участия в трапезах каннибалов. Так, на островах Фиджи, где особой воинственностью славятся молодые женщины, людоеды считают их мясо деликатесом. А в горах Яввия, расположенных в индонезийской части Новой Гвинеи, было обнаружено племя асма — каннибалов, находящихся на первобытной стадии развития и до сих пор отказывающихся от контактов с внешним миром.

Редкие встречи с другими представителями аборигенов Новой Гвинеи позволили ученым узнать некоторые подробности о членах этого племени, живущих в непроходимых лесах нагорья под управлением колдунов-жрецов. Соседи асма — люди из племен дани — рассказывают, что каннибалы ходят обнаженными и единственное одеяние у них — так называемый халим — фаллокрипт, трубка из высушенной тыквы, которую надевают на детородный орган.

Много лет назад люди дани показали одну из охотничьих троп асма членам этнографической экспедиции, в состав которой входил Майкл Рокфеллер — сын Нельсона Рокфеллера, тогдашнего мэра Нью-Йорка, и член одного из самых богатых семейств Америки.

19 ноября 1961 года экспедиция отправилась в путь на моторной лодке из маленького порта Агац. Ее целью являлись сбор этнографического материала, съемка обрядов и обычаев асма. Путешествие закончилось весьма печально. Сильный ветер перевернул лодку, и участникам экспедиции пришлось выбираться на берег вплавь. Добравшиеся до берега двое молодых ученых безуспешно пытались разыскать третьего — Майкла Рокфеллера и, не найдя, оповестили о катастрофе местные власти.

Отец Майкла, прилетевший из США, организовал одну за другой несколько групп поисков, но все усилия были напрасными. Пришлось смириться с мыслью, что молодой ученый утонул. Однако правда оказалась еще страшнее...

Несколько лет спустя итальянский исследователь Новой Гвинеи обнаружил новые свидетельства происшествия. Он изучал причины эпидемии холеры, унесшей жизни многих членов племени асмат. Старый колдун поведал ему, что болезнь принес дух могущественного белого воина, которого несколько лун назад их соплеменник Аям убил и съел вместе с другими мужчинами. Доказательством происшедшего служил череп, сохранный как реликвия. Колдун рассказал, что молодой Аям сам хотел стать главой племени, и, по верованиям асмат, вместе с мясом белого человека к нему должны были перейти его сила и мудрость. Однако случилось так, что Аям не только не стал мудрым, но и навлек на племя немилость белого духа, который принялся мешать воинам в охоте, а женщинам — в рождении здоровых детей... По уверениям колдуна, это именно он рассказал соплеменникам, откуда пришли неудачи и болезни. Тогда асмат убили несчастного Аяма, съевшего белого человека, разрезали его тело на мелкие куски острыми бамбуковыми ножами и, поджарив на углях, съели. А жители маленького поселка, расположенного в долине Бальем, быстро распродали коллекцию, собранную и оставленную здесь антропологом Майклом Рокфеллером — ожерелья из ракушек, головные уборы из перьев, кабаньи клыки, грубо украшенные насечками и орнаментами, ритуальные идолы — полуметровые обрубки бревен, которым рука местного мастера придавала удивительные черты, соответствующие религиозным представлениям племени асмат...

КТО И ЗА ЧТО УБИЛ ВАСИЛИЯ СТАЛИНА?

(По материалам Д. Лиханова)

Василия Сталина арестовали через полтора месяца после смерти отца — 28 апреля 1953 года. В документах, рассекреченных полвека спустя, нет ни слова о том, кто замыслил эту операцию. Можно только предполагать, что инициатива исходила от бывших сталинских соратников — Берии, Молотова, Маленкова, Хрущева. Как раз в эти самые дни Лаврентий Павлович прямой дорожкой направлялся к трону: объединял госбезопасность с милицией, подчинил себе внутренние войска, злобно сверкал золотом пенсне на товарищессе по партии, и те, по их собственным признаниям, впадали в транс, а про себя думали-гадали, как бы им поскорей спихнуть «товарища по партии». Возможно, Берия (и не только он) полагал, что Василий Сталин сможет занять место отца. Не в буквальном смысле, естественно (кто б ему это позволил), а в смысле народной любви или, правильнее сказать, народной памяти, которая, останься Вася на свободе, постоянно пробуждала бы к нему повышенное внимание. Ведь вспоминали же мы о Светлане, читая ее запрещенные мемуары.

Как «убирали» Василия Сталина? Об этом в гэбистских и партийных документах тоже молчок. Однако сохранились воспоминания последней гражданской жены Василия — Марии Николаевны.

О грядущем аресте сын Сталина узнал от друзей-летчиков по телефону. Неизвестно, что думал в эти мгновения Василий Сталин, но одна мысль пронеслась в его голове наверняка: «Предали, суки!» Василий перебрал все свои бумаги, кое-кто сжег, потом застрелил из табельного револьвера любимую овчарку и принялся ждать. Наутро пришли бугаичекисты: «Товарищ генерал, вот ордер на ваш арест». К тому дню генерал-лейтенанту Василию Сталину исполнилось тридцать два года. Он занимал должность командующего ВВС Московского военного округа. Много пил. Помогал спортсменам. Жил с любовницей. Но не могли же его арестовать только за это или за то, что он сын Сталина! Обвинили в разбазаривании государственных средств...

Допрашивать Василия начали 9 мая 1953 года. Поручено это

ответственное дело было начальнику следственной части по особо важным делам генерал-лейтенанту Влодзимерскому и его заместителю полковнику Козлову. Суть протокола обвинения, состряпанного ими за три дня допросов, в двух словах сводится к тому, что Сталин Василий Иосифович, «занимая пост командующего ВВС Московского военного округа, допустил разбазаривание государственного имущества и незаконное расходование денежных средств, чем нанес большой материальный ущерб Советскому государству».

Виновным в «расхищении государственных средств» Василий себя признать отказался: «Расхищения государственных средств и казенного имущества в целях личного обогащения я не совершал и виновным в этом себя признать не могу». И то верно — обвинять в хищениях с целью личного обогащения человека, у которого всего лишь два месяца назад было все! А вот гипертрофированная страсть Василия Сталина к спорту и его щедрое покровительство спортсменам действительно происходили за казенный счет: «В период с 1947 по 1949 год, — каялся на допросе Василий, — в ВВС МВО были сформированы команды мастеров почти по всем видам спорта... Кроме того, я добился передачи ВВС из центрального клуба Советской армии футбольной команды. Во всех этих спортивных командах числилось более 300 человек, содержание которых обходилось в сумму свыше 5 млн. рублей в год». А в 1950 году на территории парка культуры и отдыха Ленинградского района штаб ВВС начал строительство спортивного центра, причем эту и все другие стройки, по словам Василия, санкционировал военный министр маршал Василевский, а стало быть, на всех бумагах стояла ею подпись. Однако Василевского на Лубянку даже не вызывали. А в памяти многих спортсменов послевоенного поколения Вася Сталин остался «мировым мужиком», который многим помог: перетягивал в Москву, устраивал квартиры, зарплаты, звания. Многие ветераны советского спорта до сих пор считают себя обязанными этому человеку, что называется, по гроб жизни.

Следствие отыскало за Василием Сталиным еще множество грехов и грешков: летал на охоту в служебном «Дугласе», ездил по личным делам на казенном авто «паккард», построил на даче конюшню и баню, вывез из побежденной Германии несколько вагонов разного барахла...

Летом 1953 года «друзья по партии» устранили Лаврентия Берию, а в августе новый шеф госбезопасности Круглов отправил в президиум ЦК записку, в которой Василий Сталин официально обвинялся в растратах на 20 миллионов рублей, во «враждебных выпадах» и антисоветских клеветнических измышлениях. «После кончины Сталина И.В., — писал

Круглов, — стал высказывать клеветнические измышления против руководителей КПСС и Советского правительства, якобы незаслуженно уволивших его из Советской Армии и стремящихся представить его как пьяницу и разложившегося человека. Вместе с тем Сталин В.И. осуждал мероприятия Советского правительства, направленные на обеспечение бесперебойного руководства страной после кончины Сталина И.В., а также высказывал недовольство тем, что Советское правительство якобы не проводит достаточных мероприятий по увековечению памяти Сталина И.В. Окончательно морально разложившись, Сталин В.И. в конце марта и апреле с.г. высказывал настроения встретиться с иностранными корреспондентами и дать им интервью о своем положении после кончины Сталина И.В.».

Василия Сталина осудили лишь два года спустя — 2 сентября 1955 года. Трудно сказать, чем была вызвана эта пауза. Может быть, какими-то внутривластными причинами? За антисоветскую пропаганду и злоупотребление служебным положением (растрату так и не удалось доказать) он получил восемь лет лишения свободы. Два года до суда Василий провел в Лефортове в роли безымянного узника, и только следователи и начальник тюрьмы знали о том, что это сын Сталина. После суда его отправили в знаменитую Владимирскую тюрьму, построенную еще при царском режиме. Здесь Василий провел почти шесть лет...

5 января 1960 года. Генпрокурор Руденко и главный гэбист Шелепин вновь пишут бумагу на Старую площадь. На дворе политическая оттепель — оттого, видать, и письмо такое: просят у ЦК за хорошее поведение и по причине болезни «применить к Сталину В.И. частную амнистию... поручить Моссовету предоставить Сталину В.И. в г. Москве трехкомнатную квартиру; поручить Министерству обороны СССР назначить Сталину В.И. пенсию... предоставить ему путевку в санаторий сроком на 3 месяца и возратить изъятое при аресте лично принадлежащее ему имущество; выдать Сталину В.И. 30 тысяч рублей в качестве единовременного пособия». Чуть ниже пометочка: «Постановлением Президиума ЦК КПСС от 8 января 1960 г. предложение А. Шелепина и Р. Руденко были приняты». Казалось бы, добро пожаловать на свободу! Но тут как раз что-то происходит...

В рассекреченных документах имеется явный пробел — отсутствие двенадцати страниц, которые, возможно, составляли документ за номером 121, до сих пор нерассекреченный. Не исключено, что в нем таится разгадка того, что произошло с Василием Сталиным в последующие годы.

Следующий документ, от 7 апреля 1961 года:

«За период пребывания в местах заключения В.И. Сталин не исправился, ведет себя вызывающе, злобно, требует для себя особых привилегий, которыми он пользовался при жизни отца. На предложение, сделанное ему о том, чтобы после освобождения из тюрьмы выехать на постоянное место жительства в гг. Казань или Куйбышев, Сталин В.И. заявил, что добровольно из Москвы он никуда не поедет... На предложение о смене фамилии он также категорически отказался... и заявил, что если ему не будут созданы соответствующие условия... то он “молчать не будет, а станет всем говорить о том, что осудили его в свое время необоснованно и что в отношении его чинится произвол”.

В неоднократных беседах с ним он постоянно подчеркивал, что по выходе из тюрьмы будет добиваться приема у товарища Н.С. Хрущева и других членов президиума ЦК КПСС, а также писать письма и заявления в различные инстанции. При этом он высказал мысль о том, что, возможно, снова обратится в китайское посольство с просьбой отправить его в Китай, где он будет лечиться и работать. Прокуратура СССР и Комитет госбезопасности убеждены, что В.И. Сталин, выйдя на свободу, будет снова вести себя по-прежнему неправильно. В связи с этим считаем целесообразным... в порядке исключения из действующего законодательства направить В.И. Сталина после отбытия наказания в ссылку сроком на 5 лет в г. Казань (в этот город запрещен въезд иностранцам). В гор. Казани предоставить ему отдельную однокомнатную квартиру. По заключению врачей, состояние здоровья В.И. Сталина плохое и он нуждается в длительном лечении и пенсионном обеспечении. Как прослужившему в армии более 25 лет, в льготном исчислении В.И. Сталину была назначена пенсия в размере 300 рублей (новыми деньгами). Однако, учитывая, что он своими действиями дискредитировал высокое звание советского генерала, предлагается установить для него по линии Министерства обороны СССР пенсию в размере 150 рублей в месяц. По улучшении здоровья его можно было бы трудоустроить на одном из авиационных заводов гор. Казани. Считаю также целесообразным при выдаче В.И. Сталину паспорта указать другую фамилию...»

Василий Сталин прибыл в Казань в марте 1961-го. У него отняли все: дом, друзей, женщин, работу и даже фамилию. В однокомнатную квартиру на Гагарина, 105 он зашел только с одним чемоданом, в котором лежал серебряный рог, бурка и пластинки с грузинскими песнями. Здесь, в Казани, Василий прожил всего лишь год. Однако именно этот последний год жизни сталинского сына буквально переполнен таинственными событиями.

В январе 1961-го, по воспоминаниям последней его жены — Марии Николаевны, — в Казани неожиданно появилась некая Мария Нузберг, о которой было известно, что КГБ привез ее вместе с детьми из Сибири специально для ухода за Василием и даже выделили ей отдельную квартиру. Более об этой Нузберг ничего неизвестно, однако совершенно очевидно, что она несколько месяцев жила на Гагарина, 105 по специальному заданию госбезопасности. И именно с появлением Нузберг сын Сталина «заболел странной болезнью», от которой не оправился уже до конца своих дней.

«Тогда, в январе, — вспоминает Мария Николаевна, — я вынуждена была уйти от Васи. Эта Нузберг постоянно находилась в квартире, делала ему уколы». Марии Николаевне говорили, что это инъекции снотворного, однако когда она попыталась рассмотреть одну ампулу, медсестра тут же ее выхватила и раздавила ногой на полу.

«В марте мне на работу позвонила врач Барышева, — продолжает Мария Николаевна, — и сказала: “Ваш муж очень плох. Он очень просит вас приехать”. Я приехала. Ему и в самом деле было очень плохо. Василий еще больше похудел и не стал похож на себя. Нузберг сидела тут же, не оставляла нас ни на минуту двоих. “Почему ты не позвонил сам?” — спросила я. “Я не мог. Меня не было”. — “Как?” — “Меня увозили”. — “Куда увозили?” — “Не имеет значения”. Куда его увозили? Зачем? Что они с ним там делали? У меня не было ответов на эти вопросы, и никто не собирался мне их давать. А он лежал передо мной, беспомощный, худой и страшный...»

17 марта Василия снова увозили в неизвестном направлении, а всего через два дня сын Сталина умер — в возрасте сорока одного года. Пройдя через девять лет Лефортова и Владимирки, этот молодой, крепкий мужик в казанской ссылке «сгорел» подозрительно скоропостижно.

И последний штрих. Когда на Арском кладбище открыли гроб для прощания, Мария Николаевна не узнала Василия. Его лицо было синим от гематом, а нос разбит. Она подумала: «Наверное, это кукла». Гроб опустили в могилу. Сверху приладили красный фанерный обелиск со звездочкой. Вместо имени — жестяная табличка с номером. Два года спустя друзья поставят здесь гранитный памятник с надписью «Единственному от М. Джугашвили» и фотографией Василия на фарфоровой пластинке, однако через несколько дней кто-то расстреляет фотографию несколькими выстрелами в упор...

ГИБЕЛЬ АПЛ «ТРЕШЕР»

(Материал А. Петрова)

10 апреля 1963 года весь мир был потрясен сообщением о гибели атомной подводной лодки ВМС США «Трешер». Лодка исчезла, не успев даже подать сигнал бедствия. Никто из 129 членов экипажа не сумел спастись. Для Америки это стало подлинной национальной катастрофой.

Сидя перед телевизорами, американцы задавали только один вопрос: «Как лучшая в мире подводная лодка могла в одночасье погибнуть?» И дело тут было не только в обычном для американцев восхвалении своих достижений. Погибла головная лодка, которая открывала собой целую серию из 30 субмарин, и на тот момент ее тактико-технические характеристики действительно были лучшими. АПЛ этого типа обладали высокой — до 30 узлов — скоростью и предельной глубиной погружения до 360 м. Ядерная энергетическая установка позволяла 10 раз обогнуть по экватору земной шар, а дальность плавания на полной мощности насчитывала 100000 миль. Словом, американским конструкторам и кораблестроителям было чем гордиться. И вот такой корабль, созданный с учетом последних достижений науки и техники, погиб. Причем в мирное время! По гордости американцев был нанесен удар страшной силы. Впервые во весь рост стал вопрос и о том, как поведет себя ядерная установка на глубине и чем это может закончиться для человечества.

Из-за чего же погибла лодка?

Достоверно известно следующее. «Трешер» вышел в море для проведения двухдневных испытаний. На борту находились 12 штатных офицеров, 96 старшин и матросов, 4 офицера с кораблестроительной верфи и 17 гражданских специалистов.

Первый день прошел без происшествий. На второй было запланировано погружение на предельную для ПЛ глубину, то есть 360 м. При таких погружениях лодка опускается на глубину поэтапно. На каждом производятся многочисленные замеры, чтобы определить прочность корпуса и конструкций, а также проверить правильность работы механизмов. Любое глубоководное погружение страхуется. В данном случае этим занималось спасательное судно «Скайларк». Согласно выпискам из вахтенного журнала, события развивались следующим образом:

- 8.00 — произведена проверка звукоподводной связи;
- 8.02 — глубина 120 метров. Осмотр прочного корпуса;
- 8.09 — глубина 180 метров;
- 8.24 — очередной сеанс связи;
- 8.35 — глубина 270 метров;
- 8.53 — ПЛ приблизилась к предельной глубине;
- 9.02 — сеанс связи, курс прежний;
- 9.10 — ПЛ не ответила на вызов.

В 9.12 с борта «Трешера» поступило сообщение о наличии неполадок. Лодка имела дифферент на корму и явно пыталась продуть главный балласт. Акустики слышали шум сжатого воздуха в течение 20–30 секунд. Последнее искаженное сообщение капитана было невнятным: «... предельная глубина...»

В 9.17 раздался приглушенный грохот.

В 11.04 командир «Скайларка» дал в штаб радиограмму: «Не имею связи с “Трешер” с 9.17».

В 13.32 по приказу командующего подводными силами Атлантического флота США в район аварии направлены корабли, самолеты и ПЛ «Сивулф».

В 15.30 начальник Главного штаба ВМС США докладывает военно-морскому министру о случившемся. А спустя 15 минут о ЧП сообщили президенту Кеннеди. Первым вопросом, который он задал, был: «Сколько людей на борту?» Военные чины точной цифры не знали и ответили ориентировочно — 80–90 человек. К 17 часам спасательные суда обнаружили на поверхности моря масляные пятна и куски полиэтилена. Однако у военных еще теплилась надежда на чудо, и в своем вечернем выступлении начальник Главного штаба адмирал Андерсен не прочел поименного списка погибших. Но уже в утреннем выпуске новостей тот же адмирал сказал: «С глубоким прискорбием я вынужден объявить вам, что атомная подводная лодка, имевшая на борту 129 человек, погибла...»

11 апреля на всех американских военно-морских базах по всему миру были приспущены флаги. И в тот же день семьям подводников были выплачены компенсации.

Для определения причин катастрофы лодку требовалось найти. К поискам подключались все новые и новые корабли, подводные лодки, научно-исследовательские суда. С Тихого океана на десантном корабле доставили батискаф «Триест», способный погружаться на предельные глубины Мирового океана. Общее количество кораблей, собранных в районе поиска, достигло 12–16 единиц. Но и спустя месяц поиски

оставались безрезультатными.

Важно было не только выяснить причину катастрофы, но и «сохранить лицо» нации и, конечно, понять, что происходит с реактором. «Триест» совершал многочисленные погружения до ноября 1963 года. Ученые сделали более 250000 снимков. Были обнаружены переборочная дверь, трубы, баллон воздуха высокого давления и сапог из комплекта спецодежды. Но ни тела подводников, ни лодку не нашли.

Комиссия по расследованию причин катастрофы начала свою работу 11 апреля 1963 года, в нее вошли видные подводники и специалисты-кораблестроители. Возглавил комиссию один из старейших подводников США вице-адмирал Бернард Остин. И в страшном сне ему не могло присниться, что пять лет спустя он будет расследовать катастрофу еще одной АПЛ.

Работать комиссии было трудно. В СМИ муссировалось множество слухов и версий, включая традиционную «руку Москвы». Порождены они были, в первую очередь, вспыхнувшей межведомственной склокой «за честь мундира». Со страниц газет и с экранов телевизоров подводники яростно обвиняли кораблестроителей, те в ответ поливали грязью военных. Однако крайней в итоге оказалась Портсмутская верфь, построившая «Трешер». Эксплуатация ПЛ в течение 12 гарантийных месяцев выявила 875 дефектов, 130 из них относились к конструктивным и 5 были связаны с безопасностью корабля. Поэтому «Трешер» вернули на верфь для доработки.

За это время сменился командир корабля. Лодку было предложено принять 35-летнему капитан-лейтенанту Джону Гарвею. Несмотря на свой относительно молодой возраст, он был опытным подводником. Гарвей быстро понял, что лодка к выходу в море не готова. Но оказалось, что по «высшим» соображениям можно заткнуть рот даже толковому специалисту. Единственное, что смог сделать командир, — это написать письмо другу своего отца вице-адмиралу У. Смедбергу. Последний занимал должность начальника управления кадров ВМС США. После катастрофы военноморской министр запретил публиковать письмо, но кое-что в прессу просочилось. Известно, что Гарвей просил вице-адмирала использовать свое влияние и надавить на специалистов, так как качество ремонтных работ на ПЛ вызывает у него тревогу. Вице-адмирал получил письмо в тот день, когда 129 человек вместе с новейшей лодкой ушли на дно Атлантики.

Надо отдать должное американцам — они сделали все, чтобы избежать повторных аварий. Уже в октябре 1963 года командование ВМС США заявило о приостановке строительства всех АПЛ этого типа для проверки

качества работ. Была уменьшена предельная глубина погружения, улучшены тактико-технические характеристики и условия обитания экипажа. Спустя 12 дней после катастрофы была создана научно-исследовательская группа, основной задачей которой стала организация поиска и оказание помощи затонувшим ПЛ. На тот момент надежных средств спасения субмарин и их личного состава не существовало. Впрочем, многие специалисты полагают, что их нет и до сих пор...

Следственная комиссия опросила 120 свидетелей. Их показания, многочисленные фотографии, карты и схемы составили 12 томов дела. Вывод комиссии был неутешителен: «...полученные данные не позволяют определенно утверждать, что же в действительности произошло с подводной лодкой...»

Катастрофа, конечно, привлекла внимание и советских специалистов. Из печати вышла книга А.А. Нарусбаева и Т.П. Лисова «Тайна гибели “Трешера”» (Л., 1964). Вот что пишут они:

«Около 9.12 случилось непоправимое: колоссальное забортное давление сорвало арматуру или разорвало трубопровод в одном из кормовых отсеков. Пробоина была не очень большой, иначе бы лодка затонула мгновенно. Гарвей отдал необходимые распоряжения, вызвал “Скайларк” и спокойным голосом произнес: “Столкнулись с небольшой проблемой... Имеем дифферент на корму. Пытаемся продуться”. Судя по интонации, командир еще не представлял масштабов беды.

Между тем обстановка в корме была ужасной. Струя воды буквально косила оказавшихся на ее пути людей. Плотный туман окутал отсек, вызвав короткое замыкание. Это вывело из строя системы, жизненно важные для управления кораблем. Быстро нарастающий на корму дифферент вскоре превысил допустимую величину, что привело к срабатыванию защиты реактора. Корабль лишился хода.

Получив отрицательную плавучесть и лишившись управления, лодка начала проваливаться за предельную глубину. Вышедшая из строя связь не дала возможности капитану сообщить что-либо на “Скайларк”.

Финал трагедии наступил в 9.17, когда под действием забортного давления разрушился один из отсеков (глухой треск, который слышали спасатели). В считанные секунды вода смела все водонепроницаемые переборки и затопила корабль. Оказавшийся в отсеках воздух сжимался до такой степени, что возникали пожары, которые тут же тушились массой поступающей воды. Смерть экипажа была мгновенной». Лодка падала более двух километров со скоростью 110–160 узлов и при ударе, возможно, углубилась в грунт на 150 метров...

В УБИЙСТВЕ ДЖОНА КЕННЕДИ ВИНОВАТ КОМПЬЮТЕР?

(Материал С. Николаева)

Специальная комиссия, расследовавшая обстоятельства покушения на Джона Кеннеди, как известно, пришла к выводу, что его смерть — дело рук Ли Освальда, который был не наемным киллером, а фанатиком-одиночкой. Экспертов не смутили марксистские взгляды Освальда и не насторожил тот факт, что он около 4 лет жил в СССР. Мести за Карибский кризис члены комиссии в данном покушении также не усмотрели.

Почему же Освальд взял в руки винтовку с оптическим прицелом, выяснить не удалось: на второй день после ареста он был прилюдно застрелен владельцем ночного клуба Джеком Руби. В данном случае комиссия посчитала причиной очередного убийства личные мотивы: дескать, Руби учинил самосуд над виновником гибели горячо любимого им президента. Впрочем, как показало медицинское обследование, Джек Руби прекрасно знал, что он болен раком и его дни сочтены. Так что, вполне возможно, он просто решил красиво умереть...

Однако такие объяснения многим показались не слишком убедительными. За трагедией в Далласе просматривается сценарий хорошо разработанной операции, проведенной хладнокровными профессионалами, — многие политические враги Кеннеди желали ему смерти. Версий по поводу причин убийства президента было высказано множество. А в последнее время появилась еще одна: к организации покушения на Джона Кеннеди причастна... ЭВМ. В пользу столь сногшибательной гипотезы говорят следующие факты.

В марте 1962 года в небольшом городке Ливермор-Фолс (штат Мэн) секретная лаборатория приступила к выполнению особого проекта по заказу правительства США. Исследователи намеревались создать искусственный интеллект на базе ЭВМ модели «Гамма-4», сконструированной фирмой «Харсфилд». Проектом руководили Властимил Ерничек и Леонард Зарков.

Переломным этапом эксперимента считается 18 декабря 1962 года, когда ЭВМ стала оперировать понятием «я». «Я должна быть больше» и «Я должна знать больше» — этими двумя фразами машина завершала любое

общение со своими создателями. Ерничек и Зарков решили, что машине для дальнейшего развития требуются новые блоки. Каждый килобайт памяти в те времена стоил немалых денег, но проект имел «зеленую улицу». В итоге деньги были получены, оборудование закуплено, и вскоре машина смогла пройти испытание Тьюринга.

Следующим этапом проекта стало создание «электронного советника». Машина должна была обрабатывать поступающую информацию и давать заключение по той или иной проблеме. Сначала алгоритм выдачи заключений опробовали, пытаясь получить предсказания исхода боксерских поединков и бейсбольных матчей.

Первые результаты ученых обескуражили. Однако, анализируя причины ошибок, машина сослалась на то, что ей не хватает информации о спортсменах, и в первую очередь частного характера. Например ЭВМ понадобились тексты телефонных разговоров спортсменов со своими тренерами. Подобное требование означало, что компьютер самостоятельно пришел к выводу о существовании коррупции в спортивном мире! Когда же разрешение на прослушивание было получено, ЭВМ предсказала итог 11 поединков из 12.

Подобный успех помог выбить дополнительные ассигнования на продолжение работ. Лаборатория была существенно расширена и получила первый серьезный заказ. В роли заказчика выступило ЦРУ, которому требовалась программа, с помощью которой можно было бы предсказывать поведение людей, в первую очередь — Фиделя Кастро.

Сначала машине «скормили» многочасовые речи кубинского лидера. Обработав их, ЭВМ сочла необходимым изучить и эмоциональную составляющую выступлений Фиделя, для чего к ней подключили звуковой анализатор речи и прокрутили записи речей кубинского вождя. К маю 1963 года компьютер составил психологический портрет лидера кубинской революции. Но когда ЭВМ выдала свои рекомендации, заказчики остались недовольны: машина заверяла, что вероятность успешного покушения не превышает 15%, а вот вероятность разоблачения причастности спецслужб США к этому делу однозначна на 100%.

Затем ЦРУ захотело получить оптимальный сценарий ликвидации Фиделя Кастро. Но вот здесь эксперимент вышел из-под контроля. Как потом выяснилось, машина попросту... прониклась симпатией к кубинскому вождю и принялась играть на его стороне. Впрочем, поначалу работа шла как будто гладко. ЭВМ обрабатывала информацию, включающую планы резиденции Кастро, графики его перемещений, тексты и записи новых речей кубинского лидера. Изучалась также история

покушений, методы охраны государственных лиц и способы нейтрализации телохранителей. Одновременно с этим сотрудники лаборатории стали получать от машины особые поручения, которые выполняли, не фиксируя их документально. Как и почему они пошли на это, выяснилось позднее.

Прежде всего, компьютер предложил создать в лаборатории подпольную букмекерскую контору. Используя прежние навыки, машина стала регулярно выдавать прогнозы по поводу боксерских матчей, а сотрудники лаборатории принимали и делали ставки. Таким образом вскоре в лаборатории образовалась «черная касса» с весьма солидным капиталом. Круг обследуемых значительно расширился.

В лабораторию сотрудники приводили членов семей, друзей и знакомых и под предлогом проведения психологических экспериментов и социологических опросов подключали их к детектору лжи, снимали электроэнцефалограмму во время общения с компьютером. Машина также поглощала массу информации из газет и радиопередач, изучала юридическую литературу и т.д.

Сценарии покушения, выданные в итоге компьютером, напоминали сюжеты боевиков. Предлагалось угостить Фиделя Кастро отравленной сигарой, насыпать таллия ему в туфли, чтобы он облысел, подарить ему зараженного бешенством кота или создать радиоуправляемого роботамышонка, который бы в себе нес шприц с цианистым калием... Эксперты ЦРУ не скрывали разочарования и предложили своему ведомству прекратить дальнейшее финансирование программы.

Оставшись без ассигнований спецслужб, сотрудники лаборатории продолжали трудиться с еще большим энтузиазмом: их работа щедро оплачивалась из «черной кассы». К тестированию стали привлекать жителей не только Ливермор-Фолса, но и других регионов Америки. Тестирование проводилось по разным схемам. Одни испытуемые находились в специальной «опросной комнате» недолго, другие проводили там многие часы, третьи оставались на несколько дней. Один из жителей Техаса задержался в лаборатории на 5 суток, за что дополнительно получил премию в 170 долларов — приличные деньги для скромного служащего книжного склада. А спустя неделю после тестирования, 22 ноября 1963 года, этот служащий — Ли Харви Освальд — взял в руки винтовку и открыл огонь по президенту...

Интересно, что после стрельбы, спрятав винтовку, Ли Харви Освальд, никем не замеченный, покинул место преступления, зашел домой, переоделся и вновь отправился на улицу, на сей раз вооруженный пистолетом. Он выглядел настолько странно, что его остановил

полицейский Дж. Типит, которого Освальд убил на месте. Затем преступник попытался скрыться в ближайшем кинотеатре, но его задержали. А через 2 дня Ли Харви Освальда на глазах у миллионов телезрителей убил владелец ночного клуба Джек Руби.

Следствие, изучая прошлое обоих убийц, установило, что каждый из них посещал находящийся на другом конце страны городок Ливермор-Фолс. И одному из экспертов, знавшему о существовании в этом городке спецлаборатории, пришлось в голову связать деятельность Освальда, Руби и лаборатории в одну логическую цепь...

Следователь О'Коннел посетил лабораторию, где ему были представлены данные психологических тестов и продемонстрирована сама процедура тестирования. По возвращении он написал рапорт, в котором утверждал, что случившееся — чистое совпадение. Однако Рей Брэдли, один из руководителей следственной комиссии, счел рапорт неполным и во главе группы спецагентов без предупреждения нагрянул в лабораторию. Первым делом агенты попытались отключить компьютер от электросети. В ответ на это сотрудники лаборатории открыли стрельбу из револьверов, убив двух агентов. А когда спецслужбы, вызвав подкрепление, начали штурм лаборатории, все, кто там находились, включая руководителей проекта Ерничека и Заркова, застрелились...

Тщательно изучив оставшуюся документацию, группа Брэдли пришла к потрясающему выводу: убийство президента США спланировала и организовала электронная вычислительная машина! Получив задание устранить Кастро, искусственный интеллект пришел к заключению, что это — преступное деяние, направленное не только против независимого государства Куба, но и противоречащее законам США. Затем электронный мозг сделал вывод, что правительство Соединенных Штатов проводит политику, противоречащую интересам народа, а потому должно быть свергнуто. В соответствии с этим компьютер подготовил покушение на президента и претворил план в жизнь. Машина подчинила себе волю и разум всех участников проекта, от Ерничека и Заркова до Освальда и Руби, применив так называемое нейролингвистическое программирование. Или, другими словами, использовала своеобразный гипноз...

УБИТЬ РОБЕРТА КЕННЕДИ НЕ СОСТАВЛЯЛО ТРУДА

(Материал И. Иванова)

Роберт был худ, стеснителен и хил. Строгий отец семейства — американский дипломат Джозеф Кеннеди — не жаловал своего третьего отпрыска, считая его не будущим мужчиной, а слабой девчонкой. Юный Бобби, родившийся в ноябре 1925 года, никогда не удостоивался того внимания, которым были окружены его братья: Джозеф-младший, погибший во время Второй мировой, и Джон, ставший президентом США. В детстве Роберт шокировал даже мать своим отношением к религии: он был ревностным католиком, знал наизусть большую часть библейских стихов.

Бобби всегда хотел показать себя сильным и мужественным, но всякий раз он попадал впросак. В доме Кеннеди, где политические разговоры всегда соседствовали с громким детским смехом и плачем обиженных малышей, над Робертом потешались как могли. Тем более что поводов для этого было предостаточно. Однажды Бобби, мечтавший угодить отцу, который славился пунктуальностью и ненавидел опоздания, помчался в столовую, чтобы успеть к обеду. Мальчик позабыл все на свете и не вспомнил, что гостиную от столовой отделяет стеклянная стена. Бобби протаранил ее, изрядно порезавшись и насмешив всех домочадцев.

Стеснительность Роберта переходила все мыслимые границы. Иногда, чтобы скрыть ее, молодой человек начинал вести себя слишком вызывающе. Когда его отца направили служить послом в Лондон, пресса, охотившаяся за семейством Кеннеди, захлеб описывала светские приемы, на которых Бобби заигрывал с наследницей престола, будущей королевой Елизаветой Второй.

В детстве Бобби изначально признавал свое поражение во всем. Эту ужасную черту характера, которая была не свойственна нагловатым ирландцам из клана Кеннеди, Роберт преодолевал всю жизнь, выдавливая ее из себя по капле. Эта нескончаемая борьба выработала в нем железную волю, которая позволила третьему сыну семейства миллионеров сделать блестящую карьеру, оборвавшуюся в одном шаге от президентского кресла.

Бобби отчаянно боролся за право гордо носить имя Кеннеди. Однако

это ему долго не удавалось. В элитном Гарварде Бобби учился отвратительно и был вынужден перейти на юридический факультет Виргинского университета, где получил диплом лишь благодаря упорству, а не отменным мыслительным способностям. Его старший брат, ставший хозяином Белого дома, всегда соперничал с неуклюжим Бобби и побеждал его. Джон отлично плавал, Роберт постоянно шел ко дну. Джон был весел и излучал радость, Роберт хмурился и страдал от недостатка чувства юмора. Джон обожал менять сексуальных партнерш, Роберт настойчиво и планомерно ухаживал за подругой семьи Этель Скакел, которая и стала его женой.

Бобби было всего двадцать пять, когда он, первым из братьев Кеннеди, пошел под венец и стал отцом. Его отношения с Этель вызывали либо восхищение верностью и искренностью, либо насмешки над крестьянским обилием детей в семье. Жена Джона Кеннеди, гордая Жаклин, однажды с неприязнью сказала о супруге Роберта: «Она плодит детей, как кроликов. В этом есть что-то унижительное».

В решающие моменты клан Кеннеди умел демонстрировать удивительную сплоченность. Когда Джон баллотировался в члены сената, в избирательной кампании участвовали все родственники. Роберт колесил по стране, не зная отдыха. Будучи плохим оратором, он не мог агитировать за Джона на митингах, зато в закулисных интригах ему не было равных. Роберт умел предлагать деньги важным персонам за их публичную поддержку брата. Его политика принесла успех: Джон стал сенатором, а Роберт — старшим советником комитета по расследованию антиамериканской деятельности.

Когда Джон объявил о своем намерении побороться за Белый дом, Бобби ликовал: ему представился реальный шанс доказать, что он — достойный член могущественной семьи Кеннеди. Роберт рьяно взялся за дело и сумел убедить сенатора Линдона Джонсона, который сам мечтал возглавить великую страну, согласиться стать кандидатом в вице-президенты при Джоне Кеннеди. Когда Бобби получил вымученное согласие авторитетного политика, Джонсон бросил ему вслед одну фразу: «Этакий маленький мерзавец!»

Залог победы Кеннеди был в премудром коктейле, который изготовил его младший брат. Он состоял из телегеничности и ораторского мастерства Джона, миллионов его отца и неумной энергии Роберта, который за время предвыборной кампании превратился в ходячий скелет с кругами под глазами и осунувшимся лицом. После инаугурации брата Бобби стал одним из самых молодых генеральных прокуроров в истории Соединенных

Штатов, которому новоиспеченный президент подарил книгу с дарственной надписью, придуманной Жаклин Кеннеди: «На память Бобби, который сделал невозможное возможным».

На новом государственном посту Роберт нажил себе огромное количество врагов, так как развернул широкомасштабную борьбу с мафией. Свою работу Бобби называл приземленно — охотой за плохими людьми, а на его рабочем столе лежал зеленый берет — символ непобедимого американского спецназа. Один из главарей заокеанской мафии, кровожадный Карлос Марчелло, сравнивал Джона Кеннеди с собакой, а Роберта с собачьим хвостом, который нужно во что бы то ни стало отрубить.

Бобби знал, что его могут убить, но тем не менее продолжал сажать в тюрьму мафиози и при этом сохранять отличное расположение духа. Генеральный прокурор и его жена Этель прослыли самыми веселыми и изобретательными устроителями светских приемов. Однажды они подарили каждому из гостей по живому тюленю, а в другой раз поместили в центре обеденного стола не цветы, а живых жаб. Особенно Бобби и Этель нравилось ненароком столкнуть гостя в бассейн, а потом наблюдать, как джентльмен с сигарой и напомаженными волосами самостоятельно выберется из воды.

Когда Роберт узнал, что его брат убит в Далласе, он вмиг изменился в лице и произнес: «Я думал, что это произойдет со мной». Если бы не Бобби, клан Кеннеди не смог бы пережить смерть второго сына. Генеральный прокурор утешал всех, но сам никак не мог смириться с утратой близкого человека, которому доверял абсолютно. До своей собственной гибели он был не в силах даже смотреть на изображение убитого президента. К личным вещам Джона Кеннеди Бобби относился как к реликвиям. Однажды военная флотская куртка брата случайно оказалась за бортом яхты, и Роберт, не задумываясь, бросился в море при шквальном ветре, чтобы не дать ей пропасть.

Когда в 1968 году сенатор Кеннеди объявил, что хочет стать президентом, Америка пришла в восторг: слава убитого хозяина Белого дома была так сильна, что его брат мог рассчитывать на безоговорочный успех. Молодежь боготворила сенатора за его осуждение войны во Вьетнаме; чернокожие были благодарны Бобби за его дружбу с Мартином Лютером Кингом и борьбу за права обитателей негритянских кварталов; «денежные мешки» считали его своим за принадлежность к влиятельному клану Кеннеди.

Но у кандидата в президенты были не менее могущественные враги:

беспощадная мафия и американские профсоюзы, на счетах которых отмывались грязные деньги. Убить третьего брата Кеннеди не составило особого труда: во время предвыборной кампании охрана была не слишком внимательна, особенно в тот роковой вечер 5 июня 1968 года, когда в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе Роберт и его соратники праздновали победу на предварительном голосовании в крупнейшем американском штате Калифорния. Произнеся приветственную речь в банкетном зале, Бобби из-за толчеи решил уйти через кухню, где ему аплодировали официанты. Рядом с ними стоял невысокий человек с агитационным плакатом в поддержку Кеннеди. Поравнявшись с ним, Бобби улыбнулся, но ответом на приветствие были два выстрела из револьвера...

24-летний араб Сирхан Сирхан успел нажать на курок еще шесть раз, опустошив всю обойму восьмизарядного «айвер-джонсон кадет», но все эти пули угодили в пол, так как на убийцу сразу набросились охранники. Роберт больше не увидел дневного света и умер на операционном столе в больнице «Добрый самаритянин». Третий брат Кеннеди очень близко подошел к Белому дому, но дверь в обитель власти захлопнулась перед ним в самую последнюю минуту, а точку в его головокружительной карьере и неординарной жизни поставило не перо президентского летописца, а сухие револьверные выстрелы.

1967 ГОД: ПЕРВОЕ КОСМИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО

27 января 1967 года во время испытаний космического корабля «Аполлон-1» произошел пожар. Его жертвами стали астронавты Вирджил Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер Чаффи. Они сгорели заживо. Долгое время их считали жертвами несчастного случая. Однако сын Вирджила Гриссома собрал улики, доказывающие, что в тот день произошло преднамеренное убийство...

...Полковник ВВС США Вирджил Гриссом, в ту пору самый заслуженный астронавт Америки, готовился к полету на Луну. На его счету уже было два космических полета: суборбитальный полет на «Меркурии» в июле 1961 года и орбитальный полет на «Джемини-3» в марте 1965 года. Год спустя он отметил 40-летие. Впереди его ждала слава... Но нашла смерть. «Он был убит», — заявляет сегодня Скотт Гриссом, сын астронавта.

Официальная версия: 27 января 1967 года во время испытаний корабля «Аполлон-1» на мысе Кеннеди (теперь это мыс Канаверал) начался пожар. Весь экипаж корабля погиб.

«Это не был несчастный случай. Это был умышленный саботаж. Я не знаю, действовал ли там один человек или их было 50, но это именно так», — говорит Скотт Гриссом.

Итак, попробуем восстановить события того трагического дня. Вирджил Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер Чаффи готовились к двухнедельному орбитальному полету на корабле «Аполлон-1». Затем им предстояло стать участниками первой лунной экспедиции. «Я безумно счастлив, — сказал в один из последних январских дней 1967 года подполковник Эдвард Уайт, участник полета на «Джемини-4». — Теперь я уверен, что скоро прогуляюсь по Луне».

В тот день, 27 января 1967 года, проводилась генеральная репетиция предстоящего полета. Корабль «Аполлон-1» пристыковали к ракетеносителю «Сатурн». Астронавты должны были подняться на борт корабля в полном обмундировании. Потом будут включены все электрические системы и средства связи. Отсоединят кабели, связывающие корабль с Землей. Все будет готово к автономному полету. В НАСА подобные испытания называют *plugs-out test* — «испытания с выдернутыми

штекерами». Как правило, ожидается, что они пройдут гладко, а значит, корабль готов к отправке в космос. Однако в тот день все не заладилось с самого начала.

В 11 утра астронавты должны были подняться по трапу и занять места на борту корабля. Но начались технические сбои. Экипаж задержали на два часа. Когда же Гриссом ступил наконец внутрь корабля, его насторожил какой-то кислый запах, доносившийся оттуда. Вместо последнего отсчета — этого сакраментального «Десять, девять, восемь, семь...» — снова перерыв. Берутся пробы воздуха. Долго, неприятно. Результат нулевой.

И все-таки испытания продолжаются. На очереди — *plugs-out test*, но подготовка к нему опять срывается. Почему-то перебои со связью: то слышно, то не слышно. «Порой мы вообще не понимали, что говорит экипаж», — признавался позднее руководитель испытаний Кларенс Човин. Наконец пробивается голос командира: «Мы что, так и будем разговаривать с вами на Луне, когда здесь, в пяти метрах друг от друга, ничего не слышим?» Гриссом явно разозлен. Он высунулся из иллюминатора корабля и, невзирая на собравшихся журналистов, крикнул: «Честно говоря, я думаю, что у этого корабля почти нет шансов отлетать свои две недели».

Гриссом не боялся резать правду-матку. Он был героем американской астронавтики. Никто в США не провел столько часов в космосе, сколько он. Его популярность в стране была сравнима разве что со славой Гагарина в Советском Союзе. Пока же Гриссом готовился бросить вызов советскому космонавту. Тот первым побывал в космосе — он первым ступит на Луну. Правда, туда еще надо было долететь. Гриссом буквально осатанел: он придирался к каждому проводку на корабле, осматривая его сантиметр за сантиметром. Его придиричность засела в печенках, наверное, у всех техников, готовивших корабль к полету. И всякий раз он находил какую-нибудь неисправность.

«В последний год я буквально как вопиющий в пустыне», — жаловался он. Вокруг него в самом деле в тот последний год образовалась пустыня. Мало кто догадывался, как он был одинок. Трудно себе представить, но «главный астронавт Америки» стал получать анонимные угрозы. Кто-то обещал убить его. «Этого неизвестного надо было искать среди людей, так или иначе причастных к космической программе США», — уверены родственники Гриссома. К астронавту пришлось приставить охранника. «Если в нашей космической программе произойдет первая серьезная авария, — проронил как-то он в разговоре с женой, — то пострадаю я».

Гриссом уже попадал в серьезную переделку. 21 июля 1961 года по

окончании суборбитального полета корабль «Меркурий» совершил посадку посреди Атлантического океана. Гриссом замер в ожидании вертолета. Внезапно раскрылся люк. Корабль моментально стал наполняться водой. Астронавт выбрался наружу и спрыгнул в море. Его мотало по волнам, он размахивал руками, пытаясь подать хоть какой-то знак двум барражировавшим невдалеке вертолетам. Все напрасно! Выполнив задание, он тонул вслед за кораблем буквально на глазах спасателей, смотревших куда-то в сторону. Лишь пилот третьего вертолета, неожиданно появившегося над горизонтом, заметил тонущего астронавта. Гриссома втащили на борт вертолета буквально в последнюю секунду, когда его силы уже иссякли. Причину неисправности люка так и не выяснили...

...Полковник Гриссом нажил себе много врагов. Что ж, такой у него был характер — его так и подмывало лезть на рожон. Он был человеком резким, несдержанным, но справедливым. Да и все в тот день с самого утра шло наперекосяк, так что и другие специалисты стали, пусть и не ругаться почем зря, но покачивать головой. Что-то не ладилось, крупно не ладилось! Некоторые даже предлагали прервать испытания. Что толку «репетировать», когда все надо переделывать? Однако их не стали слушать. «Время не ждет, — оправдывались потом они. — И так день потеряли». Мороку с испытаниями решили продолжить.

Если бы только барахлила связь или заедал контакт! Вот уже закрывается дверца: все начинается сызнова, но на этот раз они пойдут до конца. Пристегнувшись к креслам, отрезанные от внешнего мира, астронавты замирают на пороховой бочке — остается лишь поднести спичку...

В кораблях, участвовавших в те годы в космической программе НАСА, создавалась атмосфера из чистого кислорода. Считалось, что большой опасности в этом нет. В космосе — не на Земле! Во-первых, если бы что-то загорелось, астронавты могли бы стравить весь воздух из кабины корабля — тогда огонь погас бы сам собой. Во-вторых, газообразные продукты горения в невесомости окутывают очаг пожара и гасят пламя.

Однако «Аполлон-1» находился пока на Земле. И кислорода в него закачали огромное количество. Если в кабинах кораблей «Джемини» и «Меркурий» давление кислорода составляло 0,3 атмосферы, то в тот январский день в кабине «Аполлона-1» оно превысило атмосферу. В таких условиях пожар мог начаться от любой искры.

Вот уже несколько часов Гриссом, Уайт и Чаффи щелкали тумблерами, нажимали на кнопки. И вот уже несколько часов было известно, что в электросистеме корабля имелись какие-то дефекты. На это указывали хотя

бы перебои со связью. Однако несмотря ни на что, на 18.30 был назначен самый опасный эксперимент...

В 18.30 начался plugs-out test. Полуотлаженный корабль имитировал старт. Всякая связь с космодромом прекращалась. Включались все системы автономного электрического питания. «...Контакт? Есть контакт!» Последний маневр начался. Что показывают мониторы в Центре управления полетом? Есть разогрев бортовых батарей? Не может быть! Почему? Короткое замыкание?

В автономный «полет» вмешаться было уже нельзя. В 18.31.03 Роджер Чаффи сообщил: «На корабле огонь». В этот момент пульс Эдварда Уайта — он один был подключен к прибору, измерявшему пульс, — резко подскочил.

18.31.04. Приборы зафиксировали судорожные движения в кабине корабля.

18.31.05. Температура в кабине корабля повышается.

18.31.09. Уайт подает сигнал тревоги. Давление в кабине корабля нарастает. Приборы фиксируют еще более судорожные движения астронавтов.

18.31.12. Температура резко подскакивает. Чаффи сообщает о сильном огне. Несколько стоявших поблизости техников слышат, как из кабины доносятся крики о помощи.

18.31.17. Давление в кабине корабля достигает максимума. Раздается взрыв. Стенка кабины выламывается. Когда через несколько минут первые смельчаки пробрались к астронавтам, все они были мертвы...

Таков ход событий, восстановленный во время расследования, проводившегося специальной комиссией, созданной космическим ведомством НАСА. Шесть из восьми членов комиссии представляли само это ведомство (любой автомобилист, вероятно, тоже был бы рад провести сам расследование аварии, в которую он попал, а не доверять это дело каким-то третейским судьям, которые вспомнят о тормозном пути или количестве алкоголя в крови). Конгрессмены критиковали состав комиссии, но безуспешно. Никакой независимой экспертизы проведено не было. По итогам работы комиссии заместитель руководителя НАСА Роберт Симанс заявил, что случившиеся события стали «результатом трагического стечения обстоятельств, которое невозможно было предвидеть».

Невозможно? Задолго до этой аварии американцы уже провели ряд экспериментов с кислородной атмосферой. Их результаты были крайне неблагоприятны. В период с 1962 по 1967 год подобные опыты не раз заканчивались катастрофой. Так, всего за четыре недели до гибели

Гриссома и его товарищей, 1 января 1967 года, на базе ВВС США в Сан-Антонио во время пожара в кислородной камере (давление — 0,5 атмосферы) погибли два испытателя.

Никто никогда не объяснит, почему руководители НАСА, не обращая внимания на прежние неудачи, упорно продолжали свои смертельно опасные опыты. Неужели стремление догнать и перегнать Советский Союз в области космонавтики было так сильно, что творцы «лунной программы» не хотели считаться ни с какими жертвами?

О многом мы можем только догадываться — ведь большая часть документов, относящихся к той давней аварии, до сих пор не рассекречена. Причина аварии так и осталась неустановленной...

РОКОВАЯ ЛЮБОВЬ ЧЕ

(Материал М. Соловиченко)

До сих пор в этой истории вопросов больше, чем ответов. Однако фактом остается то, что КГБ планировал физическое устранение Че Гевары — союзника и правой руки кубинского лидера Фиделя Кастро. Для осуществления этой цели советские спецслужбы использовали искусную «наживку» — своего хорошо подготовленного агента под псевдонимом «Таня», получившую задание добиться близости и доверия товарища Че.

Ее настоящее имя — Хайди Тамара Бунке. Родилась она в Аргентине, в семье немецкого профессора, убежденного коммуниста. Тамара очень рано стала самостоятельной. В 15 лет она оставила родительский дом и отправилась в Восточную Германию — поступать в школу языкознания и претворять в жизнь прекрасные идеи марксизма, заложенные в нее с детства. Еще школьницей Тамара вступила в компартию и тут же была взята на «крючок» разведкой Восточной Германии как потенциальный агент для работы в Латинской Америке.

Поскольку разведка ГДР работала в тесном сотрудничестве с КГБ СССР, официальное предложение Тамаре стать секретным агентом КГБ не заставило себя долго ждать и было принято ею с восторгом. Ведь сбывалась ее давняя мечта работать на СССР!

Как и положено, она прошла курс спецподготовки в одном из учебных разведцентров КГБ. К удивлению девушки, на курсах чекисты рассказывали о приемах тайнописи, методах конспирации, выявления наружного наблюдения и даже о том, как понравиться мужчине и использовать близость с ним для добывания необходимой информации. Тамара и не подозревала, что привлекла внимание советских спецслужб не только преданностью идеям коммунизма, но и смазливой внешностью. Из нее готовили секс-агента, «наживку» для использования в операциях сексуального шпионажа.

В 1959 году Тамара получила свое первое задание. Ее вызвали в штаб-квартиру восточногерманской разведслужбы и сообщили, что в Берлин прибыл Че Гевара, правая рука кубинского лидера Фиделя Кастро. Ей вменили в обязанность во время визита Че в Восточную Германию сблизиться с ним, и чем ближе — тем лучше.

Агент Таня была включена в делегацию сопровождения Че Гевары в

Германии. Впервые они встретились на званом обеде, где ее представили Че как эксперта по делам Латинской Америки и блестящего переводчика. Тамара с восхищением взирала на своего нового босса, переполнившись каким-то необыкновенным чувством душевного подъема. В эту минуту ей вдруг захотелось совершить для него какой-нибудь подвиг, чем-то пожертвовать. От нахлынувшей бури эмоций девушка покраснелась, отчего стала еще привлекательней, и Че не мог не заметить этого. Он взял ее за руку и не отпускал уже до конца обеда. В тот же вечер они стали любовниками.

Утром Тамаре надлежало доложить о «проделанной работе» в советскую резидентуру. По инструкции ее отчет должен был содержать подробный рассказ обо всех, даже самых интимных, моментах своего контакта с товарищем Че. Тамара на мгновение задумалась. Легкая дрожь пробежала по ее телу, не предает ли она человека, за одну ночь ставшего смыслом всей ее дальнейшей жизни? Она неплохо разбиралась в политике и знала, что Советы являются ближайшим союзником Кубы, поддерживают политику страны и ограждают ее лидеров от провокаций капиталистического Запада. Стало быть, ей выпала ответственная миссия поддерживать этот сложный механизм взаимопартнерства двух стран. Чувство гордости переполнило Тамару. Тонкости тайных политических игр СССР ей были неведомы.

Центр, получив отчет Тани, выразил свое удовлетворение. Ставка на нее оказалась верной. Осталось закрепить и развить успех. В 1961 году она была направлена на Кубу для возобновления отношений с Че. В течение трех лет агент Таня регулярно информировала Москву о каждом шаге ближайшего сподвижника Кастро. В 1964 году она предупредила КГБ, что Че вскоре покинет Кубу и тайно отправится в Боливию поднимать там повстанческое движение. Из Центра ей пришел приказ: перебраться в Боливию и дожидаться прибытия Че Гевары.

Тамара обосновалась там под именем Лауры Бауэр. Она получила работу в пресс-офисе президента Боливии. Че появился в Ла-Пасе в ноябре 1966 года. По полученным от «Лауры» документам он значился американским социологом, занятым исследовательской работой. Под именем Рамон Гевара принялся за формирование партизанской армии: строил полевые склады оружия, тайные лагеря, тренировочные полигоны. Таня в те дни стала буквально его тенью, так что КГБ был хорошо осведомлен обо всех военно-политических планах лидера кубинских повстанцев. По мере того как Че добивался определенных успехов, организуя студенческие волнения и акции неповиновения властям, в КГБ

росла озабоченность ситуацией. Москву пугало то, что исповедовавший кастровскую разновидность марксизма, расходящуюся по ряду вопросов с советской внешней политикой, Че Гевара приведет Боливию под контроль Кубы. Тогда было принято решение: помочь законной боливийской власти справиться с повстанцами и Че Геварой. ореол мученика-борца устраивал Москву больше, нежели живой и непредсказуемый герой... Че Гевара погиб, так и не узнав ужасной правды о том, что его любовница и друг являлась агентом КГБ, сообщавшим о каждом его шаге и, наконец, выдавшим его боливийским властям.

После гибели своего друга, учителя и клиента Тамара была тайно переправлена в СССР. Отпускать ее домой на родину было опасно. Уж слишком много и многих она знала. В Москве ей была выделена небольшая однокомнатная квартирка на окраине города, и разведчики из ПГУ привлекали ее работать в качестве эксперта по странам Латинской Америки.

ТАЙНА ГИБЕЛИ ГАГАРИНА

(Материал М. Руденко)

...В то серое, промозглое утро в затянутом облаками небе над маленьким провинциальным городом Киржач падал самолет с первоклассным экипажем из двух Героев Советского Союза. Гибнущие на глазах у нескольких жителей глубинки полковники ВВС Юрий Гагарин и Владимир Серегин в последние мгновения жизни не знали, что будут преданы теми, кто громче всех кричал десятилетиями на весь мир о любви к своему народу, — кремлевской камарильей, так ничего и не сделавшей для раскрытия тайны происшедшей катастрофы...

Кремль. 1967 год, 15 марта. Идет секретное совещание «космического» направления советского военно-промышленного комплекса. Заседание ведет сам председатель Государственного комитета СМ СССР по оборонной технике Леонид Смирнов. В конце мероприятия он просит задержаться нескольких товарищей, отвечающих за пилотируемую космонавтику, и доверительно сообщает им мнение ЦК и правительства, решительно возражающих против «поползновений некоторых космонавтов по части дальнейшего их участия в освоении космоса». Среди «возмутителей спокойствия» первым называется Юрий Гагарин, которым, «как вы, товарищи, понимаете, мы не можем рисковать».

Генерал Николай Каманин, помощник главкома ВВС по космосу, взрывается: «Ну давайте превратим космонавта № 1 в музейный экспонат! Вы что же, в самом деле решили его погубить на радость империалистам?! Тогда следует быть последовательным до конца: запретим ему занятия спортом, езду на автомобиле, ходьбу пешком!»

Смирнов нехотя сдается: «Лично я не против его благородных устремлений во славу Родины! Но свою точку зрения должно высказать и Минобороны. А мы подготовим материалы для политбюро».

1968 год, 26 марта. Заслуженный военный летчик СССР, генерал-лейтенант авиации Пушкин: «Услышав от Серегина по телефону, что тот будет выпускать в самостоятельный полет самого Гагарина, я мысленно одобрил выбор командованием вывозного: Володя воевал, у него за спиной — 200 вылетов на Ил-2, три сбитых “мессера”; общий налет 4 тысячи часов. Он закончил академию с назначением в Летно-исследовательский институт ВВС. Как пилот — надежен, хладнокровен, квалифицирован и в

высшей степени дисциплинирован».

10 часов 50 минут. Полковник Александр Масленников: «Разыскав Каманина в Центре подготовки космонавтов, докладываю ему о вылете Гагарина и Серегина в 10.19 и о потере связи с ними в 10.32. В конце разговора выражаю обеспокоенность тем, что минут через десять кончится горючее».

13 часов. Самолеты Ил-14 и вертолеты при сносной видимости обшаривают окрестности Киржача, но безрезультатно. Генералы Николай Пушко и Николай Кузнецов деликатно напоминают Каманину: «Может быть, пора докладывать руководству?» «Рано!» — резко отсекает тот. Наконец примерно в 15 часов — долгожданная радиограмма с борта вертолета. Майор Валерий Замычкин докладывает: «Вижу обломки самолета в 64 километрах от Чкаловского и в 3 километрах от деревни Новоселово!» Еще через час примерно в километре от места падения самолета высаживается первый вертолетный десант; утопая в мокром снегу, военные с трудом добираются до дымящейся воронки, вокруг которой уже толкуются местные жители вперемешку с технарями...

18 часов 40 минут. К ночи становится ясно, что произошло непоправимое. Никто из прибывающих потоком генералов, обступивших дымящуюся воронку, не произносит вслух имя Гагарина, но признаков его гибели вокруг обнаружено предостаточно: остатки летной куртки, обуви, планшет с пометками красным фломастером, сделанными его рукой. В конце концов генерал Каманин решается и приказывает соединить его с Главным штабом ВВС. Оттуда вскоре в Кремль уходит сообщение: «Серегин погиб, гибель Гагарина очень вероятна, но окончательный вывод будет сделан после детального обследования места катастрофы».

28 марта. 1 час 45 минут. Заместитель главкома ВВС генерал-полковник Павел Кутахов: «Помощники генсека вцепились в меня намертво, требуя ежечасно информировать о результатах расследования. Все мои попытки объяснить этим ретивым служакам, что так серьезные дела не делаются, понимания с их стороны не встречали. Я прекрасно сознавал все политические последствия происходящего и лепить что-либо “от фонаря”, без тщательной перепроверки каждого слова и факта не собирался».

10 часов утра. Решением ЦК создается правительственная комиссия, задачей которой является «выяснение обстоятельств и причин гибели Ю.А. Гагарина и В.С. Серегина». Состав этого «коллегиального органа» — грознее не бывает: Устинов, Смирнов, Дементьев, Якубовский, Вершинин, Микоян. Этот «здоровый коллектив» дисциплинирует и цементирует

товарищ из «органов» — генерал Николай Захаров. Первое, что делает столь авторитетный орган, — это немедленно, к концу того же дня создает целых четыре подкомиссии, по главным стратегическим направлениями «тщательного поиска». Среди них серьезностью и ответственностью задачи отличается 4-я подкомиссия: она призвана готовить общее заключение и доклад в ЦК. Ею руководит Смирнов — правая рука Устинова. Посторонних, разумеется, нет и не может быть ни в этой, ни в остальных подкомиссиях: они укомплектованы только товарищами из КГБ, ЦК, правительства и лишь слегка «разбавлены» первопроходцами космоса.

В момент, когда Леонид Смирнов отдает последние распоряжения, касающиеся организационных вопросов, в Центральном доме Советской армии в почетный караул становятся Брежнев, Косыгин, Подгорный, Устинов. Рядом с ними — космонавты, родственники покойных.

В 10.30 правительство принимает решение о кремации погибших «в тот же день». Она происходит в 21 час в присутствии всех космонавтов, Устинова, Вершинина, Каманина. Урны с прахом Гагарина и Серегина ночью доставляются в Краснознаменный зал ЦДСА, и с 9 часов следующего утра к ним открывается доступ трудящихся.

22 часа 40 минут. С места падения самолета в Главный штаб ВВС поступает шифровка: «Извлечены двигатель самолета, часть передней кабины; найдены самолетные часы, наручные часы летчиков, удостоверение личности Гагарина с фотографией С.П. Королева...» Такая «мелочь», как обнаружение рядом с фото Королева еще и снимка супруги погибшего, Валентины Ивановны, ввиду «незначительности» этого факта составителем телеграммы опускается.

29 марта. Уже утром в руки поисковиков попадает более чем достаточно вещественных доказательств гибели экипажа «спарки». Поток людей в ЦДСА тем временем не иссякает. В полдень похоронная комиссия принимает решение: организовать поминки погибших в одном из свободных залов ЦДСА. Состав участников этого скорбного мероприятия — 200 человек, в том числе 130 приглашенных. В течение получаса от ЦК, Совмина, Верховного Совета и Минобороны поступает несколько тысяч заявок на участие аппаратчиков всех рангов и мастей, неожиданно в один момент дружно возлюбивших погибших героев. Но бесконечные списки правоверных служаек беспощадно урезаются до 70 человек.

Вернувшись домой, генерал Каманин делает запись в своем «подпольном» дневнике, за которым много позже по заданию ЦК будет тщетно охотиться КГБ: «Трудно было слушать длинные скорбные речи. Труднее всех было Валентине Ивановне, но она держалась из последних

сил. Ее безразличный ко всему происходящему взгляд говорил только одно: «Юры больше нет. Я никогда не увижу его больше живым...»»

4 апреля Центр подготовки космонавтов с огромной свитой посещает Дмитрий Устинов, нагрянув, как обычно, неожиданно. Детально знакомится с испытательной базой, долго беседует с космонавтами, снова и снова возвращается к полету Юрия Гагарина и досадует: «Время идет, а причины его гибели по-прежнему не установлены». Больше всего его возмущает то, что никто не может хотя бы предположительно объяснить это происшествие: «Это черт знает что: сто корифеев копаются, но никто не способен промычать хоть что-нибудь вразумительное!»

11 апреля. Николай Каманин, дневниковая запись:

«Я не перестаю думать над самым животрепещущим вопросом, который задают в эти дни тысячи советских людей в своих письмах в правительство: “Почему вы не уберегли Гагарина?”»

Я, лучше чем кто-нибудь другой, понимаю, что сохранение жизней прославленных космонавтов — один из самых важных вопросов, одна из коренных моих задач. С Юрой я исколесил всю планету, он встречался с сотнями миллионов людей, выступая по 20 раз в сутки. Все прошло благополучно... Мы с ним придерживались строжайшего режима, нам удавалось сохранять работоспособность и бдительность. Юра имел очень крепкий характер, но даже стальной робот не выдержал бы того натиска, которому он подвергался ежедневно со стороны министров, маршалов, академиков и других “больших людей”. Всем хотелось с ним выпить, и обязательно “до дна”. Я докладывал, просил, настаивал на ограничении встреч космонавта с народом. Принималось даже постановление ЦК, но ничем нельзя было сдержать неизбежно отрицательное влияние банкетов и выпивок на характер и облик Гагарина. Бурная жизнь и выпивки медленно, но верно стирали с лица чарующую гагаринскую улыбку. Приостановить распад личности Гагарина могла только его подготовка к новому космическому полету, а также полеты на самолетах».

5 июня. Причина происшествия по-прежнему остается неустановленной; тем не менее аппарат ЦК и ВПК в обстановке полной секретности (и втайне от генералитета) приступает к шлифовке формулировок официального заключения о случившемся, предназначенного для средств массовой информации.

Летчик-космонавт Алексей Леонов: «Сознание парализует загадка, непонятность происшедшего. Ведь достоверно установлено, что всего за минуту до гибели Гагарин пребывал в совершенно нормальном состоянии: его речь в записях переговоров с КП размеренна и спокойна, у обоих

летчиков вплоть до удара о землю позы оставались рабочими: Юра держал левой рукой ручку управления, ноги у него и Серегина были на педалях».

26 июля. В Совмине на стол Леониду Смирнову ложится совершенно секретный проект решения «по катастрофе Гагарина», рожденный в лабиринтах аппарата ЦК и ВПК. Для утверждения предлагается формулировка: «Вероятной причиной катастрофы является выполнение резкого маневра... с последующим попаданием самолета в закритические режимы полета в усложненных метеоусловиях». Прослышав про такое, генерал Каманин встречается с Леонидом Смирновым и с места переходит в карьер: «Что значит “резкого маневра”? Откуда?! А что значит эта череда непонятных “или”, использованных авторами единственно для того, чтобы у читателя “поехала крыша”? С какой стати?! Из чьего пальца высосана вся эта галиматья?! Вы что: не видите, что эта так называемая “формулировка” противоречит всем имеющимся фактам и реальной обстановке полета? И кроме всего прочего, позорит честь и достоинство погибших?!» Походив по кабинетам штаба «оборонки», Каманин, к своему ужасу, обнаруживает, что генералы Кутахов, Пстыго, Мишук и Еремин уже сдали без сопротивления позиции аппарата и одобрили этот ублюдочный «резкий маневр»!

27 июля. «Секретная» новость о рождении оторванного от реальности «заклучения» руководства доходит наконец и до Звездного городка. Соратники Гагарина по отряду садятся за «открытое письмо» в адрес опекающего советскую космонавтику секретаря ЦК Дмитрия Устинова: «В связи с тем, что отрицательный перепад давления в кабинах самолета Гагарина мог явиться только результатом разгерметизации, следовало изучить все причины ее возникновения. Она могла произойти вследствие разрушения фонарей или кабин от столкновения с посторонним предметом (воздушным шаром в том числе), от взрыва на самолете в районе кабины. Мы считаем, что для заключения о выходе самолета на закритический режим и, как следствие, его падение из-за резкого отворота самолета летчиками от облаков или от воздушного шара нет оснований. Как авиационные специалисты, мы с недоумением смотрим на столь вольное, необоснованное трактование действий летчиков...»

Генерал Каманин вовремя почувствовал, что вокруг работы правительственной комиссии вот-вот заварится крутая каша. Он докладывает обстановку главному Константину Вершинину. Оказывается, маршал авиации тоже думает о трагедии и, более того, успел сформировать в своем сознании вполне определенное мнение о том, что же произошло 27 марта. Он считает, что наиболее вероятной причиной гибели Гагарина было именно столкновение самолета с шаром-зондом, разрушившим остекление

кабины, и как результат этого потеря экипажем работоспособности. Каманин уезжает от своего верного друга, старшего товарища и наставника удовлетворенным. Еще бы: маршал, как всегда, правильно понял суть события. Каманин солидарен с ним, но не исключает, что в кабине самолета мог произойти и взрыв.

2 августа. В оборонном отделе ЦК согласовывается «окончательный вариант» решения ЦК КПСС о причинах гибели Гагарина и Серегина. Этот вывод, который будет подписан Брежневым и Косыгиным, но никогда так и не будет опубликован, гласит: «Наиболее вероятной причиной гибели был резкий разворот самолета с целью избежать столкновения с шаром-зондом. Менее вероятной причиной был отворот самолета от верхней кромки облаков. В результате самолет вышел на критические углы полета, сложная метеобстановка затруднила управление самолетом, и экипаж погиб».

Алексей Леонов: «Слухи и ложные версии, касающиеся обстоятельств и причин гибели Юрия Гагарина, время от времени то затихают, то начинают муссироваться с новой силой. Что поделаешь: такова цена издержек, за которые мы вынуждены платить в условиях отсутствия достоверной информации».

Вполне очевидно вместе с тем, что это «море разлитое» домыслов и псевдогипотез вокруг имени Юрия Гагарина спровоцировано подлинным заговором молчания кремлевских вождей по поводу обстоятельств его гибели и их полной, абсолютной беспомощностью, проявленной при организации расследования катастрофы.

ЗАМОРОЖЕННЫЙ ИЗ МИННЕСОТЫ

В конце 1968 года бельгийский зоолог Бернар Эйвельманс, специализировавшийся на исследовании таинственных животных, столкнулся с поразительной находкой. Как писал он в те дни, это «открытие представителя неизвестной формы настоящего гоминоида — определенно венчает мою карьеру криптозоолога... Только на этот раз речь идет не о фильме с отвратительной голливудской подделкой снежного человека». Через несколько недель после его объявления об уникальной находке разгорелась жаркая полемика.

Исследования Эйвельманса, тщательно изучавшего все случаи, связанные с сообщениями о таких удивительных существах, как йети, морской змей и им подобные, обеспечили ему репутацию настоящего Шерлока Холмса от зоологии. С октября 1968 года ученый находился в США и собирался отправиться в Центральную Америку на поиски неизвестных науке существ. Однако сообщение о новой находке изменило его планы.

В начале декабря Эйвельманс находился в Нью-Джерси на ферме зоолога и писателя Айвена Т. Сандерсона. Они были старыми друзьями и часто помогали друг другу в исследованиях. В Соединенных Штатах Сандерсон прослыл знатоком по проблеме йети и большеногов, причем проявил такой энтузиазм, что некоторые ученые относились к нему настороженно.

9 декабря Сандерсон получил от змеелова Терри Куллена из Милуоки сообщение о недавно виденном удивительном экспонате. Странный экземпляр был чем-то вроде волосатого человека, и демонстрировавший диковинку мужчина объявил это существо «утраченным звеном» между обезьяной и человеком. Сандерсон связался с демонстратором. Им оказался Фрэнк Хансен, живший на ферме близ Уиноны (штат Миннесота). В разговоре по телефону Сандерсон объяснил желание осмотреть экспонат с точки зрения профессионального интереса (Сандерсон владел маленьким зоопарком, и подобный образец мог представлять для него не только исследовательский интерес).

Сандерсон был научным редактором журнала «Аргоси», в котором публиковались только наиболее сенсационные материалы. Журнал согласился финансировать поездку. Эйвельманс и Сандерсон пересекли

почти полконтинента и 17 декабря очутились на ферме Хансена. Стояли суровые холода: зима полностью вступила в свои права.

Возле жилого дома на ферме стоял трейлер. В нем была установлена морозильная камера, внутри которой, к изумлению визитеров, оказалось неизвестное науке существо. Оно выглядело как человек, покрытый длинной коричневой шерстью.

В течение трех последующих дней Сандерсон и Эйвельманс по одиннадцать часов в сутки делали зарисовки и фотографии существа. Его рост составлял около одного метра и восьмидесяти сантиметров. Сандерсон ложился на стеклянную крышку морозильника и тщательно перерисовывал каждый фрагмент тела существа.

Эйвельманс делал фотографии с помощью зеркального фотоаппарата «Асахи», причем для полного охвата фигуры приходилось делать последовательно четыре снимка.

Лицо и пах существа были безволосыми, и это не оставляло сомнений в его половой принадлежности. Поднятая над головой левая рука была, очевидно, сломана. Одна глазная впадина зияла пустотой; выдавленное глазное яблоко второго глаза находилось около скулы; затылок, по-видимому, разнесен вдребезги. Несомненно, существо, прикрывавшееся левой рукой от какой-то опасности, было убито выстрелом в голову. Ученые ясно видели следы крови. Они уловили также характерный запах разложения. На одной ноге, отчетливо видимой через толщу льда, заметны были посеревшие очаги подгнившей плоти. Они показали их Хансену, которого это известие очень встревожило.

Многоопытные зоологи не сомневались, что попавшее к ним существо еще недавно было живым. Откуда оно появилось? Хансен отделялся неопределенными и противоречивыми ответами. То он говорил, что он был заморожен в льдину, плававшую в море у южных берегов Сибири, то упоминал некоего «посредника» из Гонконга. В итоге Сандерсон и Эйвельманс пришли к заключению, что экземпляр привезен с Дальнего Востока.

Хансен сказал также, что экземпляр не является его собственностью, но имени таинственного владельца — некоего богача из Калифорнии — не назвал. Он был против сообщения в печати и тщательного обследования существа и взял с Сандерсона слово не публиковать материалы об увиденном. Однако Эйвельманс не был связан таким обещанием. Долг ученого требовал при первой возможности сообщить миру правду.

Когда работа закончилась, исследователи возвратились в Нью-Джерси и порознь составили описания. Вот что получилось в итоге: туловище

крупное и мускулистое, лицо безволосое, со вздернутым носом. Ноги короткие, ступни крупные и плоские. Большой палец ноги прилегает ко второму пальцу, как у людей (тогда как у приматов между этими пальцами имеется крупный промежуток).

Фотографии как цветные, так и черно-белые получились очень хорошо. Что следовало делать ученым с такими материалами в руках? Конечно, полное изучение находки вызвало бы огромный интерес научной общественности. 4 января 1969 года исследователи приехали в Массачусетс к известному антропологу профессору К.С. Куну. Человек широчайшего опыта и познаний, он был поражен их открытием и согласился с Эйвельмансом, что существо, по крайней мере внешне, является человекообразным. Кун пожелал им успеха, но своей поддержки не обещал, поскольку в то время был втянут в острую публичную полемику из-за своих расистских высказываний.

14 января Эйвельманс направил сообщение руководителю бельгийского королевского музея. Он самоуверенно определил экземпляр как «*Nommo pongoides*» (понгиды — человекообразные обезьяны), то есть Эйвельманс заявил, что существо является обезьяноподобным человеком. В музее сообщение встретили с энтузиазмом. Согласно договоренности, статья об открытии должна была выйти в печати в течение месяца. Такое обещание свидетельствовало об огромном авторитете Эйвельманса в Европе и значении, которое придавали его коллеги этому открытию. Кроме того, Эйвельманс отослал копии своего сообщения В.К. Осман-Хиллу из Йеркского центра приматов в Атланте и Джону Нейпиру из Смитсоновского института в Вашингтоне.

Нейпир живо заинтересовался этой новостью и первым использовал название «ледяной человек». Эйвельманс ненавидел журналистские клички подобного рода, которые звучат, «словно насмешка над наиболее серьезными проблемами». Но именно под названием «ледяной человек из Миннесоты» это существо стало известно всему миру.

Хансена же публикации Эйвельманса чрезвычайно расстроили. Во-первых, существо было признано человеком, во-вторых, этого человека застрелили. Поэтому Хансен опасался возможного вмешательства полиции. 18 января Сандерсон обратился с соответствующим запросом в отделение ФБР в Нью-Джерси. Однако это дело их не заинтересовало: умерщвление признается убийством только в том случае, если жертвой стал хомо сапиенс.

11 марта 1969 года появилось первое сообщение в прессе, и в считанные дни известие об открытии облетело весь мир. Через два дня

Смитсоновский институт предложил Фрэнку Хансену контракт за право изучения тела существа. Хотя Нейпир узнал о находке еще месяц назад, он так и не собрался съездить в Миннесоту, чтобы осмотреть экземпляр лично. Теперь же было слишком поздно — Хансен запаниковал и исчез вместе с «ледяным человеком».

Пресса запестрела насмешками. Эйвельманс попытался поместить свои фотографии в таких уважаемых журналах, как «Лайф», «Лук», «Нэшнл джиогрэфик», но потерпел неудачу. В конце концов в мае 1969 года фотографии вместе со статьей Сандерсона появились в журнале «Аргоси». Партнер Эйвельманса неудачно окрестил существо «Бозо» — в честь известного телевизионного клоуна. Естественно, что никто в Америке не принял всерьез заявление о находке существа, названного в честь клоуна.

Следует отметить, что к большинству работ Сандерсона научный мир всегда относился с недоверием. Американские ученые хорошо знали особенности характера Сандерсона, и многие с самого начала заподозрили обман. Подозрения усилились после анонимного заявления о том, что на самом деле «ледяной человек» был всего лишь моделью, изготовленной на голливудской фабрике чудовищ. Утверждалось, что волосяной покров был имплантирован Питом Корреллом, профессиональным создателем такого рода моделей.

После месячных «каникул» Фрэнк Хансен явился сам и объяснил, как обстояло дело в действительности: его экземпляр был моделью. Фотографы и журналисты бросились осаждать Хансена. Во время «каникул» он разморозил тело и немного изменил его положение, что бросалось в глаза на новых фотографиях. Например, левая рука теперь лежала иначе, а рот оказался приоткрытым так, что виднелись зубы.

Тем не менее Эйвельманс и Сандерсон не сомневались: что бы они ни исследовали, обследуемое ими не было моделью. Более того, Эйвельманс подчеркивал, что никто не видел предполагаемую модель в процессе изготовления и потому разговоры такого рода — не более чем пустые слухи. Что же касается прессы, то ею это дело подавалось, как сенсационный розыгрыш: два энтузиаста, жаждущие великих открытий, приняли голливудскую куклу за примитивного человека!

Между тем в одном из журналов, специализировавшихся на приключенческой тематике, появилась статья Хансена, в которой он утверждал, будто сам застрелил это существо несколько лет назад в Миннесоте. «Факт или выдумка?» — вопрошал заголовок. Доскональное изучение этой истории, проведенное чикагской газетой, показало, что новое сообщение Хансена не могло быть правдой, как не мог быть правдой

рассказ девочки, якобы убившей монстра, когда тот попытался изнасиловать ее. С тех пор «ледяной человек» из Миннесоты воспринимался всерьез только фанатичными приверженцами идеи.

Странно, что Айвен Сандерсон и Бернар Эйвельманс, зоологи высочайшей квалификации и огромного опыта, позволили себя провести. Впрочем, Эйвельманс определенно не считал себя глупцом. В начале 1970-х он выпустил книгу, в которой уверенно утверждал: осмотренное им и Сандерсоном существо — настоящее, а его работа полностью объясняет, что это было и откуда оно взялось.

ДРАМА «АПОЛЛОНА-11»

К этому дню был заранее заготовлен некролог. Президент США Ричард Никсон был намерен обратиться к нации со словами скорби и утешения. На астронавтов — Армстронга, Коллинза и Олдрин — смотрели как на смертников-камикадзе, и лишь самообладание и находчивость спасли экипаж. Катастрофа, которую все ждали, не состоялась. Только по прошествии многих лет нам открываются тайны экспедиции «Аполлона-11» — первого корабля, доставившего людей на Луну...

Истории покорения Луны посвящены тысячи книг и статей. Канва событий абсолютно ясна. Спускаемый аппарат, на борту которого находились американские астронавты Армстронг и Олдрин, совершил посадку на Луну. После пребывания на ее поверхности астронавты успешно вернулись на корабль «Аполлон-11», все это время находившийся на окололунной орбите. Здесь их ждал третий член экипажа — Майкл Коллинз. Завершив экспедицию, корабль направился к Земле. Двадцать четвертого июля 1969 года астронавты успешно приземлились в заданном районе акватории Тихого океана.

Но на самом деле тогда, в июле 1969 года, события могли развиваться совсем по-другому. Величайший триумф человечества едва не обернулся крупнейшей космической катастрофой. Однако об этом стало известно лишь тридцать лет спустя, когда рассекретили документы, относившиеся к полету «Аполлона-11». Только теперь выяснилось, как близко дыхание смерти овевало астронавтов и с каким педантизмом готовились к их гибели руководители НАСА, американские власти и лично президент США.

Конечно, ученые НАСА, снаряжая экспедицию в путь, сделали все возможное, чтобы отворотить неизбежную гибель, но россыпь роковых случайностей могла опрокинуть все их расчеты. Первым героям досталась неблагодарная участь. Они призваны были своими ошибками вымостить надежную дорогу к Луне. И когда их спускаемый аппарат, едва не перевернувшись, все-таки сел на Луну, мало кто верил в то, что им удастся через пару дней взлететь с нее. В тот счастливый для них день, 20 июля 1969 года, когда Армстронг и Олдрин разгуливали по Луне и к ним по радиосвязи обращался сам президент США, в столе Ричарда Никсона уже лежал заготовленный текст речи, которую он готовился произнести вскоре

после сеанса «лунных переговоров». В случае если космонавтов не удастся вернуть на борт «Аполлона», Никсон намерен был сказать, что оба этих героя «отдали свою жизнь ради одной из самых благородных целей, поставленных перед собой человечеством: ради познания и поиска истины». В составленной заранее программе мероприятий по случаю высадки людей на Луну вслед за скорбной речью президента значилось траурное богослужение.

Больше всего опасений у специалистов вызывал спускаемый аппарат, совершавший посадку на Луну. Когда летом 1968 года первый образец этого аппарата был доставлен на мыс Кеннеди из цехов концерна «Grumman Aerospace», специалисты схватились за голову. «Он обречен на катастрофу — так говорили все подряд, — вспоминал астронавт Джеймс Ловелл. — При первых испытаниях этого хрупкого аппарата, обтянутого какой-то пленкой, показалось, что все основные его элементы имеют серьезные, неустранимые неполадки. Количество дефектов превзошло ожидания самых больших пессимистов НАСА».

Через одиннадцать месяцев именно на аппарате этой конструкции Армстронг и Олдрин совершили посадку на Луну. Конечно, эту модель дорабатывали и улучшали, но все же осталось немало вопросов. Кроме того, никакая проверка на полигоне не сравнится с тем, что предстояло пережить на Луне. Воссоздать условия, царящие на этом небесном теле, не представлялось возможным ни в одной наземной лаборатории и даже на околоземной орбите.

Но что делать, если неполадки выявятся на Луне? Удастся ли их исправить? Как спасти астронавтов, если у них не будет возможности взлететь с Луны? Можно ли прийти им на помощь? Вообще, сколько времени останется на проведение спасательных работ? Сколько времени человек может выжить на Луне? Было уже поздно думать об этом. Корабль неумолимо приближался к Луне...

20 июля 1969 года в Центре управления полетами царили эйфория и страх, удивление и сомнение. Началась решающая часть экспедиции. В 18 часов 47 минут по средневропейскому времени спускаемый аппарат отстыковался от орбитального корабля и начал полет к поверхности Луны. В 21 час 05 минут аппарат стал заходить на посадку. Она была намечена в районе Моря Спокойствия. В последнюю минуту астронавты заметили, что их мчит прямо на огромный камень, лежащий возле кратера. Это грозило неизбежной катастрофой. Если аппарат опустится на край камня или рухнет в глубь кратера, он уже не сумеет взлететь!

До поверхности Луны оставалось всего двести метров. Армстронг

переключил аппарат на ручное управление, и, мчась со скоростью 80 километров в час, «Орел» — так называли лунный «челнок» — перемахнул через камень. Пролетев еще шесть километров к западу от кратера, «челнок» наконец чиркнул о грунт. Прошло 103 часа после старта с мыса Кеннеди.

Через восемнадцать секунд Армстронг заглушил двигатель. «Хьюстон, пункт прибытия — база Спокойствия. Орел совершил посадку». В 21 час 17 минут раздался ответ из Центра управления полетами: «Вас понял, спокойствие. Народ здесь просто посинел. Теперь мы хоть вздохнем спокойно. Большое спасибо!»

Однако Армстронг и Олдрин меньше всего думали о покое. Затаив дыхание, они ждали дальнейших событий. Было непонятно, как среагирует поверхность Луны на появление аппарата весом две с половиной тонны. Что если его опоры провалятся в расщелину или увязнут в лунной пыли? А если отскочит камень и пробьет бак с топливом? Как тогда взлететь с Луны?

Но астронавты столкнулись совсем с иной нештатной ситуацией. Сразу после посадки они стали откачивать воздух из гелиевого бака. При этом гелий, охлажденный до -268°C , проник в топливопровод и в нем образовалась ледяная пробка. Тем временем тепло остывающих двигателей разогревало топливо. Давление стало расти. Если бы трубопровод лопнул, топливо попало бы в двигатель и тот взорвался бы. Прошло полчаса, пока не стало ясно, что беда и на этот раз миновала. Трубопровод выдержал нагрузку, а Солнце растопило ледяную пробку.

Наконец астронавты стали готовиться к первой прогулке по Луне. Еще одна неожиданность! Облачившись в громоздкие скафандры и пристегнув рюкзаки, где находились системы жизнеобеспечения, они заметили новую промашку конструкторов. Кабина, напичканная приборами, была тесна для них. Они чувствовали себя здесь как слоны, загнанные в посудную лавку. Всюду торчали мониторы, кабели, тумблеры. Одно неловкое движение — и они что-нибудь сломали бы! Беспokoило и другое: им пришлось сбрасывать давление в кабине до нуля. Удастся ли потом восстановить заданный режим? Им еще предстоит помучиться с этим. Пока же, в 3 часа 39 минут по средневропейскому времени, Армстронг и Олдрин открыли люк и покинули «Орел». Что их там ждало?

Миллиарды лет на поверхность Луны падают метеориты. Там нет атмосферы, поэтому ничто не сдерживает их полет. В любой момент бомба, летящая с неба, может пробить лунный «челнок». По расчетам ученых, если бы в его обшивке образовалась дыра диаметром до двенадцати

сантиметров, то в течение двух минут кислородная система еще могла бы поддерживать нормальное давление. Этого времени хватило бы, чтобы подключить скафандры прямо к бортовой системе жизнеобеспечения, если, конечно, астронавты не получили бы травму в момент удара. Хуже было бы, если бы разбилось стекло иллюминатора...

Та же опасность могла ждать астронавтов на прогулке. Если метеорит — допустим крохотный камешек — попал бы в кого-то из них, то наверняка пробил бы скафандр. Умолчим о том, что он мог нанести тяжелую травму. После разгерметизации можно было прожить всего две минуты. Этого времени не хватило бы, чтобы в неповоротливом скафандре добежать до «челнока», подняться по лестнице и протиснуться в узкий люк. У астронавта оставался шанс на спасение, если только пробоина будет меньше трех миллиметров. В этом случае аварийная кислородная система скафандра проработает еще полчаса, поддерживая нормальное давление. И все равно даже при таком крохотном повреждении спастись трудно. Пострадавшему надо подняться на борт «челнока» и включить систему, нагнетающую давление. Второй астронавт останется снаружи и будет ждать, пока коллега не починит скафандр. Только в этом случае он может вернуться на борт, ведь для этого надо снова сбросить давление внутри кабины, чтобы избежать его резкого перепада.

А если пострадавший поднимется в «челнок» и потеряет сознание? Мало ли, нехватка кислорода, последствия удара... Что делать тому, кто остался снаружи? Как сбросить давление, чтобы попасть назад, на борт? Снаружи есть спускной клапан, но с его помощью можно откачать лишь остатки воздуха. Как только внутри «челнока» установится нормальное давление, астронавт, оставшийся снаружи, уже не сумеет вернуться назад, если ему не поможет коллега. Если же тот умрет или окажется в коме, второй тоже обречен...

...Прогулка прошла успешно. Астронавты провели на Луне два с половиной часа. В 6 часов 11 минут по средневропейскому времени они вновь оказались на борту «Орла» и закрыли люк изнутри. Их опять охватила тревога. Что если «челнок» потерял герметичность и теперь нужное давление не удастся создать? Можно, правда, будет подключить скафандры к бортовым системам жизнеобеспечения. Но как попасть потом на корабль, оставшийся на орбите? Сквозь переходный туннель в скафандре не проберешься — разве что выйти в открытый космос и попасть на корабль через главный люк. Сколько же времени на это уйдет? Ведь придется стравить воздух из корабля, чтобы не было перепада давления. Значит, Коллинзу тоже надо облачиться в скафандр... А если и на

корабле не удастся создать нужное давление?

Мысли мельтешили, кружились возле одних и тех же страхов. Внезапно этот замкнутый круг разорвался: на борту «челнока» астронавтов ждала уж совсем неожиданная беда...

«Я осмотрелся и стал укладывать вещи, — вспоминал Эдвин Олдрин. — Когда я глянул на пол, то увидел маленькую черную штучку. Я сразу понял, что это такое. Это была кнопка. Она сломалась. Я посмотрел вверх, на длинный ряд кнопок, чтобы понять, какая сломалась. Это была кнопка зажигания двигателей».

Вот поломка так поломка. Нарочно не придумаешь! На приборной доске имелась пара сотен кнопок и тумблеров. Из них сломалась одна-единственная — самая важная, та, без которой не обойтись! Выходя на прогулку, Олдрин задел своим громоздким скафандром эту чертову кнопку. А без нее не включить двигатель!

Пришлось радировать на Землю и сообщить о своем промахе. Олдрин докладывал: «Хьюстон, база Спокойствия Вы не можете определить, в каком сейчас положении находится кнопка зажигания двигателей?» Молчание. Вопрос, конечно, странный: не проще ли посмотреть вверх?

Олдрин: «Причина моего вопроса — поломка кнопки». Хьюстон: «Вас поняли. Ясно. Оставайтесь на связи, пожалуйста». Затем в протоколе впервые появляется пометка: «Долгая пауза».

В Центре управления полетами все были шокированы. Астронавты испытывали то же самое чувство. «Быть может, имелось много других способов включить зажигание двигателей, — продолжал свой рассказ Олдрин, — ведь без этой функции нам, разумеется, было не выжить, поэтому наверняка ее как-то продублировали». Кроме того, неуклюже повернувшись и надавив на кнопку, Олдрин мог уже включить зажигание. Тогда все это время, пока астронавты гуляли по Луне, в «челноке» все было готово к старту.

Секунды тянулись длиннее лунной ночи. Наконец в динамиках раздался голос: «База Спокойствия, здесь Хьюстон. Наши данные телеметрии показывают, что в данный момент кнопка зажигания находится в положении “выключено”. Мы просим вас оставить ее так до запланированного включения».

Но как нажать кнопку, которой нет? «При включении этой кнопки к двигателю подавалась электроэнергия. Без нее нельзя было создать тягу, а значит, и взлететь с Луны. Астронавты застряли бы там, если бы не сумели чем-нибудь нажать на эту кнопку» — так описывал драматизм той ситуации тогдашний сотрудник НАСА Джон Саксон.

Астронавты лихорадочно бросились искать, чем можно было надавить на остаток кнопки, целиком утопленный в нише. Забегая вперед, скажем, что самый дорогой в истории человечества летательный аппарат удалось включить с помощью... шариковой ручки. Оказалось, что эта дешевая «схема» нормально работает...

Черта с два! Двигатель в тот момент так и не заработал. Опасность застрять на Луне была велика. Что делать, если двигатель так и не заведется? Покончить с собой? Ходили слухи, что у астронавтов были при себе капсулы с ядом, но, по словам Джеймса Ловелла («Аполлон-13»), это всего лишь досужая болтовня. А если даже и так, то были способы добиться этого и попроще, чем травить себя ядом. Стоило, например, лишь сбросить весь кислород из кабины, и все было бы кончено...

«В случае поломки двигателя астронавтам, вместо того чтобы думать о смерти, следовало бы оставшееся им время заниматься его починкой», — скромно сказал впоследствии Нил Армстронг. Проблема была в том, что надо было торопиться. Многие системы «челнока» были рассчитаны всего на 48 часов работы. На Луне астронавты пробыли уже 22 часа. Значит, им оставалось лишь 26 часов, чтобы добраться до корабля. Прийти на помощь к ним не мог никто: следующая экспедиция была намечена на ноябрь 1969 года. Подготовить «Аполлон-12» к старту всего за пару дней было нельзя, а тем более отправить его к Луне. Кроме того, любой другой лунный «челнок» просто не мог взять на борт двух лишних астронавтов: имелись ограничения по весу.

От спасения астронавтов зависела судьба всей лунной программы НАСА, самой этой организации и даже правительства США. В Хьюстоне вновь возникла «долгая пауза». Как быть с радиосвязью? Что скажут астронавты, узнав, что обречены на смерть?

В Центре управления полетами решено было «сделать все возможное, чтобы доставить экипаж на Землю, — вспоминает Глинн Линней, в то время он был директором полетов в Хьюстоне. — Все оставшееся время, пока астронавты готовились к повторному старту, мы сидели буквально на краешках стульев».

22 июля 1969 года, в 5 часов 40 минут по средневропейскому времени, Армстронг и Олдрин открыли пироклапаны, разделявшие баки с гелием и топливом, чтобы под напором сжатого гелия топливо устремилось к двигателю. Обычно давление в гелиевых баках после этого падает, а в топливных возрастает. Однако клапан второго гелиевого бака, похоже, не сработал. Олдрин доложил: «Мы не уверены, поступило ли в двигатель топливо из второго бака. Давление в гелиевом баке все еще очень высокое».

Хьюстон: «Подтверждаем это. Попробуйте еще раз!» Олдрин: «О'кей! Мы снова попытаемся повторить со вторым баком». Хьюстон: «Вас поняли. Даем согласие». Чуть позже Олдрин вновь сообщил: «Нет искры».

Пару минут царила неуверенность. Наконец давление во втором гелиевом баке упало. Хьюстон дал команду готовиться к старту. В 5 часов 57 минут срезало болты между «челноком» и посадочной ступенью аппарата, а также клапаны и провода, соединявшие их. Через несколько миллисекунд наконец заработал двигатель, и астронавты благополучно покинули Луну...

СМЕРТЬ ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

(Материал И. Бобровой)

30 лет назад в Светлогорске, маленьком курортном городке Калининградской области, произошла страшная трагедия. Местные жители содрогнулись от горя, а остальные граждане страны Советов даже не заметили этого. И дело здесь не в душевной черствости: просто о случившемся они узнали лишь через два десятка лет. Дело расследовалось под грифом «совершенно секретно», и только в начале 1990-х годов стало известно, что 16 мая 1972 года в Светлогорске на здание детского сада рухнул потерявший управление самолет. Под его обломками за считанные секунды погибли 23 ребенка. Самому старшему из них только исполнилось семь лет...

В 1970 году детский сад, спрятанный в массивных елях на центральной улице Ленина, решили сделать экспериментальным. Тридцать воспитанников от трех до семи лет росли в одной группе, где старшие следили за младшими. Это был самый престижный детский сад в области. Без связей сюда не попадали. Многие родители пускали в ход все — служебное положение, знакомства, деньги, — только чтобы пристроить в этот садик своих малышей.

В этот день в саду находились 23 ребенка, воспитатель, повар и няня. Время близилось к полудню. Старший повар Елена накрывала в столовой к обеду. Через полчаса с прогулки должны были вернуться дети.

12.50. Тамара Янковская рассаживала детей за столы...

Десятью минутами раньше из аэропорта «Храброво» вылетел военно-транспортный самолет Ан-26. Шесть опытных летчиков и два инструктора пилотировали машину. Они успели сделать лишь один вираж над Балтийским морем. Внезапно отказали двигатели. Самолет начал терять высоту. Первым падающий Ан-26 заметил учитель физкультуры одной из светлогорских школ. «Остановитесь!» — крикнул он школьникам, когда те бросились бежать врассыпную. Дети замерли. Самолет обогнул спортивный стадион, чуть не задел крылом колесо обозрения в парке культуры — и «приземлился» на тот самый элитный детский сад.

Шансов спастись у детей и работников сада не было...

23 жизни оборвались в считанные секунды. 23 семьи не смогли пережить утрату. Сегодня многих из тех родителей уже нет в живых.

Большинство семей сразу покинули Светлогорск. Несколько матерей после майской трагедии покончили жизнь самоубийством, кто-то оказался в психиатрической клинике.

Сегодня в Светлогорске не осталось почти никого из тех людей, которых напрямую коснулась эта авиакатастрофа. Те, кто не уехал из города, не хотят откровенничать с журналистами:

— Где вы были раньше?! Казалось, что все забыли о нас... Сегодня нам уже ничего не нужно, ведь у многих не сохранились даже фотографии детей! — говорит судья Светлогорского народного суда, мама погибшей Вики Гвоздевой. — Мне тогда 25 лет было. Дочка сначала все время с бабушкой сидела. Но мама рано умерла. Пришлось пристраивать Вику в детсад. Девочка и месяца туда не ходила... Удивительно, что военные скрыли от нас все причины катастрофы, уголовного дела заводить не стали. Говорят, было какое-то разбирательство на военном уровне, но никого из родителей туда не допустили. А городские власти не то что компенсацию не выплатили, но даже похороны не оплатили... Я родила еще одну дочь — тоже Викой назвала...

...Через полчаса после взрыва на месте трагедии собрался весь летный состав военной части аэродрома «Храброво». Город оцепили. Электричество выключили. Ни в одном из домов Светлогорска не работал телефон. На 24 часа в курортном городке ввели чрезвычайное положение.

— Это напоминало войну, — вспоминают жители Светлогорска. — По всем улицам расставили вооруженных солдат, нам запретили не только выбираться за пределы города, но даже покидать собственные дома...

За одну ночь военные убрали всю территорию бывшего детского сада. На месте трагедии разбили клумбу. Рядом посадили новые деревья. Чтобы больше ничего не напоминало о случившемся.

Только две женщины из находившихся в помещении детсада по счастливой случайности выжили в этой катастрофе: воспитательница Тамара Янковская и подруга поварихи Екатерина Ворона.

— Я работала в соседнем санатории, в перерыв забежала к подруге на полчаса, — вспоминает Ворона. — Помогла расставить тарелки. Вышли с ней в соседнюю комнату. Я спиной прислонилась к шкафу, а подруга стояла у окна. Вдруг все стало сыпаться, падать, шум стоял невообразимый... Понять, что случилось, было невозможно. Мне посчастливилось: около меня упала балка, я оказалась в проеме. Подругу завалило. Я схватила ее руку — но она уже не шевелилась...

Через несколько минут во дворе стали взрываться газовые баллоны. В кромешной тьме Екатерина добралась до окна.

— Я не поверила своим глазам. Свет, люди... Стала вылезать через окно, — продолжает она. — Выползаю — наполовину обожженная, вся в грязи... Ближе всех ко мне стоял пожарный. От неожиданности бросил шланг, испугался, наверное...

Спустя час военные нашли Тамару Янковскую. Их обеих, обожженных, еле живых, отвезли в госпиталь.

— Ой, не выжить мне... — причитала в машине «скорой помощи» Тамара.

— Да нет, теперь уж точно не помрем, — успокаивала ее Екатерина Ворона.

Кроме родственников, их в больнице ежедневно навещали сотрудники КГБ. Екатерину Ворону выписали раньше. Тамара Янковская осталась в больнице еще на несколько месяцев. Постепенно ее состояние стало улучшаться. На днях ее должны были выписать...

Утром в день выписки к ней в палату зашел дежурный врач. Женщина не дышала. Внезапная остановка сердца. Вскрытия проводить не стали.

Погибших детей и воспитателей похоронили в братской могиле на единственном светлогорском кладбище, недалеко от железнодорожной станции Светлогорск-1. Когда стал вопрос о погребении здесь же военных летчиков, родители запротестовали. Жители города не сомневались, что основной причиной гибели их детей стала халатность экипажа. Тогда ходило много слухов по поводу авиакатастрофы. Одни говорили, что пилоты перед вылетом сильно напились, другие — что плохо подготовились. Сегодня в военном городке при аэродроме «Храброво» не осталось ни одного человека, кто знал тех восьмерых погибших летчиков. Вся информация сохранилась на уровне слухов. Известно лишь, что новый самолет пустили осваивать самых опытных пилотов части. И к роковому полету они готовились больше года.

— Мы знаем, что в воздухе у самолета отказал двигатель, летные качества машины были потеряны, — рассказывает командир воинской части «Храброво» Николай Дубровский. — В этой ситуации сделать ничего невозможно. Тем более они попали в зону сильного тумана и не видели, куда летели. Детский сад оказался местом падения по трагической случайности...

Семьям погибших летчиков пришлось оставить «Храброво» и перебраться подальше от Калининграда. Никаких памятников, никаких захоронений летный состав не организовывал. Светлогорцы в свою очередь запретили вписывать имена военных на мемориальной доске.

На месте детского сада в 1994 году построили храм-часовню.

Часовенка выглядит детской. Внутри — крошечный иконостас и малюсенькие иконы. Все обустроено как раз для ребят детсадовского возраста. Каждый год 16 мая сюда приезжают летчики из «Храброво». Возлагают венок...

Рассказывает командир части:

— Мы возим сюда нашу молодежь не только для того, чтобы помянуть погибших. Это был страшный урок для всех — мы не хотим, чтобы остальные повторяли ошибки погибшего экипажа.

КТО ПОХИТИЛ ЗОЛОТО БАКТРИИ?

(Материал Е. Шаниной)

Четверть века назад на севере Афганистана советский археолог Виктор Сарианиди раскопал древнее царское захоронение I века до н.э. – I века н.э. Бесценную по количеству золотых вещей и исторической значимости находку сразу же окрестили «сокровища Бактрии». С тех пор бактрийское золото практически никто не видел. Версии его исчезновения множатся как грибы после дождя. Одна из них, которая наиболее часто обсуждается на страницах западной прессы, — та, что Сарианиди вывез сокровища в Советский Союз и они до сих пор хранятся где-то в Москве. Новая волна обвинений в адрес известного археолога, а также неподдельный интерес общественности к бактрийским ценностям заставили Виктора Сарианиди поведать реальную картину тех событий.

...В течение 10 лет советские археологи вместе со своими афганскими коллегами вели раскопки на территории северного Афганистана, близ города Балха. Было известно, что именно здесь в VI–IV веках до н.э. находилась столица Бактрии — историческая область, являвшаяся сперва частью государства Ахеменидов, потом империи Александра Македонского, затем Греко-Бактрийского и Кушанского царств. Правителей Бактрии, во избежание разграбления их могил, хоронили тайно. Делалось все очень быстро, за одну ночь, работа обычно заканчивалась к восходу солнца. Рабов, копавших могилы, потом, скорее всего, убивали. Время показало, что правители Бактрии не ошибались: их тайна умерла вместе с ними, и их секретные могилы были не тронуты почти два тысячелетия.

Покой древних могил был нарушен лишь в 1978 году советскими учеными. Виктор Сарианиди, возглавлявший экспедицию, вспоминает, что он трижды начинал копать именно в том месте, где потом были найдены сокровища, которые многие археологи мира назвали открытием века. Но всякий раз по различного рода причинам бросал. Захоронение обнаружилось лишь в четвертый раз. И сразу же стало понятно, что это сенсация. Клад был поистине уникален — статуэтки, браслеты, ожерелья, расшитые одежды, диадемы... Всего — 20 тысяч изделий из золота и драгоценных камней. Оценить стоимость находки в деньгах было сложно — историческая ценность многократно увеличивала цену украшений.

Целый месяц Виктор Иванович сдавал по описи все найденные

сокровища: сначала пересчитывали русские, потом афганцы, затем все вместе. Однажды представители дружественной страны недосчитались целого мешочка с мелкими украшениями. Началась сильнейшая нервотрепка с поисками пропавших ценностей. Нашли. Однако вскоре под подушкой у местного рабочего было найдено несколько украшений...

В это время Сарияниди вызвали в Кабул. Оказалось, что в местный ЦК пришло письмо от афганского «патриота», где он поведал властям о фактах хищений на территории раскопок. Товарищ писал, что своими глазами видел, как Виктор Сарияниди продает на базаре бактрийское золото. В конце своего послания он приписал: «Если я вру — посадите меня. Но я не вру, значит, сидеть должен русский». Вероятно, этот человек просто не знал, сколько пар глаз наблюдало за каждым шагом советского археолога.

— Наблюдатели были за каждым кустом, — вспоминает Виктор Иванович, — сначала я считал, что это охрана. Думал, что власти таким образом заботятся о моей исключительной персоне. Потом оказалось, что меня караулили только для того, чтобы я с золотом не сбежал в Пакистан.

Моджахеды внимательно наблюдали за работами археологов с соседнего холма. Военных действий еще не было, но воздух был наэлектризован — все понимали, что гражданская война неизбежна. Когда моджахеды ворвались на территорию раскопок и стали топтать копытами своих лошадей древние царские могилы, ученые поняли, что пора приостановить работы.

— Между тем мы раскопали лишь шесть могил. Седьмую пришлось засыпать в связи с прекращением экспедиции, — говорит Сарияниди. — К ней приставили охрану. А потом, когда пошли дожди, обнажились еще два погребения. Их тоже решили охранять от мародерства. Однако когда начались военные действия, скорее всего, сами же охранники их и разворовали. Много позже изделия из царских могил разошлись по частным коллекциям. Во всяком случае, в каталогах «Сотбиса» я видел изделия, очень похожие на те, что держал когда-то в руках.

Ни наград, ни почестей Виктор Иванович своим открытием не снискал. Афганские власти, свергнувшие к тому времени короля, отделались далеко не королевским подарком — курткой. Советское руководство беспартийного Сарияниди тоже отблагодарило по-своему: было отдано приказание, чтобы на границе археолога обыскали вплоть до носков. Ученый по этому поводу только улыбается, говорит — мол, не посадили, и то хорошо. «И вообще, — уверен Виктор Сарияниди, — золото находить для археолога — самое последнее дело. Слишком много врагов появляется».

Еще накануне отъезда из Афганистана Виктор Сарияниди обратился в советское посольство, а через него и к афганским властям с предложением: временно вывезти сокровища Бактрии в СССР, чтобы уберечь от издержек грядущей войны. Афганцы отказались наотрез. Просьба организовать показ сокровищ в Союзе тоже не увенчалась согласием. Частично золото, как говорят, демонстрировалось только высоким партийным руководителям из делегаций социалистических стран. Если это так, то они и Сарияниди были единственными, кто действительно видел эти ценности. Потому что дальше следы древнего клада теряются и исчезновение его по сей день вызывает споры не меньшие, чем по поводу судьбы Янтарной комнаты.

Собрав имеющуюся информацию воедино, можно предположить, что правившая в 1980-е годы в Афганистане администрация президента Наджибуллы вывезла сокровища из страны. Операция, разумеется, была сверхсекретной. Людская молва, на которую ссылаются исследователи вопроса, трактует дальнейшие события так: золото в семи ящиках упрятали в вырубленную в скале пещеру за толстую бронированную дверь. Заперли на семь замков. Семь ключей раздали разным чиновникам, не знавшим друг друга. Судьба этих людей неизвестна.

Другая версия, появившаяся через несколько лет после отъезда из Афганистана советской археологической экспедиции, гласила, что Виктор Сарияниди все же вывез из страны сокровища. В СССР сделали копии изделий и вернули их в Кабул, а оригиналы оставили в Москве. Виктор Иванович, как и его коллеги — зарубежные археологи, эту версию опровергает. Однако пресса находит все новые свидетельства того, что следы бактрийских сокровищ ведут в Советский Союз.

В середине 1990-х во французской газете «Монд» появилась нашумевшая статья, автор которой утверждал, что собственными глазами видел, как советские солдаты грузили сокровища в грузовики.

А известный французский ученый-востоковед, эксперт ЮНЕСКО Мишель Барри опубликовал статью, где говорилось, что сокровища Бактрии хранятся где-то в Москве или Санкт-Петербурге. Чтобы развеять эти слухи, власти Афганистана в 1995 году пригласили всех желающих — политиков, журналистов и историков-экспертов — в Кабульский банк и показали им коллекцию. Странно, но никто из приглашенных не считал возможным заявить на весь мир о своих впечатлениях. К тому же если они и видели бактрийское золото, то сравнить его с оригиналом у них возможности не было. Настоящее золото Бактрии держал в руках только Виктор Сарияниди, а самого профессора на этом просмотре не было.

Как бы то ни было, с тех пор сокровищ Бактрии никто не видел.

Вероятно, поэтому на Западе в начале 2000 года появились слухи о том, что талибы передали золото Усаме бен Ладену на нужды всемирного джихада и оно переправлено в Пакистан. По другой версии, эти драгоценности давно тайно распроданы и сейчас покоятся в частных коллекциях в Великобритании, США, Японии и других странах. Во всяком случае, когда ЮНЕСКО вручило американским военным список афганских объектов, которые представляют историко-культурную ценность и которые нельзя подвергать ракетно-бомбовым ударам, место хранения золота Бактрии там не значилось.

Накануне исхода талибов из Афганистана к Виктору Сарияниди приехал известный писатель и журналист Филипп Фландрии давно занимающийся историей Афганистана. Он рассказал, что ухитрился добиться разрешения у высокопоставленных талибов на осмотр золота, якобы находящегося в подвалах национального банка. Но когда журналист в назначенное время прибыл к дверям банка, ему показали запрет на осмотр золота, подписанный лично муллой Омаром.

Вся эта почти детективная история долгие годы была всего лишь воспоминаниями Виктора Сарияниди. Почти 10 лет его не беспокоили российские журналисты, а западная пресса упоминала его имя исключительно в контексте похищения Советским Союзом сокровищ Бактрии. Сегодня ситуация изменилась. Интерес к бактрийскому золоту огромен. В Европе создан комитет по поиску ценностей, утраченных кабульским музеем, в работе которого наверняка понадобятся опыт и профессионализм Сарияниди.

Сейчас Виктор Сарияниди занят раскопками древней страны Маргианы в Туркмении. Упоминание о ней Сарияниди обнаружил в одной из летописей времен Александра Македонского и в древних письменах, высеченных на Бехистунской скале в Иране. Вычислил, где эта страна должна была находиться. И нашел. Теперь главное, чтобы исторические ценности Маргианы не постигла та же участь, что и золото Бактрии. Иначе будущие поколения, вместо того чтобы наслаждаться видом памятников древней культуры, будут корпеть над решением исторических головоломок.

УБИЙСТВО АНВАРА САДАТА

(Материал Д. Прохорова)

6 октября 1981 года был убит президент Египта Анвар Садат. Версий по поводу случившегося было высказано огромное множество, но ни одна из них до сих пор не нашла подтверждения. Ясно только, что причины покушения надо искать в личности самого Садата и проводимой им политике.

О Мохаммеде Анваре аль-Садате многим неизвестно практически ничего, кроме того, что он был президентом Египта. Между тем именно лейтенант Садат был в конце 1930-х годов одним из основателей движения «Молодые офицеры», которое привело к власти первого президента Египта Гамаль Абдель Насера. Впервые Насер и Садат встретились в 1939 году в гарнизоне города Манкабад, затем вместе учились в разведшколе, но после того как Насера отправили служить в Судан, их пути надолго разошлись.

В годы Второй мировой войны Садат, как и многие египетские офицеры, желал победы Гитлеру и с нетерпением ждал, когда войска генерал-фельдмаршала Роммеля разобьют англичан в Северной Африке и освободят Египет от британского владычества. Летом 1942 года, когда части Африканского корпуса Роммеля находились в 70 километрах от Александрии, Садат пытался уговорить своих друзей из движения «Молодые офицеры» поднять восстание в тылу британской армии, а затем вступил в контакт с немецкими агентами в Каире. Однако вскоре его арестовали, разжаловали в рядовые и бросили в тюрьму, откуда он в 1944 году совершил побег. При помощи друзей он скрывался до 1945 года, когда англичане отменили военное положение и объявили амнистию.

После войны Садат вместе с другими непримиримыми противниками англичан предпринял несколько терактов против представителей британской администрации в Египте и их сторонников. Так, в 1945 году они попытались убить бывшего премьер-министра Египта, бросив в его машину гранату. А 6 января 1946 года застрелили днем в центре Каира бывшего министра финансов Амина Османа, незадолго до этого заявившего, что дружба Египта с Англией нерушима.

Вскоре после этого Садат вновь был арестован. На этот раз ему грозил расстрел или пожизненная каторга, но непосредственный убийца Османа сумел бежать из тюрьмы, и в августе 1948 года Садата оправдали из-за

недостатка улик. Оказавшись на свободе, Садат вернулся в армию, очень быстро наверстал упущенное и даже был произведен в подполковники. Но за то время, что он находился в тюрьме, признанным лидером движения «Молодые офицеры» стал Насер, и Садату пришлось довольствоваться вторыми ролями. Во время революции, произошедшей в ночь на 2 июля 1952 года, Садат находился на телефонном коммутаторе, поддерживая связь со своими сторонниками по всему Египту. В результате к утру вся власть в стране перешла к заговорщикам. 26 июля король Фарук подписал отречение и навсегда покинул Египет.

Революция не принесла Садату того, чего он ожидал. В 1953 году после провозглашения республики его назначили лишь заместителем председателя Национального собрания Египта. Однако Садат не рвался на первые роли, а выражал полную поддержку Насеру. Особенно ярко это проявилось после поражения Египта в войне с Израилем в 1967 году, когда Садат был среди тех, кто настойчиво требовал от Насера забрать назад прошение об отставке и остаться на посту президента. Правда, позднее в своих мемуарах Садат напишет, что поражение в Шестидневной войне было самой тяжелой травмой в его жизни («Я не знал, что мне делать. Я был оглушен и не способен ориентироваться во времени и пространстве») и что именно оно стало политической смертью Насера («Он умер не 28 сентября 1970 года, а 5 июля 1967 года, ровно через час после начала войны»). Однако все эти откровения будут потом.

Пройдя испытание на верность Насеру, Садат начал стремительное восхождение на самый верх, пока наконец в декабре 1969 года Насер не назначает его вице-президентом и фактически своим наследником. Настойчиво доказывая Насеру, что является его верным сторонником, Садат также настойчиво демонстрировал свою приверженность просоветскому курсу, хотя в душе крайне отрицательно относился к социалистическим экспериментам первого президента Египта.

У советского руководства были свои причины настороженного отношения к Садату. Больше всего беспокоила его жена — Джихан Садат. Полуангличанка с Кипра, она привила небогатому уроженцу нильской долины тягу к роскоши, настраивала его против СССР и ратовала за контакты с Западом. Но самое главное — это именно она была тем «выдающимся политическим тактиком», каковым в египетском руководстве числился Садат, поскольку только посоветовавшись с ней, он принимал любое важное решение.

28 сентября 1970 года умер Насер и президентом Египта стал Садат. На Западе его считали фигурой временной. На следующий день, после того

как он стал во главе страны, один американский журналист спросил советника по национальной безопасности президента США Генри Киссинджера, кто такой Садат. Киссинджер ответил, что Садат продержится лишь несколько недель. В Москве также желали видеть на посту президента не Садата, а просоветски настроенного генерального секретаря Арабского социалистического союза Али Сарби. Но ни Москва, ни Вашингтон не имели в Египте такого влияния, чтобы диктовать стране свою волю. А борющиеся за власть группировки египетской элиты, будучи не в силах одержать верх друг над другом, пришли к соглашению, что временным президентом будет Садат.

Позднее в мемуарах Садат напишет о первых днях своего президентства следующее: «Я получил незавидное наследство. Раздавленное человеческое достоинство... Нарушение прав человека... Наследие ненависти, которую Насер вызывал на всех уровнях... Обанкротившаяся экономика... Отсутствие нормальных отношений с какой бы то ни было страной». И действительно, после войны 1967 года часть территории Египта была оккупирована Израилем. Огромные военные расходы подорвали экономику страны, а социалистические эксперименты Насера в промышленности и сельском хозяйстве привели ее к полной стагнации и оттоку иностранных капиталов из Египта. Государственные чиновники были насквозь коррумпированы и требовали взятки от советских представителей, даже когда подписывали договоры о получении помощи из СССР.

Не имея на первых порах других реальных союзников, кроме Москвы, Садат публично выступал со здравицами в честь СССР. Приехав 1 марта 1971 года в Москву с официальным визитом, он попытался убедить советское руководство дать ему больше оружия и делал громогласные заверения в вечной дружбе и готовности к «совместной борьбе против империализма». А 10 июня 1971 года в публичной речи заявил: «Наша дружба с СССР не временная, а принципиальная дружба, не этапная, а постоянная. Мы выступали и всегда будем выступать вместе в едином мировом антиимпериалистическом фронте».

В то же время Садат пытался установить контакты и с США. От советской разведки не ускользнули встречи Джихан Садат с американскими эмиссарами, что вызвало серьезную озабоченность в Москве. Но в советском руководстве не было единого мнения в отношении Садата. Одни считали, что советские политические, военные и экономические вклады в Египет делают невозможным в обозримом будущем отход Садата от СССР, другие полагали, что Садат, побалансировав немного между СССР и США

и получив от тех и других определенные льготы, вернется к прежнему, насеровскому, курсу.

В мае 1971 года Садат по обвинению в подготовке государственного переворота арестовал Али Сарби и всех членов просоветски настроенной группировки в египетском руководстве. И в том же мае подписал с СССР договор о дружбе и сотрудничестве, а также неофициально предложил Москве принять Египет в Организацию Варшавского договора. В июле 1972 года Садат потребовал от СССР вывести из Египта 15 тысяч советских специалистов, в том числе военнослужащих и военных советников, а вскоре предложил Москве продлить договор об использовании советским ВМФ египетских портов. Эта двойственная политика объясняется тем, что Садат был вынужден лавировать между СССР и США. Для кардинального улучшения экономической ситуации ему были необходимы крупные инвестиции, которые могли предоставить только США, а для победы над Израилем, без которой никакие переговоры с американцами были невозможны, требовались поставки советского оружия.

О войне 1973 года (войне Судного дня) написано немало. Существует версия, что Садат на тайных переговорах с американцами договорился о рамках будущей войны. В результате Садат получил внутри Египта имидж победителя, пригласил для послевоенного урегулирования американцев и окончательно избавился от советского влияния. 18 января 1974 года Садат при американском посредничестве подписал с Израилем соглашение о разъединении войск, в июне 1975 года открыл Суэцкий канал для свободного судоходства, в марте 1976 года разорвал договор о дружбе и сотрудничестве с СССР, в октябре 1977 года заявил о приостановке на десятилетний период выплаты военных долгов Москве, в ноябре 1977 года посетил с визитом Иерусалим, а 17 сентября 1978 года в Кемп-Дэвиде (США) подписал мирный договор с Израилем. В результате он сделал своим врагом не только Москву, но и весь арабский мир. Сирия, Ливия, Алжир, Ирак и Южный Йемен разорвали с Египтом дипломатические отношения.

Между тем экономическая ситуация в Египте не изменилась. Многочисленные западные кредиты не принесли желаемого результата, поскольку значительная их часть разворовывалась чиновниками. Уже в 1977 году в стране начались голодные бунты, чего ни разу не было при Насере. Понимая шаткость своего положения, Садат заметался в поисках поддержки со стороны населения и элиты. Он начал заигрывать с мусульманским духовенством, но в 1978 году, не получив ожидаемого

результата, обрушил шквал репрессий против радикальных религиозных организаций. В этой ситуации в конце 1970-х годов и возник заговор против Садата.

Официальным идеологом и главным организатором убийства Садата называют религиозного фанатика, инженера Мухаммеда Фаррага, члена разгромленной в 1978 году исламской экстремистской организации. Через некоторое время он познакомился в мечети с подполковником египетской военной разведки, после чего заговор начал принимать реальные очертания. В частности, в него был вовлечен религиозный фанатик — старший лейтенант Халед Исламбули. Заговорщики несколько раз попадали в поле зрения спецслужб. Так, Исламбули неоднократно допрашивали по поводу связей с экстремистами. А в сентябре 1981 года спецслужбы арестовали более тысячи исламистов. Тогда же посол СССР, шесть сотрудников советского посольства и два журналиста как «разжигавшие религиозную рознь и организовавшие заговор против существующего строя» были высланы из Египта.

Но, как утверждает официальная версия, заговорщикам повезло. Исламбули разрешили участвовать в параде по случаю победы в войне Судного дня. 5 октября ему удалось провести соратников в расположение части, а затем, несмотря на строжайший запрет, отправить в увольнение троих своих солдат, заменив их на заговорщиков. Более того, он сумел спрятать в грузовике снаряженные патронами магазины к автоматам, хотя во всех подразделениях, участвовавших в параде, проводились строжайшие проверки на наличие боеприпасов.

Утром 6 октября, собираясь на парад, Садат, уверенный в своей полной безопасности, не стал надевать бронежилет под мундир. Однако его жена Джихан отказалась присутствовать на параде. Долгое время после начала торжеств казалось, что ничего не произойдет. Но в самом конце парада перед трибуной, от которой только что была снята охрана, неожиданно остановился грузовик, тянувший пушку, из которого выскочило несколько человек в форме. Стреляя на ходу, они бросились к трибуне и через несколько мгновений буквально изрешетили Садата из автоматов. При этом один из нападавших крикнул стоящему рядом вице-президенту Хосни Мубарак: «Отойди, ты нам не нужен!» Смертельно раненного Садата по указанию жены отвезли не в госпиталь, а в его резиденцию, где он около часа оставался без медицинской помощи. А когда врачи наконец прибыли, им оставалось только констатировать смерть.

Разумеется, все заговорщики, в том числе и Фаррага, были схвачены, осуждены и казнены. Их объявили религиозными фанатиками, которые

добывали деньги для осуществления своего замысла путем грабежа принадлежавших христианам ювелирных лавок. Однако официальная версия никого не ввела в заблуждение.

Безусловно, что за спиной заговорщиков стояли высокопоставленные руководители военной разведки Египта. Иначе трудно объяснить то, что основные участники заговора не были арестованы накануне, а также невероятное «везение» Исламбули перед парадом. Но военные только прикрывали заговорщиков, действуя по указанию представителей египетской элиты. В противном случае нападавшие могли уничтожить всех находившихся на трибуне высших руководителей страны, включая Хосни Мубарака, а этого не случилось. Кроме того, охрана Садата, покинувшая свой пост перед трибуной за мгновение до нападения, не подчинялась военным.

Нити заговора тянутся и за границу. Смерти Садата могли желать и лидеры арабских стран, и администрация США, и руководство СССР. Так, после того как Садат подписал мирный договор с Израилем и получил за это Нобелевскую премию мира, часть арабских лидеров вполне могла пойти на его устранение, чтобы избежать дальнейшего раскола в своих рядах. Что касается американцев, то они были крайне недовольны внутренней политикой Садата в отношении исламских фундаменталистов. Его шарахание от заигрывания с ними до репрессий вызывали у Вашингтона серьезную озабоченность, особенно если учесть страх американцев перед новой исламской революцией, подобной той, что произошла в Иране в 1979 году. В пользу данной версии говорит поведение жены Садата, которая приказала пилотам вертолета доставить Садата не в госпиталь, а в его резиденцию, где некоторое время говорила с Вашингтоном.

Что касается Москвы, то о ее заинтересованности в смерти Садата особо говорить не надо. Недаром по поводу убийства Садата здесь было заявлено следующее: «Патриотические силы организовались и покончили с ним. С тех пор наши отношения улучшились, стали крепче». А для ликвидации Садата у советских спецслужб имелись вполне реальные возможности. Многие египетские офицеры, в том числе и из военной разведки, обучались в СССР. И как многие другие иностранцы, они занимались незаконными валютными операциями — ввозили в страну золото и валюту, что каралось по советским законам вплоть до смертной казни. В таких условиях поймать за руку и завербовать египетского офицера, пусть даже высокопоставленного, не представляло большого труда.

Таковы основные версии случившегося. Все они имеют право на существование, причем последней придерживаются очень многие на Ближнем Востоке. Однако, скорее всего, истинные причины убийства Садата так и останутся неизвестными.

ТРАГЕДИЯ В НЕБЕ НАД САХАЛИНОМ

(Материал Н. Седова)

Двадцать лет назад Советский Союз публично был объявлен президентом США «империей зла». Произошло это после того, как в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года над островом Сахалин истребитель, который пилотировал летчик Геннадий Осипович, сбил южнокорейский авиалайнер «Боинг-747» компании КАЛ, совершавший рейс Нью-Йорк—Сеул. На борту самолета находились 269 пассажиров и членов экипажа. Все они погибли. В горячке тех дней никто особо и не искал ответа на вопрос: как могло случиться, что оснащенный самыми современными навигационными приборами «Боинг» умудрился отклониться на 180 километров от курса? Почему экипаж сообщил о прохождении первой контрольной точки, находившейся над Тихим океаном, в тот момент, когда на самом деле под крылом была уже база советских атомных подлодок на Камчатке? Почему южнокорейских пилотов не предупредили о вторжении в советское воздушное пространство следившие за полетом диспетчеры?

Лишь в 1993 году, после длительного расследования, Международная организация гражданской авиации (ИКАО) пришла к выводу, что «Боинг-747» попал в воздушное пространство СССР по ошибке и был сбит советскими силами ПВО потому, что его приняли за разведывательный самолет. А еще через несколько лет за рубежом вышла книга отставного офицера японской разведки Иосиро Танаки «Правда о полете КАЛ-007». Автор пришел к выводу, что американские спецслужбы сознательно направили пассажирский самолет в воздушное пространство Советского Союза. Цель — вызвать переполох в модернизированной и значительно усиленной за год до трагедии системе ПВО советского Дальнего Востока и заставить включить «молчашие» в мирное время радиолокационные станции.

Летчик Осипович, конечно, никогда не имел доступа к тайнам, в которые был посвящен японский разведчик Танака. Но и спустя десятилетия после трагического утра, разделившего его жизнь на «до» и «после», он уверен, что сбил самолет-разведчик.

В книгах, брошюрах, статьях, киноочерках и документальных фильмах «тот» его полет промерян буквально по сантиметрам и секундам. Взлетел, преследовал, обнаружил, получил задачу, пустил ракету... Когда остановил

самолет и открыл фонарь кабины, увидел не привычное лицо своего технаря, а инженера полка Сашу Бегеку:

— Молодец, Гена, что ракеты назад не привез, — загадочно сказал тот.

На летное поле высыпали все, кто был в тот день на аэродроме. Он шел сквозь строй, отшучиваясь от брошенных фраз типа: «С тебя причитается». Но героем себя не чувствовал.

На перехват «Боинга», как он узнал позже, поднимали в воздух еще восемь истребителей. Из Анкориджа, как потом объяснили Осиповичу, одновременно с «Боингом» вылетел и внешне похожий на него американский самолет-разведчик. Шли рядом, параллельными курсами. Это создавало для советских станций ПВО иллюзию, что летит одна гражданская машина, о чем свидетельствовала отметка на экранах локаторов. Оператор, который заметил раздвоение целей, получил потом орден.

Трое суток после приземления Осипович был как в вакууме. Начальство не беспокоило, больше того, избегало встреч с ним, хотя он точно знал, что в часть приехала какая-то специальная комиссия.

Правда, сослуживцы в одиночестве не оставляли. Что ни вечер — гости, благо спирта хватало. Его в одном только «МиГе» на технические нужды содержалось литров 300. Не зря этот самолет называли «летающим рестораном» и авиаторы охотно занимали у крылатого друга литр-другой «огненной воды», тем более что тут особый случай: «Делай, Генка, дырку для ордена в кителе!». А через три дня Осипович был уже в штабе в Хабаровске:

— Мы там магнитофонную ленту самописца поддельвали. Все, что я говорил в том полете, осталось на этой пленке, даже мат, когда мне дали приказ на поражение, а я не могу стрелять — слишком близко. Пришлось отойти от цели, сделав «змейку», и только тогда, километров с пяти, сделать пуски. Так вот, на настоящей пленке была моя фраза: «Вижу проблески мигалок». Сделали: «Мигалки не горят».

Когда Осипович вернулся из Хабаровска, то застал жену Людмилу и старшую дочь Оленьку в слезах: им, опасаясь за безопасность семьи, дали 12 часов на сборы. Весь мир был возмущен варварством Советов, для которых ничего не стоило расстрелять гражданский самолет с пассажирами, большинство из которых были корейцами. А на Сахалине тогда жило много корейцев... Словом, раздали вещи близким друзьям, машину продали за бесценок, и — в путь на специально выделенном Ил-76. Через 12 часов были на новом месте.

«Спрятали» Осиповичей в Майкопе, где Геннадий начинал службу и

нашел свою суженую. Кстати жена его тоже человек военный — связистка. Тот самый «персональный» самолет, доставивший их на материк, и квартира, полученная вне очереди, — вот и все привилегии, полученные летчиком. Даже орден нашел его года через полтора после «того» полета. В наградных документах значилось: «за успехи в боевой и политической подготовке».

Окончательно приземлился подполковник запаса Осипович на хуторе 17 лет Октября. Мог бы, наверное, служить еще, но летчику необходимо железное здоровье. А он в 1986 году попал в авиакатастрофу. Перегонял МиГ-21 из Майкопа в туркменский город Мары, отказал движок. Бился за машину до последнего. Катапультировался метров с двухсот и тут же на не полностью раскрывшемся парашюте грохнулся о твердую, как кирпич, спекшуюся глину. Последствия перелома позвоночника теперь лечит работой в саду. Деревья, правда, плодоносят не очень. Но овощи, зелень, картошка — хороший довесок к пенсии бывшего летчика-перехватчика. Жить можно. Летать труднее. Он ведь и сейчас летает, правда, во сне, будто 15-летний пацан. Но вот какая странность все время преследует: вроде и в самолете находится, а режим какой-то автомобильный: можно останавливаться, выходить, ступая прямо по облакам. Тогда, в сентябре 1983-го, остановиться было невозможно. Приказ...

ТАЙНА ГИБЕЛИ «ЧЕЛЛЕНДЖЕРА»

(Материал И. Денисова)

Гигантское облако в небе стало результатом взрыва почти двух миллионов литров жидкого топлива, но на Земле в тот момент еще никто не мог понять, что же произошло на самом деле. Сотрудники НАСА, участвовавшие в запуске, были в шоке. Даже придя в себя, они не в силах были найти объяснение происшедшему. Лишь два человека на планете могли профессионально оценить, что же на самом деле случилось в тот день на мысе Канаверал. Оба они наблюдали за запуском по телевизору, находясь в далеком штате Юта. Более того, они заранее предполагали, что тот старт может завершиться трагедией...

Первый из них — Роджер Бойсджоли, старший инженер компании «Мортон-Тиоколь», которая участвовала как подрядчик в проектировании космического корабля и непосредственно разрабатывала ускоритель с ракетными двигателями. Вторым был его начальник Боб Эбелинг. Оба тогда находились в офисе компании. Накануне Эбелинг и Бойсджоли потратили шесть часов прямой телесвязи, чтобы убедить специалистов из НАСА отложить запуск корабля. Причина — понижение температуры во Флориде до минусовой. В такой ситуации поставленное фирмой оборудование могло дать сбой. Но высшее руководство «Мортон-Тиоколь» не разделяло опасений своих инженеров. Шефы порекомендовали подопечным не мутить воду и дали добро на запуск.

28 января 1986 года Эбелинг все же уговорил Бойсджоли устроиться перед телевизором. Когда оставалось пять секунд до старта, оба инженера схватились за руки. Но тут же выдохнули с облегчением — выпуская клубы дыма, корабль оторвался от земли. «К счастью, пронесло!» — воскликнул Роджер. Можно было расслабиться. Однако спокойствие продлилось всего 73 секунды. Белый дым заполнил экран телевизора...

Весной 1986 года Роджер Бойсджоли предстал в роли свидетеля перед следственной комиссией, занимавшейся изучением причин катастрофы. Его показания весьма смутили руководство компании «Мортон-Тиоколь», поскольку он вытащил на свет Божий документы, о которых никто не помнил. Поэтому вскоре начальство намекнуло инженеру, что таким, как он, не место на фирме...

Так что же все-таки стряслось в то трагическое зимнее утро? Дело в

том, что в двигателе «Челленджера» существуют заслонки, называемые О-кольцами. Их задача — вовремя перекрыть доступ газов в корпус двигателя. Длительность этого процесса измеряется долями секунды. Малейшая задержка грозит катастрофой. Когда за год до запуска «Челленджера» Роджер Бойсджоли прибыл на мыс Канаверал для рабочей инспекции, он обнаружил, что эти самые заслонки как раз и могут подвести. Исследуя части ракетносителя, использовавшегося во время предыдущего запуска, он пришел к выводу, что газы перекрыло лишь второе страховочное О-кольцо, первое же не сработало, не обеспечило герметичности. «Тогда только чудом не произошло взрыва», — вспоминает Бойсджоли. Свои тревоги и опасения он высказал представителям НАСА, и те записали его замечания в протокол. Но все было спущено на тормозах.

Запуск «Челленджера» откладывали два раза — изначально он должен был стартовать 25 января. Причиной отсрочек стали неблагоприятные погодные условия. Когда же наконец было решено запускать корабль и астронавты заняли свои места, обслуживающая команда обнаружила, что основной люк не закрывается. Помехой стала суцая безделица — полетела резьба у шурупа, на котором крепилась ручка. Старт корабля был снова отложен.

С полудня 28 января температура воздуха на мысе Канаверал начала падать. Пусковой команде понадобился совет специалистов. К шести часам вечера инженеры связались с начальством «Мортон-Тиоколь» с вопросом: «Можно ли осуществлять запуск корабля при температуре минус пять градусов по Цельсию?» Ответ был дан утвердительный, однако, как и полагается, последовал контрольный звонок инженерам космического центра в Хантсвилле, штат Алабама. Те, в свою очередь, снова связались с руководством «Мортон-Тиоколь», чтобы обсудить ситуацию. В этой консультации участвовал и Роджер Бойсджоли. Он настаивал на том, что полет следует отменить, поскольку для того чтобы с упомянутыми заслонками ничего не стряслось, температура должна превышать 12 градусов. Доводы инженера для его коллег показались лишь предположениями... К тому же всем очень хотелось, чтобы запуск скорее состоялся.

Представители НАСА выразили свое недоумение по поводу высказанных опасений, посчитав их необоснованными, но тем не менее согласились отложить полет. Однако тут в переговоры вступил один из четырех вице-президентов «Мортон-Тиоколь». Он попросил дать ему пять минут для обсуждения вопроса, чтобы представить окончательное решение. Эта пятиминутка растянулась на полчаса, и нетрудно догадаться,

что начальники-оптимисты в конце концов дали добро на запуск. НАСА запросило письменное подтверждение подобного решения, и к полуночи был получен соответствующий факс...

После катастрофы целую неделю с утра до ночи все американские телеканалы повторяли жуткие кадры взрыва «Челленджера». Люди не могли прийти в себя от ужаса и, затаив дыхание, снова и снова смотрели на кошмарную сцену. Телекамеры запечатлели присутствовавших при запуске близких родственников астронавтов, на глазах у которых их мужья и дети в считанные секунды превращались в пыль.

События той поры не дают покоя Роджеру Бойсджоли до сих пор. «Может быть, я не предпринял всего, что было в моих силах, чтобы этот запуск не состоялся, — сокрушается он. — Возможно, мне следовало связаться, скажем, с “Нью-Йорк таймс”. Но раз мне не удалось убедить специалистов, которые были в курсе всех дел, то разве можно было убедить людей, для которых космическая техника — темный лес. Они бы, в свою очередь, связались с НАСА, а там им объяснили бы, что нечего сеять панику...»

ГИБЕЛЬ ЛАЙНЕРА «АДМИРАЛ НАХИМОВ»

(Материал С. Турченко)

«Адмирал Нахимов» отошел от причала Новороссийского морвокзала в 22.00 и взял курс на Сочи. В 22.20 на мостике получили информацию о приближении на встречном курсе сухогруза «Петр Васев». Согласно Правилам предупреждения столкновения судов в море (ППСС) «Адмирал Нахимов» должен был пропустить его, но вмешался диспетчер берегового поста регулирования движения, который дал команду «Петру Васеву» пропустить «пассажира». Капитан сухогруза Виктор Ткаченко подтвердил своему коллеге с «Адмирала Нахимова» Вадиму Маркову, что пропустит его. Однако в 23.12 «Петр Васев» врезался носовой частью под прямым углом в правый борт парохода, прорубив в нем пробоину 8х10 метров. Через 8 минут лайнер погрузился в морскую пучину...

Зачем портовый диспетчер приказал капитанам нарушить ППСС? Почему Виктор Ткаченко не дал дорогу «Адмиралу Нахимову»? Наконец, по каким причинам лайнер камнем пошел ко дну, хотя в соответствии с международными конвенциями конструкция пассажирского судна должна обеспечить ему плавучесть, даже если затоплены минимум два отсека? Ни на один из этих вопросов правительственная комиссия, которую возглавлял член политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев, ответов не дала. Задолго до завершения следствия, а тем более суда, она определила: кораблекрушение произошло в результате халатности капитанов. Через два месяца после трагедии этот вывод был закреплён в постановлении политбюро ЦК КПСС. А в марте 1987 года состоялся суд, принявший к руководству «прозорливую» оценку партии: капитаны получили по 15 лет тюрьмы и по 40 тысяч рублей штрафа в компенсацию ущерба.

Партия, а также суд не оценили по достоинству деятельность министра морского флота, члена ЦК КПСС Тимофея Гуженко и руководителей Черноморского пароходства. А ведь не без их ведома перевозкой пассажиров занималось 60-летнее судно, которое вообще нельзя было выпускать из гавани. 8 июля 1986 года (почти за два месяца до катастрофы) пароходство составило акт: к дальнейшему использованию пароход не пригоден. Но именно на эту «старую галошу» по указанию

начальника Черноморского пароходства С. Лукьянченко, подписавшего тот самый акт, посадили 1200 пассажиров и отправили в море, «удовлетворяя потребности государства в пассажироперевозках».

Как уже говорилось, пассажирское судно должно оставаться на плаву, даже если у него полностью затоплены два любых отсека. Но вопреки всем конвенциям, «Нахимов» не обладал этими качествами. Теоретически он мог оставаться на плаву только с одним затопленным отсеком (теоретически — потому что из-за старости прогнил вообще). Удар «Петра Васева» роковым образом пришелся как раз в переборку, разделявшую два отсека. Поэтому оба они мгновенно оказались затопленными. Роковую роль сыграла невозможность воспользоваться спасательными шлюпками (на спуск только одной в идеальных условиях требовалось до получаса, при крене же всего в 1–2 градуса спуск становился невозможен).

Не все концы с концами сходятся и в обвинениях, выдвинутых против капитанов. Суд, а до него и следствие оставили без исследования ключевой, по мнению многих флотских специалистов, факт: в период нарастания аварийной ситуации на экранах радиолокационных станций наблюдалась отметка какого-то третьего судна, которое так и не было идентифицировано.

До самого момента столкновения Ткаченко практически не отходил от САРПа (системы автоматизированной радиолокационной прокладки курса). Как это ни странно, но прибор показывал расхождение с судном, которое Ткаченко считал «Нахимовым», в 2 мили. Кроме того, по получаемым данным, увеличивался и пеленг. Положение неизвестного судна, судя по приборам, создавало иллюзию абсолютно благополучной обстановки.

Показания Ткаченко не заинтересовали юристов, зато до сих пор дают некоторым ученым и специалистам-практикам повод для исследовательской работы. Доцент Краснодарского политехнического института Владимир Чуев выдвинул такую гипотезу. Столкновение, как известно, произошло в конце лета. Нередко это время совпадает с повышением солнечной активности. Случалось, что именно в такие дни и ночи на экранах радаров вдруг возникали цели-фантомы и, наоборот, исчезали настоящие цели.

Чуев тщательно изучил сборник «Солнечные данные» Академии наук СССР. Выяснилось: с 17 августа 1986 года в показаниях Крымской астрофизической обсерватории обнаружился резкий скачок электромагнитного излучения из космоса, равный двадцати процентам. Однако его не зафиксировали эталонные обсерватории в Японии и Канаде.

Это расхождение в данных эталонных обсерваторий и Крымской длилось до 1 сентября. А потом все пришло в норму.

Проанализировав эти факты, Чуев пришел к выводу на регион Крыма и Северного Кавказа (в том числе на Цемесскую бухту и Новороссийск) воздействовало не солнечное, а неизвестное направленное электромагнитное излучение. Оно подавалось издали, возможно, за сотни и тысячи миль через искусственный спутник Земли. А может, через разведывательные системы типа «АВАКС», которые оборудованы специальными микропроцессорами и могут работать с любым радаром так, чтобы на его экране появлялись ложные цели и исчезали истинные.

Кстати, до трагедии в Цемесской бухте на теплоходах «Герои Севастополя», «Бургас» и на других судах несколько раз судоводители регистрировали на радарх ложные цели. В четырех случаях создавалась ситуация, когда чудом удавалось избежать столкновения.

Чуев не берется судить, чьих рук это дело. Но, по его мнению, кораблекрушение под Новороссийском — результат применения микроволнового оружия через спутник.

Александр Трусов, служивший тогда в погранвойсках КГБ, предполагает, что микроволновое оружие было применено для ликвидации крупного чина КГБ своими же соратниками. В ту ночь действительно погиб начальник управления КГБ по Одесской области генерал-майор Крикунов со своей семьей, который уже после отхода «Нахимова» от причала был доставлен на борт парохода катером. С чем только не связывали факт его смерти! Писали и о мести коррумпированной партийной номенклатуры, и о попытке передачи крупной партии контрабанды, и о расследовании фактов незаконного вывоза военной техники через Новороссийский порт.

Профессор из Санкт-Петербурга Алексей Синяков участие в трагедии каких-либо спецслужб отвергает. Он выдвинул гипотезу так называемого локального геофизического резонанса (ЛГР). Специалист по безопасности полетов, он полагает, что ЛГР стал причиной многих катастроф — в воздухе, на земле, под водой (в частности пожара на атомной подводной лодке «Комсомолец»). Вечером 31 августа 1986 года на Черном море мог проявиться геофизический резонанс: наблюдалось необычное свечение атмосферы, а через два часа после гибели «Нахимова» произошло сильное землетрясение в западной части моря. Во время геофизического резонанса человек, управляющий сложным техническим объектом, теряет возможность точно оценить ситуацию и принять правильное решение. Не этим ли объясняется неадекватное поведение капитана Ткаченко: ведь для совершения маневра «последнего момента» (например отворота «Васева»

вправо от принятого курса) требовалось всего полторы минуты! Есть немало и других версий, которые хотя бы частично снимают вину с капитанов и объясняют их странное поведение в момент катастрофы.

К сожалению, за минувшие годы не предпринималось никаких попыток поднять останки погибших моряков и пассажиров «Адмирала Нахимова». О затонувшем теплоходе заговорили только тогда, когда из его топливных танков началась утечка солянки. Однако серьезную подводную экспедицию организовать пока не на что.

ЗАГАДОЧНАЯ ГИБЕЛЬ ЗИЯ-УЛЬ-ХАКА

(Материал Г. Польского)

17 августа 1988 года в авиационной катастрофе погиб президент Пакистана генерал Мохаммад Зия-уль-Хак. Обстоятельства этого сенсационного происшествия до сих пор остаются невыясненными.

Уже давно руководство вооруженных сил Пакистана ставило вопрос перед правительством и лично президентом о необходимости модернизации бронетанковых частей, имевших на вооружении устаревшую технику. При этом по политическим соображениям выдвигалось предложение приобрести новейший американский танк М-1. В середине августа 1988 года было назначено испытание боевых и технических возможностей танка на специально оборудованном танкодроме близ города Бахавалпур, расположенном в 450 километрах к югу от столицы — Исламабада. Для участия в испытаниях прибыла группа американских специалистов по бронетанковой технике. Ее возглавил руководитель военной миссии США в Пакистане бригадный генерал Герберт Уоссом.

15 августа вечером командующий бронетанковыми войсками страны генерал Махмуд Дуррани позвонил президенту и попросил принять участие в испытаниях американского танка. Президент долго сопротивлялся его просьбам, ссылаясь на то, что если присутствовать на каждом испытании новой техники, то у него не останется времени для руководства страной. К тому же сейчас стоит жуткая жара. Однако Дуррани был настойчив, напоирая на то, что Зия-уль-Хак является не только президентом страны, но и начальником штаба сухопутных войск. К тому же участие президента в испытаниях американской военной техники будет высоко оценено за океаном. Зия-уль-Хак после долгих колебаний согласился и назначил время испытания на 17 августа.

В тот день рано утром в Бахавалпур вылетели, кроме президента и Дуррани, заместитель начальника штаба сухопутных войск генерал Мирза Аслам Бег и группа высокопоставленных пакистанских генералов. С американской стороны — посол США в Пакистане Арнольд Рафел, бригадный генерал Герберт Уоссом и несколько специалистов по бронетанковой технике с американских заводов, производящих танк М-1. На танкодроме уже все было готово для встречи высоких гостей.

После испытаний все собрались на обед. Зия-уль-Хак, пребывая тем не

менее в хорошем настроении, сумел удачными шутками развеселить присутствующих, в первую очередь американцев, недовольных тем, что танк все маневры выполнил хорошо, но в цель не попал и вообще стрелял неудачно. Затем все были приглашены в президентский самолет «Геркулес». Заместитель начальника штаба сухопутных войск Пакистана генерал Мирза Аслам Бег, сославшись на необходимость лететь в Исламабад на очень важное совещание, отказался лететь в президентском «Геркулесе» и направился к другому самолету.

В 16.30 президентский самолет поднялся в воздух и, сделав круг над аэродромом Бахавалпура, взял курс на Равалпинди. Вел машину опытный летчик коммодор Машхунд, специально выбранный лично Зия-уль-Хаком. А дальше...

Дальше произошло нечто совершенно невероятное. По словам одних очевидцев, из самолета вырвалось облако дыма, затем раздался взрыв, и он, превратившись в огненный шар, упал на землю. Другие утверждали, что самолет перевернулся и камнем упал на землю и только тогда раздался оглушительный взрыв. Третьи показывали, что самолет вначале «клюнул» носом, затем летчику, видимо, удалось на секунду выпрямить его, после чего «Геркулес» рухнул на землю. Однако самые точные сведения о происшедшем смог дать летчик турбореактивного самолета, на котором летел генерал Бег. Как оказалось, президентский С-130 то взмывал вверх, то нырял вниз. Было такое впечатление, что в его кабине либо все кому не лень хватались за штурвал, либо, наоборот, пилот выпустил его и неуправляемый самолет против своей воли выделял какие-то странные фигуры пилотажа. Его полет продолжался минут пять-шесть. Все тридцать человек, находившиеся на борту «Геркулеса», погибли.

Правительство Пакистана немедленно создало комиссию для расследования этого трагического происшествия. В ее состав вошли 4 пакистанских и 6 американских специалистов. Возглавлял ее коммодор ВВС Аббас Мирза. Расследование длилось 2 месяца, но подготовленный комиссией доклад объемом 350 страниц машинописного текста содержит больше вопросов, чем ответов.

Начать с того, что министр связи заявил: «черный ящик» найден, но он ничего не показал. Однако неопровержимо доказано, что на президентском самолете вообще не было «черного ящика». Невозможно себе представить, чтобы такой важный прибор отсутствовал на самолете, на котором летает высшее лицо государства, но тем не менее это так. Тогда возникает вопрос: какую цель преследовало заявление министра связи?

Далее. На С-130 имеется мощная радиостанция, с помощью которой

летчики могли бы в случае технической неисправности, появившейся уже после взлета, немедленно сообщить об этом на землю. Но связь с самолетом прекратилась чуть ли не сразу после взлета, т.е. через 3–4 минуты. Какие обстоятельства могли помешать экипажу информировать землю о чрезвычайных обстоятельствах, возникших на борту самолета?

Известно, что во время последних радиопереговоров с диспетчером, обеспечивающим воздушный контроль в Равалпинди, пилот Машхуд информировал его о том, что самолет президента прибудет в аэропорт в соответствующее время. Аэропорт запросил Машхуда о местонахождении самолета в данный момент и услышал, как пилот сказал: «Погодите, погодите» — как будто бы что-то его в ту минуту отвлекло. С запасного самолета президента, также летевшего в Равалпинди, не переставали запрашивать президентский «Геркулес», но его радиостанция молчала. Затем через минуту в наушниках услышали слабый голос: «Машхуд! Машхуд!» Один из опрошенных следствием людей показал, что это был, без сомнения, голос адъютанта президента, бригадного генерала Наджиба Ахмеда. Слабая слышимость объяснялась тем, что генерал стоял за спиной пилотов или даже у входа в их кабину. Казалось, что он с недоумением и тревогой обращался к пилоту, но тот и другие члены экипажа молчали. Ясно, что радиостанция была включена, но никто не использовал ее. Этому есть только одно объяснение: экипаж физически не мог воспользоваться радиостанцией, ибо все были мертвыми либо потеряли сознание. Может быть, в кабине был баллон с отравляющим газом, который мгновенно вывел из строя экипаж, и самолет был неуправляем? Ответа на этот вопрос нет.

Самолет С-130 «Геркулес», изготовленный компанией «Локхид», считался одним из самых надежных в мире. Экспериментальным путем установлено, что он при определенных обстоятельствах может благополучно сесть, даже если все четыре его двигателя отказали. Ни один из 2000 самолетов, находившихся на этот момент в строю в 50 странах мира, не взрывался во время полета.

Противоречивость высказываний различных правительственных чиновников и других свидетелей, а также членов комиссии не дает возможности окончательно определить, был ли разброс деталей и тел погибших на большой или малой площади. Если на малой, то это значит, что взрыва в воздухе не было, если на большой — взрыв был. Однако, исследуя остатки самолета, специалисты сделали однозначный вывод: в момент соприкосновения с землей «Геркулес» был цел. Значит, взрыва не было? И никакого «огненного шара» тоже?

Но, может быть, в летчиков кто-то стрелял? Это мог сделать только самоубийца. Среди пассажиров их, конечно, не было. Тогда, может быть, это сделал кто-то из членов экипажа? Американцы пытались получить личные дела каждого члена экипажа, но им в этом отказали...

Обследование тел погибших членов экипажа позволило бы ответить на вопрос: подвергались ли они нападению с помощью огнестрельного или холодного оружия, не были ли отравлены каким-нибудь газом. Среди американцев были специалисты по судебно-медицинской экспертизе, которые могли бы дать четкий ответ на этот вопрос и тем самым снять все сомнения в том, что же произошло на борту «Геркулеса». Но американцам не дали возможности осмотреть тела погибших и произвести вскрытие. Им разрешили вскрыть только тело генерала Уоссомы, но это ничего не дало для ответа на основной, уже заданный нами вопрос: что же произошло на борту президентского «Геркулеса»?

В докладе следственной комиссии указывается, что, поскольку не найдено никаких технических причин, объясняющих гибель самолета, остается предположить одно: имела место диверсия. Но специалисты из США — члены следственной комиссии — почему-то упорно твердили, что, вероятнее всего, «Геркулес» разбился из-за технических неполадок. Казалось бы, американцы должны были быть заинтересованы, чтобы доказать, что катастрофа произошла не в результате неисправности самолета, произведенного в США. Им было бы выгоднее утверждать, что «Геркулес» — самый надежный самолет и его гибель — результат диверсии, а не технической неисправности. Но именно это они не говорили! А затем произошло необъяснимое: руководитель американских экспертов в следственной комиссии, полковник Даниэл Саведа, вернувшись в США и выступая в конгрессе, совершенно неожиданно стал утверждать, что причиной катастрофы была техническая неисправность. Что же тогда произошло? И почему вдруг произошел поворот на 180 градусов в оценке случившегося?

Итак, налицо полная путаница: комиссия, не имея данных о взрыве, утверждает, что, поскольку других причин нет, имела место диверсия. Но в чем она заключалась и кто ее совершил, неизвестно. И вообще, была диверсия или нет? Вопросы возникают снова и снова.

Доклад также не дает ответа на самые важные вопросы: кто виновник катастрофы и почему не учитывается такая возможность, как заговор военных? Тут уместно напомнить один немаловажный факт: заместитель начальника штаба сухопутных войск Пакистана генерал Мирза Аслам Бег почему-то не сел в самолет президента после испытаний танка М-1. Он

предпочел лететь на другом самолете, который поднялся в воздух через минуту после взлета «Геркулеса». Почему он не присоединился к остальным участникам испытаний, которые намеревались на борту самолета продолжить обмен мнениями? А после гибели Зия-уль-Хака должность начальника штаба сухопутных сил, которую ранее занимал президент, занял именно генерал Бег...

Очень странные события происходили и в аэропорту Бахавалпура. Перед самым отлетом самолета с президентом и высокопоставленными гостями вдруг в него начали загружать ящики с... манго! Зачем? Оказывается, в подарок американцам. Но почему? Разве в Равалпинди или Исламабаде эти фрукты стоят дороже? А кто-нибудь проверял, что находилось в этих ящиках помимо манго? Не подложил ли туда кто-нибудь баллон с отравляющим газом?

И еще. Сразу же, как только стало известно о катастрофе президентского самолета, весь военный персонал в Бахавалпуре был сменен...

И наконец последний вопрос, на который нет ответа. В ФБР имеется отдел, работники которого специализируются на расследовании диверсий на воздушном транспорте. Казалось, их и надо было в первую очередь направить в Пакистан, тем более что там погибли американские граждане. Почему же не поехали специалисты по таким сложным вопросам в дружественную страну, чтобы разгадать эту трагическую шараду? Оказывается, как сообщил корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс» Джейн Аллен, лишь через десять месяцев после катастрофы в Пакистан выехал один специалист этого отдела. В то время помощник директора ФБР Оливер Ревел приоткрыл завесу над этой странной историей: дело в том, заявил он, что первоначально ФБР было отстранено от участия в расследовании. Тогдашний государственный секретарь Джордж Шульц позвонил директору ФБР и сказал, что лучше «не впутываться в эту темную историю». Однако остается неясным — американцы сами решили, что не стоит «впутываться» или их об этом попросили?

Неудивительно, что в американском конгрессе заинтересовались этой странной позицией. В чем дело? Почему? Эти вопросы задавали многие конгрессмены, но особенно активным был член палаты представителей Уильям Хьюз. Он констатировал: «Не было проведено необходимого уголовного расследования. То ли по соображениям национальной безопасности, то ли по... взаимному соглашению с пакистанцами». По его словам, «было что-то страшно непонятное в той манере, в которой наше правительство расследовало трагедию».

Знакомство с откликами на это событие порождает уверенность в том, что никто не был заинтересован докопаться до истинной причины гибели президента. Так что же произошло в небе над Бахавалпуром? На этот вопрос ответа до сих пор нет. Но одно совершенно ясно — катастрофа пакистанского самолета «Геркулес» с президентом Пакистана на борту войдет в историю как дело, в котором в едином клубке сплелись тайные замыслы, явные домыслы и отсутствие желания дать ответы на возникшие в связи с этим вопросы.

1991: АВАРИЯ НЛО В ГОРАХ ТЯНЬ-ШАНЯ?

28 августа 1991 года в 4.42 ночи по местному времени радары станции, расположенной на полуострове Мангышлак, зарегистрировали в воздушном пространстве объект, который неожиданно появился в центре экрана буквально из ниоткуда. Предмет имел длину порядка 600 м и 110 м в диаметре. Он летел над Каспийским морем с северо-запада на высоте 6600 м со скоростью 9600 км в час, не отвечая на посылаемые запросы. Операторы быстро сообразили, что имеют дело с неизвестной целью. В 4.46 они связались с космодромом в Капустинном Яре и запросили информацию о том, не производился ли какой-нибудь незапланированный запуск ракеты. С космодрома дали отрицательный ответ и сообщили, что их радары тоже зафиксировали необычный объект.

Информация тут же поступила в Прикаспийскую часть ПВО. Два патрульных истребителя МиГ-29 были направлены к югу от города Шевченко, еще две машины поднялись в воздух с другого аэродрома. Пилотам четырех самолетов поставили задачу: идентифицировать объект и, если он кем-то управляется, заставить его сесть на аэродроме, а в случае неподчинения открыть огонь на поражение. Перехват цели планировалось осуществить над восточным побережьем Аральского моря.

Перехват произошел в точно рассчитанное время — в 5.12 утра. Пилоты установили с объектом визуальный контакт, видели его на экранах своих радаров. Была послана серия радиозапросов «свой-чужой» и приказ сесть на землю, следуя за истребителем. Однако объект не реагировал. Судя по подготовленным позже отчетам, он выглядел как огромный, тускло сверкающий на солнце дирижабль. Солнечный свет практически не отражался от корпуса объекта. В передней его части с двух сторон были расположены по два круглых иллюминатора. Объект не проявлял никаких враждебных намерений.

На командном пункте было срочно собрано совещание и принято решение, что истребители займут позицию по две машины с каждой стороны «дирижабля» и откроют огонь из пушек параллельно курсу движения объекта, чтобы заставить его пойти на снижение. В 5 часов 14 минут самолеты, совершив маневр, заняли оговоренную позицию с каждой

стороны на расстоянии 800 м от корабля. С этой дистанции пилоты хорошо рассмотрели знаки зеленого цвета на хвостовой части объекта.

Операция по перехвату «дирижабля» завершилась неожиданно быстро. Когда самолеты приблизились на расстояние 500–600 м, объект совершил несколько зигзагообразных маневров, после чего в течение 2–3 минут начал быстро набирать скорость. Истребители прекратили преследование, когда объект на высоте 4500 м вошел в воздушную зону Алма-Аты. Диспетчеры передали всем гражданским и военным воздушным подразделениям предупреждение о возможной опасности столкновения с огромным неопознанным объектом, но, к счастью, все обошлось благополучно. В 5 часов 27 минут на высоте 4400 м в районе озера Иссык-Куль объект исчез с экранов радаров.

Однако это было отнюдь не окончание, а лишь начало истории. В конце сентября 1991 года просочилась информация о том, что в горах к востоку от города Пржевальск (ныне Караколь), в урочище Шайтан-Мазур разбился некий воздушный объект. В район катастрофы отправилась группа энтузиастов-«уфологов» во главе с Эмилем Бачуриным. 15 дней экспедиция шла по горам, но из-за обилия снега, плохой погоды и крутых скал исследователи так и не добрались до места катастрофы. 21 октября они вернулись в Бишкек. К месту аварии был послан транспортный вертолет ВВС, чтобы забрать обломки объекта, но по неизвестным причинам он упал в горах, а весь экипаж погиб.

Казахские «уфологи» начали подготовку к новой экспедиции к месту гибели неизвестного объекта, который они принимали за инопланетный корабль. Были сформированы две группы: сначала шла первая, а спустя две недели ее должна была сменить вторая. Все участники экспедиции полагали, что непосредственная близость к обломкам объекта может таить в себе опасность, поэтому команды комплектовались исключительно на добровольной основе. Обе группы были оснащены различной аппаратурой, видео- и фотокамерами.

Первая команда была доставлена в горы 12 июня 1992 года. Разбив базовый лагерь приблизительно в 2,5 км к северо-западу от предполагаемого места катастрофы, они начали восхождение на горный хребет. Уже с расстояния в 1,5 км было видно, что «дирижабль» развалился на две части. На дистанции приблизительно 800 м волосы на голове и теле людей встали дыбом, а измерительные приборы зарегистрировали избыточное статическое электричество. Находясь в его поле, приборы не работали либо давали заведомо неправильные результаты. Магнитные стрелки указывали на то, что объект расположен в направлении с севера на

юг, тогда как на самом деле он лежал в направлении с запада на восток. Магнитометры на дистанции в 800–820 м показывали практически полное отсутствие магнитного поля. Даже взятые на пробу скальные породы с расстояния 800, 600 и 400 м были полностью размагничены. Почему произошел такой эффект размагничивания, остается неизвестно. Все электронные часы на расстоянии в 1,5–1,2 км от объекта испортились, показав на циферблате нули, и после этого вне зоны действия поля они так и не начали ходить. Шесть механических часов начали показывать разное время. Вышли из строя и другие приборы.

Вторая группа энтузиастов, прибывшая к месту аварии, повторила эксперименты. Результаты практически не отличались от тех, которые получила первая команда. Попытки провести измерения с помощью кварцевого генератора также не увенчались успехом.

Что же произошло с этим загадочным «дирижаблем»? Представляется, что он летел над хребтом на большой скорости и нижней частью фюзеляжа зацепился за скалу приблизительно в 1700 м от места, где находились его обломки. После удара «дирижабль» начал скользить по практически ровной горизонтальной горной платформе, оставляя за собой достаточно глубокий след. Взрыв произошел внутри центральной части корабля (на это указывает характер повреждений), и он развалился на две почти равные части. Внутри корабля были ясно видны несущие конструкции. Находился ли на корабле экипаж или он управлялся с помощью навигационной компьютерной программы, так и осталось неизвестно.

Долгое время по поводу этой истории высказывались различные гипотезы — от аварии дирижабля, работавшего на ядерном топливе, и неудачного запуска модуля новой международной орбитальной станции до «катастрофы инопланетного корабля». В августе 1998 года группа энтузиастов во главе с Николаем Субботиным побывала в горах Тянь-Шаня и обнаружила, что «дирижабль» исчез. Осталась лишь 20-метровая воронка, образовавшаяся на месте падения. Приборы не зарегистрировали никаких аномалий. На соседней возвышенности экспедиция обнаружила странные линии, напоминавшие посадочные полосы на аэродромах. В конце этих полос имелись ровные площадки диаметром 20–25 м, на которые могли садиться вертолеты. Вполне вероятно, что здесь побывали военные и вывезли обломки «дирижабля», не забыв при этом уничтожить и все его следы.

Что же выяснилось в результате? Толком ничего. Остатков «дирижабля» нет, очевидных следов падения найти не удалось, магнитных аномалий не обнаружено — все приборы работали в обычном режиме, без

отклонений. Беседы с пилотами и экипажами вертолетов и самолетов, летавших в этом районе как ранее, так и в последнее время, тоже ничего не дали. Все это ставит под большое сомнение рассказы участников экспедиции 1991 года и уж тем более — версию о якобы «инопланетном» происхождении «дирижабля»...

ТАЙНА ОПЕРАЦИИ «ВЕЗУВИЙ»

(Материал И. Чернова)

Разговоры о том, что многие землетрясения, произошедшие в последние годы на Кавказе, были вызваны искусственно, ведутся давно. В связи с этим часто вспоминают секретную лабораторию в абхазском поселке Нижние Эшеры — оттуда, мол, и тянутся невидимые нити...

«Невидимые нити» — суцая правда. Точнее, одна нить — так называемый Калдахварский глубинный долгоживущий разлом. На суше он начинается от окраин абхазской столицы Сухуми, от поселка Нижние Эшеры, и тянется почти точно по параллели через весь Кавказ. К нему, как говорят ученые, приурочено большинство значимых подвижек земной коры и большинство эпицентров землетрясений, происходящих в регионе. Невдалеке есть еще три разлома — Краснополянский, Воронцовский и Лооский. Но Калдахварский — самый мощный. Поэтому прямо на нем была построена в свое время сейсмическая лаборатория Министерства обороны СССР.

Информация об этом засекреченном объекте впервые прозвучала в 1992 году, когда разгорелся грузино-абхазский конфликт. Этот пункт охраняли российские десантники, конечно, не участвовавшие в боевых действиях. Но грузинские артиллеристы, обстреливая позиции абхазов, периодически накрывали и лабораторию. Не зацепить территорию, у ограды которой были вырыты блиндажи и окопы, они просто не могли. Как только снаряды залетали за забор, тут же с российского военного аэродрома в Гудауте поднимались штурмовики и подавляли грузинские батареи. Словом, сейсмическая лаборатория стала чем-то вроде камня преткновения. Вопрос о ней начали постоянно поднимать на переговорах. Грузия требовала вывести оттуда российских военнослужащих. И тот факт, что десантников не убирали, продолжая подвергать их жизни смертельной опасности (среди них были и убитые и раненые), свидетельствовал о чрезвычайной важности объекта. Тогда-то и появились слухи о том, что в Нижних Эшерах упрятано сверхсекретное тектоническое оружие...

О возможной разработке тектонического оружия в Эшерах впервые публично рассказало радио «Свобода». Распространенная в эфире информация вызвала энергичную реакцию российского министерства обороны. Вот какие пояснения по этому поводу дал генерал-лейтенант С.

Зеленцов из 12-го Главного управления МО: «Лаборатории, подобные Эшерской, разбросаны по всему бывшему СССР. Они призваны контролировать соблюдение международных договоров о ядерных испытаниях и никаких иных функций не несут. Такие же лаборатории имеют США, причем не только на своей территории, но и в Европе, в Турции... Что же касается “тектонического оружия”, то создать его невозможно в принципе, с точки зрения физики». Образно высказался заместитель начальника сейсмической службы МО полковник Ю. Черепанов: «Лаборатория в Эшерах может влиять на сейсмическую обстановку так же, как термометр у вас за окном влияет на погоду...»

Однако разъяснения военных не разрядили обстановку. Даже наоборот: интерес к загадочному тектоническому оружию, судя по многочисленным публикациям, был только подогрев. Журналисты пробивались в архивы, сопоставляли факты и обнародовали сведения, которые заставляли задуматься.

Действительно, ученые разных стран уже не раз выдвигали гипотезы о возможной связи землетрясений с проходившими неподалеку испытаниями ядерных зарядов. Известно также, что страны Латинской Америки даже предъявляли претензии к США, обнаруживая подозрительные совпадения сильных землетрясений, происходивших у них, с подземными ядерными взрывами в Неваде. Аналогичные претензии СССР получал от Ирана. В 1991 году, по данным газетчиков, член-корреспондент АН СССР, заведующий отделом экспериментальной геофизики Института физики Земли А. Николаев заявил, что такая связь прослеживается. То есть землетрясения, вызванные техногенными причинами, могли и могут быть. В качестве примера приводилась трагедия поселка узбекских газовиков Газли, дважды — в 1976 и 1984 годах — переживавшего разрушительные землетрясения, хотя этот населенный пункт находится в 4-балльной зоне. Оба раза землетрясения совпали с ядерными взрывами в Семипалатинске, ударная волна от которых, как предполагают ученые, вызвала обрушения в гигантских пустотах, возникших в земле при добыче газа.

В этом, собственно говоря, и заключается принцип действия гипотетического тектонического оружия. В нужном месте взрывается ядерный заряд, и волны, распространяющиеся под землей, делают свое страшное дело. Наверняка главы многих стран стремились заполучить в свой арсенал такой «меч», способный покарать целые народы. Некоторые газеты сообщали даже, что в начале 1960-х годов по распоряжению Никиты Хрущева советские ученые якобы вели расчеты — как с помощью термоядерных зарядов, подорванных у побережья США, вызвать цунами,

чтобы затопить обширные участки Америки. Но исследования показали, что эта работа, с точки зрения науки, совершенно бесперспективна. Выяснилось, что сделать волну от подземного ядерного взрыва четко направленной практически невозможно. Но главное другое: если собрать и взорвать в одной шахте все ядерные боеприпасы, накопленные в России и США, то выделенная энергия будет соответствовать энергии лишь 8-балльного землетрясения. Такие встряски, как известно, и без того случаются на земле примерно раз в три года.

Тогда, по слухам, военные видоизменили задачу, поставленную перед учеными. Теперь подземному ядерному взрыву небольшой мощности отводилась роль «спускового крючка» для землетрясения, уже подготовленного природой. Понятно, что для этого необходимо было научиться точно и заблаговременно предсказывать землетрясения, чтобы потом воздействовать на них.

В ноябре 1987 года в соответствии с закрытым постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР началась разработка проекта создания тектонического оружия под кодовым названием «Меркурий». Ученым предстояло решить проблемы определения параметров оперативного и долгосрочного прогноза, разработать методики прогноза и дистанционного воздействия на очаг землетрясения с использованием так называемых слабых сейсмических полей. 22 научные и производственные организации бывшего Союза были задействованы в реализации проекта. В том числе и сейсмическая лаборатория МО в Нижних Эшерах.

Кстати, в Абхазии поговаривали, что каждый раз после прибытия в Эшеры большой группы людей в штатском, но с военной выправкой, следовало сообщение о произошедших где-то землетрясениях. А после того как тряхнуло в Спитаке, «полетело» со своих постов все лабораторное начальство: якобы за неудачно закончившийся эксперимент. Однако это — не более чем слухи. И, скорее всего, не имеющие под собой никаких оснований.

Так существует или нет тектоническое, или, как еще его называют, геофизическое оружие? Некоторые специалисты, с которыми мне довелось встречаться, склоняются к мысли, что исследования в этой области проводились и, вероятно, ведутся сейчас. А что касается самого способа «запуска» землетрясения в нужный момент в нужном месте, то его наверняка еще не разработали. Для этого, повторю, необходимо научиться точно прогнозировать, где и когда будут происходить толчки. Этого, как уверяют ученые, никто пока что не умеет делать. Нынче речь идет только о долгосрочных прогнозах типа: «В течение ближайших ста лет на Кавказе

возможны землетрясения силой до 9 баллов». Очевидно, стоит доверять и российским военным, утверждающим, что никаких взрывов в штольнях Эшерской лаборатории не было, иначе их засекли бы военные сейсмологи Турции. Сама лаборатория, вызывающая сегодня столько слухов и кривотолков, по-прежнему пребывает в законсервированном состоянии. Если там когда-то и была кнопка от «Везувия», то теперь она, наверное, заржавела...

«ЛЮДИ В ЧЕРНОМ» — КТО ОНИ?

(Материал С. Самойленко)

В начале июля 2002 года состоялась мировая премьера фильма «Люди в черном-2», который стал продолжением одного из самых успешных проектов мирового кинематографа. Напомним, что в июле 1997 года на экран вышел первый фильм, ставший самым кассовым хитом года, собравшим 600 миллионов долларов. Но существуют ли «люди в черном» на самом деле?

Среди рассказов людей, якобы вступавших в контакт с инопланетянами, встречается немалый процент историй о так называемых людях в черном, которых сокращенно называют МІВ (от английского «men in black» — человек в черном). Обычно их описывают как каких-то людей-роботов, разговаривающих монотонными голосами, с лицами, не выражающими никаких эмоций. Принято считать, что эти таинственные существа появляются в тех случаях, когда необходимо оказать давление или запугать людей, намеревающихся что-то рассказать об увиденных ими НЛО или контактах с инопланетянами.

Вот что о «людях в черном» говорится в одной из энциклопедий НЛО: «Их описывают как обычных землян в темной одежде. Рост — 1,5–2 метра, вес — 82–100 кг, глаза чувствительны к свету, всегда носят солнцезащитные очки, губы — тонкие, волосы — черные, кожа — белая, бледная. Невыразительное лицо, монотонный голос, неловкие, словно у киношных роботов, движения. Часто используют в разговоре высокопарные выражения». Что они представляют собой — параноидальные видения, пришельцев из космоса или биороботов, посланных инопланетянами следить за тем, чтобы свести к минимуму распространение информации об их хозяевах?

Чаще эти странные существа появляются по трое, редко в одиночку. Разъезжают на автомобилях черного цвета — в США на «кадиллаках», в Англии предпочитают «ягуары» (а в России, очевидно, «чайки» и «ЗиЛы» образца 1970-х годов). Хотя эти машины выглядят не новыми, очевидцы сообщают, что запах у них такой, будто они только сошли с конвейера. Иногда МІВ преследуют людей в вертолетах черного цвета. Но, несмотря на то что они якобы запугивают тех, кто видел НЛО, нет ни одного случая, когда эти существа сделали что-либо худое людям, пренебрегшим их

угрозами.

В 1976 году доктор психологии и гипнолог Герберт Гопкинс работал в Майами (США) консультантом по проблемам возможного установления контактов с НЛО. Сентябрьским вечером жена и дети доктора уехали куда-то на прогулку, и ученый остался в доме один. Вскоре раздался телефонный звонок, и мужской голос, представившийся как вице-президент «уфологической» организации штата Нью-Джерси, попросил у доктора разрешения приехать к нему в тот же вечер, чтобы обсудить кое-какие вопросы. Гопкинс согласился. Он пошел к черному входу, чтобы включить во дворе свет, дабы гость видел, куда припарковать машину, и, ошеломленный, замер. Незнакомец уже поднимался по лестнице, ведущей к двери.

«Я не видел автомобиля, на котором он приехал, но, даже если он и был, незнакомец никак не смог бы добраться до моего дома так быстро», — прокомментировал позже этот странный эпизод озадаченный Гопкинс. Гость был одет в черный костюм, на голове — черная шляпа, такого же цвета галстук, ботинки и ослепительно белая рубашка. «Этот человек походил на работника похоронного бюро или на карикатуру фэбээровца, — отметил доктор Гопкинс. — Одежда незнакомца была в безупречном состоянии: на пиджаке ни одной морщинки, брюки прекрасно отутюжены. Когда он снял шляпу, обнажилась совершенно лысая голова. Волос не было нигде — даже бровей и ресниц. Кожа мертвенно-белая, губы же, напротив, ярко-красные».

Во время беседы незнакомец один раз случайно провел рукой в перчатке из серой замши по губам, и доктор был потрясен, увидев, что они смазались, а на перчатке остался красный след от губной помады! И это была не единственная странность. Гость вдруг сказал, что знает: в кармане хозяина лежат две монеты. Так оно на самом деле и было. Потом «человек в черном» попросил Гопкинса положить одну монету себе на ладонь и внимательно наблюдать за ней. Гопкинс так и сделал, и на его глазах она сначала стала терять четкость очертаний, а потом и вовсе исчезла! Незнакомец сказал: «Ни вы, ни кто другой на этой планете эту монету больше никогда не увидит».

Затем они перешли к разговорам на темы «уфологии». Беседа носила самый общий характер. Хозяин удивлялся про себя, думая, стоило ли ради такого трепаса просить о встрече. Затем Гопкинс вдруг обратил внимание, что речь гостя замедлилась. Он словно засыпал на глазах. Чуть погодя мужчина осторожно поднялся и едва слышным голосом произнес: «У меня кончается энергия... должен идти... до свидания».

Он направился к двери, и вид у него был далеко не самый бодрый. Доктор Гопкинс вспоминает, что, провожая гостя, на дороге, ведущей к дому, он увидел ослепительно яркий свет — значительно более яркий, чем свет фар обыкновенного автомобиля. В тот момент доктор решил, что это машина незнакомца, однако он не видел и не слышал, как она подъезжала к дому.

Позже, когда домой вернулись жена и дети, семья Гопкинсов в полном составе внимательно обследовала дорогу возле дома и обнаружила следы, которые никак не могли быть оставлены шинами автомобиля, так как проходили они посередине дороги. К тому же там был только один след, будто незнакомец укатил на мотоцикле или велосипеде.

Следует отметить, что описание МІВ, сделанное доктором Гопкинсом, является наиболее подробным из всех. В этой связи возникает ряд вопросов. Прежде всего, мог ли ученый выдумать всю эту историю? Конечно. Но как тогда объяснить следы на дороге и серию странных звонков по телефону, которые начали тревожить членов семьи сразу после визита незнакомца? Судя по всему, явление «человека в черном» на самом деле было, однако кто он и откуда взялся, остается тайной.

А вот еще одна история. Этот случай маленькая американка Элли Майкрофт вряд ли когда-нибудь забудет. Увидев в небе странный, похожий на плоскую шляпу объект, она испугалась и конечно же рассказала об этом взрослым. Прошло немного времени, и в дом, где девочка жила со своими родителями, пришли двое мужчин в черных шляпах, одетые в черные костюмы. Они сказали, что хотели бы поговорить с девочкой. Один из пришедших, однорукий, назвал себя командором, сказав, что потерял руку на войне. Другой почти ничего не говорил: усевшись, он положил на колени небольшой квадратный ящик, объяснив, что это магнитофон. Однако за четыре с лишним часа, пока длилась беседа, он не вставлял новой пленки, ничего не включал и не выключал. Родители девочки были в той же комнате, но в разговоре участия не принимали.

Сначала Элли расспросили о том, что она видела. Потом командор заметил, что это была конечно же не летающая тарелка, а облако или метеорологический зонд. Однако девочка стояла на своем. Тогда командор сказал, что она все это, должно быть, выдумала. Девочка заплакала от обиды. Командор признал, что, может быть, она что-то и видела, но ей об этом лучше молчать, не то ей будет плохо. Еще раз предупредив Элли, чтобы она молчала, незнакомцы ушли. За домом их ждала большая черная машина, в которой сзади сидел еще один незнакомец в черном костюме и шляпе.

Факт существования «людей в черном» отчасти подтверждается и руководством ВВС США. Еще в феврале 1967 года представитель Пентагона, отвечающий за программу ВВС США «Голубая книга» (цель которой заключалась в наблюдении и изучении НЛО), полковник Джордж П. Фриман сообщал:

— Таинственные мужчины, одетые в форму ВВС или представляющие внушающие доверие документы сотрудников различных ведомств правительства США, незаконно проникали на нашу территорию и уговаривали людей, видевших НЛО, молчать. На моей памяти было три подобных случая. В результате проверок было установлено, что эти люди не имеют никакого отношения к нашим военно-воздушным силам. Нам, правда, не удалось выяснить, кто они, откуда взялись и чьи интересы представляют. Выдавая себя за представителей правительства США или офицеров ВВС, они тем самым совершали серьезное правонарушение, но каждый раз бесследно исчезали.

Общей чертой для МІВ является то, что они приказывают никому не рассказывать о своих посещениях и прекращать какую бы то ни было деятельность, связанную с НЛО. Однако мы знаем обо всем этом только потому, что подобные инструкции постоянно нарушались. Так, в 1976 году к одному канадцу, видевшему «летающую тарелку», заявился «человек в черном» и попросил прекратить рассказывать о встрече с НЛО, иначе к нему придут еще три «человека в черном».

— Ну и что это значит? Что будет, если я не выполню вашу просьбу? — спросил канадец у таинственного незнакомца.

— Ну это... — замялся тот, — тебе будет худо... Тебе не поздоровится..

Несмотря на эти угрозы, многие очевидцы НЛО продолжали делиться своими впечатлениями и при этом с ними никогда ничего плохого не происходило. Самое неприятное, с чем им приходилось сталкиваться, это телефонные звонки и визиты «людей в черном». Впрочем, можно ли это считать неприятным?

Считается, что визиты «людей в черном» берут свое начало с гибели «Титаника» в 1912 году. С тех пор они появляются практически во всех местах крупных катастроф и военных конфликтов. Правительство США располагает более чем двумя тысячами фотографий, на которых запечатлены «люди в черном», наблюдающие за японской бомбардировкой базы США Перл-Харбор 7 декабря 1941 года, за взрывом самолета авиакомпании «Пан-Америкэн» 21 декабря 1988 года и многими другими событиями. Их засняли и на месте террористического акта 11 сентября

2001 года (если, конечно, не перепутали при этом с агентами ФБР). В этой связи существует гипотеза, что главная миссия «людей в черном» заключается в предотвращении техногенных катастроф на Земле. Может быть, и военных столкновений тоже. Если это так, то у них это очень плохо получается: трагедии продолжают происходить. «Людам в черном» не удалось помешать катастрофе «Титаника», взрыву космического корабля «Челленджер» 28 января 1986 года, ужасным терактам в Москве, Нью-Йорке и Вашингтоне, десяткам и сотням других трагедий...

ПОСЛЕДНИЙ СТАРТ АЙРТОНА СЕННЫ

(Материал Е. Павлова)

В августе 2002 года итальянская прокуратура приняла решение прекратить судебное разбирательство по делу о гибели бразильского автогонщика Айртон Сены. Обломки гоночного автомобиля и шлем спортсмена, который был на нем в момент катастрофы, уже настолько изучены криминалистами и экспертами Международной автомобильной федерации, что извлечь какую-нибудь новую информацию о той катастрофе не представляется возможным. Тем не менее причины трагедии до сих пор остаются тайной за семью печатями...

Имола, 29 апреля 1994 года, пятница. Свободные заезды. И первая катастрофа: гонщик команды «Джордан-Харт» бразилец Рубенс Баррикелло не справился с управлением и на скорости 290 км/час врезался в отбойник. В бессознательном состоянии его извлекли из автомобиля и доставили в госпиталь, где вскоре он пришел в себя. По счастливой случайности Рубиньо отделался сотрясением мозга средней тяжести, временной потерей памяти и переломом носа. Врачи прописали ему постельный режим, но в день соревнований темпераментный спортсмен появился в паддоке и провел гонку, сидя перед монитором компьютера... «Ни дня без аварии!» — таким можно было сделать рекламный слоган Имолы. 30 апреля 1994 года, суббота. Квалификационные заезды. Во время официальной квалификации — розыгрыше мест на старте — гонщик команды «Симтек-Форд» австриец Роланд Ратценбергер на выходе из поворота не справился с управлением своего болида и на скорости 310 км/час врезался в отбойник. Seriously пострадавшего спортсмена доставили в реанимационное отделение центральной больницы города Болоньи. Но все усилия врачей на сей раз пропали даром — Ратценбергер умер, так и не придя в сознание.

1 мая 1994 года, воскресенье. Третий этап чемпионата мира по гонкам «Формулы-1». Сразу после старта гонщик команды «Лотус-Муген-Хонда» португалец Педро Лами врезался в «Беннетон-Форд» финна Юрки-Ярви Лехто. Удар был настолько силен, что обломки автомобилей перелетели через высокое проволочное ограждение и ранили девять человек. По решению спортивных комиссаров гонка была остановлена, дан повторный

старт — последний старт в жизни Айртона Сенны.

Ровно через один круг его «Вильямс ФВ-16» срывается с трассы на повороте «Тамбурелло» и на скорости 320 км/час врежется в бетонную стену. Окровавленного Сенну в бессознательном состоянии извлекают из обломков и на вертолете отправляют в больницу. Во время перелета у него останавливается сердце, но врачи реанимационного отделения заставляют его биться снова. Тем временем гонка продолжается. И вновь авария! На 56-м круге гонщик команды «Минарди-Форд» Микеле Альборетто на выезде из боксов не справился с управлением и сбил несколько человек из обслуживающего персонала, при этом были тяжело ранены четверо механиков.

Гонка закончилась победой Михаэля Шумахера, вторым был Микеле Альборетто, а на третью ступень пьедестала поднялся Мика Хаккинен. А в это время в тридцати километрах от трассы умирал Айртон Сенна. На послефинишной конференции все ждали новостей из больницы, надеялись на чудо и верили, что Айртон будет жить. Но чуда не случилось — через четыре часа после аварии врачи констатировали смерть одного из лучших гонщиков XX века.

В первые дни после гибели «бразильского волшебника» итальянскими следственными органами было выдвинуто пять версий причины аварии.

Версия первая — ошибка пилота. Недовольный результатами первых двух гонок, Сенна, поглощенный борьбой с преследующим его Шумахером, увлекся, вошел в поворот на слишком большой скорости и не удержал свой «Вильямс» на траектории. В это трудно поверить — ведь на трассе в Имоле Сенна побеждал чаще всего.

Версия вторая — подвела трасса. Весной 1994 года покрытие автодрома полностью сменили. Дорогу еще не успели обкатать, она была скользкой, поэтому многие гонщики жаловались на недостаточное сцепление колес с асфальтом. Но тогда катастрофа произошла бы сразу после ухода с трассы «пэйс-кара», который водил за собой пелетон все шесть кругов.

Версия третья — подвели шины. Ведь после столкновения Лами с Лехто конец стартовой прямой и вход в поворот «Тамбурелло» усеяли мелкие и острые осколки разбитых автомобилей, которые могли повредить покрышки «Вильямса» Сенны. Но после детального исследования шин машины комиссия пришла к выводу, что на них нет других повреждений, кроме как от удара о бетонную стену.

Версия четвертая — слабое здоровье гонщика. Ни для кого не секрет, что при управлении болидом «Формулы-1» возникают огромные

перегрузки, особенно при разгонах и поворотах. Иногда даже случается кратковременная потеря сознания. Проверить это теперь невозможно. Не помогли и результаты вскрытия тела. Однако представляется невероятным, что такой тренированный спортсмен, как Айртон Сенна, упал в обморок на первом же повороте.

Версия пятая — поломка рулевого управления. После соревнований в Бразилии и Японии Сенна пожаловался на тесноту в кокпите «Вильямса». Для улучшения посадки гонщика было решено немного приподнять руль. Рулевую колонку разрезали и вставили внутрь трубку меньшего диаметра. Как потом установила экспертиза, она была тонкостенной и старой. В результате из-за сильной вибрации корпуса машины трубка могла треснуть в месте сварки. Если это случилось на самом деле, то Сенна крутил руль, не имея ни малейшей возможности изменить траекторию движения. Кроме того, на всех фотографиях места аварии четко виден рядом с разбитым корпусом кусок рулевой колонки. Эта версия самая правдоподобная. Да и камера, установленная на «Беннетоне» Михаэля Шумахера, ясно показывала, что машина Сенны не вписалась в траекторию, а пошла прямо на стену.

Несколько экспертных комиссий так и не пришли к определенным выводам. Высказывавшиеся мнения зачастую были диаметрально противоположными. Свои расследования проводили и родственники погибшего гонщика, и компания «Ллойд», которой пришлось выплатить страховку в размере 33 миллиона долларов. Но и они не смогли установить истинную причину аварии «Вильямса». Причина же смерти спортсмена установлена, хотя и не названа официально — стальной рычаг подвески вонзился ему в шею между шлемом и защитным щитком.

Специалисты установили, что рулевая колонка «Вильямса» была сломана. Причем сломана именно в том месте, где она подвергалась модификации по личной просьбе Сенны. Но ответить на вопрос, была ли ее поломка причиной аварии или только следствием, эксперты не смогли.

Дело закрыто, и вещественные доказательства по решению итальянской прокуратуры возвращены их номинальным владельцам. То, что осталось от машины, судебные власти передали команде Фрэнка Вильямса, а шлем вручили родным Айртона и представителю компании-изготовителя «Белл Рейсинг». В тот же день в Болонье он был уничтожен.

По поводу обломков автомобиля ходили разные слухи. Говорили, что печальная реликвия займет место в музее. Высказывалось даже кощунственное предположение, что команда продаст ее с аукциона. Однако обломки «Вильямса ФВ-16Б» ждала та же судьба, что и шлем. Владелец

команды Фрэнк Вильямс заявил, что «машина уничтожена — и эта история окончательно завершена...»

«ЭСТОНИЯ» БЫЛА ВЗОРВАНА?

В ночь на 28 сентября 1994 года в Балтийском море затонул морской пассажирский паром «Эстония», на борту которого находились 1049 человек. Спасти удалось только 137. Больше всего погибло шведов — около пятисот душ, но среди утонувших были и эстонцы, финны, норвежцы, русские, немцы и другие.

Балтика — не океан, но эта катастрофа показала, что от беды здесь не застрахованы даже такие мощные суда, как «Эстония». В последующие годы появилось несколько версий гибели парома, однако, наибольшее внимание общественности привлекли исследования экспертов с судовой «Майер», которые действовали по заданию парохозяйства и пришли к заключению, что паром пошел ко дну из-за пробоев, полученных в результате взрывов.

Эксперты уверены, что створки носовой части парома не могли открыться под напором волн, как предполагалось первоначально. Массы воды попали внутрь корпуса через две обширные пробоины ниже ватерлинии, образовавшиеся в результате взрывов. Комиссия, состоявшая из 13 человек, пришла к заключению, что взрыв, возможно, был связан с нелегальной торговлей оружием российского производства. Неизвестные лица установили взрывные устройства, чтобы предотвратить доставку по назначению очередной партии оружия. Один из членов комиссии капитан Вернер Хуммель из Гамбурга сообщил, что в видеоматериалах, снятых водолазами, отчетливо видны два несработавших взрывных устройства.

Согласно результатам экспертизы, проведенной шведами летом 1999 года, паром «Эстония», покинув в последний раз порт Стокгольма, не полностью соответствовал международным правилам судоходства. Следовало бы воспрепятствовать выходу парома в море. Но проверка проводилась в то время, когда большая часть пассажиров и автотранспорта уже находилась на борту. Между тем на пароме отсутствовала необходимая система оповещения об отклонении от курса. Все инструкции были написаны не на эстонском языке, и команда имела о них самое поверхностное представление.

Непонятно, почему комиссия по расследованию не дала указания водолазам, которые обследовали лежащий на дне паром, осмотреть автомобильную палубу и не обратила особого внимания на рассказы

некоторых свидетелей, которые слышали там какие-то подозрительные шумы. А журналистам, которые на свой страх и риск пытались провести частные расследования, угрожали по телефону расправой!

Труднообъяснимым выглядит и решение заключить паром в бетонный саркофаг стоимостью 33,8 млн. долларов. Это может означать только одно — на «Эстонии» явно имеются доказательства, которые объяснили бы причины катастрофы, но эти улики предпочли не искать.

Имеется также много противоречивых сведений о судьбе уцелевших после катастрофы пассажиров и членов команды, в том числе и капитана Аво Пихта. Многие из них долгое время кочевали из списков погибших в списки выживших и наоборот, что само по себе не только кощунственно, но и просто нелепо.

Вполне возможно, что в будущем появятся новые свидетельства, которые все-таки позволят сделать окончательные выводы о причинах гибели парома.

«ЗОНА-51»: САМАЯ ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА В МИРЕ

В пустыне Невада есть место, которое не найти ни на одной карте мира. Это — секретная база «Area-51» («Зона-51»). Здесь испытывают военные самолеты и здесь же, по слухам, изучают неопознанные летающие объекты. Где кончаются факты, где начинается фантастика?

...1955 год. Штат Невада, 150 километров к северу от Лас-Вегаса. Небольшой одномоторный самолет накручивает круги над пустыней. В кабине пилота сидят Тони Ле Вир и Дорси Каммерир. Вот уже второй день они ведут свои поиски. Они обследовали дюжину Богом забытых местечек в Аризоне и Неваде, тщательно фотографируя увиденное. А вот и Грум-Лейк — обширная, плоская равнина, опаленная зноем и со всех сторон обнесенная горами. Эта естественная преграда не подпускает посторонних к главной здешней примечательности: поблизости расположен полигон, принадлежащий Комиссии по атомной энергии, которая проводит здесь испытания атомных бомб. Немного покружив над этим местечком, самолет уносится прочь. Подходит к концу январский день 1955 года. Вскоре сюда придут первые строители...

Сегодня в Грум-Лейк расположен объект, не нанесенный ни на одну из топографических карт. Его называют «Зона-51». Такое наименование он получил на одном из планов, вычерченных еще в пятидесятые годы. На этом плане весь пустынный район штата Невада, где проводились испытания атомного оружия, разбиты на отдельные квадратики-зоны, каждый из которых пронумерован. Самая запретная территория, воплощение секретности — «Зона-51». Что же скрывается за здешними высоченными заборами?

С этой зоной связаны самые нелепые слухи: здесь-де изучают инопланетян и неопознанные летающие объекты. Даже создатели нашумевшего фильма «День Независимости» не обошли стороной «Зону-51». Что ж, высоченные заборы, окружающие «Зону-51», вовсе не преграда для современной техники. Заглянем за них!

Из-под земли вырастают ангары, дома, громадные топливные резервуары и асфальтированные дороги — самая длинная тянется на 9 километров 600 метров. На фотографиях, сделанных со спутника, можно

различить более ста построек — театр, плавательный бассейн, несколько общежитий и множество служебных зданий. Настоящий городок! Самое примечательное его сооружение — это «Ангар-18». Размеры его так велики, что в нем уместится самолет вкупе с космическим кораблем «Спейс шаттл». Многие полагают, что все эти наземные сооружения — своего рода айсберг. Видимое — лишь малая часть целого. Вся территория под этой зоной занята обширными бункерами, пересечена километровыми туннелями. А из специального терминала в Лас-Вегасском аэропорту изо дня в день в воздух взмывают «Боинги-737». Они доставляют на работу в пустынные районы Невады до полутора тысяч человек. Все это — сотрудники «Зоны-51».

Вокруг зоны разъезжают джипы с сидящими в них охранниками из частной фирмы. Если они застанут в опасной близости от зоны каких-нибудь незваных зевак, тем придется выложить 6000 долларов штрафа. Однако люди, снабемые тайной «Зоны-51», готовы пуститься на самые необычные хитрости, лишь бы что-нибудь выведать.

Между тем велико число тех, кто готов охотно поделиться секретами «Зоны-51». Стоит лишь журналистам посетить крохотный бар, который расположен по соседству с базой и носит выразительное название Little A'Le'Inn («Маленький И.Н. Планетянин»), как они непременно наткнутся на несколько красноречивых и красных от выпитого физиономий, готовых немедленно поведать свои душераздирающие истории. Микрофоны их, правда, смущают. Нельзя ли без них? Приходится соглашаться на «пару слов без микрофона». Вот тогда и услышишь о том, что в «Зоне-51» якобы хранятся НЛО и инопланетяне, обнаруженные в 1947 году в местечке Розуэлл (штат Нью-Мексико). Порой «летающие тарелки» взмывают с территории зоны в воздух и движутся так причудливо, как неспособен двигаться ни один аппарат, сотворенный человеком... Нормального человека, углубившегося в дебри конспирологии, быстро начинает мутить: поверь поклонникам этой науки, и весь мир превратится в жалкую игрушку таинственных сил. Всюду заговорщик будет сидеть на заговорщике и заговорщиком погонять. В паутине подобных рассказов поневоле потеряешь почву под ногами.

«— Знаете, почему церэушники застрелили Джона Кеннеди? Потому что он до черта знал об инопланетянах! А вы разве не слышали, что спецслужбы подмешивают в нашу питьевую воду особый наркотик, чтобы все стали как шелковые? А знаете, что в самом конце Второй мировой нацисты высадились на Луне? У них там теперь свои колонии! Это мы, американцы, так и не сумели долететь до Луны. Репортаж? Что репортаж?

Его же снимали прямо в телестудии. Вы же видели, что там не было никаких нацистов? Значит, не было и Луны. Это все декорации!» А как же тогда «летающие тарелки»? Они-то летали над «Зоной-51» или как? А эти инопланетяне, живые или мертвые — тоже выдумки? Фальшивки?

Что же породило слухи о том, что американское правительство прячет в «Зоне-51» прилетевших к нам «чужаков»? Оказывается, в основе всех этих слухов таятся сообщения о «летающей тарелке», якобы разбившейся близ Розуэлла, и ее погибшем экипаже. Все эти «вещдоки» бесследно исчезли. Остались лишь слова, например, лаконичное заявление старшего лейтенанта пресс-службы ВВС Уолтера Хота: «Вчера подтвердились слухи о неопознанных летающих объектах. Служба связи 509-й бомбардировочной эскадрильи сообщила, что при содействии одного из фермеров и местного шерифа обнаружена “летающая тарелка”. Объект приземлился в окрестностях ранчо неподалеку от Розуэлла и доставлен в расположение ближайшей части. Подробности переданы в вышестоящие инстанции»...

Итак, в июне или июле 1947 года (даже дату случившегося мы не можем точно установить) некий фермер по имени Уильям Брезел обнаружил в одиннадцати километрах от ранчо какие-то странные обломки. Восьмого июля упомянутый выше Уолтер Хот признал в обращении к журналистам — очевидно, в устном обращении, — что военные утаили найденную ими «летающую тарелку». В тот же день агентство United Press Association распространило эту информацию, и газеты растиражировали сенсационную новость. Однако военные быстро дезавуировали признание офицера Хота. Согласно их новому заявлению, в окрестностях ранчо рухнул метеороаэростат. Публика потеряла интерес к «тайнам Розуэлла».

Не успокоились лишь поборники НЛО. Они кропотливо разыскивали очевидцев того знаменитого падения и вновь и вновь ворошили давно забытое прошлое. При этом не раз случались казусы, и в пользу инопланетян высказывались призраки не от мира сего. Так, в 1990 году кто-то из журналистов умудрился побеседовать по телефону с одним из свидетелей, который, как выяснилось, почил в бозе еще в году 1951-м. Популярностью у сторонников внеземной жизни пользовалась и некая медсестра, побывавшая в Розуэлле сразу после падения и даже видевшая «чужаков». Казалось, что может быть надежнее, чем признание подобного очевидца? Вот только саму эту сестру никто отродясь не видывал. «Никто из достоверно существовавших свидетелей тех событий, что происходили в Розуэлле, никогда не видел никаких инопланетян или их трупов и даже не

упоминает о них», — признает Ули Тиме, представляющий CENAP (Центральную исследовательскую сеть необычных небесных феноменов). Он сам занимался расследованием того приснопамятного факта и установил, что инопланетяне — это «лишь выдумка, не имеющая ничего общего с реальностью и теми событиями, что разыгрались в июле 1947 года».

В июне 1997 года руководство американских ВВС опубликовало отчет под названием «Розуэллский доклад: дело закрыто». В нем сообщается, что, как установлено, в период с 1954 по 1959 год во время испытаний боевых самолетов с них сбрасывали манекены, напомилавшие человеческие фигуры. Они падали в районе Розуэлла, и, возможно, именно их видели так называемые очевидцы, которые по прошествии столь долгого времени несомненно путались, припоминая сроки тогдашних событий, и ошибочно датировали их 1947 годом.

Опубликовав «Розуэллский доклад», американские военные обратились к истинной подоплеке тогдашних событий, в то время как в 1947 году отмахнулись от публики, придумав насквозь лживую историю с разбившимся метеоаэростатом. С помощью этой неуклюжей выдумки они пытались скрыть от общественности проект, носивший ту же степень секретности, что и разработка атомной бомбы. Лишь в 1970-е годы его секретность была несколько уменьшена. Речь идет о проекте «Mogul» — создании военных аэростатов, коим надлежало регистрировать атомные взрывы в верхних слоях атмосферы. Напомним, что в то время американцы напряженно ожидали взрыва первых советских атомных бомб. Для этого и запускали подобные баллоны типа «Mogul». По всей видимости, один из них рухнул близ Розуэлла. Обломки «НЛО», которые мы видим на фотографиях, точь-в-точь напоминают детали аэростата «Mogul».

Как известно, поклонники НЛО апеллировали еще и к такому «надежному» доводу, как черно-белая пленка, на которой якобы запечатлено вскрытие настоящего инопланетянина. Однако в доказательства она вряд ли годится — уж слишком напоминает фальшивку. Эту «документальную» ленту (в общей сложности 22 ролика 16-миллиметровой пленки) якобы сняли на секретной базе в штате Огайо (по другим данным, на базе ВВС США в Форт-Уэрт, штат Техас). Легенда говорит, что впоследствии этого «инопланетянина», равно как и нескольких его сородичей, доставили в «Зону-51». Там они по сей день якобы и хранятся в замороженном виде. Впрочем, медики, просмотрев эту пленку, заявили, что на ней показано вскрытие человека, страдавшего при жизни от специфического наследственного заболевания. Чуть позже появилось и

другое объяснение, столь же безрадостное для «уфологов»: в США отыскан живой участник тех съемок! По ее словам, фильм был полностью фальсифицирован. Вскрытию подверглась кукла, причем ловкие махинаторы выполнили эту процедуру по всем врачебным канонам. Значит, кто бы ни лежал под ножом медика, он явно «упал не с Луны», а был обыкновенным манекеном.

Но поклонники ненаучной фантастики не унимаются. В 1989 году некий Роберт Лэзар, выступая на одном из частных телеканалов, вдохновенно вещал о том, что ему якобы довелось работать в секторе S-4 «Зоны-51», где он видел НЛО. «Летающая тарелка», — разглагольствовал он, — сделана словно из воска. Ее разогревают, а потом охлаждают. Поэтому линии получаются мягкими и округлыми; нет никаких острых граней или внезапных переходов. Возникает ощущение, что вся тарелка целиком отлита из единого целого». В достоверности его слов быстро усомнились, особенно когда выяснилось, что этот Лэзар подделал несколько своих институтских аттестатов и кроме того влип в какую-то темную историю.

«У нас на базах нет никаких НЛО, — клянется Мери Фелто, пресс-секретарь американских ВВС. — Все происходящее там засекречено совсем по другим причинам!». Теперь-то мы знаем, что у загадочных обитателей «Зоны-51» не было шестипалых рук и «громadных глаз, черных как смоль». Были лишь два коротких крыла. Но даже с птицами их можно сравнить лишь метафорически, ибо это были железные птицы: боевые самолеты...

Снова перенесемся в те январские дни 1955 года, когда над пустынями Аризоны и Невады кружил небольшой одномоторный самолет. Сидевшие в его кабине Дорси Каммерир и Тони Ле Вир являлись весьма важными персонами: первый был представителем фирмы «Локхид», а второй — летчиком-испытателем сверхзвукового истребителя F-104, выпущенного той же фирмой. Теперь руководство фирмы в сотрудничестве с ЦРУ решило оборудовать секретный полигон для испытаний нового самолета-шпиона (холодная война была тогда в самом разгаре!). «Я точно знал, что было нужно, — вспоминал позднее Ле Вир. — Какое-нибудь нормальное пересохшее озеро!» Этим «нормальным» озером и оказалось местечко Грум-Лейк. Уже в августе 1955 года отсюда взмыли в небо первые самолеты-шпионы U-2. Позднее за ними последовал их преемник — А-12, а также самолеты-невидимки, неуловимые для вражеских радаров: бомбардировщик SR-71 (известный как «Blackbird») и F-117A. Сегодня, как полагают военные эксперты, в «Зоне-51» испытывают самолет, скорость

которого в пять раз превышает скорость звука. Возможно, здесь испытывают также беспилотные летательные аппараты и вертолеты-«невидимки». Однако никто этого в точности не знает, ведь речь идет о секретных военных объектах.

Никто не знает также, сколько средств приходится вкладывать в пресловутую «Зону-51». Поэтому остается лишь верить слухам: всего лишь час полета некоторых бомбардировщиков обходится в сто тысяч долларов. Ежегодно «Зона-51» — эта черная дыра, разверзшаяся посреди американского штата Невада, — поглощает до полутора миллиардов долларов. С уверенностью мы можем сказать лишь одно: в будущем поток денежных средств, вливаемых сюда, непременно возрастет.

Споры вокруг «Зоны-51», пожалуй, никогда не утихнут, а сплетни не улягутся. Впрочем, не все эти слухи и домыслы, витающие вокруг «Зоны-51», порождены лишь игрой праздного ума. Так, британский еженедельник «Обсервер» сообщил, что в 1990-е годы шесть сотрудников зоны погибли из-за неосторожного обращения с новыми и высокотоксичными красителями и топливами (согласно другим источникам, погиб лишь один из сотрудников, остальные пятеро заболели раком печени). Пострадавшим не сообщили, какие именно вещества стали причиной их смертельных недугов. Известны также факты, доказывающие, что еще в 1980-е годы здесь незаконно сжигали токсичные вещества. Но в любом случае ни тогда ни теперь в «Зоне-51» не ступала нога инопланетян. Здесь хватает своих секретов. Военных...

КТО-ТО В ПОЛЕ СТАЛ ХОДИТЬ...

После десятилетий забвения феномен «ведьминых кругов» вновь на какое-то время привлек к себе внимание общественности. В конце 1990-х годов появилось несколько документальных фильмов, снятых на полях Англии. В стороне же от взгляда журналистов идет исследовательская работа, которая не прекращалась с конца 1980-х годов. Она ведется исключительно любительскими организациями, и, хотя ее результаты не способны опровергнуть устойчивое убеждение в том, что все «круги» — дело рук ловких фальсификаторов, все же выяснилось, что некоторые из них, возможно, являются результатом воздействия некой микроволновой энергии, природа которой остается пока необъясненной.

...В 2001 году сезон возникновения «кругов» чуть-чуть запоздал, в Англии они начали появляться на месяц позже обычного. Скептики были убеждены, что «запаздывание» «кругов» объясняется очень просто: из-за эпидемии афты, которая обрушилась на страну, большинство фальсификаторов, обычно занимающихся изготовлением этих «кругов», сидят дома. Незадолго до этого уже состоялся судебный процесс против одного из создателей «кругов», но, несмотря на риск, его коллеги продолжили свое дело, и изображения, которые появились в том году, отличались необыкновенной красотой и сложностью. Когда фермеры в конце весны вышли на свои поля, по всему Объединенному королевству они насчитали 88 фигур (в сравнении со 134 за весь предыдущий год).

Следуя схеме, повторяющейся каждый год, самые эффектные образования появились в конце сезона. Пик пришелся на ночь с 11 на 12 августа 2001-го, когда на вершине Молочного холма в Уилтшире возникла фигура в виде спирали диаметром в 24 метра, состоящей из 409 «кругов». Интересно, что она появилась всего за одну ночь, в которую шел проливной ливень, что, без сомнения, не было бы благоприятным фактором для любого фальсификатора. Кроме того, площадь, на которой возникла фигура, обладает весьма изрезанным рельефом, и фальсификаторы-люди могли бы выбрать более ровный участок, заботясь они о легкости исполнения. Энтузиасты-исследователи были единодушны: фигура не сфальсифицирована. Не было замечено ни отпечатков человеческих ног, ни ямок от вешек, которыми могли отмечаться важные точки на схеме. Но самое важное, что растения в зоне фигуры претерпели изменения, которые

могло оставить только воздействие микроволн...

В первые годы изучения «ведьминых кругов» исследователи столкнулись с проблемой отсутствия критериев, позволявших отличить «круги», созданные людьми, от «кругов», имеющих иную природу. Первое сколько-нибудь серьезное изучение этого феномена провел в 1989 году Уильям С. Левенгуд из биофизической лаборатории «Пинландия» в Грасс-Лейк (Мичиган, США), получивший образцы растений из двух зон «кругов» в Англии. Левенгуд обнаружил, что в растениях произошли изменения по сравнению с контрольными образцами растений, взятых из зоны снаружи «кругов». Это открытие стало основой работы, которая длится уже 13 лет.

Несмотря на то что некоторые группы самых активных британских фальсификаторов, так называемые «The Circlemakers Makers», утверждают, что абсолютно все образования в Объединенном королевстве — дело их рук, имеются доказательства, что дело не всегда обстоит так. В июле 1992 года было проведено даже своеобразное соревнование, в котором участвовали все лучшие создатели «кругов». Им требовалось изготовить полную фигуру за одну ночь при соблюдении строгих ограничений. Результаты получились весьма впечатляющими, хотя далеко не всегда участникам удавалось соблюсти точность исполнения «кругов». В итоге соревнование показало, что люди способны создавать удивительные фигуры. А в августе 2000 года Колин Эндрюс, весьма авторитетный эксперт в данной области, заявил, что приблизительно 80 процентов из 300 «кругов», которые появились в Англии в 1999–2000 годах, созданы людьми. Оставшиеся 20 процентов — все довольно простые образования — по его мнению, имели иное происхождение.

Эндрюс проводил свое исследование при помощи частного детектива и тщательно изучал физические свидетельства. Он открыл, что фальшивые «круги» довольно легко вычисляются по следам, оставленным создателями, — таким, как ямы от вешек, необходимых для осуществления правильного рисунка. Неоспоримым признаком поддельности фигуры служат также борозды, которые оставляет дорожный каток. Без этих борозд каток просто не может пройти по полю.

Другой — естественной — причиной появления «ведьминых кругов» могут являться огненные шары (шаровые молнии?), представляющие собой странные светящиеся явления в небе. В своей книге «Тайная история ведьминых кругов» Терри Уилсон упоминает случай Уильяма Лузли, который 4 октября 1871 года видел два объекта в форме ярко светящихся дисков или шаров. На следующий день местные жители обнаружили на

поле «круг» с примятой травой. А в 1991 году, когда появилась знаменитая треугольная фигура на поле в Бербери, некоторые свидетели тоже утверждали, что видели странные огни в небе, а другие слышали сильный шум и пульсирующее жужжание.

В 1991 году британский исследователь Стив Александер заснял на видео слабый огненный круг, висевший над полем. Огоньки в этом круге пульсировали, но сам он оставался неподвижным. С тех пор многие зафиксировали на видеопленке подобные же огни. Чаще всего это огненные шары размером с баскетбольный мяч.

На пленке, отснятой Дональдом Флетчером 7 августа 1999 года, можно видеть светящуюся сферу, которая прилетела к месту над «ведьминым кругом». Оказавшись в границах «круга», она резко изменила направление. Учитывая гипотезу доктора Левенгуда о том, что «ведьмины круги» образуются вихрями плазмы, которая излучает микроволны, многие исследователи считают, что огненные сферы имеют прямое отношение к созданию подобных «кругов».

Ряд исследований был проведен группой под руководством голландского физика Эльто Хазельхоффа. Если не считать Левенгуда, он является единственным, кто сумел опубликовать научную работу по данному феномену в журнале «Физиология растений». Хазельхофф пытался построить математическую модель, которая объяснила бы увеличение в размерах узелков на стеблях, находившихся в центре одной фигуры, и уменьшение узелков вплоть до полного исчезновения у растений, находившихся вне этой фигуры. По его модели, речь идет о каком-то особом распределении электромагнитного излучения, имевшего конкретный источник. Модель подобного распределения можно создать, если положить электрическую лампочку на землю. Прямо под лампочкой свет будет интенсивным, но прямо пропорционально расстоянию от нее его интенсивность будет уменьшаться, пока он не исчезнет вовсе.

Когда Хазельхофф применил эту модель с переменными размерами к узелкам на стеблях растений, используя микроволны, излучаемые сферическим источником света, находившимся в покое, то получил результаты, прекрасно совпадающие с теми, которые можно обнаружить в «ведьминых кругах». Учитывая, что его работа была принята и одобрена в серьезном научном журнале, можно считать доказанным, что некоторые «ведьмины круги» образовались в результате воздействия огненных шаров. Может быть, речь идет о шаровых молниях?

В 2000 году в Англии был снят документальный фильм, вызвавший к жизни несколько интересных гипотез. Некоторые основывались на строго

научной базе, а другие представляли собой скорее метафизические теории. В числе называвшихся причин можно было встретить природные физические силы, инопланетян, существ из других измерений и даже божественные проявления. Однако никто пока не приблизился к окончательной разгадке этой тайны. Но мы можем сказать с уверенностью: что бы ни было таинственным источником этого явления, оно оказывает определенное воздействие на человечество, раздвигая пределы нашего познания, расширяя рациональное видение мира. Что бы ни являлось причиной появления «ведьминых кругов», они напоминают нам о подлинных чудесах природы, присутствующих в нашей жизни.

НЕОЖИДАННАЯ РАЗГАДКА ТАЙНЫ «АЛЕШЕНЬКИ»

(Материал А. Подъяпольского)

Слухи о находке в городе Кыштыме в 1996 году мумии странного существа широко обсуждались в газетах и на телевидении. Его даже успели окрестить «инопланетянином». Некоторые энтузиасты провели собственные расследования, собрав множество фактов по данному делу: свидетельства очевидцев, данные патологоанатомического осмотра и его видеосъемку, осмотр возможных мест находки и т.д. и т.п. Но почему-то никто не взялся свести все данные в единую логическую цепочку. Мы попробуем это сделать...

Летом 1996 года Просвирина Тамара Васильевна, 74-х лет, проживающая в поселке Калиново Кыштымского района Челябинской области, состоящая на учете у психиатра, подобрала в лесу, как она рассказывает, странное существо, прожившее у нее в квартире около месяца. Потом у Просвириной наступило обострение болезни, ее забрали в больницу, а оставшееся в ее квартире существо, которое она считала своим «сыночком» и называла «Алешенькой», умерло, скорее всего — от голода. Затем мумифицированный трупик попал к экспертам ОВД, был исследован без вскрытия, осмотр был снят на видеопленку. Потом тело «Алешеньки» исчезло неизвестно куда.

Таинственный «сыночек» Просвириной стал сенсацией лишь благодаря работникам милиции майору Владимиру Бендлину и капитану Евгению Мокичеву, еще в 1996 году собравшим основную массу свидетельств о странном существе. Именно на эти данные и опирались все журналисты, писавшие об этой истории.

Сначала — общее описание существа, составленное по сведениям различных свидетелей. Рост по одним данным — около 25 см, по другим — 22,2 см. Голова шлемообразная, череп состоял из четырех костей-лепестков, сходящихся на конус и образывавших на темени подобие небольшого гребня. На долю головы приходилась четвертая часть общего роста (у человека — одна седьмая). Не было четкого деления между височными и теменными костями, мозговой отдел преобладал над лицевым. Нижней челюсти не было, вместо нее какая-то кожа. На

верхней челюсти впереди два зуба, как у зайца. Рот мог выпячиваться трубочкой, язык алый, «лопаточкой». По рассказам Просвириной, пищу — конфету «карамель» и творожный сырок — он сначала сосал, потом глотал, а поила она его с ложечки. Глаза миндалевидные, век не было видно. Взор осмысленный, реагируя на свет и движущиеся предметы, взвизгивал. Зрачки то расширялись, то сужались, в глазах был гной, как при конъюнктивите, из-за чего взгляд был как у очень больного человека. Повидимому, он сильно страдал. Ушные раковины отсутствовали. Тело студенистое, телосложение средней упитанности. Цвет кожи головы был коричневый, тела — серый, без прожилок. Кисти рук были устроены как стопа, следовательно, мог передвигаться как в вертикальном положении, так и на четвереньках. Количество пальцев на руках и ногах установить не удалось. Самое поразительное, что у существа полностью отсутствовали как половые органы, так и физиологические выделения. На теле периодически выступало какое-то вещество, похожее на пот, без запаха, которое Просвирина вытирала.

Теперь о времени и месте находки. По словам Просвириной, она нашла «Алешеньку» в куче песка в ночь, когда была сильная гроза. Принеся свою находку домой, психически больная старая женщина стала считать «Алешеньку» своим сыном и держала спеленатым. Отметим, что Просвирина не гуляла ночью во время грозы — больная старая женщина просто запомнила, что в ночь перед находкой была сильная гроза. Нашла она «Алешеньку», без сомнения, когда уже было светло. Эту кучу песка на лесной поляне позже видел корреспондент Евгений Бутенко. Песок был, по его словам, слежавшийся. К тому времени прошло уже шесть лет, естественно, что за это время песок мог стать слежавшимся. А в 1996 году каким был этот песок? Он вполне мог быть недавно привезенным! У нас ведь часто так делают — где-то идут земляные работы, лишнюю породу надо куда-то девать, и водителям самосвалов дают приказ: «везите куда-нибудь с глаз долой» — вот и привезли на поляну. Но главное: песок высыпали, когда уже стемнело, и либо приближалась, либо уже начиналась гроза!

Теперь первые выводы.

Данный «инопланетянин» около месяца дышал земным воздухом и ел земную пищу, пил воду и, возможно, молоко без видимого для себя вреда. Отсюда следует, что там, откуда он прибыл, условия жизни все-таки очень близки к земным!

Серая кожа на теле без «прожилок», т.е. без видимых кровеносных сосудов, говорит о том, что сосуды располагались в тканях на удалении от

кожного покрова (у человека сосуды находятся прямо под кожей). Глубокое расположение кровеносных сосудов вместе со студенистым телом средней упитанности, т.е. с наличием подкожного жира, свидетельствует о более прохладном климате там, откуда прибыл этот «инопланетянин».

Глаза без век постоянно гноились, зрачки то расширились, то сужались, реагируя на свет и движущиеся предметы. Очень возможно, что «инопланетянин» уже с самого начала пребывания у Просвириной начал слепнуть, ибо привык жить в сумраке, а то и в темноте. Существо явно не привыкло к дневному свету, а Просвирина держала своего «сыночка» спеленатым и наверняка все время на солнышке, отсюда и коричневый цвет кожи на голове — это был загар... Предварительный вывод: данное существо могло дышать земным воздухом, принимать земную пищу, но было адаптировано к более низкой температуре окружающей среды и к более слабой освещенности.

Продолжим. «Алешенька» мог передвигаться как в вертикальном положении, так и на четвереньках — следовательно, он мог преодолевать как вертикальные препятствия, так и... низкие проходы, причем такие проходы могли преобладать. Два зуба, наподобие заячьих, должны были выполнять те же функции — что-то отгрызать или подгрызать. Отсутствие ушных раковин, физиологические выделения через кожу в виде пота и, главное, полное отсутствие половых органов приводят к неожиданному выводу: глаза без век, привыкшие к низкой освещенности, умение передвигаться на четвереньках, т.е. почти в горизонтальном положении, способность подгрызать, отсутствие ушей, половых признаков и выделений больше всего роднят «Алешеньку» с насекомыми, в частности с муравьями и термитами!

Можно предположить, что «Алешенька» был произведен на свет какой-то «маткой» (она же иногда именуется «царицей») в виде яйца-личинки, из которого и вылупился уже практически сформировавшимся. Именно так появляются на свет муравьи и термиты, не имеющие никаких половых признаков! Но данное «насекомое» явно было достаточно разумным.

А вот откуда оно взялось в поселке Калиново Кыштымского района Челябинской области? Может быть, из-под земли? Причиной его появления могла стать куча песка, высыпанная неизвестным самосвалом прямо на... выход из норы, откуда «Алешенька» вылез в ночной лес, чтобы погулять, поискать пищу либо принять дождевой душ во время грозы!

Судя по видеозаписи, патологоанатомический осмотр трупа «Алешеньки» проводился 3 августа 1996 года. Около месяца он жил у

Просвириной, еще примерно 3 недели его тело находилось в квартире и других местах. Получается, что Просвирина нашла его где-то в середине июня, когда ночи короткие. Рыхлый песок засыпал нору-вход, «Алешенька» наверняка пытался его раскопать, но песок осыпался. Взошло солнце, он стал хуже видеть, тут-то его и увидела Просвирина, и убежать от нее не смог полуослепший... гном!

Очень и очень многим такое предположение покажется фантастикой, но только при этом варианте в истории с кыштымским «инопланетянином» в логическую цепочку связывается почти все: способность дышать земным воздухом и принимать земную пищу, глаза без век, гноящиеся от света, глубоко расположенные кровеносные сосуды, сохраняющие тепло тела, отсутствие ушных раковин (они бы мешали в узких проходах), умение передвигаться на четвереньках (по низким проходам), коническая голова, которой при необходимости можно прокладывать ход в мягких осадочных породах, два зуба для отгрызания корней растений для питания.

Науке гномы неизвестны, они обитают только в сказках различных народов. А что о них там говорится?

Гномы делились на светлых и темных. Светлыми были эльфы — духи воздуха, красивые маленькие человечки в шапочках из цветов. Они могли обитать в кронах деревьев.

Темные гномы были подземными кузнецами, хранящими в горах сокровища. Очень часто их изображали в высоких конических шляпах или мягких колпаках. Высокая шляпа будет мешать ходить в пещерах, но только в том случае, если голова у гнома круглая, наподобие человеческой. А если коническая, как у «Алешеньки»? В этом случае конический головной убор как раз к месту: он защищает голову от повреждений при случайных ударах о камни. Оказывается, верно сказано, что в сказках всегда есть доля истины!

Кыштымский район Челябинской области — это Урал, одна из древнейших горных систем Земли И именно в горах — в Альпах и Скандинавии — распространены легенды о гномах. Так почему же им не жить и на Урале?

В западных сказках среди гномов нет «гномих» — все гномы только мужского пола. У них есть свои короли, но чаще королевы, т.е. у гномов-мужчин командует женщина, и, судя по кыштымской находке, она может являться их общей матерью, маткой. Тут и у нас есть нечто общее с Западом — подземной жизнью на Урале руководит «Хозяйка Медной Горы», то есть женщина!

Одно наблюдение из сказок о подземных жителях: в контакт с людьми

они вступают сами, причем чаще предпочитают детей. Со взрослыми людьми они вступали в контакт только когда человек находился в какой-то экстремальной ситуации и ему требовалась помощь, иногда материальная, иногда моральная. Очень часто такими людьми оказывались поэты, певцы, музыканты, художники, то есть люди творческие. В русском варианте таким человеком был резчик по камню Данила-мастер.

В сказках подземные жители безошибочно выходят на контакт только с теми, кто не причинит им зла, а это значит, что подземная раса может читать мысли, значит, обладает телепатическими свойствами. Косвенным подтверждением этого может служить преобладание мозгового отдела над лицевым, отмеченное при исследовании тела «Алешеньки».

Можно предположить, что в лесу «Алешенька» телепатически уловил, что Просвирина не причинит ему зла, и сам дался ей в руки с надеждой, что она поможет. Зла ему «полоумная» бабка действительно не хотела причинять, но все произошло по поговорке — «хотела как лучше, а получилось как всегда». Гном попал в ласковый плен и сделать ничего не мог, но, возможно, что он сумел все-таки телепатически связаться со своими соплеменниками. Косвенным подтверждением этого является случай с соседкой Просвириной. Эта женщина незадолго до того, как Просвирина забрали в психиатрическую больницу, обнаружила у себя в квартире некоего мужичка ростом не выше полутора метра, очень неприятного вида. Судя по всему, хозяйка была в шоке. Потом в дверь позвонила ее соседка и с порога спросила: «Никак мужчину прячешь?». Затем вошла без приглашения и осмотрела квартиру, но никого уже не было.

Примерный ход этого происшествия мог быть следующий: пленнику удалось установить телепатический контакт со своими — произошло это скорее всего ночью, когда кто-то из гномов вышел на поверхность. «Алешенька» описал свое местонахождение и ситуацию, в которой оказался. Через некоторое время в четырехэтажку, где Просвирина жила на втором этаже, проникает «разведчик», но попадает в другую квартиру. Происходило это вечером, когда освещение в комнате было ослабленным.

«Разведчик» осматривается, как вдруг чувствует по сотрясению пола (ушей ведь нет!), что кто-то подходит к двери и начинает ее открывать. Чтобы не оказаться в положении «Алешеньки», гном мгновенно внушает появившейся на пороге хозяйке, что она видит неприятного мужичка. «Разведчик» явно понимает, что подобного субъекта хозяйка побоится, но долго держать «огромную» женщину под гипнозом маленький гном, наверное, физически не мог. Но он чувствовал, что недалеко находится

другая, причем любопытная женщина, и заставил ее позвонить в дверь и спросить про «мужика». Хозяйка отвлеклась на звонок, гном скрылся, но освободить пленника гномы так и не смогли. Квартира Просвириной была закрыта наглухо, включая и форточки. Пленник бабки, оставшись спеленатым, умер от голода...

Согласно сказкам, гномы мстят тем, кто причинил им зло. Принцип мести прост — око за око. А если кто-то виновен в смерти одного из гномов, то...

Поздно вечером 5 августа 1999 года Просвирина, давно смирившаяся со смертью своего «сыночка», вдруг вышла из дома раздетая и в одних носках. По словам очевидцев, было впечатление, что ее кто-то позвал. Затем Просвирина вышла на дорогу прямо... перед мчавшейся автомашиной! Поздний вечер, уже темнело... Наверное, их было несколько — тех, кто совместным и, значит, сильнейшим внушением заставил виновницу смерти их соплеменника шагнуть под колеса машины... Око за око, смерть за смерть — очень даже похоже на месть гномов из сказок, в которых всегда есть доля истины!

Написав эти строки, автор вдруг удивился странному совпадению: смерть Просвириной под колесами машины произошла через 3 года и 2 дня после патологоанатомического осмотра тела ее пленника! Так появилось предположение, что любая разумная раса обязательно должна вести счет времени, т.е. иметь календарь. А каким календарем должны пользоваться разумные существа, живущие в подземельях тысячи лет?

И оказалось, что достаточно вспомнить собственную статью «Все врут календари?», напечатанную в журнале «Техника — молодежи» № 1 за 1999 год, потом взять калькулятор и подсчитать, что подземные жители отомстили за смерть своего соплеменника в четвертую годовщину его пленения!

Подземный народ пользуется календарем, где год имеет продолжительность в 288 дней. На основании этого получается, что «Алешенька» вышел на поверхность в ночь с 9 на 10 июня, утром 10-го он и попался Просвириной. Эта дата близка к ранее упоминавшейся «середине июня» и ей не противоречит.

В подкрепление всего сказанного можно привести одно сообщение, промелькнувшее в СМИ пару лет назад. В Ирландии во время земляных работ было обнаружено подземное жилище людей, чей рост не превышал 60 см. Сооружение было построено достаточно капитально, стены выложены камнем. Но, как сумели установить исследователи, подземный дом был покинут очень давно. А ведь Ирландия тоже славится сказками и

легендами про эльфов и гномов!

В последние годы в различных изданиях стали все чаще мелькать сообщения, подтверждающие правдивость различных древних, ранее считающихся сказочно-мифическими преданий и легенд. Самым ярким примером этого является Генрих Шлиман, который еще в позапрошлом веке внимательно вчитался в древнегреческий эпос. А ведь народные сказки — это тоже эпос, и не исключено, что легенды про живущих под землей гномов несут в своей основе правдивую информацию. Но человечество уже не обращает внимания ни на какие «сказки», всех интересует «НЛО», которые изучают таким же методом, как и «инопланетянина» из Кыштыма, — факты излагают как придется, даже не пытаясь осмыслить их. Неужели люди разучились рассуждать логически?..

Похоже, жила и продолжает жить (судя по кыштымской находке) под землей разумная раса маленьких человекоподобных существ. Судя по сказкам и легендам, в прошлые времена они иногда вступали с людьми в контакты, но вот уже несколько столетий о них нет информации даже среди сообщений об «аномальных» явлениях. Подземные жители явно стали избегать любых контактов с людьми по простой и, к сожалению, печальной причине: душевное состояние людей изменилось отнюдь не в лучшую сторону. Может быть, и «представители внеземных цивилизаций» по этой же причине могут не вступать с землянами в контакт. Что скажете по этому поводу, господа «уфологи»?

КТО И ЗАЧЕМ УБИЛ ДЖАННИ ВЕРСАЧЕ?

(Материал М. Аркадьевой)

— ФБР заявляет: дело закрыто. А я с этим не согласен. И не устану повторять: Джанни Версаче убила мафия!

Это говорит следователь Фрэнк Монт. Он настаивает на своей версии, согласно которой всемирно знаменитый дизайнер заплатил в 1997 году собственной жизнью за то, что бросил вызов главарям организованной преступности. Ну а те, кто задумал и осуществил злодейство, обставили все так, чтобы подозрение пало на «серийного убийцу» — гомосексуалиста Эндрю Кунэнэна. Его уже подозревали в том, что он отправил на тот свет четырех человек. Подделав же доказательства «вины» этого парня, инсценировали затем его самоубийство — мертвого допросить нельзя...

Напомним читателю обстоятельства этого дела.

В тот день Версаче, как всегда, вышел из дому в восемь утра и направился к модному бару-кафе, что находится метрах в двухстах. Около девяти он снова появился на улице, держа под мышкой несколько журналов. На перекрестке его поджидал молодой человек лет двадцати пяти в солнцезащитных очках, темных брюках, белой футболке и с сумкой-рюкзачком через плечо. Когда модельер подошел к ограде своего дома, поднялся на три ступеньки и вынул ключи, малый в футболке приблизился к нему уже почти вплотную. Раздался первый выстрел — в голову. Версаче упал, обливаясь кровью. Сделав шаг назад, киллер вновь поднес пистолет к голове жертвы, но теперь с правой стороны, и опять нажал на курок...

Несколько человек, привлеченных пальбой, подбежали к месту происшествия. Один из них нагнулся, торопливо вырвал страницу из журнала, выпавшего из рук Версаче, и обмакнул в стекавшую по ступенькам кровь. Остолбеневшим свидетелям объяснил: «Сувенир...»

А киллер скрылся. «Эндрю Кунэнэн, это он убил», — повторяют сейчас все. На полицейской карточке лицо предполагаемого убийцы перечеркнуто красной полосой с надписью: «Найден мертвым».

— Парень унес в могилу ответы на многие вопросы, — считает Фрэнк Монт.

Фрэнк — глава частного сыскного агентства, пользующегося большой

известностью. Он утверждает, что весной 1997 года к нему обратился Джанни Версаче, который хотел провести серию очень важных для него расследований. Кутюрье, по словам детектива, подозревал, что мафия проникла в его бизнес и активно отмывает «грязные» деньги. «Я вызвался, — говорит Фрэнк, — прояснить ситуацию». И действительно, ему удалось собрать некоторые сведения, позволяющие говорить о мафиозном следе.

По словам Монта, Версаче явно боялся, что его похитят. Знаменитый модельер понимал, что ступает на минное поле, но был полон решимости положить конец криминализации своего бизнеса. Он собирался в конце лета устроить пресс-конференцию и раскрыть имена мошенников и преступников.

— Версаче узнал не только об отмывании за его спиной «грязных» денег, но и о том, что преступные структуры организовали массовое производство продукции с его маркой и зарабатывают на этом колоссальные деньги, — говорит Фрэнк. — Он был очень смелым человеком и вместе с тем очень наивным. Хотел вставить палки в колеса машины, дававшей огромные прибыли. Неужели и впрямь всерьез верил, что преступники сдадут позиции без сопротивления? Мафия убила его. Это ее почерк — два выстрела сзади в голову. Типичная мафиозная расправа. И еще: возле тела Кунэнэна был найден мертвый голубь. Классическое предупреждение: кто «поет», заплатит. Что и кому собирался «пропеть» убитый? ФБР говорит: птица погибла случайно, ее задел осколок пули. Какой осколок? И потом — голубь в помещении! Ну не чепуха ли?

А вот доводы полицейских, обвиняющих Кунэнэна:

Версаче убит из пистолета 40-го калибра. Такое же оружие похищено у первой жертвы предполагаемого убийцы.

Недалеко от дома модельера найден припаркованный красный «шевроле»-пикап. Точно такой же был похищен у предпоследней жертвы.

В машине лежал паспорт на вымышленное имя, а на земле, между колесами, — брошенная одежда, которая была на убийце, когда он подошел к своей жертве.

Отпечатки пальцев, взятые у мертвого Кунэнэна, совпадают с теми, что были обнаружены на капоте красной машины. Такие же отпечатки найдены на закладной из антикварного магазина, который убийца навесил за пять дней до трагедии, подписавшись собственным именем.

— Все это слишком красиво, чтобы быть правдой, — таков комментарий Монта. — Следователи встали на весьма удобный для них путь: обвинив Кунэнэна, они сразу же навешивают на него пять нераскрытых преступлений... Полиция сразу же схватилась за возможность

показать, что очередной «серийный убийца» попался.

— Пospешив сообщить об этом, — продолжает Монт, — полиция не обратила (или не захотела обратить) внимание на детали, которые опровергают их версию. Сторож, находившийся в момент совершения преступления недалеко от входа на виллу, слышал, как убийца говорил с Версаче по-итальянски. Кунэнэн итальянского не знал. Из моих источников, близких к полиции, удалось выяснить, что в дизайнера стреляли из пистолета 22-го калибра, а не 40-го. Красный «шевроле»-пикап стоял там, где его нашли, уже два месяца, и нет доказательств, что его пригнал Кунэнэн. Тем более что сначала полиция заявила: никаких отпечатков пальцев нет, а потом они вдруг появились на капоте машины! Найденный паспорт выдан на вымышленное имя, но где доказательства того, что им пользовался Кунэнэн? При первом осмотре места трагедии «не заметили» одежды, валявшейся под машиной, — ее увидели позже. Но можно ли утверждать, что она принадлежала именно тому, кто убил Джанни Версаче? Я считаю: Эндрю не имеет никакого отношения к преступлению. Тот, кто убил кутюрье, расправился затем и с несчастным парнем. Мои осведомители из полицейских кругов сообщили: когда его тело обнаружили в плавучем домике, принадлежавшем известному педерасту, содержавшему в Майами сауну для геев, все удивились: оно было заморожено! Да, вокруг была лужа крови, но это была не его кровь. А отпечатки пальцев на квитанции из антикварного магазина были «оставлены» уже мертвым человеком — так утверждает экспертиза.

Вообще, история с квитанцией кажется мне просто фантастической. Неужели столь хитрый «серийный убийца», ловко ускользавший от полиции, способен пойти на такую глупость — сдать им же украденную монету да еще подписаться на квитанции собственным именем, которое (он не мог этого не знать) фигурировало в списке десяти самых разыскиваемых в Америке преступников?

Слухов и сомнительных историй вокруг смерти модельера немало. Среди них, например, предположение о тесной и далеко не платонической дружбе предполагаемого убийцы с Версаче, который не скрывал своих гомосексуальных наклонностей, покровительствовал геем и выделял немалые суммы в помощь заразившимся СПИДом. Он считал это своим личным делом. Но тут некая горничная из Майами поведала, будто видела, как однажды кутюрье, беседуя с Эндрю, в ярости крикнул: «Денег тебе больше не дам! Ты получил уже достаточно! И вообще я не хочу иметь с тобой ничего общего!»

Кстати, после того как было найдено бездыханное тело

предполагаемого убийцы, полиция сообщила: Кунэнэн был ВИЧ-инфицирован, а потому в припадке бешенства решил мстить своим любовникам, которые могли быть повинны в его смертельной болезни. Между тем анализы показали, что Кунэнэн отнюдь не был болен СПИДом, и версия о мести развалилась. Похоже, нет ни одного прямого доказательства, что упомянутые преступления совершил именно он. Теперь говорят, что Кунэнэн был связан с международной мафией, которая и наняла его для расправы над Версаче. Что, дескать, был он правой рукой главы организации «Гамма Мю» — таинственной «ложи геев», созданной по типу масонской, и выполнял некое мистическое задание...

Как бы то ни было, но точка в расследовании преступления пока не поставлена.

ГИБЕЛЬ ДИАНЫ БЫЛА ПРЕДСКАЗАНА?

(Материал А. Сидоренко)

31 августа 1997 года трагически погибла принцесса Диана. Миф о ее жизни, созданный средствами массовой информации, чем-то напоминал сказку про Золушку: очаровательная девушка из обедневшей аристократической семьи стала первой англичанкой, которой удалось за последние 300 лет выйти замуж за наследника престола. Природное обаяние, милая, трогательная улыбка, изящество и простота в общении сразу сделали Диану любимицей британцев, одной из самых знаменитых женщин мира.

Она работала воспитательницей в детском саду. Ее биография была безупречна и полностью устраивала королевский дом. Еще в 12 лет Диана Спенсер повесила в своей спальне фотографию принца Чарльза и сказала своей однокласснице: «Я бы хотела быть балериной или принцессой Уэльской». Детская мечта исполнилась, но принесла ли она Диане счастье?

Роскошная свадебная церемония состоялась в 1981 году в Вестминстерском аббатстве. Британцы с умилением смотрели на очаровательную невесту в великолепном белом платье, которая казалась образцом невинности и добродетели. К сожалению, история современной Золушки не стала сказкой со счастливым концом. Диана сразу столкнулась со строгими правилами этикета, чопорными родственниками мужа, которых раздражал ее открытый характер. Принц Чарльз, увы, не разделял интересов своей жены, возможно, из-за разницы в возрасте (он был старше на 12 лет), а скорее из-за строгого воспитания. Даже рождение наследника — Уильяма, а вскоре и второго сына, Гарри, не спасло Диану от разрыва с мужем. От вездесущей прессы не укрылось то обстоятельство, что Чарльз возобновил отношения со своей давней пассией — Камиллой Паркер-Боулз. Впоследствии он заявил, что она является «любовью всей его жизни».

Охлаждение в отношениях между супругами росло с каждым днем, нервное расстройство у Дианы привело к обострению булимии — болезненной страсти к еде. Дошло до того, что она даже пыталась покончить жизнь самоубийством, но со временем ей все же удалось взять

себя в руки. Диана стала посещать различные публичные мероприятия и спортивный клуб, начала заниматься благотворительной деятельностью.

Принцесса глубоко сопереживала больным и обездоленным людям, посещала больницы и приюты, она не боялась пожать руку больному СПИДом (это, впрочем, ничем ей и не грозило) и стала покровительницей фонда борьбы с этой страшной болезнью. Она активно участвовала в мероприятиях Красного Креста, возглавила Фонд борьбы с проказой, боролась за запрещение противопехотных мин.

Активная общественная деятельность супруги не приветствовалась Чарльзом, а ее растущая популярность раздражала принца и всю королевскую семью. В отчаянии, а может быть, и в пику своему мужу Диана тоже заводила романы на стороне, но ей не везло с избранниками: они просто использовали положение и имя принцессы в своих целях.

В 1993 году Букингемский дворец официально объявил о раздельном проживании принца и принцессы. В августе 1996 года состоялся бракоразводный процесс, и Диана лишилась титула «Ее королевское высочество», но получила 28 млн. долларов. Ей казалось, что теперь она сможет начать новую жизнь. Увы, это были лишь иллюзии.

«Настоящего папарацци можно найти даже под крышкой унитаза» — так горько пошутил один зарубежный актер, которого «достали» стервятники желтой прессы. Досаждали папарацци и Диане. Принцесса Уэльская с ее очаровательной улыбкой, изысканным вкусом в подборе одежды и всемирной популярностью практически сразу после свадьбы с Чарльзом стала излюбленной мишенью для журналистов. Если сначала представители прессы все же старались соблюдать определенные приличия, то во время разлада в ее семье за Дианой началась настоящая охота... Несчастную женщину преследовали буквально по пятам, пытаясь разузнать и запечатлеть самые интимные подробности ее жизни. Диана надеялась, что после развода с Чарльзом интерес к ее особе поутихнет и она сможет вести нормальную жизнь, не опасаясь увидеть в раздевалке пляжа или в примерочной магазина нацеленный на нее фотообъектив. К сожалению, она ошибалась: популярность принцессы была настолько велика, что папарацци гонялись за Дианой по всему свету. Однажды, разозлившись, Диана даже подбежала к мотоциклу одного папарацци, вытащила ключ зажигания и увезла его с собой. Парадоксально, но именно всенародная любовь губила эту женщину: публика хотела знать о своей любимице как можно больше, и журналисты стремились удовлетворить этот интерес.

Особенно активизировались папарацци, когда узнали о романе Дианы

и Доди аль-Фаеда. Сын египетского финансового магната Мохамеда Фаеда, обосновавшегося в Лондоне, Доди всерьез увлекся Дианой и после отдыха с принцессой и ее детьми на Лазурном берегу во Франции даже признался своему родственнику, что она согласилась выйти за него замуж.

30 августа 1997 года Диана и Доди приехали в Париж после 10-дневного пребывания на Французской Ривьере. Весь последний день своей жизни Диана и ее друг провели под прицелами фотоаппаратов и видеокамер папарацци, только в отеле «Риц», владельцем которого был отец Доди, им удалось наконец уединиться. Фотографы на всякий случай решили разделиться: одни отправились в 16-й район Парижа, где у Доди был собственный дом, другие остались караулить у отеля.

После полуночи охрана попыталась направить дежуривших у «Рица» папарацци по ложному следу. От отеля отъехали несколько одинаковых машин, в одной из которых находился шофер Доди, и двинулись в различных направлениях. Однако, когда из отеля выехал «мерседес» с Доди и Дианой, несколько папарацци все же увязались за ними на мотоциклах.

«Мерседес» пытался оторваться от непрошеного сопровождения и развил скорость около 160 км/час, но папарацци не отставали. В 0.25 «мерседес» влетел в тоннель моста Альмы, раздался ужасающий визг шин и звук удара... Машина врезалась в одну из опор тоннеля, отлетела, несколько раз перевернулась и замерла посередине дороги. Это уже был не «мерседес», а груда искореженного металла. Водитель и Доди погибли сразу, а Диана и ее телохранитель получили тяжелейшие ранения. Вместо того чтобы попытаться оказать помощь пострадавшим, один из папарацци стал лихорадочно фотографировать то, что осталось от автомобиля и его пассажиров.

Через 10 минут прибыла «скорая». Около часа спасатели вытаскивали Диану из покоренной машины. Только в 2 часа ночи принцессу доставили в госпиталь «Питье Сальпетриер», но все попытки спасти ее не увенчались успехом. В 4 часа утра было объявлено, что сердце Дианы остановилось. Британия встретила воскресное утро с приспущенными в знак траура флагами...

Леди Ди, по воспоминаниям ее друзей и родственников, весьма серьезно относилась к мистике. С помощью британской ясновидящей Риты Роджерс она устраивала спиритические сеансы для связи со своим покойным отцом. Именно Роджерс она посетила вместе с Доди за 19 дней до гибели. Что напороочила ей Роджерс, неизвестно...

В канун 5-й годовщины гибели принцессы Дианы в Англии вышла книга ее бывшего телохранителя Кена Уорфа. Он назвал ее «Тщательно

охраняемый секрет». Книга сразу стала бестселлером, хотя и вызвала ярость не только у королевской семьи, но и у большинства британцев. Кен Уорф был телохранителем Дианы почти 6 лет — с 1987 по 1993 год. По его словам, он не только охранял леди Ди, но и был ее доверенным лицом. Именно ему она раскрыла многие секреты своего несчастливого брака с принцем Чарльзом.

Книга Уорфа полна шокирующих откровений. Автор не только приводит нелюбезные высказывания Дианы в адрес супруга и членов королевской семьи и рассказывает о любовниках принцессы, но и подтверждает, что все ее телефонные разговоры прослушивались и фиксировались на пленку секретными службами.

Уорф характеризует Чарльза как очень холодного человека и считает, что именно его отношения с Камиллой Паркер-Боулз подтолкнули Диану к связям с другими мужчинами и в конце концов привели к разводу. Не пожалел бывший телохранитель и саму Диану: по его словам, временами она закатывала настоящие истерики, а иногда вела себя просто отвратительно. Некоторые считают публикацию этой книги самым настоящим предательством: сначала Диану предал ее муж, а теперь человек, которому она доверяла свои тайны. В свое оправдание Уорф говорит, что не намеревался никого огорчать — просто он хотел рассказать всю правду о Диане, поэтому его книга является важным историческим документом. Конечно, все и всегда можно объяснить самыми благими намерениями. Единственное, о чем не хочет говорить Кен Уорф, — это кругленькая сумма, которую он получил за свою книгу. Скорее всего, именно деньги и подвигли бывшего телохранителя взяться за перо. Но, увы, такова печальная участь всех знаменитостей: живые они или мертвые, на них делают деньги. Ведь публика так жаждет узнать «всю правду» о сотворенных ею кумирах...

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД «КУРСКА»

(Материал Е. Павлова)

Уникальная операция по подъему атомной подводной лодки «Курск» со дна Баренцева моря, в успешное завершение которой верили далеко не все, удалась. Решившись на подъем гигантской подводной лодки, командование флота и голландская фирма «Маммут» рисковали своей репутацией. До этого момента фирма «Маммут» занималась довольно сложными инженерными работами, но только на суше, в том числе и в России: именно она устанавливала громадную крышу над московским стадионом «Лужники». А ее морская практика ограничивалась буксировкой буровых нефтяных платформ. Но в штате компании работают отличные инженеры. В точность их расчетов поверили российские моряки и не просчитались: президент фирмы ван Сеймерен убедил их своим официальным девизом «Любая работа — в любом море!»

В штате компании не было своих специалистов по подводным работам. Поэтому Сеймерен искал опытных водолазов-глубоководников по всей Европе. Он нашел их у себя в стране и в Великобритании. Следующим шагом ван Сеймерена было создание совместного предприятия с норвежской фирмой «Смит интернэшнл», которая владела гигантской баржей «Джайнт-4» и оборудованием для подводных работ, в том числе и дистанционно управляемыми аппаратами «Иксplorер».

Кроме деловой репутации, фирма «Маммут» рисковала и всем своим капиталом. По условиям контракта каждый этап финансировался из средств компании. После того как российская сторона убеждалась в качественном выполнении работ, фирма «Маммут» получала деньги. За все время операции платежи ни разу не задерживались, все было вполне по-джентльменски. Претензий у голландцев нет, хотя из-за плохих погодных условий операция немного затянулась, а каждый день, проведенный голландскими судами и специалистами в Баренцевом море, стоил очень дорого. Поэтому они вели все работы настолько быстро, насколько это позволяла капризная погода Северного моря.

Во время штормов качка на судах экспедиции, в том числе и на барже «Джайнт-4», была такой, что водолазам и матросам не удавалось после вахты как следует ополоснуться под душем: струи воды все время били мимо. А во время затишья с попутным вертолетом на баржу «Джайнт-4»

специально для суровых мужчин завозили даже гигиеническую губную помаду — на студеном заполярном ветру у спасателей до крови трескались губы. Так что не стоит удивляться эмоциям, которые проявили руководители и рядовые участники экспедиции, после того как «Курск» благополучно оторвался от дна Баренцева моря.

Из-за погодных условий график работ на последнем этапе операции неоднократно менялся. По оценкам метеорологов, в октябре резко возрастает вероятность штормов — все об этом знали и поэтому спешили. Тем не менее в спешке не упустили ни одной детали. В ночь на 8 октября специалисты фирмы «Маммут» начали раскачивать корпус подводной лодки, чтобы максимально снизить его сцепление с илистым грунтом. Операция прошла успешно. Рано утром того же дня корпус «Курска» достаточно легко оторвался от дна и начал плавно подниматься к днищу баржи «Джайнт-4».

Первоначально операция проходила в строгом соответствии с технологическим планом, который предусматривал остановки через каждые десять метров. Эти паузы использовались для замера радиационного фона и контроля за целостностью конструкций. Тщательные проверки корпуса «Курска» проводились водолазами и аппаратами «Иксplorер» с закрепленными на них видеокамерами. Уровень радиации на всех этапах операции был нормальным.

Все шло по плану, но погода внесла свои коррективы — поступил сигнал от метеорологов: надвигается шторм. Не дожидаясь, когда подлодку окончательно закрепят под днищем баржи, вице-адмирал Моцак отдает приказ — начать буксировку «Курска». Это было очень рискованное решение — никто не знал, как поведет себя многотонная махина во время неизбежной болтанки. Под килем оставалось еще сорок два метра, когда повисший на гидрозахватах «Курск» вместе с баржей лег курсом на базу в Кольском заливе.

К полудню походный ордер кораблей и судов экспедиции особого назначения — и буксирующих, и сопровождающих «Курск» — сформировался. Им удалось пройти большую часть пути из ста десяти морских миль, которые отделяли караван от точки назначения — дока № 50, расположенного в районе поселка Росляково. Погода в этом районе была благоприятной, поэтому в штабе экспедиции не было сомнений, что отряд судов войдет в Кольский залив без проблем.

Примерно в 15 часов была осуществлена стыковка подводной лодки с баржей «Джайнт-4». Когда рубка «Курска» вошла в так называемое подводное седло, заранее сделанное в днище баржи, началась установка

защитной сетки на линии отреза первого отсека. Назначение этой сетки — предохранить подлодку от вымывания при транспортировке фрагментов из второго отсека, так как и они могли оказаться очень полезными при выяснении причин катастрофы «Курска». Отрезанный первый отсек так и остался лежать на дне...

С предельной осторожностью «Джайнт-4» вместе с «Курском» был поставлен на рейд губы Белокаменной, как раз напротив судоремонтного завода в поселке Росляково. Три самых опытных лоцмана вели в бухту гигантскую конструкцию: упаси Господь задеть за дно! Но все обошлось. После измерения радиационного фона снаружи корпуса в действие вступают следователи Главной военной прокуратуры (ГВП). Никто, кроме них, это подчеркивается особо, не имеет права открыть люк и спуститься в него. Это делается для того, чтобы командование Северного флота не посмело заподозрить кого-то или же что-то скрыть. Следователи все опишут, все задокументируют — от показаний застывших стрелок на многочисленных приборах до положения предметов, оставшихся в отсеках. Но все результаты изысканий бригады следователей ГВП окажутся пшиком, если им не будет предъявлен первый отсек. Но он, развороченный взрывом, остался на дне Баренцева моря. Его подъем намечен только на лето следующего года. Он весит несоизмеримо мало и поэтому специалистов «Маммута» решили не привлекать — обойтись своими силами.

Вот как описывается состояние первого отсека в служебном рапорте: «Район размещения торпедных аппаратов и стеллажей с торпедами полностью разрушен. По левому борту на грунте обнаружены казенные части двух торпедных аппаратов без крышки и с крышкой, вогнутой внутрь трубы торпедного аппарата. Полотно переборки между первым и вторым отсеком отсутствует. Во втором отсеке наблюдается хаотичное нагромождение обломков конструкций и фрагментов оборудования, трубопроводов и кабелей. При осмотре второго отсека обнаружены фрагменты, перемещенные взрывом из первого отсека, — цепи, фундамент стеллажа и фрагмент устройства зарядки торпед». Манипулируя этой цитатой из отчета, командование Северного флота пытается доказать, что первого отсека уже не существует, а значит его обломки не должны никого интересовать. Но на месте гибели «Курска» постоянно несет и будет нести боевое дежурство малый ракетный корабль. Значит, есть что охранять?

Хотя атомные реакторы «Курска» надежно заглушены с момента катастрофы, в третьем и четвертом отсеках должны находиться двадцать четыре ракеты «Гранит». Они также вызывают страх у местного населения,

даже больший, чем атомный реактор. Ракетный комплекс «Гранит» — это двадцать четыре пусковые установки, снаряженные ракетами типа П-700. Они могут снаряжаться как обычными, так и ядерными боеголовками.

Как было официально заявлено, на борту «Курска» имелось только двадцать две ракеты «Гранит». Две из них или были «практическими», то есть без боевой головной части, предназначавшимися для учебных стрельб, или уже были выпущены. Но что случилось с оставшимися ракетами после страшного взрыва? Подводные съемки английских и норвежских специалистов показали, что крышки ракетных контейнеров не разрушены, лишь незначительно повреждены наружные носовые щиты, прикрывающие их с двух бортов. Значит, остались целыми и жидкостные ракетные двигатели, так как утечки топлива, крайне ядовитого, обнаружено не было. Но открытым остается вопрос: в каком состоянии находятся сами ракеты? Ведь одно неверное действие и — взрыв. А что тогда станет с реактором?

Выгрузка ракет с аварийной лодки — дело очень и очень опасное. Поэтому будут приняты все меры предосторожности. На заводе «Севмаш», где был построен «Курск», сформирована бригада из самых опытных рабочих и инженеров, которая будет заниматься снятием ракет с подлодки. Им придется часть ракет выгружать целиком, а часть — вырезать вместе с технологическим контейнером, куда они помещены.

Между тем правительственная комиссия рассмотрела пятнадцать версий катастрофы, но после экспертной оценки были отброшены версии с участием НЛО, терроризма, заговора международного сионизма, аномальных природных явлений и саботажа. Таким образом, список версий гибели «Курска» сократился до девяти:

1. «Курск» подорвался на плавающей mine времен Второй мировой войны. Заключение экспертов: якорные контактные мины не могут сохраниться в боевом положении пятьдесят пять лет. Кроме того, данная акватория давно используется Северным флотом для учений.

2. «Курск» протаранило надводное судно большого водоизмещения. Так, 11 августа через район учений прошел российский сухогруз «Механик Ярцев», но был выдворен с полигона.

3. «Курск» столкнулся с иностранной подводной лодкой. В августе месяце прошлого года в районе учений находились американские подводные лодки «Мемфис» и «Толидо», а также английская подлодка «Сплэндид». Но по Международному своду законов они не имеют права подойти на расстояние ближе двадцати миль. А если подойдут, то здесь же «Петр Великий»...

4. «Курск» поразил сам себя из-за неисправности в системе наведения

торпеды. Аналогичная версия была выдвинута при гибели американской подлодки «Скорпион».

5. «Курск» погиб из-за взрыва боезапаса в результате неумелого обращения матросов-новобранцев с техникой.

6. «Курск» был поражен ракетой, выпущенной с крейсера «Петр Великий». Был проведен опрос расчетов и инвентаризация ракет — никто по своим не стрелял.

7. «Курск» погиб при выполнении эффектного маневра под названием «прыжок кита». Его суть состоит в отработке приема стрельбы ракетами в период нахождения в надводном положении и резкого ухода от торпед противника в пузырьковое облако. Но на мелководье (всего сто восемь метров) такой маневр неосуществим.

8. «Курск» зашел на мелководье и ударился о дно из-за навигационной ошибки. При этом задание на поход давал лично вице-адмирал Михаил Моцак. Кто же врет?

9. «Курск» взорвался из-за испытания секретного оружия — новой торпеды. Той самой, которую привезли из Каспия два специалиста, зачисленные в штат атомного подводного крейсера — теперь уже навечно.

Последней версии вскоре суждено было стать основной...